Библиотека им. С.Д. Шаповалова

СС IX. 4/9 2.

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ

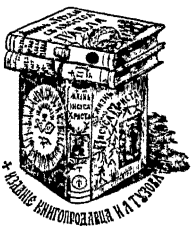
АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ I.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.—СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.—СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45

между прочими имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Библія пересказанная дѣтямъ.

Съ 240 иллюстраціями по оригиналамъ Шнорра *Сост. София Дестунисъ.*

Роскошное изданіе, большой томъ. Спб, 1907 г. Цѣна 4 руб. Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ съ оригинальнымъ штампомъ съ золототисненіемъ 5 руб., съ золотообрѣзомъ 5 руб. 50 коп.

«Это—обширный (въ 708 стр. большого формата) томъ, роскошно изданный книгопродавцемъ И. Л. Тузовымъ Библейскіе разсказы, ясно и умѣло передаваемые извѣстной Софіей Дестунисъ (которой, между прочимъ, принадлежатъ «Житія святыхъ», составленныя по Ч.-Минеямъ), иллюстрированы «по оригиналамъ Шнорра». Юлиусъ Шнорръ—общеизвѣстное имя. Его «изданіе Библіи въ картинахъ», вышедшее въ свѣтъ въ 1852—60 гг. въ Лейпцигѣ, доставило ему обширную популярность не только во всѣхъ краяхъ Германіи, но и въ другихъ странахъ, оно содержитъ въ себѣ 240 его рисунковъ (всѣ они и воспроизведены въ изданіи И. Л. Тузова), «гравированныхъ на деревѣ,—композицій , изъ которыхъ многія, особенно относящіяся къ Ветхому Завѣту, безподобны въ своемъ родѣ. Выборъ иллюстрацій, такимъ образомъ, свидѣтельствуетъ о прекрасномъ вкусѣ издателя, уже не впервые рекомендующаго себя въ данномъ отношеніи съ наилучшей стороны. Профессоръ А. Бронзовъ («Странникъ», февраль 1907 г.).

«Въ національной школѣ» указывалось на необходимость созданія учебныхъ пособій, проникнутыхъ національнымъ духомъ, по которымъ бы юношество наше познавало родину и, вдохновляемое примѣрами прошлаго, готовилось на свой великій подвигъ—служеніе родинѣ

Въ вѣкъ безъидейности, въ вѣкъ огульнаго отрицанія и сомнѣнія во всѣхъ и вся, вкрадывающагося—за отсутствіемъ здоровой пищи для ума,—въ современнаго человѣка съ юныхъ лѣтъ, когда душа юноши, окрыленная присутствіемъ внутри его силы жизни и ума, не находитъ вокругъ себя ничего положительнаго—думается намъ, Библія должна явиться первою изъ книгъ національной школы, внимая наставленіямъ которой возможно познать основную первопричину всего сущаго, почерпнуть изъ нея для ума такой запасъ мысли, слѣдуя велѣніямъ котораго всякій почувствуетъ всю низость и пошлость тины «дна», въ которое онъ день за днемъ нравственно погружался.

Желая построить домъ, къ возведенію его приступаютъ не съ крыши, а съ фундамента. Слѣдовательно, и желая духовно возродить человѣчество, омертвѣвшее въ нравственномъ застоѣ и служеніи низменнымъ идеаламъ, желая хоть на минуту оторвать его взоръ отъ земли и указать на вѣчные идеалы, завѣщенные Творцомъ,—говорятъ о нихъ не съ тѣмъ, въ комъ послѣ многолѣтнихъ заботъ о землѣ, угасла искра Духа Божія, а съ тѣмъ, кто лишь вступаетъ въ жизнь и не видитъ еще маяка, на свѣтъ котораго можно направить путь своей жизни

Вотъ почему мы увѣрены, что Библія въ пересказѣ дѣтямъ старшаго возраста сдѣлается ихъ первою любимою книгою. Текстъ ея написанъ вполнѣ понятнымъ для дѣтей языкомъ и законченъ по мысли Кромѣ того, параллельно съ текстомъ, передъ читателемъ наглядно, въ дивныхъ гравюрахъ, проходитъ вся Ветхо-и Новозавѣтная исторія, въ ея важнѣйшихъ событіяхъ Издана книга изящно и съ любовью къ дѣлу (Россія, № 396, марта 1907 г.).

Книжки для народа и школъ составл. священ. *А. Аѳономовымъ. Учебн. Комит. при Св. Сѵн. допущ. къ обращен. въ народѣ и пріобр. въ библ. прих. церкв.* (Ц. Вѣд. 1892 г. № 37). *Уч. Сов. при Св. Сѵн допущ. въ библ. церк.-прих. школъ.* (Ц. Вѣд. 1891 г. № 34). *Минист. Народ. Просв. допущ. въ библ. низ. учебн. завед. и въ безплатн. народн. библ. и читальни* (3 дек. 1897 г. № 31692)

1) Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, ц. 2 к. 2) Торжественный входъ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ, ц. 2 к. 3) Страстная седмица, ц. 4 к. 4) Свѣтл. Христово Воскрес., ц. 5 к. 5) Вознесеніе Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 6) Святая Пятьдесятница, ц. 2 к. 7) Преображеніе Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 8) Успеніе Пр. Богородицы, ц. 2 к. 9) Рождество Пр. Богород., ц. 2 к. 10) Воздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня. ц. 2 к. 11) Покровъ Пр. Богород., ц. 2 к. 12) Великое чудо милости Божіей 17 окт., ц. 2 к. 13) Введеніе во храмъ Пресв. Богородицы, ц. 2 к. 14) Рождество Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 15) Крещеніе Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 16) Срѣтеніе Господа Іисуса Христа, ц. 2 к. 17) Непобѣдимая и непостижимая сила Креста Господня, ц. 2 к. 18) Грекороссійская Церковь есть воистин. православн. Церковь, ц. 4 к. 19) О значеніи крестныхъ ходовъ и освященія воды, ц. 2 к. 20) Святый Великій постъ, какъ проповѣдникъ покаянія, ц. 4 к.

Цѣна за всѣ безъ перес. 49 к.

Иннокентій,

архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ
АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ I.

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО. — СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ. — СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 11 сентября 1907 года.

Цензоръ Архимандритъ *Александръ*.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
747
37

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Приступая съ Божіею помощью къ изданію полнаго (по возможности) собранія сочиненій „Русскаго Златоуста", преосвященнѣйшаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, я имѣлъ въ виду сдѣлать его общедоступнымъ по цѣнѣ, дабы дать возможность пріобрѣтать всѣмъ желающимъ имѣть у себя творенія этого знаменитаго святителя Русской Православной Церкви.

И. Тузовъ.

Сентябрь, 1907 г.
СПБ.

СЪ НАМИ БОГЪ!

БЕСѢДЫ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Слово при началѣ поста предъ Рождествомъ Христовымъ.

ОГЛАСИТЕЛЬНОЕ.

Пророкъ, предвидя нѣкогда особенное посѣщеніе Божіе народу израильскому и замѣчая неспособность сего народа къ достойному срѣтенію грядущаго Господа, торжественно взывалъ вслухъ всѣхъ: *уготовися срѣсти Бога твоего, Израиле* (Амос. 4, 12, по евр. подлиннику). Не знаемъ заподлинно, какое посѣщеніе Божіе имѣлъ при семъ въ виду пророкъ іудейскій; но въ чемъ бы ни состояло оно, и какъ бы ни было велико и благотворно, никакъ не можетъ сравниться съ тѣмъ безпримѣрнымъ посѣщеніемъ, коимъ посѣтилъ всѣхъ насъ Господь, сошедъ на землю и принявъ на Себя плоть нашу. Посему св. Церковь, видя приближеніе великаго празднества въ память сего необыкновеннаго посѣщенія, и не видя въ насъ, чадахъ своихъ, духовной чистоты и благолѣпія, необходимыхъ для срѣтенія великаго Посѣтителя душъ и сердецъ, подобно пророку, начала возглашать къ намъ: *Христосъ съ небесъ, срящите!* Возглашеніе, достойное всего нашего вниманія: ибо, если пришествіе царя земнаго всегда предваряется распоряженіями къ срѣтенію его; то кольми паче пришествіе Царя небеснаго! Цари земные, какъ бы ни были могущественны и мудры, не могутъ видѣть всего, могутъ не видѣть многаго, худаго и отвратительнаго. Царь небесный узритъ все; предъ Нимъ — *вся нага и объявлена* (Евр. 4, 13): Онъ испытуетъ самыя глубины сердецъ. Посему, готовясь къ срѣтенію Его, надобно не сокрыть только

худое, не повалить только безобразное, — а истребить и уничтожить. Для слабости нашей это дѣло немалое, еще большее — для нашего пристрастія къ міру, — къ самымъ нечистотамъ нашимъ. Посему и времени на приготовленіе дается не мало: цѣлыхъ четыредесять дней! Въ столько времени Моисей успѣлъ принять на Синаѣ изъ устъ Божіихъ весь законъ (Исх. 24, 18): мы ли не успѣемъ принять нужныхъ для каждаго изъ насъ заповѣдей?—Въ столько времени Илія могъ измѣрить неоднократно стопами своими всю землю Израилеву отъ Дана до Вирсавіи (3 Цар. 19, 8): мы ли не возможемъ прейти черту, отдѣляющую насъ отъ жизни благой и христіанской? Въ столько времени Спаситель побѣдилъ всѣ искушенія сатаны въ пустынѣ (Матѳ. 4, 1—11): для насъ ли, при помощи благодати Его, не возможно будетъ побѣдить нѣсколько прихотей или привычекъ?—Нѣтъ, братіе, Церковь *надѣется о насъ лучшаго* (Евр. 6, 9). Какъ ни велики въ другое время разсѣянность наша и міролюбіе: но теперь, съ приближеніемъ великаго праздника, она уповаетъ, что мы, подобно разсѣяннымъ воинамъ, соберемся подъ ея знамена, станемъ на стражѣ спасенія, устремимъ мысли и желанія къ Виѳлеему, и начнемъ приготовлять душу и сердце къ достойному срѣтенію грядущаго съ небесъ Господа. Чтобы облегчить для насъ сіе святое дѣло, Церковь матернею рукою сама сложила съ насъ половину тяжести, заповѣдавъ постъ. Она знаетъ, что чрево есть главный врагъ нашъ,—и потому заранѣе посадила на цѣпь сего льстиваго, но ужаснаго звѣря. Если, начавъ духовное шествіе къ Виѳлеему такъ благовременно, не успѣемъ явиться съ пастырями у яслей; если, и при руководствѣ поста, совратимся съ пути истиннаго къ Ироду и его клевретамъ: то это будетъ уже не ея, а наша вина,—это знакъ, что мы сами въ заговорѣ со врагомъ нашего Спасителя, что мы — *живи уловлены отъ него въ свою его волю* (2 Тим. 2, 26).

Итакъ, *уготовися срѣсти Бога твоего, Израиле!* Воспрянь, душа вѣрующая, и осмотри, что въ твоей жизни есть нечистаго и недостойнаго, и попекись заблаговременно все это исправить и истребить. Есть ли въ тебѣ какая-либо скверна плотская,—очисти ее ради чистоты Святаго Святыхъ; есть ли какой-либо раздоръ, брань или ненависть,—погаси ее изъ любви къ грядущему Начальнику мира; есть ли надменіе

или гордость и презорство.—подави и это въ честь смиреннаго Отрочати виѳлеемскаго. Уготовися и осмотрись каждый, ибо Господь грядетъ ко всѣмъ! Обозри все — душу и тѣло, умъ и сердце: ибо Господь будетъ вездѣ, узритъ все; нѣтъ ли въ умѣ мыслей неправыхъ о вѣрѣ, ея заповѣдяхъ и обѣтованіяхъ; нѣтъ ли въ волѣ наклонностей худыхъ, приверженности къ міру и его благамъ суетнымъ; нѣтъ ли въ воображеніи образовъ нечистыхъ и срамныхъ, въ памяти—дѣяній студныхъ и примѣровъ губительныхъ, въ сердцѣ — похотей вреждающихъ. Не вѣрь въ семъ отношеніи собственному суду и разумѣнію; возьми свѣтильникъ слова Божія и пройди съ нимъ всю область твоего существа. Надобно, чтобы ты весь былъ чистъ: ибо ты весь омытъ нѣкогда благодатію Духа; надобно, чтобы ты весь сіялъ златомъ любви къ Богу и ближнимъ: ибо ты купленъ дорогою цѣною—кровію Сына Божія! Впрочемъ Родившійся, вмѣсто твоихъ даровъ, обогатитъ тебя Своими; только не приноси къ яслямъ Его съ собою міра и его похотей, а явись съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ.

Точно, подумаетъ кто-либо, надлежало бы много готовиться къ наступающему празднеству, если бы въ продолженіе его дѣйствительно Самъ Спаситель нашъ благоволилъ сойти къ намъ на землю и посѣтить насъ. Но Онъ, разъ сошедши на землю, теперь всегда на небѣ. Наступающее празднество состоитъ изъ одного воспоминанія бывшаго нѣкогда рожденія по плоти Господа: много ли нужно для воспоминанія?

Много ли, мало ли, не будемъ спорить о томъ, возлюбленный! — Но, конечно, не столько, чтобы вовсе не думать о наступающемъ праздникѣ, то есть, о томъ, для чего родился Спаситель нашъ и что намъ должно дѣлать вслѣдствіе Его божественнаго рожденія;—конечно, не столько, чтобы ограничить всю дѣятельность свою предъ праздникомъ покупкою роскошныхъ снѣдей, приготовленіемъ новыхъ одеждъ и украшеній;—не столь мало, чтобы ради праздника заняться изобрѣтеніемъ однихъ увеселеній и забавъ, часто вовсе богопротивныхъ, и всегда суетныхъ и опасныхъ для души. Такое приготовленіе можетъ послужить не къ воспоминанію рождества Спасителя, а развѣ къ увѣковѣченію памяти плотоугодія Иродова.

Ты хочешь ограничиться въ наступающій праздникъ однимъ воспоминаніемъ рождества Христова? — Приготовься же хотя къ воспоминанію; прочти со вниманіемъ или прослушай повѣствованія евангелистовъ о рожденіи Спасителя твоего, и размысли о всѣхъ обстоятельствахъ сего преславнаго событія. Приготовься!—Ибо, какъ много между нами такихъ, кои не въ состояніи отпраздновать рожденіе своего Спасителя даже однимъ — основательнымъ — воспоминаніемъ! кои, если бы іудей или магометанинъ спросилъ у нихъ, — какъ родился Спаситель твой, въ честь Коего празднуешь, не въ состояніи дать отвѣта! — Самое распространеніе свѣта наукъ между всѣми сословіями не спасаетъ многихъ отъ сего грубаго и постыднаго невѣдѣнія. Увы, мы нерѣдко знаемъ до подробности, гдѣ и какъ родился и воспитывался Аристотель, Виргилій, Конфуцій, а не знаемъ, что было съ нашимъ Спасителемъ!...

Между тѣмъ и одно воспоминаніе рожденія Спасителя, если только оно будетъ происходить надлежащимъ образомъ, поведетъ необходимо ко многому, истинно спасительному. Ибо, разсудите сами, можно ли воспомянуть ясли и нищету Спасителя и не устыдиться своей роскоши, своихъ убранствъ, на кои истощаются труды и потъ подручныхъ намъ? Можно ли воспомянуть смиреніе божественнаго Отрочати, и не содрогнуться отъ своей гордости, надменія и тщеславія, для коихъ у насъ часто нѣтъ никакихъ предѣловъ? Можно ли воспомянуть бѣгство во Египетъ отъ жестокаго Ирода, и не почувствовать новаго мужества къ перенесенію несправедливостей міра? Сыны Израиля, сидя на рѣкахъ Вавилонскихъ, находили нѣкогда всѣ побужденія жить свято между язычниками, когда воспоминали о своемъ Сіонѣ (Псал. 136, 1): христіанинъ ли не найдетъ побужденій къ чистой и святой жизни, воспоминая о своемъ Спасителѣ?

Итакъ, думающій ограничиться въ наступающій праздникъ однимъ воспоминаніемъ рождества Христова, — ограничься, если можешь, предѣлами памяти (Отрочати виѳлеемскому не впервые будетъ почивать на маломъ пространствѣ); но уступивъ Ему сію малость, дай всю свободу надъ нею: пусть память твоя вся займется Имъ и Его смиреніемъ; и ты увидишь, какъ она сама не вмѣститъ Его, передастъ уму,

потомъ сердцу, — и какъ вся душа твоя обратится въ храмину виѳлеемскую.

Но, братіе, я оставилъ бы въ заблужденіи васъ и себя, если бы допустилъ, что празднества въ честь нашего Господа состоятъ изъ одного воспоминанія событій, съ Нимъ послѣдовавшихъ. Какъ ни нужно и какъ ни плодоносно можетъ быть такое воспоминаніе, но оно только начало дѣла, одно приготовленіе къ празднованію. Истинное же празднованіе всякаго празднества Христова должно состоять изъ дѣйствительнаго повторенія надъ нами того, что было съ нашимъ Спасителемъ. Не время теперь объяснять подробно сію великую истину и показывать, какимъ именно образомъ Спаситель нашъ можетъ и долженъ въ насъ духовно зачинаться, рождаться, крещаться, преображаться, умирать за насъ и воскресать въ насъ и для насъ. Если угодно будетъ Господу, мы побесѣдуемъ о каждомъ изъ сихъ предметовъ въ свое время. Теперь же, сообразно нашей цѣли, довольно указать въ Св. Писаніи на тѣ мѣста, изъ коихъ неоспоримо видно, что Іисусъ Христосъ долженъ родиться не въ одномъ Виѳлеемѣ, а и въ сердцахъ нашихъ. Это во-первыхъ обѣщаетъ Онъ Самъ, когда говоритъ: *любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 21. 23). Ту же истину многократно и многообразно засвидѣтельствовали Его св. Апостолы. Такъ Павелъ, желая ефесскимъ ученикамъ своимъ сдѣлаться истинными христіанами, молитъ для сего Бога о томъ, чтобы Іисусъ Христосъ вселился вѣрою въ сердцахъ ихъ (Ефес. 3, 17). Подобнымъ образомъ болѣзновалъ онъ и о галатскихъ христіанахъ, *дондеже вообразится* въ нихъ *Христосъ* (Гал. 4, 19). И о себѣ самомъ, какъ примѣрѣ и образцѣ, коему должно подражать, говорилъ, что живетъ *не ктому онъ*, а *живетъ* въ немъ *Христосъ* (тамъ же 2, 20). Послѣ сего сомнѣваться въ дѣйствительномъ вселеніи Спасителя въ сердцахъ нашихъ, значило бы сомнѣваться въ самомъ евангеліи и вѣрѣ.

Если же такъ, то судите сами, братіе, какое приготовленіе нужно для насъ къ наступающему празднику? И можно ли почесть его слишкомъ рановременнымъ или великимъ? — Ахъ, Царь небесный грядетъ къ намъ съ престола славы, изъ нѣдръ Отца, а мы будемъ разсчитывать, чтобы не сдѣлать лишняго шага во срѣтеніе Ему! Онъ хочетъ придти

и вселиться въ насъ, управлять нами и усвоить Себѣ на вѣки; а мы будемъ ограничиваться воспоминаніемъ Его, или одними поклоненіями Ему, какъ поступаемъ при встрѣчѣ съ какимъ-либо великимъ знакомцемъ? — Нѣтъ, братіе, не за тѣмъ Господь и Спаситель нашъ сошелъ на землю; такой союзъ съ Нимъ не возведетъ насъ на небо. Для сего надобно соединиться съ Нимъ всѣмъ существомъ своимъ, надобно дать Ему вселиться въ умѣ и сердцѣ нашемъ, необходимо начать жить Его пресвятою жизнію. Онъ принялъ плоть нашу, а мы должны принять и пресвятую плоть и всесвятый Духъ Его, принять и хранить навсегда. Только такое соединеніе съ нашимъ Господомъ доставитъ намъ тотъ миръ и то благоволеніе, тотъ свѣтъ и ту жизнь, кои потеряны нами въ Адамѣ первомъ, и возвращаются теперь отъ лица Адама втораго.

Итакъ, *уготовися срѣсти Бога твоего*, духовный *Израиле! Благоукрасися*, умный *Виѳлееме! Отверзися*, сердечный *Эдеме! Господь близъ* (Филип. 4, 5), звѣзда надъ главою, Дѣва и волхвы на пути! Не замедли и ты, душа вѣрующая! — Можетъ быть, это послѣднее въ отношеніи къ тебѣ явленіе твоего Спасителя на землѣ, и ты уже не узришь Его болѣе во яслехъ. Аминь.

Бесѣда въ недѣлю святыхъ праотецъ.

Желая наилучшимъ образомъ приготовить насъ къ достойному срѣтенію празднества въ честь рождества Христова, св. Церковь между прочими средствами къ тому употребляетъ и святое упоминаніе св. лицъ. Настоящая недѣля въ кругѣ церковномъ потому и называется недѣлею св. праотецъ, а слѣдующая—недѣлею св. отецъ, что первая посвящена воспоминанію св. праотцевъ Христовыхъ по плоти, а вторая—воспоминанію прочихъ святыхъ мужей, жившихъ до пришествія Христова.—Въ томъ и другомъ отношеніи воспоминаніе и весьма приличное, и весьма полезное. Ибо, когда приличнѣе остановить благоговѣйное вниманіе на св. предкахъ Христовыхъ по плоти, какъ не предъ явленіемъ во плоти ихъ великаго Потомка?—Когда благовременнѣе воскресить въ памяти и всѣхъ великихъ мужей ветхаго завѣта, жившихъ надеждою на пришествіе Искупителя и пріуготовлявшихъ

себя и въ себѣ все человѣчество къ срѣтенію Его, какъ не теперь, когда мы сами какъ бы ожидаемъ пришествія во плоти Господа и пріуготовляемся къ тому, чтобы достойно срѣтить Его?—Ветхозавѣтные праведники чаще всего, безъ сомнѣнія, преносились мыслію въ наши времена—*благодати и истины* (Іоан. 1, 17); а мы, хотя изрѣдка, должны представлять себя мысленно въ ихъ состояніе—природы, закона и сѣней, дабы и такимъ образомъ питать и поддерживать всеобщій союзъ вѣры и любви во Христѣ. Который есть единъ *и Тойже, вчера и днесь и во вѣки* (Евр. 13, 8).—И бѣдныя сами по себѣ жилища становятся способными къ принятію великихъ царей, когда ихъ украсятъ изящными изображеніями: такъ и бѣдное жилище нашей души благопріятнѣе будетъ для Посѣтителя душъ и сердецъ, если воображеніе и память наша наполнятся и украсятся мысленными образами святыхъ Божіихъ человѣковъ. Пришедши подъ кровъ нашей души, Царь славы, если не на чемъ другомъ, то на сихъ образахъ остановитъ Свой любвеобильный взоръ. А, можетъ быть, изъ сего святаго воспоминанія произойдетъ въ какой-либо душѣ и большее; наполнившись образами святыхъ мужей и плѣнившись благолѣпіемъ ихъ, можетъ быть, почувствуетъ она при семъ желаніе извергнуть изъ себя нечистые образы міра, доселѣ ее занимавшіе, и возревнуетъ о возстановленіи въ самой себѣ образа Божія.

Итакъ, вмѣсто всякаго поученія, въ настоящую и слѣдующую недѣли, мы займемся, братіе, съ вами воспоминаніемъ св. мужей и женъ ветхаго завѣта. Дѣло само по себѣ весьма легкое и пріятное для духа: одно неудобство—краткость времени для воспоминанія и великое число воспоминаемыхъ лицъ. Много ли времени удѣляется на слушаніе церковныхъ ученій? Едва четыредесятая часть дня, тогда какъ на зрѣлищахъ проводится едва не по цѣлымъ днямъ и ночамъ. Между тѣмъ, число ветхозавѣтныхъ праведниковъ такъ велико, что у самого ап. Павла недостало времени повѣствовать о нихъ подробно (Евр. 11, 32). Для устраненія сего неудобства мы раздѣлимъ, во-первыхъ, свое собесѣдованіе на двѣ части; теперь воспомянемъ св. мужей, а въ слѣдующую недѣлю—св. женъ ветхозавѣтныхъ; во-вторыхъ, при воспоминаніи тѣхъ и другихъ укажемъ вамъ преимущественно на важнѣйшихъ, а въ ихъ жизни—на то, что составляло

основаніе ихъ добродѣтели и отличало ихъ отъ всѣхъ прочихъ: въ-третьихъ, пригласимъ васъ самихъ дополнить домашнимъ размышленіемъ то. что будетъ здѣсь сказано кратко. Чуждое ли дѣло для слушателя,—размышлять о томъ. что ему говорятъ здѣсь?—Напротивъ, это всегдашній долгъ вашъ, отъ неисполненія коего поученія теряютъ силу и не успѣваютъ укорениться въ умахъ. Итакъ, братіе, соединимся общими силами и пойдемъ единодушно къ цѣли, которая у всѣхъ насъ всегда одна и та же—вѣчное спасеніе грѣшныхъ душъ нашихъ. Но, прежде нежели начнемъ разсматривать звѣзды, возведемъ мысли свои къ самому Солнцу правды, Христу Царю и Богу нашему, и помолимся Ему, да пошлетъ свѣтъ Свой и въ умъ проповѣдающаго, и въ сердца слушающихъ.

Первый изъ праотцевъ Христовыхъ и св. мужей ветхаго завѣта есть Адамъ, праотецъ по плоти и всѣмъ намъ. Чрезъ него вошли грѣхъ и смерть въ міръ; но имъ же принято и первое обѣтованіе жизни и спасенія; онъ же есть первый примѣръ покаянія и оправданія во Христѣ. Но многіе изъ насъ, памятуя грѣхъ праотца. весьма худо помнятъ его покаяніе. И для чего воспоминаютъ грѣхъ? Для нечестиваго ропота на свою участь, для извиненія своихъ преступленій, а иногда для жалкаго и безумнаго глумленія. Нѣтъ, братіе, не такого воспоминанія достоинъ нашъ общій отецъ по плоти. Велико было паденіе его; но если избранный изъ всѣхъ не устоялъ въ испытаніи: то кто не палъ бы на его мѣстѣ изъ насъ, неизбранныхъ?—Притомъ, какъ бы ни былъ великъ грѣхъ Адамовъ, онъ, послѣ того какъ мы искуплены Сыномъ Божіимъ, не вредитъ намъ. Во Христѣ мы гораздо болѣе пріобрѣли, нежели сколько потеряли въ Адамѣ: теперь, если мы погибаемъ. то совершенно—отъ себя самихъ! Адамъ первый подаетъ намъ примѣръ, какъ должно возставать отъ паденія. Разъ вкусилъ онъ отъ плода запрещеннаго, и 900 лѣтъ провелъ въ слезахъ и раскаяніи! Сколько разъ онъ, можетъ быть, плакалъ о насъ и грѣхахъ нашихъ, между тѣмъ какъ мы сами, вмѣсто того, чтобы плакать о грѣхахъ своихъ, нерѣдко хвалимся ими!—Будемъ провождать жизнь подобно Адаму кающемуся, и пламенное оружіе не воспрепятствуетъ намъ войти въ рай, имъ потерянный.

Вторый послѣ Адама, праведникъ древняго міра есть Авель—первый мертвецъ въ родѣ человѣческомъ и первый

мученикъ, а посему и первый наслѣдникъ возвращаемаго рая. Крайне прискорбно, что первая смерть послѣдовала отъ руки братней; но крайне утѣшительно, что первая смерть была святая, мученическая. Діаволъ не могъ радоваться той персти, въ которую обратилъ тѣло человѣка; а проклятая въ дѣлахъ человѣка земля съ радостію пріяла сію святую персть въ начало освященія своего. Невинная кровь Авеля, по увѣренію апостола, содѣлалась прообразованіемъ всеосвящающей крови Сына Божія (Евр. 11, 4).

Третій дивный мужъ былъ Энохъ. О немъ говорится въ Писаніи, что онъ *ходилъ съ Богомъ* (Быт. 5, 22 по евр. подлин.), то есть, занимаясь постоянно богомысліемъ, приблизился къ Богу до того, что вступилъ въ нѣкоторый родъ особеннаго, постояннаго сообщенія съ Богомъ, подобнаго, можетъ быть, тому, въ коемъ по временамъ бывалъ въ раю до паденія первый человѣкъ. Такимъ образомъ, Энохъ внѣ рая покаяніемъ и вѣрою достигъ того, что потеряно въ раю легкомысліемъ и непослушаніемъ. Поелику сей праведникъ крайне мало думалъ о всемъ настоящемъ и земномъ, то, какъ бы въ замѣнъ сего, ему открыто было будущее, самое отдаленное и въ полнотѣ необыкновенной. По свидѣтельству ап. Іуды, Энохъ провидѣлъ ясно даже конецъ великой борьбы сѣмени змія съ Сѣменемъ Жены—славное пришествіе Господа на судъ со тьмами ангеловъ (Іуд. 1. 14. 15).—Ходя такимъ образомъ всегда съ Богомъ, Энохъ непримѣтно преступилъ черту, отдѣляющую временное отъ вѣчнаго, и зашелъ такъ далеко, что нельзя уже было возвратиться назадъ—въ сію жизнь. Вслѣдствіе сего онъ былъ, по свидѣтельству Писанія, *преложенъ* съ плотію *на небо* (Быт. 5, 24). Событіе, показавшее всему міру, что страшное опредѣленіе Божіе: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19), не есть уже опредѣленіе, неотмѣняемое ни для кого, что для смертныхъ потомковъ Адамовыхъ существуетъ другое опредѣленіе—любви, въ силу коего достойные изъ нихъ имѣютъ право говорить самой смерти: *гдѣ твое жало?* И самому аду: *гдѣ твоя побѣда?* (Ос. 13, 14; I Кор. 15, 55).

Послѣдній, особенно примѣчательный, праведникъ перваго и первый—втораго міра есть Ной.—Ему достался жребій быть проповѣдникомъ правды для погрязавшихъ въ нечестіи современниковъ, и онъ 120 лѣтъ проповѣдывалъ роду строп-

тивому и грѣшному; не видѣлъ плода отъ проповѣди, но проповѣдывалъ: ибо это былъ его долгъ. То же постоянство и терпѣніе показалъ Ной и въ строеніи ковчега. Когда всѣ современники его *ѣли, пили и веселились* (Матѳ. 24, 37. 38), не думая о будущемъ.—Ной строилъ ковчегъ! Вѣроятно, многіе глумились надъ трудомъ праведника, почитая его буіимъ; но, онъ—строилъ ковчегъ! За то пришло время, когда всѣ заплакали, многіе начали проклинать день рожденія; а Ной былъ безмятеженъ въ своемъ ковчегѣ. Такъ и всегда оканчивается жизнь праведниковъ и жизнь міролюбцевъ: великія бѣдствія и особенно смерть являютъ въ полной мѣрѣ, какая разность между ними, и что значатъ у Бога тѣ и другіе.

Но чудное дѣло: среди всемірнаго потопа Ной былъ невредимъ, спасая въ своемъ ковчегѣ и своемъ лицѣ цѣлый міръ, а на сушѣ едва не погрязъ самъ!—Я разумѣю извѣстный несчастный случай съ воздержаніемъ праведника, подавшій поводъ сыну Ноеву, Хаму, не оказать уваженія къ спящему отцу, а на отца навлекшій горькую необходимость изречь проклятіе на сына (Быт. 9, 20—27). Такъ нужна духовная бдительность надъ собою и для тѣхъ, кои стояли уже на высотѣ Арарата!

Послѣ Ноя до Авраама нельзя прейти молчаніемъ Евера, отъ коего народъ еврейскій получилъ свое имя. Въ его время произошло столпотвореніе вавилонское.—плодъ гордыхъ замысловъ, за кои строители подверглись смѣшенію языковъ, и родъ человѣческій, дотолѣ единый, раздѣлился на различные народы. Всѣ уклонились въ *единомысліе лукавства* (Прем. Солом. 10, 5), и пошли строить столпъ; а Еверъ съ своимъ племенемъ остался дома.—и тѣмъ заслужилъ всему потомству своему особенную милость Божію. Поучительный примѣръ того, какъ много значитъ добрый родоначальникъ, и какъ хорошо иногда не дѣлать того, что всѣ дѣлаютъ и одобряютъ!

Но, съ распространеніемъ идолопоклонства по лицу всей земли, едва не оскудѣло благочестіе въ самомъ племени Еверовомъ; надлежало освѣтить тьму,—и на тверди Церкви явилось яркое свѣтило вѣры—Авраамъ. Самъ ап. Павелъ не щадилъ похвалъ, когда говорилъ о вѣрѣ Авраама, и назвалъ его *отцемъ вѣрующихъ* (Рим. 4, 11)! Величайшее титло, но имъ вполнѣ заслуженное! Въ жизни Авраама вездѣ и

все вѣра: ему повелѣваютъ оставить домъ, родную страну и идти въ землю, для него вовсе неизвѣстную:—онъ идетъ! Повелѣваютъ вознести на жертву единороднаго сына, въ коемъ всѣ его надежды, даже всѣ обѣтованія Божіи:—онъ возноситъ. Если бы повелѣно было Аврааму сойти во адъ самому, онъ, не размышляя, сошелъ бы и въ адъ. Воля Божія была для Авраама все, а своя воля ничего не значила. Будущее было для него все, а все настоящее—ничего! Примѣтьте сіе, души вѣрующія: это вашъ отецъ!

Каковъ корень, таковы и отрасли. Исаакъ—примѣръ сыновняго послушанія до смерти жертвенной, Іаковъ—примѣръ братскаго незлобія и терпѣнія; но любезнѣе всѣхъ Іосифъ. Въ жизни его, проданнаго собственными братьями, страдающаго за правду и чистоту совѣсти, но потомъ увѣнчаннаго славою, содѣлавшагося спасителемъ Египта и самыхъ братьевъ своихъ,—въ этой чудной жизни уже ясно отразился образъ того уничиженія и того прославленія Господа нашего, коими спасенъ весь міръ. Съ какой стороны ни нападала на юнаго ратоборца безстыдная жена? Но цѣломудрый умъ умѣлъ соблюсти цѣломудрымъ и тѣло. *Како сотворю глаголъ злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ* (Быт. 39, 9)?—говорилъ искушаемый праведникъ, и, среди пещи, былъ неопалимъ! Весьма также трогательны и поучительны слова Іосифа къ братьямъ своимъ, когда они по смерти отца, боясь его мщенія, просили его милости. *Не бойтеся*, отвѣчалъ Іосифъ, *я Божій: вы совѣщасте на мя злая, Богъ же совѣща о мнѣ* и о васъ *во благая, даже препитатися людіе мнози* (Быт. 50, 19—20).

При воспоминаніи о страданіяхъ и великодушіи самъ собою приходитъ на мысль Іовъ, который впрочемъ и жилъ, вѣроятно, не много спустя послѣ сихъ временъ. Много труда было надъ нимъ діаволу; истощены всѣ стрѣлы ада, подвигнута земля и небо; но Іовъ остался непоколебимъ въ упованіи на Промыслъ. *Господь даде, Господь отъятъ: буди имя Господне благословено* (Іов. 1, 21),—говорилъ онъ, сидя на гноищѣ; и гноище было престоломъ царскимъ для того, кто говорилъ такимъ образомъ. Друзья внушали ему другое, жена еще худшее: *рцы глаголъ нѣкій ко Господу, и умри* (Іов. 2, 9). Но праведникъ не слушалъ ни друзей, ни жены, твердо вѣруя, что на небеси *свидѣтель* его вѣрнѣе ихъ, что *присно-*

сущенъ есть, Иже имать искупити его и воскресити кожу его, *терпящую сія* (Іов. 19, 25. 26). И она воскресла! Праведникъ увидѣлъ благая Господня еще на земли живыхъ; Господь *благослови послѣдняя Іовля паче, неже прежняя* (Іов. 42, 12); а св. Церковь почтила память его тѣмъ, что въ назиданіе наше доселѣ возглашаетъ страданія Іова во дни, посвященные воспоминанію страданій Христовыхъ.

Іовомъ заключаются времена патріархальныя, времена закона естественнаго и частыхъ богоявленій; послѣ того Церковь сосредоточилась въ народѣ еврейскомъ подъ закономъ Моисеевымъ.

Здѣсь примѣчателенъ во-первыхъ самъ Моисей, *богъ фараона* (Исх. 7, 1), вождь евреевъ, пророкъ, законодатель и чудотворецъ, распоряжавшійся всѣмъ, но не оставившій дѣтямъ своимъ ничего, кромѣ имени и дѣлъ своихъ. Вѣра его въ невидимое и божественное была такъ велика. что онъ лучше согласился всю жизнь страдать съ народомъ Божіимъ въ пустынѣ, нежели называться сыномъ дочери фараоновой и имѣть временную сладость грѣха (Евр. 11, 24. 25). А любовь къ ближнимъ и народу своему у Моисея была такъ пламенна, что однажды, когда Господь во гнѣвѣ хотѣлъ погубить народъ еврейскій и воздвигнуть себѣ новый—отъ Моисея, Моисей молился ко Господу, и просилъ объ изглажденіи изъ книги живота собственнаго его имени, только бы остался въ живыхъ народъ, имъ предводимый (Исх. 32, 10. 32). За таковую вѣру и любовь и Господь приблизилъ къ Себѣ Моисея такъ, какъ не приближалъ никого изъ пророковъ, бесѣдовалъ съ нимъ какъ *съ другомъ, лицомъ къ лицу* (Числ. 12, 6—8), явилъ ему особеннымъ образомъ славу Свою, отъ чего лице самого Моисея просіяло такимъ свѣтомъ, что на него нельзя было взирать. Но,—кто бы могъ ожидать послѣ сего?—и сей свѣтоносный другъ Божій. удостоившійся потомъ быть соучастникомъ славы Самого Спасителя на Ѳаворѣ, и онъ не могъ ввести народъ Божій въ землю обѣтованную, долженъ былъ умереть внѣ оной—въ пустынѣ!... За что такое лишеніе?—За то, что, при чудесномъ изведеніи воды изъ камня, Моисей говорилъ къ народу съ Ааропомъ языкомъ сомнѣнія: *еда изъ камене сего изведемъ вамъ воду* (Числ. 20, 10—12), и ударилъ въ камень жезломъ не разъ, а дважды. Господь почелъ это умаленіемъ Своего

имени, и Моисей не вошелъ въ Ханаанъ!—Предавайтесь послѣ сего сомнѣніямъ, вы, кои не хощете идти царскимъ путемъ вѣры: камень предъ вами. но Ханаанъ за вами; вамъ не жить въ землѣ обѣтованія, она принадлежитъ тѣмъ, кои вѣруютъ, *не видя* (Іоан. 20, 29). Моисей очевидный свидѣтель, какъ много взыскивается съ тѣхъ, коимъ дано много. Господь Богъ нашъ есть *Богъ ревнитель* (Исх. 20, 5)!...

Сынъ Аарона Финеесъ въ тоже время служитъ примѣромъ того,—какъ Господь прославляетъ прославляющихъ Его. Онъ дерзнулъ стать за законъ тогда, когда самые князья Израилевы раболѣпствовали беззаконію, и поразилъ всенародно преступленіе, когда другіе не смѣли и говорить противъ него (Числ. 25, 7—13). За сей подвигъ ревнителю предоставлено самимъ Богомъ право потомственнаго первосвященства. и имя Финееса сдѣлалось именемъ всѣхъ истинныхъ ревнителей по славѣ Бога Израилева.

Преемникомъ Моисея въ пророчествѣ (Сир. 46, 1) былъ Іисусъ Навинъ. Предъ нимъ изсякъ Іорданъ и пали стѣны іерихонскія; по его гласу остановилось солнце *прямо Гаваона, и единъ день бысть яко два* (тамъ же—5),—онъ одинъ съ Халевомъ, изъ всѣхъ вышедшихъ изъ Египта, вошелъ въ землю обѣтованную и ввелъ туда народъ израильскій. Великое преимущество сіе заслужено вѣрою и вѣрностію. Когда всѣ соглядатаи земли обѣтованной возвратились съ ужасомъ отъ исполиновъ, тамъ обитавшихъ, и смущали народъ, Іисусъ и Халевъ показали въ себѣ и внушали другимъ одинъ страхъ—Божій, убѣждая всѣхъ и каждаго безъ всякаго сомнѣнія идти, куда велитъ Богъ. За сіе самое они одни и прешли Іорданъ, *да видятъ,* по выраженію Сираха, *вси сынове израилевы, яко добро ходити въ слѣдъ Господа* (Сирах. 46, 10—13).

Времена судей Израилевыхъ были славны многими великими мужами; укажемъ на двухъ: Гедеона и Самсона.

Гедеону за побѣду его надъ безчисленными врагами народъ поднесъ вѣнецъ царскій: какой даръ привлекательнѣе сего для сердца человѣческаго?—Но у героя вѣры былъ предъ умными очами другой, лучшій вѣнецъ; *не возобладаю азъ вами,* отвѣчалъ онъ, *и не возобладаетъ сынъ мой вами: Господь да владѣетъ вами* (Суд. 8, 23). Не такъ поступаютъ герои міра! У нихъ нынѣ освободитель отечества, а завтра

притѣснитель свободы того же отечества; творятъ безчисленныя чудеса храбрости, но не могутъ сотворить одного чуда—самоотверженія,—не могутъ потому, что его производитъ не умъ и мудрость, не сила и отчаяніе, а вѣра и святое упованіе.

Самсонъ славенъ силою тѣла и—безсиліемъ духа. Какъ тяжело видѣть побѣдителя филистимлянъ въ узахъ Далиды!—Слѣпота и рабство духа неминуемо слѣдуютъ за владычествомъ чувственности, но покаяніе и молитва исправляютъ самыя тяжкія паденія. Покаявшійся Самсонъ поразилъ смертію своею болѣе враговъ, нежели сколько поражено имъ при жизни (Суд. 6, 30).

Рядъ судей заключилъ собою Самуилъ, пророкъ отъ юности, помазавшій евреямъ въ царя сначала Саула, а потомъ Давида. Изъ его жизни поучительно особенно его прощаніе съ народомъ, при сложеніи съ себя званія судіи. *Отвѣщайте на мя*, говорилъ онъ при семъ всему народу, *еда у кого тельца взяхъ, или осля, или кого отъ васъ насильствовахъ, или кого утѣснихъ, или отъ руку нѣкоего пріяхъ мзду, извѣщайте на мя и возвращу вамъ. И рѣша Самуилу*, свидѣтельствуетъ св. историкъ. *вси людіе: не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взялъ еси отъ руки чіея что* (1 Цар. 12, 3—8). Сами чувствуете, братіе, какъ бы хорошо въ мірѣ было, если бы каждый судія и правитель могъ оканчивать свое поприще такъ, какъ окончилъ оное *возлюбленный Богомъ* (Сирах. 46, 16) Самуилъ!—

Изъ благочестивыхъ царей израилевыхъ вмѣсто всѣхъ одинъ—Давидъ. Но я не знаю, какъ изобразить вамъ его кратко.—Въ Давидѣ цѣлый рай добродѣтелей. Вы сами непрестанно слышите въ церкви красныя пѣсни сего прекраснѣйшаго изъ царей: скажите, какой чистой и возвышенной мысли, какого благаго чувства, какихъ побужденій къ терпѣнію, какихъ утѣшеній нѣтъ въ этихъ пѣсняхъ? Судите же послѣ сего, какое богатство духовное было въ самомъ сердцѣ Давида? Но и въ семъ раю появлялось иногда терніе!—Ужасно было паденіе Давида: но праведникъ *аще падетъ, не разбіется*. Давидъ возсталъ выше, нежели какимъ палъ. Діаволъ и теперь, думаю, каждый разъ содрогается, когда слышитъ покаянную молитву Давидову: *помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей, и по множеству щедротъ*

Твоихъ очисти беззаконіе мое! Часто повторяетъ сію молитву Церковь, но еще чаще должны повторять ее тѣ изъ насъ, кои имѣютъ нужду въ покаяніи Давидовомъ.

Послѣ Давида, братіе, вы, вѣроятно, желали бы слышать что-либо о Соломонѣ. И я хотѣлъ бы съ радостію вспомянуть предъ питомцами мудрости о мудрѣйшемъ изъ царей. пѣснямъ, паремiямъ, притчамъ и сказаніямъ (Сирах. 47, 19) коего удивлялись цѣлыя страны и народы. Но, увы, мудрость не соблюла того, кто не былъ *вѣренъ* сей *до смерти* (Апок. 2, 10)! Знавшій все, отъ *кедра до иссопа* (3 Цар. 4, 33), забылъ Бога отцевъ своихъ! Да вѣдаемъ, какъ сильна въ падшемъ человѣкѣ наклонность къ чувственности, когда не берутъ противъ нея мѣръ во время, и не сражаются съ нею до крови;—и какъ слабъ бѣдный разумъ нашъ, когда выйдетъ изъ предѣловъ вѣры и страха Божія и начнетъ мудрствовать *по стихіямъ міра* (Кол. 2, 8).

Времена царей Израилевыхъ были вмѣстѣ и временами пророковъ: нечестіе однихъ поощряло и усугубляло ревность другихъ. Великъ ликъ пророковъ, божественны видѣнія, чудны дѣла и жизнь!

Кто не удивлялся и не благоговѣлъ, слыша подвиги Иліи?—Не напрасно изображаютъ его съ мечемъ; вся жизнь Иліи была мечъ для нечестія, а слово *яко свѣща горящая* (Сир, 48, 1). Гонящій и гонимый. гонящій идоловъ и гонимый идолопоклонниками, онъ не могъ. наконецъ. найти на землѣ по себѣ мѣста и взятъ огненнымъ вихремъ на небо (4 Цар. 2, 11). Дивный огнь сей открылся съ неба; но первый и главный источникъ его былъ въ сердцѣ Иліи, столь долго и сильно пламенѣвшемъ святою ревностію по славѣ Бога Израилева.

Не менѣе чуденъ Елисей, дерзнувшій просить и возмогшій вмѣстить *сугубый даръ* даже противъ того, который обиталъ въ Иліи (4 Цар. 2, 9). Многочисленныя чудеса Елисея показываютъ, что и у людей Божіихъ, какъ у самого Бога, *не изнемогаетъ никакой глаголъ* (Сир. 48, 14). Елисей не взятъ на небо, подобно Иліи (ибо что было бы съ землею, если бы лишить ее святой персти всѣхъ праведниковъ?), но и въ утробѣ земной показалъ себя небеснымъ, ожививъ своими костями мертваго (4 Цар. 3, 21).

Жизнь пророковъ, оставившихъ намъ свои писанія, ме-

нѣе извѣстна: но уста ихъ не менѣе свидѣтельствуютъ о величіи духа, на нихъ почивавшаго.

Что яснѣе и величественнѣе предсказаній Исаіи? Это—евангелистъ ветхаго завѣта. Произнося свои пророчества, онъ, кажется, стоялъ въ духѣ у самыхъ яслей и креста. Вы не разъ будете слышать его въ продолженіе наступающихъ праздниковъ.

У Іереміи столько же слезъ и воздыханій, сколько словъ. Это—пророкъ покаянія. Кто хочетъ возбудить въ себѣ печаль по Бозѣ, тому должно читать его плачъ надъ развалинами Іерусалима, который изображаетъ всякую душу грѣшную.

Іезекіиль исполненъ символовъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ ясны и разительны, что и разумный отрокъ видитъ смыслъ и силу пророчества, не смотря на глубину его; а нѣкоторые такъ многознаменательны и таинственны, что могутъ быть понимаемы вполнѣ развѣ одними ангелами. Изъ Іезекіиля взято дивное пророчество, читаемое въ великую субботу на утрени, гдѣ, подъ образомъ оживленія сухихъ костей на полѣ, предсказано воскресеніе мертвыхъ (гл. 37).

Не мало символовъ и у Даніила, предсказавшаго седминами своими самое время явленія Мессіи (9, 24—27). Но, не видѣнія и символы должны остановить насъ въ семъ *мужѣ желаній* (10, 11), а то рѣдкое обстоятельство, что онъ былъ не только великій пророкъ и чудотворецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глава всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ,—царедворецъ и правитель областей. Какъ умѣлъ онъ совмѣстить столь разнообразныя должности? Тѣмъ, что всегда отдавалъ каждому свое: Божія—Богови, кесарева—кесареви. Нужно ли было успокоить царя изъясненіемъ пророчественнаго сна, видѣннаго, но забытаго,—Даніилъ отложилъ сонъ и пищу, дабы испросить у Бога откровеніе тайны (Дан. 2, 18). Нужно ли стало стать за честь Самого Бога истиннаго, противъ безразсуднаго повелѣнія царева,—Даніилъ отложилъ всю пріязнь царскую и всѣ почести, самую любовь къ жизни изъ любви къ истинѣ. Свидѣтели—львы, къ коимъ Даніилъ былъ брошенъ на снѣдь за то, что не хотѣлъ на нѣсколько дней (только на нѣсколько дней!) оставить своей обычной молитвы (14, 31).

Вспоминая Даніила, нельзя забыть трехъ отроковъ вавилонскихъ, его содруговъ по трудамъ правительственнымъ, а паче по вѣрѣ. Отроки сіи весьма извѣстны всѣмъ по ихъ ревности къ славѣ Бога Израилева, за которую были ввержены въ пещь огненную, и по тому чуду, коимъ спасены отъ смерти. Но рѣдкіе изъ насъ знаютъ и помнятъ то чудесно-благотворное дѣйствіе, какое оказалъ надъ сими отроками постъ; а память о семъ для нашихъ временъ всего нужнѣе, когда въ отношеніи къ постамъ Церкви господствуетъ едва не всеобщее пренебреженіе. Не такъ думали и поступали св. отроки. Не желая нарушить закона отеческаго касательно пищи, они, не смотря на плѣнъ свой, отказались отъ роскошныхъ яствъ, коими хотѣли питать ихъ при дворѣ царя вавилонскаго. Приставникъ ихъ опасался, чтобы вслѣдствіе сего, лица ихъ предъ царемъ не оказались *унылыми*, и не навлекли на него казни. Но по прошествіи десяти дней опыта, *явишася лица ихъ блага и крѣпка плотію паче отроковъ, ядущихъ отъ трапезы царевы* (Дан. 1, 15). То есть, постъ оказалъ дѣйствіе вовсе противное тому, коего такъ много боятся міролюбцы! Произвелъ даже то, чего наиболѣе ищутъ они! Роскошь, напротивъ, разслабляя духъ, по необходимости, рано или поздно, отнимаетъ бодрость у самаго тѣла, и сокращаетъ жизнь, какъ то показываютъ безчисленные примѣры.

При возвращеніи изъ плѣна вавилонскаго особенными орудіями Промысла Божія для Церкви были Неемія и Ездра, оба—образецъ истинной любви къ отечеству. Нельзя любить болѣе народа и страны своей, какъ любили они; тѣло ихъ было въ Вавилонѣ, а духъ привиталъ на развалинахъ Іерусалима. *Чесо ради лице твое прискорбно есть, а нѣси бользнуяй*, спросилъ Неемію однажды царь персидскій. *Како не быти прискорбну лицу моему*, отвѣчалъ Неемія, *понеже градъ, домъ гробовъ отецъ моихъ опустѣ, и врата его сожжены суть огнемъ* (Неем. 2, 2. 3). Слѣдствіемъ сихъ словъ было возвращеніе многихъ іудеевъ изъ плѣна, и возстановленіе стѣнъ іерусалимскихъ.

Ездра, кромѣ подобной же ревности по Іерусалиму и кромѣ благодѣяній своимъ соплеменникамъ, коихъ онъ очистилъ между прочимъ отъ примѣси язычества (1 Езд. 10, 10—18), достоинъ вѣчной, всемірной памяти за то, что со-

бралъ разсѣянныя плѣненіемъ священныя книги ветхаго завѣта и привелъ ихъ въ настоящій видъ.

Послѣ временъ Ездры до пришествія Христова у іудеевъ уже не было пророковъ въ собственномъ смыслѣ сего слова, но по временамъ продолжали являться мужи дивные и святые.

Таковы Маккавеи, спасшіе отечество отъ ига Антіохова и возстановившіе поклоненіе Богу истинному. Подвигами Маккавеевъ наполнены двѣ книги, носящія ихъ имя; и христіанскіе герои не имѣютъ нужды въ лучшихъ образцахъ любви къ отечеству и мужества противъ враговъ.

Таковъ Елеазаръ, девятидесятилѣтній старецъ, *мужій отъ первенствующихъ книжниковъ* (2 Мак. 6, 18). Мучители умоляли его по крайней мѣрѣ *притворить себе аки ядущаго повелѣнная отъ царя*, но противныя закону Моисееву, *мяса да сіе содѣлавъ — избавится отъ смерти:* но богомудрый старецъ не восхотѣлъ притворствомъ искупить, или паче осквернить послѣднихъ дней своихъ,—и вмѣсто преступныя снѣди вкусилъ смерть мученическую.

Таковы, наконецъ, Захарія, отецъ Предтечи—праведный Іосифъ, коему обручена была святая Дѣва,—и Симеонъ Богопріимецъ. Но сіи мужи, будучи часто упоминаемы въ евангеліи, весьма извѣстны всѣмъ намъ и, можно сказать, сами проповѣдуютъ за себя и призываютъ къ подражанію своимъ добродѣтелямъ.

Время положить конецъ воспоминанію и слову, и выйти изъ *облака свидѣтелей* (Евр. 12, 1). Такъ ап. Павелъ въ посланіи къ евреямъ называетъ сонмъ св. мужей ветхозавѣтныхъ; и я не знаю, какъ лучше и яснѣе можно было бы выразить ихъ нравственное отношеніе къ намъ. Подлинно, это свидѣтели вѣрные, неподкупные, неумолкающіе,—свидѣтели за насъ или противу насъ! Желаете знать, о чемъ свидѣтельствуютъ они? О томъ, что все видимое и настоящее временно и ничтожно, вѣчно же и рѣшительно важно для всѣхъ насъ одно невидимое и будущее;—о томъ, что взыскующимъ горняго града надобно жить какъ странникамъ и пришельцамъ на земли, не по обычаямъ вѣка сего, а по духу и требованіямъ вѣка *онаго;*—о томъ, что всякому истинно вѣрующему должно уготовить душу свою во искушеніе и быть вѣрнымъ и мужественнымъ до смерти;—

о томъ, наконецъ, что спасеніе всѣхъ и каждаго не въ иномъ комъ, какъ въ обѣтованномъ Избавителѣ міра. О семъ свидѣтельствуютъ всѣ праведники ветхаго завѣта, свидѣтельствуютъ и словомъ, а наипаче жизнію.

Но, братіе мои, многіе ли изъ насъ *пріемлютъ сіе свидѣтельство* (Іоан. 5, 31—34) и внимаютъ ему? Многіе ли даже знаютъ о немъ? Ликъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ ежегодно два раза является въ церковномъ богослуженіи предъ празднествомъ Рождества Христова, но его примѣчаютъ только служители алтарей, и развѣ небольшое число ревностныхъ посѣтителей храмовъ. Для всѣхъ прочихъ это божественное *облако свидѣтелей* является и сокрывается такъ же, какъ мимолетящія облака въ воздухѣ. Такъ мало сообразуемся мы съ попечительностію о нашемъ спасеніи Церкви Божіей! Она изобрѣтаетъ разныя для сего средства, ежегодно представляетъ ихъ предъ очи наши, а мы—и не думаемъ о нихъ! *Не подобаетъ*, скажемъ и мы словами Апостола, *не подобаетъ, братія моя возлюбленная, симъ тако бывати* (Іак. 3, 10)! Церковь ежегодно двѣ послѣднія недѣли предъ праздникомъ Рождества Христова посвящаетъ на воспоминаніе св. мужей ветхаго завѣта: то же должно дѣлать и намъ. Двухъ недѣль достаточно для того, чтобы изучить, не только чтобы воспомянуть ихъ жизнь. Нѣкоторые не могутъ читать сами св. писанія: пусть сдѣлаютъ это могущіе и для себя и для другихъ. Это будетъ вмѣсто злата и ливана для грядущаго съ небесъ Господа. Только было бы благое желаніе соотвѣтствовать намѣренію Церкви, а за желаніемъ не замедлитъ явиться и благое дѣло. Когда мы захотимъ узнать о чемъ-либо изъ житейскихъ вещей, то всегда узнаемъ: почему не быть тому же и въ отношеніи вещей духовныхъ? Аминь.

Бесѣда въ недѣлю святыхъ отецъ.

Наше время отличается между прочимъ великою наклонностію къ занятію прошедшимъ, такъ что самыя бѣдныя повѣствованія о немъ находятъ себѣ обширный кругъ читателей. Наклонность сама въ себѣ похвальная, могущая служить основаніемъ ко многому, истинно доброму и полезному.

Ибо прошедшее, хорошо понимаемое, содержитъ въ себѣ весьма много уроковъ для настоящаго. Только, къ сожалѣнію, наклонность сія — заниматься прошедшимъ, обращается у насъ большею частію вокругъ предметовъ, явно вредящихъ уму и сердцу. Тѣ, напротивъ, предметы изъ области прошедшаго, кои всегда способнѣе по существу своему просвѣщать умъ и питать душу, продолжаютъ оставаться едва не въ совершенномъ забвеніи. Говоря сіе, я имѣю въ виду св. исторію. Много ли обращается на нее вниманіе?—Часто ли занимаемся мы ея св. лицами и событіями?—Самое распространеніе просвѣщенія между всѣми сословіями не спасаетъ въ семъ отношеніи отъ жалкаго невѣдѣнія. Многіе могутъ пересказать со всею подробностію, какъ основался Римъ. кто и когда царствовалъ въ Египтѣ. или Вавилонѣ; а спросите ихъ: какъ основана на землѣ Церковь Христова. кто болѣе другихъ потрудился для царства Божія?—И они будутъ отвѣчать—молчаніемъ!

Такимъ образомъ мы. и съ сей стороны дѣлаемъ не безполезное дѣло. когда, сообразно указанію Церкви, занимаемся воспоминаніемъ св. лицъ ветхаго завѣта. Можетъ быть, чрезъ это нѣкоторые изъ насъ узнаютъ, какъ св. исторія наша богата великими людьми и великими дѣяніями всякаго рода, а узнавъ это, почувствуютъ охоту ближе ознакомиться съ сими лицами, и съ тою божественною книгою, которая содержитъ ихъ исторію.

Нынѣ, сообразно обѣщанію нашему, мы должны привести себѣ на память жизнь и дѣянія св. женъ ветхаго завѣта. дабы и жены имѣли свои собственные образцы добродѣтелей. При семъ мы желали бы примѣромъ св. женъ ветхаго завѣта внушить женамъ новаго особенно ту важную и благотворную мысль, что жена можетъ быть виновницею спасенія не только своего, но и многихъ; и все это можетъ дѣлать она, нисколько не выходя изъ своего круга, въ которомъ поставлена рукою премудраго Творца.

Мысль сія, какъ можетъ быть, ни покажется нѣкоторымъ съ перваго взгляда неудобоисполнимою, приходитъ сама собою на умъ при взорѣ на первую и послѣднюю жену ветхаго завѣта. Ибо кто первая и кто послѣдняя?—Первая Ева, послѣдняя Марія. Ева, послушавъ змія, породила грѣхъ и смерть; Марія, внявъ гласу Архангела, породила правду

и безсмертіе. Отъ жены проклятіе. и отъ жены благословеніе!—Не явное ли указаніе на то, чѣмъ можетъ и чѣмъ должна быть жена?—Можетъ быть, и чаще всего бываетъ поводомъ ко грѣху, источникомъ соблазновъ, виновницею скорби и бѣдствій. А должна и можетъ быть, если захочетъ. стражемъ невинности своей и другихъ, распространительницею святыхъ нравовъ, мира и благоденствія. Какъ Ева породила грѣхъ и смерть? Неумѣстнымъ любопытствомъ и легковѣріемъ, привязанностію къ красивому виду плода запрещеннаго, желаніемъ дѣйствовать безъ мужа и руководить имъ самимъ. Не такіе ли пороки, братіе, кои и доселѣ наиболѣе обладаютъ женскимъ поломъ и наиболѣе чрезъ него вредятъ человѣчеству?—Чувственность и безъ того сильно дѣйствуетъ въ падшемъ человѣкѣ, а когда жена поставляетъ главнымъ дѣломъ своимъ прельщать, то чувственность становится неукротимою. Отсюда сколько грѣха! сколько потерянныхъ раевъ невинности!—Взаимныя отношенія людей и безъ того подвержены многимъ недоумѣніямъ, встрѣчамъ и борьбѣ; но они совершенно перепутываются, обращаются въ неизсякаемый источникъ распрей и вражды, когда еще жены вмѣшиваются при томъ въ дѣла мужей, и хотятъ господствовать надъ ихъ поведеніемъ и отношеніями. Отсюда сколько зла, расторгнутыхъ связей, превращеній порядка дѣлъ, даже бѣдствій общественныхъ!

Что заставляетъ жену выходить. подобно Евѣ, изъ своего круга? Желаніе оказывать, какъ можно болѣе, своего вліянія, давать наибольшее упражненіе своей дѣятельности и талантамъ. Но всего этого, какъ мы сказали. наилучшимъ образомъ можетъ достигнуть жена, не выходя изъ своего круга. Примѣръ тому Марія. Какая изъ женъ была скромнѣе ея, неизвѣстнѣе для міра въ свое время? Что было тѣснѣе ея круга личной дѣятельности?—И однакожь Марія содѣлалась источникомъ благословенія для всего человѣчества. Чѣмъ? Тѣмъ, что за свое смиреніе, чистоту, преданность Промыслу удостоилась родить и воспитать Спасителя міру.—Вотъ образецъ для женъ! Рожденіе и воспитаніе чадъ въ страхѣ Божіемъ есть такое средство, коимъ каждая жена можетъ дѣйствовать во спасеніе не только свое, но и другихъ,—цѣлыхъ семействъ и обществъ. И во-первыхъ, рожденіемъ. Это у истинно христіанской жены не одно плотское дѣйствіе: она

зачинаетъ не отъ одной плоти и крови. Для сего у христіанъ бракъ и есть таинство; для сего супруги при вѣнчаніи и пріемлютъ благодать освященія. Рожденныя въ страхѣ Божіемъ чада бываютъ святы и приносятъ съ собою на свѣтъ благословеніе міру.—Второе, неисчислимое по своимъ плодамъ, средство у матерей дѣйствовать ко благу человѣчества—есть христіанское воспитаніе дѣтей. Мать долгое время составляетъ для младенца цѣлый міръ: въ ея очахъ онъ видитъ въ первый разъ рай или адъ,—Отца небеснаго или духовъ злобы. Не много можетъ сообщить мать младенцу, но это немногое пойдетъ на всю жизнь. Языкъ ея болѣе состоитъ изъ дѣйствій, нежели словъ, но онъ тѣмъ вразумительнѣе и незабвеннѣе. Образъ благочестивой матери остается у нѣкоторыхъ послѣднею святынею, когда все святое потеряно, и все еще охраняетъ ихъ отъ послѣдняго низпаденія въ бездну нечестія или отчаянія.

Вы не осудите меня, братіе, за это предварительное размышленіе, зная, какъ нуженъ и важенъ предметъ, о коемъ я говорилъ сейчасъ. Обратимся теперь ближе къ нашему дѣлу.

Итакъ, Ева, послѣдовавъ внушенію змія, была первою виновницею бѣдствій для рода человѣческаго. Событіе плачевное, долженствующее служить для всѣхъ женъ источникомъ всегдашняго смиренія. Впрочемъ грѣхопаденіе Евы такъ богато вознаграждено благочестіемъ и подвигами Маріи, что мужескій полъ нисколько въ семъ отношеніи не имѣетъ права сѣтовать на полъ женскій. Вознаграждено и покаяніемъ самой Евы. Не напрасно она и по паденіи названа *матерію всѣхъ живущихъ* (Быт. 3, 20). Распространеніе чрезъ нее на все потомство жизни плотской не заставило бы Адама наречь ее симъ высокимъ именемъ. Безъ сомнѣнія, мать всѣхъ живущихъ подала всѣмъ живущимъ примѣръ жизни не по плоти только, но и по духу. Не ея ли покаянія плодомъ былъ Авель?

Болѣзни дѣторожденія, доставшіяся въ наслѣдіе отъ Евы всѣмъ женамъ, должны при каждомъ возобновленіи своемъ приводить имъ напамять происхожденіе грѣха и бѣдствій и праведный судъ Божій на грѣшниковъ; а это должно располагать ихъ къ благодушнѣйшему перенесенію сихъ болѣзней, какъ наказанія отъ руки Божіей. Что налагаетъ

Самъ Богъ, то не можетъ быть вредно, какъ бы ни было прискорбно и трудно. Это—жертва очистительная за грѣхъ! И коль скоро жена переноситъ болѣзни дѣторожденія въ духѣ вѣры, покаянія и смиренія: то она симъ самымъ покрываетъ множество грѣховъ и своихъ и своего мужа.

Послѣ Евы въ св. писаніи не упоминается по имени ни объ одной св. женѣ до Сарры, жены Авраамовой. Это однако же не значитъ того, чтобы въ продолженіе столько времени не было св. женъ. Жены великихъ патріарховъ, напр. Ноя, не могли быть женами грѣшными. Матери великихъ святыхъ, напр. Авраама, безъ сомнѣнія, и сами отличались чистотою. Но св. писаніе умалчиваетъ о св. женахъ сего времени, вѣроятно потому, что онѣ не участвовали непосредственно въ судьбѣ Церкви, подобно слѣдующимъ.

Первая изъ таковыхъ Сарра, жена Авраама. Какъ супруга отца вѣрующихъ, она раздѣляла съ нимъ всѣ несчастія, коими Богъ испытывалъ, очищалъ и укрѣплялъ его вѣру, и во всѣхъ случаяхъ явила себя достойною великаго жребія, показавъ, какъ должна вести себя жена великаго и святаго мужа. Случай дважды отторгалъ Сарру отъ своего супруга, и она подвергалась опасности сдѣлаться женою царя то египетскаго (Быт. 12, 15), то герарскаго (20, 2); но всякій разъ возвращалась тою же, какою была взята. Подвергшись непредвидѣнному соперничеству Агари, Сарра вышла побѣдительницею, не выступая изъ правъ жены, подчиненной мужу. Была искушена и тѣмъ, отъ чего наиболѣе страдаетъ чувствительность женъ — неплодствомъ, но умѣла побѣдить его силою вѣры, показавъ въ семъ случаѣ своимъ примѣромъ, что у женъ, кромѣ чувственныхъ, нерѣшительныхъ и невѣрныхъ, есть духовное, самое вѣрное средство, къ препобѣжденію немощей естества: вѣра и молитва.

Не менѣе примѣчательны въ Саррѣ ея скромность и повиновеніе мужу. Самъ Господь назвалъ ее вмѣсто Сары Саррою, т. е., госпожею множества,—въ знакъ того, что отъ нея произойдутъ цари и народы (Быт. 17, 15—16). Не мало было и другихъ причинъ къ возвеличенію себя. Но Сарра оставалась покорною женою Авраама, *господина того зовущи* (1 Пет. 3, 6), какъ замѣчаетъ апостолъ. Замѣчаніе весьма нужное для тѣхъ женъ, кои, отличаясь какими-либо особенными качествами, или сдѣлавъ что-либо очень полезное

въ кругу семейномъ, или вступивъ въ какія-либо благопріятныя связи, потомъ вслѣдствіе сего теряютъ уваженіе къ мужу, не знаютъ своему вліянію никакихъ мѣръ, и ставятъ себя главою дома. коею, по апостолу, всегда долженъ быть мужъ (Еф. 5. 23). Такая жена, какъ бы ни казалась себѣ и другимъ разумною, и какъ бы, повидимому, ни успѣвала въ своихъ дѣлахъ, не будетъ *госпожею множества*, не составитъ прочнаго счастія для своего дома и рода: ибо *Господь гордымъ противится* (Іак. 4. 6)!

Подобно Саррѣ, и еще очевиднѣйшій подвигъ въ разрѣшеніи неплодства посредствомъ вѣры и молитвы совершила, потомъ, во времена судей. Анна, мать пророка Самуила. Что Самуилъ былъ сынъ ея молитвъ, объ этомъ прямо говоритъ свящ. исторія (1 Цар. 1, 17); но мы не погрѣшимъ противъ сей исторіи, если скажемъ, что ея же молитвы были причиною, что сей сынъ былъ—не кто другой, а Самуилъ! Надобно только прочесть въ книгѣ Царствъ, какъ молилась сія св. жена о разрѣшеніи ея неплодства,—и тотчасъ видишь, что такихъ необыкновенныхъ молитвъ и плодъ не могъ быть обыкновеннымъ (тамъ же 10—16).

Но не будемъ предупреждать порядка временъ. Невѣстка Сарры, жена Исаака, Ревекка, дивна своимъ вниманіемъ къ путямъ Промысла касательно судьбы своихъ дѣтей. Нося во чревѣ двухъ близнецовъ, она почувствовала въ себѣ борьбу ихъ,—и чрезъ откровеніе узнала, что отъ нея произойдутъ два родоначальника, изъ коихъ большій поработаетъ меньшему. Послушная горнему указанію, св. жена не остановилась на этомъ. Видя подтвержденіе его въ характерѣ дѣтей, она благоразумною хитростію исправила погрѣшность мужа, и вопреки пристрастію его къ старшему сыну, умѣла низвести благословеніе первородства на младшаго—достойнаго. Поступокъ въ прямомъ своемъ значеніи неудобоприкладный къ нашимъ нравамъ, ибо у насъ нѣтъ патріархальнаго благословенія для первородныхъ,—но по духу своему весьма поучительный для матерей. Кто не знаетъ, какъ нужно заранѣе узнавать природныя наклонности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и природное предназначеніе дѣтей? Отъ этого зависитъ нерѣдко судьба семействъ и цѣлыхъ поколѣній. Но никто не можетъ сдѣлать сего лучше матери. Ея дѣло по сему самому слѣдить за свойствомъ дѣтей; ея же дѣло и

направлять, когда нужно, по примѣру Ревекки, волю отца касательно предназначенія дѣтей къ тому или другому роду жизни и занятій. Матери въ семъ отношеніи могутъ быть истолковательницами путей Промысла. Только важное дѣло сіе должно быть совершаемо матерями не по собственному какому-либо пристрастію, — не по желанію властвовать въ домѣ и распоряжать судьбою дѣтей, а подобно Ревеккѣ, въ духѣ вѣры и чистой любви къ дѣтямъ: иначе лучше предоставить все сіе дѣло одному отцу.

Въ Саррѣ, Аннѣ, Ревеккѣ видны добродѣтели болѣе семейныя, хотя и онѣ имѣли вліяніе на отдаленное потомство, даже на судьбу самой Церкви. Хотите ли, братіе, видѣть женъ, дѣйствующихъ въ кругѣ жизни общественной, куда вводятся онѣ иногда самимъ Богомъ для показанія, что въ Его десницѣ и слабая жена становится крѣпльшею мужей? Примѣромъ таковыхъ женъ во времена Моисея была сестра его Маріамъ, во времена судей—Деввора, во времена царей Израилевыхъ—Олда и Юдиѳь.

Маріамъ предводила ликомъ израильтянокъ, когда онѣ воспѣвали благодарственную пѣснь Богу за чудесный переходъ Чермнаго моря. *Взя же Маріамъ пророчица,* такъ пишется въ книгѣ Исхода, *тимпанъ въ руцѣ свои, и изыдоша вся жены въ слѣдъ ея со тимпаны и лики; преднача же имъ Маріамъ глаголющи: поимъ Господеви, славно бо прославися* (Исх. 15, 20. 21)! Такимъ образомъ, прекрасный даръ, который украшаетъ многихъ изъ нынѣшнихъ женъ,—пѣть и играть на инструментахъ, сестра Моисея умѣла употребить на прекраснѣйшее дѣло всенароднаго прославленія имени Божія? Что препятствуетъ женамъ употреблять—въ своемъ кругу—сей даръ подобнымъ образомъ и нынѣ? Менѣе ли древнихъ израильтянъ отечество наше видѣло надъ собою благодѣяній Божіихъ? Менѣе ли для души и чувства будетъ пищи, для дружескихъ собраній воодушевленія, если вмѣсто бездушныхъ и душетлѣнныхъ пѣсней, приводящихъ въ страсть и поющую и слушающихъ, предметомъ домашняго пѣнія и игръ на инструментахъ сдѣлаются гимны духовные, прославленіе чудесъ и благодѣяній Божіихъ? Знаю, что, говоря такимъ образомъ, я покажусь для нѣкоторыхъ страннымъ; но пусть сами вникнутъ получше въ дѣло, и увидятъ, какъ изящныя искусства далеко уклонились у насъ отъ истинной

цѣли, и какой отсюда вредъ для нравственности, даже для самыхъ искусствъ: ибо истинное искусство, подобно истинному знанію, живетъ и питается не землею, а небомъ.

Вѣроятно, Маріамъ помогала Моисею не однимъ ликоначальствомъ надъ женами въ общественныхъ собраніяхъ; ибо писаніе называетъ ее *пророчицею* (Исх. 15, 20). Не смотря на это, Промыслъ показалъ въ Маріамѣ, какъ жена, и въ званіи пророчицы, не должна выступать изъ своего круга и восхищать себѣ не принадлежащаго. Однажды Маріамъ дерзнула вмѣстѣ съ братомъ Ааропомъ возглаголать на Моисея, пререкая правамъ его на особенную честь предъ народомъ (Числ. 12, 1—16). Проступокъ, повидимому, былъ не великій, — ибо происходилъ болѣе отъ недоразумѣнія, нежели отъ злости, — при томъ общій сестрѣ и брату: но Аарону, предварившему судъ покаяніемъ, вмѣсто наказанія былъ одинъ строгій упрекъ, а Маріамъ, умедлившая раскаяться, подпала ужасной семидневной проказѣ. Да не забываютъ сего тѣ, впрочемъ, благія жены, кои, участвуя какимъ-либо особеннымъ образомъ въ устроеніи блага Церкви, дерзаютъ потомъ усвоять себѣ право располагать ея судьбою, и въ случаѣ разногласія ихъ мнѣній съ ходомъ дѣлъ, позволяютъ себѣ глаголать, подобно Маріамѣ, на самыхъ Моисеевъ. Такое самозабвеніе и посягательство сами по себѣ суть уже признакъ духовной нечистоты и проказы, отъ коей надобно очиститься строгимъ покаяніемъ. Дѣлай и трудись для Церкви, но не думай господствовать надъ домомъ Божіимъ, у коего есть свои, Богомъ данные, приставники.

Девворѣ суждено было свыше быть судьею *и матерію* (Суд. 5, 7) всего Израиля; и она исполнила вѣрно свое великое предназначеніе. Но смиреніе и скромность жены не оставляли Деввору и въ званіи народоправительницы. Узрѣвъ въ Варакѣ способность быть защитникомъ отечества, она тотчасъ хотѣла на него возложить тяжесть народодержавства: только малодушіе его принудило скромную жену выйти съ нимъ на поле брани. Величественная пѣснь, воспѣтая Девворою послѣ побѣды, доселѣ свидѣтельствуетъ, какъ среди земнаго величія далека была она отъ земной гордости (Суд. 5, 1—32).

Третья изъ ветхозавѣтныхъ женъ, дѣйствовавшихъ въ кругѣ общественномъ, есть Олда, или Олдана. Она пред-

ставляетъ разительный примѣръ, какъ жена, не смотря на слабость пола своего, можетъ сосредоточить въ себѣ все, что есть лучшаго въ цѣломъ отечествѣ, и служить посредницею между землею и небомъ (2 Пар. 34, 22—28). Деввора была такою, когда у Израиля не было ни царя, ни судіи; а Олда жила въ такое время, когда у Израиля былъ царь и притомъ—Іосія, былъ первосвященникъ и притомъ—Хелкія (4 Цар. 22, 8): и однако же, и этотъ царь, и сей первосвященникъ ходили къ Олдѣ за откровеніемъ воли Божіей! Такъ у Бога нашего и въ семъ отношеніи нѣтъ пріятія лицъ: кто святѣе, мужъ ли, жена ли, тотъ и ближе къ Нему. Непріятна была воля Божія, которую Олдѣ надлежало возвѣстить; но дивная жена небоязненно возвѣстила ее и царю, и первосвященнику.

Что касается до Юдиѳи, то величіе ея такъ необыкновенно, что объ ней скорѣе надобно упомянуть для удивленія, нежели для подражанія. Рѣшившись употребить тѣлесную красоту свою на защиту отечественнаго города, Юдиѳь простерла самоотверженіе до послѣднихъ предѣловъ, такъ что одна черта отдѣляла ее самую отъ опасности грѣха. Водясь вѣрою, она умѣла пройти невредимо надъ бездною и, не повредивъ себѣ, спасти отечество: но обыкновенная добродѣтель могла бы въ семъ случаѣ сто разъ пасть сама. Посему-то я и называю геройство Юдиѳи достойнымъ болѣе удивленія, нежели подражанія. Кто хочетъ болѣе ознакомиться съ сею необыкновенною женою и ея безпримѣрнымъ поступкомъ: тотъ пусть прочтетъ самую книгу, носящую ея имя: тамъ увидитъ онъ между прочимъ, съ какою радостію поспѣшила Юдиѳь въ свой мирный домашній кругъ тотчасъ по окончаніи необыкновеннаго подвига, и какъ мало занимала ея тѣлесная красота, послѣ того какъ ею спасено отечество (Іуд. 16, 22).

Изъ частныхъ женъ, отъ Моисея до плѣна Вавилонскаго, преимущественное вниманіе заслуживаютъ Руѳь, праматерь Давида, и вдовица Сарептская, у коей жилъ Илія пророкъ.

Въ цѣлой всемірной исторіи трудно отыскать примѣръ любви семейной трогательнѣе того, какой представляетъ Руѳь. Свекровь ея Ноемминь, желая блага овдовѣвшей невѣсткѣ, хотѣла, чтобы она осталась въ своемъ племени, и не возвращалась съ нею въ Іудею, изъ коей выгналъ ихъ

на время голодъ. Что же Руѳь? *Не срящи мене то*, отвѣчала она, *еже оставити тебе, или обратитися мнѣ отъ тебе, но идѣже идеши ты, и азъ пойду, и идѣже водворишися ты, водворюся и азъ: людіе твои людіе мои, Богъ твой Богъ мой; и идѣже аще умреши, умру, и тамо погребуся* (Руѳ. 1, 16. 17). Такимъ прекраснымъ словамъ и чувствамъ соотвѣтствовала и вся жизнь Руѳи, за что она изъ язычницы удостоилась содѣлаться праматерію Давида, а чрезъ него—и Самого Спасителя міра.

О вдовицѣ Сарептской далъ свидѣтельство Самъ Господь, когда сказалъ, что *многи вдовицы бѣша во дни Иліины во Израили, и ни ко единой ихъ посланъ бысть Иліа, токмо въ Сарепту Сидонскую къ женѣ вдовицѣ* (Лук. 4, 25. 26). Великое предпочтеніе заслужила она между прочимъ тѣмъ, что, не смотря на свою крайнюю бѣдность, имѣла столько вѣры, что рѣшилась пропитать во время глада пророка. За это чванецъ елея и горсть муки пшеничной не оскудѣли у ней во все время глада, — и надъ нею уже начинало исполняться то, что потомъ замѣчалъ въ себѣ Павелъ: *яко нищи, а многихъ богатяще* (2 Кор. 6, 10). — А нынѣ, братіе, о многихъ людяхъ надобно сказать, къ сожалѣнію, противное: *вся*, повидимому, *имуще, а ничтоже содержаще* (2 Кор. 6, 10). Это тѣ, кои, имѣя блага многа лежаща на лѣта долга, *затворяютъ утробу свою при видѣ брата требующа* (1 Іоан. 3, 17), *богатѣютъ въ себя, а не въ Бога* (Лук. 12, 21). *пріобрѣтаютъ* такимъ образомъ повидимому *весь міръ, а теряютъ — душу* (Мат. 16, 26)! Думаютъ, обыкновенно, что у нихъ все еще мало; боятся, благотворя другимъ, обидѣть себя: а того не помнятъ, что *рука дающаго убогимъ не оскудѣетъ* (Притч. 28, 27)!

И времена плѣна Вавилонскаго, какъ ни несчастны были для евреевъ, украшались однакоже не одними великими мужами, а и святыми женами, такъ что самые язычники говорили: *кто презритъ людей сихъ, иже имутъ у себя женъ таковыхъ* (Іуд. 10, 19)? — Тогда для еврея главная добродѣтель была сохранить въ чужой землѣ вѣрность Богу отцевъ. Эсѳирь не только сохранила ее, но и жертвовала для нея жизнію. Промыслъ далъ ее въ жену Артаксерксу, царю персидскому, а онъ, наущенный врагами іудеевъ, далъ повелѣніе избить сей народъ по всему царству. Никто дотолѣ

не зналъ, что Эсѳирь — іудеянка; тутъ еще болѣе было причинъ скрыть свое происхожденіе. А Эсѳирь здѣсь-то и открыла его,—съ явною опасностью жизни, только бы спасти народъ свой, — и спасла! Святое дерзновеніе царственной жены подвигло на милость сердце царево, и погибель, приготовленная народу Божію, пала на главы враговъ его, а поступокъ Эсѳири сдѣлался предметомъ ежегоднаго торжества для всего народа израильскаго (Эсѳир. 9, 19—31).

Сусанна прославилась мужествомъ другаго рода—борьбою за свое цѣломудріе. Что нужнѣе сея добродѣтели для женъ?— Безъ цѣломудрія жена есть *сосудъ погубленъ* (Псал. 30, 13). Въ цѣломудріи самое существо жены. Сусанна, не смотря на нечистоту нравовъ у язычниковъ, между коими жила, твердо знала это, и еще тверже хранила. Обольстители поставили ее въ крайность — избрать утѣхи любви преступной, или — смерть! Юная израильтянка немедленно избрала—смерть! Но Господь не попустилъ потерять жизни той, которая готова была отдать ее за свою невинность.

Прекраснымъ воспоминаніемъ цѣломудренной Сусанны можно бы заключить и все воспоминаніе ветхозавѣтныхъ женъ, если бы не представлялось еще одно лице изъ временъ Маккавейскихъ, коего примѣръ особенно нуженъ для женъ новаго завѣта. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, женамъ христіанскимъ мало имѣть обыкновенныя добродѣтели: вѣрность Богу, отечеству, супругу, скромность, благоразуміе и чистоту; отъ нихъ,—какъ и отъ мужей, какъ и отъ всѣхъ послѣдователей Христовыхъ, — требуется еще, чтобы онѣ, когда потребуетъ долгъ, умѣли оставлять все — супруга, дѣтей и весь міръ для Бога. Сея-то высокой добродѣтели видимъ примѣръ въ чудной женѣ временъ Маккавейскихъ. Свирѣпый Антіохъ умучилъ предъ ея очами семерыхъ дѣтей ея, принуждая ихъ къ идолопоклонству. Какое зрѣлище для сердца матери! Между тѣмъ она, вмѣсто слезъ, или жалобъ, или потери чувствъ, какъ это послѣдовало бы съ матерію обыкновенною, — сама *коегождо ихъ увѣщаваше на мученіе отеческимъ гласомъ* (2 Мак. 7, 21). Наконецъ остался одинъ. Самые мучители остановились; самъ царь просилъ ее, *да будетъ юношѣ совѣтница на спасеніе* (ст. 25). И обезчадствованная матерь обѣщала совѣтовать; что же усовѣтовала?— *Сыне*, воскликнула она, *помилуй мя, носившую тя во чревѣ*

девять мѣсяцей, и млекомъ питавшую тя лѣта три; молю тя, чадо, да воззриши на небо и землю, и вся, яже въ нихъ видящихъ уразумѣеши, яко отъ несущихъ сотвори сія Богъ; и человѣчь родъ тако бысть. Не убойся убо плоторастерзателя сего, но достоинъ бывъ братіи твоея, воспріими смерть, да въ милости съ братіею твоею воспріиму тя (Мак. 7, 28—30). Мученическій вѣнецъ не замедлилъ послѣ сихъ словъ сойти на главу сына и матери. — Сойдетъ, сойдетъ драгоцѣнный вѣнецъ сей и на главу всякой матери, которая тамъ, гдѣ нужно, въ состояніи будетъ отказаться, ради Бога и Его святаго закона, отъ любви плотской къ дѣтямъ. Ибо не среди однихъ гоненій можно приносить такую жертву. Рѣдкая матерь не встрѣчаетъ случаевъ, гдѣ любовь къ дѣтямъ борется съ любовію къ Богу. Да не предпочитаетъ временнаго блага дѣтей вѣчному, да будетъ готовою видѣть ихъ лучше мертвыми плотію, нежели умершими духомъ,—и она поступитъ по чину жены Маккавейской!

Обратимся теперь ко всему сонму св. женъ ветхозавѣтныхъ. Что видимъ во всѣхъ ихъ? Всѣ онѣ, по выраженію Апостола, *свидѣтельствовани быша* во-первыхъ *вѣрою* (Евр. 11, 2); жили не столько плотію, сколько духомъ, не столько въ видимомъ и настоящемъ, сколько въ невидимомъ и будущемъ. Любили супруговъ, дѣтей, отечество, но главнымъ предметомъ любви ихъ былъ Богъ и обѣтованный Избавитель міра. Изъ сея-то небесной любви проистекло въ нихъ все великое, чѣмъ онѣ прославились на весь міръ.

Во-вторыхъ, всѣ св. жены были весьма свободны отъ суетныхъ обычаевъ женскихъ, украшая себя, по Апостолу, *не плетеніемъ власовъ и уборомъ* головы, *не обложеніемъ злата и лѣпотою ризъ, а кроткимъ* и *молчаливымъ духомъ, потаеннымъ сердца человѣкомъ* (1 Петр. 3, 3. 4), то есть, сердечными совершенствами. Ничего не можетъ быть почтеннѣе жены, украшенной такимъ образомъ: она украшаетъ собою самую бѣдность. Напротивъ, никакое злато и роскошь не могутъ прикрыть гордаго и строптиваго нрава; никакая вода драгоцѣнныхъ камней не замѣнитъ чистоты цѣломудреннаго взора и сердца.

Въ-третьихъ, всѣ св. жены оказывали глубокое повиновеніе своимъ мужамъ. Сама Сарра, какъ мы видѣли, *послушаше Авраама, господина того зовущи* (1 Петр. 3, 6).

Мужъ глава женѣ, данная Самимъ Богомъ: посему искать главенства на землѣ, значитъ для жены — идти вопреки явной волѣ Божіей. — На землѣ, говорю, ибо на небѣ есть жена, честнѣйшая Херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія Серафимъ.

Всѣ св. жены любили домашній кровъ. Даже тѣ изъ нихъ, кои рукою Промысла изводимы были на поприще общественнаго дѣйствованія, съ радостію спѣшили въ семейный кругъ, когда оканчивали свое дѣло.

Открыть ли вамъ, братіе, наконецъ послѣднюю черту, коею апостолъ Павелъ довершаетъ изображеніе характера всѣхъ святыхъ ветхозавѣтныхъ, какъ мужей, такъ и женъ?— Она состоитъ въ томъ, что всѣ они умерли, *не пріявъ обѣтованія,—Богу*, прибавляетъ Апостолъ въ изъясненіе, — *лучшее что о насъ предзрѣвшу, да не безъ насъ совершенство пріимутъ* (Евр. 11, 39. 40). Когда доходишь чтеніемъ до сего мѣста у Апостола, то не знаешь иногда, что думать о немъ. Ибо лучшее, безъ всякаго сомнѣнія, должно принадлежать лучшимъ; а мы, братіе, что значимъ въ сравненіи съ ветхозавѣтными праведниками? — Самые лучшіе изъ насъ не суть ли яко дѣти въ сравненіи съ такими мужами, каковъ Авраамъ, Іовъ и другіе? — Посему, едва ли намъ дано лучшее не потому, что мы — худшіе! Имъ суждено жить во мракѣ сѣней и гаданій потому, что они сами были *яко свѣтило въ мірѣ* (Фил. 2, 15), способны прогонять современную имъ тьму; а мы поставлены среди полудня благодати, дабы хотя обиліемъ внѣшняго свѣта разсѣяна была наша внутренняя тьма. — Но, какъ бы то ни было, а по внѣшности, состояніе наше далеко превосходитъ состояніе ветхозавѣтныхъ праведниковъ: младенецъ теперь видитъ то, чего желали видѣть и не видѣли всѣ патріархи и пророки.

Что же, братіе, производитъ въ насъ это обиліе свѣта благодатнаго?—Чувствуемъ ли мы свое высокое преимущество быть членами Церкви новозавѣтной и пользуемся ли имъ, какъ должно? Такъ ли твердо вѣруемъ въ Пришедшаго, какъ они вѣровали въ Грядущаго? Такъ ли сильно любимъ Видимаго, какъ они любили Невидимаго?—У Господа нѣтъ лицепріятія; кому много дано, съ того много и взыскивается. Чего же не взыщутъ съ насъ, если мы, пользуясь всѣми дарами благодати, рождаясь, можно сказать, и умирая у

подножія яслей и креста, не будемъ умѣть найти въ нихъ своего спасенія! — Божественное *облако свидѣтелей*, какъ Апостолъ называетъ ликъ ветхозавѣтныхъ святыхъ, свидѣтельствующее теперь для насъ, не будетъ ли свидѣтельствовать тогда противу насъ? Лотъ скажетъ: я среди Содома могъ сохранить чистоту нравовъ, а они среди собратій по вѣрѣ, подъ сѣнію Церкви и ея пастырей, не могли остаться вѣрными закону Божію. Іовъ скажетъ: я на гноищѣ и въ ранахъ нашелъ въ себѣ столько силъ, чтобы благословлять имя Господне, а они, проводя жизнь большею частію въ тишинѣ и мирѣ, не умѣли быть преданными волѣ Божіей и не роптать на Промыслъ. Іосифъ и Сусанна будутъ обличать тѣхъ, кои погубили свое цѣломудріе; Руѳь будетъ свидѣтельствовать противъ юношей и юнотъ, непокорныхъ родителямъ. Сарра станетъ противъ женъ, невѣрныхъ своимъ мужьямъ. Каждый грѣшникъ найдетъ противъ себя свидѣтеля, и каждая грѣшница свою обличительницу. — Да сохранитъ Господь всѣхъ насъ отъ таковаго свидѣтельства и обличенія, молитвами сихъ же самыхъ свидѣтелей и обличителей! А для сего память ихъ, не на часъ только или на день, — а навсегда, да будетъ со всѣми нами! Аминь.

Бесѣда въ навечеріи Рождества Христова

НА ЛИТУРГІИ.

При всемъ желаніи продолжать наши собесѣдованія съ вами, возлюбленные братіе, мы едва было не умолкли на весь наступающій праздникъ. Причиною сего была немощь—не тѣлесная, а духовная; а причиною немощи—величіе торжества, необъятность чудесъ и знаменій виѳлеемскихъ, глубина и неизслѣдимость преславныя тайны явленія во плоти Сына Божія. Чѣмъ болѣе размышляли мы о сей тайнѣ, тѣмъ менѣе находили въ себѣ способности изобразить ее въ подобающемъ видѣ. Умъ озарялся свѣтомъ; память представляла пророчество за пророчествомъ, событіе за событіемъ; воображеніе преисполнялось святыхъ образовъ; сердце воспламенялось любовію къ предвѣчному Младенцу, почивающему въ яслѣхъ, но слово оставляло насъ, и уста запечатлѣвались; мы были способны только благоговѣть и удивляться, а не

бесѣдовать. Такъ текло время:—и если бы можно было намъ ограничиваться самими собою, то желалось бы навсегда остаться въ семъ безмолвномъ изумленіи чудесамъ и тайнамъ любви вѣчной.

Но потомъ мы срѣтились съ мыслію, что при всей духовной скудости нашей, на насъ лежитъ священный долгъ дѣлиться съ вами, при подобныхъ случаяхъ, и мыслями, и чувствами нашими. Изъ самыхъ яслей виѳлеемскихъ, казалось, исходилъ нѣкій тайный гласъ вразумленія. Служитель и провозвѣстникъ, хотя и недостойный, Евангелія,—такъ казалось слышалъ я,—почто медлишь возвѣстить славу Спасителя твоего, и хочешь пребыть безгласнымъ, когда все вѣщаетъ о Немъ? Если не можешь возвыситься до благовѣстія о самой тайнѣ воплощенія и идти съ мудрыми волхвами за звѣздою выспренняго богословія, то гряди смиренно во слѣдъ пастырей въ вертепъ, къ яслямъ; изобрази своимъ слушателямъ, что тамъ совершается; повтори въ слухъ ихъ провѣщанное Евангелистами. Довлѣетъ и сего, да всякъ слышай возблаговѣетъ предъ Тѣмъ, Кто, оставивъ славу, юже отъ вѣка имѣлъ у Отца, является ради насъ со всѣми немощами младенчества, и, возблагоговѣвъ, да научится, подобно Спасителю своему, отвергать суетную славу міра, любить простоту и смиреніе, полагать за братію душу свою.

Повинуясь сему гласу, мы исходимъ предъ васъ. братіе, съ однимъ св. евангеліемъ: въ немъ наши будущія бесѣды, здѣсь все наше и ваше поученіе. Слѣдуя со смиреніемъ и въ простотѣ духа за Евангелистами, пойдемъ, куда поведутъ насъ; будемъ видѣть, что покажутъ намъ, слышать, что возвѣстятъ, слагая, подобно Пресвятой Дѣвѣ, видѣнное и слышанное въ сердцѣ своемъ, то есть, обращая его для себя посредствомъ благоговѣйнаго размышленія въ пищу для души и сердца.—Такимъ образомъ сама собою составится, какъ надѣемся, при помощи благодати Божіей, неоскудная трапеза духовная на грядущіе дни праздничные.

Душе свѣта и истины, силы и могущества, дивнымъ посредствомъ Коего *Слово стало плотію!* Сотвори, да плоть теперь станетъ для насъ словомъ, да событія виѳлеемскія обратятся въ живые уроки духа для насъ, обложенныхъ плотію; да, оживотворенные вѣрою, возможемъ воспріять внутрь себя, въ самыя сердца наши, предвѣчное Слово, по-

чивающее въ ясляхъ виѳлеемскихъ, и содѣлаемся способными принимать отъ Него тѣ божественные глаголы, кои Оно само всегда готово простирать ко внутреннему человѣку нашему.

Іисусъ Христово рождество сице бѣ,—такъ начинаетъ св. Матѳей благовѣстіе о рожденіи Спасителя:—*обрученнѣй бывши Матери Его Маріи Іосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтеся имущи во чревѣ отъ Духа Свята* (Матѳ. 1, 18). Итакъ, Пресвятая Дѣва была обручена въ то время, когда благоволилъ зачаться и родиться отъ Нея по плоти единородный Сынъ Божій. Зачѣмъ нужно было обрученіе той, которая не знала и не хотѣла никогда знать мужа (Лук. 1, 44)?—За тѣмъ, отвѣтствуютъ св. отцы, что для преславной тайны воплощенія Сына Божія нуженъ былъ до времени покровъ и завѣса: ибо безсѣменное зачатіе, возвѣщенное св. Дѣвѣ Архангеломъ, открытое Духомъ Святымъ Елисаветѣ, оставалось недовѣдомымъ для всѣхъ прочихъ. Послѣ сего, что было бы съ св. Дѣвою, еслибъ Она оказалась имущею во чревѣ, не бывъ обручена мужу?—Чѣмъ бы показалась Она іудеямъ, если предъ самимъ святымъ обрученникомъ Ея, какъ увидимъ, явится яко бракоокрадованная?—«Аще бы сіе (то есть плодоношеніе безъ мужа) отъ начала было іудеямъ явно,—любомудрствуетъ св. Златоустъ,—то каменіе вергли бы на Дѣву, и акибы преступницу осудили ю. Аще бо о прочихъ, ихъ же многажды указанія имѣяху въ ветхомъ законѣ, явственно безстудствоваху: то чесого не рекли бы, сіе (безсѣменное зачатіе) услышавше; ибо имѣяху все прошедшее способствующее имъ время, николиже что тако приносившее. Аще бо по толикихъ знаменіяхъ еще Его сына Іосифа нарицаху, то како бы прежде знаменій вѣровали, яко отъ Дѣвы родися?»

Итакъ, чтобъ устроить для св. Дѣвы защиту не только отъ іудеевъ, но и отъ самаго закона, который угрожалъ побіеніемъ камнями дѣвѣ, плодоносящей безъ мужа,—премудрость Божія предрасположила обстоятельства такъ, что св. Дѣва, во время рожденія божественнаго Младенца, находилась въ состояніи обрученія. Евангелисты не сказываютъ, какъ произошло это необыкновенное обрученіе; но св. преданіе сохранило для насъ свѣдѣніе о семъ событіи, столь важномъ не только въ жизни Богоматери, но и въ дѣлѣ нашего спасенія.

Хотите ли выслушать съ благоговѣніемъ, что говоритъ преданіе?—Когда св. Дѣва,—такъ повѣствуютъ древніе отцы Церкви,—послѣ введенія своего во храмъ достигла совершенныхъ лѣтъ, то первосвященники объявили Ей, что въ настоящемъ Ея возрастѣ уже не возможно Ей болѣе оставаться при храмѣ, и что, слѣдуя общему обыкновенію, Она должна избрать себѣ супруга. Но Марія объявила рѣшительно, что Она, посвященная родителями и сама посвятивъ себя Богу, не можетъ принадлежать никому изъ людей. Первосвященники изумились такому, безпримѣрному въ ветхомъ завѣтѣ, обѣту дѣвства (ибо въ то время, вызываемыя благословеніемъ многочадія и надеждою рожденія обѣтованнаго Мессіи, всѣ дѣвы Израиля почитали за величайшее несчастіе остаться навсегда внѣ супружескаго состоянія); но, уважая святую рѣшимость Отроковицы, коея чистота нрава и жизни была имъ совершенно извѣстна, не дерзнули принуждать Ее къ оставленію святаго обѣта. И какъ св. родителей Маріи уже не было въ живыхъ, то, дабы доставить Ей внѣ храма необходимое пристанище, почли за лучшее найти такого человѣка, который рѣшился бы принять имя Ея супруга, не пользуясь его правами. Послѣ усердной молитвы къ Богу, да Самъ укажетъ такого мужа, священники, бывъ вразумлены особеннымъ знаменіемъ свыше, вручили Пресвятую Дѣву одному благочестивому старцу отъ рода Давидова, именемъ Іосифу, который, обручившись съ Нею по закону, поялъ Ее съ собою изъ храма въ Назаретъ, гдѣ находилось его жилище.—Такъ изъясняется преданіемъ таинственное обрученіе Пресвятой Дѣвы!

Уже судя по такому обрученію, праведный Іосифъ всего менѣе могъ ожидать—увидѣть обрученную себѣ Дѣву непраздною. И, вотъ, Она однакоже *обрѣтеся имущи во чревѣ!* Можете представить, что должно было произойти при семъ въ душѣ св. старца!—Св. Церковь нисколько не преувеличиваетъ дѣла, когда говоритъ, что онъ въ это время *имяше бурю помышленій сумнительныхъ.* Можетъ быть, сто разъ онъ не вѣрилъ своимъ очамъ; начиналъ думать и бросалъ мысль; обращался къ землѣ и небу за разрѣшеніемъ сомнѣнія, и не находилъ его. Наконецъ, волнующаяся мысль нашла пристанище, но, Боже мой, какое пристанище! *Бракоокрадованную помышляше ю,* какъ выражаетъ св. Церковь.

Ничего не могло быть мучительнѣе сей мысли для чистой души св. старца; но другой мысли не было. Что дѣлать? Куда обратиться?—Можно бы вопросить самую Дѣву и потребовать изъясненія; но что вопрошать? мыслилъ кроткій старецъ. Зачѣмъ смущать и терзать вопросами ту, которая и безъ того должна страдать отъ своего положенія? Такъ, самая кротость и доброта Іосифа служили ему во искушеніе. Равнымъ образомъ, можно было ожидать, что сама плодоносящая раскроетъ и объяснитъ свое состояніе; ибо не могла Она не замѣтить смущенія въ хранителѣ своего дѣвства, не могла не страдать душею, видя его страждущимъ; но Она—молчала! Почему?—Потому, что дѣло Ея было тайною не столько Ея, сколько Божіею; а какъ открыть тайну Цареву безъ воли Царя? Молчала потому, что молчалъ Самъ Господь. Ему, помышляла Она, извѣстно наше положеніе, наше смущеніе и страданіе: если найдетъ нужнымъ, то Самъ поднимет завѣсу, сниметъ съ насъ тяжелый крестъ; не найдетъ—будемъ нести его! Отецъ не оставитъ Своего Сына, а Сынъ—Матери.

Но что Провидѣніе? Гдѣ Архангелъ, благовѣствовавшій радость? Зачѣмъ онъ не поспѣшитъ удалить отъ Святѣйшаго святыхъ подозрѣніе, столь ужасное?—Возблагоговѣемъ, братіе мои, предъ величіемъ премудрости Божіей: се единъ изъ самыхъ дивныхъ путей ея!—Мы видѣли, почему нужно было опустить завѣсу обрученія надъ безсѣменнымъ зачатіемъ неискусобрачныя Богоневѣсты; во свѣтѣ откровенія, коимъ теперь пользуемся, не трудно примѣтить, для чего на сей завѣсѣ, какъ нѣкоему призраку, допущено было появиться на время и мрачному подозрѣнію въ бракоокрадованіи. Такое уничиженіе Сына и Матери не только не противорѣчило великой цѣли явленія во плоти Сына Божія, но, можно сказать, было самымъ естественнымъ ея проявленіемъ и вмѣстѣ началомъ Его великаго служенія спасенію роду человѣческому. Ибо для чего Сынъ Божій оставилъ престолъ славы, и подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ вселился во утробу Приснодѣвы? Для того ли, чтобы, явившись на землѣ, принять отъ всего рода человѣческаго честь и поклоненіе, подобно тому, какъ оныя пріемлются отъ ликовъ ангельскихъ? Нѣтъ, Сынъ Божій является на землю не яко Господь и Владыка, а яко Искупитель и Посред-

никъ; является во плоти для того, чтобы содѣлаться жертвою за грѣхи и неправды наши, претерпѣть казнь, нами заслуженную, и такимъ образомъ оправдать насъ и примирить съ правосудіемъ небеснымъ.

Что же удивительнаго, если сообразно цѣли пришествія Своего на землю, Онъ, еще во утробѣ матерней, содѣлывается предметомъ мрачныхъ подозрѣній, вступая такимъ образомъ еще до рожденія на лѣствицу искупительныхъ страданій и уничиженія, коею Онъ будетъ идти до самаго конца Своей жизни? И для служителей преславной тайны—Маріи и Іосифа—настоящее тяжкое положеніе ихъ было, конечно, не безъ великаго плода духовнаго. Св. Дѣва содѣлывается теперь Матерію Бога Слова; святый Іосифъ долженъ будетъ вскорѣ нарещись отцемъ Его. Какая великая честь и слава для обоихъ! А вмѣстѣ съ симъ какая великая опасность для смиренія, сего основанія всѣхъ добродѣтелей. *Ублажатъ Мя вси роди* (Лук. 1, 48), паки могло представиться въ умѣ Маріи, и въ соображеніи Іосифа, и не всегда въ такой чистотѣ, въ какой представилось среди святаго восторга, при свиданіи съ праведною Елисаветою. И вотъ, противъ сей опасности превозношенія рукою самого Промысла, *сотворившаго* такое *величіе* (Лук. 1, 49), воздвигается мрачная, но крѣпкая ограда—подозрѣніе въ бракоокрадованіи. Не до помысловъ уже о земной какой-либо почести было теперь той, которая, за мнимое несоблюденіе чести, не могла безъ смущенія взирать даже на хранителя своего дѣвства, и подвергалась опасности строгаго осужденія по самому закону. Не до самомнѣнія и величаній будетъ и святому старцу, когда онъ, вразумленный свыше о происходящемъ, вспомнитъ, какими мрачными очами взиралъ онъ на Того, Кто благоволилъ воспріять отъ нареченнаго отца Свое имя. Между тѣмъ св. чета, страдая отъ тяжкаго искушенія, симъ самымъ пріобщалась уже страданіямъ Искупителя міра; и въ то время, какъ Онъ возрасталъ во утробѣ матерней плотію, она возрастала духомъ, изравниваясь такимъ образомъ внутренно съ высотою своего внѣшняго положенія. Въ св. старцѣ, кромѣ того, тяжкое обстоятельство подозрѣнія послужило, какъ сейчасъ увидимъ, случаемъ къ обнаруженію предъ очами всего міра чрезвычайной доброты его души и необыкновенной кротости сердца.

Два пути было теперь для Іосифа выйти изъ мучительнаго состоянія и положить конецъ своимъ душевнымъ страданіямъ. Онъ имѣлъ, во-первыхъ, все право обличить непраздную Отроковицу всенародно, предавъ Ее строгости закона Моисеева на подобные случаи; но такая строгость была совершенно противна и кроткому нраву старца, и тому уваженію, которое, при всѣхъ его подозрѣніяхъ, продолжала внушать къ себѣ св. Дѣва равноангельнымъ нравомъ и житіемъ своимъ. Съ другой стороны, Іосифъ могъ оставить все дѣло безъ вниманія, и продолжать въ молчаніи носить имя супруга той, которая, по его мнѣнію, была бракоокрадованною; но такой образъ дѣйствій былъ противенъ совѣсти, рѣшительно отвращавшейся отъ всякаго потворства нечистотѣ и отъ всякаго соучастія неправдѣ. Что же дѣлаетъ, наконецъ, святая и кроткая душа?—*Іосифъ же,* замѣчаетъ Евангелистъ, *праведенъ сый,* то есть, столько же добръ и милосердъ, какъ и правдивъ и чистъ, *не хотя Ея обличити, восхотѣ тай пустити ю*: рѣшился, то есть, розойтись съ Дѣвою тайно, безъ оглашеній, не вредя Ея чести и безопасности, на каковой поступокъ самый законъ давалъ ему полное право.

Благодаримъ тебя, св. старче, за твое снисхожденіе; но въ немъ уже нѣтъ болѣе нужды: довольно терзалось твое сердце недоумѣніями, приготовься услышать вѣсть, которая стократно вознаградитъ тебя за все!

Сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень явися во снѣ Іосифу, глаголя: Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея; рождшеебося въ ней, отъ Духа есть Свята. Родитъ же Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ; Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ. Сіе же все бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо, съ нами Богъ (Матѳ. 1, 20—23).

Примѣтьте, братіе, силу выраженія евангельскаго—*сія же помыслившу,* то есть, тотчасъ, какъ только мысль о тайномъ отпущеніи отъ себя Обрученной утвердилась въ душѣ старца. Значитъ, Провидѣніе, хотя закрывалось десятью завѣсами, съ бдительностію слѣдило за всѣми движеніями души Іосифовой; и вотъ, какъ только настала минута къ дѣй-

ствію, завѣсы тотчасъ всѣ падаютъ: *сія же помыслившу, се Ангелъ Господень явися*—можетъ быть тотъ самый, который благовѣствовалъ и Маріи Ея безсѣменное зачатіе, то есть Гавріилъ; ибо такія тайны ввѣряются немногимъ. *Явися во снѣ*: потому что благопокорливая душа старца, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, не имѣла нужды въ болѣе чудесномъ явленіи Ангела на яву; съ другой стороны, разительное согласіе сновидѣнія съ обстоятельствами, равно какъ и пріятое во снѣ отъ Ангела откровеніе достаточно будутъ ручаться за свое происхожденіе свыше. Ибо, что говоритъ Ангелъ?—Говоритъ о такихъ предметахъ, кои не могли быть довѣдомы никому изъ смертныхъ, то есть, о внутреннихъ, тайныхъ помыслахъ его души: *не убойся пріяти жены твоея; рождшееся бо въ ней отъ Духа есть Свята.* Открываетъ, далѣе, будущее, извѣстное единому Богу: *родитъ же Сына: Той бо спасетъ люди отъ грѣхъ; наречеши имя Ему Іисусъ.* Самое названіе Іосифа сыномъ Давидовымъ употреблено не безъ особенной силы. Іосифъ былъ бѣдный древодѣлъ; а его именуютъ теперь не только потомкомъ, даже сыномъ Давидовымъ, и посему ближайшимъ наслѣдникомъ всего величія Давидова. Для чего? Дабы такимъ образомъ вдругъ поставить его на высоту настоящаго его положенія, съ коей онъ ниспалъ-было такъ глубоко своимъ мрачнымъ подозрѣніемъ. *Іосифе, сыне Давидовъ,*—выраженіе дружеское, и въ то же время вразумляющее. Потомокъ Давида,—какъ бы такъ вѣщалъ Ангелъ,—почто ты малодушно поникаешь подъ бременемъ собственнаго своего величія? Почто не приведешь себѣ на память древней, неотъемлемой славы дому твоего, и смущаешься, когда подобаетъ токмо радоваться? Родъ Давида, къ коему принадлежишь ты, униженъ и усѣченъ до корени; но не изъ него ли долженъ произойти Царь славный, Спаситель всего міра? И не отъ Дѣвы ли долженъ родиться Онъ? Довольно предавался ты мрачнымъ мыслямъ, терзался, страдалъ: узнай истину и возрадуйся! *Рождшееся*—что такъ смущаетъ тебя—не отъ человѣкъ есть, а отъ *Духа Свята.* Отроковица точно родитъ Сына, и ты хотя не отецъ Его, будешь имѣть честь нарещи Ему, по праву отцевъ, имя—Іисуса. Сіе, а не другое наименованіе приличествуетъ Рожденному; потому что Онъ спасетъ весь родъ человѣческій отъ грѣха и смерти вѣчной. Чрез-

вычайныя вещи совершаются въ дому твоемъ, и однако же такія, кои давно были предсказаны въ слухъ всего Израиля пророками. *Сіе же бысть, да сбудется реченное отъ Господа пророкомъ глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ пріиметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ, еже есть сказаемо, съ нами Богъ.*

Такое указаніе на пророчество, по мнѣнію св. Златоуста, могло служить для Іосифа вмѣсто руководственной нити, даже на тотъ случай, если бы онъ не удержалъ въ памяти всѣхъ подробностей своего сновидѣнія. Но можно ли было забыть такой сонъ? И вотъ, Іосифъ, по свидѣтельству Евангелиста, возставъ отъ сна, *сотвори, якоже повелѣ ему Ангелъ, и пріятъ жену свою*, то есть, пріятъ паки сердцемъ и душею, рѣшившись было предъ симъ удалить Ее изъ своего дома; ибо, что онъ не удалялъ еще Ея,—видно уже изъ того, что Ангелъ явился немедленно, какъ образовалась въ душѣ старца мысль объ удаленіи.

Открылъ ли при семъ св. старецъ прежнія, мучительныя недоумѣнія свои Пресвятой Дѣвѣ? И открытіе могло послужить къ общей радости и утѣшенію о пройденномъ искушеніи, и неоткрытіе не могло уже вредить миру и тишинѣ сердечной; ибо одно сіяющее радостію лице Іосифа и усугубившіяся нѣжныя попеченія объ Отроковицѣ могли дать знать Ей, что хранитель Ея дѣвства введенъ въ тайну, доселѣ для него недовѣдомую.

Думаю, что и намъ не нужно много словъ для обращенія себѣ въ урокъ того, что мы видѣли. Тѣмъ, кои избираются на особенное служеніе тайнамъ божественнымъ, на совершеніе великихъ предопредѣленій небесныхъ, и для сего удостоиваются особенныхъ откровеній и, такъ сказать, содружества съ небомъ,—свойственно представлять себѣ, что они находятся подъ особеннымъ охраненіемъ свыше, и посему имѣть особенное упованіе и дерзновеніе. Такъ, Богомъ избранныя души, кто бы вы ни были, Провидѣніе блюдетъ васъ яко зѣницу ока. Если съ чьей, то съ вашей главы не падетъ ни одного волоса безъ воли Отца небеснаго. Но не мните, чтобы по тому самому вы были свободны отъ искушеній. Васъ-то, напротивъ, наипаче и ожидаютъ они во множествѣ; для васъ-то, яко сосудовъ златыхъ, и уготовляется очищеніе огнемъ седмерицею. Примѣръ—всѣ ве-

ликіе и богоизбранные исполнители совѣтовъ Божіихъ. Посмотрите на жизнь ихъ! Послѣ ихъ добродѣтели, чѣмъ исполнена она, какъ не искушеніями и встрѣчами самыми тяжкими? Что всего дороже, самая честь и невинность ваша, какъ показываетъ примѣръ пречистой Матери Господа, можетъ подлежать подозрѣніямъ самымъ мрачнымъ. Вы можете сдѣлаться предметомъ тяжкихъ сомнѣній даже для тѣхъ, коихъ уваженіемъ всего болѣе дорожите, кои суть ваши сродники, ваши благотворители, други и любимцы души вашей.

Какой совѣтъ преподать вамъ на сей случай? Что приличествуетъ вамъ въ семъ мучительномъ положеніи? Совершенное ли молчаніе, по примѣру Маріи и Іосифа? Можетъ приличествовать и сіе безцѣнное молчаніе, если вы возрасли духовно въ мѣру ихъ вѣры, преданности и упованія. По крайней мѣрѣ, не спѣшите преждевременными изъясненіями и воплями слагать съ себя креста, на васъ возложеннаго, не освятившись имъ въ душѣ своей, не облобызавъ его всѣмъ сердцемъ, не почувствовавъ его живоносной силы. Всегда будьте внимательны не столько къ своей — малой чести, сколько къ путямъ Божіимъ, ожидая во всякомъ случаѣ болѣе свыше—отъ Господа, управляющаго всѣми событіями и назирающаго всѣ пути наши, нежели снизу—отъ себя самихъ, отъ своего благоразумія и дальновидности. Что вся земная слава и честь для тѣхъ, кои возлюбили славу Божію, стремятся къ почести вышняго званія! Только бы наше безчестіе не было заслужено нами, не вредило дѣлу Божію и не наносило соблазна ближнимъ; а то пусть проносятъ *яко зло имя наше* (Матѳ. 5, 11; Лук. 22): это единъ изъ видовъ блаженства, указанныхъ для насъ Спасителемъ нашимъ. Настанетъ великій день откровенія, когда обнаружатся всѣ тайны, когда предъ лицемъ Ангеловъ и всего міра явится, кто и что былъ каждый изъ насъ. Аминь.

Бесѣда на всенощномъ бдѣніи подъ Рождество Христово.

Что, если бы мудрости человѣческой самой предоставлено было начертать планъ явленія на землѣ великаго Посредника между землею и небомъ? Не потщилась ли бы она

удалить отъ колыбели Божественнаго Отрочати всякое неудобство и бѣдность? Не почла ли бы за долгъ окружить происхожденіе Его на свѣтъ знаменіями и чудесами, славою и велелѣпіемъ?—Но премудрость Божія поступила другимъ, противнымъ образомъ. И мы увидимъ знаменія и чудеса, но токмо тѣ, кои были, такъ сказать, неизбѣжны при столь чрезвычайномъ событіи, каково явленіе во плоти Сына Божія; первѣе же всего увидимъ бѣдный вертепъ и ясли, пелены и слезы; все прочее—звѣзда и восточные мудрецы съ дарами, самые хвалебные хоры Ангеловъ суть токмо,—смѣемъ сказать,—второстепенныя черты въ сей божественной картинѣ. Памятуя сіе, мы должны, братіе мои, искать въ разсматриваемыхъ нами событіяхъ величія не внѣшняго, земнаго и чувственнаго, а внутренняго, духовнаго, того величія, которое состоитъ въ отверженіи всего великаго и славнаго по суду и понятіямъ міра суетнаго. Божественное величіе сіе откроется здѣсь въ такомъ избыткѣ, что самое пламенное воображеніе не въ состояніи обнять его всецѣло.

Уже приближалось время, опредѣленное закономъ естества, въ которое имѣлъ произойти на свѣтъ Творецъ естества. Но святая чета обитала въ Назаретѣ, мѣстѣ жительства Іосифова; а обѣтованному Спасителю міра надлежало родиться въ Виѳлеемѣ: ибо пророкъ, за пять вѣковъ, въ слухъ всего народа іудейскаго изрекъ: *и ты, Виѳлееме, доме Евфрафовъ, ничимъ же меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ; изъ тебе бо изыдетъ Вождь, Иже упасетъ люди Моя Израиля.* Славному пророчеству сему необходимо надлежало исполниться; но какъ?—Сказать Іосифу, чтобы онъ съ Пресвятою Дѣвою шелъ теперь въ Виѳлеемъ?—Это было всего удобнѣе; но такое исполненіе пророчества было бы не столько исполненіе, сколько приспособленіе къ пророчеству: такъ можетъ дѣйствовать человѣческая мудрость, а не божественная;—и Провидѣніе избрало другой путь, его достойный. Іудея имѣла въ это время и своего царя, Ирода; но, подобно многимъ другимъ странамъ, зависѣла отъ верховной власти Рима. И вотъ, римскому кесарю Августу пришло на мысль—велѣть сдѣлать перепись всей подвластной ему вселенной. Безъ сомнѣнія, владыка Рима имѣлъ для сего свои причины и побужденія,—можетъ быть, очень умныя и основательныя, мо-

жетъ быть, очень неумныя и неосновательныя: какъ бы то ни было, только повелѣніемъ Августа о переписи открывалась вся удобность къ тому, чтобы древнее пророчество о рожденіи обѣтованнаго Избавителя въ Виѳлеемѣ могло исполниться теперь во всей силѣ, безъ малѣйшаго нарушенія свободы человѣческой.

Благоговѣя предъ симъ распоряженіемъ премудрости Божіей, не оставимъ однако же, братіе мои, вмѣстѣ съ тѣмъ примѣтить здѣсь и новую, поучительную черту самоуничиженія будущаго Искупителя человѣковъ. Ибо что должно послѣдовать въ отношеніи къ Нему вслѣдствіе переписи римской? Имя Іисуса, сладчайшее и достопокланяемое имя, предъ величіемъ коего, по свидѣтельству Апостола, преклоняется всяко колѣно *небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 2, 10), будетъ отъ самаго рожденія записано въ число подданныхъ кесаря, на ряду съ именемъ послѣдняго изъ сыновъ израилевыхъ. Гордый владыка Рима не удостоитъ, конечно, и взглянуть на списки именъ, присланные изъ Іудеи; но тѣ, кои были приставлены къ дѣлу о переписи, не разъ могли читать въ нихъ, что въ Виѳлеемѣ, у одного изъ потомковъ Давидовыхъ, именемъ Іосифа, промысломъ древодѣла, есть осмодневный сынъ, именемъ Іисусъ... Да послужитъ сіе къ утѣшенію тѣхъ, кои всю жизнь не имѣютъ другаго названія, кромѣ слуги и раба: это первое изъ титлъ, кои принялъ по рожденіи Самъ Сынъ Божій. А тѣ, кои при самомъ рожденіи обременены титулами и отличіями, да научатся изъ примѣра Спасителя своего—не полагать въ нихъ своего величія, а искать его въ безкорыстномъ служеніи Богу и ближнимъ.

Поелику у евреевъ былъ обычай вести народныя переписи по колѣнамъ, племенамъ и родамъ; а всякое колѣно, племя и родъ имѣли свои опредѣленные города и мѣста праотеческія: то повелѣніе кесаря о переписи привело въ движеніе всю Іудею. *Идяху*, говоритъ Евангелистъ, *вси написатися, кождо во свой градъ*. Св. Іосифу по сему самому надлежало отправиться въ Виѳлеемъ, фамильный городъ Давида, коего онъ былъ потомкомъ. Марія, яко жена, кои не подлежали переписи, могла, повидимому, оставаться дома; сего требовало самое положеніе Ея; но Она была, по свидѣтельству преданія, послѣдняя въ своемъ родѣ, не имѣла

ни братьевъ, ни сестеръ; а таковыя, яко наслѣдницы имени и всего рода отеческаго, подлежали переписямъ наравнѣ съ мужами. Такимъ образомъ и Маріи, не смотря на Ея состояніе, надлежало оставить мирный кровъ домашній и идти въ Виѳлеемъ, чтобы записать свое имя въ списокъ подданныхъ кесаря. *Взыде же и Іосифъ отъ Галилеи, изъ града Назарета, во Іудею, во градъ Давидовъ, иже нарицается Виѳлеемъ, зане быти ему отъ дому и отечества Давидова, написатися съ Маріею, обрученною ему женою, сущею непраздною* (Лук. 2, 4—5).

Сущею непраздною, то есть, какъ бы такъ говоритъ Евангелистъ, хотя Она была не праздна, хотя посему Ей лучше бы оставаться дома, такъ какъ путешествіе въ Виѳлеемъ сопряжено было для Ней съ крайнимъ неудобствомъ и трудностями. Можетъ быть, св. старецъ утѣшалъ себя на семъ пути мыслію, что пребываніе его въ Виѳлеемѣ не будетъ продолжительно, и онъ, воздавъ кесарева кесареви, успѣетъ возвратиться въ домъ для возданія Богови яже Божія. Но скоро ли могла дойти очередь въ переписи до бѣднаго древодѣла назаретскаго, который, хотя и вмѣстѣ съ нареченною женою своею происходилъ по прямой линіи отъ Давида, не имѣлъ другаго отличія, кромѣ старческихъ власовъ, и внутренней, единому Богу довѣдомой, чистоты души и сердца.— Посему, *егда быша тамо, исполнишася дніе родити Ея.*

Исполнишася дніе. Какъ бы уже ни однимъ днемъ не могло быть отсрочено то, что не однимъ, а многими днями отсрочивается иногда для прочихъ сыновъ человѣческихъ! Съ такою точностію начинаетъ исполнять всѣ законы природы человѣческой Тотъ, Кто грядетъ вознаградить и искупить Своею правдою нарушеніе всѣхъ законовъ всѣми человѣками. Законъ общества хочетъ, чтобы имя Его, еще не рожденнаго, внесено было въ перепись римскую; и се, Онъ въ Виѳлеемѣ, вмѣстѣ съ нареченнымъ отцемъ и Матерію непраздною! Законъ природы требуетъ, чтобы младенцы, зачатые во утробѣ, происходили на свѣтъ по девяти-мѣсячномъ плодоношеніи; и се, Онъ исходитъ на свѣтъ тотчасъ, *егда исполнишася дніе родити!*

По крайней мѣрѣ, Матерь Сына Божія будетъ имѣть теперь въ Виѳлеемѣ все спокойствіе и удобство, такъ необходимыя въ то время, *егда исполнишася дніе родити!*—

Какой-нибудь изъ старѣйшинъ іудейскихъ поспѣшитъ предоставить свои чертоги въ убѣжище Матери обѣтованнаго Мессіи? Тѣмъ паче какой-либо священникъ виѳлеемскій будетъ молить о томъ, чтобы его домъ освятился и прославился рожденіемъ великаго Царя? Нѣтъ, о семъ рожденіи не должны вѣдать ни старѣйшины, ни священники, никто, кромѣ Матери и нареченнаго отца. Значитъ, оно произойдетъ тамъ, куда пристаютъ всѣ путешественники? — Ахъ, св. старецъ и Марія рады были бы и такому мѣсту, какъ оно ни шумно теперь и ни безпокойно; но Іосифъ обошелъ уже всѣ подобныя мѣста въ Виѳлеемѣ, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашлось пристанища: все занято и наполнено народомъ!—Кто же приметъ подъ кровъ свой Дѣву и старца? Кто дастъ мѣсто рожденія Сыну Божію? Никто: *во обители не бѣ мѣста имa.* Явится по крайней мѣрѣ какой-либо Ангелъ и укажетъ путь хотя къ вертепу и яслямъ; ибо и подобныя мѣста неизвѣстны тѣмъ, кои не были жителями Виѳлеема, а пришли въ него случайно. Нѣтъ, и Ангелы возвѣстятъ, прославятъ Рожденнаго, но не окажутъ видимой услуги при рожденіи Того. Кто Самъ пришелъ послужить всѣмъ.—Ужели же въ такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ св. чета будетъ предоставлена самой себѣ?.. Да, братіе, она была предоставлена самой себѣ,—да разумѣемъ, до какой чрезвычайной степени простирается самоотверженіе Сына Божія, при самомъ явленіи Его въ нашей бѣдной плоти, и слѣдовательно до чего можетъ простираться испытаніе тѣхъ, кои желаютъ быть подобны Ему въ уничиженіи и страданіяхъ, дабы войдти потомъ вмѣстѣ съ Нимъ и въ славу Его.

Старче святый и праведный! остается снова дѣйствовать тебѣ одному: собери послѣднія силы свои и поищи еще необходимаго для Дѣвы пристанища, хотя окрестъ Виѳлеема: между тварями разумными нѣтъ его; можетъ быть, найдется между неразумными... Въ самомъ дѣлѣ, недалеко отъ Виѳлеема, среди каменныхъ скалъ, его окружающихъ, находилась одна пещера, въ коей пастыри съ стадами своими имѣли пріютъ отъ бурь и непогодъ. Для сей же цѣли внутрь пещеры изсѣчено было въ стѣнѣ углубленіе, служившее вмѣсто яслей для животныхъ. Въ сію-то пещеру, и то, вѣроятно, послѣ долгихъ и трудныхъ исканій старца,—

уклонилась теперь святая чета для пристанища! Въ сихъ-то ясляхъ благоволилъ возлечь Тотъ, Который имѣетъ престолъ небо и подножіе землю, и на Коего не могутъ взирать Херувимы и Серафимы!

О, братіе мои, прекратимъ всякое слово, оставимъ на время всякое размышленіе; станемъ въ духѣ у сихъ яслей, и повергнемся всѣмъ существомъ своимъ предъ Тѣмъ, Кто возлежитъ въ нихъ!.. Слава, вѣчная слава безпримѣрному снисхожденію Твоему, божественный Человѣколюбецъ! Бѣдныя пелены Твои драгоцѣннѣе для насъ всѣхъ царскихъ украшеній Давида и Соломона; ясли, въ коихъ возлежишь Ты, стократъ священнѣе храма іерусалимскаго. Ибо что тамъ теперь въ семъ храмѣ? Одни праздные символы Твоего пришествія и Твоего великаго служенія; а здѣсь, въ этой пещерѣ и въ сихъ ясляхъ—спасеніе всего міра. Чѣмъ болѣе сокрываешь Ты Свое величіе подъ кровомъ смиренія; тѣмъ болѣе мы чувствуемъ беприкладную Твою любовь къ намъ и желаніе подражать Тебѣ и Твоему божественному младенчеству. Да померкнутъ предъ нами всѣ обманчивыя свѣтила суетнаго величія земнаго, да не будетъ намъ высшей похвалы, какъ точію хвалитися яслями и крестомъ Твоимъ; да содѣлаемся кротки, смиренны, нищи духомъ, ничтоже имуще въ мірѣ, якоже былъ Ты, отъ начала до конца Твоего пребыванія между нами.

Не взирая на всю скудость и стѣсненность положенія св. четы съ божественнымъ Младенцемъ въ пещерѣ виѳлеемской, тотъ однакоже уклонился бы отъ истины, братіе мои, кто бы подумалъ, что такое положеніе было чѣмъ-либо неприлично для Спасителя міра въ настоящихъ обстоятельствахъ. Нѣтъ, судя именно по симъ обстоятельствамъ, оно было самое лучшее, и показывало, какъ Провидѣніе Отца небеснаго, при всей сокровенности его, невидимо бдѣло надъ судьбою возлюбленнаго Сына. Ибо положимъ, что для св. четы, предъ временемъ рожденія, и нашлось бы какое-либо свободное мѣсто въ гостиницахъ виѳлеемскихъ; въ замѣнъ сей выгоды сколько бы было непріятности отъ шума народнаго, отъ любопытства людей праздныхъ, отъ молвы и соглядатайства! Здѣсь напротивъ, за городомъ, въ вертепѣ св. Дѣва и св. старецъ были одни, среди полной свободы, совершенно удалены отъ *мятежа человѣческа*, въ невиди-

момъ присутствіи Отца небеснаго. Такимъ образомъ завѣса неизвѣстности, долженствовавшая быть простертою надъ колыбелію Сына Божія, останется во всей неприкосновенности, и будетъ сокрывать божественное лице Его, доколѣ Онъ, проведши тридесять лѣтъ въ Назаретѣ, не изыдетъ въ Свое время, окруженный знаменіями и чудесами, на великое дѣло служенія роду человѣческому. Тщетно посему Иродъ будетъ напрягать всѣ силы, истощать всѣ средства, чтобы дойти до слѣдовъ божественнаго Отрочати, почивающаго въ ясляхъ вертепныхъ: удостоившіеся созерцать сіе Отроча и поклониться Ему—пастыри и волхвы не измѣнятъ тайнѣ, а жители Виѳлеема, хотя бы и нашлись между ними способные быть орудіемъ кровожаднаго тирана, не въ состояніи будутъ указать искомое.—Съ другой стороны, дѣторожденіе той, которая зачала и родила не отъ сѣмени человѣческаго, а отъ Духа Святаго, безъ сомнѣнія, не было подобно рожденію прочихъ матерей, зачинающихъ въ беззаконіяхъ и рождающихъ во грѣхахъ,—не сопряжено съ трудностями и болѣзнями, и слѣдовательно не имѣло обыкновенной въ подобныхъ случаяхъ необходимости въ помощи чуждой. Евангелистъ, не безъ особенной силы и намѣренія, говоритъ въ семъ случаѣ о Пресвятой Дѣвѣ, что Она—*роди Сына своего первенца и повитъ Его и положи Его въ ясляхъ* (Лук. 2, 7). Это значитъ, что св. Дѣва сама приняла на свои пречистыя руки божественнаго Младенца; сама повила Его пеленами и положила въ яслѣхъ; и сама же, безъ сомнѣнія, первая тотчасъ поверглась на колѣна предъ Тѣмъ, Который удостоилъ ее чести быть Своею Матерію. Такимъ образомъ, говорю, рожденіе Спасителя нашего, не взирая на крайнюю степень смиренія, простоты и бѣдности, окружено было всею чистотою, безмолвіемъ и приличіемъ, подобающимъ явленію во плоти Святѣйшаго святыхъ.

Между тѣмъ, какъ явственно, братіе мои, отражается цѣль вочеловѣченія Сына Божія во всемъ, что окружаетъ теперь рожденіе Его! Сынъ Божій, какъ замѣтили мы, облекается въ бренное естество наше и является яко единъ отъ сыновъ человѣческихъ для двухъ преимущественно причинъ: дабы, принявъ на Себя грѣхи наши, удовлетворить за нихъ правдѣ Божіей, и дабы въ Своемъ лицѣ и жизни преподать намъ примѣръ смиренія, чистоты и терпѣнія. Но воззрите

на убогій вертепъ и ясли, воззрите на предвѣчное Отроча, повитое, страждущее, плачущее! Что это все, какъ не жертва за грѣхи наши? Для чего уста Премудрости и Разума связаны нѣмотою младенческою, какъ не въ вознагражденіе гордости нашего разума, ненаказанности и буйства нашихъ помысловъ, продерзости и нечистоты нашего языка? Для чего руки Всемогущества (ибо Отроча есть вмѣстѣ и Богъ предвѣчный) повиты пеленами, какъ не въ наказаніе за наше своеволіе, наши необузданныя желанія, нашу вражду и противоборство уставамъ небеснымъ? Что значитъ эта бѣдность, окружающая теперь Царя славы, сіи страданія, срѣтающія Его отъ утробы матерней, какъ не возмездіе за тѣ нечистыя чувственныя удовольствія, въ кои сыны вѣка сего, или паче всѣ мы любимъ погружать себя? Отроча божественное плачетъ, якоже прочіе младенцы, но Его слезы имѣютъ другой источникъ: Оно болѣзнуетъ о грѣхахъ нашихъ; это—начало Его ходатайственной молитвы за насъ предъ престоломъ Правды вѣчной, начало самое естественное для Него и вмѣстѣ самое поучительное для насъ, долженствующее поразить грѣшника стыдомъ и ужасомъ, сокрушить его грѣховное нечувствіе и ожесточеніе.

Да, братіе мои, тогда какъ мы обыкновенно начинаемъ свои поученія къ вамъ словами, Спаситель нашъ предначалъ во ясляхъ проповѣдь Свою ко всѣмъ намъ не словами, а дѣлами и слезами. Онъ является младенцемъ, да научитъ всѣхъ насъ простотѣ и безлестію младенческому; является бѣднымъ и ничтоже имущимъ, да заставитъ полюбить бѣдность и нищету духовную; является плачущимъ и злострадущимъ, да воодушевитъ къ перенесенію искушеній и гоненій отъ міра. Ахъ, еслибъ мы были чисты и святы яко Ангелы, или яко первый человѣкъ въ раю: Сынъ Божій являлся бы намъ тогда въ славѣ и величіи небесномъ. Даже и теперь, еслибы Онъ пришелъ къ намъ для принятія отъ насъ славы и поклоненія, мы узрѣли бы Его (какъ узримъ нѣкогда) сѣдящимъ на престолѣ, окруженнымъ Ангелами и Архангелами. Но Онъ приходитъ искупить, оправдать, уврачевать, освятить насъ; и потому является яко ходатай, яко жертва за всѣхъ,—и яко примѣръ для всѣхъ,—является младенцемъ, возлежащимъ въ яслѣхъ.

Возблагоговѣемъ убо предъ сими яслями, яко безцѣннымъ

символомъ и залогомъ нашего спасенія; поспѣшимъ пріобщиться въ духѣ вѣры священнодѣйствію виѳлеемскому и жертвѣ, за насъ тамо приносимой; усвоимъ себѣ навсегда великій примѣръ смиренія, намъ оттуда подаваемый. Нищіе и худородные міра, станьте небоязненно у яслей виѳлеемскихъ, и воспріимите отъ Возлежащаго въ нихъ духъ мужества и терпѣнія! Не радость ли, что ваше состояніе видимо подобно состоянію Спасителя вашего, что вамъ нѣтъ нужды дѣлать никакихъ перемѣнъ въ немъ? Ибо тѣ же рубища и нищета, тѣ же слезы и страданія, то же изгнаніе отъ міра. Надобно только усвоить себѣ добровольно тяжелый жребій свой на землѣ, полюбить свою нищету и худородность, быть таковыми же въ духѣ, каковы по плоти, то есть смиренномудрыми, не привязанными ни къ чему земному, преданными во всемъ волѣ Божіей, выну стремящимися къ почести вышняго званія. Тогда вашъ жребій лучше всѣхъ жребіевъ въ мірѣ: ибо вы, по самому положенію своему, на пути царскомъ, близъ рая, у ногъ Спасителя и Господа вашего.

Но какъ стать у яслей виѳлеемскихъ сильнымъ вѣка сего, богатымъ сокровищами земными, тѣмъ людямъ, кои осуждены, такъ сказать, отъ самаго рожденія своего жить среди изобилія и утѣхъ чувственныхъ?—Какъ, говорю, стать нынѣ всѣмъ таковымъ у яслей виѳлеемскихъ и не почувствовать стыда и смущенія? — Ибо, если предъ царя земнаго, когда онъ облеченъ печальными одеждами, явиться въ ризахъ свѣтлыхъ, съ роскошью и великолѣпіемъ, было бы непростительною дерзостію; то можно ли, безъ смущенія, воззрѣть на нищету Іисусову тѣмъ, кои, если воздыхаютъ иногда и стонутъ, то единственно отъ чрезмѣрнаго множества благъ земныхъ и пресыщенія ими? — Но, братіе мои, есть и для васъ средство примириться съ яслями виѳлеемскими и съ нищетою Спасителя вашего. Онъ является ничтоже имущимъ, отнюдь не для того, чтобы обнажить васъ отъ стяжаній и сокровищъ вашихъ; напротивъ, Онъ готовъ къ тому, что вы имѣете, придать еще большее: ибо для всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ, приноситъ съ Собою цѣлое царство небесное. Чего же Онъ хощетъ отъ васъ? Хощетъ того самаго, что необходимо для спасенія душъ вашихъ: да, наслаждаясь благами земными, не забываете благъ небесныхъ

и наслаждаетесь первыми съ умѣренностію и благодареніемъ къ Подателю ихъ; да не прилѣпляете ни къ чему на землѣ сердца вашего и, обладая многимъ, сами не будете обладаны ни отъ чего; да употребляете стяжанія ваши не на удовлетвореніе только собственныхъ нуждъ и желаній, а и на дѣла вѣры и человѣколюбія, на помощь страждущимъ братіямъ вашимъ: да будете, наконецъ, подобно мудрымъ волхвамъ, готовы по гласу свыше, оставить все, дабы идти въ Виѳлеемъ и повергнуть къ подножію Отрочати ваше злато, вашъ ливанъ и смирну. Поступая такимъ образомъ, можно и среди величія земнаго имѣть нищету духовную и, не оставляя порфиры и виссона, съ благодушіемъ явиться предъ ясли виѳлеемскія для принятія мира и благодати отъ Того, Кто *богатъ сый, насъ ради обнища*, да мы всѣ, и богатые и бѣдные, обогатимся Его нищетою. Аминь.

Слово въ навечеріе Рождества Христова. *)

Пріидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе (1 Стих. на веч.).

Симъ торжественнымъ приглашеніемъ начались нынѣ радостныя пѣснопѣнія въ честь и славу настоящаго празднества. Св. Церковь твердо памятуетъ древнее изреченіе Ангела, что *тайну цареву добро хранити, дѣла же Божіи открывати славно* (Тов. 12, 7):—и поелику тайна воплощенія, нынѣ воспоминаемая, есть величайшее изъ дѣлъ Божіихъ, то приглашаетъ всѣхъ и каждаго къ исповѣданію ея, обѣщая за то, какъ бы въ награду, усугубленіе духовной радости: *пріидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе!*

Кто не захочетъ радоваться?—Но какъ сказать тайну? Ту тайну, которая, по Апостолу, была *отъ вѣка сокровена въ Самомъ Богѣ, и нынѣхо тя явися*, но только *святымъ Его* (1 Кор. 2, 7), кои суть сами тайна для насъ грѣшныхъ? Какъ нарещи ту тайну, въ которую нѣкогда желали *приникнуть*—только приникнуть—самые *Ангелы* (1 Пет. 1, 12), и которую, можетъ быть, и доселѣ, подобно намъ, желаютъ

*) Произнесено въ Академической церкви.

скорѣе слышать другъ отъ друга. нежели исповѣдать всѣмъ и каждому?

Подлинно, братіе, если смотрѣть при семъ на собственную немощь, на слабость нашего ума, на косность нашего языка: *то удобнѣе,* всего удобнѣе *любити — молчаніе.* Но, къ счастію нашему, мы призываемся къ исповѣданію такой тайны, которая, не смотря на великость ея, уже многократно и многообразно возвѣщена была Пророками, сказуема и внушаема Апостолами, изъясняема и проповѣдуема Отцами и Учителями Церкви, и можно сказать, непрестанно, разными гласами и въ разныхъ видахъ доселѣ возвѣщается самою Церковію. Во слѣдъ такихъ вождей можно идти съ увѣренностію и незнающимъ хорошо пути; за хоромъ такихъ гласовъ можно пѣть во славу Божію и несовершенно искуснымъ въ пѣніи.

Итакъ, братіе, *пріидите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе!* Сказующе вопреки лжеименнаго разума, взимающагося на разумъ Божій,—вопреки лицемѣрной плоти, страшащейся самаго снисхожденія къ человѣкамъ любви божественной,—вопреки грѣхолюбиваго міра, ищущаго въ самыхъ тайнахъ Божіихъ защиты своему нечестію!

Лжеименный разумъ твердитъ, что явленіе во плоти Бога есть событіе, выходящее изъ всѣхъ предѣловъ разума, несообразное съ его началами, и потому могущее болѣе производить, нежели разрѣшать недоумѣнія; а мы скажемъ, что это тайна, хотя великая и непостижимая, но вмѣстѣ свѣтлая и просвѣщающая, способная руководить бѣдный умъ нашъ въ самыхъ трудныхъ и мрачныхъ его путяхъ и изысканіяхъ.

Долупреклонная плоть и грѣхолюбивый міръ готовы самое нисшествіе Сына Божія обратить въ покровъ своея нечистоты, въ предлогъ къ нераскаянности и коснѣнію во грѣхахъ; а мы скажемъ и возвѣстимъ, что въ семъ событіи есть все, чѣмъ только можетъ пробуждаться чувство покаянія, питаться вѣра и благочестіе, что это—тайна святая и освящающая.

Первое скажемъ нынѣ, а второе, если угодно будетъ Господу, скажемъ завтра.

Желая, вопреки лжеименнаго разума, думающаго видѣть въ тайнѣ воплощенія Сына Божія одинъ непроницаемый мракъ, показать, что это тайна свѣтлая и всепросвѣщаю-

щая,—мы, однако же, весьма далеки, братіе. отъ того, чтобы не допускать въ сей тайнѣ никакого мрака, и усиливаться обратить оную изъ предмета вѣры въ предметъ совершеннаго вѣдѣнія. Если человѣкъ когда-либо и достигнетъ такой степени совершенства въ познаніи тайнъ божественныхъ; то это должно произойти не здѣсь, гдѣ мы, по выраженію Апостола, *ходимъ вѣрою, а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7), а тамъ, гдѣ по словамъ того же Апостола, *мы познаемъ* Бога такъ, *какъ теперь сами познаны Богомъ* (1 Кор. 13, 12). Въ этой жизни тайны спасенія нашего по необходимости превышаютъ наше разумѣніе.—подобно какъ высокія истины превышаютъ понятія дѣтей, хотя и преподаются имъ и пріемлются отъ нихъ вѣрою. Посягательства на всевѣдѣніе въ семъ отношеніи, кромѣ того, что не даетъ того, что обѣщало и къ чему стремится, вредитъ вѣрѣ уже тѣмъ, что обезсиливаетъ тайны спасенія, обращая ихъ поверхностными разъясненіями изъ живыхъ и величественныхъ событій въ хладныя и мертвыя умозрѣнія. Сей-то недугъ любознательной пытливости имѣлъ въ виду св. Павелъ, когда отвергалъ пытливость слова, дабы не *испразднить* ею *креста Христова* (1 Кор. 1, 17). Сію же самую крайность должны теперь обойти и мы, и указать для обхода вамъ, дабы не испразднить яслей Христовыхъ, не лишить ихъ того божественнаго примрака, коимъ онѣ отдѣлены отъ земли. Для сего будемъ твердо помнить, что воплощеніе Сына Божія есть. по Апостолу, *тайна велія* (1 Тим. 3, 16), велія уже по неизмѣримости Существа, которое при семъ навсегда соединилось съ человѣчествомъ,—велія по способу сего соединенія, коего никакой умъ вполнѣ проникнуть не можетъ,—велія по своимъ дѣйствіямъ, простирающимся на все человѣчество, на весь міръ и на всю вѣчность,—велія, наконецъ, по тѣмъ чудесамъ, кои предшествовали сему событію, предуготовляли, окружали его и за нимъ послѣдовали.

Но, воздавъ такимъ образомъ подобающую честь великой тайнѣ воплощенія Сына Божія, мы къ ея же славѣ, вопреки лжемудрованій разума, утверждаемъ, что тайна сія, при всемъ величіи и глубинѣ ея, есть тайна не только свѣтлая для ума чистаго, но и просвѣщающая мудрость человѣческую на всѣхъ путяхъ ея.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, что мы обыкновенно называемъ яснымъ и понятнымъ? Не то ли, что всегда и удобно можно

отличать отъ всего прочаго? Не то ли, что каждый легко можетъ себѣ представить и передать другому? Не то ли, наконецъ, что можетъ быть низведено въ кругъ понятій самыхъ простыхъ людей, изображено на языкѣ даже дѣтей? Но возведите теперь умственные взоры ваши на тайну воплощенія Сына Божія: при всемъ величіи ея, не такова ли точно сія преславная тайна? Кто не въ состояніи вдругъ отличить ее отъ всѣхъ другихъ тайнъ? Понять, о чемъ идетъ дѣло? Пересказать другому, въ Какого Спасителя онъ вѣруетъ? Посему-то, хотя первые провозвѣстники тайны воплощенія, за недостаткомъ людей, были Ангелы: но послѣ Ангеловъ первые возвѣстили ее міру пастыри виѳлеемскіе (Лук. 2, 17), люди по самому состоянію своему не знакомые ни съ какимъ образованіемъ. И послѣ міръ слышалъ тайну воплощенія долгое время большею частію изъ устъ людей самыхъ простыхъ, коихъ сія тайна дѣлала уже мудрыми и способными вразумлять или посрамлять юродивую мудрость человѣческую. Если бы сія мудрость, вторгшись потомъ со своими хитросплетеніями въ ограду самой Церкви, не вздумала разрѣшать тайнъ спасенія не на ихъ, а на свои начала,—не стала вмѣсто Христовыхъ яслей и креста, созидать своего Виѳлеема и своей Голгоѳы; то св. тайна воплощенія и теперь для всѣхъ исповѣдующихъ имя Христово оставалась бы въ прежней евангельской простотѣ, очевидности и благолѣпіи. Свидѣтели и порука за сіе—дѣти; будучи наставляемы въ простотѣ евангельской, не пересказываютъ ли они ученіе о воплощеніи Сына Божія съ большею удобностію, нежели умозрѣнія земной мудрости о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ? Слушая ихъ простые, но ясные и точные отвѣты на вопросы о самыхъ высокихъ тайнахъ спасенія, невольно воспоминаешь слова Псалмопѣвца: *явленіе словесъ Твоихъ просвѣщаетъ и вразумляетъ младенцы* (Псал. 118, 130), и невольно приходишь къ мысли: почему мудрость стихійная, вмѣсто спора съ мудростью небесною, не начнетъ сама лучше подражать сей послѣдней—не только въ избраніи истинъ, но и въ изложеніи ихъ, въ той ясности и удобопонятности, съ коею предлагаются онѣ въ Евангеліи?

Что же значатъ послѣ сего упреки, дѣлаемые тайнѣ воплощенія въ неудобопонятности? То, что дѣлающіе ихъ не

понимаютъ, чего хотятъ. Они домогаются знать не только ту простую и святую истину, что въ лицѣ І. Христа Божество соединилось съ человѣчествомъ, такъ что составляютъ единое лице—чему учитъ писаніе и Церковь, и что вразумительно для каждаго,—но и то. какъ именно произошло сіе божественное соединеніе; то есть, хотятъ не только имѣть понятіе о тайнѣ воплощенія, но и проникнуть ее. Но проникнуть тайну—значитъ уничтожить ее. По какому же праву посягаютъ такимъ образомъ на тайны Божіи? Проникъ ли умъ человѣческій доселѣ хотя въ тайны природы, насъ окружающей? Даже въ тайны собственнаго нашего бытія? Напротивъ. онѣ всѣ доселѣ, не смотря на непрестанныя усилія разума человѣческаго, остаются подъ седмью печатями. Такъ, всѣ знаемъ, что свѣтила небесныя держатся силою тяготѣнія; но никто не можетъ сказать, что это за сила и въ чемъ существо ея? Всякій видитъ, что на землѣ все живетъ свѣтомъ отъ солнца; но никто не знаетъ, откуда сей свѣтъ въ самомъ солнцѣ, и что онъ такое? У всѣхъ душа соединена съ тѣломъ: но спросите какого угодно философа о способѣ сего соединенія, и ни одинъ не скажетъ сея тайны. Какъ же послѣ сего смѣть и думать проникнуть въ тайны Божіи?—Тѣмъ паче въ такую величайшую тайну. каково явленіе во плоти Сына Божія? Довольно, что сія тайна состоитъ изъ понятій самыхъ извѣстныхъ.—что каждый видитъ ея начало, цѣль и духъ, что самые простолюдины и дѣти свободно могутъ передавать ее другъ другу. Послѣ сего не признавать этой тайны свѣтлою, значитъ искать мрака тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Но это тайна, какъ мы сказали, не только свѣтлая. но и проливающая свѣтъ на всѣ предметы умозрѣнія человѣческаго.

Такъ, братіе, я не боюсь утверждать сего и желалъ бы. чтобъ всѣ любители мудрости услышали это, и обратили съ сей стороны вниманіе на великую тайну воплощенія, проповѣдуемую христіанствомъ: ибо въ ней содержится всѣми искомый и никѣмъ изъ нехристіанскихъ любомудровъ доселѣ необрѣтенный, ключъ къ рѣшенію самыхъ возвышенныхъ вопросовъ любомудрія. Чтобы доказать сію важную истину, я не буду, братіе, предлагать вамъ слишкомъ отвлеченныхъ понятій. отложу въ сторону школьныя мнѣнія и распри,

остановлю ваше вниманіе единственно на томъ, что само по себѣ должно занимать вниманіе всѣхъ и каждаго. Это—Богъ и Его отношенія къ намъ,—человѣкъ и его предназначеніе,—міръ и его судьба. Утверждаю, что всѣ сіи предметы становятся ясными и удобовразумительными только при свѣтѣ звѣзды виѳлеемской.

И во-первыхъ, существо Божіе и Его отношенія къ намъ. Поелику Творецъ премудрый весьма много открылъ Себя въ сотвореніи міра и человѣка, и еще болѣе открываетъ въ управленіи того и другаго; то неудивительно, братіе, что безпристрастный разумъ. на основаніи сихъ откровеній, въ продолженіе вѣковъ успѣлъ составить довольно немалое ученіе о Богѣ и Его совершенствахъ, о Его существѣ и дѣйствіяхъ на міръ. Но до чего, какъ извѣстно. простирались въ семъ отношеніи самые крайніе успѣхи разума?—До того. что онъ, низпровергнувъ многихъ боговъ, утвердилъ единожды и навсегда понятіе единаго Бога. какъ существа духовнаго и всесовершеннаго. Идти далѣе не позволялъ самъ разумъ съ своимъ ученіемъ о единствѣ Божіемъ. Между тѣмъ, неизъяснимое чувство побуждало идти далѣе. Ибо единство бытія Божественнаго, столь досточтимое въ сравненіи съ многобожіемъ, будучи само по себѣ взято, не представляетъ еще умственному взору никакого опредѣленнаго образа бытія. Въ самомъ дѣлѣ (разсуждалъ бѣдный разумъ). Богъ есть умъ всесовершенный: что же познавалъ Онъ. когда не было ничего, кромѣ Бога?—Богъ есть любовь чистѣйшая; что же было предметомъ сея любви до происхожденія на свѣтъ тварей?—Богъ есть полнота бытія и могущества: въ чемъ же проявлялось то и другое отъ вѣчности?—Сказать (думали философы), что познавалъ отъ вѣчности и любилъ Самого Себя, значитъ не разрѣшитъ. а только отклонить вопросъ. Чѣмъ же, наконецъ, вздумали разрѣшить его?—Тѣмъ, что самое единство бытія Божія. за которое разумъ такъ достохвально подвизался нѣкогда противъ многобожія, умыслили раздробить святотатственно на разные виды множественности и противоположностей, дабы имѣть такимъ образомъ хотя какое-либо очертаніе Божества. Для произведенія сего неестественнаго очертанія, взяли міръ, отняли у него начало, и начали различными способами вводить его въ составъ божественной природы, включать

въ самое сознаніе Божіе, какъ необходимое его условіе, думая чрезъ то пояснить себѣ образъ жизни божественной. Поясненіе мрачное и жалкое! Ибо что происходитъ изъ него? Міръ обожается, но Богъ нисходитъ въ рядъ тварей: вмѣсто недовѣдомой, но достаточной жизни божественной, является ложный призракъ полубога; Творецъ приходитъ въ зависимость отъ каждой твари какъ необходимой для полноты Его бытія; Безпредѣльный начинаетъ вмѣстѣ съ міромъ подлежать развитіямъ, постепенностямъ, даже усовершенствованіямъ. Но,—что всего хуже и богопротивнѣе,—поелику міръ теперь подлежитъ несовершенствамъ и вещественнымъ и нравственнымъ, то надлежало и сіи недостатки включить какъ нибудь въ образъ бытія Божественнаго:—и они включены.—какъ неизбѣжное условіе жизни и совершенствъ божественныхъ, коего начало сокрывается якобы во глубинѣ самой Божественной природы!..

Въ такой неисходимый мракъ и въ такія совершенно недостойныя Бога понятія заходитъ, братіе, мудрость человѣческая, когда берется разсуждать о Богѣ и существѣ Его.—А все это потому, что доселѣ хочетъ лучше *мудрствовать по стихіямъ міра*, нежели *по Христѣ* (Кол. 2, 8);—ибо въ христіанствѣ,—въ тайнѣ воплощенія Сына Божія, имъ проповѣдуемой, содержится именно то, чего недостаетъ разуму, и чего ищетъ онъ для дополненія своихъ понятій о Богѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если для полноты бытія, силы и совершенствъ божественныхъ необходимо постоянное и всецѣлое проявленіе ихъ въ чемъ-либо; то на что лучше того чуднаго и непостижимаго проявленія, коимъ Богъ Отецъ всецѣло проявилъ Себя отъ вѣчности рожденіемъ Бога Сына и происхожденіемъ Бога Духа?—И можетъ ли сравниться съ симъ предполагаемое проявленіе существа Божія чрезъ произведеніе отъ вѣчности міра, по необходимости ограниченное въ разныхъ отношеніяхъ, не полное, не всецѣлое, и никакъ не равное всесовершенному Существу, Себя проявляющему?—Если для блаженства жизни божественной предполагается необходимымъ въ Богѣ общеніе съ кѣмъ-либо свѣта, любви, свободы, дѣйствій: то какое общеніе полнѣе и блаженнѣе того, которое существуетъ отъ вѣчности между тремя лицами Пресвятыя Троицы, изъ коихъ каждое обладаетъ умомъ, свободою, дѣйствіемъ, и всѣ вмѣстѣ соста-

вляютъ единую жизнь—всеблаженную, и единое—чистѣйшее дѣйствіе? Такимъ образомъ, тайною воплощенія Сына Божія рѣшаются сами собою главнѣйшія недоумѣнія разума касательно образа бытія Божія. При семъ и единство существа Божія удерживается во всей силѣ, и его одиночество устраняется совершенно; и заключенность въ самой себѣ свободы и любви творческой исчезаетъ, и подчиненность ея бытію тварей отвергается; образъ бытія Божія выходитъ изъ мрака и является въ раздѣльныхъ чертахъ,—но безъ смѣшенія съ образомъ міра, безъ внесенія въ него чертъ тварныхъ, его обезображивающихъ. Такому приращенію познаній нашихъ о Богѣ и надлежало быть необходимымъ слѣдствіемъ воплощенія Сына Божія: ибо Его пришествіе въ міръ не могло совершиться безъ того, чтобы при семъ не разверзлось, такъ сказать, самое внутреннее святилище Божества, и не обнаружился сокровенный образъ жизни Божественной. Не къ сей ли всепросвѣщающей тайнѣ должны быть по сему самому направлены взоры всѣхъ любомудровъ, силящихся познать существо Божіе?—Въ лицѣ Сына Божія можно видѣть Бога такъ, какъ Онъ невидимъ нигдѣ въ цѣломъ мірѣ (Іоан. 14, 9).

Подобное сему должно сказать и объ отношеніи, въ коемъ Богъ, какъ Творецъ, находится къ Своей твари, и особенно къ существамъ разумнымъ: воплощеніемъ Сына Божія, этотъ многотрудный предметъ любомудрія поясняется въ самой высшей степени. И во-первыхъ, вѣрующій въ сію тайну не можетъ уже спрашивать: промышляетъ ли Богъ о Своихъ тваряхъ? Не можетъ сомнѣваться нисколько и въ томъ, что Промыслъ Божій простирается на все въ мірѣ, не ограничиваясь попеченіемъ всеобщимъ, что Ему подлежатъ и всѣ свободныя дѣйствія человѣческія. Напротивъ, христіанинъ видитъ самый предѣлъ, до коего можетъ простираться близость Творца къ твари, и особенно къ человѣку; тайна воплощенія даетъ ему разумѣть, что, не смотря на безмѣрность разстоянія между нами и Богомъ, Творцу нашему угодно нисходить до нашей малости, вступать съ ними въ сообщенія самыя непосредственныя и дѣйствительныя, не только пріобщать насъ Своей жизни божественной, но и пріобщаться нашего образа бытія. Сколько мыслей самыхъ возвышенныхъ возникаетъ при семъ въ умѣ о предназначеніи человѣка! И

какъ опять благополучно устраняются недоумѣнія разума, касательно отношенія разумныхъ тварей къ ихъ Творцу!— Ибо, припомните, чѣмъ ограничивалъ разумъ сіи отношенія?— Или повелѣвалъ человѣку довольствоваться однимъ нравственнымъ уподобленіемъ Божеству, безъ надежды дѣйствительнаго соединенія съ своимъ первообразомъ; или внушалъ стремиться къ тому, чтобы вовсе потерять, наконецъ, свое личное бытіе въ сліяніи съ Безконечнымъ. Двѣ крайности равно жалкія, между коими ученіемъ о воплощеніи Сына Божія указуется златая средина; ибо изъ сего ученія явно видно, что разумныя существа могутъ не уподобляться токмо своему Творцу, но и пріискреннѣ соединяться съ Нимъ; но видно вмѣстѣ и то, что они должны приходить въ это соединеніе, не теряя своего личнаго бытія, не переставая быть тѣмъ, что суть по своей природѣ!—Но, что всего важнѣе, воплощеніемъ Сына Божія обнаружено предъ всѣмъ міромъ, а особенно предъ человѣками, такъ сказать, самое сердце Божіе. Для насъ теперь нѣтъ уже нужды спрашивать, что именно мыслитъ о насъ Богъ и Господь нашъ, и въ какомъ Онъ расположеніи къ намъ, кои явно уклонились отъ цѣли нашего бытія и Его святыхъ уставовъ? Приметъ ли Онъ насъ паки въ какое-либо непосредственное *общеніе* (1 Іоан. 1, 3) съ Собою и поможетъ ли нашей бѣдности, или предоставитъ насъ самимъ себѣ? Будетъ ли въ отношеніи къ намъ любвеобильнымъ врачемъ, или только взыскательнымъ владыкою?— Когда явился для спасенія нашего въ нашей плоти Самъ Сынъ Божій, то самое явленіе Его уже отвѣчаетъ намъ за все. Смотря на ясли и крестъ, невозможно и сомнѣваться въ томъ, что Богъ нашъ есть—*любы* (1 Іоан. 4, 8), что Онъ правосуденъ, но еще болѣе милосердъ, что мы не погибнемъ, что о насъ пекутся, какъ нельзя болѣе. Послѣ сего не нужно никакихъ умозрѣній и теодицей: Сынъ вмѣсто Отца! *Видѣвый Его* (Іоан. 14, 9) видѣлъ весь Промыслъ, всю правду, и наипаче всю любовь Божію. При семъ остается только взывать съ благодарностію: *слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!*—

Изъ того, что говорили мы о благотворномъ дѣйствіи тайны воплощенія на уясненіе нашихъ понятій о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, уже можно заключать, братіе, какъ благодѣтеленъ свѣтъ сея тайны долженъ быть и въ отношеніи къ остальному разумѣнію собственной при-

роды нашей: ибо человѣкъ, какъ образъ Божій, необходимо представляется яснѣе и понятнѣе, чѣмъ болѣе познаютъ и разумѣютъ его великій Подлинникъ. Но для умноженія нашей духовной радости отъ свѣта звѣзды виѳлеемской, посмотримъ раздѣльнѣе, какъ разсѣевается имъ мракъ, покрывающій нашу падшую природу.

Что особенно темнаго для бѣднаго разума нашего въ нашей бѣдной природѣ?—То, что она не похожа сама на себя и находится въ какомъ-то роковомъ противорѣчіи со всѣмъ міромъ и съ собою;—то, что природа наша не представляетъ въ себѣ опредѣленнаго, стройнаго цѣлаго, а какіе-то члены разъединенные, нѣкіе жалкіе отрывки и безпорядочные остатки великаго прошедшаго;—то, что въ ней господствуетъ постоянное, но не естественное смѣшеніе добра съ зломъ, величія съ уничиженіемъ, болѣзней съ здравіемъ, богоподобія съ отверженіемъ. Когда началось это злополучное состояніе и пройдетъ ли оно когда-нибудь?—Что значитъ въ такомъ положеніи здѣшняя жизнь, и что будетъ съ нами за гробомъ? Чего требуется отъ нынѣшняго, недужнаго по всѣмъ отношеніямъ человѣка, и чего ему надѣяться по исполненіи сего требованія?—Всѣ сіи—чрезвычайной важности—вопросы невольно представлялись уму каждаго мыслящаго человѣка, но умы всѣхъ мыслителей вмѣстѣ не въ состояніи были дать точнаго отвѣта ни на одинъ изъ нихъ. Самъ Сократъ, умершій изъ уваженія къ нравственному достоинству своей природы, въ навечеріе своей смерти не зналъ, что сказать совершенно вѣрнаго о ея послѣдствіи. Но воплощеніемъ Сына Божія сами собою прояснились всѣ темныя стороны въ природѣ нашей, и человѣкъ позналъ, кто онъ былъ, что есть, и чѣмъ быть долженъ.

Чтобы видѣть сіе, братіе, нѣтъ нужды обращаться къ умствованіямъ затруднительнымъ: довольно самыхъ простыхъ размышленій. Внемлите!—Если Самъ Сынъ Божій оставляетъ престолъ Отца, нисходитъ на землю и пріемлетъ образъ нашъ, дабы возвести насъ въ первое достояніе: то значитъ, во-первыхъ, что мы всѣ находимся въ величайшемъ несчастіи (иначе для чего бы употреблять для возстановленія насъ такое безпримѣрное средство?); значитъ, что нашему злополучію не могли помочь ни мы сами, ни силы высшія насъ, никто, кромѣ Самого Бога (иначе для чего бы не избрать

другаго, меньшаго, ходатая?). Послѣ сего понятно и то, отчего мы видимъ столько зла и бѣдствій въ родѣ человѣческомъ, почему все лучшее въ насъ представляется остаткомъ прошедшаго: иначе и быть не можетъ съ тѣми, кои потеряли свое мѣсто въ чинѣ творенія. отпали отъ Бога и жизни вѣчной, предались суетѣ и тлѣнію. Далѣе, если для избавленія насъ отъ бѣдствій Сынъ Божій избралъ не другое средство, какъ то, чтобы принять на Себя плоть нашу и содѣлаться во всемъ подобнымъ намъ человѣкомъ: то значитъ. въ естествѣ нашемъ, не смотря на поврежденіе его грѣхомъ, есть способность быть паки уврачеваннымъ и возстановленнымъ; значитъ, самая плоть наша можетъ снова облечься благолѣпіемъ и нетлѣніемъ: иначе къ чему бы Избавителю нашему соединяться съ неизцѣльнымъ, для чего бы принимать на Себя то, что должно быть предоставлено конечному разрушенію? Наконецъ, если Сынъ Божій, явившійся для нашего спасенія во плоти, грядетъ совершить сіе спасеніе не другимъ чѣмъ, какъ смиреніемъ, терпѣніемъ, смертію крестною: то послѣ сего нѣтъ нужды спрашивать и о томъ, чѣмъ мы пали, и какъ должны возставать? Взирая на ясли и крестъ, самый недальновидный чувствуетъ, что небо потеряно преслушаніемъ и гордостію, и не иначе можетъ быть возвращено, какъ смиреніемъ, терпѣніемъ и самоотверженіемъ.

Еще большій свѣтъ разливается надъ природою человѣческою, если начать разсматривать самую жизнь и дѣянія воплотившагося Господа. Святѣйшее человѣчество Его есть образецъ всего человѣчества, и въ томъ, какъ раскрывались совершенства его, какъ оно дѣйствовало на міръ, какимъ могуществомъ обладало надъ всѣми стихіями, надъ силами видимыми и невидимыми,—во всемъ этомъ для имѣющаго очи видѣть прознаменована судьба и слава, ожидающая всѣхъ сыновъ Божіихъ. Но это предметъ, выходящій за предѣлы обыкновеннаго разумѣнія: довольно упомянуть о немъ для способныхъ къ размышленію. Намъ время коснуться, хотя слегка, третьей части нашего собесѣдованія, и сказать что-либо о томъ, какъ свѣтомъ звѣзды виѳлеемской озаряется весь міръ.

Не наше дѣло, братіе, повторять предъ вами тѣ заблужденія, коимъ разумъ подвергся, и доселѣ, къ сожалѣнію, подвергается, силясь опредѣлить самъ по себѣ существо вещей

міра видимаго и цѣль бытія его; но наше дѣло сказать и возвѣстить въ слухъ всѣхъ, что въ таинствахъ, исповѣдуемыхъ вѣрою христіанскою, содержится довольно свѣта для проясненія и того мрака, который по паденіи человѣка, яко царя земли, простерся надъ всею землею. Тайна воплощенія, и въ семъ отношеніи, есть самая свѣтоносная: ибо Сынъ Божій пришелъ спасти не родъ токмо человѣческій, но вмѣстѣ съ нимъ, по выраженію Апостола, *возглавить всяческая, яже на небесѣхъ, и яже на земли* (Еф. 1, 10). Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что въ семъ одномъ выраженіи: *возглавить*—содержится болѣе указаній къ уразумѣнію прошедшей и будущей судьбы видимаго міра, насъ окружающаго, нежели во многихъ умозрѣніяхъ и, такъ называемыхъ, теодицеяхъ Промысла. Ибо, что наипаче служитъ камнемъ претыканія для умозрѣнія въ отношеніи къ міру? То же, что и въ отношеніи къ человѣку: видимое смѣшеніе безпорядковъ съ совершенствами, суеты и ничтожества съ благолѣпіемъ и жизнію. Но вѣрою въ возстановленіе всего міра Сыномъ Божіимъ показывается, что источникъ сего злополучнаго состоянія тварей тотъ же самый, что и нашихъ собственныхъ бѣдствій: отпаденіе человѣка, а въ лицѣ его и всего покореннаго ему міра, отъ Бога. Сею же вѣрою предполагается, что и будущая судьба тварей будетъ зависѣть отъ возстановленія человѣка воплощеніемъ Сына Божія, когда съ человѣкомъ, яко царемъ своимъ, и *вся тварь освободится,* по выраженію Апостола, *отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 22). Такимъ образомъ, во свѣтѣ ученія о воплощеніи Сына Божія судьба міра, столько темная сама по себѣ, представляется ясною, и становится понятнымъ, чѣмъ долженъ быть міръ, почему онъ не таковъ, каковъ долженъ быть, и какимъ образомъ содѣлается тѣмъ, чѣмъ ему надобно быть, судя по понятію о совершенствахъ его Творца.

Найдетъ, кто захочетъ, въ тайнѣ воплощенія разрѣшеніе важныхъ вопросовъ и о самомъ существѣ и предназначеніи тварей видимыхъ. Изъ сея тайны видно, что существо тварей видимыхъ, при всей кажущейся грубости его, не заключаетъ само въ себѣ ничего нечистаго и недостойнаго Бога; иначе Сынъ Божій не соединился бы ипостасно съ естествомъ человѣческимъ, коего существенная принадлежность есть бытіе тѣлесное. Подобнымъ образомъ, вѣра въ

таинство воплощенія рѣшительно и навсегда устраняетъ недоумѣніе: не прекратится ли когда-либо существованіе міра видимаго и не уступитъ ли мѣсто бытію одного міра духовнаго? Не прекратится и не можетъ прекратиться, коль скоро тѣло человѣческое принято навсегда Сыномъ Божіимъ.

Но предаясь теченію подобныхъ умозаключеній, мы, братіе, легко можемъ выйти за предѣлы общенароднаго собесѣдованія: предоставимъ это учебной каѳедрѣ; а съ сего св. мѣста обратимъ въ заключеніе бесѣды нашей еще нѣсколько словъ противъ лжеименнаго разума.

Чего не дѣлаютъ люди, преданные любомудрію, для составленія своихъ умозрѣній о Богѣ, человѣкѣ и мірѣ? Куда не обращаются за матеріалами для сего и за пособіями? Въ чемъ не силятся открыть слѣдовъ къ тайнамъ бытія? Трудъ не предосудительный, хотя большею частію, какъ показываетъ опытъ, безплодный. Зачѣмъ же бы среди сихъ усилій и опытовъ забывать то, что первѣе всего надлежало имѣть въ виду, — ученіе вѣры христіанской, ея достопоклоняемыя таинства и обѣтованія? Что потеряло бы любомудріе, если бы пошло по стопамъ вѣры? Напротивъ, все, что до сихъ поръ есть въ немъ лучшаго, не заимствовано ли, явно или тайно, изъ Евангелія? Равно какъ все, что есть въ немъ самаго худшаго, не то ли самое, въ чемъ любомудріе дерзнуло противорѣчить Евангелію? А когда такъ, то не явный ли это знакъ, что и послѣдняго достиженія истины надобно искать не иначе, какъ только при пособіи вѣры?

Но это совѣтъ — для маловѣрныхъ; для насъ, кои отъ юности ходимъ во свѣтѣ вѣры, кои насаждены и утверждены при источникѣ слова Божія, для насъ, кои не знаемъ и не слышимъ въ семъ святилищѣ наукъ другаго любомудрія, кромѣ христіанскаго, *мудрствующаго не по стихіямъ міра, а по Христѣ* (Кол. 2, 8) — для насъ нынѣ одна радость. *Пріидите, возрадуемся Господеви!* Возрадуемся тому, что Онъ снисшелъ къ намъ и не устыдился воспринять на Себя нашей нищеты; возрадуемся тому, что симъ нисшествіемъ озаренъ для насъ весь міръ, что во свѣтѣ его мы можемъ стократъ яснѣе видѣть нашего Творца и Его отношенія къ намъ, нашу природу и ея судьбу временную и вѣчную; возрадуемся наконецъ тому, что самая радость, возвѣщенная

Ангелами при рожденіи Спасителя міра, есть только начало радостей нескончаемыхъ и неизглаголанныхъ. Аминь.

Слово на день Рождества Христова.

Слово плоть бысть (Іоан. 1, 14).

Въ сихъ краткихъ словахъ, братіе, заключается вся высота и глубина преславнаго таинства, торжествуемаго нынѣ св. Церковію. *Слово плоть бысть:* второе Лице Пресвятыя Троицы, Божественное Слово, рожденное прежде всѣхъ вѣкъ изъ сущности Бога Отца, соединилось нынѣ съ человѣческимъ естествомъ въ лицѣ Спасителя нашего, и соединилось, какъ учитъ св. Церковь, *нераздѣльно, несліянно* и *непреложно. Нераздѣльно:* поелику Божество и человѣчество, соединившіяся въ Іисусѣ Христѣ, никогда не престанутъ составлять одного лица; Онъ вѣчно пребудетъ тѣмъ, чѣмъ сдѣлался нынѣ—Богомъ и человѣкомъ. *Несліянно:* поелику Божество и человѣчество не сліялись при семъ въ одно какое-либо естество новое, но продолжаютъ составлять два отличныя естества, соединенныя только въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. *Непреложно:* ибо ни человѣчество не преложилось въ Божество, ни Божество не премѣнилось въ человѣчество; то и другое естество сохранило всѣ свойства, безъ коихъ быть не можетъ. Вслѣдствіе таковаго единственнаго и чуднаго соединенія Божества съ человѣчествомъ, Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, во всемъ равный Отцу и Духу Святому, и вмѣстѣ есть истинный человѣкъ, во всемъ подобный намъ, кромѣ грѣха. *Слово — плоть бысть!*

Углубляться въ сію тайну своенравнымъ разумѣніемъ, изслѣдовать, какимъ образомъ безпредѣльное Божество могло принять навсегда бреннаго человѣчества, значило бы, братіе, уничижать высочайшую тайну воплощенія и усвоять слабому разуму человѣческому такую способность и силу, коихъ онъ никогда не имѣлъ. Еще апостолъ Павелъ явленіе Бога во плоти назвалъ тайною, превышающею все наше разумѣніе. *Велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти* (1 Тим. 3, 16)! — Если же для Павла, который былъ восхищенъ до третьяго неба и слышалъ глаголы, коихъ на языкѣ человѣческомъ невозможно пересказать (2 Кор. 12, 4), явленіе Бога во

плоти было великою тайною: то для насъ, кои, можетъ быть, гораздо далѣе отъ Павла по вѣрѣ, нежели онъ былъ отъ третьяго неба по мѣсту, — для насъ воплощеніе Сына Божія всегда было и пребудетъ величайшимъ изъ таинствъ.

Впрочемъ, братіе, мы не должны отвращать вниманія нашего отъ таинства воплощенія потому, что оно не постижимо. Вѣра въ соединеніе Божества съ человѣчествомъ въ лицѣ Спасителя нашего служитъ основаніемъ нашего спасенія; съ нею нераздѣльно соединены всѣ догматы христіанскіе; отъ нея должны получать силу и жизнь обязанности наши; въ ней источникъ упованій самыхъ утѣшительныхъ; а посему христіанинъ не только можетъ, но и обязанъ для блага души своей постоянно содержать въ умѣ своемъ ту великую истину, что Спаситель его есть Богъ и вмѣстѣ человѣкъ. Слово Божіе требуетъ только, чтобъ мы размышляли о сей истинѣ какъ должно, — не увлекаясь безразсудною пытливостію разума, не поставляя его мѣрою премудрости Божіей.

Сообразуясь съ симъ предостереженіемъ, дерзнемъ, братіе, и мы въ благоговѣніи возвести умственныя очи наши на преславную тайну воплощенія Сына Божія, дабы видѣть, что въ ней даруется намъ, и что ею требуется отъ насъ.

Пророкъ Давидъ, созерцая нѣкогда духомъ будущее пришествіе Сына Божія во плоти, призывалъ всѣ народы служить Ему, но служить со страхомъ, и радоваться предъ Нимъ, но радоваться съ трепетомъ. *Работайте Господеви со страхомъ, и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Псал. 2, 11)! Чѣмъ болѣе размышляешь о семъ изреченіи Давидовымъ, тѣмъ болѣе видишь, что оно взято какъ бы изъ самаго существа преславнаго событія, нынѣ нами воспоминаемаго. Таинство воплощенія дѣйствительно содержитъ въ себѣ все, что только можетъ одушевлять насъ и питать нашу надежду; но въ тоже время въ немъ заключается все, что можетъ пробуждать безпечныхъ и устрашать недостойныхъ.

Искупитель нашъ есть Богъ всемогущій; итакъ, христіанинъ, тебѣ нечего опасаться враговъ твоего спасенія, враговъ истины и добродѣтели. Хотя бы всѣ тираны міра, всѣ силы ада ополчились противъ тебя, ты, доколѣ не измѣнишь своему Спасителю, совершенно безопасенъ: ибо тебя никто не можетъ похитить изъ рукъ

Его — Всемогущаго! — Онъ, если то нужно, *потрясетъ не только землею, но и небомъ* (Евр. 12, 26), но не оставитъ души твоей во адѣ, *не дастъ преподобному Своему видѣть истлѣнія* (Псал. 15, 10). — Искупитель нашъ есть Богъ премудрый; итакъ, христіанинъ, ты совершенно свободенъ отъ прискорбнаго опасенія, что правила вѣры и жизни, коимъ научило тебя евангеліе, не могутъ доставить тебѣ жизни вѣчной; ты выше тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, коимъ подвержены были самые лучшіе изъ людей, доходившихъ до познанія о Богѣ умомъ собственнымъ. Самъ Единородный Сынъ, *сый въ лонѣ Отчемъ* (Іоан. 1, 18), исповѣдалъ тебѣ Бога: въ такомъ исповѣданіи, по необходимости, все истина. все свѣтъ и жизнь! — Искупитель нашъ есть Богъ, вѣрный во всѣхъ словахъ Своихъ; итакъ, христіанинъ, вѣрь, твердо вѣрь славнымъ и величественнымъ обѣтованіямъ Его, какъ бы они ни казались превышающими твою нынѣшнюю нищету и самое разумѣніе твое: скорѣе прейдетъ небо и земля. нежели останется безъ исполненія хотя одно слово Его. Онъ обѣщалъ побѣждающаго посадить съ Собою на престолѣ славы; — и ты, *если постраждешь, яко добръ воинъ Христовъ, за правду* (2 Тим. 2, 3), будешь, непремѣнно будешь сидѣть нѣкогда съ Нимъ на семъ престолѣ, хотя бы во всю жизнь твою не имѣлъ, гдѣ подклонить главы, хотя бы всѣ почитали тебя за отребіе міра.

Что побуждало Апостоловъ переносить всѣ труды и опасности, крайнюю нищету и презрѣніе міра, самыя муки и смерть? То, отвѣтствуетъ за всѣхъ апостолъ Павелъ, что *я знаю, въ Кого вѣрую*, и увѣренъ, что Онъ — Спаситель мой, будучи Богомъ, *силенъ сохранить залогъ мой* до славнаго пришествія Своего (2 Тим. 1, 12). Что заставляло мучениковъ презирать все могущество царей и владыкъ земныхъ, всю лютость мучителей, не только не убѣгать, даже искать смерти? То, что Спаситель, ради Коего они приносили себя въ жертву, не слабый человѣкъ, коего власть не можетъ простираться за предѣлы сей жизни, но Богъ правосудный и всемогущій, Который не можетъ *забыть подвига любви, подъятаго во имя Его* (Евр. 6, 10), не можетъ оставить побѣдителей безъ вѣнца побѣднаго. Что, братіе, и нынѣ услаждаетъ многострадальную жизнь тѣхъ, кои, взыскуя небеснаго отечества, скитаются въ пустыняхъ, горахъ, вер-

тепахъ и пропастяхъ земныхъ? То, что они, подобно Моисею, *видятъ невидимаго* (Евр. 11, 27) для плоти и крови Спасителя, и увѣрены, что Онъ, какъ Сердцевѣдецъ, видитъ всѣ ихъ слезы, слышитъ всѣ ихъ вздохи, и, какъ Всемогущій, устрояетъ для нихъ обители въ свѣтломъ дому Отца небеснаго. «Отними истину Божества Іисуса Христа, говоритъ Аѳанасій Великій, и падетъ апостольство, мученичество, подвижничество». Такъ! ибо и апостолы, и мученики, и подвижники текли и текутъ не во слѣдъ человѣка, а во слѣдъ Единороднаго Сына Божія. Такъ! ибо всѣ ревнители благочестія почерпали и почерпаютъ утѣшеніе въ той истинѣ, что Спаситель, въ Коего они вѣруютъ, есть Богъ истинный, Который всегда можетъ *спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу* (Евр. 7, 25).

Истина утѣшительная! Но, братіе, какъ мало и какъ немногихъ изъ насъ утѣшаетъ она! Входитъ ли кто-нибудь въ родство съ сильными земли, успѣваетъ ли кто-нибудь заслужить вниманіе высшихъ его: какая послѣ того радость и торжество! весь міръ кажется ему ниже его! А радостнѣйшая вѣсть, что Богъ, Самъ Богъ благоволилъ нынѣ вступить со всѣми нами въ родство самое ближайшее, сія вѣсть не трогаетъ сердецъ, колеблющихся до основанія при самомъ легкомъ звукѣ чести!—Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ, братіе, несчастные случаи, встрѣчавшіеся съ нами на стропотномъ пути жизни: утѣшалось ли, хотя сколько-нибудь, сердце наше тою мыслію, что *присносущенъ есть, Иже* пришелъ *искупити* насъ (Іов. 19, 25)? Увы! едва ли большая часть изъ насъ не ходили въ сіе время, подобно израильтянамъ, за утѣшеніемъ къ богамъ инымъ; — а единый истинный Богъ, а Спаситель нашъ, Который для того и явился во плоти, дабы исцѣлить всѣхъ сокрушенныхъ сердцемъ, доставить покой всѣмъ труждающимся и обремененнымъ, а о Немъ мы и не думали! Такъ мало радуетъ насъ, Господи, Твое пришествіе къ намъ! Мы вѣруемъ, что Божество Твое не измѣнилось чрезъ соединеніе съ человѣчествомъ; но на небѣ созерцаніе Его служитъ неизреченнымъ источникомъ радостей для тьмы темъ Ангеловъ, а на землѣ оно не можетъ утѣшить малаго числа людей!... Гдѣ причина столь несчастной разности? Нигдѣ, братіе, кромѣ нашихъ грѣховъ. Давно сказано и возвѣщено, что *нѣсть радоватися нечести-*

вымъ (Исаіи 48, 22). — нѣсть и никогда не будетъ! Посему, доколѣ мы не очистимъ сердца своего отъ скверны грѣховныхъ, не обратимся всѣмъ сердцемъ къ нашему Спасителю и не начнемъ жить Его жизнію, дотолѣ Божественныя совершенства Его не могутъ произвести въ насъ радости: ибо мы въ такомъ случаѣ не Его, и Онъ не нашъ. И что было бы при семъ пользы отъ радости? Она только усугубила бы нашу духовную безпечность. Въ семъ состояніи удаленія отъ Спасителя нашего для насъ потребна не радость, а страхъ. Итакъ, да возвѣстится онъ отъ лица воплотившагося Господа тѣмъ, кои произвольно лишаютъ себя радости!

Апостолъ Павелъ, изобразивъ нѣкогда въ утѣшеніе бѣдствовавшихъ евреевъ достопокланяемыя совершенства Мессіи, въ Коего они увѣровали, и показавъ, что Онъ есть Творецъ видимыхъ и невидимыхъ, *носящій всяческая глаголомъ силы Своея* (Евр. 1, 3), потомъ въ предостереженіе ихъ отъ безпечности и ложной надежды, присовокупилъ слѣдующія слова: итакъ, братіе, обратите все вниманіе на Іисуса Христа; *ибо ежели Ангелами возвищенное слово* (каковъ законъ Моисеевъ) *было твердо, и всякое преступленіе и непослушаніе получало праведное возмездіе: то какъ мы избѣжимъ* наказанія, если *вознерадимъ о толикомъ спасеніи, которое, бывъ сначала проповѣдано Господомъ, слышавшими* отъ Него, *намъ твердо доказано* (Евр. 2, 2. 3)?

Остановимъ, братіе, и мы вниманіе наше на сей мысли Апостола; ибо въ ней содержится все, что можетъ побудить насъ содѣлывать свое спасеніе со страхомъ. Искупитель нашъ есть Богъ, *благословенный во вѣки* (Римл. 9, 5); итакъ, какого повиновенія Его заповѣдямъ, какой вѣрности Его слову не потребно со стороны искупленныхъ Имъ? Какъ Богъ всемогущій, Онъ даровалъ намъ Своею Божественною силою *все потребное къ жизни и благочестію* (2 Петр. 1, 3); какъ Богъ всеблагій, Онъ послалъ въ сердца наши Духа Святаго со всѣми благодатными дарами; какъ Богъ премудрый, Онъ далъ къ созиданію нашему апостоловъ, учителей, пастырей: какъ же намъ должно быть осторожными, вѣрными, дѣятельными, чтобы оправдать столь благій совѣтъ Божій о насъ! Для насъ уже нѣтъ столь высокой добродѣтели, нѣтъ столь труднаго подвига благочестія, къ совершенію коихъ мы не были

бы обязаны. Нѣтъ уже для насъ и столь опаснаго искушенія, столь упорнаго навыка ко злу, коихъ нельзя было бы намъ побѣдить. Съ нами Богъ; а посему намъ уже должно быть всегда съ Богомъ. Съ нами Богъ; а посему намъ должно быть праведными и благими, какъ Онъ благъ и праведенъ. Что же будетъ съ нами, если мы будемъ поступать (какъ и поступаемъ) напротивъ? Что будетъ съ нами, если беззаконною жизнію содѣлаемъ для себя безплоднымъ воплощеніе Бога, если своими злыми дѣлами второе распнемъ Сына Божія? «Муки вѣчныя,—восклицаетъ при сей мысли одинъ благочестивый писатель,—вы мнѣ кажетесь велики, когда я представляю себѣ слабость грѣховной природы человѣческой, но вы мнѣ кажетесь малы, когда воспоминаю, что грѣшникъ, осужденный на вѣчныя мученія, попралъ предвѣчнаго Сына Божія».

Такъ, братіе, адъ со всѣми его ужасами малъ въ сравненіи съ преступленіемъ христіанина, который своими грѣхами поругалъ Сына Божія, воплотившагося для его спасенія. *Ему же дано много, много и взыщется отъ того:* чего же не взыщется отъ насъ, если мы погубимъ сей даръ? Если вопль крови Авелевой былъ столь силенъ, что немедленно воззвалъ Бога къ отмщенію, то какого отмщенія не долженъ призвать на главу грѣшниковъ вопль крови Сына Божія? Страшны были казни тѣхъ, кои не оказали должнаго уваженія лицу Моисея: Даѳанъ и Авиронъ снѣдены огнемъ, племя Корея пожерто землею, Маріамъ поражена проказою. Но Моисей, по ученію апостола Павла, былъ только *слуга въ дому Божіемъ* (Евр. 3, 5). Тьмы темъ Моисеевъ ничто въ сравненіи съ единымъ Сыномъ Божіимъ. Если же, заключаетъ Апостолъ, *отвергшійся закона Моисеева безъ милосердія* наказывался *смертію; то, сколь жесточайшему, думаете, мученію повинень будетъ тотъ, кто* своими грѣхами *попираетъ Сына Божія, и ругается надъ Духомъ благодати* (Евр. 10, 28. 29).

О, братіе святая,—дерзнемъ и мы сказать къ вамъ словами Апостола,—обратите все вниманіе ваше на Спасителя вашего! Онъ Спаситель, но вмѣстѣ и Судія нашъ; Искупитель вѣрующихъ, но въ то же время и Отмститель невѣрнымъ. Итакъ, созерцая Божество Его, надобно служить Ему но служить со страхомъ, — должно радоваться предъ Нимъ

но радоваться съ трепетомъ. *Аще Богъ Сына Своего* ради насъ *не пощадѣ, како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32)? Послѣ Сына, у Бога нѣтъ большихъ даровъ, а какіе есть, тѣ всѣ наши. Посему *радуйтеся*, говоритъ Апостолъ, *и паки реку, радуйтеся* (Фил. 4, 4). Но, радуйтеся съ трепетомъ! *Почтимъ Сына* (Псал. 2, 12), нынѣ намъ даруемаго, почтимъ и облобызаемъ — вѣрнымъ исполненіемъ повелѣній Его, ревностнымъ подражаніемъ примѣру Его; почтимъ, чтобъ Онъ не прогнѣвался на презрителей славы Его, и мы не погибли въ пути нашемъ. *Блаженны вси уповающіе на Него* (Псал. 2, 12)! Сугубо несчастны всѣ прогнѣвляющіе Его своими грѣхами! —

Искупитель, пришедшій спасти насъ, будучи Богомъ, есть вмѣстѣ и человѣкъ, во всемъ, кромѣ грѣха, намъ подобный. *Слово плотъ бысть.* — Опять, братіе, радость и страхъ!

И во-первыхъ—радость.—*Малъ бѣхъ въ братіи моей, и юнѣйшій въ дому отца моего. Братія мои добри и велицы: и не благоволи въ нихъ Господь* (Псал. 151, 1. 7),—такъ воспѣвалъ нѣкогда Давидъ, сравнивая свое прежнее—бѣдственное и уничиженное состояніе съ славою царскою, которою Господь возвеличилъ его надъ Израилемъ. Радостная пѣснь сія, братіе, должна быть нынѣ хвалебною пѣснію всего рода человѣческаго. Человѣкъ есть меньшій между братіями своими—существами разумными, кои окружаютъ Престолъ Божій; онъ есть юнѣйшій, въ сравненіи съ ними, въ дому Отца небеснаго—по времени своего сотворенія, и еще юнѣе—по совершенствамъ. Братія его—существа безплотныя—*добри и велицы*, прекрасны и могущественны. Въ какихъ чертахъ ни описуетъ намъ слово Божіе совершенства сихъ старѣйшихъ братій нашихъ? Они безтѣлесны, безсмертны, безгрѣшны, всегда крѣпки, всегда легки въ исполненіи воли Божіей. Человѣкъ же, хотя былъ нѣкогда *уменьшенъ малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Псал. 8, 6), но своими грѣхами столько умалилъ себя предъ ними, что Ангелы при всей любви своей къ нему, не могли узнавать въ немъ своего собрата. Не смотря на все это, что видимъ теперь? Братія наши—существа безплотныя—*добри и велицы*, но—*не благоволи въ нихъ Господь!* Онъ не благоволилъ принять на Себя естества ни Архангеловъ, ни Ангеловъ, а пріем-

летъ естество (кто бы могъ думать?) слабаго, смертнаго, грѣховнаго человѣка!

Послѣ сего можно ли намъ не исполняться радости, видя, что бѣдное естество наше удостоилось чести соединиться въ лицѣ Искупителя нашего съ Самимъ Божествомъ такъ, что въ немъ обитаетъ теперь *вся полнота Божества тѣлесно* (Кол. 2, 9)?—Какъ намъ не радоваться, видя, что на славномъ и превознесенномъ престолѣ Божества, куда мы грѣшные безъ страха не смѣли и очей возвести, возсѣдитъ нынѣ во всемъ Подобный намъ, кромѣ грѣха?—Бѣдная плоть, жилище грѣха и смерти, при всей слабости твоей и наклонности ко грѣху, я не могу теперь уже взирать на тебя съ отвращеніемъ, котораго ты сама по себѣ заслуживаешь. Нѣтъ, ты освятилась, когда Святѣйшій святыхъ соединился съ тобою. Въ Адамѣ естество мое низпало, въ Искупителѣ превознесено. Въ прославленномъ человѣчествѣ Господа моего я имѣю несомнѣнный залогъ, что и мое бѣдное человѣчество нѣкогда прославится, что и мое смертное облечется безсмертіемъ. Гдѣ Глава, тамъ будутъ и члены; гдѣ Первенецъ, тамъ явятся и меньшіе братія; гдѣ Предтеча—Іисусъ, тамъ соберутся и Его послѣдователи. *Наше жительство*, писалъ нѣкогда апостолъ Павелъ къ Филипписеямъ, *на небесѣхъ есть, отонуду же и Спасителя* нашего *ждемъ* (Фил. 3, 20). Почему усвояется жительство на небесахъ тѣмъ, кои еще жили на земли? Потому,—какъ разсуждаетъ тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ,—что тамъ, на небѣ, живетъ Господь Іисусъ, а въ Немъ живемъ уже и всѣ мы. Что же, Божественный Апостоле, что будетъ слѣдствіемъ сего чуднаго сожительства нашего со Христомъ? То, отвѣтствуетъ онъ, что Господь не только *преобразитъ уничиженное тѣло наше, дабы оно было сообразно Его преславному тѣлу* (Фил. 3, 21), но и посадитъ всѣхъ насъ на томъ Престолѣ, на коемъ Онъ возсѣдитъ теперь Самъ (Апок. 3, 21).

Столь величественные виды открываются намъ, братіе, въ будущемъ отъ того, что Божественный Искупитель нашъ есть подобный намъ человѣкъ! Но, въ то же время, человѣчество Его содержитъ въ себѣ все, что нужно къ воодушевленію насъ и среди настоящихъ нашихъ бѣдствій. Чтобы яснѣе и раздѣльнѣе видѣть это, припомнимъ одну изъ

цѣлей, для которыхъ, по ученію апостола Павла, Богъ Отецъ благоволилъ, чтобы возлюбленный Сынъ Его содѣлался подобнымъ намъ человѣкомъ. Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться *братіи*, то-есть, всѣмъ намъ, между прочимъ потому и для того, *да милостивъ будетъ и вѣренъ Первосвященникъ въ тѣхъ, яже къ Богу, во еже очистити грѣхи людскія: въ немже бо пострада, Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 17. 18). То-есть, премудрость и любовь Божія какъ бы опасались, чтобы Ходатай нашъ не былъ немилосердъ къ намъ, если Самъ не испытаетъ нашихъ искушеній, и для того опредѣлили Ему принять плоть нашу!... Можно ли было больше и сильнѣе сего утѣшить и ободрить слабость нашу?—О, теперь смѣло каждый изъ насъ можетъ вопіять къ своему Спасителю о помощи. Онъ Самъ *искушенъ былъ по всяческимъ* (Евр. 4, 15), знаетъ всѣ немощи нашего естества, вѣдаетъ, какъ тяжело слабому духу возноситься надъ плотію, какъ трудно поврежденной природѣ нашей сражаться съ грѣхомъ. Онъ Самъ былъ озлобляемъ, гонимъ, не имѣлъ, гдѣ подклонить главы; Самъ вопіялъ о помощи, когда былъ оставленъ Отцемъ на крестѣ. Послѣ сего возможно ли, чтобы Онъ не услышалъ и не послалъ утѣшенія тѣмъ, кои будутъ вопіять къ Нему?—чтобы забылъ, такъ сказать, цѣль собственныхъ искушеній, собственныхъ страданій? И Ангелы, которые сами никогда не страдали, милостивы: Онъ долженъ быть еще милостивѣе. И Ангелы, кои сами никогда не просили о помощи, готовы помогать: Онъ долженъ быть еще готовѣе. Послѣ сего нѣтъ никакой причины роптать намъ на немощи наши и страшиться искушеній: мы слабы, но Спаситель нашъ есть Богъ крѣпкій; а мы имѣемъ въ Немъ не только Первосвященника, Который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но Который, подобно намъ, испыталъ все, кромѣ грѣха. Посему, заключаетъ Апостолъ, и должны смѣло приступать къ Престолу благодати, дабы *получить милость и обрѣсти благодать* всякій разъ, *когда* только *будетъ нужна помощь* (Евр. 4, 16).

Въ одномъ только случаѣ, братіе, это благодатное дерзновеніе и упованіе нисколько не могутъ принадлежать намъ: если, то-есть, наши дѣянія и жизнь не будутъ соотвѣтствовать правиламъ Евангелія. Въ такомъ случаѣ самое пресвятое

Тѣло Господа и самая пречистая Кровь Его, пріемлемыя въ таинствѣ причащенія, послужатъ для каждаго изъ насъ не во исцѣленіе души и тѣла, а въ судъ и осужденіе, тѣмъ тягчайшее, чѣмъ выше Жертва, принесенная въ искупленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, нераскаянный грѣшникъ, что ты речешь на судѣ будущемъ въ свое оправданіе? Если бы тебя судилъ Богъ, а не Богочеловѣкъ, ты могъ бы, хотя незаконно, указать на слабость плоти, тебѣ прирожденной,—сказать, что законъ Господень святъ и неумолимъ, а ты *плотянъ, проданъ подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14). Но ты будешь судимъ Имѣющимъ подобное тебѣ естество, долженъ будешь дать отвѣтъ предъ Богочеловѣкомъ. Что речешь въ свое оправданіе? «Я, скажетъ Онъ тебѣ, побѣдилъ міръ и его искушенія одинъ;—всѣ отягощали и никто не облегчалъ креста Моего. Я побѣдилъ міръ не для Своего, а для твоего спасенія,—побѣдилъ съ твоею плотію, *осудилъ грѣхъ во плоти* (Рим. 8, 1. 4),—побѣдилъ не на легкой борьбѣ, а на крестѣ, будучи оставленъ Отцемъ Моимъ. Вотъ что совершилъ Я для тебя во плоти! Ты что сдѣлалъ? Не умѣлъ побѣдить міра, уже побѣжденнаго Мною, побѣдить не для Моего, а для своего спасенія, побѣдить съ Моею всемощною благодатію. Се, слѣды терноваго вѣнца на главѣ Моей, которая такъ же, какъ и твоя, была чувствительна; вотъ мѣсто, въ которое пронзило Меня копіе; вотъ язвы отъ гвоздей на рукахъ и ногахъ, кои, подобно твоимъ, не могли не ощущать мученій! Ты что сдѣлалъ? Покажи хотя одну язву, которую бы ты претерпѣлъ за правду, покажи хотя одинъ волосъ, коего ты лишился бы за Меня. Но тебя не только не гнали за правду, еще отвращали отъ зла, поощряли къ добру—совѣтами, повелѣніемъ, наградами, страхомъ. И ты, влекомый на небо и подобными тебѣ людьми и Моею благодатію, попустилъ врагу увлечь себя въ адъ?—Рабъ лѣнивый и лукавый, погибель твоя отъ тебя!»—

«Когда такъ (можетъ помыслить при семъ кто-либо), когда нераскаянный христіанинъ будетъ судимъ гораздо строже язычника и подвергнется большему наказанію, потому что уничижилъ заслуги Сына Божія: то пришествіе Спасителя въ міръ послужитъ къ большему осужденію значительной части рода человѣческаго; ибо извѣстно, что званныхъ много, а избранныхъ мало». Такъ, братіе, это истина,

постоянно возвѣщаемая словомъ Божіимъ; и можетъ быть (до чего не простирается безуміе грѣшника?), можетъ быть, нѣкоторые, при размышленіи о сей ужасной для грѣшниковъ истинѣ, доходятъ до ужаснѣйшаго желанія, чтобы Сынъ Божій не являлся во плоти для ихъ спасенія, дабы имъ не подвергнуться тѣмъ большему осужденію за грѣхи, коихъ они не намѣрены оставить. Но что изъ сего?—Какъ мы не могли низвести Христа Спасителя съ неба, такъ не можемъ и возвести Его отъ насъ на небо. Богъ Отецъ единожды и навсегда послалъ Сына Своего къ намъ,—*и не раскается* (Псал. 109, 4)! Онъ вѣчно будетъ Спасителемъ кающихся, и Отмстителемъ нераскаянныхъ; вѣчно будетъ лежать *на паденіе и востаніе многимъ* (Лук. 2, 34). Падайте, если угодно, претыкайтесь о Него; но тѣ, кои вѣрно слѣдуютъ гласу Его, всегда будутъ находить въ Немъ Христа—*Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24).

Но, почему и вамъ, бѣдствующіе грѣхами братіе, не найти этого для себя въ нашемъ Спасителѣ?—Вы удалились отъ Него непрестанными невѣрностями вашими святому закону Его, но Онъ всегда близокъ къ вамъ Своимъ милосердіемъ.—се, и оставилъ девяносто девять овецъ, и пришелъ взыскать и спасти васъ заблудшихъ! Вы лежите долу, поверженные чувственностію, а Онъ развѣ на престолѣ? Не въ ясляхъ ли, дабы вамъ можно было приступить къ Нему всегда и вездѣ?—О братіе, вмѣсто сомнѣній, ропота и упорства, уразумѣйте лучше *Спасителя и Посланника исповѣданія* нашего, поймите Его любовь къ вамъ, Его кротость и снисхожденіе ко всѣмъ грѣшникамъ, и вы сами скажете: *таковъ намъ подобаше* (Евр. 7, 26) Спаситель! Сами возблагодарите Господа за то, что Онъ посѣтилъ нынѣ насъ, въ тьмѣ и сѣни смертной сѣдящихъ.

Но, Господи, Господи! видно, для насъ нуженъ не только свѣтъ, но и исцѣленіе очей,—не только необходимо врачевство, но и отверзеніе устъ для принятія его. Тебѣ возможно и сіе, ибо для Тебя вся возможна суть! Помажи же всеисцѣляющимъ *коллуріемъ* (Апок. 3, 18) Твоимъ болѣзнующія, покрытыя прахомъ суетъ очи наши, да видимъ свѣтъ Твой, возсіявшій нынѣ изъ Виѳлеема;—отверзи уста наши для принятія хлѣба животнаго, нисшедшаго нынѣ съ небесе. Иначе, безъ Твоего благодатнаго содѣйствія, мы и у источ-

ника жизни не престанемъ истаевать отъ жажды, и въ домѣ хлѣба—умремъ отъ глада! Аминь.

Слово въ день Рождества Христова.

Когда на землѣ происходитъ что-либо новое и чрезвычайное, то обыкновенно всѣ спрашиваютъ, что оно значитъ, что надобно при семъ дѣлать и чего ожидать?—Сошествіе на землю Сына Божія, явленіе во плоти Бога, есть, братіе, такое чрезвычайное событіе, болѣе коего ни прежде не было, ни послѣ не будетъ, въ сравненіи съ коимъ всѣ прочія событія почти ничего не значатъ.—Что же оно само значитъ? Для чего Сынъ Божій нисшелъ на землю? Что принесъ съ Собою? Какъ намъ Его срѣтить, и что при семъ дѣлать?

На всѣ сіи—несказанной важности—вопросы премудро отвѣчаетъ Церковь въ одномъ изъ своихъ пѣснопѣній.—

Странное Рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше; сего бо ради высокій Богъ на землю сниде, да насъ къ высотѣ привлечетъ (Акаѳ. Богом. Конд. 8).

Итакъ, цѣль нисшествія на землю Бога—есть привлечь всѣхъ сущихъ долу на небо: цѣль самая высокая! Обязанность тѣхъ, кои, влекомые, захотятъ въ самомъ дѣлѣ взойти на высоту—есть устраниться міра и всѣхъ суетъ его: обязанность необходимая! Средства выполнить сію обязанность и достигнуть цѣли—есть, по указанію Церкви, преложеніе ума и мыслей на небо: средство и близкое для каждаго, и вѣрное, и самое легкое!

Передадимъ, братіе, сіи истины не столько уму, для коего онѣ болѣе или менѣе извѣстны, а сердцу нашему, которое такъ часто забываетъ ихъ.

Сего ради высокій Богъ на землѣ явися, да насъ къ высотѣ привлечетъ. Точно сего ради! Иначе что Его Самаго могло привлечь съ неба на землю? Если бы Онъ искалъ славы, то пошелъ бы къ Ангеламъ; а у насъ что найдетъ, кромѣ яслей и креста? Только наша бѣдность привлекла Его.—И кого она не тронетъ?—Есть ли зло, которое во всѣхъ видахъ не свирѣпствовало бы надъ бѣднымъ родомъ человѣческимъ?—Что не вредитъ намъ? Земля питается нашею плотію, воды текутъ нерѣдко нашею кровію, воздухъ дышетъ нашимъ

тлѣніемъ. Существа высшія прервали союзъ съ нами и сокрылись; существа низшія или враждуютъ противу насъ, или стенаютъ подъ однимъ съ нами игомъ суеты. Песчинка, лежащая вскрай моря, долговѣчнѣе царствъ; мимолетящее облако постояннѣе судьбы многихъ счастливцевъ. Самый свѣтъ нашей мудрости немного разнится отъ свѣта блуждающихъ огней, кои не столько освѣщаютъ путь, сколько паденіемъ своимъ приводятъ въ ужасъ путниковъ. Самая красота добродѣтели нашей подобна румянцу на лицѣ мертваго.

А помочь злу? А исправить поврежденіе?—Для сего нѣтъ на землѣ, ни въ комъ и нигдѣ средства. Видѣли мудрецовъ: они или плакали, или смѣялись надъ бѣдствіями человѣчества, а бѣдствія остались. Встрѣчали законодателей: они ставили преграды противъ потока зла; преграды одна за другою пали, а ужасный потокъ растетъ и ширится. Радовались появленію друзей человѣчества: они освѣщали всеобщій мракъ нѣкоторыми лучами отрады, но, по краткомъ мерцаніи, тьма воцарялась снова. Все было испытано, и все осталось тщетнымъ!—*Воззрѣхъ, и не бѣ помогающаго; призвахъ, и никтоже заступи* (Исаіи 63, 5),—такъ могъ сказать о себѣ весь родъ человѣческій.

Не было помогающаго на землѣ, но былъ на небѣ! Ни ходатай, ни Ангелъ, но Самъ Богъ и Господь явися во плоти, да *насъ къ высотѣ привлечетъ*. Кто создалъ насъ, Тотъ Самый пришелъ и возсоздать насъ. И поелику пришелъ Тотъ, Кто превыше всѣхъ, то и цѣль пришествія выше всего. Для насъ довольно было быть возстановленными въ первое достояніе, но для Него мало!—Возстановивъ, Онъ хочетъ потомъ насъ возвести на высоту,—къ такому совершенству, коего мы прежде не имѣли. И какъ возвести? Не призывая токмо, какъ находящихся въ отдаленіи, не руководя только, какъ заблуждшихъ, но привлекая силою, какъ упорныхъ, кои, безъ сильнаго побужденія, сами не захотятъ идти и на небо.

Много требовалось для этого влеченія, и много сдѣлано!—Чѣмъ не влечетъ насъ Избавитель нашъ? Влечетъ всѣхъ силою совѣсти, влечетъ заповѣдями и угрозами Закона, влечетъ обѣтованіями евангелія, влечетъ примѣромъ Своимъ и избранныхъ Своихъ, влечетъ служеніемъ Церкви и ея таинствами, влечетъ Тѣломъ и Кровію Своею, влечетъ

невидимою благодатію Духа. Христіанинъ, можно сказать, весь въ узахъ любви Божіей, отъ колыбели до гроба. Не мало и сдѣлано уже посредствомъ сего влеченія. Сколько уже душъ на высотѣ! Какой добродѣтели человѣческой нѣтъ уже на небѣ! Есть тамъ многочисленные сонмы пророковъ и учителей, мучениковъ и подвижниковъ, воздержаниковъ и дѣвственниковъ. Всѣ чисты, всѣ свѣтлы, всѣ блаженны;—и всѣ таковы потому, что Господь славы и блаженства былъ на землѣ, повлекъ ихъ за Собою на небо и даровалъ имъ способность содѣлаться подобными Ему. Но, среди нашей бѣдности и смертности, мы не видимъ и не можемъ видѣть теперь всѣхъ великихъ и благотворныхъ слѣдствій явленія во плоти Сына Божія. Это во всей полнотѣ познается тогда, когда наступитъ конецъ міра и всѣмъ благодатнымъ распоряженіямъ Божіимъ,—когда пріидетъ время откровенія чадъ Божіихъ, часъ мздовоздаянія и славы. Тогда-то, братіе, узримъ, изъ какой бездны мы извлечены, на какую высоту возведены, отъ чего спасены и чего мы удостоены.

Но мы ли, братіе, точно ли мы извлечены изъ бездны и преставлены на высоту? Спасеніе міра можетъ ли принадлежать намъ? Ибо оно принадлежитъ токмо тѣмъ, кои, чувствуя влеченіе свыше, предаются ему всецѣло и навсегда,—влекомые устраняются, какъ можно болѣе, міра и его суетъ, постоянно пекутся объ очищеніи себя отъ всякой скверны плоти и духи. Это—необходимое условіе спасенія, явленнаго въ Сынѣ Божіемъ; безъ сего Самъ Господь не можетъ и не возможетъ спасти насъ. Развращенное, нераскаянное сердце есть такая тяжесть, которой и всемогущество Его не можетъ поднять на высоту. Будемъ ли жаловаться на сіе?—сѣтовать о томъ, что намъ не возможно взять съ собою на небо земли, внести въ рай и нашихъ идоловъ? Но это было бы сѣтованіе о невозможномъ. Такимъ образомъ изъ самаго неба сдѣлался бы адъ. Если бы чудомъ милосердія грѣшникъ неочищенный и преставленъ былъ въ рай, то не нашелъ бы тамъ ничего райскаго. Новость предметовъ и мѣста изумили бы его на время; но сердце и чувственность вскорѣ потребовали бы сродной себѣ пищи; а ее нѣтъ тамъ и быть не можетъ. Гладъ и жажда, отсюда происшедшіе, составили бы адское мученіе среди самаго рая.

Ужасная для грѣшныхъ, но отрадная для праведныхъ, истина сія даетъ себя чувствовать съ силою уже и здѣсь—на землѣ. И здѣсь что для благочестиваго составляетъ наслажденіе, напримѣръ: молитва, постъ, хожденіе во храмъ, посѣщеніе темницъ и проч., то въ человѣкѣ чувственномъ производитъ тягость и скуку. И наоборотъ, въ чемъ грѣшникъ находитъ отраду для бѣдной души своей, то для человѣка добродѣтельнаго составляетъ нерѣдко предметъ отвращенія. Но таковая противоположность вкуса и наслажденій еще съ большею силою должна открыться за гробомъ. Тамъ каждый самъ изъ себя уже образуетъ или рай,—если имѣлъ въ себѣ сѣмена рая на землѣ, или адъ.—если далъ мѣсто въ себѣ пламени адскому, еще будучи въ тѣлѣ. Посему-то, братіе, всѣ священные писатели, всѣ Пророки и Апостолы ничего такъ часто и такъ сильно не внушаютъ людямъ, какъ стараться объ очищеніи своего духа и тѣла. Безъ сего снисшествіе на землю Сына Божія и всѣ средства благодатныя не принесутъ пользы: безъ сего самыя блага небесныя не доставили бы отрады бѣдной душѣ грѣшника, подобно какъ слѣпой или глухой наслѣдникъ нисколько не получаетъ удовольствія отъ того, что въ наслѣдствѣ, ему доставшемся, есть прекрасныя мѣста и виды природы, или доброгласныя орудія мусикійскія.

Странное убо *рождество Спасителя нашего видѣвше, устранимся*, братіе, *міра:* будемъ жить въ немъ такъ, какъ жилъ Господь нашъ, какъ жили всѣ святые Божіи человѣки,—не увлекаясь соблазнами его, не совращаясь примѣрами его, не прилагая сердца къ благамъ его, возносясь мыслію надъ всѣмъ дольнымъ и временнымъ, или, по выраженію Церкви, *умъ на небеса преложше.*

Такое преложеніе ума и мыслей на небо есть самое первое, весьма удобное и надежное средство преложиться нѣкогда туда и всѣмъ существомъ своимъ.—Съ чего начинается обыкновенно наше развращеніе? Съ худыхъ мыслей. Съ мыслей должно начаться и наше исправленіе. Непрестанныя мысли о земномъ и плотскомъ губятъ насъ; частое размышленіе о небесномъ и духовномъ можетъ спасти насъ. Что легче мысли?—Между тѣмъ, часто повторяемая, мысль много значитъ. Какъ тѣлесное зрѣніе наше принимаетъ даже цвѣтъ тѣхъ предметовъ, на кои мы долго смотримъ:

такъ бываетъ и съ очами сердца. Начни чаще мыслить о Богѣ и Его совершенствахъ, о душѣ и ея предназначеніи, о вѣчности, о совѣсти, о безобразіи грѣха и красотахъ добродѣтели: изъ благихъ мыслей скоро появятся благія желанія; эти желанія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, перейдутъ въ дѣйствія; изъ повторяемыхъ дѣйствій образуется навыкъ къ добру; а тамъ,—отъ дѣйствія благодати Божіей, явится и сердце новое и новая жизнь.

Что же касается до самаго образа дѣятельнаго восхожденія на высоту, то онъ указанъ намъ самымъ снисхожденіемъ къ намъ Сына Божія: что Его низвело, то насъ возведетъ. Его низвела на землю преданность волѣ Отца: *се иду*, вѣщалъ Онъ Отцу, *сотворити волю Твою, Боже* (Евр. 10, 7). Для насъ сія преданность есть первая и прямая стезя на небо.—Онъ нисшелъ къ намъ по великой любви Своей къ бѣдному роду человѣческому; мы взойдемъ къ Нему по любви нашей къ Нему и земнымъ братіямъ нашимъ. Дѣла милосердія всего болѣе приближаютъ насъ ко Всемилосердому.—Онъ явился на землю облеченный всѣми видами смиренія. Если и мы облечемся въ сію одежду, будемъ почитать себя окаянными грѣшниками и полагать надежду на одну милость Божію; то симъ смиреніемъ и мы—*стяжемъ высокая*. Что Его низвело, то насъ возведетъ! Будемъ только всегда вѣрно слѣдовать по стопамъ Его, и мы непремѣнно пріидемъ на небо, къ Нему, нашему Спасителю и Господу. Аминь.

Слово на день Рождества Христова.

Христосъ раждается, славите! Христосъ съ небесъ, срящите! Христосъ на земли, возноситеся!

Сею священною пѣснію блаженный Дамаскинъ предначалъ свои безсмертныя пѣснопѣнія во славу настоящаго праздника. Сею же величественною пѣснію и св. Церковь предначинаетъ, за нѣсколько недѣль до праздника, свои предпраздничественные гимны въ честь Божественнаго Жениха своего и Господа. Пѣснь высокая по духу, глубокая по чувству и крайне назидательная по смыслу. Въ ней съ такою же краткостію, какъ и силою, выражено и величіе настоящаго праздника, и какъ должно проводить его по-

христіански. Первѣе всего св. пѣснопѣвецъ приглашаетъ всѣхъ и каждаго къ радости и славословію: *Христосъ раждается, славите!*

И дѣйствительно, это первое чувство, которое само собою исполняетъ всю душу христіанина, коль скоро онъ хотя мало понимаетъ силу и цѣль преславнаго таинства воплощенія Сына Божія. Какъ не радоваться, представляя Божественное величіе Раждающагося и крайне благотворную цѣль, для коей Онъ раждается, помышляя, что съ явленіемъ Бога во плоти, падшее естество наше не только возстановляется на первую степень чести и блаженства, потерянную въ Эдемѣ, но въ лицѣ Богочеловѣка, возносится превыше *всякаго начала и власти,* обожается на всю вѣчность!—Какъ не благодарить, воспоминая при семъ, чего стоило таинство воплощенія нашему Спасителю, что Онъ для сего оставилъ небо и престолъ славы, принялъ образъ человѣка, благоволилъ вселиться съ нами на нашей бѣдной землѣ, терпѣть все, что мы терпимъ, претерпѣть и то, чего даже мы не терпимъ! А радуясь и благодаря, какъ, вмѣстѣ съ сонмами безплотныхъ духовъ, окружающихъ ясли предвѣчнаго Младенца, не воспѣть славу въ вышнихъ Богу! — О, да соберутся у сихъ яслей всѣ сыны падшаго Адама, да составятъ единый хвалебный хоръ и да возгласятъ славу своего Искупителя!— Слава, вѣчная слава, Богу Отцу, Который, по неизреченному милосердію Своему къ намъ, *многочастно и многообразно* дѣйствуя для спасенія нашего, наконецъ, *въ послѣдніе дни сіи,* благоволилъ послать для сего и Единороднаго *Сына любве Своея, раждаемаго отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріимемъ!* — Слава, вѣчная слава, Богу Духу Святому, Который, также многочастнѣ и многообразнѣ изливаясь въ дарахъ Своихъ на оскудѣвшее духомъ человѣчество, наконецъ, чрезвычайнымъ наитіемъ Своимъ благоволилъ образовать въ утробѣ Дѣвы чистѣйшую плоть для вѣчнаго соединенія въ Богомъ Словомъ, дабы чрезъ сего новаго, Божественнаго Посредника проліяться потомъ на все человѣчество еще въ большихъ, высшихъ дарахъ! — Слава Божеству нашего Искупителя, которое и по соединеніи Его съ нашимъ человѣчествомъ не престало быть тѣмъ, чѣмъ было отъ вѣчности! Слава человѣчеству нашего Ходатая, которое, по соединеніи его

съ Божествомъ. содѣлалось предметомъ поклоненія для Архангеловъ и Ангеловъ! — *Христосъ раждается. славите!*

Славьте. священники: ибо раждается великій Первосвященникъ. Который *единымъ приношеніемъ* совершитъ навсегда Имъ *освящаемыхъ*. Славьте. мірскіе: ибо Онъ всѣхъ насъ *сотворитъ цари и іереи Богу*. Славьте. мудрые: ибо Онъ бысть намъ отъ Бога *премудрость. правда. освященіе и избавленіе*. Славьте. буіи: ибо Онъ буяя изберетъ. дабы буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ (Евр. 10. 14: Апок. 5. 10: 1 Кор. 1. 30: 1 Кор. 1. 21). Славьте. старцы: ибо Отроча младо есть Богъ превѣчный и Отецъ будущаго вѣка. Славьте. отроки: ибо кто не будетъ. яко отроча. не можетъ войти въ Его царство. Славьте. младенцы: ибо Онъ изъ устъ младенецъ совершаетъ Себѣ хвалу. Славьте. дѣвы: ибо Онъ раждается отъ Дѣвы. Славьте. вдовицы: ибо Онъ. принесенный во храмъ. будетъ проповѣданъ вдовицею. Да славитъ и величаетъ Его вся тварь: ибо Онъ грядетъ снять проклятіе со всей твари и несетъ благословеніе всему міру!

Славьте: раздѣляйте отъ сердца съ Церковію тѣ священные гимны. коими она славитъ своего рождающагося Владыку и Господа: возглашайте и сами во славу Его. кто и какъ можетъ. Славьте: бесѣдуйте о Немъ въ своихъ домахъ и собраніяхъ. на трапезахъ и ложахъ. съ знаемыми и незнаемыми. а паче съ присными и домашними. Славьте: вразумляйте тѣхъ. коимъ неизвѣстна или непонятна Его любовь къ человѣчеству. Его ясли и крестъ. Славьте: и устами. и письменами. а паче жизнію и своими нравами. старяясь сообразовать ихъ съ тѣми правилами. кои преподаны изъ Виѳлеема. Славьте. не стыдитесь пеленъ и яслей: въ нихъ наша слава и спасеніе!

Христосъ съ небесъ. срящите!

И Ангели славословятъ и дѣйствуютъ — проповѣдуютъ о рожденіи пастырямъ, успокоиваютъ въ сновидѣніи Іосифа. отвращаютъ опасность отъ Божественнаго Отрочати; тѣмъ паче людямъ неприлично среди славословія оставаться въ бездѣйствіи. Христосъ грядетъ къ намъ съ небесъ: надобно показать. что и мы не удаляемся отъ Него на земли. готовы къ принятію Его. Ибо хотя для него не нужно съ нашей стороны ничего. такъ какъ Онъ Самъ грядетъ возвеличить

и обогатить всѣхъ насъ; но чтобы блага, Имъ для насъ принесенныя, могли обратиться въ нашу собственность, для сего необходима въ насъ готовность къ принятію и, такъ сказать, мѣсто для помѣщенія ихъ: а для сего нужно упразднить себя отъ всего, что занято въ насъ міромъ съ его благами, и что никакъ несовмѣстно съ дарами, съ богатствомъ Христовымъ. А скоро ли это можетъ быть? И можетъ ли быть безъ рѣшимости на то и усилій!

Итакъ, души, желающія достойно срѣтить грядущаго Господа, уготовьтесь во срѣтеніе Его! Отвлеките, во-первыхъ, сколько можно, мысли и чувства ваши отъ земныхъ заботъ и попеченій, и устремите ихъ къ своему Спасителю: остановите, утвердите и умъ и сердце ваше въ Его безпредѣльной любви къ вамъ, на Его смиреніи, нищетѣ и страданіяхъ, для васъ подъемлемыхъ. Рѣшитесь посвятить Ему не одни какіе-либо дары и приношенія, — въ чемъ бы они ни состояли и какъ бы велики ни были, — а самихъ себя, свою душу и сердце, да будетъ Онъ Владыкою всей вашей жизни, началомъ и концемъ всѣхъ вашихъ предпріятій и трудовъ. *Срящите* Его, употребляя для благодатнаго соединенія съ Нимъ всѣ средства, кои для того именно открыты Имъ Самимъ въ словѣ Его, и предложены Церковію въ ея св. таинствахъ. *Срящите* усердно, не жалѣя для *Посѣтителя душъ* никакихъ жертвъ, не отвращаясь для соединенія съ Нимъ ни отъ какихъ трудностей, сражаясь для сего со всѣми препятствіями, воздвигаемыми отъ міра, плоти и діавола.

Исходя такимъ образомъ во срѣтеніе Божественнаго Жениха, вы можете быть увѣрены, что и Онъ не мимоидетъ храмины сердца вашего, обновитъ ее и украситъ самымъ Своимъ посѣщеніемъ, и, подобно какъ въ дому Закхея, изречетъ вамъ миръ и *спасеніе*.

Христосъ на земли, возносится!

Повидимому, когда Христосъ на землѣ, то лучше оставаться на землѣ же: ибо гдѣ Христосъ, Господь неба, тамъ и небо. Посему и Ангелы оставляютъ нынѣ небо и являются на землѣ, дабы воспѣвать славу въ вышнихъ Богу.

Но Христосъ на землѣ не для того, чтобы оставаться на землѣ и сдѣлать ее Своимъ жилищемъ, а съ тѣмъ, именно,

чтобы Своимъ явленіемъ на землѣ указать путь всѣмъ земнороднымъ на небо и даровать средства возноситься туда. Послѣ сего продолжать прилѣпляться къ землѣ и медлить на ней—значитъ пренебрегать цѣлію Его явленія на землѣ, нерадѣть о собственномъ спасеніи.

И что бы такое было на землѣ и въ землѣ, что бы не располагало оставить землю? Не земля ли вмѣсто розъ и пшеницы возращаетъ терніе и волчцы? Не на землѣ ли страсти и пороки, угнетенія и неправды, бѣдность и печали? Не земля ли служитъ гробомъ для всего живущаго?

Если уже любить землю, то ту, которая обѣщана въ наслѣдіе кроткимъ, *землю новую*, на коей живетъ одна правда! Съ такой земли можно не хотѣть возноситься выше: но на такую землю надобно еще прежде вознестися; ибо сія обѣтованная земля далеко выше самаго нынѣшняго неба, которое, подобно настоящей землѣ, осуждено *прейти съ шумомъ*.

Какъ возноситься отъ земли? Конечно, не земными средствами: все, что отъ земли, по необходимости само стремится и устремляетъ къ землѣ. Кто сошелъ на землю, дабы возвести всѣхъ земнородныхъ на небо, Тотъ дастъ и средства къ тому; Онъ Самъ есть уже вмѣсто всѣхъ средствъ къ сему: ибо Онъ не останется на землѣ, паки вознесется на небо, откуда пришелъ, и силенъ вознести съ Собою все, что только присоединится къ Нему и отдастъ себя въ Его распоряженіе! Итакъ, желающій вознестись на небо, имись всѣмъ существомъ своимъ за своего Спасителя,—и ты вмѣстѣ съ Нимъ будешь на небѣ.

Какъ вознестись отъ земли? Сначала вознесеніемъ мыслей и чувствъ на небо. Что легче сего и доступнѣе для каждаго? Но одно это уже много значитъ. Душа тамъ о чемъ мыслитъ, тѣмъ паче тамъ, гдѣ любитъ. Полюби небо, и ты будешь жить на небѣ. Ибо *идѣже сокровище, ту и сердце;* а гдѣ сердце, тамъ и человѣкъ.

Можно возноситься отъ земли, погребая себя въ землѣ: примѣръ Іоаннъ многострадальный. Какъ онъ, закопанный въ землѣ, высоко надъ землею!..

Можно, напротивъ, парить къ облакамъ, за облака, мыслію, даже тѣломъ; а между тѣмъ быть глубоко—зарытымъ въ землѣ, такъ что развѣ одно всемогущее: *Лазаре, гряди вонъ!* можетъ извести таковыхъ изъ земной утробы.

Будемъ жить на землѣ, не прилѣпляясь ни къ чему земному и тлѣнному, имѣя постоянно въ виду вѣчное и небесное, перенося *туда* свои надежды и свое сокровище, находясь во всегдашней готовности перейти изъ юдоли изгнанія въ отечество, когда бы ни позвали насъ туда,—и надъ нами исполнится то, чего желаетъ намъ, и къ чему приглашаетъ насъ священный пѣснопѣвецъ, восклицая: *Христосъ на земли, возносится!* Аминь.

Бесѣда въ день Рождества Христова

на литургіи.

Сообразно великой цѣли явленія на земли Сына Божія, пречистое рожденіе Его по плоти совершилось, какъ мы видѣли, братіе, въ мѣстѣ самомъ безвѣстномъ, во время наибезмолвное; только пресвятая Матерь и праведный Іосифъ были служителями тайны и свидѣтелями чудесе: но происходившее въ Виѳлеемѣ, по самому существу своему, было такъ важно, что не могло не отразиться во всей вселенной; самая тайна, требуя сокровенности, въ тоже время требовала и засвидѣтельствованія: надлежало всему міру узнать, что днесь дѣйствительно родился не ожиданный токмо Іудеями Избавитель отъ ихъ враговъ, а Искупитель и Спасъ всего міра. Сообразно сему, мы увидимъ теперь движеніе во всѣхъ частяхъ вселенной: міръ ангельскій поспѣшитъ явиться чудесно въ окрестностяхъ Виѳлеема съ торжественнымъ славословіемъ въ честь предвѣчнаго Младенца; міръ языческій, въ лицѣ волхвовъ водимый таинственною звѣздою, принесетъ Ему дары и поклонится яко Богу; міръ іудейскій раздѣлится на двое, дабы одною—лучшею своею частію—въ лицѣ пастырей, возрадоваться радостію веліею о рожденіи обѣтованнаго Избавителя, а другою—худшею—въ лицѣ Ирода и книжниковъ—потрястися страхомъ преступника, ищущаго убѣжать отъ грядущаго Судіи, и новымъ злодѣяніемъ отдалить судъ и наказаніе.

Событія величественныя, чудесныя и поучительныя! Величественныя: ибо здѣсь дѣйствуютъ не одни человѣки, а и существа премірныя; дѣйствуетъ Самъ Всемогущій, вводя въ міръ единороднаго Сына Своего и какъ бы представляя Его

вниманію тѣхъ, для спасенія коихъ Онъ посланъ. Событія чудесныя: ибо чрезвычайное величіе покрыто здѣсь завѣсою чрезвычайной простоты и смиренія: все притомъ, что ни совершается, происходитъ вопреки соображеніямъ мудрости человѣческой. Событія поучительныя: ибо пастыри, волхвы, Иродъ и книжники изображаютъ собою все человѣчество и его различныя отношенія къ Спасителю міра, такъ что подъ сими лицами каждый изъ насъ можетъ и долженъ усматривать самого себя и всѣхъ прочихъ людей, усматривать и научаться, что ему должно дѣлать, да улучитъ благую часть волхвовъ и пастырей, и чего должно избѣгать, да не постигнетъ его ужасная судьба Ирода и его клевретовъ.

Посему, намѣреваясь продолжать наши собесѣдованія съ вами, мы почитаемъ за долгъ, братіе мои, пригласить васъ снова ко вниманію и бодрости духовной. Ибо до сего времени мы всѣ были ограждены постомъ; а теперь, съ наступленіемъ шума праздничнаго, міръ не преминетъ окружить насъ своею суетою и соблазнами. Того и смотри, что начнешь путь со святыми волхвами, а кончишь его во дворѣ Ирода, не дошедъ до Виѳлеема; или, и дошедъ и поклонившись Божественному Отрочати, не послѣдуешь горнему указанію—идти оттуда другимъ, новымъ путемъ—правды и истины, а возвратишься къ дѣтоубійцѣ и предашь ему тайну своего Спасителя и своего спасенія. Вооружимся же противъ сихъ опасностей мыслію чистою и трезвою, и, призвавъ на помощь благодать Рожденнаго, остановимъ, во-первыхъ, вниманіе наше на тѣхъ лицахъ, кои имѣли счастіе срѣтить и почтить Его при рожденіи.

Много ли было таковыхъ и кто они?—Увы, и о первомъ пришествіи Господа можно сказать почти тоже самое, что, по указанію притчи евангельской, послѣдуетъ при второмъ: ибо, когда настало время придти Жениху душъ и сердецъ, то и теперь—*воздремашася вся и спаху!*—Изъ Виѳлеема въ вертепѣ и при ясляхъ не видно никого; изъ Іерусалима—никого, изъ прочихъ градовъ іудиныхъ—никого!—Кто же срѣтитъ восходящее Солнце правды и насладится первыми лучами Его?—Тѣ, кои не спятъ.—Кто не спитъ?—Пастыри виѳлеемскіе, люди, кои, повидимому, далѣе всѣхъ прочихъ были отъ храма и всего святаго. *И пастыріе бяху въ той же странѣ бдяще и стрегуще стражу нощную о стадѣ своемъ.*

Предметомъ ихъ бдѣнія были, какъ очевидно, безсловесныя: но, бодрствуя надъ ними, пастыри сіи тѣмъ паче не оставляли безъ стражи своего стада словеснаго—мыслей и чувствъ своихъ, нравовъ и поступковъ: потому и удостоились того, чтобы имъ первымъ поклониться рожденному Царю израилеву. Тогда какъ для сокращенія времени, они воспоминали, можетъ быть, прошедшую славу отечества, и пересказывали другъ другу, кто что зналъ, о будущемъ его величіи, изображенномъ у пророковъ,—*се, Ангелъ Господень ста въ нихъ; и слава Господня осія ихъ!* Такое явленіе, среди мрака полуночнаго, въ нагорныхъ высотахъ, окружающихъ Виѳлеемъ,—должно было представить зрѣлище самое величественное. Но бѣднымъ пастырямъ было не до зрѣлища: *убоящася*, говоритъ Евангелистъ, *страхомъ великимъ*. Къ земнымъ шумнымъ явленіямъ, и даже опасностямъ, они давно привыкли: но представившееся теперь явно выходило за предѣлы всего земнаго. Чистая душа была близка къ небесному; но слабая плоть трепетала: *убоящася страхомъ великимъ*, не зная, что подумать о чудесномъ явленіи, и представляя, можетъ быть, (если страхъ позволилъ представлять что-либо) древнее грозное изреченіе: *не бо узритъ человѣкъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20). Посему, прежде радостной вѣсти надлежало изгнать страхъ, что немедленно и сдѣлано Божественнымъ вѣстникомъ. *И рече имъ Ангелъ: не бойтеся! Се благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людемъ*. Не бойтеся: я вѣстникъ не суда и казней, а веселія и радости, такой радости, которая возвѣщается только теперь вамъ однимъ, а должна современемъ исполнить веселіемъ всѣхъ и каждаго. Какая же это радость?—*яко родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ Господь, во градѣ Давидовѣ*. То есть, родися обѣтованный Мессія, Котораго въ Іудеѣ, около сего времени, ожидали всѣ, отъ мала до велика, и Коего потому одно имя способно было успокоить и возвеселить каждаго истиннаго израильтянина. *Родися во градѣ Давидовѣ*, а не въ вертепѣ: ибо Ангелъ среди *славы Господней*, его окружающей, не обнаруживаетъ до времени всего уничиженія Новорожденнаго. Вертепъ сей впрочемъ былъ такъ близокъ къ Виѳлеему, что, можно сказать, составлялъ съ нимъ одно и тоже мѣсто. Но какъ намъ найти во градѣ, наполненномъ множествомъ народа, Рожденнаго и Родившую?—могли бы спросить пастыри.

еслибы вначалѣ страхъ, а потомъ избытокъ радости не препятствовать говорить. Ангелъ предупреждетъ сей вопросъ, благовѣствуя: *и се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита, и лежаща во яслехъ!* Вы, какъ бы такъ продолжалъ онъ, восхощете, безъ сомнѣнія, видѣть Рожденнаго, дабы поклониться Ему и насладиться Его лицезрѣніемъ;—и Онъ, не взирая на бѣдность и простоту вашу, готовъ принять васъ: только смотрите—Его не вдругъ можно найти всякому, а надобно искать, не тамъ притомъ искать, гдѣ, по обыкновенному понятію, можно было бы предполагать присутствіе Царя Израилева: не ищите Его ни въ синагогѣ виѳлеемской, ни въ палатахъ богачей, а въ вертепѣ и въ ясляхъ, тѣхъ ясляхъ, кои давно знакомы вамъ, если не устроены вашими руками. Не воображайте, также, чтобы Онъ въ семъ убѣжищѣ окруженъ былъ грозными знаменіями, какъ на Синаѣ, или воинствомъ силъ небесныхъ, какъ въ видѣніяхъ пророковъ; окрестъ Его нѣтъ теперь никакой славы и величія: Дѣва-матерь и старецъ-хранитель—Его свита! Пелены младенческія и ясли вертепныя—Его символъ! *И се вамъ знаменіе: обрящете Младенца повита, лежаща во яслехъ.* Знаменіе простое и вамъ сродное, но вмѣстѣ вѣрное и неложное, знаменіе и для вашихъ очей, и для вашего сердца.

Послѣ сихъ словъ Ангела надлежало ожидать, что видѣніе кончится; ибо все, что было нужно, сдѣлано и сказано: но вмѣсто сего, едва только небесный вѣстникъ окончилъ свое благовѣствованіе—*внезапу*, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, то есть, вдругъ и неожиданно, *бысть со Ангеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ Бога, и глаголющихъ: слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!* Явленіе многозначущее уже по самой наружности своей: ибо зачѣмъ такое множество небесныхъ воинствъ, когда достаточно было одного мирнаго вѣстника? Къ чему такой многогласный хоръ хвалебный, когда уже кончено самое благовѣстіе? Не явно ли послѣ сего, что это—слѣдствіе необычайной радости и восторга въ самомъ мірѣ ангельскомъ, и какъ бы нѣчто подобное тому, что бываетъ между людьми, кои, когда чѣмъ-либо чрезвычайно обрадованы и хотятъ обрадовать другихъ, то идутъ для сего не одинъ, а многіе, даже всѣ,—участвующіе въ радости? И что дѣлаетъ предъ пастырями это множество вой небесныхъ? Возвѣщаетъ имъ

что-либо новое? Ничего. Подтверждаетъ слова своего собрата? Нѣтъ, да въ семъ не было и нужды. Явившимся небожителямъ до пастырей даже какъ бы нѣтъ никакого дѣла; они здѣсь сами для себя; исполнены восторга. не вмѣщаютъ его въ себѣ, и потому поютъ и восклицаютъ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ въ человѣцѣхъ благоволеніе!*

Славословіе сіе показываетъ, впрочемъ, и причину произведшую такое радостное и необыкновенное движеніе въ мірѣ ангельскомъ. Чистые и святые духи радуются тому, что теперь съ вочеловѣченіемъ Сына Божія возвращена будетъ слава Создателю всяческихъ, похищаемая у Него преслушаніемъ и неправдами человѣческими; что отселѣ, съ пришествіемъ на землю великаго Посредника и Примирителя, воцарится на ней миръ, котораго недоставало землѣ съ тѣхъ поръ, какъ она подверглась проклятію за непослушаніе своего владыки,—что надъ родомъ человѣческимъ, въ лицѣ новой Божественной Главы его, почіетъ теперь вѣчная милость и вѣчное благоволеніе. Все это зрятъ чистые и блаженные духи во всей силѣ,—и радуются и торжествуютъ: ибо для нихъ нѣтъ большаго блаженства, какъ видѣть славу Творца своего возстановленною во всей силѣ, какъ быть свидѣтелями спасенія погибавшаго во грѣхахъ рода человѣческаго.

Не было ли при семъ и еще для небожителей какой-либо, ближайшей для нихъ самихъ, причины къ радости? Не открылись ли. съ воплощеніемъ Сына Божія и съ искупленіемъ человѣка, возможность и надежда къ вознагражденію въ ихъ собственномъ кругѣ того, чего лишился онъ чрезъ отпаденіе денницы? Не обрѣли-ль небесныя воинства въ новорожденномъ Отрочати виѳлеемскомъ Главы и Вождя для себя самихъ? Вопросы важные, занимавшіе собою уже многихъ изъ древнихъ отцевъ и учителей Церкви. Кто хочетъ имѣть полный отвѣтъ на нихъ, тому совѣтуемъ обратиться къ ихъ богомудрымъ писаніямъ: тамъ найдется искомое. найдется еще большее. А для насъ, съ сего священнаго мѣста, довольно будетъ сказать словами Апостола, что какъ *всяческая создана быша* Сыномъ Божіимъ, *яже на небеси, и яже на земли;* такъ *всяческая въ Немъ и о Немъ и состоятся;* что *Отецъ благоволи въ Немъ*, по воплощеніи, *всему исполненію вселитися, и тѣмъ возглавити всяческая, и примирити къ Себѣ аще земная, аще небесная* (Кол. 1, 16—20). и что потому *всяко колѣно должно*

преклоняться о имени Іисусовѣ, небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ.

Явленіе такого множества Ангеловъ съ ихъ хвалебнымъ ликомъ должно было служить для пастырей новымъ побужденіемъ увидѣть скорѣе Божественное Отроча, Которое, почивая, какъ говорилъ небесный вѣстникъ, во яслѣхъ, тѣмъ не менѣе рожденіемъ Своимъ приводитъ въ восторгъ весь міръ ангельскій: равно какъ это же самое славное явленіе служило для пастырей къ устраненію соблазна, который легко могъ родиться при видѣ обѣтованнаго Спасителя міру, лежащаго въ яслѣхъ, среди бѣдности и уединенія.

Посему, *яко отыдоша на небо Ангели, и человѣцы пастыріе рекоша другъ ко другу: прейдемъ до Виѳлеема, и видимъ глаголъ сей бывшій, егоже Господь сказа намъ.* Естественное разсужденіе простыхъ людей, кои представляются возбуждающими другъ друга къ совершенію того, на что каждый давно готовъ отъ души. Доколѣ небожители продолжали воспѣвать хвалебный гимнъ, состоявшій, можетъ быть, не изъ однихъ словъ, приводимыхъ Евангелистомъ, дотолѣ пастырямъ некогда было думать о пути—взоръ занятъ былъ чуднымъ видѣніемъ, а слухъ—небеснымъ сладкогласіемъ; но когда то и другое кончилось, пастыри всею мыслію входятъ въ цѣль Божественнаго откровенія, и тотчасъ рѣшаются идти туда, гдѣ источникъ чудесъ. Рѣшимость, повидимому, ничего нестоющая: но тотъ не будетъ думать такимъ образомъ, кто вспомнитъ, что пастырямъ должно было, среди ночи и горъ пустынныхъ, оставить свои стада, кои были для нихъ дороже, нежели для какого-либо изъ нынѣшнихъ богачей цѣлый корабль, нагруженный драгоцѣнностями.

И пріидоша, поспѣшиша, и обрѣтоша Маріамъ же и Іосифа, и Младенца, лежаща во яслѣхъ. Какъ тамъ при явленіи Ангеловъ, было все величественно, такъ здѣсь срѣтила пастырей одна простота и убожество. Но послѣ видѣнія и благовѣстія Ангельскаго, Божественное Отроча, среди убожества, Его окружающаго, должно было казаться еще святѣе и любезнѣе. *Видѣвше же, сказаша о глаголѣ, глаголанномъ имъ о Отрочати Семъ.* Какъ бы въ вознагражденіе того, чего по внѣшности не доставало теперь новорожденному Царю израилеву, пастыри спѣшатъ разсказать все видѣнное ими и слышанное отъ Ангеловъ. Такой разсказъ служилъ въ

отраду и для Матери и для старца, кои въ столь важныя минуты, повидимому, были оставлены на произволъ случая. *Маріамъ*, говоритъ Евангелистъ, *соблюдаше вся глаголы сія, слагающи въ сердцѣ своемъ*, то есть соображая съ ними, что сама уже видѣла и испытала, и вмѣстѣ съ тѣмъ извлекая изъ нихъ руководство на будущее время, которое, судя по прошедшему и настоящему, заставляло ожидать новыхъ, чрезвычайныхъ противоположностей въ судьбѣ Божественнаго Младенца.

Раздѣливъ пріятое свыше откровеніе съ хранителями Отрочати, пастыри не усумнились потомъ раздѣлять его и съ другими, кого почитали достойнымъ того, и всѣхъ, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, приводили въ изумленіе своими словами. *Дивишася вси о глаголанныхъ отъ пастырей къ нимъ.* Дивились, конечно, и тому, что въ видѣніи пастырей было величественнаго, какъ-то, явленію Ангеловъ и ихъ дивному славословію, но еще болѣе тому, что въ немъ было уничиженнаго, какъ-то, вертепу и яслямъ, въ коихъ возлежалъ обѣтованный Мессія.

И возвратишася пастыріе, славяще и благодаряще Бога о всѣхъ, яже слышаша и видѣша, якоже глаголено бысть къ нимъ. Такъ заключаетъ св. Лука повѣствованіе о пастыряхъ виѳлеемскихъ. Заключеніе самое простое, но въ тоже время исполненное великой похвалы для пастырей. Что они славятъ и благодарятъ Бога за чрезвычайное откровеніе и честь, имъ предоставленную,—это естественно и необходимо; но они славятъ и благодарятъ *о всѣхъ, яже слышаша и видѣша*, то есть, не только за Ангеловъ и ихъ хвалебные гимны, но и за вертепъ и ясли, за пелены и слезы младенческія. Значитъ, уничиженное состояніе Мессіи, столь противоположное всеобщимъ ожиданіямъ и мечтательности тогдашнихъ іудеевъ, думавшихъ увидать въ Немъ царя славнаго, нисколько не соблазнило ихъ, и значитъ, они правильнѣе и чище мыслили о Его лицѣ, нежели цѣлый синедріонъ іудейскій: уже это дѣлаетъ немалую честь уму и сердцу пастырей. Но въ нихъ примѣтна еще другая значительная добродѣтель. Удостоенные явленія ангельскаго и того, чтобъ имъ первымъ поклониться Мессіи, пастыри не думаютъ возъимѣть чрезъ то какое-либо право на постоянную близость къ Нему, не получаютъ нисколько отвращенія къ своему

бѣдному и низкому званію, не заискиваютъ милости будущаго Царя у Его Матери и хранителя, не обѣщаютъ и не просятъ ничего, не изъявляютъ никакого желанія: сдѣлавъ свое дѣло, поклонившись Отрочати, насладившись и освятившись Его лицезрѣніемъ, спокойно возвращаются къ своимъ стадамъ, дабы паки стрещи ихъ по прежнему, и стоять на своемъ мѣстѣ, или лучше сказать, весь вѣкъ ходить за стадами съ одного мѣста на другое, доколѣ Господь не воззоветъ ихъ на вѣчное успокоеніе въ Виѳлеемъ небесный. И да не помыслитъ кто-либо, что это происходило въ пастыряхъ отъ грубости и неразумія, встрѣчающихся въ людяхъ подобнаго состоянія: нѣтъ, это слѣдствіе истинной простоты сердца и духа, зрѣлый плодъ преданности въ волю Божію, любомудраго довольства своимъ жребіемъ, свободы отъ привязанности къ благамъ земнымъ, постояннаго устремленія мыслей по примѣру древнихъ праотцевъ, къ горнему граду, *ему же художникъ и содѣтель Богъ*. Безъ такого расположенія духа и святаго образа мыслей, бѣдность состоянія сихъ пастырей не только не приблизила бы ихъ къ Божественному Отрочати, и не удостоила бы благовѣстія Ангельскаго, но и содѣлала бы, можетъ быть, предателями тайны, врагами Того, Кто пришелъ облаженствовать всѣхъ, а Самъ не имѣетъ теперь, гдѣ преклонить главу.

Послѣ сего не трудно уразумѣть, кого изображаютъ собою пастыри,—они изображаютъ простоту и бѣдность тѣхъ людей, кои, среди самой низкой доли, въ потѣ лица, совершаютъ дѣло званія своего, не участвуя нисколько въ шумныхъ движеніяхъ жизни общественной. Мало ли такихъ людей? Всегда и вездѣ—большая часть. Многіе самимъ состояніемъ своимъ удалены притомъ отъ непосредственнаго занятія дѣлами набожности, не умѣютъ читать, живутъ вдали отъ церкви, привязаны къ своему мѣсту и не могутъ оставить его: таковы воины, домашніе слуги, хранители уединенныхъ мѣстъ сельскихъ, пастыри стадъ и проч. Всѣмъ таковымъ людямъ можетъ иногда приходить скорбная мысль, что они далеки отъ спасенія, потому что далеки отъ церкви и не могутъ присутствовать при Богослуженіи, даже иногда въ самые великіе праздники. Но души такимъ образомъ скорбящія, воззрите на пастырей виѳлеемскихъ, кои, подобно вамъ, рѣдко бывали во храмѣ, не имѣли въ рукахъ

священныхъ книгъ пророческихъ. не слышали наравнѣ съ другими наставленій учителей израилевыхъ. проводили большую часть времени среди уединенія сельскаго съ своими стадами, и, однакоже. Ангелъ съ радостною вѣстію о рожденіи Спасителя міра, не обратился ни къ кому другому. кромѣ ихъ. Не утѣшеніе ли это и не поученіе ли для васъ? Будьте довольны своимъ жребіемъ. какъ онъ ни малъ и низокъ. провождайте жизнь въ чистотѣ и правдѣ. стойте бодрственно на стражѣ своей совѣсти:—и вы уподобитесь пастырямъ виѳлеемскимъ. Что мѣшаетъ вамъ начинать и оканчивать каждый день молитвою? садиться за трапезу и возставать отъ ней съ молитвою? полагать въ начало каждаго дѣла имя Божіе и крестъ Христовъ? Вотъ ваше богослуженіе!—Что мѣшаетъ вамъ быть честными. не лгать, не клеветать. не сквернословить, оказывать милосердіе, если не людямъ, то животнымъ, наблюдать чистоту души, если не тѣла? Простота. кротость. смиреніе. терпѣніе. сіи боголюбезнѣйшія добродѣтели, принадлежатъ вамъ по самому званію вашему; и вотъ ваша нравственность! Слѣдуйте симъ путемъ, и вы удостоитесь нѣкогда поклониться Божественному Младенцу. уже не лежащему въ въ ясляхъ. а сѣдящему на престолѣ славы. Аминь.

Слово на день Рождества Христова.

И отверзше сокровища своя, принесоша Ему дары, злато, и ливанъ, и смирну (Матѳ. 2, 11).

Не безъ причины, братіе мои, три дара у яслей Христовыхъ. Могло быть болѣе, могло быть менѣе; но явилось три. Въ знаменіе ли это Пресвятыя Троицы въ существѣ Божіемъ; или въ символъ будущаго тройственнаго служенія Христова,—пророческаго, священническаго и царскаго; или наконецъ, яко выраженіе трехъ частей существа человѣческаго, то есть, духа, души и тѣла?—изслѣдованіе о семъ предоставляется вашей вѣрѣ и вашему разумѣнію.—Наша же мысль всецѣло останавливается при семъ на даронося-щихъ волхвахъ. Сіи странники востока представляли собою у яслей Христовыхъ. можно сказать, все человѣчество; и дары ихъ изобразуютъ символически все, что можетъ быть

приносимо Спасителю нашему отъ насъ, Его послѣдователей. Златомъ въ семъ отношеніи означаются дары вещественные; ливаномъ — дары духовные, невещественные: а смирна выражаетъ дары, такъ сказать, духовновещественные. Есть посему люди, кои приносятъ Господу злато; есть, кои приносятъ ливанъ, есть, кои приносятъ смирну; есть, наконецъ, кои приносятъ по нѣскольку даровъ вмѣстѣ. Кто сіи люди?—размышленіе о семъ откроетъ намъ, чѣмъ и каждый изъ насъ можетъ послужить, подобно волхвамъ, Господу и Спасителю своему.

Кто убо приноситъ Господу злато? Приносятъ тѣ, кои жертвуютъ во славу Божію и на пользу ближнихъ чѣмъ-либо отъ трудовъ и стяжаній своихъ. Тобою, напр., созданъ обновленъ или украшенъ храмъ Божій: ты принесъ этимъ Господу своему злато. Даръ твой пріятенъ Ему: ибо хотя Онъ теперь на престолѣ славы: но вмѣстѣ съ симъ для спасенія нашего продолжаетъ доселѣ являться и во яслѣхъ. Ясли сіи на жертвенникѣ церковномъ, гдѣ Онъ можно сказать, при каждой литургіи. какъ-бы снова раждается, дабы снова же принести Себя за грѣхи наши въ жертву правдѣ Божіей. И какъ часто Онъ терпитъ въ сихъ ясляхъ нужду! Тутъ потребны для Него и одѣяніе и покровъ, и свѣтъ и теплота. Посему, если ты дѣлаешь что-либо на пользу церкви. то приношеніе твое такъ же благопріятно Господу, какъ и даръ волхвовъ, принесшихъ ему злато.

Подобнымъ образомъ тобою оказана помощь бѣдствующему человѣчеству. устроено что-либо на пользу больныхъ, сирыхъ, странныхъ, безпомощныхъ: ты принесъ симъ Господу злато; ибо Онъ столько любвеобиленъ, что нужды и страданія вѣрующихъ во имя Его почитаетъ собственными Своими нуждами и страданіями; посему и за помощь имъ воздастъ какъ за помощь Себѣ Самому.—*Понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 40),—такъ скажетъ Онъ на страшномъ судѣ Своемъ тѣмъ. кои были милостивы къ бѣднымъ.

Много ли приносится таковаго злата Господу?—Ахъ, если сравнить приносимое съ тѣмъ, что иждивается по требованію страстей, на удовлетвореніе не только нуждъ, самыхъ прихотей нашихъ, съ тѣмъ даже, что явно отдается въ жертву плоти и міру: то окажется малѣйшая часть. Храмъ

Божій, напр., стоитъ день и ночь предъ очами нашими въ развалинахъ и проситъ себѣ помощи; мы скорѣе выстроимъ для себя великолѣпный пріютъ для нашихъ коней и колесницъ, нежели обратимъ на него вниманіе. Бѣднякъ дрожитъ предъ нами отъ стужи, глада и недуга: мы или откажемъ ему съ суровостію, или дадимъ ничтожную лепту; и въ тотъ же день полъ-имѣнія готовы погубить въ безумной игрѣ, или показать расточительную щедрость на какомъ-либо зрѣлищѣ.

Такова наша благодарность Тому, Кто, богатъ сый, для нашего спасенія нынѣ обнища, да мы *нищетою Его обогатимся* (2 Кор. 8, 9).

Кто приноситъ Господу ливанъ? Тѣ, кои употребляютъ во славу Его и на пользу ближнихъ свои способности, познанія и искусства, очевидно, составляющія собою нѣчто такое, чего нельзя купить никакимъ златомъ. Все это даръ Божій человѣку; но это же все можетъ и должно быть и даромъ Богу отъ человѣка, даромъ невещественнымъ, высшимъ злата и сребра.

Этотъ драгоцѣнный ливанъ приноситъ Господу градоправитель, когда управленіе его одушевлено духомъ Христовымъ, направлено не къ одной токмо справедливости гражданской и спокойствію внѣшнему, а и къ поддержанію и усиленію въ народѣ благихъ нравовъ и добродѣтелей христіанскихъ. Такое градоуправленіе, какъ благоуханный ливанъ предъ Господомъ и человѣки. Приноситъ Господу ливанъ пастырь Церкви, когда бодрственно стоитъ на стражѣ душъ и сердецъ противъ заблужденій и соблазновъ вѣка, нелѣностно возвѣщаетъ пути Господни, наставляетъ заблудшихъ, утѣшаетъ отчаянныхъ, назидаетъ всѣхъ. Приноситъ Господу ливанъ мать семейства, когда, не полагаясь на приставниковъ наемныхъ, не увлекаясь разсѣяніемъ и забавами, сама посвящаетъ время и способности свои на воспитаніе въ страхѣ Божіемъ своихъ дѣтей, на пріученіе ихъ къ воздержанію, кротости, молитвѣ и человѣколюбію. Благоуханіе сего ливана, наполняя собою весь домъ, разносится потомъ всюду съ тѣми, кои воспитаны въ немъ въ благочестіи. Приноситъ Господу ливанъ художникъ, когда вмѣсто того, чтобы, слѣдуя духу времени, поблажать своимъ художественнымъ страстямъ человѣческимъ и доставлять имъ новую пищу не-

чистыми вымыслами, старается всѣ произведенія и изобрѣтенія свои обратить въ орудіе здраваго вкуса христіанскаго. въ средство къ распространенію—съ изящнымъ и прекраснымъ—истиннаго и добраго. И сей ливанъ облагоухаетъ собою многихъ. Вообще, поелику нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ на что-либо способности. то нѣтъ человѣка, который бы не могъ принести. Господу ливана, употребленіемъ своей способности во славу Божію и истинное благо ближнихъ.

Третьимъ даромъ Господу отъ волхвовъ была смирна,—даръ послѣдній, потому высшій не токмо злата. но и ливана. Что это за даръ и почему онъ такъ важенъ? Смирна такъ же, какъ и ливанъ, издаетъ благовоніе; но отличительное свойство ея въ томъ, что она весьма горька; посему и выражаетъ собою наши бѣдствія и горести. слезы и страданія.

Теперь понятно, кто приноситъ Господу въ даръ смирну. Приноситъ тотъ, кто терпитъ бѣдствія въ жизни и страдаетъ невинно. не позволяетъ себѣ ни унынія безотраднаго. ни ропота малодушнаго, ни воплей безполезныхъ; кто при перенесеніи бѣдствій, одушевляется не гордымъ презрѣніемъ къ людямъ, не отчаяннымъ подавленіемъ въ себѣ всякаго чувства человѣческаго, но живымъ упованіемъ на Бога жива, мыслію, что онъ чрезъ свои страданія очищается отъ грѣховъ, усовершается въ добродѣтели, и, что еще отраднѣе. уподобляется Спасителю своему, за него на крестѣ умершему. Таковое въ духѣ вѣры и любви перенесеніе напастей и скорбей вѣка есть также даръ Господу, и при томъ драгоцѣннѣе злата, благоуханнѣе ливана.

Да услышатъ сіе всѣ злостраждущіе, да уразумѣютъ преимущество своего, повидимому, горькаго. но на самомъ дѣлѣ, если употребимъ въ дѣло вѣру и крестъ Христовъ, не несладкаго положенія, и да поспѣшатъ принести Господу въ даръ свою смирну. Счастливцы вѣка сего не могутъ сего сдѣлать: у нихъ нѣтъ горькой нужды и недостатковъ, нѣтъ смирны. Многіе изъ обладающихъ ливаномъ, то есть, отличными дарованіями, также не могутъ сдѣлать сего: у нихъ нѣтъ тяжкихъ искушеній, нѣтъ смирны. Она у васъ, безкровные страстотерпцы Божіи; вы, кои безъ всякой вины своей,—одни по жребію рожденія, другіе по превратности обстоятельствъ, третьи по злобѣ человѣческой, иные по брен-

ности тѣлеснаго состава нашего,—едва не каждый день встрѣчаете и оканчиваете воздыханіями, и кои, можетъ быть, и нынѣшнее утро встрѣтили праздникъ Христовъ слезами. Зрящіе на васъ окаевають ваше тяжкое положеніе: вы сами, можетъ быть, упадаете иногда подъ тяжестію земнаго испытанія, а мы, именемъ Спасителя нашего, привѣтствуемъ васъ, съ симъ драгоцѣннымъ подобіемъ креста Его! Блюдите драгоцѣнную смирну, доставшуюся въ удѣлъ вамъ; не мѣняйте ее ни на какой ливанъ, тѣмъ паче ни на какое злато, и не отнимайте у ней благоуханія жалобами и ропотомъ малодушнымъ. Что жаловаться? Господь и безъ того все видитъ: каждая слеза ваша у Него изочтена, каждый вздохъ взвѣшенъ;—и въ свое время за все примется сторицею. Аминь.

Бесѣда въ день Рождества Христова

НА ВЕЧЕРНИ.

Іисусу же рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, во дни Ирода царя, се волсви отъ востокъ пріидоша во Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій? видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ, и пріидохомъ поклонитися Ему (Мате. 2, 1—2).

Разсматривая исторію рода человѣческаго до пришествія въ міръ Сына Божія, и видя, какъ всѣ божественныя распоряженія на приготовленіе людей къ принятію обѣтованнаго Искупителя ограничивались однимъ народомъ іудейскимъ, почти невольно приходишь къ мысли: что же происходило въ это время съ прочими народами? Ужели они въ столь важномъ дѣлѣ, каково принятіе или непринятіе обѣтованнаго всему міру Избавителя, предоставлены были себѣ самимъ? Если такъ: то гдѣ безпристрастіе и милосердіе небесное, въ коемъ равно имѣютъ нужду и всѣ бѣдные сыны Адамовы! И что сдѣлали іудеи, чтобы заслужить право быть единственнымъ предметомъ особенныхъ попеченій и любви? *Еда іудеевъ токмо Богъ, а не и языковъ?* (Рим. 3, 29).

Ей—и языковъ!—отвѣтствуетъ слышанная вами евангельская исторія о волхвахъ. Ибо что мы видимъ въ ней? Видимъ, что язычники не только знали объ обѣтованномъ Избавителѣ, не только ожидали съ вѣрою Его пришествія,

но, что особенно примѣчательно, первѣе многихъ іудеевъ удостоились поклониться Ему, по Его пришествіи, и послужить для Него своими дарами, даже содѣлались провозвѣстниками Его рожденія для всего Іерусалима, для самихъ первосвященниковъ іудейскихъ. Такъ Промыслъ оправдалъ пути свои, когда пришло время оправдать ихъ! Такъ показалъ онъ, что у Отца небеснаго никто не забытъ въ великомъ семействѣ Его,—всѣ призрѣны, препитаны, наставлены! И да не помыслитъ кто-либо, что волхвы составляли одно исключеніе въ судьбѣ язычниковъ; напротивъ, они были, какъ возглашается въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ, только начаткомъ *Церкви отъ языкъ*. И дѣйствительно, вѣра христіанская, проповѣдуемая Апостолами, нигдѣ такъ быстро не распространялась, такъ прочно не утверждалась, не приносила такихъ обильныхъ и зрѣлыхъ плодовъ, какъ между язычниками. И все это, безъ сомнѣнія, оттого, что обширная нива сія, повидимому оставленная столько времени безъ вниманія, на самомъ дѣлѣ никогда не была оставлена небеснымъ Дѣлателемъ, и, хотя втайнѣ, удобрена, совершенно приготовлена для сѣянія евангельскаго. Іудеи, напротивъ, при всемъ томъ, что были ограждены множествомъ обрядовъ и почивали на законѣ Моисеовѣ и Пророкахъ, какъ теперь окажутся не такъ способными къ пріятію обѣтованнаго Мессіи, такъ и впослѣдствіи покажутъ великое невниманіе и упорство, до того обуяютъ въ предразсудкахъ, что Спаситель міра будетъ вознесенъ ими на крестъ.

А если такъ, подумаетъ кто-либо, то Провидѣніе не достигло своей цѣли, употребивъ напрасно столько особенныхъ попеченій объ іудеяхъ. Нѣтъ, возлюбленный, достигло того, что было необходимо. Ибо, что было необходимо? Не то ли, чтобы у іудеевъ сохранились словеса и обѣтованія Божіи, ввѣренныя имъ на сохраненіе для блага всего рода человѣческаго? Но все это сохранилось, какъ нельзя лучше. Народъ іудейскій въ семъ отношеніи былъ, какъ малый, искусственный вертоградъ, въ коемъ растенія въ продолженіе зимы блюдутся на будущую весну. Доколѣ зима, такой вертоградъ весьма полезенъ и необходимъ; но съ наступленіемъ весны и лѣта въ немъ нѣтъ болѣе нужды: что еще остается въ немъ, то растетъ уже хуже того, что стоитъ на свободномъ воздухѣ.—Подобное тому произошло и съ народомъ

іудейскимъ. Когда вмѣсто того, чтобы по пришествіи весны новаго завѣта, выйти изъ ограды сѣней и обрядовъ, оставить средостѣнія законовъ и учрежденій Моисеевыхъ и перейти на свободный воздухъ и солнце евангельское, народъ сей захотѣлъ упорно остаться въ искусственной теплицѣ, оставленной Самимъ Домовладыкой: то что удивительнаго, если, поступая такимъ образомъ, вопреки распоряженію небеснаго Вертоградаря и собственнаго благополучія,—іудеи содѣлались древомъ дивіимъ и безплоднымъ? Тѣ, напротивъ, изъ іудеевъ, кои покорны были экономіи божественнаго домостроительства, и дали себя вывести изъ теплицы зимней на солнце лѣтнее, смотри,—какъ роскошно расцвѣли, какой богатый принесли плодъ для всего міра! Ибо откуда Іоанны, Іаковы, Павлы, Матѳеи, какъ не изъ іудеевъ? Кто пронесъ Евангеліе по всему міру и положилъ за него душу свою, какъ не іудеи?—Даже и впослѣдствіи, если многіе изъ іудеевъ не увѣровали; даже и теперь, если многіе изъ нихъ продолжаютъ упорствовать; то, сожалѣя о семъ, не должно однако забывать, что *ослѣпленіе Израилеви*, какъ утверждаетъ св. Павелъ, *отчасти бысть*, то есть, не навсегда, а на время. Докуда?—*Дондеже исполненіе языковъ внидетъ*. А потомъ что? А потомъ *весь Израиль спасется* (Рим. 11, 25. 26). Послѣ сего куда и на кого ни смотрѣть,—на язычниковъ или на іудеевъ,—только надобно смотрѣть прямо, а не поверхностно,—вездѣ найдешь причины благоговѣть предъ путями премудрости Божіей, которая, если и допустила, по выраженію Апостола, всѣмъ—и язычникамъ и іудеямъ—*быть затворенными въ противленіе;* то именно для того, дабы всѣхъ, наконецъ, *помиловать* (Рим. 11, 32), *да премножество милости Божіей будетъ, а не отъ насъ,—да не похвалится предъ Богомъ всяка плоть!*

Послѣ сихъ размышленій, кои, надѣемся, не будутъ излишни для многихъ изъ насъ, обратимся къ событіямъ и послушаемъ св. Матѳея, какъ онъ,—одинъ изъ всѣхъ Евангелистовъ,—повѣствуетъ о поклоненіи волхвовъ. Повѣствуетъ одинъ: ибо Евангелисты въ семъ отношеніи подобны пѣвцамъ, стоящимъ на противоположныхъ странахъ: что возгласилъ одинъ ликъ, о томъ умалчиваетъ другой; рѣдко повторяютъ они то же самое, и, если повторяютъ, то или кратче, или поясняя и дополняя, что сказано другимъ. Посему-то,

послѣ того какъ св. Лука разсказалъ намъ о самомъ рожденіи предвѣчнаго Младенца и какъ Онъ возвѣщенъ пастырямъ и видимъ былъ отъ нихъ, св. Матѳей будетъ благовѣствовать теперь о другихъ, новыхъ поклонникахъ Отрочати—волхвахъ восточныхъ.

Іисусу же рождшуся въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ, се волсви отъ востокъ пріидоша во Іерусалимъ. Прежде всего опредѣляется у Евангелиста время событія; ибо волхвы, какъ шедшіе изъ дальней страны. могли придти прежде событія, могли придти и спустя долго послѣ; но пришли именно около того времени, какъ родился Сынъ Божій, дабы сіе чрезвычайное событіе не оставалось надолго неизвѣстнымъ для Іерусалима. Такое соотвѣтствіе въ пришествіи волхвовъ съ временемъ рожденія Спасителя показываетъ, что въ пути ихъ все было предопредѣлено свыше, и что онъ начался за немало времени до рожденія, можетъ быть, за столько же, за сколько начинается у насъ постъ предъ праздникомъ Рождества Христова, который составляетъ для насъ также нѣкотораго рода духовное путешествіе въ Виѳлеемъ.

Но что это за люди, называемые въ Евангеліи волхвами? По употребленію сего слова въ нашемъ языкѣ, можно подумать, что они занимались какими-либо тайными и непозволительными знаніями, состояли даже въ союзѣ съ темными силами. Ибо волхвъ у насъ почти то же, что чародѣй. Но не было бы ничего несправедливѣе въ настоящемъ случаѣ, какъ имѣть подобную мысль. Ибо греческое слово магъ, употребленное въ Евангеліи, означаетъ, вообще, человѣка мудраго, преданнаго наукамъ, особенно изслѣдованію природы, каковы астрономы, врачи, ботаники, физики и проч. Подобные симъ люди были и волхвы евангельскіе, какъ показываетъ, между прочимъ, и то, что они занимались наблюденіемъ звѣздъ. — Кромѣ сего, древнее преданіе свидѣтельствуетъ, что мудрецы сіи принадлежали къ классу людей возвышенному, были вожди народа и обладатели земель: почему на свв. иконахъ и изображаются они съ вѣнцами на главахъ.

Но все это не такъ важно для насъ, какъ то, что вотъ, среди тьмы идолопоклонства, въ странѣ невѣрія, нашлись люди, кои такъ усердно чаяли Утѣхи Израиля, что при первомъ знакѣ съ неба, оставивъ все, предприняли дальній

и трудный путь для поклоненія тому Царю, Который лежалъ во ясляхъ и, слѣдовательно, не могъ награждать за поклоненіе Ему ничѣмъ. Явно, что волхвами руководствовало убѣжденіе глубокое, мысль высокая, чувство святое. Откуда все это въ язычникахъ? — Оттуда же, откуда все доброе было и въ іудеяхъ—свыше, отъ Бога. Припомнимъ, что евреи цѣлыми колѣнами были отведены за Евфратъ, и большая часть ихъ осталась тамъ и по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго; — что между находившимися въ плѣну были и пророки; что послѣдніе не ограничивали наставленій своихъ одними своими соотечественниками, а возвѣщали и слово прещенія, и словеса обѣтованій и язычникамъ;—что Даніилъ особенно,—этотъ мужъ *желаній и видѣній*, какъ называетъ его слово Божіе,—былъ поставленъ отъ Навуходоносора даже главою всѣхъ мудрецовъ вавилонскихъ. Такая глава не могла не сообщить того, что было въ ней, всему тѣлу, то есть, всему сословію мудрецовъ вавилонскихъ; особенно Даніилъ не могъ оставить своихъ учениковъ въ невѣдѣніи о томъ великомъ и божественномъ Лицѣ, провозвѣщеніе Коего составляло сущность всѣхъ его пророчествъ. Посему ничто не препятствуетъ, а напротивъ, все располагаетъ думать, что настоящіе волхвы суть священные останки Церкви, собранной отъ языкъ Даніиломъ на Востокѣ.

Такимъ предположеніемъ нимало, впрочемъ, не уменьшается нравственное достоинство волхвовъ евангельскихъ. Ибо, во-первыхъ, они сами не могли слышать Даніила, а если что и пріяли изъ высшей мудрости, то отъ учениковъ его, притомъ изъ четвертыхъ или пятыхъ устъ; во-вторыхъ, какъ легко было свѣту истины, если какой и принятъ, сто разъ затмиться и угаснуть среди густой тьмы идолопоклонства! Какъ трудно было сѣменамъ жизни не заглохнуть среди терновъ всякаго рода страстей, кои господствовали у язычниковъ? Правда, что волхвы занимались науками, но много ли науки и въ наше время помогаютъ вѣрѣ? Увы, несчастная доля земной мудрости—не приближать, а отводить многихъ отъ вѣры!... Но въ волхвахъ восточныхъ видимъ совершенно другое. Они, чѣмъ были просвѣщеннѣе, тѣмъ усерднѣе къ вѣрѣ и предметамъ святымъ, что могло происходить только отъ мысли чистой и сердца добраго.

За сію-то доброту и чистоту, безъ сомнѣнія, и удостоились они быть первые призванными въ Виѳлеемъ, на поклоненіе Спасителю міра. Призванными говорю: ибо хотя они и ожидали рожденія Царя Израилева, но не пошли бы, вѣроятно, безъ особеннаго призванія — свыше, даже услышавъ о Его рожденіи. *Видѣхомъ бо*, говорятъ они, *звѣзду Его на востоцѣ, и пріидохомъ;* значитъ, еслибъ не видали, то и не пошли бы.

Почему звѣзда, а не другое что, употреблена на призваніе волхвовъ? Потому, безъ сомнѣнія, что волхвы сами занимались наблюденіемъ звѣздъ: и вотъ, Промыслъ дѣйствуетъ на нихъ чрезъ то самое, къ чему они привыкли. Впрочемъ, дѣйствія этой звѣзды такъ удивительны, ходъ ея такъ необыкновененъ, даже противоположенъ ходу всѣхъ извѣстныхъ свѣтилъ, что невольно располагаетъ, вослѣдъ за св. Златоустомъ, видѣть подъ сею звѣздою разумную силу, которая, по повелѣнію Божію, приняла на сей разъ видъ небеснаго свѣтила, дабы руководить восточныхъ мудрецовъ въ Виѳлеемъ. Въ самомъ дѣлѣ, смотрите, что дѣлается съ сею чудною звѣздою? Показавшись на востокѣ волхвамъ, когда они были еще дома, звѣзда потомъ сокрылась и не была видима: ибо, пришедъ въ Іерусалимъ, они говорятъ о явленіи ея, какъ о прошедшемъ: *видѣхомъ звѣзду Его на востоцѣ.* Но по выходѣ изъ Іерусалима, звѣзда снова является и идетъ предъ волхвами—*идяше предъ ними*, чего не бываетъ и не можетъ быть со звѣздою вещественною. А когда волхвы приблизились къ Виѳлеему, то *звѣзда стн верху, идѣже бѣ Отроча.* Какъ это можетъ быть съ обыкновенною звѣздою? — Какъ она станетъ *верху, идѣже бѣ Отроча?* и какъ укажетъ мѣсто Его пребыванія? Это можетъ сдѣлать только свѣтило небольшое, состоящее изъ силы разумной, или ею непосредственно управляемое. Но почему же, спроситъ кто-либо, умная сила, если она была и дѣйствовала въ звѣздѣ, не дѣйствовала на волхвовъ прямо, явившись имъ въ видѣ человѣка, и не сдѣлалась ихъ руководителемъ, какъ напримѣръ Архангелъ путешествовалъ нѣкогда съ Товитомъ? Потому, безъ сомнѣнія, что къ такому явленію волхвы не были приготовлены, что въ такомъ видѣ оно для нихъ не было нужно и не оказало бы на нихъ столь благотворнаго дѣйствія. Промыслъ Божій,—разсуждаетъ св. Златоустъ,—въ откровеніяхъ своихъ людямъ сообразуется съ ихъ

нравами, дѣйствуетъ на нихъ чрезъ то, что имъ свойственнѣе, какъ это, вообще, есть черта мудрости—поступать такимъ образомъ. Посему волхвы, яко наблюдатели таинъ и порядка природы, между прочимъ и свѣтилъ небесныхъ, призываются звѣздою.

Но какъ могли они узнать отъ звѣзды, что родился Царь не другой какой, а іудейскій? Ибо, положимъ, что они ожидали рожденія Сего Царя; положимъ, что звѣзда была необыкновенная—по величинѣ и свѣту: но все же она не имѣла устъ, чтобы сказать имъ это. «Не звѣзды единой сіе мнѣ дѣло видится быти, — отвѣтствуетъ св. Златоустъ,—но и Бога, въ началѣ душу ихъ подвигшаго, еже и при Кирѣ сотвори, устрояя его, да отпуститъ іудеевъ». Звѣзда, какъ должно думать, временемъ явленія и положеніемъ своимъ (у наблюдателей звѣздъ то и другое распредѣлено было по народамъ и странамъ) навела мысль на то, что теперь въ Іудеи раждается провозвѣщенный пророками Мессія: а остальное, то есть, твердая увѣренность въ этой мысли и рѣшимость, оставивъ все, идти на поклоненіе Новорожденному, произведены благодатію, всегда присущею душамъ чистымъ. Во всемъ этомъ уже видно особенное предраспоряженіе свыше, но еще большее въ томъ, что послѣдуетъ.

Подъ руководствомъ звѣзды, волхвы могли придти прямо въ Виѳлеемъ. Симъ была бы устранена всякая опасность для нихъ, даже для Самого Отрочати, отъ Ирода, если бы они не заходили въ Іерусалимъ. Но отъ кого же бы Іерусалимъ узналъ тогда о рожденіи Царя своего? А должно же ему было узнать такъ, чтобы онъ не могъ послѣ сказать: «я не знаю, не слыхалъ, мнѣ не возвѣщено»; и однако же такъ, чтобы знаніе сіе нисколько не повредило тайнѣ Виѳлеемской. Все это сдѣлаютъ волхвы своимъ появленіемъ въ Іерусалимѣ; а въ Іерусалимъ зайдутъ они потому, что звѣзда, явившись имъ на востокѣ и поднявши ихъ, такъ сказать, съ своихъ мѣстъ,—потомъ,—можетъ быть, вскорѣ по начатіи пути,—сокроется изъ виду. А безъ ней куда идти? Естественно было обратиться въ столицу, гдѣ обыкновенно обитаютъ и, слѣдовательно, раждаются цари и правители народовъ.

И *се волсви—пріидоша во Іерусалимъ, глаголюще: гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій? Видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ,*

и пріидохомъ поклонитися Ему. — Языкъ недоумѣнія, извиненія и ободренія самихъ себя. Всего этого требовали обстоятельства. Ибо волхвы должны были придти въ немалое недоумѣніе и смущеніе, когда вступили въ предѣлы Іудеи, и ничего не слышатъ о рожденіи Царя іудейскаго; еще въ большее—когда достигли Іерусалима, и никто—ни слова о томъ. Ибо если бы заговорилъ о семъ хотя одинъ, то имъ можно бы и не спрашивать. Но когда всѣ молчали, естественно, нужно было обратиться къ разспросамъ; и вотъ они вопрошаютъ всѣхъ, кого придучилось: *гдѣ есть рождейся Царь Іудейскій?* Укажите намъ то мѣсто, которому надлежало быть извѣстнымъ для всѣхъ безъ вопросовъ. Мы не напрасно спрашиваемъ о томъ, чего, повидимому, никто изъ васъ самихъ не знаетъ, а по причинамъ самымъ важнымъ; насъ вызвало къ вамъ не любопытство, не какіе-либо земные виды, а знаменіе свыше: *видѣхомъ бо звѣзду Его на востоцѣ.* Какъ послѣ сего намъ было не придти? Итакъ, гдѣ вашъ новый Царь? Насъ влечетъ къ Нему не выгода какая-либо, или политика, а глубокое, душевное уваженіе и вѣра: *пріидохомъ поклонитися Ему*—воздать честь, которая подобаетъ отъ всѣхъ Лицу, столь великому и священному.—Но, мудрецы востока, знаете ли вы, кто сидитъ теперь на престолѣ іудейскомъ? Подумали-ль вы, чего могутъ стоить слова ваши рожденному Отрочати, даже вамъ самимъ?—Волхвы или не знаютъ сего, или не хотятъ о томъ и думать: то и другое могло быть въ нихъ. Какъ иностранцы, они, вопервыхъ, могли не знать политическихъ отношеній, въ коихъ находилась Іудея; но если бы и знали о незаконномъ владычествѣ и жестокостяхъ Ирода, то въ нихъ, какъ въ людяхъ необыкновенныхъ и совершенно преданныхъ водительству горнему и испытавшихъ уже на себѣ его дѣйствіе, могло достать мужества — обнаружить свои мысли, дѣлать свое дѣло, не смотря ни на какія послѣдствія,—свидѣтельствовать истину предъ цари и не стыдиться.—не бояться. Промыслъ Божій, впрочемъ, давно все предустроилъ такъ, что дерзновеніе и проповѣдь волхвовъ, послуживъ ко вразумленію и постыженію Іерусалима касательно рожденія Мессіи, нисколько не навлечетъ опасности на самихъ проповѣдниковъ, какъ это увидимъ въ слѣдующемъ нашемъ собесѣдованіи.

Чѣмъ же заключимъ настоящее? Заключимъ, чѣмъ начали,—размышленіемъ о путяхъ премудрости Божіей, но уже не въ отношеніи только къ іудеямъ и язычникамъ, а въ отношеніи и къ намъ самимъ. Наслаждаясь непрестанно полдневнымъ свѣтомъ вѣры христіанской, пользуясь (если только дѣйствительно пользуемся) всѣми благодатными средствами, кои представляетъ она для просвѣщенія и освященія нашего, и видя въ то же время, какъ еще большая часть рода человѣческаго остается доселѣ во тьмѣ язычества или магометанства, безъ Евангелія и Креста, безъ духа и силы животворящей, нѣкоторые содрогаются отъ сей разительной противоположности, приходятъ къ мрачнымъ мыслямъ касательно міроправленія Божественнаго, унываютъ и думаютъ, якобы Промыслъ Божій не оказываетъ желаемаго попеченія о сихъ братіяхъ нашихъ по человѣчеству. Не осуждаемъ вашей чувствительности, вашего участія въ судьбѣ человѣчества, вы, кои имѣете подобныя мысли и, можетъ быть, страдаете отъ нихъ. Но не будьте скоры въ сужденіяхъ о путяхъ премудрости Божественной, кои отстоятъ отъ путей нашихъ, какъ небо отъ земли; не позволяйте себѣ думать, чтобы намъ можно быть когда-либо человѣколюбивѣе Того, Кто не пощадѣлъ Самого единороднаго Сына Своего, но за всѣхъ насъ предалъ Его на мученіе и смерть. А Сей единородный Сынъ можетъ ли забыть тѣхъ, за кого взошелъ на крестъ?—Какъ Онъ совершаетъ Свое дѣло, то есть, дѣло спасеніе нашего—и тамъ, гдѣ мы вовсе не предполагаемъ того, примѣръ и доказательство—волхвы. Если бы евангельская исторія не вывела сихъ язычниковъ изъ мрака, ихъ скрывавшаго, и не представила предъ очи наши: кто бы могъ подумать, что въ Персіи и Аравіи ожидали такъ прилежно сошествія Того, о рожденіи Коего не знали въ самомъ Іерусалимѣ? Первоверховный Апостолъ Христовъ не напрасно возвѣстилъ, что *бояйся Бога и дѣлаяй правду, во всякомъ языцѣ пріятенъ Ему есть* (Дѣян. 10, 35); а примѣръ волхвовъ показываетъ, что такіе люди дѣйствительно могутъ быть во всякомъ языцѣ. Какъ восполняется въ семъ случаѣ естественная праведность человѣческая необходимою для оправданія всякаго человѣка предъ судомъ Божіимъ правдою Христовою; какъ возвѣщается и становится извѣстнымъ тамъ Христосъ; какъ дивіи вѣтви, безъ видимаго намъ пособія человѣческаго, при-

цѣпляются къ сей животворящей лозѣ: все это—тайна Провидѣнія! А когда тайна Провидѣнія, то, безъ сомнѣнія, и тайна милосердія. Если она сокрыта отъ насъ, то конечно, потому, что не могла быть открыта съ пользою для насъ; и сокрыта притомъ не навсегда, а до времени. Настанетъ великій и святый день откровеній, въ который какъ всѣ наши дѣянія обнажатся предъ лицемъ всего міра, такъ предъ лицемъ всѣхъ людей придутъ въ явленіе всѣ пути Божіи о спасеніи рода человѣческаго. Теперь же вмѣсто безплоднаго сожалѣнія объ участи людей, неозаренныхъ свѣтомъ вѣры христіанской, долгъ истиннаго христіанина состоитъ въ томъ, чтобы, предоставляя судьбу ихъ милосердію и премудрости Божественной и употребляя съ своей стороны для вразумленія ихъ и слово назиданія и примѣръ благой жизни, назидать собственное спасеніе со страхомъ и трепетомъ. Ибо кого не приведетъ въ ужасъ примѣръ іудеевъ, кои, пользуясь всѣми, самыми чрезвычайными средствами къ освященію себя, оказались однако же такъ мало способными къ принятію Обѣтованнаго Искупителя?—Что было съ іудеями, то можетъ быть и съ нами, христіанами: царство Божіе, столь близкое къ каждому изъ насъ, можетъ наконецъ прейти мимо насъ, какъ прешло мимо іудеевъ. Итакъ, блюдемся, чтобы когда второе пріидетъ Господь во славѣ Своей, язычники и невѣрующіе не предварили и насъ, христіанъ, у Его престола, какъ предварили іудеевъ у яслей. И если бы только предварили! Можетъ постигнуть насъ еще худшее. Ибо не напрасно Самъ Спаситель изрекъ, что въ сіе рѣшительное время, *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ и возлягутъ во царствіи небесномъ, а сынове царствія,* каковыми именуемъ себя теперь мы, христіане, *изгнаны будутъ во тьму кромѣшнюю* (Матѳ. 8, 11. 12). О семъ-то паче всего должно подумать намъ, при воспоминаніи о св. волхвахъ. Аминь.

Бесѣда на второй день праздника Рождества Христова

НА УТРЕНИ.

У пророка Исаіи въ жалобной рѣчи отъ лица Божія противъ невѣрія и упорства іудеевъ, между прочимъ, говорится такъ: *позна волъ стяжавшаго его, и оселъ ясли господа*

дина своего; Израиль же Мене не позна и людіе Мои не разумѣша (Исаіи 1. 3). Древнее преданіе утверждаетъ, что пророческое изображеніе сіе буквально исполнилось во время рожденія по плоти Господа нашего; потому что при ясляхъ Его, вмѣстѣ съ Матерію и праведнымъ Іосифомъ, находились яко бы и два животныхъ, волъ и оселъ, послужившіе имъ при путешествіи изъ Назарета въ Виѳлеемъ и теперь дыханіемъ своимъ согрѣвавшіе воздухъ въ пещерѣ виѳлеемской, слишкомъ суровый для новорожденнаго Отрочати. Трогательная картина бѣдности и смиренія, и вмѣстѣ новое, рѣзкое обличеніе народа израильскаго! Ибо положимъ, что онъ не зналъ о мѣстѣ и времени рожденія своего Спасителя, и потому не могъ, хотя бы и хотѣлъ, послужить Ему при семъ, какъ должно; но вотъ, теперь, онъ узнаетъ это отъ волхвовъ, узнаетъ такъ, что весь Іерусалимъ, начиная отъ царя, придетъ въ движеніе. Что же произведетъ вѣсть столь радостная?—Произведетъ, повидимому, многое, и вмѣстѣ съ тѣмъ—ничего существеннаго. Иродъ соберетъ первосвященниковъ и книжниковъ и предложитъ имъ вопросъ: *гдѣ Христосъ раждается?* Первосвященники и книжники пересмотрятъ всѣхъ пророковъ и скажутъ, что Онъ раждается въ Виѳлеемѣ іудейскомъ. А потомъ?—потомъ волхвы, какъ одни пришли въ Іерусалимъ, такъ одни пойдутъ и въ Виѳлеемъ, и найдутъ тамъ Божественнаго Младенца также съ одною Матерію и Іосифомъ, какъ нашли ихъ прежде тамъ бывшіе пастыри. А потомъ?—потомъ Матерь и старецъ поймутъ Отроча и будутъ нощію спасаться бѣгствомъ во Египетъ отъ меча Иродова. Такимъ образомъ пророкъ и теперь, стоя у яслей виѳлеемскихъ, еще съ большею силою могъ бы повторить древнюю жалобу свою: *позна волъ стяжавшаго его и оселъ ясли господина своего; Израиль же Мене не позна и людіе Мои не разумѣша!*

Что виною сего ужаснаго ослѣпленія іудеевъ?—Недостатокъ свѣта?—Но волхвы издалека, изъ чужой страны, гдѣ господствовало идолопоклонство, пришли на поклоненіе Царю іудейскому. Положимъ, что они возбуждены явленіемъ звѣзды; а у іудеевъ развѣ не было пророческихъ писаній, кои стоятъ всякой звѣзды? Притомъ и звѣзда сіяла не для однихъ волхвовъ; на нее могъ смотрѣть всякій. Самое появленіе восточныхъ мудрецовъ въ Іерусалимѣ было уже вмѣсто проповѣди

и великаго знамени для іерусалимлянъ; ибо показывало, что весь міръ начинаетъ приходить въ движеніе. Какъ же бы іудеямъ остаться недвижимыми? Какъ не устремиться всѣмъ въ Виѳлеемъ? Не пойти, не узнать, не розыскать, хотя бы то было сопряжено съ трудомъ и опасностію, ибо дѣло спасенія стоитъ всякаго труда и всякой опасности? Но ничего подобнаго не увидимъ въ іудеяхъ.—Отъ чего? Отъ преступнаго равнодушія и холодности, отъ того, что всякій любилъ больше свой временный покой, нежели свое вѣчное спасеніе. Ибо ничего нѣтъ тяжелѣе и неподвижнѣе души, преданной міру, оплотянѣвшей и пригвожденной къ утѣхамъ земнымъ: она за малыми и ничтожными вещами гоняется какъ дитя,—плачетъ, когда у ней отнимутъ бездѣлку; а на самое большее и важное не смотритъ или отвращается, подобно какъ дѣти прячутся, когда имъ показать что-либо величественное. Такъ было и съ іудеями. Пресправедливо выражается св. Павелъ, когда говоритъ, что они почивали на законѣ. Точно обряды Моисеевы были для нихъ какъ мягкая подушка: исполняя ихъ машинально, принимая обрѣзаніе, принося уреченныя жертвы, давая десятину, совершая омовенія, іудеи думали, что такимъ образомъ дѣлаютъ все, что нужно, и что имъ послѣ того ничего не остается, какъ войти въ будущее царство Мессіи, и думая такъ, засыпали въ безпечности. Мысль, что для входа въ сіе царство необходима истина и правда, или по крайней мѣрѣ искреннее и нераскаянное покаяніе во грѣхахъ, что это славное царствіе, и пришедъ, можетъ обойти ихъ, яко недостойныхъ, и достаться язычникамъ,—такая мысль не приходила никому и въ голову. А на дѣлѣ вышло другое: презираемые язычники оказались гораздо способнѣе къ царствію Божію; съ радостію приняли то, что по неразумѣнію отвергнуто іудеями, и такимъ образомъ восхитили, такъ сказать, благодатное наслѣдіе у природныхъ сыновъ и наслѣдниковъ.

Но посмотримъ на самыя событія.—*Слышавъ же Иродъ царь, смутися и весь Іерусалимъ съ нимъ.* Иродъ вдругъ узналъ о пришествіи волхвовъ; ибо подозрительный характеръ, по свидѣтельству іудейскаго историка, заставлялъ его стеречь всѣ входы и исходы своего царства. Не смущаться же ему отъ вопроса волхвовъ о рожденіи Царя іудейскаго было невозможно. Ибо Иродъ, хотя назывался царемъ іудейскимъ,

но былъ царь незаконный, иноплеменникъ, воцаренный римлянами, и ничѣмъ не искупившій своего самозванства, кромѣ крайнихъ жестокостей, простиравшихся до того, что онъ по одному подозрѣнію, предавалъ смерти, даже собственныхъ дѣтей своихъ. Такому тирану безъ трепета нельзя было и помыслить о появленіи на свѣтъ великаго Потомка Давидова. Коего будущее владычество онъ, безъ сомнѣнія, представлялъ себѣ не иначе, какъ въ чувственномъ видѣ, то есть, что Мессія свергнетъ его съ престола и потребуетъ отъ него отчета во всѣхъ жестокостяхъ и безуміи.

Но чесо ради,—вопрошаетъ св. Златоустъ,—*смутися Іерусалимъ; ибо Спаса и Благодѣтеля и Освободителя испервa быти Христа пророцы предвозвѣстиша? Подобаше убо имъ и хвалитися яко у нихъ родися Царь, и Перскую къ нимъ привлече страну, и будутъ имѣти всѣхъ подручныхъ себѣ.* Дѣйствительно, если бы іерусалимляне имѣли здравое понятіе о Мессіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ любовь къ Нему: то вѣсть о рожденіи Мессіи должна бы ихъ крайне обрадовать, какъ исполненіе давнихъ, вѣковыхъ, ожиданій, какъ начало благодатнаго царства Божія на землѣ и славы народа израильскаго. Но сего не было въ іерусалимлянахъ; а между тѣмъ каждый, по случаю вѣсти о рожденіи Мессіи, тотчасъ представлялъ себѣ новыя гоненія отъ того же Ирода, и смущался духомъ. Смущались многіе и тѣмъ, что имѣли совѣсть не чистую, жизнь не израильскую, нравы языческіе; а съ такими качествами какъ предстать Мессіи? Какъ явиться въ Его царство? Но какъ бы то ни было, только Провидѣніе, очевидно, достигло въ семъ случаѣ своей цѣли, давъ знать чрезъ волхвовъ всему Іерусалиму и слѣд. всей Іудеи, что часъ событія пророчествъ—насталъ, что давно ожиданный Избавитель — пришелъ, что ветхій завѣтъ оканчивается, и начинается новый.

Слышавъ же царь смутися и весь Іерусалимъ съ нимъ. У смущеннаго такимъ образомъ Ирода, вѣроятно, первая мысль была—для истребленія ужасной вѣсти истребить самихъ вѣстниковъ. Но когда безчеловѣчіе внушало такую мысль, привычная хитрость и лукавство (ибо Иродъ столько же былъ лукавъ, какъ и жестокъ) удерживали и внушали другое. Что пользы, думалъ тиранъ, если я убью теперь волхвовъ? Вѣсть, отъ нихъ разнесшаяся, симъ не уничтожится, а ско-

рѣе усилится. А что всего важнѣе—новорожденный Младенецъ такимъ образомъ уцѣлѣетъ; ибо теперь еще неизвѣстно, гдѣ Онъ и кто. Лучше воспользоваться симъ случаемъ другимъ образомъ: велѣть собрать первосвященниковъ и книжниковъ, узнать отъ нихъ, гдѣ, по мнѣнію этихъ суевѣрныхъ іудеевъ, должно родиться ихъ Христу; потомъ отправить волхвовъ къ Нему, и чрезъ нихъ узнать, гдѣ находится мой будущій соперникъ: тогда ничто не спасетъ Его отъ моей мести; тогда, если окажется нужнымъ, и волхвы заплатятъ мнѣ за свои вѣсти и опасное волненіе, произведенное приходомъ ихъ въ народѣ. Все это казалось Ироду, безъ сомнѣнія, верхомъ мудрости и умѣнья дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ; а между тѣмъ все это послужитъ ни къ чему другому, какъ только къ исполненію намѣреній Провидѣнія—привести въ извѣстность у всего народа іудейскаго рожденіе Царя его.

И, собравъ вся первосвященники и книжники людскія, вопрошаше: гдѣ Христосъ раждается? Лучше не могъ въ настоящемъ случаѣ поступить Иродъ, еслибъ былъ на самомъ дѣлѣ усерднымъ чтителемъ Бога Израилева и обѣтованнаго Мессіи; ибо, во-первыхъ, уже то весьма много служитъ къ чести Новорожденнаго, что вотъ цѣлое сословіе людей, первыхъ въ государствѣ, самыхъ освященныхъ и самыхъ ученыхъ, вмѣстѣ съ царемъ, занимается не только лицемъ Его, даже мѣстомъ рожденія, а во-вторыхъ—не малая важность и въ томъ, что всѣ первосвященники и книжники, по прилежномъ сличеніи пророчествъ, скажутъ громко и твердо именно то самое, что сбылось теперь на дѣлѣ, то есть, что Христосъ, какъ долженъ былъ родиться, такъ и дѣйствительно родился въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ. Лучшаго и полнѣйшаго засвидѣтельствованія истины въ семъ случаѣ нельзя и представить; и мы обязаны имъ тому же самому Ироду, то есть, коварству его, или лучше сказать, Промыслу, запявшему его въ семъ коварствѣ.

Но что первосвященники и книжники? *Они же рекоша ему: въ Виѳлеемѣ Іудейстѣмъ.* «Смотри,—замѣчаетъ при семъ случаѣ одинъ учитель Церкви,—какъ первосвященники іудейскіе, не смотря на свою худость нравственную, соотвѣтствуютъ цѣли званія своего, указывая народу, что находится въ законѣ и пророкахъ. Посему-то и Спаситель въ свое

время скажетъ: *вся елика аще рекутъ вамъ блюсти соблюдайте и творите; по дѣломъ же ихъ не творите* (Матѳ. 23. 3). Ибо дѣла точно не соотвѣтствовали словамъ: какъ, напримѣръ, и теперь первосвященники укажутъ путь въ Виѳлеемъ, а сами останутся въ Іерусалимѣ, подобно тѣмъ бездушнымъ знакамъ, стоящимъ на большихъ путяхъ. кои всѣмъ и всегда указываютъ дорогу, а сами—ни съ мѣста.—Первосвященникамъ и нельзя впрочемъ было не знать, или не сказать теперь истины: потому что она давно изображена была въ писаніи преясно. Тако бо писано есть пророкомъ: *и ты, Виѳлееме, земле Іудова. ничимже меньши еси во владыкахъ Іудовыхъ: изъ тебе бо изыдетъ Вождь, Иже упасетъ люди Моя Израиля.* Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ іудеевъ начали относить пророчество сіе не къ Мессіи, а къ Зоровавелю, подъ предводительствомъ коего евреи возвратились нѣкогда изъ плѣна вавилонскаго; но таковые лжетолкователи постыждаются свидѣтельствомъ предковъ своихъ, цѣлаго синедріона, относящаго, какъ видите. пророчество сіе къ Мессіи. Притомъ Зоровавель. хотя принадлежитъ къ племени Давидову, но родился не въ Виѳлеемѣ: да о немъ нельзя сказать и того, что пророкъ далѣе говоритъ о Вождѣ, имѣющемъ выйти изъ Виѳлеема. то есть. что Его *исходи изъ начала, отъ дней вѣка* (Мих. 6, 2).

Услышавъ о рѣшенія синедріона іудейскаго. волхвы не мало должны были удивиться, какъ сіи люди, имѣя въ рукахъ такія пророчества, и могши все опредѣлять по нимъ, не знали доселѣ, что Христосъ дѣйствительно родился. Но ихъ могло удивить теперь и многое другое въ Іерусалимѣ, еслибъ у нихъ была охота и время судить поступки другихъ, а не заниматься своимъ дѣломъ. Одно изъ двухъ могли подумать волхвы, смотря на іерусалимлянъ: или что Провидѣніе имѣетъ особенную причину сокрывать отъ евреевъ рожденіе Божественнаго Отрочати, или что евреи крайне небрежны въ семъ важномъ дѣлѣ: а вѣроятно, подумали они и то и другое: ибо то и другое было на самомъ дѣлѣ. Одинъ Иродъ до времени могъ представляться волхвамъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Ибо что, казалось, можетъ быть чище и благороднѣе его поступковъ? Будучи царемъ надъ евреями, онъ не только не гнѣвается, повидимому, за вѣсть о рожденіи Царя іудейскаго, не только не скрываетъ сей вѣсти, а

еще собралъ цѣлый совѣтъ народный для безпристрастнаго изслѣдованія о мѣстѣ Его рожденія. Уже это служило ему къ похвалѣ въ глазахъ волхвовъ; а еще болѣе то, какъ онъ поступилъ съ ними далѣе. Ибо что дѣлаетъ Иродъ?

Тогда Иродъ тай призва волхвы, и испытоваше отъ нихъ время явльшіяся звѣзды. Что Иродъ призываетъ волхвовъ тайно, и что съ такимъ прилежаніемъ испытываетъ время явленія чудесной звѣзды—это могло родить подозрѣніе насчетъ его искренности и намѣренія: но чтобы проникнуть въ эту бездну коварства, надлежало имѣть не такой простой и добрый взглядъ, какой былъ у волхвовъ. Съ другой стороны, все это легко было толковать въ сторону самую добрую, почесть слѣдствіемъ благоразумія Ирода, не хотящаго до времени волновать народа своимъ открытымъ сношеніемъ съ чужестранцами, желающаго точнѣе узнать всѣ обстоятельства событія, для него, повидимому, столь вожделѣннаго. Тѣмъ паче волхвамъ легко было утвердиться въ сихъ послѣднихъ мысляхъ, когда Иродъ, отобравъ отъ нихъ нужныя свѣдѣнія, не только не возвратилъ ихъ назадъ, не только не удержалъ въ Іерусалимѣ и не лишилъ свободы, не только не показалъ никакого вида неудовольствія а обласкалъ по-царски и самъ послалъ ихъ въ Виѳлеемъ, и, пославъ, сказалъ: *шедше испытайте извѣстно о Отрочати: егдаже обрящете, возвѣстите ми, да и азъ шедъ поклонюся.* Слова хитрыя: родъ извиненія и тайнаго непримѣтнаго наказа. Видите сами,—какъ бы такъ говорилъ Иродъ волхвамъ,—что это дѣло чрезвычайно необыкновенное, что на всемъ этомъ событіи лежитъ печать тайны.—Вамъ, на востокѣ, сказано, а мы всѣ, въ Іерусалимѣ, ничего доселѣ не знали. Изъ пророковъ видно, что Мессія долженъ родиться въ Виѳлеемѣ; но гдѣ именно и какъ?—это не указано. Да, можетъ быть, и не угодно Промыслу, чтобы кто-либо до времени зналъ это. Вы возваны къ Рожденному самимъ небомъ: итакъ, идите пока одни, дабы не произвести безвременно молвы и шуму; но, узнавши все точнѣе, возвратитесь и скажите намъ. Тогда, если это окажется согласнымъ съ положеніемъ Рожденнаго, я первый—явно или тайно, какъ будетъ для Него лучше,—поспѣшу явиться для возданія чести, Ему подобающей: *да и азъ шедъ поклонюся Ему. Шедъ*, то есть отвергнувъ всякую пышность, безъ колесницъ и тѣлохра-

нителей, безъ всякой свиты, въ видѣ простаго странника и богомольца.

Такъ, казалось, все обдумано было хитростію Ирода. Но сіе-то самое коварство и послужитъ къ запятію его жестокости. Волхвы безбѣдно, даже съ честію выйдутъ теперь изъ Іерусалима. Имъ извѣстно уже. гдѣ Христосъ раждается: остается только поспѣшить къ цѣли своихъ желаній;—и вотъ они на пути. Но когда одни недоумѣнія кончились, другія должны были явиться. Въ Виѳлеемѣ не одинъ домъ—куда обратиться? Надобно опять искать и спрашивать подобно тому, какъ спрашивали въ Іерусалимѣ. Но для Іерусалима вопросъ о рожденіи Царя іудейскаго былъ нуженъ; ибо служилъ провозвѣстіемъ о Мессіи; для Виѳлеема—не нуженъ. Самое время было крайне дорого: притаившаяся на время жестокость Ирода могла вдругъ пробудиться и пасть бѣдою надъ Виѳлеемомъ преждевременно, когда въ немъ еще заключено было спасеніе всего міра. При томъ терпѣніе волховъ уже довольно испытано; время вознаградить ихъ за вѣру и безпокойства. Все это исчислено, взвѣшено Промысломъ, и—предъ волхвами опять небесный вождь. *И се звѣзда, юже видѣша прежде на востоцѣ, идяше предъ ними.* Можете судить о радости при семъ святыхъ путешественниковъ, когда они паки увидѣли перваго своего руководителя, который при томъ предсталъ имъ теперь уже не въ прежнемъ, неопредѣленномъ своемъ видѣ,—только являясь на востокѣ,—а взявшись, такъ сказать, прямо и непосредственно вести ихъ: *и се звѣзда идяше предъ ними!*

И возрадовашася радостію велію, видѣвше звѣзду. Возрадовались: ибо увидѣли, что путь ихъ не напрасенъ: возрадовались: потому что изъ рукъ человѣческихъ опять видимо перешли въ руки Божіи, паки вступили въ непосредственное сношеніе съ самимъ небомъ. Въ Іерусалимѣ, какъ ни льстили имъ, какъ ни хитрили предъ ними, но доброе, исполненное истинной любви къ Рожденному, сердце волховъ не могло не тяготиться внутренно, не чувствовать, что они не на своемъ мѣстѣ,—не желать прежней свободы, прежняго указанія свыше. И вотъ, чудная звѣзда паки предъ ними! Краткій путь до Виѳлеема теперь по тому самому пройденъ еще скорѣе; такъ что Иродъ не могъ собраться съ новыми мыслями, а волхвы, слѣдуя за звѣздою, уже были

у конца своего пути и своихъ желаній. *Пришедши звѣзда, ста верху, идѣже бѣ Отроча*, то есть, вѣроятно, такъ опустилась съ высоты, что можно было, по падающимъ внизъ лучамъ ея безъ труда узнать искомое мѣсто.

Какое это мѣсто?—Евангелистъ Матѳей называетъ его храминою: *и пришедше въ храмину*. Значитъ, св. Марія и Іосифъ оставили уже теперь вертепъ и нашли себѣ пристанище въ какомъ-либо домѣ въ самомъ Виѳлеемѣ, о чемъ, безъ сомнѣнія, и не преминулъ позаботиться св. старецъ, сокрушавшійся и о томъ, что нельзя было сдѣлать сего прежде, во время самаго рожденія. А можетъ быть, Божественное Отроча и доселѣ оставалось въ вертепѣ и ясляхъ, и св. Матѳей называетъ храминою этотъ же самый вертепъ, ибо слово *храмина* употребляется въ писаніи о всякомъ обиталищѣ, даже о гнѣздахъ птицъ. Но какъ бы то ни было, если и перемѣнилось мѣсто, то все прочее осталось тоже—прежняя простота и бѣдность, прежнее безмолвіе и уединеніе, такъ что, если бы волхвы водились внѣшнимъ блескомъ, то и теперь было чѣмъ сто разъ соблазниться въ положеніи новорожденнаго Царя Израилева. Ибо какъ они нашли Его?—*Пришедше въ храмину, видѣша Отроча съ Маріею, Матерію Его*. Вотъ вся свита великаго Царя, предвозвѣщеннаго пророками и звѣздою! Даже Іосифа, повидимому, теперь не было, за отсутствіемъ, конечно, ради необходимыхъ вещей, и можетъ быть по тайному распоряженію Промысла, дабы не представилось волхвамъ, что онъ есть отецъ Отрочати. Впрочемъ, о волхвахъ можно сказать, что они были выше всего видимаго: ибо, не смотря на бѣдность, окружающую Отроча и Матерь, они какъ только увидѣли Его, *падше поклонишася Ему*, то есть, оказали такой знакъ почтенія, какой приличенъ лицу Божественному. Почему оказали такое почтеніе? По ясному ли прозрѣнію въ тайну Его Божества? Но такого прозрѣнія не вдругъ достигли самые апостолы; такого прозрѣнія не обнаружено ясно въ писаніяхъ даже нѣкоторыхъ пророковъ. Что же повергло волхвовъ къ подножію Младенца?—Повергло чистое сердце, коему обѣщано зрѣніе Бога, и которое теперь, предваряя ясное убѣжденіе ума, невольно преклонялось предъ Словомъ, ставшимъ плотію, подобно тому, какъ Іоаннъ, еще во чревѣ матери, взыгрался радостію, отъ одного прибли-

женія, по мѣсту, къ Сему Божественному Отрочати, находившемуся также во чревѣ матернемъ.

И отверзше сокровища, принесоша Ему дары: злато, ливанъ и смирну. Три дара, какъ бы въ знаменіе Божества тріипостаснаго и для означенія трехъ видовъ ходатайственнаго служенія Богочеловѣка: злато яко Царю и Главѣ рода человѣческаго,—ливанъ яко Первосвященнику и учителю,—смирну, яко Человѣку и Ходатаю, имѣющему смертію Своею разрушить державу смерти. Принесены злато, ливанъ и смирна, яко лучшее изъ всего, что было на Востокѣ, чѣмъ славилось отечество волхвовъ. Впрочемъ и здѣсь, по замѣчанію св. Златоуста, видно возвышенное направленіе ихъ мыслей: они не приносятъ ни одной изъ тѣхъ чувственныхъ жертвъ, коими выражалось у самихъ евреевъ почтеніе Богу истинному, а дары безкровные, познаменуя симъ и какъ бы предначиная богослуженіе новаго завѣта и наши жертвы духовныя. Посему тотъ же св. Златоустъ называетъ волхвовъ *первенцами церковными.* Явиться предъ новаго Царя съ дарами требовало и усердіе и обыкновеніе тогдашняго времени: а между тѣмъ дары никогда не были такъ нужны и вовремя, какъ теперь. Ибо положеніе св. Дѣвы и Іосифа было самое стѣсненное. Даже изъ того, что имѣли въ Назаретѣ, не могли они взять многаго, надѣясь скоро возвратиться: а теперь предстояло, какъ увидимъ, бѣгство во Египетъ. Съ чѣмъ бы отправились въ эту чужду страну безъ помощи, полученной отъ волхвовъ? Такимъ образомъ дары ихъ, можно сказать, были даромъ свыше—на путь. Кому? Тому, Кто пришелъ обогатить насъ всѣхъ Своею безприкладною нищетою! Тому, Кто Самъ даетъ всѣмъ жизнь, дыханіе и вся! Когда подумаешь о семъ, братіе, то теряешься мыслію въ безднѣ снисхожденія Божественнаго и тѣхъ уничиженій, кои претерпѣлъ за насъ Спаситель нашъ. А мы все еще не можемъ бросить самолюбія и гордости житейской, не научимся любить, подобно Ему, простоты и смиренія; все еще преданы роскоши безумной и преступнымъ утѣхамъ чувственности!

Теперь оставалось одно затрудненіе — какъ и куда возвратиться волхвамъ? — По естественному ходу дѣлъ, они, безъ сомнѣнія, пошли бы теперь паки въ Іерусалимъ — къ Ироду, чтобы сдержать свое обѣщаніе, и подѣлиться

съ нимъ и со всѣмъ Іерусалимомъ тою радостію и святымъ восторгомъ, коими исполнена была душа ихъ. Но это было бы сопряжено съ крайнею опасностію для Отрочати и для нихъ самихъ. Кто же вразумитъ святыхъ странниковъ? Звѣзда уже не могла сдѣлать сего; употреблено другое средство. *Впсть пріемше во снѣ, не возвратитися ко Ироду, инымъ путемъ отыдоша во страну свою. Впсть пріемше во снѣ:* значитъ, въ Виѳлеемѣ проведено ими не нѣсколько только часовъ, а день или два. Можно ли было скоро оставить то мѣсто, куда шли такъ долго и съ такимъ усердіемъ, не насладиться многократнымъ лицезрѣніемъ Божественнаго Отрочати, не разспросить о всемъ Его Матерь, не узнать всѣхъ обстоятельствъ рожденія, столь чуднаго? *Впсть пріемше во снѣ;* подобно тому, какъ это было, и еще будетъ не разъ съ Іосифомъ. Не сказано однако же, чтобы въ этомъ снѣ говорилъ волхвамъ Ангелъ: могло быть довольно вразумленія безличнаго, тайнаго озаренія мысли, но такого, что волхвы не могли не почесть его за гласъ Божій, коему надобно послѣдовать неуклонно.

Хотите ли знать, что потомъ было съ волхвами—дома? Евангеліе не сказываетъ сего, ибо изводитъ ихъ на среду и занимается ими не болѣе того, сколько имъ дано было участвовать въ великомъ событіи виѳлеемскомъ. Но святое преданіе, какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ семъ, дополняя сказаніе Евангельское, говоритъ, что волхвы не удовольствовались тѣмъ, что совершили путешествіе во Іудею; во всю жизнь продолжали слѣдовать за звѣздою, возвѣщали всѣмъ то, что сами сподобились видѣть, и такимъ образомъ, подвизавшись подвигомъ добрымъ на земли, удостоились вѣчной славы на небеси. Нетлѣнныя тѣлеса ихъ перенесены впослѣдствіи съ Востока въ Константинополь, и содѣлались сами предметомъ благоговѣйнаго поклоненія для вѣрующихъ.

Все это, безъ сомнѣнія, поучительно, но для насъ поучительнѣе всего въ волхвахъ — ихъ святое путешествіе, какъ примѣръ вѣры, любви, преданности и терпѣнія. Такимъ образомъ у яслей Христовыхъ два рода людей—пастыри и волхвы, то есть, люди самые простые и люди самые образованные. Для чего такъ? да разумѣемъ, что Господь и Спаситель нашъ пріемлетъ всѣхъ и каждаго: пріятна Ему

и простота безкнижная, когда она соединена съ вѣрнымъ исполненіемъ своего званія, съ чистотою совѣсти и жизни; не отриновенна у него и мудрость человѣческая, когда она умѣетъ подчинять себя озаренію свыше и употреблять свои познанія во славу Божію и на пользу ближнихъ. Такъ было теперь — въ самомъ началѣ; такъ будетъ и послѣ: въ санъ апостольскій изберутся большею частію рыбари, взятъ будетъ и Павелъ, наставленный во всей мудрости іудейской. Посему, пастырь ли кто виѳлеемскій, то есть, человѣкъ простой и не книжный, да не скучаетъ своею простотою: у Спасителя достанетъ свѣта и премудрости, дабы Евангеліемъ и озареніемъ отъ Духа, замѣнить для него всѣ пособія наукъ и искусствъ человѣческихъ, вразумить его во всемъ, что нужно для его спасенія. Волхвъ ли кто восточный, то есть человѣкъ знакомый съ науками, обладающій многими познаніями,—да не полагается на свою мудрость, да ищетъ свѣта горняго, да послѣдуетъ ему со смиреніемъ волхвовъ, будучи увѣренъ, что, если онъ захочетъ принести рожденному Отрочати дары своихъ способностей и познаній, то они и нынѣ будутъ приняты Имъ съ тою же благосклонностію, хотя Самъ по Себѣ Онъ и не имѣетъ въ нихъ, нужды. Аминь.

Слово на второй день праздника Рождества Христова

НА ЛИТУРГІИ.

Мы видѣли, братіе мои, что волхвы вслѣдствіе вѣсти, пріятой во снѣ, отошли изъ Виѳлеема въ свое отечество другимъ путемъ, а не чрезъ Іерусалимъ, какъ предполагалось ими сдѣлать по просьбѣ Ирода. Не знаемъ, открыта ли имъ была причина сего распоряженія: но причина была важная. Въ мрачной душѣ Ирода при первой вѣсти о рожденіи Царя іудейскаго, тотчасъ возникло ужасное намѣреніе истребить будущаго соперника своего, какимъ представлялъ Его себѣ сей кровожадный деспотъ. Принадлежа къ числу іудеевъ по одному имени, не имѣя въ душѣ никакой вѣры, тѣмъ паче вѣры въ пророковъ и ихъ предсказанія, Иродъ по тому самому нисколько не раздѣлялъ святыхъ ожиданій народа Божія касательно пришествія Мессіи, не имѣлъ къ Его лицу никакого благорасположенія; напротивъ, видя въ Немъ

возникающую отрасль племени Давидова, коему по всѣмъ правамъ принадлежалъ престолъ царскій, онъ почиталъ Мессію такимъ опаснымъ врагомъ для себя и своего дома, противъ коего должно употребить всѣ средства. Самымъ надежнымъ казалось — лишить его жизни; и вотъ, Иродъ ожидаетъ теперь только возврата волхвовъ и вѣсти отъ нихъ о томъ. Кто именно и гдѣ Это Отроча, дабы дать повелѣніе умертвить Его. Надлежало потому и премудрости Божіей взять мѣры противъ сего безумія: и онѣ взяты, чрезъ удаленіе, на время, какъ увидимъ сейчасъ. Божественнаго Отрочати, не только изъ Виѳлеема, но и изъ всѣхъ предѣловъ владычества Иродова.

Отшедшимъ же имъ (волхвамъ) *се Ангелъ Господень во снѣ явися Іосифу, глаголя: вставъ, поими Отроча и Матерь Его, и бѣжи во Египетъ, и буди тамо, дондеже реку ти: хощетъ бо Иродъ искати Отрочате, да погубитъ Е.*

Не такого печальнаго сновидѣнія могъ ожидать св. старецъ, послѣ того, что непосредственно видѣлъ и слышалъ онъ предъ симъ наяву. Ибо что видѣлъ и слышалъ? Видѣлъ пастырей, оставившихъ среди нощи самыя стада свои, дабы поспѣшить на поклоненіе Новорожденному, и восточныхъ мудрецовъ съ дарами предъ Нимъ; слышалъ о чудесной звѣздѣ, о хвалебныхъ хорахъ Ангеловъ, о намѣреніи Ирода придти и поклониться Отрочати. Послѣ такихъ радостныхъ событій и извѣстій можно было возлечь на одръ ночной съ увѣренностію, что всѣ трудности и искушенія кончились, что теперь будетъ продолжаться рядъ явленій самыхъ утѣшительныхъ. Иное было въ будущемъ, и притомъ само-ближайшемъ! — *Отшедшимъ волхвомъ, се Ангелъ Господень явися во снѣ:*—то есть въ первую, вѣроятно, ночь послѣ волхвовъ; ибо медлить было нельзя: злоба Ирода не дремала. *Не уснутъ*, говоритъ Премудрый, *нечестивые, аще не сотворятъ зла.* Но что явившійся Ангелъ? *Вставъ*, говоритъ, *поими Отроча и Матерь, и бѣжи во Египетъ. Вставъ*, то есть, ни мало не медля, въ эту же самую ночь, сей же часъ. *Поими Отроча и Матерь;* разбуди если то нужно, возьми за руку, веди, хотя бы и не хотѣлось идти—въ такой путь, въ такой часъ. *Отроча и Матерь* — первѣе всего Отроча — главную драгоцѣнность, а съ Нимъ и Матерь; Матерь, а не жену твою, какъ я прежде называлъ Ее при первомъ явленіи

моемъ: ибо теперь тебѣ все извѣстно: ты знаешь, что у Сего Отрочати нѣтъ отца, у этой Жены нѣтъ мужа. *Поими и бѣжи,* какъ бѣгутъ изъ дома, въ коемъ пожаръ; какъ спасаются отъ звѣря или непріятеля—съ возможною скоростію и усиліемъ. *И буди тамо, дондеже реку ти.* Не навсегда останетесь вы въ Египтѣ, а на время, пока пройдетъ буря: тогда я опять явлюсь тебѣ, и скажу, что дѣлать; ибо вы подъ особеннымъ Промысломъ, васъ не можетъ постигнуть никакое зло: съ вами вездѣ сила Вышняго: посему нѣтъ причины унывать и отчаяваться.

Не смотря на такое предостереженіе и вмѣстѣ успокоеніе, если бы Іосифъ захотѣлъ на сей разъ слушать плоти и крови, то много бы, по замѣчанію св. Златоуста, нашлось для него причинъ къ смущенію и противорѣчію.—Ты могъ бы, св. старецъ, сказать Ангелу: ты самъ прежде говорилъ, что Рожденный спасетъ люди Своя; а теперь что выходитъ? Онъ не спасаетъ и Себя Самого; намъ должно для спасенія Его жизни оставить родину, переселиться въ иноплеменную страну, — и какъ переселиться? Вдругъ, не приготовясь, безъ всякихъ средствъ, предавшись опасному бѣгству, ночію. Гдѣ же исполненіе того, что обѣщано?—Но Іосифъ ничего подобнаго не говорилъ и не думалъ. Почему? — Потому, отвѣчаетъ тотъ же св. Златоустъ, что былъ *мужъ вѣренъ:* вѣра и вѣрность горнему водительству, преданность и послушаніе были главными свойствами души Іосифовой: а свойства сіи происходили отъ того, что въ сей душѣ не было никакихъ земныхъ видовъ и привязанностей, господствовала одна чистая любовь, которая, по свидѣтельству св. Павла, *всему вѣру емлетъ, вся терпитъ, вся уповаетъ, николиже отпадаетъ* (1 Кор. 13. 7. 8). Въ семъ отношеніи Іосифъ весьма похожъ на Авраама, такъ что еслибы Авраамъ былъ теперь при св. Дѣвѣ, то дѣйствовалъ бы такъ же, какъ дѣйствуетъ Іосифъ. Что же онъ дѣлаетъ? То, что повелѣно. *Іосифъ же, востав, поятъ Отроча и Матерь Его ночію, и отыде во Египетъ.* Слова простыя, но выражающія глубокую преданность и вмѣстѣ дѣйствіе самое умилительное. Представьте св. старца, вдругъ востающаго среди мрачной ночи съ бѣднаго ложа; представьте, какъ онъ, преисполненный тѣмъ, что слышалъ отъ Ангела, слабыми стопами подходитъ съ благоговѣніемъ къ спящей Отроковицѣ и Младенцу.

и тихо возбуждаетъ Ее отъ сна; какъ потомъ объявляетъ смиренно о крайней необходимости сей же часъ оставить не только домъ, но и отечество, и отправиться не медля въ Египетъ; какъ потомъ святая двоица немедленно собирается въ путь, укладываетъ небольшое число необходимыхъ вещей; какъ Матерь пріемлетъ на руки спавшее Отроча и помѣщаетъ Его вмѣстѣ съ Собою на бѣдномъ животномъ; какъ старецъ слѣдуетъ возлѣ нихъ дрожащими стопами; и все это нощію! — Скажите, кто бы изъ насъ безъ крайней нужды могъ рѣшиться на такой путь?—Ибо путь изъ Виѳлеема въ Египетъ и нынѣ крайне труденъ и опасенъ: надобно идти по горамъ и дебрямъ, по мѣстамъ безводнымъ, среди сыпучихъ песковъ, при непрестанной опасности отъ звѣрей и разбойниковъ. И симъ-то путемъ, нощію, бѣжитъ теперь Спаситель міра, возлежа яко Младенецъ на персяхъ Матери!

Но почему, спроситъ кто-либо, избранъ мѣстомъ убѣжища Египетъ, а не другая какая-либо земля?—Потому что со стороны Виѳлеема Египетъ былъ ближайшею изъ лучше населенныхъ, смежныхъ странъ; потому что въ Египтѣ было множество іудеевъ, среди коихъ Іосифъ и Марія удобнѣе могли найти себѣ пристанище; потому, наконецъ, что Египетъ духовно образуетъ собою плачевное состояніе грѣха и смерти, изъ коего Сынъ Божій пришелъ извести родъ человѣческій, какъ нѣкогда Моисей извелъ народъ израильскій изъ Египта.— Кромѣ сего Евангелистъ присовокупляетъ, что чрезъ бѣгство во Египетъ должно было придти въ исполненіе древнее пророчество о Мессіи, въ коемъ отъ лица Божія говорится: *изъ Египта воззвахъ Сына Моего.* Читая сіе мѣсто у пророка, иной можетъ подумать, что здѣсь подъ словомъ сынъ разумѣется не Мессія, а самый народъ израильскій, изведенный нѣкогда изъ Египта: ибо объ немъ у пророка идетъ рѣчь прежде и послѣ сихъ словъ, какъ то и стараются толковать это мѣсто древніе и нынѣшніе іудеи. Но мы не имѣемъ нужды много спорить съ ними при семъ случаѣ и защищать Евангелиста, относящаго означенныя слова не къ народу израильскому, а къ Спасителю. Ибо что нужды, если пророкъ говоритъ, повидимому, о народѣ израильскомъ? Обѣтованный Искупитель не есть ли Глава и Представитель сего народа? Въ судьбѣ Израиля не могла ли быть предъизображена судьба Мессіи? Кого,—продолжаетъ св. Злато-

устъ,—можно назвать вѣрнѣе Сыномъ Божіимъ? Того ли, кто поклонялся тельцу, служилъ Веельфегору и приносилъ дѣтей въ жертву бѣсамъ, или Того. Кто по естеству Сынъ и чтитъ Родившаго?—Посему Евангелистъ, яко органъ Того же Духа Божія, Коимъ провѣщали пророки, не напрасно видитъ теперь въ бѣгствѣ Спасителя во Египетъ исполненіе того, что было предобразовано пребываніемъ нѣкогда въ семъ же Египтѣ народа израильскаго.

Какимъ образомъ достигли Отроча и Матерь до Египта, гдѣ вселились, что произошло тамъ съ Ними, или съ Египтомъ отъ Нихъ, долго ли продолжалось пребываніе,—о всемъ этомъ Евангелистъ ни слова: ибо цѣль его сказанія не та, чтобы обнять и перечислить всѣ дѣянія Сына Божія, и все, что съ Нимъ происходило (такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ, цѣлый міръ не вмѣстилъ бы пишемыхъ книгъ—Іоан. 21, 25), а чтобы изъ содѣланнаго Имъ и изъ происшедшаго съ Нимъ показать, что Онъ точно есть обѣтованный Избавитель міра и Спаситель всѣхъ человѣковъ.

Дополняя умолчанное Евангелистомъ, древнее преданіе говоритъ, что когда Божественный Младенецъ съ пречистою Матерію Своею вступилъ въ первый египетскій городъ—Иліополь; то всѣ идолы и истуканы его пали, подобно тому, какъ палъ нѣкогда истуканъ Дагона отъ ковчега завѣта, внесеннаго во храмъ его, и что сего чудеснаго паденія и посрамленія идоловъ нѣкоторые изъ жрецовъ египетскихъ уже давно ожидали, предваренные пророчествомъ Іереміи, бывшаго нѣкогда въ Египтѣ. Тоже преданіе указуетъ доселѣ мѣсто жительства святаго семейства, источникъ, изъ коего оно утоляло жажду, и остатки древа, подъ коимъ находило убѣжище отъ зноя дневнаго. Сіи-то обстоятельства, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду св. Златоустъ, когда въ слухъ своихъ слушателей говорилъ, что Господь всю страну Египетскую Своимъ пришествіемъ освяти.

Слѣды и плоды сего священнотаинственнаго освященія во множествѣ открылись въ Египтѣ вскорѣ по вознесеніи Господа, съ первою проповѣдію Апостоловъ. Египетъ, усвоивъ себѣ, по выраженію св. Златоуста, Искупителя въ то время, когда принялъ и соблюдалъ Его въ бѣгствѣ отъ Ирода, не оказался и предъ Апостолами чуждымъ и не знающимъ Его. Нигдѣ вѣра христіанская не пустила такъ скоро корней и

не распространилась съ такою силою, какъ въ Египтѣ. Тамъ образовалось первое христіанское училище, давшее и наставниковъ и защитниковъ христіанству на все ужасное время гоненія отъ язычниковъ; тамъ возникли первые сонмы святыхъ пустынножителей, остающихся доселѣ образцами жизни подвижнической; изъ Египта вышло множество исповѣдниковъ и мучениковъ. Спустя четыре вѣка по рожденіи Спасителя, Египетъ былъ еще такъ богатъ вѣрою и добродѣтелями христіанскими, что св. Златоустъ могъ сравнивать его съ небомъ, наполненнымъ всякаго рода свѣтилами. Теперь другое—свѣтильникъ Церкви Александрійской давно, давно померкъ и едва не сдвигнутъ вовсе съ мѣста своего: *но Ходяй посреди свѣтильниковъ златыхъ* (Апок. 2, 1) не забудетъ мѣста Своего убѣжища отъ гоненія Иродова, и, спасшись во Египтѣ Самъ, не дастъ ему погибнуть во тьмѣ прелести Магометовой. Имѣющій очи видѣть можетъ уже замѣчать тамъ зарю будущаго дня боговѣдѣнія.

И бѣ тамо, продолжаетъ Евангелистъ, *до умертвія Иродова.* Ибо можно было возвратиться назадъ и ранѣе, напримѣръ, тотчасъ послѣ того, какъ окончилось бѣшенство Ирода надъ Виѳлеемомъ и его младенцами. Но Промыслъ не дозволилъ сего, дабы совершенно освободить не только Отроча отъ новаго какого-либо преслѣдованія, но и Матерь съ старцемъ отъ новаго страха и опасеній за Него. Иродъ впрочемъ не долго могъ быть причиною странствованія Мессіи за предѣлами Своего земнаго отечества: дни его были уже изочтены, хотя онъ, какъ увидимъ завтра, и успѣлъ ко многимъ злодѣяніямъ прибавить еще одно ужасное дѣяніе.

Оставляя теперь Спасителя нашего въ Египтѣ, извлечемъ, братіе, изъ бѣгства Его въ сію страну то наставленіе, которое само собою слѣдуетъ къ нашему руководству на путяхъ жизни. И съ нами въ разныхъ видахъ можетъ встрѣтиться подобное тому, что было съ нашимъ Спасителемъ, то есть, опасности и гоненія. Какъ намъ поступать въ такомъ случаѣ? Такъ же, какъ поступалъ Онъ—не вдаваться въ опасность, уклоняться отъ ней, сколько возможно, не ожидать для нашего спасенія какихъ-либо чрезвычайныхъ средствъ свыше, а пользоваться тѣми, кои находятся въ рукахъ нашихъ. Ибо у Сына ли Божія не было чудесъ и знаменій для Своего спасенія отъ Ирода? Онъ и теперь могъ

представить, еслибы восхотѣлъ, въ защиту Свою болѣе. нежели дванадесять легіоновъ Ангелъ (Матѳ. 26, 53): но вмѣсто Ангеловъ употребляетъ старца и Матерь; бѣжитъ, подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ, въ Египетъ, и такимъ образомъ спасаетъ Себя. Такъ должно поступать и намъ, пользоваться, то есть, для своей безопасности естественными средствами, и не искушать Господа ожиданіемъ въ нашу защиту чудесъ и знаменій, кои никогда не расточаются безъ крайней нужды. А во-вторыхъ, взирая на Божественнаго Младенца, спасающагося бѣгствомъ во Египетъ, и помышляя, съ какими трудностями было сопряжено это путешествіе и для Него и для Матери со старцемъ, мы должны воспріять духъ мужества и терпѣнія и прогонять отъ себя обольстительную мысль, якобы, послѣ того, какъ мы начали дѣло своего спасенія и вступили на путь истины и правды, намъ уже не свойственно подлежать напастямъ и огорченіямъ. Нѣтъ, кто хочетъ работать и служить Господеви, тотъ именно, по словамъ древняго мудреца, долженъ *уготовить душу свою во искушеніе*. Истинный христіанинъ есть всегдашній воинъ и подвижникъ. Его ожидаетъ великая награда и покой, ожидаетъ то, чего око не видѣло, ухо не слышало и что не восходило на самое сердце человѣческое: но гдѣ ожидаетъ? Не здѣсь, на земли, а тамъ на небѣ. Здѣсь же *многи скорби праведнымъ;* здѣсь *въ терпѣніи* надобно стяжевать душу свою. Имѣя въ виду все сіе, и мы *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ спасенія*, взирая, яко на образецъ, на Самаго Начальника и Совершителя вѣры, Господа Іисуса, *Иже вмѣсто предлежащей Ему радости* и покоя, претерпѣ бѣгство во Египетъ, *о срамотѣ нерадивъ* (Евр. 12, 1. 2) и тако, прошедъ всю лѣствицу уничиженія и страданій, *сѣде одесную престола величествія на высокихъ* (Евр. 8, 11), юже высоту да сподобимся узрѣть за наши малыя страданія и мы всѣ—Его всемощною благодатію. Аминь.

Бесѣда на третій день праздника Рождества Христова.

Не мало уже, братіе мои, представили мы вниманію вашему печальныхъ событій; хотя излагаемъ предъ вами

повѣсть о рожденіи Того. Кто принесъ съ Собою спасеніе и радость всему міру; не мало уже, можетъ быть, благодарныхъ слезъ пролито надъ яслями Спасителя своего тѣми изъ васъ, кои слѣдуютъ за евангельскимъ повѣствованіемъ о рожденіи Его не съ хладнымъ любопытствомъ соглядатаевъ, а съ вѣрою и любовію, пріемля къ собственному сердцу все, что не претерпѣваетъ Онъ въ самые первые дни бытія Своего на бѣдной землѣ нашей. Но нынѣ намъ должно занять вниманіе ваше именно тѣмъ, что въ евангельской повѣсти есть самаго печальнаго и душевозмутительнаго: мы увидимъ уже не лицемѣріе, а кровавое неистовство Ирода, не смущеніе только іерусалимлянъ, а плачъ и отчаяніе виѳлеемлянъ, увидимъ потоки крови и слезъ, и чьей крови? невинныхъ младенцевъ, безжалостно избиваемыхъ въ колыбели;—чьихъ слезъ?—отцевъ и матерей, коихъ обезчадилъ безумный мечъ Ирода.

Поистинѣ, если что можетъ возмутить чувство, привести въ недоумѣніе разсудокъ, то подобное зрѣлище. Но оно не возмутитъ и не повергнетъ насъ въ уныніе, если будемъ взирать на него не съ какого-либо холма виѳлеемскаго, а съ святой высоты горняго Сіона. Ибо если вся земная жизнь Богочеловѣка была не что иное, какъ единое великое жертвоприношеніе Самого Себя, за грѣхи всего рода человѣческаго, которое, начавшись въ яслѣхъ виѳлеемскихъ, окончилось токмо на Голгоѳѣ; то что удивительнаго, если при сей великой, всепримиряющей жертвѣ, дается въ самомъ началѣ мѣсто и другимъ малымъ, но чистымъ жертвамъ, каковы были младенцы виѳлеемскіе?

Тогда Иродъ видѣвъ, яко поруганъ бысть отъ волхвовъ, разгнѣвался зѣло, иославъ изби вся дѣти сущія въ Виѳлеемѣ, и во всѣхъ предѣлѣхъ его, отъ двою лѣту и нижае, по времени, еже извѣстно испыта отъ волхвовъ.

Тогда, то есть, когда протекло время, въ которое волхвы, по разсчету Ирода, должны были непремѣнно возвратиться въ Іерусалимъ, и когда, вѣроятно, вслѣдствіе донесенія изъ Виѳлеема онъ узналъ, что волхвы уже отправились въ отечество свое — *инымъ путемъ.* Такой поступокъ со стороны волхвовъ, вмѣсто произведенія гнѣва, могъ бы образумить Ирода, дать знать ему, что судьба Отрочати подъ особеннымъ Промысломъ Всевышняго, и что, слѣдовательно, онъ

покушается на невозможное, замышляя отнять у Него жизнь. Ибо почему не возвратились волхвы. Явно потому, что проникли въ его душу и кровавый замыслъ. А кто могъ сказать имъ о семъ, кромѣ Вѣдущаго всѣ тайны сердецъ? Дѣтоубійца, безъ сомнѣнія, никому не открывалъ ужаснаго намѣренія: посему, если волхвы узнали о немъ, то свыше, какъ то и было на самомъ дѣлѣ. А мысль о семъ должна была остановить Ирода и заставить бросить безумное намѣреніе. Но онъ не только не дѣлалъ сего, а отсюда же беретъ случай къ новому, ужасному неистовству: ибо душа безчувственная и неизлѣчимая, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, не принимаетъ никакого врачеванія, Богомъ даруемаго». Простой и самый разумный поступокъ волхвовъ кажется Ироду обидою нестерпимою и поруганіемъ: онъ представляетъ себя обманутымъ, презрѣннымъ, поруганнымъ. Чѣмъ болѣе онъ хитрилъ прежде съ волхвами и притворялся, тѣмъ для него чувствительнѣе неудача. Возможно ли?—Его перехитрили, его, Ирода!... Посему въ немъ начинаетъ дѣйствовать теперь уже не одна кровавая, но холодная политика тирана, а и оскорбленное самолюбіе хитреца, слывшаго непобѣдимымъ въ козняхъ. Что же онъ дѣлаетъ? Бросаетъ личину, которую носилъ доселѣ, и прямо берется за находящійся въ его рукахъ мечъ. Волхвы ушли отъ меня,—думаетъ самъ съ собою кипящій отъ стыда и злости тиранъ,—но не уйдетъ Отроча; ибо у меня въ рукахъ ключъ къ Его жизни, оставленный сими же волхвами; я знаю, хотя неопредѣленно, Его мѣстопребываніе. Они сказывали, что звѣзда явилась имъ въ такое-то время; значитъ, Младенецъ долженъ быть такого-то возраста: пусть будетъ болѣе; и мы возьмемъ выше, чтобы не пропустить жертвы. Чего жалѣть? Взять мѣру двухъ лѣтъ, и приказать избить всѣхъ дѣтей Виѳлеемскихъ, кои принадлежатъ къ сему возрасту. Но онъ, можетъ быть, находится въ самомъ Виѳлеемѣ? Да, это можетъ быть: надобно, и съ сей стороны расширить мѣру—пусть смерть младенцевъ простирается и на окрестности виѳлеемскія. Гдѣ дѣло идетъ о моемъ престолѣ и безопасности моего владычества, тамъ нечего щадить лишней сотни жертвъ. «*И, пославъ, изби вся дѣти, сущія въ Виѳлеемѣ и предѣлѣхъ его. Изби вся дѣти:* то есть, сдѣлано точно такъ, какъ задумано и повелѣно. Жестокость

взяла всѣ мѣры, чтобы не уцѣлѣла ни одна изъ обреченныхъ жертвъ, какъ и дѣйствительно не уцѣлѣла, кромѣ той великой жертвы, которая въ свое время будетъ принесена на крестѣ за всѣхъ, а теперь, ради всѣхъ же, спасена Промысломъ чрезъ удаленіе во Египетъ. Такая жестокость, чтобы не встревожить слишкомъ чувство народное, безъ сомнѣнія, произведена была самымъ скрытнымъ образомъ: могли внезапно отобрать дѣтей ниже двухлѣтняго возраста подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ, на извѣстное только время, даже съ выгодою для родителей, и потомъ внезапно совершить злодѣяніе. Можете представить, братіе мои, что было съ сердцемъ отцевъ и матерей, когда они узнали ужасную тайну! Евангелистъ не напрасно говоритъ, что *тогда сбысться реченное пророкомъ Іереміею, глаголющимъ: гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плачущися чадъ своихъ, и не хотяше утѣшитися, яко не суть* Подлинно, если когда Рахили нѣжной, яко праматери народа израильскаго, довлѣло возстать изъ гроба и начать снова плакать и рыдать объ участи чадъ своихъ, то теперь. У пророка она представляется возставшею изъ гроба и провождающею со слезами израильтянъ, ведомыхъ изъ отечества чрезъ Раму, мѣсто ея погребенія, въ плѣнъ вавилонскій. Теперь плѣна не было; но тягче всякаго плѣна лежало на выи Израиля желѣзное иго владычества Иродова: и вѣрно, не одна матерь виѳлеемская, оплакивая дитя свое, повторяя тѣ слова, кои у пророка исходятъ изъ устъ плачущей Рахили. А между тѣмъ Евангелистъ, относя къ настоящему плачевному случаю пророчество Іереміино, симъ самымъ успокоиваетъ наше чувство, какъ бы говоря такъ: не смущайся много слышимымъ и не жалѣй о матеряхъ и младенцахъ. Если послѣдніе лишатся жизни, а первыя утѣшенія,—то не потому, чтобы въ этомъ мірѣ все предоставлено было злобѣ и безумію такихъ изверговъ, каковъ былъ Иродъ, и чтобы судьбою каждаго изъ насъ не управляла Божія Премудрость: нѣтъ, Иродъ неистовствуетъ и убиваетъ дѣтей по допущенію свыше. Въ семъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, все было давно предвидѣно и опредѣлено; ибо было давно предсказано. И поелику за симъ кровавымъ зрѣлищемъ назирало око Существа всемогущаго и всеблагаго: то оно допущено не иначе,

какъ по причинамъ самымъ премудрымъ и для цѣлей самыхъ благихъ.

И какія же бы это были причины и цѣли? спроситъ кто-либо. Не лучше ли было бы устранить вовсе все это дѣтоубійство?—Не предавать невинныхъ младенцевъ въ жертву безумія Иродова? Не искупля́ть ихъ смертію жизни Искупителя всего міра? Не соединять Его рожденія въ Виѳлеемѣ съ такимъ горькимъ воспоминаніемъ для виѳлеемлянъ?

Не будемъ отнимать, братіе, важности у сихъ вопросовъ: они останавливали нѣкогда на себѣ вниманіе и такого учителя Церкви, каковъ былъ св. Златоустъ, и заставляли его входить въ размышленіе о таинственныхъ путяхъ Божіихъ касательно судьбы человѣческой на землѣ. Слѣдуя за симъ свѣтильникомъ вселенной, и намъ не трудно будетъ внести свѣтъ во мракъ нашихъ недоумѣній.

Допущено закланіе невинныхъ младенцевъ: что же было сдѣлать? Удержать Ирода за руку? Но что же была бы тогда свобода человѣческая? Въ такомъ случаѣ, пожалуй, можно желать, чтобы удерживаема была рука и всякаго злодѣя. Но тогда превратился бы весь порядокъ вещей и дѣйствій; злодѣянія, можетъ быть, исчезли бы, но и добродѣтель потеряла бы всю цѣну; ибо сдѣлалась бы не плодомъ чистаго произвола, а слѣдствіемъ необходимости. Или бы сказать каждой изъ матерей избіенныхъ младенцевъ, подобно какъ сказано было Іосифу: „поими отроча твое и бѣжи изъ Виѳлеема“? Но такимъ образомъ, во-первыхъ, все пришло бы въ Виѳлеемѣ въ движеніе, и тайна рожденія Мессіи обнаружилась бы предъ всѣми. Притомъ не у всѣхъ была такая вѣра и послушаніе, какъ у Іосифа: иной не повѣрилъ бы Ангелу, явившемуся и не во снѣ. И вотъ, Провидѣніе попущаетъ вещамъ идти своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, уготовляя въ то же время праведную казнь тому, который злодѣйствуетъ такъ неистово, и воздаяніе сторицею тѣмъ, кои страждутъ невинно.

«Но можно ли при всемъ томъ, скажешь, не пожалѣть объ участи младенцевъ?» Конечно, такая участь жалка: надобно однако-же, возлюбленный, знать хорошо, о чемъ жалѣешь.—Чего лишились младенцы?—жизни временной. А много ли значитъ эта жизнь и что она такое? Мы полагаемъ въ ней все, и готовы отдать за нее все,—самую совѣсть; а

посмотрите, какъ взирали на эту суетную, мятежную и многоболѣзненную жизнь святые Божіи человѣки. *Кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* (Рим. 7, 24)—вопіетъ Павелъ. *Увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися!* (Псал. 119. 5)—восклицаетъ св. Давидъ. О чемъ воздыхали Давидъ и Павелъ. то дано теперь младенцамъ: лишеніе ли это, или паче награда? Младенцы не остались жить на этомъ свѣтѣ; а что ожидало ихъ на немъ въ тѣ времена? Ожидали, во-первыхъ. величайшія искушенія душевныя. Ибо это были времена крайняго оскудѣнія вѣры и любви. Пришедши въ возрастъ. обуянные тлетворнымъ духомъ своего времени, они легко могли присоединиться къ врагамъ Мессіи и вмѣстѣ съ другими участвовать въ безумномъ крикѣ предъ Пилатомъ: *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!* Ожидали убіенныхъ и величайшія бѣды вещественныя: ибо наступали времена смятеній, междоусобныхъ браней, ужасной послѣдней войны іудеевъ съ римлянами, такъ что Спаситель не безъ причины сказалъ на пути къ Голгоѳѣ плакавшимъ о Немъ женамъ: *себе плачите и чадъ вашихъ, зане дніе грядутъ, въ няже рекутъ: блаженны утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша* (Лук. 23, 28. 29). Это именно блаженство—печальное, но блаженство,—досталось теперь матерямъ виѳлеемскимъ. Укрывшись отъ меча Иродова, младенцы возмужавъ—могли многократно сдѣлаться жертвою меча потомства Ирода, или жестокихъ прокураторовъ римскихъ. Что же было лучше—претерпѣть смерть мученическую, въ невинномъ возрастѣ, не чувствуя ея ужасовъ, не испытавъ жизни и ея удовольствій, или узнавъ ихъ, достигнувъ полнаго возраста и силъ, обязавшись семейными отношеніями и, что въ семъ случаѣ важнѣе всего, очернивъ свою и душу и тѣло грѣхами и страстями? Не оставимъ безъ вниманія и еще одного замѣчанія св. Златоуста, что Промыслъ Божій не поступилъ бы *тако предвосхищеннымъ быти младенцемъ, аще бо они велици нѣцыи имѣли быти и веліе нѣчто исправити имущіи.*

Не было, наконецъ, ничего неприличнаго и для Божественнаго Отрочати допустить, чтобы рожденіе Его въ Виѳлеемѣ сопровождено было мученическою смертію младенцевъ виѳлеемскихъ, Ему совозрастныхъ. Это награда Виѳлеему, что изъ него вдругъ выйдетъ столько мучениковъ, что изъ него набрана почетная стража для Царя славы. Виѳлеемъ

не далъ Ему пристанища ни въ одной даже изъ общественныхъ обителей своихъ; а Онъ первыя мѣста въ небесныхъ обителяхъ Своихъ предоставляетъ виѳлеемлянамъ!—Возрастные не способны были принять вѣнцовъ; и вотъ—они даны ихъ дѣтямъ!

Но довольно уже мы занимались судьбою сихъ дѣтей: время паки обратиться къ Предвѣчному Младенцу. *Умершу же Ироду, се Ангелъ Господень явися во снѣ Іосифу во Египтѣ, глаголя: востав̀ поими Отроча и Матерь и иди въ землю Израилеву изомроша бо ищущіи души Отрочате.*

Умершу же Ироду—по сему самому обыкновенному выраженію, можно подумать, что и смерть Иродова была обыкновенная. Между тѣмъ, она была самая мучительная и ужасная. Рука Божія такъ видимо отяготѣла надъ тираномъ, что онъ самъ нѣсколько разъ покушался прервать свои дни насильственно. Пожираемый вживѣ червями, Иродъ видимо отъ временныхъ мукъ переходилъ къ вѣчнымъ. И Евангелисту, казалось, весьма бы прилично было указать на такую смерть, какъ на казнь за гоненіе Божественнаго Отрочати и за избіеніе младенцевъ виѳлеемскихъ; но онъ ни слова о семъ: ибо таково свойство Богодухновенныхъ писателей, что они безстрастны какъ зеркало; говорятъ ни болѣе, ни менѣе, какъ что имъ внушается отъ Духа Святаго. Поелику же сему всемогущему Духу не приличенъ языкъ укоризнъ человѣческихъ, то и св. писатели не укоряютъ никого: сказываютъ только, что сдѣлалъ Иродъ, Пилатъ, Іуда, Каіаѳа; но судъ и осужденіе ихъ предоставляютъ Тому, Кто будетъ въ свое время судить всѣхъ.

Умершу же Ироду. Смерть сія послѣдовала весьма скоро по преселеніи святаго Семейства въ Египетъ; ибо Спаситель родился въ послѣдній годъ Иродова владычества. А какъ съ смертію Ирода прекратилась причина странствованія, то вотъ и является паки Ангелъ съ вѣстію о томъ и съ повелѣніемъ возвратиться въ землю Израилеву. *Востав̀, поими Отроча и Матерь и иди въ землю Израилеву.* Иди уже, а не бѣжи, какъ говорено было прежде: ибо не было никакой нужды спѣшить. *Изомроша бо,* прибавляется, *ищущіи души Отрочате;* хотя умеръ одинъ Иродъ, какъ одинъ онъ собственно искалъ и души Его. Но здѣсь имѣются въ виду и клевреты Ирода, кои всѣ какъ бы умерли съ нимъ; ибо потеряли силу и престали служить его безумію и злобѣ.

Онъ же, востав̀ъ, поятъ Отроча и Матерь Его, и пріиде въ землю Израилеву. Слышав̀ъ же, яко Архелай царствуетъ во Іудеи Ирода, вмѣсто отца своего, убоялся тамо ити; вставъ же пріемъ во снѣ, отыде въ предѣлы галилейскія. И пришедъ вселися во градѣ, нарицаемѣмъ Назаретъ: яко да сбудется реченное пророки, яко Назорей наречется.

Читая сіе мѣсто, нѣкоторые вопрошаютъ: для чего здѣсь двукратное явленіе Ангела и двукратное вразумленіе Іосифа? Если сообразно пророчествамъ надлежало Спасителю обитать въ Назаретѣ, то почему бы не сказать небесному вѣстнику при явленіи своемъ прямо: «поими Отроча и иди въ Назаретъ»? Такимъ образомъ былъ бы устраненъ для Іосифа поводъ къ недоумѣніямъ и страху, а вмѣстѣ съ симъ и причина къ новому явленію Ангела для его вразумленія. Такъ спрашиваютъ нѣкоторые, и даже готовы обратить это обстоятельство въ предосужденіе сказаній евангельскихъ. А мы съ своей стороны спросили бы таковыхъ, знаютъ ли они тогдашнее состояніе души Іосифовой? Увѣрены ли, что для ней не нуженъ былъ въ какомъ-либо отношеніи самый этотъ страхъ? Не служило ли недоумѣніе отсюда происшедшее, къ усиленію и обнаруженію какого-либо благаго качества въ Іосифѣ? Ибо Провидѣніе, бодрствуя надъ судьбою Божественнаго Младенца, въ то же время разными образами упражняло вѣру и смиреніе Его Матери и Іосифа. Для сего попускались, какъ мы видѣли, на нихъ разныя искушенія; къ сему же могли служить недоумѣнія и нерѣшительность на счетъ избранія будущаго мѣстопребыванія.

Слышав̀ъ, яко Архелай царствуетъ,—одинъ изъ сыновъ Ирода, старшій и, подобно ему, весьма наклонный къ жестокостямъ. Еще не бывъ утвержденъ на престолѣ отъ кесаря римскаго, Архелай во время праздника пасхи предалъ смерти болѣе трехъ тысячъ іудеевъ за одну ихъ нерасположенность къ нему. Слухъ о такихъ поступкахъ не могъ вселять довѣрія: *убоялся тамо ити*. Но чего, спроситъ кто-либо, бояться Тому, Коего всѣ входы и исходы ограждались Провидѣніемъ?—Не знакъ ли это малодушія и недовѣрія? Нѣтъ. Что Іосифъ былъ великодушенъ и вѣренъ, за это ручается все прочее; но онъ видѣлъ, что Промыслу не угодно употреблять чудесъ и знаменій безъ крайней нужды. Посему, хотя онъ и не могъ бояться того, чтобы Архелай или подобный ти-

ранъ пресѣкъ нить жизни Божественнаго Младенца; но могъ— и справедливо—опасаться, что новая какая-либо опасность опять будетъ стоить великихъ трудностей и скорбей для Младенца и Матери. Почему и *убоялся тамо ити. Вземъ же пріемь во сни, отыде въ предѣлы галилейскія*, кои принадлежали не жестокому Архелаю, а кроткому брату его, Ироду Антипѣ: ибо кесарь раздѣлилъ царство Ирода на четыре части, по числу сыновъ его, наименовавъ ихъ по тому самому не царями, а четверовластниками, или тетрархами, какъ они и называются въ Евангеліи.

И пришедъ, вселися во градъ, нарицаемымъ Назаретъ.— Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ обитала св. Дѣва во время первыхъ дней обрученія Іосифу, и гдѣ послѣдовало Ей благовѣстіе отъ Архангела. У Іосифа было тамъ, конечно, готовое, родовое жилище, что, при бѣдномъ положеніи св. Семейства, значило не мало. Въ семъ-то презрѣнномъ и ничтожномъ, во мнѣніи народа, городкѣ (почему и говорили: *отъ Назарета можетъ ли что добро быти?*) суждено проводить земную жизнь Спасителю человѣковъ до времени явленія Его міру! Какъ бы въ оправданіе сего, Евангелистъ присовокупляетъ, что Назаретъ, а не другое мѣсто избрано для жительства, *да сбудется реченное пророки, яко Назорей наречется.* Симъ предсказаніемъ отнимается у Назарета все, что было презрѣннаго въ глазахъ іудеевъ: ибо гдѣ пророчество, тамъ и слава. *Реченное пророки*, а не пророкомъ: посему не ищи сего пророчества прямо у какого-либо пророка, въ опредѣленномъ мѣстѣ, буквально: такого пророчества не найдешь ни въ одной священной книгѣ.—Но коль скоро обратишь вниманіе на духъ и силу словъ, то у каждаго пророка сыщешь не одно мѣсто, гдѣ будущій Мессія представляется униженнымъ по всему, слѣдовательно и по мѣсту обитанія, гдѣ даже употреблено самое это слово. Пророчества вообще какъ картины: каждое изъ нихъ имѣетъ свое опредѣленное значеніе и цѣль; но кромѣ того изъ совокупленія разныхъ пророчествъ, какъ изъ сочетанія разныхъ картинъ, происходятъ новые образы, кои также имѣлись въ виду у св. писателей, тѣмъ паче у Святаго Духа, ихъ Собою исполнявшаго. Не руководствуясь симъ правиломъ, ты не увидишь многаго въ пророкахъ и, пожалуй, найдешь поводъ къ нареканію на писателей новаго завѣта, яко бы они видѣли въ пророкахъ

то, чего въ нихъ нѣту, какъ и поступаютъ люди неопытные и маломыслящіе, выдавая себя за дальновидныхъ. *Яко Назорей наречется*—не въ видѣ почетнаго наименованія, приличнаго лицу столь сильному, какъ Мессія, а въ видѣ поношенія, какъ и дѣйствительно іудеи въ упрекъ называли Спасителя Назаряниномъ, и даже донынѣ называютъ. Аминь.

Бесѣда на день Обрѣзанія Господня.

И егда исполнишася осмь дній, да обрѣжутъ Его, и нарекоша имя Ему Іисусъ, нареченное Ангеломъ, прежде даже не зачатся во чревѣ (Лук. 2, 21).

Событіе, о коемъ повѣствуетъ Евангелистъ и коимъ намѣрены мы занять нынѣ вниманіе ваше, братіе, совершилось прежде того, о чемъ бесѣдовали мы съ вами въ прошедшій разъ: ибо бѣгство во Египетъ произошло не только послѣ обрѣзанія по закону Божественнаго Отрочати, но, вѣроятно, и послѣ принесенія Его, въ четыредесятый день, во храмъ. Но намъ не хотѣлось прерывать повѣствованія евангельскаго и той связи, которая находится между поклоненіемъ волхвовъ и бѣгствомъ во Египетъ. А съ другой стороны, когда приличнѣе настоящее сказаніе Евангелиста обратить въ предметъ размышленія, какъ не въ настоящій день, посвященный Церковію воспоминанію обрѣзанія Господня? Благоговѣйное размышленіе о семъ таинствѣ подастъ намъ кромѣ сего самый лучшій урокъ при вступленіи нашемъ въ новый годъ, показавъ въ примѣрѣ Спасителя, для чего христіанинъ долженъ употреблять время, съ каждымъ новымъ годомъ, какъ бы снова даруемое ему благодатію Божіею.

И егда исполнишася осмь дній, да обрѣжутъ Его, и нарекоша имя Ему Іисусъ, нареченное Ангеломъ, прежде даже не зачатся во чревѣ.

Прежде всего скажемъ, что такое было у евреевъ обрѣзаніе и для чего наблюдалось.

Обрѣзаніе въ Церкви ветхозавѣтной былъ священный обрядъ и вмѣстѣ таинство, посредствомъ коего каждый новорожденный израильтянинъ вводимъ былъ въ завѣтъ съ Богомъ, яко верховнымъ Правителемъ народа еврейскаго. Установителемъ обрѣзанія былъ Самъ Богъ, повелѣвшій совершить

его въ первый разъ Аврааму надъ собою и семействомъ своимъ; состояло же оно въ обрѣзаніи крайней плоти у всякаго младенца мужескаго пола, и совершалось въ осьмой день по рожденіи, какъ бы въ день полноты бытія человѣческаго на землѣ, если судить примѣнительно къ днямъ творенія міра. Вслѣдствіе обрѣзанія—Богъ Авраама, Исаака и Іакова становился Богомъ и обрѣзаннаго младенца, съ чѣмъ вмѣстѣ усвоялись послѣднему всѣ обѣтованія, данныя праотцамъ народа еврейскаго; равно какъ и обрѣзанный принималъ на себя обязанность исполнять все, что было предписано сему народу отъ лица Божія, чрезъ Моисея и пророковъ.—всѣ обряды и постановленія, какъ нравственныя, такъ и гражданскія. Посему обрѣзаніе вскорѣ содѣлалось народнымъ, отличительнымъ признакомъ еврея, символомъ его союза съ Богомъ, доказательствомъ его правъ и свидѣтельствомъ обязанностей. Неучастіе въ обрѣзаніи было равносильно отреченію отъ іудейства. Самъ Богъ угрожалъ за сіе не только лишеніемъ всѣхъ правъ, но и самой жизни: *погубится душа та отъ рода своего, яко завѣтъ Мой разори* (Быт. 17. 14).

Поелику обрѣзаніе было такъ важно и учреждено Самимъ Богомъ, а между тѣмъ составляло обрядъ кровавый и болѣзненный, то избрано въ знаменіе завѣта, конечно, не безъ важныхъ причинъ и цѣлей. Какихъ именно? — не сказано ни Аврааму, ни Моисею, какъ бы для того, чтобы народъ израильскій пріучить къ совершенному повиновенію и безусловной преданности въ волю Божію. Но самая сущность таинства достаточно указываетъ на цѣль его. И во-первыхъ, при обрѣзаніи, очевидно, предполагается въ каждомъ рождающемся природная нечистота, которая должна быть отвергнута, даже съ пожертвованіемъ тѣла и крови; слѣдовательно, выражается вообще падшее, грѣховное состояніе природы человѣческой и необходимость въ ея исправленіи и очищеніи. Во-вторыхъ, обрѣзаніемъ обнаруживается готовность человѣка и рѣшимость сражаться съ испорченностію своей природы, а особенно распинать плоть свою съ ея страстями и похотями. Въ-третьихъ, обрѣзаніемъ свидѣтельствовалась вѣра въ грядущаго Искупителя всѣхъ грѣховъ и Очистителя всѣхъ нечистотъ человѣческихъ, Который имѣлъ крестомъ Своимъ умертвить и отсѣчь все зло, гнѣздящееся въ падшей природѣ нашей. Обрѣзанный посредствомъ проліянія, въ духѣ

вѣры, своей крови, входилъ священнотаинственнѣ, въ участіе въ крови Сына Божія, единственнаго Источника всякой чистоты и исцѣленія. Посему обрѣзаніе и называется печатію правды вѣры. Поелику же духовныя причины и цѣли не исключаютъ и вещественныхъ побужденій, то обрѣзаніе могло быть избрано въ знаменіе завѣта и по его благотворнымъ дѣйствіямъ на самое тѣлесное благосостояніе народа еврейскаго.

Всѣ сіи причины и цѣли явно не касались достопоклоняемаго лица Мессіи, Сына Божія. Обрѣзаніе не было нужно для Него, ни какъ символъ завѣта съ Богомъ: ибо Сынъ всегда *едино со Отцемъ;*—ни какъ знаменіе нечистоты природной и нужды въ очищеніи: ибо Онъ родился отъ Духа Святаго, не сотворилъ ни единаго грѣха и явился во плоти не для того, чтобы достигнуть очищенія Самому, а чтобы Собою очистить всѣхъ и каждаго.

Для чего же теперь пріемлетъ Сынъ Божій обрѣзаніе, подобно послѣднему изъ сыновъ Израилевыхъ? Для того, что Онъ принялъ на Себя не только естество наше, но и всѣ грѣхи и неправды нашего естества, усвоилъ Себѣ послѣднее совершенно и навсегда, а грѣхи и нечистоты на время, для отвѣтственности за нихъ и для того, чтобы изгладить ихъ Своею правдою и Своими страданіями. Апостолъ Павелъ премудро замѣтилъ, что Сынъ Божій, сообразно сей цѣли вочеловѣченія своего, явился даже *въ подобіи плоти грѣха;* то есть, не въ такой плоти, какую мы имѣли бы, оставшись безгрѣшными и невинными, а въ подобной той, которую имѣемъ теперь, по нашемъ паденіи. Явившись въ сей плоти яко Ходатай и Искупитель, Сынъ Божій по тому самому подлежалъ уже всѣмъ обрядамъ и очистительнымъ средствамъ, кои были предписаны въ законѣ Моисеевомъ для нечистыхъ сыновъ человѣческихъ. Для сего именно Онъ пріемлетъ теперь и обрѣзаніе, обрѣзуя въ Себѣ нечистоту естества человѣческаго, подобно какъ для сего же Онъ будетъ принесенъ во храмъ и искупленъ, яко первенецъ, двумя птенцами голубиными; для сего же пріиметъ крещеніе отъ Іоанна, хотя оно совершалось во отпущеніе грѣховъ, коихъ въ Немъ Самомъ не было нисколько. Поелику же Сынъ Божій будетъ принимать всѣ сіи обряды и таинства не для Себя собственно, а за насъ; и поелику однократнымъ,

личнымъ пріятіемъ ихъ, онъ замѣнитъ многократное принятіе ихъ отъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ: то, пріемля обряды ветхозавѣтные, Спаситель симъ самымъ будетъ упразднять ихъ, яко уже ненужные, и освобождать отъ нихъ всѣхъ Своихъ послѣдователей. Посему-то именно въ новомъ завѣтѣ нѣтъ болѣе ни обрѣзанія осмидневнаго, ни жертвоприношенія въ четыредесятый день, ни крещенія Іоаннова, ни пасхи израильской: все это окончилось на лицѣ Спасителя нашего; и сіе-то самое выражаетъ св. Павелъ, когда говоритъ, что Богъ Отецъ послалъ Сына Своего, *бываема подъ закономъ* (обрядовымъ), *да подзаконныя искупитъ, да всыновленіе воспріимемъ* (Гал. 4, 4. 5); то есть, да будемъ яко возрастныя дѣти свободны отъ обрядоваго закона, бывшаго пѣстуномъ для малолѣтнихъ.

Егда исполнишася осмь дній. По сему выраженію можно подумать, что обрѣзаніе Господа совершилось въ девятый день: между тѣмъ оно совершилось въ осьмой, какъ и всегда совершалось. Ибо народные образы выраженія бываютъ различны у разныхъ народовъ: особенно еврейскіе нерѣдко очень отличны отъ нашихъ. Мы замѣчаемъ сіе для того, чтобы показать, какъ неразумно нѣкоторые изъ простолюдиновъ берутся иногда толковать Писаніе и, не понимая хорошо священнаго языка, а посему и смысла священныхъ книгъ, выводятъ изъ словъ и выраженій то, чего въ нихъ нѣту вовсе, сами впадаютъ и другихъ ввергаютъ въ заблужденія самыя грубыя.

Поелику обрѣзаніе совершилось въ осьмой день, то, вѣроятно, совершилось не въ вертепѣ уже, а въ Виѳлеемѣ. Для совершенія его въ такомъ случаѣ могъ быть призванъ какой-либо священникъ; въ противномъ же случаѣ могъ совершить его и самъ Іосифъ, яко глава семейства, имѣвши на то полное право. Такимъ образомъ, если до сихъ поръ нужна была тайна, то она оставалась во всей силѣ.

Если въ рожденіи по плоти видно великое снисхожденіе и истощаніе Сына Божія, то въ обрѣзаніи еще болѣе: ибо въ рожденіи принято Имъ на Себя естество наше, которое есть произведеніе Его же святой и всемогущей десницы, а въ обрѣзаніи Сынъ Божій благоволилъ претерпѣть то, что не слѣдуетъ само по себѣ изъ естества человѣческаго, а есть слѣдствіе нашей нечистоты и грѣховности, коихъ въ

Немъ Самомъ не было вовсе. Обрѣзаніе Господа есть видимое начало Его крестной жертвы; ибо всѣ прочіе виды уничиженія и страданій, кои будетъ претерпѣвать Онъ за насъ во всю жизнь, составляли собою жертву безкровную, а здѣсь—желѣзо и кровь, видимое предвѣстіе гвоздей и вѣнца терноваго.

И нарекоша имя Ему Іисусъ, нареченное отъ Ангела, прежде даже не зачатся во чревѣ.

Какъ обрѣзаніемъ показано, въ какомъ состояніи засталъ насъ Господь, и что нужно было сдѣлать для исцѣленія нашего отъ проказы грѣховной; такъ въ нареченіи имени Его указано, что Онъ принесъ съ Собою для насъ, и чего мы можемъ ожидать отъ Него. Ибо что означаетъ имя Іисуса? — спасеніе. Какое? — всякое: духовное и тѣлесное, временное и вѣчное, видимое и невидимое. Отъ какихъ золъ не страдаетъ падшій родъ человѣческій! Страдаетъ отъ тьмы въ умѣ, отъ злости въ волѣ, отъ нечистоты и томленія въ сердцѣ, отъ болѣзней и смерти въ тѣлѣ. Всѣ сіи виды зла будутъ уничтожены Сыномъ Божіимъ; отъ всѣхъ ихъ Онъ спасаетъ совершенно и навсегда. Для сего именно нарекается Ему имя Іисуса, или Спасителя; ибо Онъ пріемлетъ его не такъ, какъ нерѣдко принимаются имена у насъ, чтобы только носить имя, а съ тѣмъ, чтобы осуществить его на самомъ дѣлѣ. Посему и дано сіе имя не какъ-либо случайно, по желанію напримѣръ Матери, или св. Іосифа, а свыше, отъ Ангела, еще до зачатія во чревѣ: *данное отъ Ангела, прежде даже не зачатся во чревѣ.* И Ангелъ, безъ сомнѣнія, не самъ измыслилъ его, а принялъ съ благоговѣніемъ отъ Самого Владыки Ангеловъ, *изъ Него же,* какъ замѣчаетъ Апостолъ, *всякое отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Еф. 3, 15). Посему-то и *нѣсть другаго имени подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 12), кромѣ имени Господа Іисуса; посему-то предъ симъ достопоклоняемымъ имѣнемъ и должно преклоняться *всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ; и всякъ языкъ исповѣстъ, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. 2, 10. 11).

Мы хорошо дѣлаемъ, братіе мои, что, по чувству благоговѣнія, не даемъ сего имени никому. Кто изъ христіанъ осмѣлится носить имя Іисуса? Но крайне худо то, что сіе всесвятое и сладчайшее имя изъ области благоговѣнія пре-

ходитъ у многихъ въ область невниманія и забвенія. Ибо нѣтъ ли такихъ христіанъ, кои стыдятся произносить это имя, особенно при нѣкоторыхъ случаяхъ? И почему стыдятся? Чтобы не показаться людьми необразованными!.. До того дошла наша лжеименная образованность! А она же велитъ съ чувствомъ произносить имя Сократовъ и Платоновъ, имя всякаго человѣка, вышедшаго своими дѣяніями изъ круга людей обыкновенныхъ!.. Что же значатъ всѣ великія имена въ мірѣ предъ единымъ именемъ Іисуса? Ибо еще повторимъ— вѣрно и всякаго пріятія достойно слово Апостола. *яко инъсть иного имени подъ небесемъ, о немъ же* всѣмъ *намъ подобаетъ спастися,* кромѣ сего Божественнаго имени. А когда въ немъ наше спасеніе, то какъ намъ не любить его и не благоговѣть предъ нимъ? любя, какъ не повторять его часто и съ услажденіемъ? благоговѣя предъ нимъ, какъ не дорожить имъ и не внушать къ нему почтенія во всякомъ, на кого только намъ возможно дѣйствовать? Древніе христіане такъ умѣли усвоять себѣ сладчайшее имя Спасителя, что послѣ мученической кончины св Игнатія оно нашлось видимо отпечатлѣннымъ въ его сердцѣ. Если такое совершенство превыше нашей слабости, то по крайней мѣрѣ не будемъ походить на язычниковъ, невѣдущихъ имени Іисусова.

Нареченное отъ Ангела, прежде даже не зачатся во чревѣ.

Такъ до зачатія во чревѣ наречено имя отъ Ангела и Іоанну Крестителю (Лук. 1, 13). Также наречено было нѣкогда Самимъ Богомъ имя Исааку, когда онъ еще находился во чреслахъ отчихъ. Подобно тому давались предварительно имена свыше и другимъ.

Для чего? Дабы усилить предсказаніе о рожденіи наименованіемъ имѣющаго родиться, какъ уже рожденнаго, и дабы выразить именемъ истинный его характеръ и жизнь. Ибо мы даемъ имя наугадъ, какъ случится, по соображеніямъ внѣшнимъ, не имѣя въ виду качествъ того, кому даемъ. ибо не можемъ и знать ихъ; посему у насъ имена большею частію не соотвѣтствуютъ лицу и дѣлу; да мы не обращаемъ на это и вниманія; но свыше, съ неба все видно; тамъ заранѣе совершенно извѣстно, каковъ будетъ рождающійся, и что будетъ съ нимъ. Сообразно тому дается и имя; а данное такимъ образомъ, оно совершенно выражаетъ человѣка, его характеръ и жизнь. Теперь это съ нѣкоторыми только, но

въ будущей жизни будетъ со всѣми; тамъ наши здѣшнія имена исчезнутъ; каждый получитъ, какъ говоритъ Тайновидецъ, имя новое, *егоже никтоже вѣсть, точію пріемляй* (Апок. 2, 17). Это новое имя, безъ сомнѣнія, будетъ выражать совершенно человѣка, такъ что по имени будетъ и лице. Имѣющій въ виду сію истину, и теперь, если прилучится избирать ему имя, то онъ будетъ избирать такое, которое было бы по его душѣ и сердцу и выражало бы то, къ чему онъ стремится преимущественно, то есть (ибо къ чему иначе стремиться человѣку?) какую-либо добродѣтель.

Но время уже намъ отъ давно-прошедшаго событія обратиться къ настоящему дню, который въ сравненіи съ другими днями также носитъ особенное и не малое имя—новаго года. Какъ начало новаго года—настоящій день требуетъ новаго урока,—такого при томъ, который бы стоило помнить весь годъ. — Гдѣ взять намъ подобнаго урока для себя и васъ? Возьмемъ въ лицѣ и примѣрѣ Спасителя нашего,—въ томъ, что съ Нимъ нынѣ происходитъ, въ Его пречистомъ обрѣзаніи и сладчайшемъ имени, на Немъ нареченномъ. Видите, чѣмъ началъ жизнь и дѣйствія Свои Тотъ, Который есть самая чистота и святость? Обрѣзаніемъ.—Не тѣмъ ли паче намъ, нечистымъ и оскверненнымъ грѣхами, должно употреблять время, намъ даруемое, на совершеніе въ насъ духовнаго обрѣзанія, то есть на отсѣченіе всѣхъ богопротивныхъ помысловъ и предразсудковъ, на искорененіе всѣхъ душетлѣнныхъ страстей и пожеланій, на изглажденіе всѣхъ духовныхъ и плотскихъ сквернъ? Въ противномъ случаѣ лучше было бы сократиться нашей жизни, нежели продолжаться во грѣхахъ и беззаконіяхъ. Если же она, по милосердію Господа, продолжена еще, то это знакъ, что тамъ горѣ ожидаютъ нашего покаянія, ожидаютъ давно, съ тѣхъ поръ, какъ мы уклонились съ пути правды и истины. Войдемъ же въ духъ и цѣль новаго года; поймемъ истинную и единственную пользу, которую мы можемъ извлечь изъ времени, не на время токмо, а на цѣлую вѣчность; престанемъ искать спасенія тамъ, гдѣ никогда нельзя найти его, и обратимся къ Тому, Кто затѣмъ и посланъ, для того и пришелъ во плоти, для того пролилъ уже нынѣ кровь Свою, дабы спасти всѣхъ насъ. Не разъ уже, а многократно въ настоящій день представалъ Онъ намъ съ сею искупительною кровію,

съ Своимъ трогательнымъ примѣромъ и со спасеніемъ для насъ. Се паки предсталъ и нынѣ, предсталъ для нѣкоторыхъ, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ. Не закроемъ же паки очей, не отвратимъ слуха по прежнему; возьмемъ и мы ножъ самоотверженія христіанскаго и, въ духѣ вѣры о всесильномъ имени Іисуса, начнемъ обрѣзывать все, что въ насъ обрящется плотскаго и противнаго закону Божію. Такимъ образомъ новый годъ воистину содѣлается для насъ новымъ лѣтомъ благодати, и мы будемъ совершать праздники Христовы не яко чуждые, но какъ собственные, коихъ значеніе отпечатлѣно въ нашемъ сердцѣ и жизни. Аминь.

Бесѣда въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ.

Прошедшею бесѣдою нашею съ вами, братіе мои, могло бы окончиться чтеніе повѣствованій евангельскихъ о рожденіи Спасителя нашего: ибо все, что сказуютъ намъ Евангелисты о семъ преславномъ событіи, и важнѣйшая часть о немъ же преданій церковныхъ изведены нами на среду и представлены вниманію вашему. Но простите, если мы, подобно земледѣльцамъ, хотимъ оградить посѣянное—воспоминаніемъ и, собравши во едино всѣ главныя впечатлѣнія, предать ихъ на сохраненіе уму и сердцу вашему. Можетъ быть и для васъ, подобно путникамъ, при окончаніи своего поприща, пріятно будетъ обратить взоръ назадъ, еще разъ взглянуть на пройденное, привести на память, что было слышано, и извлечь изъ того для себя запасъ на путь дальнѣйшій. Ибо, хотя мы съ окончаніемъ настоящихъ празднествъ не будемъ продолжать чтеній евангельскихъ, а обратимся къ другому роду собесѣдованій; но вы не оставите, безъ сомнѣнія, слѣдовать чистою мыслію за дѣяніями Господа, и по примѣру того, какъ поступали мы съ вами въ продолженіе настоящихъ дней, сами будете, при празднествахъ въ честь Его, разсматривать событіе празднуемое, углубляться въ его смыслъ и цѣль, и такимъ образомъ извлекать изъ каждаго празднества духовную пищу для своего ума и сердца.

Что же мы видѣли и чему научились?—Видѣли тяжкія искушенія, коимъ Пресвятая Матерь Господа со св. Іосифомъ подвергались предъ рожденіемъ Господа, во время рожденія и послѣ того до самаго возвращенія изъ Египта;—и научились—не страшиться искушеній, не почитать ихъ чѣмъ-либо чуждымъ для тѣхъ, кои работаютъ Господеви,

но взирать на страданія и лишенія, какъ на неизбѣжныхъ спутниковъ жизни истинно-благочестивой, которая, состоя въ самоотверженіи и борьбѣ съ плотію и кровію, по тому самому питается и поддерживается вѣрою и упованіемъ благъ грядущихъ, а не блаженствомъ и утѣхами въ настоящемъ.

Видѣли мы Божественное Отроча отъ самаго явленія на свѣтъ, и еще прежде, окруженное всѣми видами земныхъ уничиженій,—смиренно вписывающимъ достопоклоняемое имя Свое въ число подданныхъ кесаря, не имущимъ гдѣ подклонить главу, возлежащимъ въ вертепѣ и ясляхъ;—и поучились—богатые и знатные—не ставить за великое ни своей славы, ни своего богатства, а напротивъ взирать на нихъ съ опасеніемъ, яко на искушенія и опасныя соблазны для долупреклонной природы нашей; бѣдные и худородные—не малодушествовать отъ своего худородства и убожества, а напротивъ пользоваться ими, яко естественными проводниками къ той драгоцѣнной нищетѣ духа, коей обѣщано царствіе.

Видѣли мы смиренныхъ пастырей виѳлеемскихъ, по гласу Ангела, текущихъ въ Виѳлеемъ, и первыхъ наслаждающимися лицезрѣніемъ Спасителя міра;—и уразумѣли, что никакое состояніе недалеко отъ спасенія, что рабъ вѣрный, гдѣ бы ни стоялъ, нигдѣ не будетъ забытъ Домовладыкою, и что посему долгъ каждаго истиннаго христіанина думать не о томъ, какова стража, на коей стоитъ онъ, велика или мала, а о томъ, чтобы съ вѣрностію и безъ дреманія стоять на сей стражѣ, предоставляя временную и вѣчную судьбу свою Господу.

Видѣли мудрецовъ восточныхъ съ ихъ познаніями и дарами у ногъ новорожденнаго Царя израилева; и поняли, что Начальникъ и Совершитель вѣры нашея нисколько не отвергаетъ познаній человѣческихъ, когда они не выходятъ изъ предѣловъ вѣры и смиренія и не посягаютъ безразсудно на тайны Его премудрости; что Онъ напротивъ Самъ любитъ обнаруживать Себя въ знаменіяхъ предъ тѣми, кои, не полагаясь на свою мудрость, возводятъ очи горѣ и ожидаютъ озаренія свыше.

Видѣли младенцевъ виѳлеемскихъ, яко первые весенніе цвѣты, внезапно пожатыхъ мечемъ Ирода; и съ благоговѣніемъ примѣтили, что земная жизнь наша не имѣетъ сама по себѣ цѣны безусловной; что лишеніе ея не зло, коль скоро происходитъ по волѣ Божіей, какъ, напротивъ, и продолженіе ея не составляетъ благословенія, когда самая жизнь не употребляется на дѣла благія.

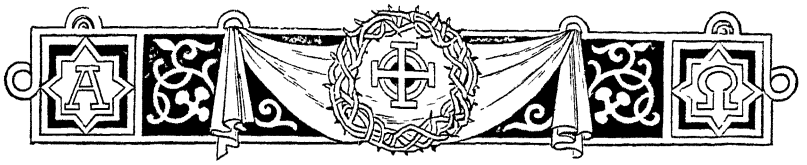
Видѣли безумство и жестокость Ирода, отъемлюцаго безчеловѣчно жизнь у невинныхъ младенцевъ и покушающагося на убіеніе Самого Сына Божія; и съ ужасомъ познали, въ какую бездну зла и ожесточенія повергаютъ человѣка невѣріе и страсти; какъ еще въ сей жизни, преходя отъ беззаконія къ беззаконію, при нераскаянности, можно ниспасть до состоянія духовъ отверженныхъ.

Видѣли, какъ жители Іерусалима и весь народъ еврейскій, живя подъ сѣнію закона Моисеева и питаясь всегда словами пророческими, не умѣли возрасти въ надлежащую мѣру вѣры и любви къ обѣтованному Избавителю, не уразумѣли времени своего посѣщенія, опустили драгоцѣнный случай срѣтить восходящее Солнце правды;—и воспріяли правило—не полагаться на то, что мы—христіане, не почивать безпечно на обрядахъ и таинствахъ, а показывать вѣру свою отъ дѣлъ, обнаруживать свое христіанство нравами благими и жизнію чистою, безъ чего и мы, подобно іудеямъ, будемъ отринуты въ то время, егда паки Господь пріидетъ.

Вотъ что мы видѣли, и не могли не видѣть; ибо все это лежитъ, такъ сказать, на самой поверхности у яслей Спасителя нашего. Если бы кто рѣшился остаться у сихъ яслей болѣе, обратить вниманіе на все, ихъ окружающее. тотъ, безъ сомнѣнія, найдетъ еще болѣе предметовъ и для удивленія, и для поученія. Такому и мы можемъ указать. во-первыхъ, на чудное сочетаніе въ лицѣ Богочеловѣка величія съ уничиженіемъ, вслѣдствіе чего постоянно видѣнъ въ Немъ и Сынъ Божій,—славословимый Ангелами, возвѣщаемый звѣздою на востокѣ, поклоняемый мудрецами, и Сынъ человѣческій, почивающій въ яслѣхъ, спасающійся бѣгствомъ во Египетъ. Можемъ указать на удивительное согласіе пророчествъ съ исполненіемъ, безъ всякаго нарушенія свободы человѣческой. Каждый дѣйствуетъ по своему произволу. Іосифъ, напр., поспѣшаетъ въ Виѳлеемъ, а волхвы въ Іерусалимъ: и каждый между тѣмъ своимъ дѣйствіемъ выполняетъ то, что предусмотрѣно и предвозвѣщено за нѣсколько вѣковъ, выполняетъ, нисколько не думая о томъ. Бѣшенство самого Ирода давно предсказано и уже оплакано у пророка. Можемъ указать на примѣчательное отношеніе къ рожденію Спасителя міра самыхъ главныхъ современныхъ событій въ тогдашнемъ мірѣ человѣческомъ. Все, напримѣръ, совокупилось тогда подъ единоначальствомъ Августа кесаря, какъ бы въ знаменіе того, какъ замѣчается въ

одномъ пѣснопѣніи церковномъ, что съ явленіемъ Вождя и Главы съ неба, должно престать *многоначаліе человѣковъ*. Храмъ бога брани въ Римѣ, бывшій столь долгое время отверстымъ, въ это именно время былъ заключенъ, какъ бы въ доказательство того, что дѣйствительно, какъ воспѣвали Ангелы, явился на землѣ миръ. Но,—что всего важнѣе,—душа вѣрующая,—которая знаетъ, что Сынъ Божій для того вселился во утробу Дѣвы, дабы потомъ вѣрою вселиться въ душу и сердце каждаго послѣдователя Своего,—нигдѣ не найдетъ лучшаго поученія о томъ, какъ человѣкъ съ своей стороны долженъ послужить сему благодатному вселенію, кромѣ примѣра сей же Пресвятой Дѣвы. Характеръ Ея и святаго Іосифа есть наилучшій образецъ для душъ, вожделѣвающихъ таинственнаго соединенія съ Господомъ.

Размышляйте убо, братіе мои, сами поучайтесь, питайтесь духомъ, наслаждайтесь сердцемъ! Ибо что можетъ быть благотворнѣе для христіанина, какъ слѣдовать чистою мыслію и чувствомъ по всѣмъ слѣдамъ жизни и дѣяній Господа и Спасителя своего? Тѣмъ паче, когда Онъ явился среди насъ, жилъ и дѣйствовалъ яко единъ отъ насъ, именно для того, дабы подать намъ примѣръ, да послѣдуемъ стопамъ Его. А мы, оканчивая наши собесѣдованія съ вами о рожденіи по плоти Господа нашего, чувствуемъ нужду повергнуться въ духѣ предъ Божественнымъ Младенцемъ, и возблагодарить Его благость за то, что она допустила насъ недостойныхъ принести къ яслямъ Его убогое размышленіе наше о чудесахъ, сопровождавшихъ Его рожденіе. Тотъ, Кто имѣетъ слугами Ангеловъ и Архангеловъ, Кто воздвигаетъ пророковъ и апостоловъ, коего небеса повѣдаютъ славу и вся Церковь гласитъ хвалу, не имѣетъ нужды въ нашемъ слабомъ словѣ и проповѣди. Но мы, вѣщая о Немъ, симъ самымъ освящаемъ мысли и уста свои. О, если бы, какъ теперь предстояли мы съ вами яслямъ и пеленамъ Господа нашего, дано было нѣкогда вмѣстѣ съ вами же предстать и престолу славы Его! Тогда вмѣсто всякаго слова, мы пали бы къ подножію Его, и гласомъ святыхъ старцевъ, видѣнныхъ Тайновидцемъ, воскликнули бы: *Достоинъ еси, Господи, пріяти славу, честь и силу, яко* пріялъ еси на Себя естество наше и *искупилъ еси Богови насъ кровію Своею!*... (Апок. 4, 2. 5. 9, 12). Аминь.



СЛОВА И БЕСѢДЫ
НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

Слово на день Рождества Христова

и воспоминанія избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ.

Вся вселенная благолѣпно торжествуетъ нынѣ въ честь и славу явленія во плоти Бога Слова, пришедшаго спасти отъ грѣха и вѣчныя смерти падшій родъ человѣческій; а православное отечество наше, какъ бы въ награду за свою вѣрность Богу отцевъ, совершаетъ вмѣстѣ съ симъ благодарственно и память чудеснаго избавленія своего, за тридесять пять лѣтъ, отъ лютаго и тяжкаго нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ. Неудивительно, если тайна спасенія всего міра вочеловѣченіемъ Сына Божія, по безприкладному величію и глубинѣ ея, останавливаетъ въ настоящій день на себѣ благоговѣйное вниманіе и проповѣдующихъ и слушающихъ: но и тайна спасенія отечества нашего отъ неслыханнаго нашествія на него племенъ враждебныхъ стоитъ того, чтобы—хотя по временамъ—воспоминать о ней и съ сего священнаго мѣста и обращать ее въ предметъ поученія всенароднаго. Какъ обращать?

Не укоризнами и величавымъ превозношеніемъ себя надъ тѣми, кои, сами не вѣдая, что творятъ, несли къ намъ огнь и смерть (они довольно наказаны ужасною судьбою своею, въ коей видимо отразился гнѣвъ небесный); не укоризнами, а воспріятіемъ поучительнаго урока отъ тѣхъ событій, въ коихъ надъ царствами и народами во всей силѣ открылся единъ изъ величайшихъ судовъ Божіихъ. И когда нужнѣе воспоминаніе о семъ грозномъ урокѣ какъ не въ

наши мрачные дни, когда тѣ же самые галлы и съ ними двадесять языкъ, забывъ прежнее изступленіе свое и гнѣвъ Божій, за него ихъ постигшій, снова мятутся подобно прежнему, и снова *поучаются* противу насъ *тщетнымъ* (Пс. 2, 1)?

Итакъ, братіе и соотечественники, пріидите, воскресимъ въ памяти нашей тѣ великія и грозныя событія, коихъ большая часть изъ насъ были свидѣтелями во дни нашей юности, и имѣя въ руководство умилительную молитву Церкви на нынѣшній день, поучимся изъ прошедшаго, *что дѣлать и каковыми должно быть намъ въ настоящемъ, дабы и при нынѣшнемъ ужасномъ шатаніи царствъ и народовъ нисколько не смущаться отъ мыслей о будущемъ.*

Зрѣлище странное и поразительное!—Не одно, не два, не три или четыре, а двадесять племенъ, раздѣленныхъ климатомъ, языкомъ, вѣроисповѣданіемъ, нравами, устройствомъ гражданскимъ и выгодами житейскими, вдругъ неожиданно совокупляются *во единомысліе лукавства* (Прем. 10, 5), и, собравъ всѣ силы свои, идутъ на возлюбленное отечество наше,—идутъ не для обыкновенной, какой-либо побѣды надъ нами, а съ тѣмъ, чтобы лишить насъ всего могущества государственнаго и подвергнуть униженію всемірному.—Откуда эта ненависть? За что такое ожесточеніе? За какую-либо тяжкую неправду нашу предъ ними? Нѣтъ, мы не разъ предъ тѣмъ проливали кровь свою за всѣ эти народы и съ совершеннымъ забвеніемъ собственныхъ выгодъ сражались для ихъ освобожденія. Они должны были бы сами сокрушаться о побѣдахъ своихъ надъ нами не менѣе, какъ и о пораженіяхъ отъ насъ, ибо, думая наложить на насъ узы, не могли не чувствовать, что симъ самымъ отнимутъ свободу у той руки, которая одна могла возвратить независимость имъ самимъ; и, однакоже, идутъ на насъ... Почему? потому что не могли не идти: ихъ гнала противъ насъ желѣзная рука повелителя галловъ!

Стало быть, сами галлы имѣли столь важныя причины враждовать противу насъ, что увлекли за собою на поле брани и прочіе народы?—Нѣтъ, и галламъ не было никакой нужды враждовать противу насъ.

Гдѣ же источникъ вражды и брани, столь ужасно потрясшей собою царство и народы? Онъ сокрывался въ душѣ не болѣе, какъ одного человѣка; но этотъ человѣкъ былъ

единъ изъ тѣхъ великихъ бичей Божіихъ. коимъ дано бываетъ изъ ничего вознестись надъ всѣмъ, все низлагать и сокрушать, доколѣ сами не будутъ невидимо сокрушены свыше и отвергнуты. Нѣтъ нужды именовать сего человѣка, тѣмъ менѣе поносить его: гораздо полезнѣе вникнуть, какъ образовалось его разрушительное могущество, и изъ чего составился въ рукахъ его этотъ ужасный бичъ для царствъ и народовъ.

Народъ, издавна славившійся мірскою образованностію и легкомысліемъ, страсть къ перемѣнѣ одеждъ и вещей обыкновенныхъ вздумалъ перенести, наконецъ, безумно и на предметы своего общественнаго благоустройства. Учрежденія и завѣты предковъ отринуты взаимныя отношенія членовъ общества превращены; самый тронъ разрушенъ; самые алтари попраны; каждый захотѣлъ быть самовластнымъ повелителемъ себя и другихъ... Что же вышло изъ сего хаоса дикой вольности и безначалія? Вышло то, чему нельзя было не выйти. Поелику вмѣсто всѣхъ основаній общественной жизни и порядка осталась, наконецъ, одна грубая сила; то, послѣ всякаго рода превращеній общественныхъ, гдѣ болѣе сильные низлагали и уничтожали слабѣйшихъ, вся власть и могущество осталась, наконецъ, за тѣмъ, кто оказался сильнѣе и дерзновеннѣе всѣхъ. Онъ одинъ началъ властвовать: все прочее пало къ его стопамъ!..

Но какъ сильному удерживать свое преобладаніе надъ гордымъ народомъ, если не побѣдами и новымъ насиліемъ? Чѣмъ платить за свое незаконное величіе униженнымъ отъ него соотечественникамъ, какъ не униженіемъ предъ ними всѣхъ другихъ народовъ? И вотъ тѣ, кои не только самимъ себѣ, но и всей вселенной обѣщали златый вѣкъ мира и благоденствія, яко овцы заколенія влекутся за новымъ повелителемъ своимъ изъ края въ край, едва не по всему лицу земли. Для чего влекутся? дабы лишить каждый народъ самостоятельности, заставить его пасть къ стопамъ своего жестокаго владыки!...

Не смотря на разрушительность сего потока завоеваній гальскихъ, онъ сто разъ могъ быть остановленъ въ порывѣ своемъ, если бы прочіе народы, забывъ частныя выгоды свои и взаимныя распри, умѣли воодушевить себя духомъ истинной любви ко благу общему и стать противъ завоевателя

единодушно. Но увы, сей необходимой любви и самоотверженія, сего спасительнаго единодушія не было между народами!... Одни безразсудно думали остаться цѣлыми, когда падали прочіе; другіе еще безразсуднѣе мечтали усилиться и возвыситься чрезъ паденіе своихъ сосѣдей; иные хотя и рѣшались сами нападать на общаго врага, но уже тогда, какъ не было у нихъ достаточныхъ силъ даже стоять противъ него и защищаться. А главное заблужденіе и несчастіе—всѣ думали, что для успѣха въ брани достаточно одного ихъ ума и силы, тогда какъ противъ нихъ—въ лицѣ завоевателя—былъ гнѣвъ Божій, который можно было отклонить и смягчить, но не оружіемъ и мудростію земною, а покаяніемъ, смиреніемъ, исправленіемъ своего образа мыслей и чувствъ, который, къ сожалѣнію, давно находился въ плѣну у галловъ... Послѣ сего, каждое возстаніе противу врага всеобщаго готовило ему только новую побѣду. Не протекло и десяти лѣтъ, какъ изъ всѣхъ почти царствъ и народовъ нашей части свѣта составилась одна огромная цѣпь новаго галльскаго преобладанія.

Что было бы со вселенною, если бы жребій царствъ и народовъ дѣйствительно былъ отданъ на произволъ сына судьбы, какъ любили называть тогда гордаго владыку галловъ тѣ, кои въ омраченіи своего ума и сердца, не хотѣли видѣть въ событіяхъ премудрой десницы верховнаго Правителя судебъ человѣческихъ? Имѣя въ виду, какъ поступалъ онъ, особенно подъ конецъ своего владычества, не только съ народами, но и съ ихъ владыками, нельзя не сказать словами древняго провидца судебъ народныхъ: *аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмени, яко Содома убо были быхомъ, и яко Гоморру уподобилися быхомъ* (Исаіи 1, 7).

Но всегда милосердый въ самомъ гнѣвѣ Своемъ. Господь оставилъ заблужденнымъ племенамъ и языкамъ это драгоцѣнное сѣмя...

Въ то время, какъ несчастный западъ сначала въ лицѣ галловъ, а потомъ и въ лицѣ другихъ народовъ волновался отъ духа невѣрія, буйства и ожесточенія сердечнаго,—на сѣверовостокѣ нашей части свѣта, подъ сѣнію алтарей и престола, обиталъ въ мирѣ народъ, искони отличавшійся тѣми самыми добродѣтелями, отъ недостатка коихъ страдали злополучные галлы. Когда они глумились безумно надъ всѣмъ

священнымъ, народъ сей ставилъ первѣе и выше всего святую вѣру отцевъ своихъ; когда буйные галлы не хотѣли видѣть надъ собою даже и тѣни прежней законной власти,— онъ съ благоговѣніемъ признавалъ въ лицѣ помазанниковъ своихъ священный образъ на землѣ Царя небеснаго, когда они съ презрѣніемъ отвергали все прежнее, народъ сей дорожилъ обычаями и преданіями отцевъ своихъ, какъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ.

Вѣроятно, не одни галлы, а и прочія, ослѣпленныя тлетворнымъ духомъ ихъ, племена взирали на сей единственный народъ, какъ на покрытый мракомъ невѣдѣнія, а между тѣмъ въ этомъ священномъ мракѣ, который для нихъ только, какъ чудесный столпъ Израиля для египтянъ, былъ теменъ, заключался тотъ дивный свѣтъ свыше, который вмѣстѣ съ симъ богохранимымъ народомъ имѣлъ вывести и ихъ всѣхъ изъ Чермнаго моря всеобщаго плѣна на онъ-полъ паки бытія гражданскаго.

Могъ ли такой народъ быть оставленъ въ покоѣ всемірнымъ завоевателемъ? Безъ совершеннаго униженія сего народа, не могло быть и на единъ день прочно господство его надъ другими народами. И вотъ, судьба наша рѣшена въ умѣ врага гордаго!—Мысль цѣпенѣетъ при воображеніи тѣхъ чрезвычайныхъ средствъ, кои собраны и вымышлены были имъ для одержанія надъ нами побѣды и торжества всесовершеннаго. Что могли доставить для сего власть и сила, изобрѣсти умъ и опытность—все то было въ рукахъ у врага нашего: не было и не могло быть единаго—правости своего дѣла и благословенія свыше!...

Изображать ли предъ вами, братіе мои, самую брань отечественную, предъ коею всѣ, бывшія послѣ того, брани суть не болѣе, какъ глухой гулъ отдаленной, мимоидущей тучи? Тѣмъ, кои жили въ то время, всякое изображеніе покажется малымъ и слабымъ; а тѣмъ, кои пришли на свѣтъ послѣ, оно же представится увеличеннымъ. Довольно сказать, что многіе, и не изъ легковѣрныхъ, думали видѣть тогда начало тѣхъ всемірныхъ скорбей и бѣдствій, кои, по слову писанія, имѣютъ предшествовать представленію свѣта. Надобно было пролиться цѣлымъ рѣкамъ крови, надобно было сотнямъ селъ и градовъ, — самой первопрестольной столицѣ нашей подвергнуться опустошенію; надобно было

истощиться съ нашей стороны всѣмъ средствамъ и усиліямъ; надобно было дойти всѣмъ и каждому едва не до потери всякой земной надежды прежде, нежели можно было сказать съ увѣренностію: *врагъ низложенъ и Россія спасена!*

Хотите ли знать, чѣмъ возмогло въ сей безпримѣрной борьбѣ на жизнь и смерть любезное отечество наше?—Оно возмогло живою вѣрою въ Бога отцевъ своихъ, которая одушевила всѣхъ, отъ мала до велика, и всѣхъ заставила, подобно древнимъ ниневитянамъ, принести искреннее покаяніе предъ Нимъ во грѣхахъ своихъ;—оно возмогло непоколебимою вѣрностію благословенному царю своему, который самъ, въ услышаніе всѣхъ, призывая на помощь Господа силъ, обрекалъ себя скорѣе на всѣ труды и лишенія, нежели на униженіе священнаго вѣнца своего;—оно возмогло любовію къ отечеству, для коей не казалось труднымъ никакое усиліе, такъ что, для искупленія бытія его и славы, она не усомнилась принести въ жертву самый градъ первопрестольный. Воодушевленная святою вѣрою, земля русская возстала, и двадесять языкъ пали! Нѣтъ, не пали, а возстали! освободились отъ владычества ненасытимаго завоевателя самые галлы: палъ одинъ тотъ, кто былъ виною униженія всѣхъ и, въ безумной гордости своей, мечталъ низложить Россію!....

Какъ не памятовать послѣ сего сынамъ Россіи изъ рода въ родъ столь великую опасность и столь же великую милость Божію, надъ нею явленную! Какъ не благодарить во вѣки вѣковъ Господа, который мышцею истинно-высокою не только чудесно избавилъ отечество наше отъ тьмы темъ золъ, его обышедшихъ, но и даровалъ царю нашему крѣпость и славу — быть освободителемъ всѣхъ прочихъ народовъ отъ желѣзнаго ига, возложеннаго на нихъ новымъ Новуходоносоромъ! Не забывай же, россіянинъ, вмѣстѣ съ симъ, и тайны твоей побѣды надъ врагами! Не производи ее ни отъ числа твоихъ воевъ: другіе народы выставляли еще больше, но пали; — ни отъ одного искусства твоихъ военачальниковъ: кто могъ сравниться въ немъ съ нашимъ мочнымъ противникомъ? Ты самъ прежде,—хотя не за себя, а за другихъ возставалъ не разъ противъ гордаго Голіаѳа собственною силою твоею; но сила твоя не поставила тебя предъ Богомъ; не противостала врагу побѣдоносно, хотя и

не поникнула предъ нимъ позорно. Если же, наконецъ, ты оказался побѣдителемъ его, то потому, что сталъ всецѣло и утвердился на природномъ для тебя основаніи, на камени вѣры, самоотверженія и любви о Христѣ къ самимъ врагамъ твоимъ. Поелику отвергнувъ надежду на свои силы, ты облекся *во вся оружія Божія,* возложилъ на главу свою *шлемъ спасенія* отъ Господа, принялъ въ десное и шуее *щитъ вѣры и мечъ глагола Божія*, препоясалъ *чресла твоя истиною,* обулъ нозѣ во *уготованіе благовѣствованія* не брани и побѣдъ, а *мира* (Еф. 6, 13—17) всѣмъ и каждому, то и начало сбываться надъ тобою во всей силѣ древнее обѣтованіе народу Божію, *яко единымъ путемъ изыдутъ* противъ него враги его, и *седмію путями побѣжатъ отъ лица его* (Втор. 28, 7). Почему побѣжатъ? Потому что вспомоществуемые силою свыше, единъ изъ сыновъ его приведетъ въ страхъ тысячи враговъ, а десять поженутъ передъ собою тьмы.

Здѣсь, братіе мои, мы должны умолкнуть на время и уступить мѣсто другому вѣнценосному проповѣднику, коему возглашается нынѣ Церковію память вѣчная.... Кто ближе и лучше его могъ знать тайну нашей побѣды надъ врагомъ гордымъ и все сокрушающимъ? Что же вѣщалъ Давидъ нашъ съ той дивной и безпримѣрной высоты, на которую вознесла его рука Провидѣнія? Послѣ каждаго пораженія врага, онъ вѣщалъ всегда единое: *не намъ, не намъ, но имени Твоему,* Господи, *даждь славу!* — Предъ сраженіемъ и среди его онъ былъ вождемъ, а послѣ побѣды обращался во всемірнаго учителя: обращался, можно сказать, невольно, ибо съ безпримѣрной высоты своей не могъ не видѣть всеуправлающей десницы Божіей. И вотъ значеніе той вѣчной памяти, которую среди свѣтлаго торжества о спасеніи всемірномъ, возглашаетъ ему нынѣ св. Церковь! Это не плачевная пѣснь надгробная, а, можно, сказать, отзвукъ того хора ангельскаго, который, не смотря на избіеніе младенцевъ виѳлеемскихъ, гласилъ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, во человѣцѣхъ благоволеніе!*

Не забывай сего, сынъ Россіи, и поучайся! Не забывай, ибо можетъ быть,—скажемъ словами Тайновидца, *горе едино отыде, се грядутъ еще горя по сихъ!* (Апок. 19, 12).

Да, братіе мои, какъ о древнемъ мірѣ языческомъ сказано Апостоломъ, что онъ *въ премудрости Божіей не уразумѣ*

премудростію Бога (1 Кор. 1, 21), такъ, къ сожалѣнію, должно сказать и о мірѣ новѣйшемъ, что онъ, не смотря на мнимое просвѣщеніе свое, въ величайшемъ изъ судовъ Божіихъ, совершившемся надъ нимъ, за тридесять пять лѣтъ предъ симъ, не уразумѣлъ ни правды, ни милосердія Божія къ нему. Вотще кровь и слезы цѣлаго прошедшаго поколѣнія вопіяли—не предаваться болѣе обольстительнымъ мечтамъ несбыточнаго равенства и буйной вольности, всегда оканчивающимся всеобщимъ изнеможеніемъ и рабствомъ. Вотще порядокъ, тишина и благоденствіе народовъ, наступившіе за возвращеніемъ ихъ посредствомъ побѣдоноснаго меча русскаго подъ сѣнь законныхъ правительствъ, взывали не нарушать сего богоучрежденнаго устава народоправительства. Не протекло еще четыредесяти лѣтъ, — и великій урокъ двѣнадцатаго года забытъ совершенно... Ибо что видимъ? Вмѣсто прежняго единаго огнедышущаго жерла галльскаго, явилось ихъ множество, какъ будто каждый народъ не могъ стерпѣть, чтобы у него не было своей бездны всепожирающей. Чего не сдѣлано въ продолженіе единаго прошедшаго года? Сдѣлано все, что могъ внушить адскій духъ невѣрія и крамолы. Нѣтъ почти народа, который бы не былъ потрясенъ въ самомъ основаніи и не объятъ смертоноснымъ духомъ безначалія. Единая, Богомъ хранимая, Россія, какъ Араратъ, возвышается незыблемо надъ волнами всеобщаго потопа, съ ковчегомъ всемірнаго спасенія.

Уже очевидно и ужасныя послѣдствія новыхъ преступленій. Адское древо зла снова начало давать всюду плоды по виду своему. Тѣ самые люди, кои не хотѣли повиноваться единому кроткому и законному властителю, принуждены теперь покоряться необузданному произволу многихъ властолюбцевъ. Провозглашали, что осчастливятъ всѣхъ и каждаго, а въ самомъ дѣлѣ привели въ нищету и бѣдствіе даже тѣхъ, кои дотолѣ не имѣли нужды ни въ чемъ. Почитали тяжкими самые снисходительные законы; а отвергнувъ ихъ, не могутъ просуществовать ни единаго дня безъ меча, поднятаго надъ главою всѣхъ.

Что будетъ далѣе?—Единъ Господь видитъ. Но безначаліе уже родило, и будетъ еще рождать всеобщую скорбь, страхъ и воздыханія: всеобщее бѣдствіе заставитъ, наконецъ, искать отрады и покоя подъ мечемъ единаго изъ сильнѣй-

шихъ; сильнѣйшій, кто бы онъ ни былъ, не забудетъ условій своего бытія—хранить и умножать свою силу: умноженіе силы въ единомъ не можетъ быть безъ обезсиленія и униженія всѣхъ.—Повторится рядъ прежнихъ ужасныхъ столкновеній между племенами и народами... Явится новый какой-либо такъ называемый сынъ судьбы, а въ самомъ дѣлѣ—новый бичъ гнѣва Божія... Обезсиленные собственными междоусобіями, народы будутъ одинъ за другимъ падать предъ новымъ кумиромъ и раболѣпно провозглашать его чудомъ совершенства... А ты, любезное отечество, ты останешься опять едино,—подъ сѣнію *милости Божіей!* И кто знаетъ, не тебѣ ли паки выпадетъ великій жребій—быть послѣднимъ щитомъ всеобщаго порядка и правды, и ангеломъ узорѣшителемъ для тѣхъ самыхъ народовъ, кои теперь такъ неправедно враждуютъ противъ тебя?....

Не вдругъ можетъ дойти до тебя удѣлъ сей (и дай Богъ, чтобы въ немъ не оказалось нужды!); но можетъ дойти!.. *Не смежай же очей твоихъ:* зри и поучайся заранѣе!

Когда огнедышущія горы извергаютъ губительную лаву, то естествоиспытатели, чрезъ искусственное разложеніе ея состава, стараются дойти до тѣхъ причинъ, кои, кроясь въ нѣдрахъ земли, производятъ потрясенія всеразрушающія.—Лава народныхъ вулкановъ предъ нашими очами. Составъ ея очевиденъ! Это—оскудѣніе въ душахъ и сердцахъ чувства небеснаго, соединенное съ тѣмъ грубымъ невѣріемъ, которое, вмѣстѣ съ Пилатомъ, готово вопрошать самую небесную Истину: *что есть истина* (Іоан. 18, 28). Это—преступная гордость и отвращеніе отъ всякаго повиновенія кому бы то ни было, не только начальнику, но и отцу своему и матери, возрастія до того, что самая тѣнь законной власти, необходимой и спасительной, кажется несправедливостію и притѣсненіемъ. Это—безумное презрѣніе къ преданіямъ отеческимъ и ко всему преждебывшему и существующему, не знающее и не хотящее знать, что въ составѣ обществъ человѣческихъ рѣшительно прочны и благотворны токмо тѣ преобразованія, кои выходятъ со временемъ сами собою изъ существа и положенія вещей, а не изъ воображенія и легкомыслія дерзкихъ мечтателей. Это—слѣпая и безграничная преданность чувствамъ и страстямъ, для коихъ чуждо и непонятно все истинно благое и высокое, кои, для своихъ

своекорыстныхъ видовъ, готовы жертвовать всѣмъ. Наконецъ, это — заглушеніе въ душѣ самой совѣсти, для коего одна отрада въ жизни—чувственныя услажденія и тщеславіе, по смерти воображаемое ничтожество!.....

Се, исходища пагубы и смерти, отъ коихъ страдаютъ едва не всѣ языки! Се, хлѣбіи гнѣва небеснаго, потрясающаго ударами своими всю вселенную!

Видишь ли, любезный соотечественникъ, чѣмъ можно предупредить и отвратить сіи удары? — Если хочешь сего воистину, то первѣе всего невѣрію и ожесточенію, свирѣпствующему за предѣлами земли твоей, противопоставь живую вѣру въ Бога отцевъ твоихъ и сыновнее повиновеніе святымъ уставамъ Церкви, которая искони была ангеломъ-хранителемъ твоего отечества, и возрастила его до настоящаго величія не подражаніемъ мудрованіямъ иноземнымъ, не стремленіемъ къ преобладанію мірскому, а, подобно сердобольной матери, своими слезами, терпѣніемъ и молитвою. Не будь не внимателенъ и хладенъ къ ея нуждамъ и святымъ желаніямъ: въ ея силѣ заключается тайна твоего могущества. Тѣмъ паче не воспящай неразумно благотворному вліянію ея на тьмы темъ меньшихъ братій твоихъ, для коихъ она — своимъ ученіемъ и таинствами — замѣняетъ на землѣ все, чего недостаетъ имъ, въ ожиданіи вѣка грядущаго.

Иноземному духу буйства и крамолы противопоставь, сынъ Россіи, благій и зиждительный духъ повиновенія и любви ко власти предержащей, памятуя, что въ самодержавномъ скиптрѣ царей твоихъ и въ благодвижимомъ сердцѣ ихъ содержится стократъ болѣе залоговъ благоденствія для всѣхъ и каждаго, нежели въ тѣхъ блистательныхъ на одинъ внѣшній видъ умозрѣніяхъ о судьбѣ народовъ, въ тѣхъ бренныхъ хартіяхъ правъ, кои одинъ вѣтръ приноситъ, а другой на утріе уноситъ, прежде нежели самые творцы ихъ успѣютъ выразумѣть смыслъ ихъ содержанія. Пусть другіе народы предаютъ безумно все народное бытіе свое въ руки случая и на произволъ слѣпой судьбы: надъ тобою, любезное отечество, да будетъ и преизбудетъ *милость Божія,* во имя коей ты повинуешься своимъ вѣнценосцамъ!

Продолжай, сынъ Россіи. питать въ себѣ всецѣлое уваженіе къ памяти и преданіямъ отцевъ твоихъ и любовь къ всему родному и отечественному, съ яснымъ сознаніемъ и

твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что отечеству твоему предопредѣленъ свыше, особенный отъ всѣхъ прочихъ народовъ. жребій, за величіе и лучезарность коего въ будущемъ служитъ порукою и все его величественное прошедшее, и все его великое настоящее. Но свидѣтельствомъ чувства отечественнаго и справедливаго самоуваженія народнаго да будутъ не одни многоученыя, но мертвыя, собранія и хранилища отечественныхъ древностей, а живое и вѣрное послѣдованіе святымъ обычаямъ твоихъ праотцевъ, кои, можетъ быть, менѣе твоего знали, но тверже вѣровали и глубже чувствовали, не предавались суетнымъ мечтамъ и не любили витійствовать о несбыточномъ, но дѣлали, на вѣки дѣлали, что необходимо и истинно полезно; во всѣхъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ помышляли не о себѣ токмо, но и о поколѣніяхъ грядущихъ, и своею твердостію въ вѣрѣ, своею простотою нравовъ, своею любовію къ отечеству и самоотверженіемъ приготовили и искупили для тебя нынѣшнее величіе и крѣпость Россіи.

Храни, наконецъ, возлюбленный соотечественникъ, *всяцѣмъ храненіемъ* (Прит. 9, 15) храни чистоту твоихъ нравовъ и совѣсти, храни не въ себѣ токмо, даже и не въ однихъ сынахъ и дщеряхъ твоихъ, а во всѣхъ, кои, маніемъ власти предержащей, или жребіемъ рожденія, поставлены въ зависимость отъ тебя. Отринь съ презрѣніемъ ту роскошь и прихоти, для удовлетворенія коихъ неизбѣжны тяжкіе труды и воздыханія меньшей братіи твоей о Христѣ, и кои первѣе всего губятъ твою собственную душу. Ищи времяпрепровожденія лучшаго, наслажденій чистѣйшихъ, такого образа жизни, который могъ бы прейти съ тобою въ самую вѣчность. Истинное благо семействъ и поколѣній, царствъ и народовъ, растетъ и спѣетъ не отъ тлетворнаго зноя страстей, не среди губительной пыли душетлѣнныхъ чтеній, зрѣлищъ, сходбищъ и бесѣдъ, а подъ тихимъ и яснымъ небомъ чистоты и воздержанія, при благотворномъ свѣтѣ обѣтованій евангельскихъ, отъ животворной росы дарованій благодатныхъ, среди таинственнаго и зиждительнаго вѣянія Духа Божія.

Когда, возлюбленное отечество, ты будешь твердо стоять на камени вѣры православной, огражденное чистотою нравовъ и любовію къ закону и власти предержащей, то нѣтъ и не

будетъ на землѣ врага, могущаго устрашить тебя... Тогда пусть *мракъ* простирается *на* племена и *языки;* пусть царства и народы мятутся и замышляютъ *тщетная:* надъ тобою не престанетъ сіять свѣтъ незаходимый; и, во время благопотребно, *слава* не земная токмо, а и *Господня* паки *узрится на тебѣ!* (Ис. 60, 1).

А, если...

Боже милосердія и щедротъ, Боже отцевъ нашихъ, когда мы согрѣшили предъ Тобою и недостойны благословенія Твоего, то наказуя, накажи насъ всѣмъ, чѣмъ будетъ угодно премудрой правдѣ и любви Твоей; точію не предавай насъ въ *неискусенъ умъ творити* (Рим. 1, 28), еже творится теперь среди языковъ иноплеменныхъ! Даруй, напротивъ, аще возможно (*Тебѣ вся возможна суть*—Марк. 14, 26) и имъ духа разума и покаянія, да возмогутъ видѣть бездну, къ коей неизбѣжно ведетъ ихъ гордость и невѣріе; — и, узрѣвъ ее, да обратятся отъ стропотныхъ путей лжи и ожесточенія на мирный путь правды и любви къ Тебѣ, Богу разумовъ и Владыкѣ владыкъ и народовъ! Аминь.

Слово въ день Рождества Христова.

И рече имъ Ангелъ: не бойтесь; се бо благовѣствую вамъ радость велію, яже будетъ всѣмъ людямъ: яко родися вамъ днесь Спасъ, Иже есть Христосъ, во градѣ Давидовѣ (Лук. 2, 10, 11).

Такъ въ первый разъ возвѣщено было преславное событіе воплощенія Сына Божія! И кому было въ первый разъ возвѣщено? Пастырямъ — людямъ простымъ, которые самымъ состояніемъ своимъ удалены были отъ всякаго земнаго просвѣщенія. Однако же сіи люди, не смотря на простоту ихъ, тотчасъ уразумѣли тайну радости, возвѣщаемой имъ отъ Ангела, и, оставивъ все, поспѣшили насладиться оною. *И рѣша пастыри другъ къ другу: прейдемъ до Виѳлеема, да видимъ глаголъ сей бывшій, егоже Господь сказа намъ* (Лук. 2, 15).

Послѣ сего возможно ли, чтобы кто-либо изъ христіанъ не постигалъ блаженства, приносимаго на землю вочеловѣченіемъ Сына Божія? Тѣмъ паче возможно ли, чтобы сіе блаженство оставалось невѣдомымъ для кого-либо изъ находящихся въ семъ священномъ собраніи, коего и начало и

цѣль сосредоточивается во единомъ, да будетъ воздана слава въ вышнихъ Богу, благоволившему утвердить на землѣ миръ? И чтобы оставалось произнести съ сего священнаго мѣста, какъ токмо съ радостнымъ чувствомъ указать на событіе сихъ словъ пророческихъ: *се дніе грядутъ, въ няже не имать научити кійждо искренняго своего, и кійждо брата своего, глаголяй: познай Господа, яко вси увѣдятъ Мя отъ мала даже до велика* (Евр. 8, 11. 12).

Но Церковь, слушатели, не смотря на сіе, повторяетъ благовѣстіе Ангела. Причиною сего съ одной стороны то, что блаженство, возвѣщенное отъ Ангела пастырямъ, столь велико, что сколько бы ни успѣвали въ уразумѣніи онаго, оно всегда можетъ быть обильнѣйшимъ источникомъ размышленій самыхъ назидательныхъ; съ другой—опасеніе Церкви, дабы кто-либо изъ чадъ ея или по слабости, или по неповиновенію, среди всеобщаго торжества не остался безъ побужденій къ духовной радости. Итакъ, подражая гласу Церкви, углубимся въ основаніе радости, возвѣщенной Ангеломъ.

Уста человѣческія многоглаголивы, слушатели, но языкъ Ангеловъ кратокъ. Возвѣщая земнороднымъ радость велію, небесный посланникъ всѣ побужденія къ оной заключаетъ въ сихъ краткихъ словахъ: *яко родися вамъ днесь Спасъ*. Но слова сіи многозначительны, и заключаютъ въ себѣ неисчислимыя сокровища благодати, какъ-то, раскрывая ихъ, показываютъ богодухновенные учители—Пророки и Апостолы. Что же возвѣщаютъ намъ сіи Ангелы? Они всѣ вѣщаютъ намъ: радуйтесь, яко родися Пророкъ, наставляющій васъ на всяку истину; радуйтесь, яко родися Священникъ, примиряющій васъ съ Божествомъ; радуйтесь, яко родися Царь, защищающій васъ отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ.

Итакъ, внемли, христіанинъ! Раждающійся Спаситель возвращаетъ тебѣ свѣтъ истины, тобою потерянный; возвращаетъ правду, у тебя похищенную; возвращаетъ безопасность, тебя оставившую.

Тягостна, слушатели, слѣпота чувственная: но стократъ тягостнѣе слѣпота духовная. Первая лишаетъ наслажденія свѣтомъ солнца видимаго, которое и само ежедневно познаетъ западъ, а нѣкогда навсегда должно будетъ премѣниться во тьму; послѣдняя не даетъ наслаждаться созерцаніемъ Солнца невидимаго, Которое не знаетъ восхода и запада, Которое

во едино и то же время озаряетъ міръ Ангеловъ и человѣковъ, съ равнымъ блескомъ свѣтитъ для тѣхъ, кои живутъ на высокихъ горахъ, какъ и для тѣхъ. кои стенаютъ въ въ подземныхъ пропастяхъ, и Которое есть Самъ Богъ.

Что-жь, слушатели, былъ весь родъ человѣческій до пришествія въ міръ Сына Божія, какъ не пятитысящелѣтній слѣпецъ? Что были всѣ народы, какъ не люди, сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной? Ахъ! мы едва можемъ представить тѣ ужасныя нелѣпости, коими исполнена была религія временъ древнихъ. Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ рещи древу: *ты отецъ мой, и каменію: ты мя родилъ еси* (Іер. 2, 27)? Но всѣ народы разными, но едиными усты произносили сію безумную рѣчь. Ибо вообще, что были боги ихъ, какъ не древо и камень? Можетъ быть, подъ кровомъ сихъ видимыхъ образовъ сокрывались нѣкія истины, но знаменованіе сихъ символовъ было потеряно. Впрочемъ, были цѣлыя стада животныхъ, которыя ничего другаго не означали, кромѣ животныхъ, и убивающій ихъ хотя бы то безъ намѣренія, чѣмъ, думаете вы, почитался? Богоубійцею. И если бы симъ только ограничилось ослѣпленіе человѣка! Происходя первоначально отъ преступленія, оно долженствовало и окончиться преступленіемъ. Добродѣтель единственное убѣжище свое—храмъ—принуждена была раздѣлить съ порокомъ. Подлѣ богини правосудія занялъ мѣсто богъ грабительства. Идолъ нечистоты плотской также почтенъ былъ жертвою, какъ и истуканъ цѣломудрія, и сохранившій невинность не смѣлъ воззрѣть на божество распутное...

Къ большему несчастію, человѣкъ не зная Бога, непрестанно обогащался познаніями тварей. Мы удивляемся теперь просвѣщенію временъ древнихъ; но сіе-то просвѣщеніе и обнажало крайнее ихъ невѣжество.

Храмы грековъ и римлянъ возносились до небесъ, и удивляли всѣхъ своею красотою; но божества, ими обладавшія, были низки и грубы. О происхожденіи боговъ повѣствовали со всѣмъ искусствомъ краснорѣчія; но истуканы остались нѣмы. Жертвенные гимны были исполнены сладкозвучія; но истуканы были глухи. Священныя пляски отличались всею стройностію; но истуканы пребывали неподвижны. Въ храмѣ все было величественно, разительно, кромѣ боговъ; и разсудительный язычникъ, выходя изъ храма, мечталъ не о

ничтожествѣ своего естества, но о ничтожествѣ того бога, коему покланялся. Такъ человѣкъ уже былъ выше своего бога; но возвышая самого себя, онъ не могъ возвысить божества; поелику Богъ, *не дая славы Своей иному* (Ис. 42, 8), не хочетъ и Самъ принимать славы, кромѣ той, юже творитъ для Себя въ человѣкѣ.

Кто же исповѣдаетъ намъ Тебя, живый во свѣтѣ неприступномъ? Зри жертвы, приносимыя имени Твоему, но похищаемыя у Тебя идолами; явися, Господи, и упраздни явленіемъ Твоимъ божества суетныя. Престолъ Твой окружаютъ тысячи тысячъ и тьмы темъ Ангеловъ; посли хотя единаго юнѣйшаго, да исповѣсть имя Твое человѣкамъ; они забудутъ всю свою мудрость, будутъ внимать точію тому, еже проглаголетъ онъ именемъ Твоимъ. Изумись, смертный! для наученія тебя грядетъ Самъ Сынъ Божій. Тотъ, Коему въ безмолвіи внимаютъ сонмы Ангеловъ, грядетъ просвѣтить твою тьму. Собери всѣ твои недоумѣнія; измысли новыя, пусть они будутъ темны, какъ ночь: и ночь яко день предъ Нимъ. Ты не зналъ: *кому уподобить Бога и коему подобію уподобить Его* (Ис. 40, 18)? Вопрошай: *се сіяніе славы Божіей и самый образъ существа Его* (Евр. 1, 3.) Ты не зналъ, откуда ты произошелъ? Вопрошай: се Тотъ, Коему Творецъ твой рекъ при созданіи перваго человѣка: *сотворимъ человѣка по образу Нашему* (Быт. 1, 26). Ты не зналъ что будетъ съ тобою за гробомъ? Вопрошай: се Тотъ, въ десницѣ Коего *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18). Ты не зналъ, вѣченъ ли міръ, въ коемъ ты обитаешь? Вопрошай: се Тотъ, Который *въ началѣ основалъ землю и дѣла рукъ Его небеса* (Евр. 1. 10). Да не устрашитъ тебя величіе новаго твоего Наставника: Онъ является для наученія тебя, не съ громами синайскими, но съ кротостію младенческою; избираетъ мѣстомъ наставленія не градъ шумный, а безмолвный вертепъ, и дабы ты не устыдился предстать предъ Него съ скотскими твоими наклонностями. Онъ первую рѣчь простираетъ тебѣ изъ яслей; дабы поселить въ тебѣ увѣренность въ Его состраданіи къ твоимъ немощамъ, проповѣдь Его начинается слезами. Какое восхитительное зрѣлище представляетъ весь міръ! Боги языкъ, одинъ за другимъ падаютъ во прахъ, изъ коего извлекла ихъ рука художника. Народы, раздѣленные поклоненіемъ боговъ, часто враждебныхъ между

собою, соединяются исповѣданіемъ Единаго. Владыки міра, позная, яко *Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ*, научаются быть слугами Божіими во благо народамъ; подданные, вѣруя *яко нѣсть власть, аще не отъ Бога*, начинаютъ, въ повелѣніяхъ даже строптивыхъ владыкъ, чтить судьбы Всевышняго.

Служители алтарей престаютъ быть рабами собственной корысти, и не имѣя нужды страшиться за боговъ слабыхъ, познаютъ единъ страхъ, да не содѣлаются недостойными величія алтарей, имъ же предстоятъ. Философы, находя сѣмена всѣхъ истинъ въ христіанствѣ, стараются токмо о возращеніи ихъ, и независтно дѣлятся плодами оныхъ: ибо вѣдаютъ, что мудрость не сообщенная есть святотатство. Простолюдинъ не завидуетъ философу: ибо увѣренъ, что поклоняется единому съ нимъ Богу, имѣетъ единаго Ходатая, ожидаетъ единой вѣчности. Вся земля исполняется вѣдѣніемъ Господа Израилева; и гдѣ начало сей благотворной перемѣны? Въ Виѳлеемѣ.

Такъ, слушатели! если бы не родился Христосъ, то міръ и теперь покланялся бы или бѣсамъ, или собственнымъ страстямъ. Философы не просвѣтили бы его. Что принесло пользы существованіе сихъ мудрецовъ грекамъ и римлянамъ?—Большая часть языческихъ философовъ мнила уврачевать суевѣріе невѣріемъ. Лучшіе видѣли истину, но скрыли оную въ неправдѣ общественнаго мнѣнія, и соединенными трудами Пиѳагоровъ, Платоновъ, Аристотелей воздвигнутъ алтарь невѣдомому Богу. Что было бы и съ нами, слушатели, если бы не возсіялъ надъ нами свѣтъ виѳлеемскій? Вмѣсто того, что теперь присутствуемъ въ храмѣ Бога живаго, можетъ быть, находились бы при совершеніи какого-либо безстуднаго празднества идольскаго: вмѣсто того, что теперь внимаемъ пѣснопѣнію во славу Господа всяческихъ, можетъ быть, произносили бы безчинные клики; вмѣсто того, что теперь совершаемъ словесное служеніе, возносимъ ѳиміамъ молитвъ, можетъ быть, закалали бы себѣ подобныхъ, и даже самихъ сродниковъ; вмѣсто того, что теперь тайно образуемъ Херувимовъ, тогда,—о ужасъ!—видимо изображали бы демоновъ. Но для чего говоримъ мы: можетъ быть? Что происходитъ теперь съ тѣми народами, надъ коими, по недовѣдомымъ судьбамъ Божіимъ, не возсіялъ свѣтъ Христовъ?—

Они имѣютъ умъ, но не знаютъ Бога; имѣютъ волю, но чтутъ идоловъ: имѣютъ сердце, но закалаютъ собственныхъ чадъ. То же, слушатели, было бы и съ нами...—Возрадуемся же, что мы изведены въ чудный свѣтъ рожденнаго нынѣ Спасителя! Въ Его училищѣ не научаются, какъ возлетать на воздухъ: но вразумляются, какъ возноситься мыслію и сердцемъ къ Богу; не предписываютъ правилъ, какъ углубляться въ сердца горъ и въ нѣдра морей для извлеченія драгоцѣнностей: но подаютъ вѣрнѣйшее наставленіе, какъ углубляться въ собственное сердце, для обрѣтенія злата чистой любви и перловъ святыхъ молитвъ; не показываютъ, какъ далеко отстоитъ шаръ, нами обитаемый отъ солнца: но показываютъ, какъ далеко отстоитъ падшій человѣкъ отъ Бога: не внушаютъ способа, какъ отводить удары грома: но внушаютъ средства, какъ уклоняться отъ ударовъ Божественнаго правосудія. Знаніе краткое, но въ немъ вмѣщается все. Мало потребно времени на изученіе его: но польза, имъ доставляемая, простирается чрезъ всю вѣчность. О, блаженъ ты, христіанинъ, водимый свѣтомъ звѣзды виѳлеемскія! но блаженъ тогда, когда пользуешься симъ свѣтомъ для того, дабы облещись заслугами рожденнаго Спасителя.

Такъ, слушатели, и духовный свѣтъ въ настоящемъ состояніи человѣка не только для него безполезенъ, но даже вреденъ, если съ нимъ не соединятся другія благодѣянія. Отрадно ли слѣпому получить зрѣніе, если бы онъ вѣдалъ, что въ минуту своего прозрѣнія онъ узритъ цѣлое небо упадающимъ на его главу? Но не то же ли долженъ узрѣть человѣкъ, коего отверзаются очи духовныя? Еще болѣе. Ибо какимъ онъ находитъ себя по прозрѣніи? Находитъ преступникомъ законовъ божественныхъ, нарушителемъ святѣйшаго завѣта, который долженъ существовать между тварію и Творцомъ, и слѣдовательно находитъ себя врагомъ Бога, предъ безприкладнымъ величествомъ коего онъ не можетъ не благоговѣть. Что же значитъ въ сравненіи съ паденіемъ цѣлаго неба единъ ударъ разгнѣваннаго Бога? Но ударъ сей не минуемъ. Какъ!—вѣщаетъ грѣшнику собственная его совѣсть, ты почитаешь несправедливостію, если преступникъ остается ненаказаннымъ по суду человѣческому, и мнишь, что безъ нарушенія правды, онъ можетъ пребыть ненаказаннымъ по суду Божію? Ужели ты думаешь, что

Богъ истинный и праведный менѣе любитъ правду, нежели люди суетные и льстивые? Или по твоему понятію правда Божія не сходна съ правдою человѣческою? Но она не сходна токмо въ томъ, что сія измѣняется, яко лице земли, а та пребываетъ, яко дніе неба. Или надѣешься на благость Творца? Но, вспомни, и правосудіе есть также благость, точію измѣненная грѣхами твоими. И не полагаю ли я на тебя печати отверженія послѣ каждаго преступленія? Что значитъ стыдъ? Откуда трепетъ внутренній? Отчего гнушеніе самимъ собою? Или утверждай, что нѣтъ Бога, что я— одинъ призракъ, или будь увѣренъ, что тебя ожидаютъ наказанія, соразмѣрныя твоимъ преступленіямъ. Такъ гласитъ человѣку совѣсть!

Гласъ невнятный среди шума міра, но ужасный среди уединенія душевнаго! Гдѣ и когда не преслѣдовалъ ты человѣка? Въ мирныя времена патріархальной жизни и въ грозные дни владычества грековъ и римлянъ, подъ знойнымъ небомъ юга и подъ хладнымъ солнцемъ сѣвера—вездѣ и всегда находилъ человѣкъ себя врагомъ Бога, Творца и Благодѣтеля. Облеченный въ порфиру и покрытый рубищемъ равно говорили: «я грѣшникъ». Скрывали со всевозможнымъ тщаніемъ всякаго рода недостатки; но всенародно исповѣдовали вину предъ небомъ. Такъ, среди всеобщаго превращенія правъ человѣческихъ права Божіи надъ человѣкомъ оставались непреложны, и милосердый Промыслъ, по выраженію Апостола. *затворялъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ* (Рим. 11, 32). Увы! человѣкъ, не дожидаясь помилованія отъ Бога, силился миловать самъ себя... Примѣръ прародителей, мнившихъ сокрыть наготу свою листвіемъ смоковничнымъ, распространился въ потомствѣ... Закалали тельцовъ... Сожигали туки агнцевъ... Совершали омовеніе... и мнили быть чистыми отъ грѣха. Какъ будто тукъ агнцевъ можетъ умягчить сухость сердца, сокрушеннаго грѣхомъ! какъ будто кровь животныхъ можетъ убѣлить совѣсть, очерненную грѣхами! какъ будто крики жертвъ могутъ заглушить вопль беззаконій, вопіющихъ на небо! Всевышній! Ты зрѣлъ ничтожность жертвъ, приносимыхъ грѣшникомъ; зрѣлъ неспособность преступнаго человѣка взойти на небо, для низведенія себѣ Ходатая, и въ тайнѣ судебъ Твоихъ Самъ уготовлялъ для него врачевство; но сіе врачевство оставалось

недовѣдомо. Ты глаголалъ устами пророковъ Своихъ: *Азъ помышляю на вы помышленіе мира, а не злая* (Іер. 29, 11): но сіи благія помышленія пребывали запечатлѣнными въ сокровищницѣ твоего милосердія. Яко исполненъ благодати. Ты помышлялъ благое, и между тѣмъ всюду являлись точію слѣды Твоего правосудія.

Нынѣ, нынѣ, слушатели, отверзлась сокровищница любви Божіей: ибо нынѣ въ лицѣ рожденнаго Спасителя явися благодать Божія спасительная. Богъ не глаголетъ къ тому: Я помышляю, Я совѣщаю, но: Я исполняю, Я совершаю. И какъ совершаетъ? Внемлите и чудитесь.

Началомъ всѣхъ грѣховъ нашихъ и, слѣдовательно, вражды нашей на Бога было то, что мы возжелали съ прародителемъ быть подобными Богу, дерзнули на похищеніе славы Божіей; и се, Ходатай нашъ, во образѣ Божіи сый, отрекается Божественныя славы, пріемлетъ зракъ раба и обрѣтается яко человѣкъ. Мы отъ самаго рожденія стремимся погрузить себя въ удовольствіяхъ міра: Ходатай нашъ изъ утробы матерней повергается въ бездну лишеній, самыхъ тяжкихъ для плоти. Для насъ корысть есть если не единственный (ибо порокъ не терпитъ единобожія), то любимый идолъ, коему мы жертвуемъ и тѣломъ и душею: Ходатай нашъ раждается въ столь бѣдномъ состояніи, что не находитъ для Себя пристанища въ томъ мѣстѣ, которое устроено для общаго пристанища. Мы до самаго гроба гоняемся за почестями и, будучи прахъ и пепелъ, не можемъ терпѣть высшихъ насъ: Ходатай нашъ, будучи Господь всяческихъ, отъ самой колыбели вписывается въ число послѣднихъ подданныхъ кесаря. Не довольно ли и сего, душа грѣшная, дабы возродить въ тебѣ надежду спасенія? ибо родившійся Младенецъ есть Богъ предвѣчный, Коего одна слеза достаточна къ омовенію грѣховъ цѣлаго міра.

Но Его любовь къ намъ симъ не ограничивается. Вскорѣ узримъ Его обрѣзуема, потомъ крещаема во Іорданѣ, яко единаго отъ нечистыхъ, и приносима во храмъ, да поставится яко жертва предъ Господомъ; наконецъ узримъ Его висяща на крестѣ нага и уязвлена. За кого же все сіе? За тебя, душа грѣшная, Онъ будетъ обрѣзанъ, дабы изгладить необрѣзаніе твоего ожесточеннаго сердца; Онъ погрузится въ водахъ іорданскихъ, дабы омыть тебя, покрытую нечистотами

плотской жизни; Онъ будетъ принесенъ въ жертву, дабы искупить жертвы, приносимыя тобою міру суетному; Онъ простретъ руки Свои на крестѣ, поелику ты простирала руки свои къ удовольствіямъ, тебя обманывающимъ; Онъ увѣнчается терніемъ, поелику ты любила украшаться розами; Онъ будетъ напоенъ оцтомъ, поелику ты любила упиваться *изъ чаши мерзостей земскихъ* (Апок. 17, 4. 5).

Событія—плачевныя сами по себѣ, но которыя могутъ и должны содѣлаться для каждаго христіанина источникомъ неизсякаемыхъ утѣшеній и всегдашняго назиданія, посредствомъ углубленія въ немъ вѣрою и любовію!—Сынъ Божій страждетъ за мои грѣхи: что убо удержитъ меня въ области беззаконія? Прелести міра! вы кажетесь мнѣ ядомъ зміинымъ, послѣ того какъ наслажденіе вами стоило страданій и смерти моему Спасителю. Если Богъ не пощадѣлъ единороднаго Сына Своего, Который принялъ на Себя удовлетвореніе за мое беззаконное наслажденіе вами: то можетъ ли Онъ пощадить меня, если я, презрѣвъ удовлетвореніе Его, снова буду беззаконно предаваться вамъ? Сила грѣха! и ты не можешь отвратить меня теперь отъ рѣшимости идти къ Отцу небесному. Пусть, я пріиду къ Нему, обремененный всякаго рода беззаконіями: можетъ ли Онъ не принять той цѣны за грѣхъ, которая опредѣлена Имъ Самимъ? Можетъ ли не узнать во мнѣ заслугъ Сына Своего? А Сынъ отречется ли ходатайствовать о мнѣ, положивъ за меня животъ Свой? Нѣтъ, Его слезы суть мои слезы, Его страданія суть мои страданія, Его смерть есть моя смерть. Чего убо мнѣ страшиться? Ангелы! вы не согрѣшили, но вы не правѣе меня, ибо я облеченъ правдою Самого Бога.

Ты не разумѣешь сего гласа вѣрующаго сердца, мудрецъ, богатящійся собственною правдою! ты не разумѣешь блаженства его: и праведно! Богъ исполняетъ дарами Своими души алчущія. Поелику же кровь Сына Его есть высочайшій изъ даровъ Его, то можетъ ли исполнить твою душу, наполненную собою?—Но горе глаголющимъ: *обогатихся и ничтоже требую* (Апок. 3, 6)! Горе попирающимъ кровь завѣта вѣчнаго! Іегова рекъ Сыну Своему: *Ты еси Іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову и не раскается* (Евр. 5, 6). Убо ты раскаешься: раскаешься, отверзутся духовныя очи твои, ты узришь духовную наготу твою; не дай Богъ, чтобы

они отверзлись тогда, когда будетъ помрачаться свѣтъ въ очахъ тѣлесныхъ.

Христіанинъ! внимай собственной совѣсти; она изъяснитъ тебѣ радостную тайну яслей и креста. Не напрасно Павлы. Златоусты. Григоріи, Василіи повергались предъ Младенцемъ, лежащимъ въ ясляхъ. Они зрѣли въ немъ великаго Архіерея, прошедшаго небеса. Узришь и ты нѣкогда Его, стоящa одесную престола Вседержителя, и дванадесять старцевъ, повергающихъ предъ Нимъ вѣнцы своя. О. блаженъ ты, если будешь въ состояніи повергнуть предъ Нимъ и свой вѣнецъ!

Но скоро ли будетъ сіе? Ахъ, дологъ путь, ведущій изъ Египта въ Ханаанъ небесный! Сколько враговъ, сколько опасностей предстоятъ намъ на семъ пути! Лютый фараонъ—богъ вѣка сего—насъ преслѣдуетъ со всѣми духами злобы поднебесной. Враждебные амаликиты — страсти ожидаютъ токмо нашего духовнаго бездѣйствія. дабы сокрушить духовныя силы наши. Пустыня міра наполнена зміями, соблазнами уязвляющими. Самые крастели—невинныя удовольствія, коими мнимъ усладить горесть странствованія земнаго, могутъ воздвигнуть для насъ гробы похотѣній. Кто же будетъ нашимъ руководителемъ? Гдѣ столбъ огненный и облачный? Кто введетъ насъ на гору святую?

Азъ есмь Царь, поставленный надъ Сіономъ горою святою (Пс. 2, 6), отвѣтствуетъ намъ рожденный нынѣ Спаситель: Я проведу васъ сквозь пустыню міра сего; Я поражу враговъ вашего спасенія; Я устрою окрестъ васъ забрала вѣчная; Я вселю васъ въ гору святую: *Азъ есмь Царь!*

Вскую убо шатошася языцы,—людіе поучишася тщетнымъ (Пс. 2, 1), вопіялъ нѣкогда пророкъ, внимая сему гласу Царя нашего. Господи! я зрю, что, при самомъ появленіи царства Твоего въ мірѣ, все устремляется на расхищеніе благословеннаго наслѣдія твоего:—и воинственный мечъ кесарей, и замысловатая трость философа, и суевѣрный жезлъ жреца. Одни силятся потопить его въ крови избранныхъ твоихъ; другіе мнятъ низвергнуть оное лестію; сіи покушаются уничтожить его клеветою. Но къ чему всѣ сіи покушенія? *Ты поразишь ихъ жезломъ желѣзнымъ; яко сосуды скудельничи сокрушишь ихъ* (Пс. 2, 9).

Христіане! Сіи чудеса могущества нынѣ рожденнаго Царя

нашего, издалеча провидѣнныя пророкомъ, давно совершились предъ лицемъ всѣхъ людей во славу духовнаго Израиля. Цѣлыя поколѣнія кесарей, враждовавшихъ на Бога и на Христа Его, для того, повидимому, восходили на престолъ, да сокрушатся, подобно скудели, жезломъ гнѣва небеснаго. Гдѣ нынѣ ужасный колоссъ царствъ, противныхъ царству Сына Божія? Гдѣ злато и сребро Вавилона и Персіи? Гдѣ мѣдь и желѣзо—грекъ и римлянинъ язычествующіе? Гдѣ глина и скудель, массы—народы, преслѣдовавшіе имя Христово? гдѣ онѣ?

Камень, отторгшійся безъ рукъ отъ несѣкомой горы дѣвственной, сразилъ все, истнилъ все, и не обрѣтеся мѣста ихъ (Дан. 2. 31).

Пусть убо новые мудрецы, заступившіе мѣста древнихъ гонителей христіанства, продолжаютъ вражду змія на благодатное Сѣмя Жены; пусть изъ устъ ихъ текутъ, яко рѣки велики, хулы и поношенія на крестъ Христовъ: христіанинъ не поколеблется; онъ знаетъ, что чѣмъ болѣе они успѣваютъ, тѣмъ глубже послѣдуетъ ихъ паденіе, что сіи плевелы терпимы, да не како восторгая ихъ восторгнутъ и пшеницу, что въ царствѣ Сына Божія, въ царствѣ истины, *подобаетъ ересямъ быти, да явятся искусніи въ вѣрѣ* (1 Кор. 11. 19).

Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ одинъ учитель Церкви, не пріятно ли бы было взирать на море воздымающееся, на волны, подобно горамъ сражающіяся другъ со другомъ, на землю, спорящуюся съ небесами, если бы мы были совершенно увѣрены, что корабль, на коемъ мы находимся, не подвергнется ни малѣйшей опасности? Но состояніе христіанина, продолжаетъ тотъ же отецъ, точно таково. Корабль, въ коемъ онъ совершаетъ плаваніе, св. Церковь управляется Іисусомъ Христомъ; можетъ ли убо претерпѣть кораблекрушеніе Тотъ, Который единою дланью содержитъ небо и землю? «Но домашніе враги—страсти—могутъ низвергнуть насъ изъ корабля Христова». О! блюдемся, слушатели, сихъ враговъ, которые одни токмо и стоютъ сего наименованія. Впрочемъ и сіи враги для насъ не опасны, доколѣ мы не выходимъ изъ-подъ скипетра Царя нашего Его сокровищницы исполнены оружіями всякаго рода. Здѣсь каждый найдетъ по своимъ потребностямъ *и броню правды и*

шлемъ упованія, и щитъ вѣры и мечь слова Божія и стрѣлы молитвъ, надъ всѣми же сими обрѣтаетъ благодать Божію (Еф. 6. 14. 16. 19). которая можетъ и мало пострадавшихъ совершить и утвердить на пути къ царствію небесному. Стоитъ только употреблять сіи непреоборимыя оружія съ упованіемъ на нашего Подвигоположника: и искушенія, самыя жестокія, для того токмо будутъ приходить къ намъ, да сплетутъ для насъ вѣнецъ побѣдный.—Послѣ сего не должны ли мы, вмѣсто страха, исполняться радостію и при видѣ духовныхъ опасностей, подобно какъ воинъ радуется возстанію его враговъ, да въ низложеніи ихъ узрится доблесть царя его.

Но во всѣхъ сихъ случаяхъ, радость о могуществѣ Царя нашего соединена съ опасеніемъ по причинѣ нашихъ слабостей. Желаете ли, христіане, наслаждаться сіяніемъ вѣнца царскаго, не помрачаемаго нашею невѣрностію къ нему?— возвысимся духомъ и изыдемъ мыслію за предѣлы царства благодати. Ибо царства земныя имѣютъ блескъ свой въ срединѣ своего продолженія, а царство благодати при окончаніи. Какія чудеса поражаютъ духовный взоръ нашъ? Порядокъ природы измѣняется; солнце и луна перемѣняются во тьму; звѣзды, яко листвіе, упадаютъ съ тверди; небеса. подобно облакамъ, съ шумомъ преходятъ; смертные во всѣхъ концахъ земли съ поспѣшностію возстаютъ отъ гробовъ: сонмы Ангеловъ нисходятъ на землю. сонмы человѣковъ восходятъ на небо: міръ претворяется.... Кто же Сей, Коего гласа ожидаютъ въ безмолвіи всѣ племена и языки? Кто, Коего престолъ, посредѣ небесъ, окруженъ тьмами темъ Ангеловъ, Кто есть Сей Царь славы?

Христіане! се Царь вашъ, тотъ самый, Коему вы теперь поклоняетесь, яко Младенцу, лежащему въ ясляхъ! И для кого Онъ потрясетъ небомъ и землею? — Для отомщенія тебя, преслѣдуемый злобою людей, но постоянно гоняшій правду. Для кого Онъ воздвигнетъ Іерусалимъ небесный? Для вселенія тебя, изгнанный изъ отечества земнаго, постоянно искавшій отечества небеснаго. Для кого насадитъ Онъ древо жизни? Для насыщенія тебя, томимый гладомъ, но алчущій правды. Кто будетъ царствовать съ Нимъ во вѣки вѣковъ въ селеніяхъ небесныхъ? Слушатели, мы, если будемъ того достойны.

Такова, христіане. тайна настоящаго событія виѳлеемскаго. Начавшись еще въ Эдемѣ, она кончится въ Сіонѣ. Просіявъ изъ Виѳлеема, она должна озарить всѣ концы земли. *О. братія святая. званія нѣбеснаго причастницы! разумѣйте Посланника и Святителя исповѣданія нашего* (Евр. 3, 1), разумѣйте Его, яко Пророка, исповѣдавшаго вамъ Бога истиннаго и научившаго поклоняться Ему духомъ и истиною: разумѣйте, яко Священника, приносящаго Самого Себя за васъ въ жертву Богу: разумѣйте. яко Царя. исполняющаго во благихъ всѣ желанія ваши; разумѣйте. поучайтесь, углубляйтесь. Вы никогда не узрите въ полной мѣрѣ изображенную радость. приносимую намъ рожденіемъ нашего Спасителя. Самые пророки, самые апостолы только изумлялись, когда обращали взоры на сію радостную тайну.

Мы часто сѣтуемъ на паденіе нашего праотца. Но что потеряно нами, чего бы не возвратилъ намъ воплотившійся Спаситель? Что можетъ сравниться съ чистотою свѣта, коимъ озаряется христіанинъ? Что можетъ быть выше той святости, коею облекается послѣдователь Христовъ? Что надежнѣе и ненарушимѣе того мира, коимъ наслаждаются подъ скипетромъ Христовымъ? Напротивъ, не должны ли мы почитать себя счастливыми, что мы согрѣшили во Адамѣ? Что мы были до паденія, и что теперь? Тогда были владѣтелями земли, хранителями вертограда: теперь намъ принадлежитъ цѣлое небо; тогда Ангелы были нашими собесѣдниками: теперь они суть служители нашего спасенія; тогда мы были почтены образомъ Божіимъ: теперь Самъ Богъ носитъ образъ нашъ. О, человѣкъ, ты палъ, ты палъ, если можно сказать, не внизъ. а вверхъ, ибо ты палъ во глубину Божественной любви.

Но, слушатели, будучи возносимы на толикую высоту снисхожденіемъ Сына Божія, да памятуемъ, что Онъ содѣлывается нашимъ Пророкомъ, Священникомъ и Царемъ, дабы насъ *содѣлать цари и іереи Богу*. Въ семъ случаѣ Отецъ небесный, вводя въ міръ Сына Своего, то же глаголетъ намъ, что нѣкогда глаголалъ Моисею: *виждь, да сотвориши по образу, показанному тебѣ* (Исх. 25, 40). Виждь, христіанинъ! Спаситель твой на сіе родился и на сіе пришелъ въ міръ, дабы свидѣтельствовать истину; и твое бытіе на землѣ, въ планѣ Промысла, не имѣетъ другой цѣли, кромѣ

той, чтобы свѣтъ твой освѣтился передъ человѣками. и чтобы всѣ, видящіе добрыя дѣла твоя, прославляли Отца. Иже на небесѣхъ. Спаситель твой пришелъ дать душу Свою въ цѣну избавленія за грѣхи всего міра; да не будетъ и для тебя меньшей любви, какъ полагать. въ случаѣ нужды. душу свою за други своя. Спаситель твой явился, да низложитъ всѣхъ враговъ спасенія твоего. воцаритъ всюду радость и міръ; и для тебя нѣтъ большей славы. какъ побѣждать собственныя страсти, владычествовать надъ желаніями своего сердца.

Христіане! Когда мы вообразимъ въ себѣ сіи три качества лица Іисусова, тогда настоящая радость наша будетъ исполнена, и никтоже возьметъ ю отъ насъ; тогда Самъ Іисусъ. виновникъ нашей радости, вообразится въ насъ. Аминь.

Слово на Рождество Христово.

Слава въ вышнихъ Богу. и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе! (Лук. 2, 14),

Такъ воспѣваютъ съ неба Ангелы. а на землѣ. вмѣсто мира и тишины, свирѣпствуетъ брань и одно слышаніе браней; вмѣсто любви и взаимнаго благоволенія господствуютъ ненависть и вражда ожесточенная! При такомъ положеніи цѣлыхъ царствъ и народовъ. коего мы столько времени и ближайшіе свидѣтели и первыя жертвы, какъ спокойно отверзть уста на возглашеніе радостнаго пѣснопѣнія ангельскаго!—Не удобнѣе ли возлюбить молчаніе. или. предоставивъ радость о мирѣ. возвѣщаемомъ Ангелами. тѣмъ. кои оной достойнѣе, намъ самимъ воспріять не радованіе, а горькій плачъ и рыданіе Рахили, плачущей о избіеніи виѳлеемскихъ чадъ своихъ и *не хотящей утѣшитися, яко не суть?..* (Матѳ. 2, 18).

И однако же. братіе мои, св. Церковь, которая не менѣе насъ видитъ наши бѣдствія и раздѣляетъ ихъ съ нами, нисколько не измѣняетъ нынѣ, вслѣдствіе настоящихъ горест-

*) Произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, декабря 25, 1855 года.

ныхъ событій, гласа своего и вмѣстѣ съ Ангелами, по прежнему, громко и радостно восклицаетъ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*

Что значитъ это?—То, что миръ на землѣ, провозглашаемый Ангелами, не есть миръ обыкновенный и земной, весьма часто нарушаемый и никогда почти вполнѣ не существующій на землѣ, который когда и продолжается гдѣ либо долѣе обыкновеннаго, то всегда почти, подобно слишкомъ продолжительной тишинѣ въ воздухѣ, оканчивается бурями и грозою;—то, что благоволеніе въ человѣцѣхъ, возвѣщаемое по причинѣ пришествія въ міръ Спасителя міра, превыше всѣхъ связей и содружествъ человѣческихъ, скоро возникающихъ и еще скорѣе распадающихся, и рѣдко, рѣдко не приводящихъ къ *единомыслію лукавства* (Прем. Сол. 10, 5).

Естествоиспытатели утверждаютъ, что море, какъ оно ни удободвижимо и открыто для волнъ, на извѣстной глубинѣ своей всегда постоянно и тихо, и не можетъ подлежать никакимъ вѣтрамъ и бурямъ, такъ что, если бы ладіи, самыя великія, могли по произволу опускаться на эту глубину, то во время самыхъ ужасныхъ треволненій на верху моря, находились бы тамъ въ тишинѣ и безопасности. То же можно сказать и о морѣ житейскомъ, о мірѣ и обществахъ человѣческихъ: сокрушительнымъ бурямъ и треволненіямъ ихъ подлежатъ преимущественно тѣ, кои всегда остаются на поверхности вещей и событій, и не знаютъ драгоцѣннаго искусства—сокрываться на это время во глубину вѣры и упованія, во глубину Промысла и любви Божіей, гдѣ кончается зависимость человѣка отъ внѣшнихъ перемѣнъ и превращеній. Тѣ, напротивъ, кои, по выраженію Спасителя, хотя суть, яко и всѣ прочіе человѣки, *отъ міра* (Іоан. 15, 19), но не принадлежатъ міру своею душею и сердцемъ, кои всѣ существенныя потребности и чаянія свои, всѣ тайныя сокровища сердца заранѣе перенесли обонъ-полъ земнаго бытія и предали, такъ сказать, на сохраненіе вѣчности; тѣ, наконецъ, кои, находясь еще на землѣ, стяжали святую возможность—укрываться отъ самыхъ мятежей человѣческихъ въ *тайнѣ лица Божія* (Псал. 30, 21), — тѣ, среди самыхъ ужасныхъ треволненій моря житейскаго, среди потрясеній царствъ и народовъ, могутъ оставаться въ покоѣ и благонадежіи душевномъ, могутъ даже радоваться въ самыхъ стра-

даніяхъ своихъ. какъ показываетъ примѣръ св. Павла и другихъ истинныхъ рабовъ Божіихъ.

Да, братіе мои, есть миръ, коего не можетъ нарушить и возмутить никакая земная брань! Это—внутренній миръ человѣка съ Богомъ и своею совѣстію; это — успокоеніе человѣка-грѣшника въ безконечныхъ заслугахъ Сына Божія, коими возвращается потерянное грѣхами нашими благоволеніе небесное и чаяніе жизни вѣчной. Сего мира не было и не могло быть на землѣ, доколѣ не явился во плоти великій Посредникъ и Примиритель всяческихъ, и доколѣ смертію Своею на крестѣ за грѣхи всего міра не примирилъ человѣка-грѣшника съ Божествомъ праведнымъ и всесвятымъ. Послѣ сего, вмѣсто прежняго гнѣва и проклятія, не могло не открыться во всей полнотѣ и благоволенія удовлетвореннаго и примиреннаго Божества къ искупленному и оправданному человѣчеству. Помилованный грѣшникъ изъ врага Божія содѣлался паки возлюбленнымъ сыномъ Божіимъ, содругомъ и будущимъ сожителемъ на небѣ Ангеловъ, прямымъ и полнымъ наслѣдникомъ рая и блаженства вѣчнаго. При чемъ естественно открылась и величайшая слава Божія—слава правды, слава премудрости и слава милосердія Божественнаго, изобрѣтшихъ, для спасенія погибавшаго во грѣхахъ человѣчества, такое великое и недомыслимое средство, какъ воплощеніе и смерть ради насъ единороднаго сына Божія, коими достигается въ избыткѣ все, что было нужно для нашего спасенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбляется ни одного изъ свойствъ существа Божія и не нарушается ни одного изъ законовъ міра нравственнаго. Сіе-то самое имѣютъ въ виду Ангелы и св. Церковь, когда возглашаютъ нынѣ: *слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!*

Нужно ли говорить, что необходимо слѣдуетъ изъ сего?

Слѣдуетъ, очевидно, что для каждаго изъ насъ первая задача въ жизни и первый долгъ на землѣ долженъ состоять въ томъ, чтобы возымѣть живое и непрестающее участіе въ семъ мирѣ Божіемъ и въ семъ благоволеніи Отца небеснаго къ человѣкамъ, а для сего — искренно увѣровать въ великаго Посредника и Примирителя, даннаго намъ Богомъ, усвоить себѣ искупительную жертву, Имъ за насъ принесенную на крестѣ, соединиться съ Нимъ навсегда въ духѣ,

расположить жизнь и дѣйствія свои по Его Евангелію, предать Ему себя совершенно на вѣки и проводить жизнь въ дѣлахъ благихъ, ожидая, доколѣ Онъ же. премилосердый Спаситель нашъ, не воззоветъ каждаго изъ насъ изъ сей юдоли слезъ въ Свои вѣчныя обители, гдѣ уже нѣтъ ни печали. ни воздыханія, но одинъ покой и блаженство безконечное. Кто сдѣлаетъ все сіе, — а должны сдѣлать всѣ и каждый. — кто даже предначнетъ только дѣлать это воистину,—тотъ скоро на самомъ опытѣ дознаетъ, что можно и среди шума браней наслаждаться внутреннимъ миромъ, и среди распрей и пререканій человѣческихъ радоваться о благоволеніи Божіемъ къ человѣкамъ.

Сего-то вожделѣннаго состоянія желаемъ всѣмъ вамъ. братіе мои, отъ лица почивающаго нынѣ во ясляхъ. великаго Примирителя неба и земли!—Аминь.

Слово на второй день Рождества Христова *).

Вчера. бесѣдуя съ вами, братіе, мы, сообразно обстоятельствамъ, старались показать. что и среди ужасовъ и бѣдствій брани можно наслаждаться тѣмъ вожделѣннымъ миромъ, который при рожденіи Спасителя возвѣщенъ Ангелами: *и на земли миръ!* что никакая враждебная сила, не только земная. но самая адская, не можетъ нарушить и упразднить того непреложнаго опредѣленія Божія о спасеніи нашемъ, для котораго явился во плоти единородный Сынъ Божій: *въ человѣцѣхъ благоволеніе!* и что слава Божія, обнаружившаяся въ семъ великомъ таинствѣ, сколько бы ее ни помрачали люди своимъ безразсудствомъ и грѣхами, всегда пребудетъ паче солнца, сіяющаго на тверди небесной: *слава въ вышнихъ Богу!*

Нынѣ мы намѣрены, при помощи Божіей, побесѣдовать съ вами о томъ же предметѣ, только совершенно съ другой стороны, а именно—показать, что взаимныя брани и смуты между народами христіанскими. какъ ни печальны онѣ и возмутительны для сердца, нисколько не служатъ къ нареканію на св. вѣру христіанскую, а только свидѣтельствуютъ о жалкомъ состояніи духовномъ самихъ христіанъ. Подобное

*) Произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, декабря 26, 1855 г.

размышленіе и всегда не безполезно,—ибо есть, къ сожалѣнію, люди, всегда готовые къ нареканіямъ на христіанство; тѣмъ паче благовременно въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда вихрь брани, вокругъ насъ свирѣпствующей, можетъ затмевать зрѣніе и у неблизорукихъ.

Отъ христіанской вѣры,—такъ разсуждаютъ нѣкоторые,—яко Божественной, надлежало ожидать и того благодѣянія человѣчеству, что она, въ знаменіе своего происхожденія свыше, кромѣ дарованія ему благъ вѣчныхъ и духовныхъ, будетъ сильно споспѣшествовать и земному его благоденствію, и между прочимъ отучитъ людей отъ звѣрства и вражды, и пріучитъ ихъ жить въ мирѣ и взаимномъ согласіи, яко дѣтей единаго небеснаго Отца, имущихъ единое и тожде обѣтованіе жизни вѣчной. Но, вотъ проходитъ уже 19-е столѣтіе, а міръ христіанскій представляетъ изъ себя доселѣ весьма жалкое зрѣлище, во многихъ отношеніямъ, а болѣе всего своими кровавыми распрями и междоусобіемъ!»

Будемъ ли отрицать истину сихъ замѣчаній?—Нѣтъ; мы напротивъ еще присовокупимъ къ сему, что, по сказаніямъ всѣхъ пророковъ, изображавшихъ будущее царство Мессіи, Спасителя міра,—въ семъ царствѣ должно господствовать всякаго рода благоденствіе, что послѣдователи Его имѣютъ превзойти всѣ прочіе народы своимъ благоустройствомъ, и будутъ такъ небраннолюбивы, что *раскуютъ мечи своя на рала и копія на серпы, и не навыкнетъ къ тому языкъ на языкъ ратовати* (Исаіи 2, 3—4). Вотъ что говорили и обѣщали отъ христіанства еще древніе пророки!

Кто будетъ отрицать, что это славное обѣтованіе доселѣ не исполнилось во всей силѣ? И однакоже многое изъ сего не сбылось ли на самомъ дѣлѣ?—Кому принадлежитъ теперь первенство во всемъ родѣ человѣческомъ?—Народамъ христіанскимъ. Кто отличается знаніями, искусствами и разными плодами образованности?—Народы христіанскіе. Въ чьихъ рукахъ судьба всѣхъ прочихъ не-христіанскихъ народовъ? Въ рукахъ христіанъ. Изыскивайте, какія угодно, причины сего всемірнаго явленія, вы никогда достаточно не объясните его, не обратившись къ христіанской вѣрѣ и Евангелію. Здѣсь главный источникъ могущества, величія и гораздо большаго—сравнительно—благоденствія народовъ христіанскихъ!

При всемъ томъ, какъ замѣчено выше, мы первые при-

знаемъ и оплакиваемъ, что христіанство не произвело еще всего того, что предлежало и предлежитъ ему сдѣлать для человѣчества, даже въ земномъ отношеніи, — что христіане доселѣ ниже того благоустройства, не достигли того благоденствія, къ коему они предназначены. Но, что виною сего? Вѣра ли? — Ее можно бы винить въ этомъ тогда, если бы въ ней не содержалось несомнѣнныхъ началъ и твердыхъ залоговъ къ желаемому благоденствію обществъ человѣческихъ. Но кто можетъ утверждать сіе? Самые хладные къ христіанству признаютъ, что оно заключаетъ въ себѣ все, что нужно къ усовершенію обществъ человѣческихъ. Но это признаніе остается безъ приложенія къ дѣлу: ибо, покажите мнѣ хотя одно общество человѣческое, которое было бы устроено вполнѣ по духу Евангелія. Увы, въ семъ родѣ доселѣ еще не сдѣлано не единаго опыта. А послѣ сего, можно ли обращать въ нареканіе христіанству, если настоящее положеніе обществъ человѣческихъ такъ далеко отъ своего совершенства? Это все равно, какъ если бы кто, оставляя добрыя сѣмена лежать въ своей житницѣ и сѣя вмѣсто ихъ на полѣ плевы, сѣтовалъ бы и жаловался, что его поле не покрывается доброю пшеницею, и что виною сему сѣмена, коихъ онъ же не употребилъ въ дѣло.

Что касается въ частности до взаимныхъ распрей и браней между народами христіанскими, то стоитъ токмо взять въ руки Евангеліе, чтобы видѣть, какъ христіанство осуждаетъ все это, и какъ оно противоположно всякой зависти и враждѣ человѣческой. Вообразимъ, что высокія и святыя правила Евангелія содѣлались правиломъ поведенія не только частныхъ людей, но и цѣлыхъ царствъ, тогда всѣ брани между ними прекратились бы и истребились сами собою, и точно, по выраженію пророка, языкъ на языкъ никогда не возставалъ бы ратію.

Но, для чего воображать, когда можно обратиться за свидѣтельствомъ къ опыту и дѣйствительности? Вспомнимъ первые вѣка христіанства, когда св. вѣра была не однимъ предметомъ внѣшняго уваженія, а дѣйствительнымъ правиломъ жизни и дѣйствій для послѣдователей своихъ; когда крестъ Христовъ возвышался и блисталъ не столько въ храмахъ и алтаряхъ, сколько въ душахъ и сердцахъ истинновѣрующихъ: тогда на самомъ дѣлѣ было то, чего мы желаемъ

теперь отъ христіанства. Весь древній міръ съ объюродѣвшимъ владыкою своимъ—Римомъ непрестанно колебался изъ края въ край отъ междоусобій и браней, то внутреннихъ. то внѣшнихъ; а христіане жили между собою въ глубокомъ мирѣ, не участвуя въ общественныхъ треволненіяхъ. Между язычниками господствовали взаимное нодовѣріе и ненависть: сынъ возставалъ на отца, дочь измѣняла матери, братъ строилъ ковы брату; а между христіанами царствовали любовь и взаимное согласіе: они всѣ и по всему свѣту составляли какъ бы единое семейство. Кто принималъ, напр., крещеніе въ Индіи, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ становился роднымъ и близкимъ христіанину, живущему въ Испаніи и Британіи. Что всего примѣчательнѣе, самая лютость гоненій, воздвигаемыхъ на христіанъ язычниками, не могла заставить христіанъ обратиться къ защищенію себя оружіемъ: они терпѣли самыя ужасныя муки за Христа и умирали тысячами; могли, наполняя собою всѣ области имперіи, самый Римъ и сенатъ,—противопоставить насилію язычниковъ свою собственную силу; могли даже потрясти и разрушить ветшающій колоссъ Римской имперіи: но, слѣдуя правиламъ своей вѣры, ни разу не обнажили меча противу своихъ гонителей, и до конца оставались послушными и мирными гражданами. Вотъ что производило христіанство: до того удаляло оно своихъ послѣдователей отъ всякаго вида вражды и мщенія!

Нынѣ, какъ сами видите, другое! Нынѣ христіане спокойно соединяютъ знамена свои съ знаменемъ Магомета, и несутъ сокровища и жизнь свою на жертву въ поддержаніе падающаго магометанства; но, почему? потому что вѣра христіанская, оставаясь у многихъ на языкѣ, исчезла изъ души и сердца; потому что, вмѣсто божественныхъ правилъ Евангелія, обыкли предаваться водительству одной земной мудрости и разсчетамъ житейскимъ; потому что многіе рѣшились жить и дѣйствовать, какъ бы не было на землѣ другаго Бога. кромѣ разума человѣческаго, другаго спасенія, кромѣ преобладанія и корысти.

Скажите, что при семъ дѣлать вѣрѣ и откровенію, когда имъ не внемлютъ и не хотятъ слѣдовать ихъ указаніямъ и руководству? Что дѣлать самому Промыслу Божію? Связать безумный произволъ человѣческій? Заставить людей невольно идти путемъ любви и смиренія?—Но, царство благодати есть

царство свободы: въ немъ нѣтъ мѣста насилію и необходимости: иначе и оно походило бы на царства человѣческія.

Все это, — подумаетъ еще кто-либо, — справедливо; и однакоже, къ чести вѣры христіанской, яко божественной, желалось бы, чтобы она, въ ознаменованіе своего божественнаго достоинства, и въ земномъ отношеніи оказала,— хотя противъ воли людей, — то благо роду человѣческому, чтобы умирила людей между собою и поселила между ними болѣе любви и взаимнаго уваженія.

Что же? Развѣ уже вовсе не оправдывалось это желаніе? Развѣ не произошло никакой перемѣны во взаимныхъ отношеніяхъ царствъ и народовъ, въ ихъ распряхъ и браняхъ между собою съ тѣхъ поръ, какъ христіанство сдѣлалось,— хотя большею частію по одному имени,—господствующею религіею? Сравните древнія войны народовъ языческихъ съ бранями народовъ христіанскихъ, и вы тотчасъ увидите великую разность между тѣми и другими; и воздадите честь вѣрѣ христіанской между прочимъ и за то, что она самыя войны умѣла и возмогла сдѣлать человѣколюбнѣе и, такъ сказать, мирнѣе. Укажемъ на одинъ въ семъ отношеніи примѣръ: кто изъ христіанскихъ полководцевъ и завоевателей позволилъ бы себѣ, подобно Тамерлану, воздвигнуть въ память о себѣ пирамиду изъ ста тысячъ головъ, для сего именно нарочно убитыхъ,—уже побѣжденныхъ и обезоруженныхъ,— непріятелей?...

Но зачѣмъ всегда углубляться въ древность? Довольно обратить вниманіе на брань настоящую. Конечно, она служитъ и будетъ служить ко всегдашнему стыду христіанства, представляя противоестественное сочетаніе Креста съ луною Магометовою, въ пользу мусульманства и во вредъ восточныхъ христіанъ; но, при всемъ безразсудствѣ объюродѣвшихъ въ гордости и корысти, западныхъ противниковъ нашихъ, кто можетъ сказать, что эта брань не была бы соединена еще съ большими свирѣпостями, если бы она ведена была съ нами одними поклонниками Магомета? Первые шаги ихъ на землю нашу въ предѣлахъ Иверіи и внезапно захваченное ими укрѣпленіе св. Николая достаточно показали, чего надлежало ожидать отъ ихъ изувѣрства, если бы оно не было удерживаемо и смягчаемо ихъ христіанскими союзниками.

Соображая все сіе, дадимъ, братіе, славу Богу! — Хри-

стіанство, хотя ведетъ людей на небо, но и для земли сдѣлало болѣе, нежели сколько могли сдѣлать вся мудрость и все искусство человѣческое. О вѣрѣ христіанской можно сказать словами св. Іоанна, что это свѣтъ, который свѣтитъ и во тьмѣ (Іоан. 1, 4). Ибо, на что густѣе и непроницаемѣе тьмы, коею покрыто человѣчество, и по его растлѣнной природѣ и по множеству страстей человѣческихъ, изъ коихъ каждая образуетъ вокругъ себя облако тьмы? Но свѣтъ Евангелія, какъ солнце, проникаетъ съ благотворною теплотою своею во всѣ концы вселенныя, ко всѣмъ народамъ, во всѣ степени и, такъ сказать, изгибы человѣчества; и всюду, гдѣ ни появляется, оживляетъ души и сердца не только для неба и жизни вѣчной, но даже для земнаго благоустройства.

А что было бы, если бы люди дали сіять надъ собою свѣту евангельскому во всей его божественной силѣ?—Тогда небо съ его миромъ и радостію сошло бы на землю, *и скинія Божія вселилась бы между человѣками* (Апок. 21, 3).

Будемъ же усердно молить почивающаго во яслѣхъ Спасителя міра, да проникнетъ Своею благодатію хладныя и косныя сердца человѣческія, да обратитъ ихъ къ свѣту Евангелія и расположитъ къ тому, чтобы, оставивъ стропотные пути лжеименнаго разума, начали искать не только вѣчнаго, но и временнаго благоденствія своего въ Его святыхъ уставахъ. Аминь.

Слово на Рождество Христово *).

Велія благочестія тайна· Богъ явися во плоти (1 Тим. 3, 16).

Сію-то велію тайну мы должны возвѣщать вамъ, братіе! И сіе-то явленіе Бога во плоти должно составлять предметъ нашей проповѣди къ вамъ... Не удивляйтесь послѣ сего, если мысль наша иногда оскудѣваетъ, и языкъ нашъ нѣмѣетъ предъ вами. Кто въ состояніи исповѣдать неисповѣдимое, изглаголать неизглаголанное? Если бы вмѣсто насъ предъ вами стали пророки и апостолы, то и они не въ состояніи были бы раскрыть всю глубину и обнять всю высоту сей тайны. *Велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти!*

*) Печатано съ рукописи.

Впрочемъ, это отнюдь не значитъ того, чтобы сія тайна состояла изъ однѣхъ непонятныхъ вещей, или чтобы въ ней находилось что-либо противное разуму человѣческому. Нѣтъ, эта тайна — какъ солнце; на нее нельзя токмо взирать прямо и видѣть существо ея, но дѣйствительность и благотворное вліяніе, также какъ солнца, можетъ ощущать всякій, и самый великій мудрецъ и самый послѣдній простолюдинъ. Посему-то, какъ-бы въ чувственное изображеніе сей истины, мы видимъ у яслей Спасителя и мудрецовъ восточныхъ съ ихъ дарами, и пастырей виѳлеемскихъ, съ ихъ простотою и смиреніемъ.

И какъ астрономы, не имѣя возможности прояснить существо солнца, при его же свѣтѣ опредѣляютъ всѣ перемѣны съ нимъ и отъ него происходящія: такъ и мы, не могши прояснить тайны явленія Бога во плоти, можемъ, при ея же свѣтѣ въ Евангеліи, узнать ея важность, основаніе и благотворныя послѣдствія.

Входить въ разсужденіе о семъ со всѣхъ сторонъ былобы не по краткости настоящаго времени: посему изберемъ, для примѣра, одну, самую, повидимому, малодоступную, а именно: покажемъ основаніе сея тайны въ самой природѣ человѣческой.

Итакъ, существо велiей тайны виѳлеемской состоитъ въ томъ, что Богъ явился во плоти. Понять образъ сего явленія превыше нашего разума, но не превыше разума—видѣть, что явленіе Бога во плоти—хотя не въ такой полнотѣ, служитъ основаніемъ самаго бытія каждаго изъ насъ, яко человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, взойдемъ мыслію къ происхожденію рода человѣческаго. Какъ созидается человѣкъ? Персть берется отъ земли, а душа вдыхается непосредственно Самимъ Богомъ. И какая душа? Подобная Богу. Посему-то человѣкъ есть образъ Божій, или, такъ сказать, малый богъ. Итакъ, вотъ первое явленіе Бога во плоти человѣческой. Конечно, сіе явленіе гораздо слабѣе того явленія во плоти, которое узрѣлось въ лицѣ Спасителя нашего. Но оно, видимо, содержитъ въ себѣ нѣчто подобное, и служитъ знакомъ большихъ явленій.

Обратимся къ самому существу души. Не смотря на ея униженное состояніе, въ ней разительно отпечатлѣвается

явленіе Бога во плоти. Какого совершенства божественнаго не найдемъ въ ней—въ маломъ видѣ? Сочтемъ самыя большія, повидимому несообщимыя.... (Неокончено).

Слово въ день Рождества Христова.

Великое и поучительное зрѣлище представляютъ Виѳлеемъ и Іерусалимъ во время явленія на свѣтъ обѣтованнаго Искупителя міра. Кто не прославитъ съ благоговѣніемъ предвѣчное Отроча, грядущее доставить благо всѣмъ и каждому, и не смотря на свою безвѣстность и смиреніе, подвергающееся гоненіямъ Ирода? Кто не изумится радостно, при видѣ восточныхъ мудрецовъ, воззванныхъ явленіемъ небеснымъ, и грядущихъ поклониться Царю, Коего они не вѣдаютъ ни имени, ни мѣста рожденія? Кто не поболитъ сердечно о Іерусалимѣ, мятущемся отъ вѣсти о своемъ спасеніи? Наконецъ, кто не почувствуетъ ужаса и отвращенія къ Ироду, представляющемуся лисомъ, дабы потомъ явиться, каковъ есть, тигромъ? Сколько предметовъ для размышленія, поученія, удивленія и безграничнаго благоговѣнія предъ судьбами Промысла!...

Но, братіе мои, мы сознали бы только половину дѣла, если бы въ настоящіе дни занялись токмо размышленіемъ о томъ, что во дни Спасителя нашего было въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ, а не обратили вниманія на собственное сердце. Ибо, если мы не всуе носимъ имя христіанъ, то въ нашемъ сердцѣ должно происходить подобное тому, что было въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ, потому что Іисусъ Христосъ для того и родился въ Виѳлеемѣ *единожды,* дабы присно раждаться въ душахъ и сердцахъ вѣрующихъ въ Него. — Это истина, разлитая во всѣхъ книгахъ новаго завѣта; это, можно сказать, сущность нравственнаго ученія апостоловъ. По единодушному свидѣтельству ихъ, каждый истинный христіанинъ есть христоносецъ, такъ что Іисусъ Христосъ живетъ въ немъ и дѣйствуетъ.

Думаете ли же, что рожденіе Его въ насъ совершается безъ всякихъ дѣйствій противныхъ со стороны врага нашего? Ахъ, здѣсь нерѣдко бываетъ болѣе смущеній, потрясеній, насилія и злобы, нежели было въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ.

Если есть здѣсь волхвы мудрые и пастыріе смиренные, то есть и книжники невѣрные, и Ироды неистовые.

И на сіе-то мы должны обращать все наше вниманіе. Ибо Иродъ іерусалимскій не могъ погубить Отроча въ Виѳлеемѣ; а Иродъ нашъ внутренній можетъ погубить Его, въ сердцѣ нашемъ. Кто сей Иродъ? Это—нашъ ветхій, плотскій человѣкъ; это—наше грѣховное нечистое самолюбіе; это—наша злая воля! Въ самомъ дѣлѣ, сколько есть людей, кои чувствовали внутри себя благодатное присутствіе Спасителя своего, а потомъ по небреженію, лишились сей благодати, содѣлались, якоже Виѳлеемъ, послѣ исшествія изъ него Спасителя.

Войдемъ же размышленіемъ внутрь сердца нашего, и посмотримъ, что тамъ происходитъ при благодатномъ рожденіи Спасителя.

Тайна возрожденія нашего во Христѣ, или, что тоже, рожденіе Его въ насъ совершается, какъ и тайна виѳлеемская, въ безвѣстности отъ нашего разума, ибо совершается непосредственно Самимъ Богомъ. *Духъ, идѣже хощетъ, дышитъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ человѣкъ, рожденный отъ Духа* (Іоан. 3. 8).

Но нельзя же ей не придти въ извѣстность: умъ, подобно волхвамъ, является на поклоненіе, самыя низшія способности, подобно пастырямъ, спѣшатъ на срѣтеніе чуда.

При сихъ движеніяхъ силъ душевныхъ, достигаетъ вѣсть до Ирода. Іерусалимъ ветхій — плоть и кровь смущаются... *(Неокончено).*

Слово въ навечеріе Новаго Года.

Настоящій вечеръ, братіе, служитъ послѣднимъ предѣломъ прошедшаго года: завтра мы пробудимся уже въ новомъ лѣтѣ.—Но пробудимся ли? Всѣ ли пробудимся?—И сего не вѣдаемъ заподлинно: тѣмъ паче не знаемъ, что ожидаетъ каждаго изъ насъ въ наступающемъ лѣтѣ. Продлится ли счастіе тѣхъ, коимъ не остается ничего искать, кромѣ продолженія своихъ радостей? Осушатся ли слезы того, коему не остается ничего желать, кромѣ конца страданій? Принесетъ ли земля плодъ утружденному дѣлателю, или погребетъ невозвратно въ нѣдрахъ своихъ сѣмена, ей ввѣренныя?—По-

чіютъ ли народы въ мирѣ, или новый вихрь брани возьмятетъ лице земли? Послѣдуетъ ли благорастворѐніе воздуха, или какой-либо Ангелъ смерти придетъ паки одесятствовать грады и веси?—Все это, и великое и малое, и касающееся и цѣлыхъ народовъ и насъ съ тобою, слушатель, покрыто непроницаемою завѣсою, запечатано седмью печатями.

Почему запечатано? Ужели невозможно было, чтобы человѣкъ и будущее зналъ такъ же ясно, какъ настоящее и прошедшее? Но примѣръ многихъ святыхъ мужей, кои, обладая даромъ прозорливости, видѣли будущее, самое отдаленное и случайное, показываетъ противное.—Человѣкъ могъ вмѣстить способность провидѣть будущее: но въ настоящемъ состояніи своемъ не могъ вмѣстить ее безъ вреда для себя; потому и лишенъ ея на время.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, какая радость отцу семейства, окруженному веселящимися домочадцами, провидѣть, что предметъ его любви обреченъ въ слѣдующемъ году гробу? Какое утѣшеніе проповѣднику слова Божія заранѣе знать, что всѣ слова его останутся безъ дѣйствія надъ сердцами его слушателей? Какая польза любителю наукъ предвидѣть, что онъ не окончитъ великаго открытія, имъ начатаго? Явно, что во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ гораздо лучше не знать будущаго.

«Но знаніе будущаго, скажешь, полезно было бы для нравственности людей и спасало бы отъ страстей и грѣховъ, не давая выходить изъ памяти концу нашей жизни». Но, что для этой цѣли нужно знать изъ будущаго, то намъ все открыто, то мы всѣ давно знаемъ. Намъ особенно нужна для сего извѣстность о нашей смерти. И что извѣстнѣе сего? Не знаемъ только, когда умремъ; но это еще болѣе должно производить въ насъ спасительный страхъ и держать на уздѣ наши страсти. Намъ нужно еще знать, что будетъ съ нами по смерти: и кто можетъ сказать, чтобы это было неизвѣстно? Рай и адъ, судъ и награда, открыты въ Евангеліи для всѣхъ и каждаго. Не знаемъ токмо того, что служитъ предметомъ для любопытства: какъ напр., когда послѣдуетъ кончина міра, гдѣ именно будетъ судъ, какъ будутъ жить праведники. Но знаніе сихъ вещей ничего не прибавило бы къ нашему спасенію, а потому и не дано намъ.

Но, посмотрите, что въ замѣнъ того дано всѣмъ! Дано

все настоящее. Явно, что оно важнѣе и прошедшаго и будущаго; ибо отъ него зависитъ то и другое:—и вотъ, что есть самаго важнаго во времени, то Господь временъ предоставилъ каждому изъ насъ. Дѣйствуй, какъ хочешь, распоряжай, чѣмъ можешь, какъ угодно; исполняй законъ, или слушай страстей; признавай надъ собою Творца, или отвергай Его Промыслъ; иди на небо, или въ адъ: все это въ твоей волѣ, отъ тебя зависитъ, тебѣ предоставлено. Тутъ само всемогущество Божіе остается какъ бы безъ дѣйствія и нисколько не препятствуетъ. Любовь Божія зоветъ постоянно къ себѣ, дѣйствуетъ въ нашемъ разумѣ и совѣсти, учитъ внѣшними событіями жизни; вразумляетъ гласомъ Пророковъ и Апостоловъ: но свобода наша пребываетъ ненарушимо: каждую минуту можемъ обратиться, куда хотимъ, ко Отцу небесному, или врагу нашего спасенія. И, что еще важнѣе, пользуясь хорошо настоящимъ, мы можемъ благотворно дѣйствовать и на будущее: ибо что сѣется, то будетъ и пожато:—даже на прошедшее: ибо если хорошо проводится настоящее, то симъ изглаждается худое прошедшее.

Познаемъ же, братіе, милость Божію къ намъ и наше преимущество: оставимъ покушеніе прозрѣвать въ будущее, и мучить себя догадками: будемъ пользоваться тѣмъ, что намъ предоставлено, употребляя настоящимъ временемъ какъ должно. Въ награду за сіе мы спокойно будемъ идти навстрѣчу всякому будущему. Принесетъ ли оно намъ счастіе, съ добродѣтелью, мы не ослѣпимся блескомъ его. Принесетъ ли несчастіе, при добродѣтели и чистой совѣсти, мы равнодушно перенесемъ его и обратимъ къ вѣчному благу нашей души. Придетъ ли за нами самый Ангелъ смерти,—и онъ найдетъ насъ съ горящимъ свѣтильникомъ вѣры и любви. Аминь.

Слово въ навечеріе новаго года, на всенощномъ бдѣніи.

И еще нѣтъ одного года, возлюбленные братіе! Вѣроятно, онъ казался медленъ и дологъ для нѣкоторыхъ; но теперь, что бы вы ни дѣлали, не можете уже продолжить его и

единою минутою. Таково время!—Въ настоящемъ мы можемъ располагать днями и часами своими, какъ угодно: но коль скоро какой-либо изъ нихъ прошелъ, то уже не возвратится никогда. Какъ посему надобно быть всѣмъ намъ осмотрительными въ поступкахъ своихъ, когда все, что ни дѣлается тамъ, остается на всю вѣчность! Ибо, при такомъ порядкѣ вещей, какъ хорошій поступокъ нашъ останется хорошимъ навсегда и будетъ служить въ украшеніе нашей душѣ; такъ и худой поступокъ останется худымъ на всегда же, и будетъ составлять вѣчное пятно на нашей совѣсти. Теперь приходитъ сему несчастію на помощь иногда забвеніе: худой поступокъ, забытый, престаетъ какъ бы существовать для насъ и не тяготитъ уже собою души; но это забвеніе только на время. И въ этой жизни, по временамъ, живо припоминается многое изъ забытаго; а съ переходомъ въ вѣчность душа вспомнитъ все прошедшее; ей какъ въ зеркалѣ представится вся ея жизнь и всѣ поступки. Какъ же тяжело и мучительно будетъ вдругъ увидѣть на себѣ всѣ прошедшіе грѣхи и преступленія! Увидѣть это въ продолженіе всей вѣчности!

А между тѣмъ, братіе мои, сколько грѣховъ у каждаго! Возьмемъ одинъ прошедшій годъ: что увидитъ въ немъ каждый изъ насъ? Увидитъ, что онъ весьма много не исполнилъ изъ того, что могъ, и долженъ былъ исполнить. Ко многимъ и прекраснымъ дѣламъ представлялись случаи самые удобные; собственное сердце наше побуждало насъ сдѣлать ихъ; но мы не сдѣлали: потеря великая! Это будетъ пустой промежутокъ въ нравственномъ бытіи нашемъ на цѣлую вѣчность.

Но мы, въ прошедшемъ году, не только не дѣлали всего возможнаго для насъ добра, а часто дѣлали прямое зло и притомъ не легкое только, которое представлялось само собою, а даже трудное, коего надлежало искать и какъ бы творить изъ ничего. Чѣмъ извинить себя въ семъ? У всѣхъ была возможность не дѣлать зла; и каждый, не потерявшій своей совѣсти, не можетъ не скорбѣть теперь о грѣхахъ своихъ, коими раздражена правда Божія, нарушена святость закона, очернены душа и сердце. Но сколько ни скорби и не сѣтуй: что сдѣлано, то—невозвратно! Можете не дѣлать впредь худаго, но прежнее останется и вѣчно будетъ приносить плоды по виду своему.

Вообще, взоръ на прошедшій годъ, если смотрѣть на него по-христіански, долженъ исполнить каждаго изъ насъ унынiемъ и печалію, стыдомъ и сокрушенiемъ. Одна надежда,—и это удѣлъ токмо истинно вѣрующихъ,—на Спасителя и Господа нашего, Іисуса Христа. Для Него, для Всемогущаго и Вѣчнаго, нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, а единое настоящее. Посему для Него совершенно возможно то, что не доступно для насъ: Онъ можетъ изгладить зло, нами допущенное, можетъ восполнить добро, нами опущенное, и вообще можетъ передѣлать и исправить. что сдѣлано не такъ, какъ должно. Къ Нему, убо, прибѣгнемъ, братiе мои, въ концѣ настоящаго года со грѣхами и неправдами нашими, яко единому могущему изгладить ихъ силою креста Своего. Но прибѣгнемъ не съ холодною токмо молитвою и прошенiемъ, а какъ осужденный на смерть преступникъ прибѣгъ бы къ тому, кто можетъ спасти его отъ казни.

Между тѣмъ, прибѣгая къ милосердію Спасителя, сдѣлаемъ и съ своей стороны, что можемъ, ко изглажденію—не грѣховъ, они невозвратны для насъ,—а ихъ послѣдствій. Учинена ли какая-либо неправда ближнему,—постараемся вознаградить ее оказанiемъ ему должнаго. Поданъ ли какой-либо соблазнъ поведенiемъ нашимъ,—поспѣшимъ обезсилить его примѣромъ противнаго.

Между тѣмъ, несчастное наше прошедшее да послужитъ намъ урокомъ на будущее. Если прошедшее невозвратно, то настоящее всегда въ полной нашей власти. Итакъ, постараемся обезопасить себя отъ тѣхъ грѣховъ, коимъ мы подвергались въ прошедшемъ году; вникнемъ въ причины ихъ и поспѣшимъ заградить навсегда всѣ входы злу. А чтобы намъ, и принявъ благое намѣренiе—быть добрыми, не облѣниться на стражѣ своей души и совѣсти, будемъ памятовать, что время жизни нашей, и безъ того краткое, сократилось нынѣ еще однимъ годомъ, что мы ближе подошли къ концу бытiя нашего на землѣ, и что намъ предстоитъ смерть и судъ, за коими вѣчность, или блаженная для праведныхъ, или злополучная—для грѣшныхъ. Аминь.

Слово на Новый Годъ.

Господи, упованіе мое отъ юности моея. Въ Тебѣ утвердихся отъ утробы, отъ чрева матере моея. Ты еси мой покровитель о Тебѣ пѣніе мое выну (Псал. 70, 6).

Святый Давидъ находился нѣкогда въ одномъ изъ тѣхъ злополучныхъ состояній, за кои удостоился быть не только вдохновеннымъ провозвѣстникомъ, но и одушевленнымъ прообразомъ Божественнаго Страдальца—Господа Іисуса. Лютые враги (такъ онъ самъ описываетъ свои бѣдствія) окружили его, какъ пчелы сотъ; стрѣлы бѣдствій проникли до души его; онъ сдѣлался предметомъ поношенія для всѣхъ знаемыхъ; силы его истощились; Самъ Господь, благодѣявшій Давиду, удалился отъ него: — состояніе ужасное!

Но праведникъ не изнемогаетъ! Не находя утѣшенія въ настоящемъ, онъ обращается къ прошедшему; приводитъ себѣ на память многоразличныя событія, съ нимъ случившіяся; проходитъ мыслію всѣ возрасты своея жизни; восходитъ къ ея началу; ищетъ Господа, отъ него удалившагося, по всѣмъ слѣдамъ бытія своего.

И вотъ, мракъ разсѣевается! Промыслъ, не зримый въ настоящемъ, открывается въ прошедшемъ; вѣрующій страдалецъ видитъ, что Господь не разъ подвергалъ его великимъ и лютымъ бѣдамъ, но всегда спасалъ отъ нихъ; что чѣмъ горчае бывала чаша искушеній, тѣмъ большею всегда вознаграждалась сладостію; видитъ,—и, прошедшею помощію увѣряясь въ будущемъ избавленіи, восклицаетъ: *Господи, упованіе мое отъ юности моея; въ Тебѣ утвердихся отъ утробы, отъ чрева матери моея. Ты еси мой покровитель: о Тебѣ пѣніе мое выну!*

Богъ Давидовъ, братіе, есть вмѣстѣ нашъ Богъ и Господь. И естественная вѣра научаетъ насъ, что Промыслъ управляетъ жизнію каждаго человѣка; а Евангеліе увѣряетъ, что безъ воли Отца небеснаго не можетъ упасть съ главы нашей ни одного волоса (Лук. 12, 7). Но много ли людей, кои, бывъ принуждены, подобно Давиду, обратиться къ прошедшей жизни своей, подобно ему, могли бы находить въ ней утѣшительные слѣды Промысла, имъ благодѣявшаго? Напротивъ, между христіанами есть немалое число даже такихъ, для коихъ собственная жизнь служитъ источникомъ

сомнѣній о Провидѣніи. — Почему же не находятъ многіе въ своей жизни Промысла Божія, когда онъ, по неложному ученію вѣры и разума, управляетъ жизнію каждаго?

Предметъ сей, братіе, стоитъ, какъ сами видите, самаго внимательнаго изслѣдованія: ибо, не умѣя находить въ своей жизни слѣдовъ Промысла, мы чрезъ сіе самое лишаемъ себя величайшаго утѣшенія среди страданій, и произвольно подвергаемся унынію, а иногда и отчаянію. Итакъ, посвятимъ настоящія минуты на размышленіе о путяхъ Промысла Божія въ жизни человѣческой.

Пути Божіи, братіе, вообще таинственны: ибо *отстоятъ отъ путей нашихъ, какъ небо отъ земли* (Исаія 55, 9): но особенно непостижимы пути Промысла о родѣ человѣческомъ. Поелику человѣкъ созданъ свободнымъ, предназначенъ дѣйствовать самъ по себѣ, то Творецъ премудрый, чтобъ не нарушить сего преимущества, управляетъ судьбою нашею невидимо и непримѣтно. Съ нами въ семъ отношеніи происходитъ то же, что съ малыми дѣтьми, отъ которыхъ воспитатели скрываютъ иногда свое присутствіе, дабы дать имъ полную свободу дѣйствовать по своей волѣ.

Свойство нашей жизни весьма много благопріятствуетъ такой сокровенности Промысла. Ибо что есть жизнь наша? Это непрестанно развивающійся свитокъ, наполненный множествомъ письменъ, коего одна часть всегда сокрыта. Мы часто не въ состояніи понимать хорошо смысла буквъ, нами же начертанныхъ; тѣмъ менѣе способны замѣчать тѣ, такъ сказать, поправки, кои дѣлаются въ ней невидимою рукою Промысла. — Что есть жизнь наша? Это непрестанно увеличивающаяся ткань, въ составъ коей входитъ безчисленное множество разнородныхъ нитей, коей поверхность видна всякому, а основаніе — никому. Для насъ трудно опредѣлить, какимъ образомъ сіи нити, при всей ихъ разнородности, сочетаваются въ одинъ составъ; тѣмъ труднѣе указать, какъ невидимый перстъ всемірнаго Художника производитъ въ сей ткани новые изображенія и виды.—Что есть жизнь наша? Это совокупность безчисленныхъ и разнородныхъ явленій, кои, подобно одушевленнымъ тѣнямъ, движутся вокругъ нашего сознанія, поражаютъ чувства, занимаютъ воображеніе, питаютъ разсудокъ, радуютъ или печалятъ сердце, и вскорѣ исчезаютъ, оставляя слабый слѣдъ въ памяти. Всѣ мы зри-

тели и участники сего зрѣлища; но еще ни одинъ мудрецъ не открылъ, какъ оно происходитъ.

При таковой таиственности собственной нашей жизни, чего необходимо требуется отъ тѣхъ, кои желаютъ видѣть въ своей жизни слѣды Промысла? Требуется, во-первыхъ, постояннаго и строгаго вниманія къ своей жизни и Промыслу Божію; во-вторыхъ—вѣрнаго и чистаго взгляда на жизнь и на Промыслъ. Это главныя и необходимыя условія: ибо и тотъ, кто мало смотритъ и тотъ, кто худо смотритъ,—равно или ничего не видятъ, или видятъ весьма мало, или превратно. Сіи-то необходимыя условія чаще всего и остаются безъ исполненія.

Въ самомъ дѣлѣ, сколько людей, кои совершенно невнимательны къ своей жизни! Подобно безпечнымъ плавателямъ, они довольны, что корабль ихъ жизни плыветъ по бурному потоку времени, не принимая труда знать, какъ онъ перемѣняетъ свое направленіе, какими пользуется вѣтрами, въ какія долженъ заходить пристани,—не угрожаетъ ли ему опасность, нѣтъ ли гдѣ поврежденія. Можно было бы подумать, что сіи люди во всемъ положились на Промыслъ, какъ плаватели полагаются на опытнаго кормчаго, и оттого такъ безпечны. Нѣтъ, они ни мало не думаютъ о Богѣ, не думаютъ даже и о самихъ себѣ: механическое исполненіе извѣстныхъ дѣлъ, увеселенія, связи, игры—вотъ ихъ занятія! Примѣръ, привычка, пристрастіе, своенравіе — вотъ ихъ правила! Знаніе по-наслышкѣ нѣкоторыхъ истинъ вѣры, присутствіе, по случаю или необходимости, при совершеніи небольшого числа священныхъ обрядовъ — вотъ ихъ религія! — Судите сами, можно ли ожидать, чтобы такіе люди находили въ своей жизни слѣды Промысла?

Дабы видѣть, что можетъ произвести подобная невнимательность, стоитъ только вспомнить о язычникахъ. Предъ ними такъ, какъ и предъ нами, былъ весь великолѣпный міръ Божій, въ коемъ все возвѣщаетъ о премудрости Творца. Кромѣ сего премудрость сія употребляла, по свидѣтельству Апостола, особенныя многоразличныя средства для ихъ вразумленія о себѣ. Однако же язычники не уразумѣли, въ твореніи, Творца, преклонили колѣна предъ идолами, рекли древу: *ты отецъ мой, и камню: ты мя родилъ еси* (Іерем. 2, 27).

Если же язычники. отъ невнимательности своей, не обрѣли Бога въ цѣломъ мірѣ: то удивительно ли, когда многіе по той же языческой невнимательности не находятъ Его въ своей жизни; ибо что наша жизнь предъ жизнію цѣлой вселенной?

Въ нѣкоторыхъ людяхъ происходитъ, повидимому, противное; но въ самомъ дѣлѣ то же: то-есть, въ нихъ примѣчается великая внимательность къ своей жизни, но за то недостаетъ вниманія къ Промыслу. Для такихъ людей размышленіе о собственной жизни служитъ любимымъ предметомъ занятія; они не оставляютъ безъ вниманія ни одного случая; вникаютъ въ начала и послѣдствія всѣхъ перемѣнъ, съ ними происходящихъ; изъ всего извлекаютъ правила для своего поведенія; знаютъ искусство жить во всѣхъ его тайнахъ; могутъ разсказать и изъяснить исторію свою отъ самаго младенчества: это ихъ совершенства! Но вотъ и недостатки: они никогда не разсматривали этой исторіи въ отношеніи къ Промыслу Божію, и удивились бы, услышавъ, что безъ Него столь же мало можно изъяснить жизнь каждаго человѣка, какъ и бытіе міра. По мнѣнію сихъ людей, все происходящее съ ними, есть или плодъ ихъ благоразумія, или игра страстей, или дѣло внезапности и случая; признаніе невозможности изъяснить что-либо причинами для нихъ кажется постыдною слабостію ума.—Судите сами, можно ли ожидать, чтобы и сіи люди, недовѣрчивые и боящіеся Промысла, находили его въ своей жизни?

Дабы видѣть, что можетъ производить и сія, такъ сказать, внимательная невнимательность къ своей жизни, обратимся опять къ язычникамъ, но уже не простымъ, а философамъ. Какихъ трудовъ не поднимали они въ изслѣдованіи природы?—Нѣкоторыхъ изъ нихъ можно назвать мучениками ихъ науки. И однако же были философы (жаль, что для сего нѣтъ другаго имени), кои во всемъ мірѣ видѣли одинъ случай. Отчего? Оттого, что не хотѣли видѣть Провидѣнія, желали обойтись безъ Творца, воображали сами, такъ сказать, создать вселенную. Если же древніе философы по невнимательности къ Промыслу не находили его въ цѣломъ мірѣ, то удивительно ли, что потомки ихъ (нравственные), по той же причинѣ, не находятъ его въ своей жизни?—Ибо опять скажемъ, что жизнь наша предъ жизнію вселенной?

Нѣтъ, не такъ поступали святые Божіи человѣки! Мы

удивляемся, какъ они на всѣхъ путяхъ жизни своей видѣли Господа, и думаемъ изъяснить сіе тѣмъ, что Промыслъ Божій особеннымъ образомъ участвовалъ въ приключеніяхъ ихъ жизни. Не отвергая и сего, — ибо Самъ Господь называетъ ихъ Своими *присными и другами* (Іоан. 15, 14. 15; Іак. 2, 23),—должно сказать, что святые человѣки всѣ были чрезвычайно внимательны къ путямъ Божіимъ. Посмотримъ на одного Давида. Какъ у Царя, сколько у него заботъ, предпріятій, трудовъ, огорченій! Однако же, о чемъ размышляетъ онъ на царственномъ ложѣ своемъ, въ ту пору, когда весь Израиль и вся природа безмолвствуетъ и покоится? Онъ размышляетъ о судьбахъ правды Божіей, о томъ, какъ Господь вознесъ его отъ стада на престолъ израильскій. Въ *полунощи востахъ,* говоритъ онъ къ Богу, *исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея* (Псал. 118, 62). И востаетъ въ полунощи тогда, когда, по его же словамъ, *уже седмерицею днемъ хвалилъ Господа* (ст. 164)! Вотъ примѣръ, коему подражать, вотъ правило, коему послѣдовать должно! Надобно возлюбить пути Господни, и они содѣлаются для насъ примѣтными. «Дай любящаго, говоритъ блаженный Августинъ, и откроется любимый». Если бы мы постоянно наблюдали за своею жизнію, имѣли дѣтское довѣріе къ той спасительной истинѣ, что безъ воли Божіей дѣйствительно не падаетъ съ головы нашей ни одного волоса: то сколько разъ, при размышленіи о нашей судьбѣ, тотъ же самый разсудокъ нашъ, который теперь недоразумѣваетъ, теряется въ догадкахъ, не знаетъ, что дѣлать, — сколько бы разъ онъ самъ остановилъ ваше вниманіе, говоря: «смотри, это рука Божія! Это она, всемогущая, отклонила отъ тебя то или другое бѣдствіе, низложила предъ тобою ту или другую преграду,—спасла отъ тѣхъ золъ, кои отяготѣли надъ тысячами подобныхъ тебѣ! Это она, премудрая, провела тебя невредимымъ сквозь столько опасностей и затрудненій, поставила въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можешь не только самъ быть покоенъ и счастливъ, но и назидать счастіе другихъ! Это она, всеблагая, ниспослала тебѣ столько неожиданныхъ радостей, столько незаслуженныхъ даровъ, вознаградила столько, повидимому, невознаградимыхъ потерь, согрѣвала и питала твое младенчество, обуздывала и исправляла юность, благословляла и осѣняла мужество».

«Но есть, скажетъ кто-либо, люди весьма внимательные, кои со всѣмъ усердіемъ дѣтей желали бы видѣть и лобызать отеческую десницу Промысла; однако же лишены сего счастія». Дѣйствительно, братіе, есть такіе люди; но въ отношеніи къ нимъ существуютъ и другія причины: можно сказать утвердительно, что въ такихъ людяхъ недостаетъ благовременнаго, вѣрнаго и чистаго взгляда на Провидѣніе.

И, во-первыхъ, когда большею частію обращаются къ путямъ Промысла, и ищутъ въ нихъ утѣшенія?—Когда поражены какимъ-либо бѣдствіемъ; когда ни въ комъ и ни въ чемъ на землѣ не находятъ отрады; когда умъ смущенъ, чувства помрачены, сердце подавлено скорбію. То-есть, тѣ минуты, въ которыя не рѣдко забываютъ самихъ себя, которыя почитаются неспособными къ размышленію о вещахъ обыкновенныхъ, тѣ самыя минуты избираютъ для размышленія о путяхъ Промысла! Справедливо, что во время скорби для насъ нужнѣе, нежели когда-либо, утѣшительная увѣренность въ Провидѣніи; но столько же несомнѣнно и то, что мы тогда бываемъ менѣе всего способны идти по слѣдамъ Провидѣнія. Много ли Давидовъ, кои, находясь среди огня искушеній, сохранили бы всю вѣру, могли бы оставаться спокойными созерцателями отеческой любви Божіей и тогда, когда она сокрывается подъ видомъ гнѣва и вражды? Святое искусство сіе есть плодъ долговременной опытности; мы не имѣемъ его и, между тѣмъ, отваживаемся на то, что возможно и полезно для однихъ опытныхъ.

Нѣтъ! заблаговременно должно пріучить себя находить утѣшеніе въ Промыслѣ. Когда умъ свѣтелъ, чувства легки, сердце мирно: тогда надобно размышлять о своей жизни и научаться изъ нея судьбамъ правды Божіей. Таковыя минуты, большею частію, слѣдуютъ за усердною молитвою: посему молитва должна служить, такъ сказать, приступомъ къ симъ размышленіямъ. Кто пріобрѣтетъ въ семъ святомъ дѣлѣ навыкъ, тотъ, подобно Давиду, не падетъ и среди искушеній. А безъ сего, во время бѣдствій, лучше искать утѣшенія отъ другихъ, нежели полагаться на собственное размышленіе о Богѣ и Его Промыслѣ.

Какимъ еще желаютъ видѣть дѣйствіе Промысла въ своей жизни? Обыкновенно болѣе или менѣе чудеснымъ; все естественное, простое, всеобщее, предварительно исключаютъ

изъ круга сихъ дѣйствій. Какъ будто бы область Провидѣнія небеснаго состояла изъ однихъ чудесъ и чрезвычайностей! Какъ будто бы то, что для насъ кажется необыкновеннымъ и рѣдкимъ, было таковымъ же и для Самого Бога! Въ семъ случаѣ мы не походимъ сами на себя: обыкновенно мы любимъ все изъяснять, а здѣсь хотимъ видѣть неизъяснимое; мы огорчаемся, если не видимъ причины чего-нибудь, а здѣсь не довольны, что видимъ оную! И что за нужда,—какимъ образомъ оказана намъ помощь: посланъ ли съ неба Ангелъ, или благотворительный человѣкъ?—довольно, если мы спасены. Израильтяне, умиравшіе отъ жажды, ужели бы не должны были благодарить Бога, если бы Онъ, не изводя изъ камени воду, указалъ имъ оную среди каменій? Въ птицахъ небесныхъ, въ лиліяхъ полевыхъ все естественно: однако же Спаситель представляетъ ихъ разительнымъ примѣромъ отеческаго попеченія Божія о тваряхъ и человѣкѣ (Матѳ. 6, 28).

Нѣтъ, желая видѣть съ своей жизни слѣды сего попеченія, мы должны предварительно освободить себя отъ пристрастія къ чудесному: иначе и о насъ можетъ быть сказано: *родъ лукавъ знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему* (Матѳ. 12, 39). Подобно онымъ израильскимъ старцамъ (Исх. 24, 10), будемъ довольны, если намъ дано будетъ увидѣть въ приключеніяхъ нашея жизни хотя малые слѣды Бога, намъ благодѣющаго: а бесѣдовать съ Нимъ лицемъ къ лицу предоставимъ Моисеямъ и Давидамъ. Господь и такъ сотворилъ для насъ всѣхъ много чудесъ: извлекъ насъ изъ ничтожества, искупилъ кровію Сына Своего, освятилъ Духомъ Святымъ: и за сіи чудеса мы еще ничѣмъ не заплатили Одно только чудо, коего мы должны ожидать въ жизни отъ Господа, и коего Онъ ожидаетъ, можетъ быть, отъ насъ:—это исправленіе нашего сердца, обновленіе нашея жизни, духовное воскресеніе. Вотъ сего чуда, если не найдетъ кто въ своей жизни,—то горе ему, горе!

Въ какихъ еще приключеніяхъ наиболѣе ищутъ слѣдовъ Промысла? Въ счастливыхъ или несчастныхъ? Но что и спрашивать? Несчастія, вообще, представляютъ чѣмъ-то мрачнымъ и ужаснымъ, о чемъ всего лучше не говорить и не мыслить. Много—если почитаютъ ихъ дѣйствіемъ правосудія Божія, наказующаго наши неправды;—а чтобы они

могли составлять даръ любви Божіей, это не приходитъ и на умъ. Правда, что Отцу небесному, Который есть самая благость, всего приличнѣе было бы открывать Промыслъ Свой одними благодѣяніями. Но что дѣлать, когда мы всѣ поражены лютымъ недугомъ? Милосердый Врачъ, по самой любви Своей, употребляетъ горькія вещества. Что дѣлать, когда мы своевольны, стремимся часто на собственную погибель? Мудрый Пѣстунъ, по самому усердію къ нашему благу, запинаетъ стопы безразсудныхъ дѣтей, дабы не пали въ бездну. Посмотримъ на вселенную: въ ней не только солнце, луна и звѣзды повѣдаютъ славу Божію; но и голодъ и холодъ, *и огнь и духъ бури* (Псал. 148, 8), по замѣчанію св. Давида, прославляютъ имя Божіе. Тоже и въ нашей жизни: что намъ кажется тяжкимъ, прискорбнымъ: то самое можетъ быть прямымъ дѣйствіемъ Промысла Божія о насъ, орудіемъ славы Его въ насъ и нашего благоденствія. Ахъ, братіе, прошло то время, когда мы всѣ были созданы на однѣ радости, введены для обитанія въ рай сладости: засѣявши сами тернами путь къ блаженству, мы не должны роптать, если Промыслъ ведетъ насъ симъ путемъ; слава Ему и благо намъ, если, по крайней мѣрѣ, мы не совращаемся съ него. Пусть стопы наши обливаются кровію: это путь нашего Спасителя, онъ ведетъ къ небесному отечеству. Сердце наше столько огрубѣло, что на немъ не иначе можетъ быть снова начертанъ законъ истины и правды, какъ среди бурь и громовъ (Исх. 19, 16—18).—Будемъ внимательны къ симъ грознымъ гласамъ: и мы, подобно древнимъ израильтянамъ, уразумѣемъ въ нихъ гласъ Господа Бога нашего, Бога отцевъ нашихъ, наказующаго насъ вмалѣ, дабы помиловать милостію великою; увидимъ, что несчастные случаи, отъ коихъ нѣкогда стенало сердце наше, обратились потомъ къ величайшему благу для насъ и для ближнихъ нашихъ,—что исполненіе многихъ желаній, кои мы всѣми силами, но безъ успѣха, старались привести въ дѣйствіе, было бы для насъ зломъ, и повлекло бы за собою пагубныя слѣдствія,—что то самое, о чемъ мы молились, чего просили, надъ чѣмъ трудились напрасно, содержало въ себѣ для насъ гибель; а то, отъ чего мы отвращались, на что смотрѣли, какъ на вредъ и наказаніе, было истиннымъ благословеніемъ, оказавшимся въ перемѣнѣ нашего образа мыслей, въ исправленіи нашего

поведенія, увидимъ,—и возблагоговѣемъ предъ Промысломъ, намъ благодѣявшимъ!

Какимъ еще недостаткамъ подвергаются ищущіе въ своей жизни слѣдовъ Промысла? Большею частію ограничиваютъ дѣйствія его одними собою, а въ себѣ—временными выгодами, тѣлесною жизнію. Какая нужда, что извѣстное бѣдствіе наше было весьма поучительно для другихъ, и нѣкоторые, воспользовавшись вашимъ опытомъ, обратились на путь правый? Если мы сами не ощутили отъ него значительной пользы, то сего достаточно уже, чтобы въ немъ не усматривать Промысла. Какое дѣло, что нѣкоторые горестные случаи были для души нашей истиннымъ врачевствомъ, раздрали предъ очами нашими завѣсу, за которою сокрывалась наша душевная погибель, возвратили намъ добродѣтель, давно потерянную? Если отъ нихъ разстроилось наше внѣшнее состояніе, если урокъ, ими преподанный, сопряженъ съ ущербомъ нашего здоровья или чести: то случаи сіи не отъ Бога, они постигли насъ безъ Промысла. Таковы правила сужденія у нашего самолюбія, у нашего невниманія ко благу ближнихъ и къ собственному благу души нашей! Ужели и Промыслъ Божій долженъ сообразоваться съ ними? Ужели потому, что *око наше лукаво* (Матѳ. 20, 15), и ему надобно престать быть благимъ? Нѣтъ, довольно того, что мы все ограничиваемъ собою, не смотримъ на нужды и пользу другихъ, хотѣли бы себя поставить средоточіемъ и концемъ всего рода человѣческаго и всѣхъ событій въ мірѣ: любовь Божія выше всѣхъ насъ, и потому объемлетъ собою всѣхъ братій нашихъ, чрезъ бѣдствія одного научаетъ другихъ, счастіемъ нѣкоторыхъ назидаетъ всѣхъ, дабы такимъ образомъ снова соединить всѣхъ насъ, кои непрестанно разрываемъ союзъ единства. Довольно того, что мы сами печемся болѣе о тѣлѣ, нежели о душѣ, прилѣпляемся безъ ума къ временному и не помышляемъ о вѣчномъ. Промыслъ вѣченъ и святъ; и потому во всѣхъ своихъ судьбахъ о насъ имѣетъ въ виду не столько блаженство временное, сколько вѣчное, не столько благоденствіе по тѣлу, сколько благосостояніе по духу. Пусть поражается нашъ внѣшній человѣкъ, пусть страдаетъ плоть хотя бы такъ, какъ она страдала у Іова: если духъ возмогаетъ, если *внутренній, потаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. 3, 4) цѣлъ и растетъ, то мы—благоден-

ствуемъ. Вотъ образъ сужденія о насъ Промысла! Какъ бы многое, если не все, представилось намъ въ жизни нашей совершенно инымъ, если бы мы постоянно прилагали къ ней сей святой образъ сужденія! Сколько бы разъ, разсматривая жизнь нашу, мы принуждены были сказать самимъ себѣ: «такъ этому надлежало быть; ибо мы созданы не для земли, а для неба! Такъ, премудрость Божія не должна была попустить сего; ибо она печется не о мнѣ только, но и о всѣхъ!»

При столь многихъ причинахъ, препятствующихъ намъ видѣть въ своей жизни слѣды Промысла Божія, удивительно ли, братіе, что многіе не видятъ его? Не видятъ, ибо не знаютъ хорошо своей жизни, не внимательны къ самимъ себѣ;—не видятъ, ибо останавливаются на поверхности событій, не проникаютъ до основанія ихъ, гдѣ сокрыта рука Промысла,—не видятъ, ибо хотятъ видѣть тогда, когда взоръ помраченъ, не тамъ, гдѣ должно, не въ томъ видѣ, въ какомъ Промыслъ являетъ себя;—не видятъ наконецъ, ибо сужденіемъ о путяхъ Промысла управляютъ самолюбіе и страсти. Освободимъ себя, братіе, отъ сихъ недостатковъ, будемъ въ сужденіи о путяхъ Божіихъ неуклонно слѣдовать правиламъ противоположнымъ; и мы вскорѣ опытно узнаемъ, что Господь *не далекъ* (Дѣян. 17, 27) отъ каждаго изъ насъ.

И какъ Ему быть далекимъ? Развѣ Онъ не вездѣсущъ? Развѣ премудрость и всемогущество Его могутъ гдѣ-либо оставаться безъ дѣйствія? Только языческіе боги были праздными зрителями судьбы человѣческой: нашъ Отецъ небесный непрестанно *дѣлаетъ* (Іоан. 5, 17). Только Ваалы и Веельфогоры могли спать: нашъ Промыслитель *не воздремлетъ, ниже уснетъ, храняй Израиля!* (Псал. 120, 4).—Какъ Ему быть далекимъ отъ насъ? Развѣ не Онъ нашъ Творецъ? не Онъ нашъ Отецъ? Такъ ли мы помнимъ Творца, что забываемъ Того, о Коемъ *живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28)? Такъ ли знаемъ Отца, что сомнѣваемся въ Его попеченіяхъ о дѣтяхъ? Земные отцы, какъ человѣки, *зли суще, не даютъ однакоже чадамъ вмѣсто хлѣба камени* (Лук. 11, 11): Отецъ ли небесный сдѣлаетъ сіе,—Тотъ, Который изъ камени можетъ воздвигнуть Себѣ чадъ (Матѳ. 3, 9)?—Какъ Ему быть далекимъ отъ насъ, когда Онъ иждилъ и иждиваетъ на насъ столько благъ! Чего не далъ Онъ намъ въ

залогъ Своего попеченія о насъ? Земли?—человѣкъ сначала еще поставленъ царемъ ея. Неба?—оно давно обѣщано въ наслѣдіе вѣрнымъ чадамъ. Ангеловъ?—они служатъ нашему спасенію. Будемъ требовать, чего угодно: все получимъ! Нужно ли, чтобы для увѣренія насъ сошелъ Онъ Самъ съ неба, жилъ съ нами, даже умеръ за насъ? И это сдѣлано! Сынъ Божій сходилъ съ неба, обиталъ между человѣками и изъ любви къ намъ положилъ за всѣхъ насъ душу Свою. Послѣ сего кто можетъ сомнѣваться въ попеченіи о себѣ Промысла?

Съ сею вѣрою въ Промыслъ Божій и съ симъ расположеніемъ видѣть его въ приключеніяхъ своей жизни, желаемъ, братіе, вступить вамъ во врата новаго года, твердо вѣруя, что Господь Самъ не замедлитъ явить слѣды Своего отеческаго Промысла тѣмъ изъ васъ, кои, не смежая очей своихъ сомнѣніями, будутъ всегда готовы лобызать съ благоговѣніемъ мудрую десницу Его, какъ бы она не обнаруживала своего присутствія: явно или тайно, сообразно ожиданію, или противъ онаго, дарами любви и милости, или лишеніемъ и ударами вразумляющими. Аминь.

Бесѣда на Новый Годъ.

Сіе убо глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее преходитъ бо образъ міра сего (Слова Ап. Павла къ Коринѳянамъ I Кор. 7, 29. 31).

Можетъ быть, нѣкоторые изъ насъ и не желали бы слышать нынѣ о сокращеніи своей жизни и суетѣ земныхъ дѣлъ, — нынѣ, когда сердце человѣческое, а болѣе языкъ, слѣдуя принятому обыкновенію, истощаются въ желаніи всѣмъ и каждому долгихъ лѣтъ, счастливой будущности. Но что дѣлать?—Лучше выслушать истину, повидимому, печальную, а въ самомъ дѣлѣ весьма полезную, нежели, забывая оную, подвергаться дѣйствительному бѣдствію. Что же, братіе, можетъ быть истиннѣе той мысли, что всѣ нынѣшнія благожеланія не могутъ прибавить къ жизни нашей ни одного часа, и что настоящій новый годъ, подобно всѣмъ предшествовавшимъ, не столько продолжитъ, сколько сократитъ оную? Равнымъ образомъ, что можетъ быть нужнѣе для насъ,

странниковъ и пришельцевъ земли, какъ твердо знать, что краткое время, данное намъ на пріуготовленіе себя къ вѣчности, еще болѣе сократилось нынѣ,—что мы всѣ еще ближе подошли къ той рѣшительной минутѣ, въ которую потребуютъ строгаго отчета во всей нашей жизни? — Прилагая сіи истины къ собственному сердцу, *сіе убо глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее: преходитъ бо образъ міра сего!*

Впрочемъ, братіе, когда Апостолъ Павелъ возвѣщалъ коринѳскимъ ученикамъ своимъ о сокращеніи ихъ земной жизни, то не только не мыслилъ привести ихъ чрезъ то въ какую-либо скорбь, напротивъ объявлялъ имъ сію истину въ видѣ утѣшительной новости, — вмѣсто сильнѣйшаго побужденія къ подвигамъ и терпѣнію. Такъ и должно быть! Для христіанина, который не имѣетъ здѣсь пребывающаго града и постоянно взыскуетъ грядущаго, который непрестанно ожидаетъ пришествія своего Господа и въ семъ ожиданіи поставляетъ свою радость, свой покой и славу,— для истиннаго христіанина, говорю, весьма утѣшительно, когда онъ слышитъ, что время его пришельствія на землѣ сократилось, что славный день Господень приблизился. Печаленъ же сей предметъ можетъ быть только для тѣхъ, кои, предавъ себя міру и прилѣпившись къ землѣ, забыли небо, не помнятъ своего вѣчнаго отечества. Въ такомъ случаѣ избранныя нами слова Апостола сугубо полезны для насъ и приличны настоящему собранію: ибо они доставятъ истинное утѣшеніе тѣмъ изъ насъ, кои одни собственно и достойны онаго, и могутъ произвести печаль по Бозѣ въ тѣхъ, коимъ и должно сѣтовать, чтобы содѣлать себя достойными истинной радости.—Прилагая сіи истины къ вѣчной судьбѣ каждаго изъ насъ, *сіе убо глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее: преходитъ бо образъ міра сего!*

И во-первыхъ, да возвѣстится сія утѣшительная истина вамъ, святые Божіи человѣки, кои въ прошедшемъ лѣтѣ не преставали не только за себя, но и за насъ, лѣнивыхъ рабовъ, трудиться въ вертоградѣ Господнемъ, и сѣяли, какъ должно полагать, судя по развращенію вѣка сего, не терпящаго истины и правды, сѣяли большею частію собственными слезами: утѣшьтесь и восклоните главы ваши; время подвиговъ вашихъ сократилось; число искушеній, васъ ожида-

ющихъ, умалилось; вы ближе подошли къ мѣсту своего успокоенія, и нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, въ наступающемъ же лѣтѣ, будутъ навсегда разрѣшены отъ узъ плоти, и явятся небесному Мздовоздаятелю для принятія вѣнца побѣднаго. О, братіе святая! Что можетъ тогда сравниться съ блаженствомъ вашимъ? Какое слово, чей языкъ изобразитъ то, что вы узрите, сколько пріимете, гдѣ будете поставлены? Чѣмъ покажутся вамъ тогда всѣ прошедшіе труды ваши, всѣ огорченія и подвиги, вся многострадальная земная жизнь ваша? — Краткимъ сномъ, въ коемъ являлись привидѣнія, устрашали опасности, нападали враги, и который, чѣмъ былъ страшнѣе, тѣмъ болѣе доставилъ пріятности послѣ пробужденія. Тогда вы опытно познаете великую истину, изреченную Апостоломъ, что всѣ нынѣшнія временныя страданія наши суть ничто въ сравненіи съ тою славою, которая намъ предназначена (Рим. 8, 18).

Посему-то, братіе, безъ сомнѣнія, пріимутъ съ радостію изъ руки Господней продолженіе земнаго жребія своего и тѣ изъ васъ, коимъ еще суждено бороться съ искушеніями и напастями вѣка сего, кои предназначаются Промысломъ къ совершенію новыхъ подвиговъ вѣры и самоотверженія, къ произведенію новыхъ чудесъ любви и смиренія. Такъ, вы всѣ съ новою ревностію потечете тѣмъ путемъ, коимъ поведетъ васъ рука Вседержителя; хотя бы она повела васъ путемъ мрака и сѣни смертной, хотя бы вы ничего не видѣли на семъ пути, кромѣ болѣзней и уничиженія. Вы единожды и навсегда посвятили себя Господу, всецѣло предали Ему судьбу свою временную и вѣчную, сочетали неразрывно жребій свой съ жребіемъ своего Спасителя: послѣ сего для васъ не важно, что ни послѣдуетъ съ вами въ будущемъ; только бы вамъ слѣдовать неуклонно за Господомъ, только бы вамъ всегда творить волю Его, Премудраго и Всеблагаго. Неудивительно, если сей любвеобильный Отецъ, для большаго совершенства чадъ Своихъ, для очищенія васъ отъ послѣднихъ нечистотъ плоти и крови, попуститъ вамъ подвергнуться новымъ искушеніямъ, потребуетъ отъ васъ новыхъ жертвъ, чистѣйшихъ, совершеннѣйшихъ, а посему и тягчайшихъ: это будетъ новый, вѣрнѣйшій залогъ мудрой любви Его къ вамъ, новый благодѣтельный опытъ врачебной десницы, исцѣляющей недуги ваши, окончательное приготовле-

ніе васъ къ вѣчной свободѣ и торжеству чадъ Божіихъ. Вы не можете быть лучше. — что я сказалъ? — вы никакъ не можете сравнивать себя съ своимъ Спасителемъ; а Онъ, Онъ Самъ чего не претерпѣлъ за истину, какимъ путемъ, какъ не страданіями, восшелъ на престолъ вѣчной славы? Вы не поставите себя выше своихъ предшественниковъ, достигшихъ небеснаго отечества; а они всѣ. болѣе или менѣе, тѣмъ или другимъ образомъ, терпѣли, страдали, несли крестъ своего Господа.—Не удивительно, братіе, когда и вы, будучи послѣдователями Распятаго, преемниками мучениковъ и исповѣдниковъ. не имѣете иногда, гдѣ подклонить главу, не находите на землѣ, ни въ комъ и ни въ чемъ, отрады.—Если бы вы были отъ міра, сообразовались съ его духомъ, то міръ любилъ бы васъ, какъ чадъ своихъ; но поелику вы не отъ міра, поелику ваши правила совершенно противорѣчатъ его нечистымъ правиламъ, вашими благими дѣяніями обличаются его лукавыя дѣла, вашими чаяніями постыждаются его нелѣпыя надежды; поелику вы своею жизнію непрестанно унижаете. побѣждаете міръ: то что удивительнаго, если и васъ ненавидитъ міръ?—Эта ненависть составляетъ необходимость и для него и для васъ, — для него безчестную и гибельную, для васъ славную и спасительную. По сей-то постоянной борьбѣ между вами и міромъ и познается, что міръ, преслѣдующій васъ, лежитъ весь во злѣ, есть врагъ Бога и всякаго добра, а вы, преслѣдуемые міромъ, свободны отъ грѣха, принадлежите къ области чадъ Божіихъ. составляете царство Іисуса Христа.—Что еще сказать вамъ, братіе?—Трудно идти противъ бурныхъ порывовъ тлетворнаго духа времени, тяжело быть предметомъ подозрѣній, клеветъ и презрѣнія, больно видѣть торжество неправды и невинность, лишенную послѣдняго утѣшенія. Но, сыны свѣта, чада упованія! Дерзайте, мужайтесь, стойте! Еще мало, и Господь пріидетъ, не закоснитъ; ей, Онъ не закоснитъ для васъ; еще нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, мѣсяцевъ, дней терпѣнія,—и ангелъ смерти восхититъ васъ отъ среды лукавствія и преставитъ туда, гдѣ живетъ одна правда. *Сіе убо глаголю, братіе.*

Но кому я дерзаю говорить это? Вамъ ли, избранные Божіи, кто бы вы ни были, вамъ ли слышать совѣты изъ устъ нечистыхъ!—Какъ бы мы были всѣ утѣшены, если бы кто-

либо изъ васъ нынѣ преподалъ намъ наставленіе; если бы, руководясь собственнымъ опытомъ, указалъ намъ тотъ царскій путь, коимъ вы шествуете на небо!—Какого бы дѣйствія не произвели надъ нами слова ваши, растворенныя благодатію Святаго Духа? Но вы извѣстны только единому Богу, мы не зримъ и не слышимъ васъ, только вѣруемъ въ бытіе ваше среди насъ,—вѣруемъ, ибо васъ избранныхъ ради сохраняется міръ сей,—ради насъ грѣшныхъ онъ давно бы погибъ съ шумомъ.

Обратимся, братіе, къ самимъ себѣ и приложимъ поучительныя слова Апостола, во-первыхъ, къ тѣмъ изъ насъ. коихъ можно назвать христіанами сомнительными, и кои суть дѣйствительно таковы, поелику доселѣ не произвели надъ собою, въ отношеніи къ вѣчному спасенію, ничего рѣшительнаго, доселѣ не утвердились ни въ добрѣ, ни въ злѣ; иногда обращались къ небу, но чаще увлекались соблазнами міра; нерѣдко принимали, но ни разу не сохранили рѣшимости жить свято; падали, повидимому, съ тѣмъ, чтобы возстать, но и возставали какъ бы для того только, чтобы пасть. Не нужно, братіе, доказывать, какъ велико между нами число таковыхъ полудобрыхъ людей; вы сами знаете, что къ нему принадлежитъ бо́льшая часть христіанъ; а посему тѣмъ нужнѣе указать, сколь опасно это нерѣшительное состояніе, сколь недостойна христіанина сія полухудая жизнь.

Итакъ, во имя Господа, Коему всѣ мы желали бы служить, хотя не служимъ постоянно, во имя Господа глаголю вамъ, слабые и колеблющіеся братіе, яко время нужное намъ для утвержденія себя въ вѣрѣ и добродѣтели, *сокращено есть прочее*. Вы часто находили занятіе въ благочестіи весьма скучнымъ; часы, посвящаемые набожности и человѣколюбію, слишкомъ продолжительными; не знали, на что употребить праздное время, и проводили оное въ разсѣяніи, въ забавахъ, часто предосудительныхъ и вредныхъ. Вотъ, смотрите, эти скучные часы теперь прошли, это праздное, тяготившее васъ время, улетѣло—праздно, безъ добрыхъ дѣлъ!.. Какъ бы хорошо было, если бы прошедшій годъ весь проведенъ былъ, какъ должно, во славу Божію, во благо ближнихъ и въ собственное спасеніе! Съ какимъ свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ явились бы вы теперь предъ алтарь Вездѣсущаго,

принести жертву хвалы за Его благодѣянія! Какъ утѣшительно было бы для сердца воспомянуть теперь объ искушеніяхъ ко грѣху, вами преобѣжденныхъ, о подвигахъ добродѣтели, вами совершенныхъ, о гонимой невинности, вами защищенной, о неопытной юности, исторгнутой изъ пропасти грѣха, о слезахъ вдовицы, вашею рукою отертыхъ.—какъ бы, говорю, отрадно было для духа воспомянуть о всякомъ благодѣяніи ближнему. Между тѣмъ какъ теперь многіе изъ насъ безъ трепета не могутъ и помыслить о прошедшемъ; не могутъ обратить взора назадъ, безъ того, чтобы не срѣтиться или съ жертвами, или соучастниками, или свидѣтелями своихъ слабостей, своей невѣрности Богу и добродѣтели. Вы сами, братіе, чувствуете сію печальную истину и, безъ сомнѣнія, многіе изъ васъ желали бы возвратить случаи къ добру, ими опущенные, желали бы снова начать прошедшій годъ, чтобы провести оный въ истинной любви къ Богу и ближнему. Но, братіе, прошедшаго *лѣта уже не будетъ* (Апок. 10, 6); что бы мы ни дѣлали, не можемъ возвратить онаго; Самъ Богъ не можетъ сдѣлать сего для насъ. Свитокъ времени непрестанно разгибается предъ каждымъ, листы вращаются одинъ за другимъ; пиши, что угодно и какъ угодно; но нельзя перевернуть ни одного листа назадъ; нельзя переставить, перемѣнить, или уничтожить ни одной буквы: какъ написано, худо ли, хорошо ли, такъ и останется вѣчно, такъ и будетъ читано нѣкогда Судіею въ слухъ Ангеловъ и человѣковъ. Какъ же, братіе, должны быть мрачны и отвратительны черты, кои пишутся или коварствомъ и клеветою, или жестокостію и безчеловѣчіемъ, или корыстолюбіемъ и безчестнымъ прибыткомъ, или сладострастіемъ и низкою похотію, и какъ тяжело будетъ слышать, что написано такими чертами!..

Но, прошедшее невозвратимо!—Все, что мы можемъ сдѣлать съ нашими грѣхами, состоитъ въ томъ, чтобы въ духѣ истиннаго покаянія и живой вѣры предоставить изглажденіе ихъ всемогуществу нашего Искупителя, для Коего нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, и Который, по тому самому, Своею преизбыточествующею правдою всегда можетъ покрывать неправды наши. По крайней мѣрѣ, братіе, сдѣлаемъ то, что можемъ, воспользуемся настоящимъ и будущимъ; не будемъ болѣе злоупотреблять долготерпѣніемъ Божіимъ; поспѣшимъ

окончить несчастную борьбу надъ нами свѣта со тьмою. отторгнемъ сердце наше отъ міра и посвятимъ оное Господу.—О, братіе, поспѣшимъ сдѣлать это! Не попустимъ болѣе обольщать насъ той лукавой и гибельной мысли, что слабости наши не велики, что грѣхи наши не тяжки. что мы не далеко уклонились отъ пути правды, что, дѣлая угожденіе страстямъ и обычаямъ міра, мы не теряемъ изъ виду и нашего спасенія. Ахъ, что нужды до того, отъ чего мы можемъ погибнуть, отъ малаго или отъ великаго, тяжкаго или легкаго: довольно того, что гибнемъ. Важно ли, какимъ орудіемъ отнята у человѣка жизнь, большимъ или малымъ? Важно, если отнята, важно, что отнята жизнь у человѣка. Но, братіе, всякій грѣхъ, какого бы рода онъ ни былъ, отнимаетъ жизнь у нашего духа; всякій грѣшникъ мертвъ предъ Богомъ. Не имѣютъ, безъ сомнѣнія, духовной жизни и всѣ тѣ изъ насъ, кои не стараются объ утвержденіи себя въ добродѣтели, коихъ жизнь, при нѣкоторыхъ похвальныхъ дѣяніяхъ, исполнена измѣною и невѣрностями закону Божію, коихъ вся добродѣтель состоитъ въ томъ, что они не грѣшатъ непрестанно, коихъ все христіанство ограничено тѣмъ, что они—почитаютъ себя грѣшными, желали бы сдѣлаться праведными, и однако же продолжаютъ жить, какъ жили Если можно признать въ этихъ людяхъ нѣкоторый остатокъ духовной жизни. то не должно ли состояніе ихъ уподобить состоянію больнаго, борющагося съ смертію. который то подаетъ нѣкоторые признаки жизни, то повергается въ безчувствіе? Боже мой, какое состояніе!—И на немъ-то однако же. на продолженіи этой смертельной борьбы духа съ плотію, основывается безпечность большей части людей въ дѣлѣ собственнаго спасенія! Малое число добрыхъ мыслей, добрыхъ желаній, добрыхъ дѣлъ, служитъ для нихъ доказательствомъ, что они не совершенно умерли для Бога!—Несчастные, а того не вѣдаютъ, что этотъ малый остатокъ добра. что сей сомнительный признакъ духовной жизни есть, можетъ быть, не болѣе, какъ румянецъ, остающійся иногда въ продолженіе времени на лицѣ мертваго.—Но, пусть онъ будетъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ хотятъ его видѣть—признакомъ продолжающейся еще борьбы духовной жизни съ духовной смертію: что за признакъ?—Какая надежда?.. И во-первыхъ, можетъ ли быть продолжительно смертельное бо-

реніе духа съ плотію? Не можетъ; таковъ законъ природы и благодати! Малое число добрыхъ дѣлъ можетъ оставаться, подобно какъ румянецъ остается на лицѣ мертваго: но духовной жизни уже не будетъ. Таковъ, повторяю, законъ природы и благодати, что бореніе жизни со смертію—въ тѣлѣ ли, въ душѣ ли—не можетъ быть продолжительно; и тѣ, кои, на основаніи нѣкоторыхъ похвальныхъ поступковъ своихъ, думаютъ, что они еще живы для Бога, находятся въ жалкомъ самообольщеніи. Въ нихъ нѣтъ жизни, они мертвы; и если не дѣлаются людьми совершенно развратными, то ихъ удерживаетъ отъ того уже не вѣра, живущая въ сердцѣ, не совѣсть, а внѣшнія побужденія: иныхъ слабость здоровья, другихъ опасенія безчестія, иныхъ приличія, мѣсто, время, случай... Но прочна ли сія узда? Крѣпка ли эта опора? Надеженъ ли сей видъ честности? Долго ли можетъ замѣнять недостатокъ истинной духовной жизни въ сердцѣ это случайное, такъ сказать, воодушевленіе внѣшними средствами—вѣтромъ страстей, дуновеніемъ приличій, стеченіемъ обстоятельствъ? Припомните, братіе, что бываетъ съ тѣми людьми, кои принуждены долго идти надъ бездною и обращать лице то на ту, то на другую сторону: у нихъ наконецъ смущается зрѣніе, помрачается разсудокъ, теряется чувство: и они, если не спасетъ чья-либо рука, упадаютъ въ бездну. То же самое происходитъ и съ міролюбцами, кои долго колеблются между небомъ и землею, долго скользятъ надъ бездною грѣха: съ продолженіемъ времени они теряютъ нравственное чувство, обымаются нѣкіимъ духомъ круженія и, въ гибельномъ самозабвеніи, предаются наконецъ всякому разврату. И не симъ ли путемъ постепеннаго охлажденія къ вѣрѣ и добродѣтели, путемъ безразсуднаго небреженія о своихъ мнимо-маловажныхъ порокахъ, низринулись въ бездну преступленій всѣ исполины грѣха, коихъ одно имя приводитъ въ трепетъ друзей человѣчества?—Не такъ ли образуются и творятся всѣ сосуды нечестія, не такъ ли растутъ всѣ сыны погибельные?—Безъ сомнѣнія, и они когда-либо не были тѣмъ, чѣмъ содѣлались впослѣдствіи,—не вдругъ устремились на всякое зло; сначала предались малымъ и благовиднымъ грѣхамъ, и пошли путемъ нечестія, обманутые тою же обольстительною мыслію, что будетъ время исправить свои недостатки, возвратиться назадъ; но пренебреженное вначалѣ зло усилилось

въ сердцѣ, искра страсти превратилась въ пламень, чувство добра изслякло, совѣсть умолкла, природа огрубѣла, благодать отступила; и они, какъ бы влекомые нѣкою тайною силою зла, устремились на твореніе дѣлъ неподобныхъ и всякой нечистоты. Да сохранитъ насъ Богъ отъ таковаго ожесточенія во грѣхѣ, отъ низпаденія въ эту глубину золъ! Но, братіе, ужасные примѣры зла не напрасно попускаются Промысломъ; они попускаются для того, да, видя ихъ, блюдемся отъ закоснѣнія во грѣхахъ. Зная это, поспѣшимъ искоренить въ нашемъ сердцѣ сѣмя погибели, доколѣ оно не возросло, не проникло нашу природу, не заняло воображенія, не наполнило сердца, не подавило совѣсти; поспѣшимъ оставить путь неправды, доколѣ слабыя стопы наши не отреклись служить намъ. Оставимъ, если то неизбѣжно, всѣ прочія дѣла, только бы совершить это одно великое дѣло; не пожалѣемъ для сего никакихъ жертвъ, хотя бы надлежало расторгнуть самыя пріятныя связи, подвергнуться поношенію, безчестію, гоненію. Рѣшимся на все для славы Божіей и нашего спасенія. Въ сей-то рѣшимости и состоитъ наиболѣе тайна истиннаго обращенія: на сію-то рѣшимость и нисходитъ благодать Божія. Для насъ трудно было постоянно идти путемъ закона, потому что на насъ лежали узы земныхъ пристрастій; потому что мы несли на раменахъ цѣлый міръ: разорвемъ сіи узы, сбросимъ это проклятое бремя,—и мы скоро на опытѣ узнаемъ, что законъ Божій благъ, путіе Господни добры, иго Спасителя легко.

Сіе убо глаголю, братіе. Вы можете и должны слѣдовать тому, что возвѣщается вамъ во имя Господа; и благо вамъ, если послѣдуете и употребите новый годъ на то, чтобы очистить себя отъ всякой скверны плоти и духа, утвердиться рѣшительно въ добрѣ и навсегда оставить всѣ худыя привычки, нечистыя наклонности, порочныя дѣянія,—все, чего не одобряетъ совѣсть и что осуждаетъ вѣра. Можете, ко вреду своему, и остаться въ прежней нерѣшимости, — продолжать свое колебаніе между небомъ и землею, между добродѣтелію и порокомъ; но знайте, что вы никогда не успѣете соединить въ себѣ того и другаго, не возможете примирить свѣта со тьмою; знайте, что время, нужное вамъ для очищенія себя отъ зла, сократилось, и образъ міра, съ коимъ вы не хотите разстаться, по необходимости преходитъ и

исчезаетъ. *Сіе убо глаголю, братіе, яко время прекращено есть прочее: преходитъ бо образъ міра сего!*

Теперь да внимаютъ слову Апостола и тѣ изъ насъ, кои въ прошедшемъ лѣтѣ совершенно не мыслили о своемъ спасеніи, влаялись всякимъ вѣтромъ страстей, позволяли себѣ всѣ роды и виды пороковъ, жили такъ, какъ бы не было Бога и вѣчности, и, что всего преступнѣе, не только сами гибли во грѣхахъ, но и служили соблазномъ и пагубою для многихъ другихъ.

Но, развѣ есть такіе люди?—Между христіанами?—Народомъ избраннымъ, святымъ. очищеннымъ кровію Сына Божія? — Увы, граде Божій, граде святый, Церковь Христова! — *Преславная глаголашася о тебѣ* (Псал. 86, 3); но что совершается въ нѣдрахъ твоихъ?—Мало было, что безумный мечъ кесарей пожиналъ младыя лѣторасли твои; мало было, что святотатственная рука враговъ истины посягала на святыню алтарей твоихъ: надлежало, наконецъ, чтобы собственные сыны твои содѣлались для тебя поношеніемъ, чтобы ты лишена была послѣдняго утѣшенія—видѣть ихъ ходящихъ въ чистотѣ и истинѣ. Гдѣ тѣ блаженныя времена, когда христіане сіяли, *яко свѣтила въ мірѣ* (Фил. 2, 15), и отличались отъ всѣхъ болѣе своими добродѣтелями, нежели обрядами вѣры,—когда можно было сказать, что во *Христѣ Іисусѣ нѣсть разнствія ни іудею, ни еллину* (Рим. 10, 12): ибо всѣ *нова тварь* (Галат. 6, 15)? И нынѣ, кажется, нѣсть разнствія ни христіанину, ни невѣрному; но потому, что всѣ—ветха тварь, грѣшники!

Впрочемъ Церковь, какъ чадолюбивая матерь, никогда не оставляетъ надежды, что между самыми строптивыми и недостойными сынами ея находится много такихъ, въ коихъ не угасло еще чувство всякаго добра; кои, среди всѣхъ соблазновъ и преступленій, сохранили въ себѣ, хотя хладное и слабое, желаніе—исправить свою жизнь и обратиться къ Богу. И кто знаетъ? — Можетъ быть, въ числѣ великихъ грѣшниковъ есть люди, кои со временемъ не только познаютъ свое плачевное состояніе, возненавидятъ грѣхъ, но и содѣлаются образцемъ истиннаго покаянія для подобныхъ себѣ грѣшниковъ. Развѣ благодать не содѣлывала изъ гонителей—Апостоловъ, изъ людей невоздержныхъ—постниковъ и цѣломудренныхъ, изъ гонителей истины — мучениковъ за

истину? Что содѣлано прежде, то можетъ быть и теперь; рука Господня никогда не сокращается, всемогущество Спасителя нашего всегда одинаково: та же благость, та же любовь ко всѣмъ грѣшникамъ.

Итакъ, кто бы вы ни были, недугующіе грѣхами, братіе, какъ бы далеко ни блуждали отъ пути истины, какъ бы жестоко ни было сердце ваше, какъ бы тяжекъ ни казался вамъ голосъ, зовущій къ покаянію, — слышите слово Апостола, *яко время* и для васъ, порабощенныхъ временному и тлѣнному, *сокращено есть прочее;* и для васъ, совершенно преданныхъ міру, *преходитъ образъ міра сего*. Такъ, сей лукавый міръ, коему вы работаете душею и тѣломъ, непрестанно преходитъ и измѣняется; обольстительный образъ его, коему вы поклоняетесь, какъ божеству, постоянно темнѣетъ и становится отвратительнѣе. Вы не примѣчаете сего; но какъ можно вамъ и примѣтить что-либо подобное, когда *богъ вѣка сего ослѣпилъ очи* ваши (2 Кор. 4, 4) суетою? — Всмотритесь, однакожъ, пристальнѣе въ образъ жизни вашей,—и вы увидите, что онъ весь состоитъ изъ суеты и ничтожества. Чего не дѣлаете вы для продолженія вашихъ удовольствій? Но много ли успѣваете? Они бѣгутъ какъ тѣнь,—и въ вашемъ сердцѣ остается одна пустота. Гдѣ теперь безчинныя собранія, роскошныя пиршества, соблазнительныя зрѣлища, срамныя тѣлодвиженія, преступные восторги, буйные порывы страстей, нечистые взгляды, адскія мысли, чувства, гдѣ все то, чѣмъ вы занимались, что составляло бытіе ваше въ прошедшемъ году? Гдѣ оно? — Сами видите, что все это обратилось теперь въ ничто. Но то же самое послѣдуетъ и со всѣми будущими вашими лѣтами, если вы не перемѣните своей жизни, не обратитесь къ Богу, закону и совѣсти: послѣ каждаго года, проведеннаго во грѣхахъ, будетъ оставаться одна суета; наконецъ, послѣ всей жизни останется одна суета суетъ... А съ вами, злосчастные, что будетъ тогда? Чѣмъ будетъ питаться безсмертный духъ вашъ, когда міръ прейдетъ для васъ со всѣми похотями? Что замѣнитъ для васъ нечистыя плотскія наслажденія? На что обратятся тогда ваши необузданныя страсти? Не находя нигдѣ сродной себѣ пищи, не станутъ ли онѣ терзать собственное ваше сердце? Это, бившееся только для міра и грѣха, сердце не составитъ ли тогда само изъ себя ада?

Такъ, ожесточенные во грѣхахъ міролюбцы, беззаконныя наслажденія ваши достойны порицанія и отвращенія не только потому, что они преходятъ, какъ тѣнь, и исчезаютъ, но и потому, что, исчезая, оставляютъ за собою неизгладимые слѣды разрушенія и бѣдствій. Не думайте, что грѣхи ваши не существуютъ, потому что вы не ощущаете уже отъ нихъ преступнаго удовольствія; нѣтъ, они всѣ существуютъ для того, чтобы нѣкогда терзать и мучить васъ. Грѣхъ кратковременъ только по суетному удовольствію, имъ доставляемому; но онъ вѣченъ по тому безобразію и разрушенію, которое вноситъ въ нашу природу. Не спрашивайте, въ чемъ состоитъ это разрушеніе. Оно—въ извращеніи вашей природы, въ истощеніи вашего духа, въ растлѣніи сердца, въ потерѣ совѣсти, въ наклонности ко злу, въ отвращеніи отъ всего добраго и святаго, въ непрестанной борьбѣ мыслей и чувствъ, уподобляющихъ васъ духамъ отверженнымъ. Если вы теперь не чувствуете всей разрушительной силы зла, въ васъ живущаго, не дознаете опытомъ, что беззаконная жизнь есть сама себѣ наказаніе; то потому, что земное бытіе наше такъ устроено Промысломъ, что грѣхъ не оказываетъ здѣсь большей части гибельныхъ дѣйствій своихъ, дабы служеніе добродѣтели было тѣмъ свободнѣе и безкорыстнѣе,—потому, что духъ вашъ, непрестанно упиваясь изъ чаши плотскихъ удовольствій, всегда кружась въ вихрѣ забавъ и мечтаній, находится въ состояніи нечувствія;—потому, наконецъ, что тѣлесный составъ, подобно пеплу, покрываетъ въ себѣ адскій огонь грѣха, тлѣющій въ душѣ вашей, и препятствуетъ ему обратиться въ пламень всепоядающій. Какъ много, впрочемъ, міролюбцы, страдаете вы и теперь! — Какъ несчастна жизнь ваша уже и здѣсь! Не смотря на суетныя наслажденія, не тяготитъ ли васъ непрестанно чувство скуки, побуждающее васъ, подобно вѣтру, преноситься изъ одного мѣста въ другое? Не слышится ли, по временамъ, внутри васъ тайный голосъ, что лучше было бы вамъ не родиться, нежели жить такъ, какъ вы живете,—на погибель себѣ и другимъ? Не бываетъ ли минутъ, что вы стыдитесь сами себя, даже неодушевленныхъ вещей, васъ окружающихъ? Не случается ли, что вы завидуете (не словами только, какъ въ изнѣженныхъ стихотвореніяхъ, а на самомъ дѣлѣ) безсловеснымъ животнымъ? Не обнимаетъ ли васъ иногда про-

ницающій душу и сердце трепетъ при встрѣчѣ съ тѣмъ, что напоминаетъ человѣку о его вѣчномъ предназначеніи? Не пробуждается ли, по временамъ, ужасное чувство того, что въ васъ обезображено человѣчество, что вы гдѣ-то ниже, нежели прочіе люди, въ какой-то безднѣ, что вы принадлежите къ числу отверженныхъ, что въ васъ живетъ какъ бы нѣкій духъ злобы, что вами движетъ какая-то враждебная сила зла? Все сіе не отравляетъ ли вашихъ удовольствій, не составляетъ ли того *крушенія духа* (Еккл. 1, 14 съ подлин.), коимъ слово Божіе угрожаетъ міролюбцамъ? Плоть, виновница беззаконій, сѣдалище нечистоты, не страдаетъ ли подобно духу? Отъ чего искусство и неусыпность врачей не успѣваютъ слѣдовать за безчисленнымъ полчищемъ болѣзней, непрестанно возрастающимъ, всегда измѣняющимся, болѣе и болѣе свирѣпѣющимъ? Спросите у нихъ, кто родитель сихъ болѣзней? И всѣ единогласно скажутъ вамъ: грѣхи и развратная жизнь. Вопросите и духовныхъ врачей, что большею частію видятъ они, находясь при одрѣ умирающихъ грѣшниковъ? Не лютыя ли мученія тѣла, давно растлѣннаго ядомъ грѣха? Что слышатъ? Не проклятія ли прежней беззаконной жизни? Если же, братіе, и на сей грѣховной землѣ, въ этомъ плотскомъ мірѣ, грѣхъ уже такъ злобно измѣняетъ вамъ—въ цвѣтахъ сокрываетъ жало, въ сладости растворяетъ ядъ; если вы и здѣсь несчастны по духу и тѣлу, то что будетъ съ вами тамъ, гдѣ живетъ одна правда и чистота? Чего не должны вы будете терпѣть въ странѣ воздаянія и суда? Въ какихъ ужасныхъ видахъ не разразится тамъ гибельная сила грѣха, не воспящаемая болѣе узами милосердія Божія? Одна противоположность грубости, нечистоты, растлѣнности вашего духа, и духовности, святости и чистоты міра безплотнаго, не составитъ ли для васъ вѣчный, неизсякаемый источникъ мученій и страха? Какъ для больнаго зрѣнія несносенъ свѣтъ дневной, такъ для недугующаго грѣхами будетъ нестерпимо сіяніе небеснаго; какъ нечистымъ насѣкомымъ противны мѣста благорастворенныя и чистыя, такъ для погрязшаго въ похотяхъ сердца тяжела будетъ чистота міра безплотнаго; какъ тѣмъ, у коихъ повреждено орудіе дыханія, убійственъ самый воздухъ, коимъ живемъ и дышемъ: такъ для растлѣннаго нечестіемъ духа будетъ смертельна та святая стихія,

въ коей живутъ и блаженствуютъ безсмертные Ангелы. Душа каждаго грѣшника. разрѣшившись отъ тѣла, сама собою приметъ видъ отверженнаго духа, будетъ искать мрака, стремиться въ бездну, алкать ужасовъ и разрушенія...

Вотъ къ чему, братіе, ведетъ васъ развращенная жизнь, ведетъ необходимо. Пути беззаконія гладки и пріятны, но послѣдняя ихъ зрятъ прямо во дно адово. Предъ каждымъ грѣхомъ смертнымъ, по выраженію пророка. является рай сладости. но созади его поле пагубы. Что же, братіе, побуждаетъ васъ оставаться на семъ пути къ аду? Почему не поспѣшите вы удалиться съ поля пагубы? Время сокращается, а вы простираетеся въ беззаконіяхъ! Лукавый міръ преходитъ, а вы неподвижны во злѣ! Смерть жертву за жертвою похищаетъ изъ среды насъ, а вы мните основать здѣсь вѣчное жилище суеты! Боже мой! кто могъ такъ ослѣпить васъ? И что будетъ съ вами, если какой-либо Ангелъ Господень насильно не изведетъ васъ изъ погибающаго Содома?

Припомнимъ, братіе, начало прошедшаго года, сколько людей, кои, подобно намъ, вступая въ новый годъ, предавались надеждамъ на будущее? И гдѣ они теперь? Гдѣ тотъ безчестный клевретъ, съ коимъ ты дѣлилъ безумныя бесѣды, губилъ драгоцѣнное время. продавалъ совѣсть и добродѣтель? Гдѣ тотъ низкій другъ, отъ коего ты принималъ зловредные совѣты, предъ коимъ раскрывалъ тайну твоихъ страстей и преступленій? Чего бы они не согласились теперь дать за то, чтобъ имъ позволено было возвратиться на землю для исправленія своей жизни! Что для нихъ сдѣлалось совершенно невозможнымъ, то самое для насъ еще возможно и легко. Ангелъ смерти, склонясь, можетъ быть, на молитвы какого-либо праведника, пощадилъ насъ; но надолго ли? Перенесемся мыслію въ будущее, вообразимъ, что и этотъ новый годъ окончился: опять будетъ въ семъ храмѣ священное собраніе. опять произнесется поученіе съ сего священнаго мѣста; но будемъ ли мы тогда въ живыхъ? Извѣстно, что смерть ежегодно похищаетъ четыредесятую часть жителей сего пространнаго града; значитъ, четыредесятой части насъ, здѣсь теперь находящихся, не будетъ въ слѣдующемъ году; значитъ, между нами есть немалое число людей, кои въ послѣдній разъ вступаютъ въ новый годъ и, можетъ быть, въ послѣдній разъ слышатъ теперь слово покаянія. Въ по-

слѣдній разъ!.. Я содрогаюсь, братіе, отъ сей мысли; трепещу, представляя, что долженъ быть послѣднимъ вѣстникомъ спасенія для сихъ душъ, имѣющихъ вскорѣ предстать на судъ. Господи! Ты Самъ глаголи въ сердцахъ людей сихъ, Твоею всемощною благодатію! Самъ внуши имъ, что число лѣтъ ихъ сократилось въ послѣдній разъ, что они уже на порогѣ вѣчности: ибо, что значатъ всѣ наши слова и убѣжденія, если Ты, о Боже, не даруешь силы благовѣствующему и благодати слышащимъ!

Такъ, братіе, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что между нами теперь, въ семъ собраніи, есть люди, коимъ не суждено увидѣть окончанія наступившаго года. И симъ-то уже обреченнымъ жертвамъ смерти надлежало бы наипаче внять словамъ Апостола, мною возвѣщаемымъ, и употребить малый остатокъ жизни на пріуготовленіе себя къ вѣчности. Но, кто сіи жертвы? Мы не знаемъ ихъ; знаемъ только, что отъ смерти ничто не защищаетъ, — ни крѣпость силъ, ни юность возраста, ни богатство, ни искусство; знаемъ только, что каждый изъ насъ всякую минуту можетъ содѣлаться жертвою смерти. А посему всѣмъ намъ должно быть бдительными на стражѣ своего спасенія; каждый обязанъ нынѣ разсмотрѣть жизнь свою, начать и продолжать новый годъ такъ, чтобы не страшно было, если угодно будетъ Господу, окончить его въ вѣчности. Наипаче же да поразятся спасительнымъ страхомъ смерти тѣ изъ насъ, кои доселѣ небрегли о своемъ спасеніи, и, увлекшись соблазнами міра, поработившись плоти, провождали жизнь въ нечистотѣ и грѣхахъ. О, братіе, что будетъ съ вами, если смерть внезапно восхититъ васъ изъ среды живыхъ! Какъ явитесь вы предъ Судію? Что представите изъ своихъ дѣлъ? Куда обратитесь за помощію? Гдѣ скроете свои преступленія?... Знаю, что подобныя слова для нѣкоторыхъ грѣшниковъ, присоединяющихъ къ развратy сердца буйство ума, могутъ показаться недѣйствительными; знаю, что нечестивая жизнь между многими ужасными послѣдствіями влечетъ за собою невѣріе въ самые священные предметы, и особенно невѣріе въ наказанія, ожидающія грѣшниковъ за гробомъ:—и можетъ быть, въ семъ храмѣ, между нами есть люди, кои поставляютъ безумную славу въ томъ, чтобы сомнѣваться въ обѣтованіяхъ и угрозахъ евангельскихъ. Но мое слово не къ симъ исполинамъ

грѣха (кои впрочемъ являются малодушнѣе дѣтей на одрѣ смерти): для возбужденія сихъ людей нужны громы гнѣва небеснаго, а не кроткій гласъ убѣжденія. Я говорю къ душамъ грѣшнымъ, но кои не дошли до того безумія и отчаянія, чтобы обречь себя на погибель и ничтожество. Ихъ-то желалъ я остановить на пути къ аду. И почему не имѣть мнѣ сей надежды? Почему и вамъ, братіе, какъ бы ни были велики грѣхи ваши, отчаяваться въ своемъ спасеніи? Дверь покаянія еще не затворена: можетъ приходить всякій. Пусть, зло проникло природу вашу, пусть, пагубныя привычки одолѣли разсудокъ и совѣсть вашу; пусть, грѣхъ содѣлался для васъ какъ бы нѣкою необходимостію: все это обратится въ ничто, если вы того восхощете. Какъ! діаволъ успѣлъ сдѣлать изъ васъ сыновъ нечестія и погибели, а Богъ, а всемогущая благодать Его не сильны сотворить васъ паки сынами спасенія? Кто можетъ утверждать сіе? Вѣруйте токмо въ Спасителя, и будьте мужественны: и вы возникнете отъ діавольской сѣти. Господь не оставлялъ васъ, когда вы жили во грѣхахъ; оставитъ ли, когда вы обратитесь къ Нему? Но, будьте, говорю мужественны. Если для спасенія жизни тѣлесной рѣшаются переносить самыя жестокія мѣры врачебнаго искусства: то для спасенія души, для истребленія въ ней злыхъ навыковъ, для перетворенія растлѣнной грѣхами природы, тѣмъ паче нужно рѣшиться на лишенія и пожертвованія. Чѣмъ далѣе будете вы отходить отъ ужасной пропасти грѣха, тѣмъ болѣе она будетъ терять силу привлекать васъ; наконецъ, когда перейдете, такъ сказать, черту, отдѣляющую область нечестія отъ царства свѣта, то нѣкая невидимая сила повлечетъ васъ къ небу. Только не медлите, братіе, въ пропасти грѣха, доколѣ она не сомкнулась надъ вами и не заключила васъ въ себѣ на вѣки: начните теперь же содѣлывать свое спасеніе. Лучше сего мѣста, приличнѣе настоящаго времени не можетъ быть для начатія сего святаго дѣла. Кто искренно будетъ стараться о томъ, чтобы содѣлаться добрымъ, того Самъ Богъ научитъ всему.

Сіе убо глаголю, братіе. Служитель слова можетъ только возвѣщать волю Божію, указывать пути живота; но онъ не можетъ дать силъ къ исполненію возвѣщаемаго: онъ самъ принадлежитъ къ числу людей, требующихъ вразумленія и

помощи свыше. Единъ Богъ можетъ укоренять и возращать въ сердцѣ вашемъ слово спасенія: убо къ Нему, какъ можно чаще, должны мы всѣ возводить взоры и сердце; у Престола благодати должно быть общее и всегдашнее наше прибѣжище. Но, братіе, Самъ Богъ не возможетъ спасти насъ, если мы будемъ коснѣть во грѣхахъ, нерадѣть о своей душѣ, стремиться къ погибели. Спаситель сдѣлалъ и дѣлаетъ все для грѣшниковъ: послѣ сего наше спасеніе или погибель зависитъ отъ насъ. Аминь.

Слово на Новый Годъ.

Святая Церковь нерѣдко имѣетъ утѣшеніе видѣть у себя стеченіе празднествъ, усугубляющее свѣтлость дней, ею торжествуемыхъ. Но нынѣшній день, братіе, какъ начало и вѣнецъ новаго лѣта, постоянно украшается стеченіемъ трехъ великихъ празднествъ. Торжествуемъ, во-первыхъ, въ память обрѣзанія Господа нашего Іисуса Христа, во-вторыхъ—въ честь новаго лѣта, въ-третьихъ—въ честь и память святителя Христова Василія Великаго. Празднества весьма различныя по своему предмету, но сходныя по духу, имѣющія одну и туже цѣль главную. Ибо всякое новое лѣто дается намъ не для другаго чего, какъ для совершенія надъ собою духовнаго обрѣзанія; съ другой стороны, только одно духовное обрѣзаніе можетъ содѣлать для насъ настоящее лѣто истинно новымъ; а жизнь святаго Василія представляетъ разительный примѣръ и духовнаго обрѣзанія, и духовнаго обновленія, имъ даруемаго. Раскроемъ для новаго лѣта сіи истины въ наше назиданіе.

Всякое новое лѣто, какъ мы сказали, дается человѣку для духовнаго обрѣзанія.—Должна быть, братіе, какая-либо цѣль, и притомъ не малая, времени, намъ даруемаго. Ибо премудрость Божія не можетъ безъ намѣренія и напрасно иждивать столько своего Промысла на содержаніе насъ въ семъ мірѣ и сего міра для насъ. Какая же цѣль времени и жизни нашей? Та ли, чтобы мы раждались, возрастали, питались, состарѣвались и умирали? Но такъ мыслить, значило бы низводить человѣка ниже круга безсловесныхъ; ибо и они имѣютъ цѣль высшую. Или та, чтобы мы въ продол-

женіе жизни нашей обогащались познаніями различныхъ вещей, достигали почестей, снискивали богатства, пользовались различными удобствами жизни, веселились, наслаждались?—Но все это—и науки, и чести, и сокровища, и удовольствія невозвратно оставляютъ насъ у нашего гроба. Можетъ ли же быть цѣлію времени то, что оканчивается вмѣстѣ со временемъ? И стоило ли бы трудиться цѣлый вѣкъ надъ достиженіемъ того, что исчезаетъ по совершенномъ окончаніи труда? Нѣтъ, жизнь земная должна имѣть цѣлію то, что превыше земли; время дается для вѣчности.—Чего же требуетъ отъ насъ небо и вѣчность? И на что потому самому должно быть употребляемо все земное и временное? Небо и вѣчность, въ кои всѣмъ намъ должно вступить, требуютъ, братіе, отъ всѣхъ насъ—нашего исправленія, очищенія, обновленія, усовершенія, иначе—духовнаго обрѣзанія. Нѣтъ нужды искать далеко причинъ сего требованія: стоитъ только взглянуть на насъ самихъ и нашу природу, и тотчасъ видишь, какъ оно справедливо и необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, мы всѣ явно зачинаемся въ беззаконіяхъ, и раждаемся во грѣхахъ: ужели съ сею наслѣдственною порчею перейти намъ и въ вѣчность?—Но, она и тамъ составила бы для насъ вѣчную тяжесть, вѣчный источникъ недуговъ и горестей: посему должна быть исправлена здѣсь.—Мы въ продолженіе жизни нашей впадаемъ въ различные пороки, увлекаемся многими страстями: ужели съ ними явиться намъ и въ сожительство чистыхъ Ангеловъ, предъ лице нашего Создателя? Но, это покрыло бы насъ вѣчнымъ стыдомъ тамъ, осквернило бы небесное жилище наше, навсегда отвратило бы отъ насъ свѣтлое лице Отца небеснаго: посему всѣ наши пороки должны быть искоренены здѣсь, страсти подавлены здѣсь, зло и растлѣніе грѣховное очищено здѣсь. Но сіе исправленіе и очищеніе природы нашей, совершаемое чрезъ самоотверженіе, и потому соединенное съ принужденіемъ, лишеніями, болѣзнями, и есть то самое, что святое писаніе называетъ духовнымъ обрѣзаніемъ. Потому самому обрѣзаніе сіе и составляетъ главную цѣль нынѣшней нашей жизни на землѣ, всей нашей дѣятельности, всѣхъ нашихъ познаній и пріобрѣтеній, трудовъ и наслажденій, званій и отношеній. Кто забудетъ сію цѣль, тотъ будетъ жить безъ цѣли,

станетъ идти, самъ не зная куда,—строить самъ не зная что, будетъ трудиться и страдать напрасно. Надобно же будетъ оставить когда-либо землю и пойти на небо, надобно же будетъ перемѣнить время на вѣчность, но другаго неба нѣтъ, кромѣ Божія,—чистаго, святаго, и другой блаженной вѣчности нѣтъ, кромѣ Божіей, совершенно нетерпящей нечистоты и зла. Посему, доколѣ есть время, надобно попещись о своемъ исправленіи, очищать себя отъ всякой скверны плоти и духа, отвергнуть все, недостойное неба и вѣчности. Дѣйствіе болѣзненное, занятіе трудное, работа продолжительная: для сего нужно сражаться съ міромъ и съ собою, отрекаться того, что наиболѣе влечетъ къ себѣ, дѣлать насиліе своему уму, волѣ и сердцу; но, какъ быть? По паденіи нашемъ это единственное средство достигнуть цѣли бытія нашего, необходимый путь къ блаженной вѣчности, и самый надежный способъ къ обновленію нашего существа, ко вступленію въ новое и никогда некончаемое лѣто благодати, мира и единства съ Богомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, въ новомъ лѣтѣ произойдетъ вокругъ насъ и съ нами много новаго, но все и въ насъ и внѣ насъ новое нисколько не обновитъ насъ, не приблизитъ къ цѣли бытія, не доставитъ истиннаго совершенства,—безъ исправленія нашего сердца, безъ обновленія нашего духа, безъ очищенія нашей совѣсти, безъ духовнаго обрѣзанія. Ты получишь новое достоинство, званіе, власть; но если на сей высотѣ не отложишь прежней низости чувствъ, высокомѣрія и презорства, то всѣ скажутъ о тебѣ: онъ тотъ же, такъ же надмененъ, жестокъ, притѣснителенъ, низокъ. Ты вступишь въ новыя связи, въ новую пріязнь, родство; но, если не отложишь прежней холодности, строптивости, небрежности о благѣ ближнихъ, то самые друзья и кровные будутъ говорить: онъ тотъ же, та же нелюбовность, то же лукавство, то же самолюбіе, раздражительность, безпокойный духъ. Ты поселишься на новомъ мѣстѣ, перейдешь въ новый домъ; но если съ тобою перейдутъ и худыя привычки, ежели новыя стѣны будутъ видѣть прежнія измѣны долгу и совѣсти, то это переселеніе прежняго зла,—новоселье грѣха. Всѣ сіи и подобныя новости не обновятъ насъ, если сердце останется ветхимъ, если ты пребудешь во грѣхѣ. Напротивъ, если чрезъ истинное покаяніе отложимъ дѣла темныя; обрѣ-

жемъ, какъ сухія и безплодныя вѣтви, наши преступныя связи и привычки; возобновимъ и утвердимъ въ себѣ рѣшимость жить богоугодно и праведно, то хотя бы во внѣшнихъ отношеніяхъ нашихъ не произошло никакой перемѣны, и мы не пріобрѣли ничего новаго, все будетъ для насъ ново потому, что мы сами будемъ новы. Каждый, знавшій наши слабости, нашу нечистоту и грѣхи, и не видя ихъ въ насъ, скажетъ: нѣтъ, онъ совершенно не тотъ, что прежде! Но, что важнѣе всего, такъ скажутъ о насъ самые Ангелы, Самъ Богъ,—Онъ Самъ скажетъ: *сынъ Мой сей мертвъ бѣ, и оживе, и изгибль бѣ, и обрѣтеся* (Лук. 15, 24)!—Такова сила духовнаго обрѣзанія! Оно, и только оно одно, доставляетъ намъ истинное обновленіе и новое лѣто; посему и время, какъ мы сказали, дается намъ для совершенія надъ нами сего обрѣзанія.

Жизнь святаго Василія, ублажаемаго нынѣ Церковью, служитъ разительнымъ примѣромъ сихъ истинъ; ибо вся она была непрерывнымъ подвигомъ обрѣзанія и самоотверженія духовнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ благодатнаго обновленія во Христѣ. На это употреблялъ онъ все время и всѣ силы, къ сему обращалъ знанія и мудрость, къ сему—богатство и достоинства, къ сему—пріязнь и вражду. Крестъ Христовъ былъ для него все,—первое и послѣднее занятіе ума и сердца, первое и послѣднее украшеніе и награда. Ни нѣжность сложенія, ни слабость здоровья, ни высокій санъ, ни пребываніе въ Аѳинахъ, ничто не могло отвлечь его отъ нищеты Христовой и подвиговъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Каждый день видѣлъ какую-либо его побѣду надъ собою, каждый день онъ слагалъ съ себя что-либо, отрекался отъ чего-либо. Посему, когда надменный властелинъ желалъ однажды устрашить его лишеніями, то не могъ сдѣлать сего: Василію нечѣмъ было грозить, ибо у него нечего было отнять. Онъ весь принадлежалъ небу, вѣчности, Богу. Посему и Богъ явилъ Себя въ немъ особеннѣйшимъ образомъ. Всѣ еще при жизни признавали въ немъ съ благоговѣніемъ человѣка Божія, сосудъ благодати, храмъ Духа Святаго. А по кончинѣ Церковь немедленно начала ублажать память его, въ примѣръ и подражаніе всѣмъ чадамъ своимъ.

Рѣдкіе изъ людей, братіе, могутъ вмѣстить столько совершенствъ, сколько ихъ было въ семъ святителѣ; но всѣ

мы призваны къ одному съ нимъ наслѣдію, къ одному и тому же блаженству въ Богѣ. И намъ время дается на то же самое, на что употребилъ его онъ.—на очищеніе своего сердца, на обновленіе духа, на покаяніе и добродѣтель. Не будемъ же выпускать сей истины изъ нашей памяти, и съ началомъ новаго года начнемъ усерднѣе пещись объ исправленіи нашего существа; ибо нужнѣе и полезнѣе сего дѣла для насъ нѣтъ и быть не можетъ.

Господи и Владыко живота нашего! Ты ввелъ насъ въ новое лѣто, нечистыхъ, недостойныхъ благодати Твоей; содѣлай, да не пройдетъ и оно безъ очищенія насъ! Дай намъ, молитвами святителя и угодника Твоего, узрѣть въ самихъ себѣ то пріятное лѣто благодати и обновленія, которое наряди на землѣ пришелъ съ неба Ты Самъ, о Всеблагій и Премудрый! Аминь.

Слово на Новый Годъ.

Сіе глаголю, братіе, яко время сокращено есть прочее· преходитъ бо образъ міра сего (1 Кор. 7, 29—31).

Печальная обязанность проповѣдниковъ! Въ то время, какъ вы со всѣхъ сторонъ окружены благожеланіями и привѣтствіями; когда и сердце и слухъ вашъ ничего не желали бы видѣть и слышать, кромѣ одного пріятнаго;—въ то самое время, мы послѣдуя примѣру Апостола, должны сказать вамъ другое, должны напомнить, что время жизни нашей сократилось; что всѣ мы ближе подошли къ тому грозному предѣлу, отъ котораго нѣтъ возврата, за коимъ — или вѣчная награда, или потеря безконечная. Сіе глаголю, братіе, яко время сокращено есть прочее!...

Впрочемъ, если подумать хорошо, то чѣмъ бы сей вѣсти быть печальною для христіанина?—Печалится ли любимый, находящійся въ дальней сторонѣ, сынъ, когда ему напоминаютъ о возвратѣ въ домъ отеческій?—Сѣтуетъ ли узникъ, когда узнаетъ, что время заключенія его сократилось? Досадуетъ ли больной, когда видитъ, что часъ его выздоровленія приближается?—Что же, братіе, всѣ мы здѣсь на сей землѣ, какъ не пришельцы въ землѣ чуждой, какъ не узники плоти и крови, коимъ подлежитъ изыти на свободу духа,

какъ не тяжело-больные, коихъ ожидаетъ выздоровленіе?— Значитъ, если возвѣщаемая нами вѣсть о сокращеніи времени и жизни прискорбна для кого-либо, то для тѣхъ, кои забыли о своемъ отечествѣ, не помнятъ своихъ узъ, пристрастились къ своей болѣзни.

Что причиною такого превращенія вещей?—Міръ съ его благами, земная жизнь съ ея чувственными радостями, кровь и плоть съ ихъ прелестями... Такъ, образъ міра, жизни, плотскихъ удовольствій—прелестенъ для тѣхъ, коихъ очи ослѣплены самолюбіемъ и суетою; но подойдите къ сему образу поближе, разсмотрите его повнимательнѣе: что увидите?—Это истуканъ Навуходоносоровъ, у коего глава златая, грудь, руки и перси серебряныя, чрево и стегна мѣдяны, голени желѣзны, а ноги — скудельны! Является, по выраженію пророка, камень безъ рукъ, приходитъ какой-либо внезапный противный случай, — и истуканъ падаетъ; злато, сребро, мѣдь и желѣзо—стираются въ прахъ. *Видѣхъ*, говоритъ Псалмопѣвецъ, *нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры ливанскія.—И мимоидохъ, и се не бѣ; взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его* (Пс. 36, 35. 36). Вотъ исторія сыновъ счастія! И какъ часто повторяется она! — Соломонъ не повѣрилъ было нѣкогда бренности и пустотѣ благъ земныхъ, и думалъ, вопреки всеобщему опыту, найти въ нихъ покой душѣ своей. Къ чему не обращался онъ за симъ?—Обращался къ богатству и стяжаніямъ; строилъ домы, насаждалъ вертограды, отправлялъ на край свѣта торговые флоты. Корабли привозили безъ счета злато и серебро, но ни разу не могли привезти Соломону спокойствія. Обращался къ чувственнымъ удовольствіямъ; забывалъ среди ихъ и величіе царя и достоинство человѣка; но не могъ забыть своей совѣсти. Плоть дремала на роскошномъ ложѣ, а сердце бдѣло и болѣло; вокругъ него все цвѣло веселіемъ и радостію, а въ немъ была суета и крушеніе духа. Обращался, наконецъ, къ мудрости; умъ Соломона обнималъ все отъ кедра до иссопа, отъ бѣга свѣтилъ небесныхъ до незамѣтнаго слѣда змѣи на камнѣ. Что же принесла Соломону и мудрость земная?—Тоже, что и прочія блага. *Уразумѣхъ азъ*, говоритъ онъ, *яко и сіе*, то-есть мудрость, *есть* суета и крушеніе *духа; и приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь* (Еккл. 1, 18). Послѣ сего, не въ правѣ ли мы, братіе, весь обольщающій

насъ міръ сравнить съ оною храминою Сарданапаловою, въ коей внезапно явившаяся рука написала на стѣнѣ оныя страшныя слова: *мани, θекелъ, фаресъ* (Дан. 5, 25)? Тамъ нуженъ былъ пророкъ, чтобы изъяснить написанное, а здѣсь указаніе такъ ясно, что его можетъ видѣть и понимать малое дитя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни измѣряйте величіе и блага міра, всегда найдете, что они кратки и скоропреходящи: *мани!* Какъ ни взвѣшивайте ихъ, они всегда окажутся легки и пусты: *θекелъ!* И какъ ни помножайте ихъ, всегда выйдетъ въ концѣ, что они должны разсѣяться и прейти изъ рукъ вашихъ къ другимъ: *фаресъ!* Другими словами: все, что въ мірѣ, есть суета суетъ, и всяческая суета.

Сынове человѣчестіи,—восклицалъ нѣкогда пророкъ, имѣя въ виду сію бренность благъ земныхъ,—*сынове человѣчестіи, доколѣ убо любите суету и ищете лжи* (Пс. 4, 3)! Суета крушитъ духъ, томитъ сердце ваше, а вы любите ее! Ложь и—такъ отвсюду окружаетъ, преслѣдуетъ васъ, а вы ищете ее! *Сынове человѣчестіи, доколѣ любите суету и ищете лжи!*

Если бы впрочемъ міръ и не былъ такъ брененъ съ его наслажденіями, и своимъ непрестающимъ коловращеніемъ не препровождалъ насъ къ исканію единаго на потребу, то собственная наша жизнь своею бренностію должна удержать насъ отъ пристрастія къ земному, и заставить воздыхать о вѣчномъ. Пророкъ не напрасно сравнивалъ жизнь человѣческую съ паутиною: дніе лѣтъ нашихъ, яко паучина!—Посмотрите на работу паука! Сколько труда, терпѣнія, узоровъ, соображеній! Но приходитъ дуновеніе вѣтра, и работа лежитъ вмѣстѣ съ художникомъ долу. Не такъ ли разрушаются и планы многихъ честолюбцевъ и замыслы многихъ любостяжателей?—Даже если продлить жизнь нашу до послѣднихъ предѣловъ ея, то далеко ли море, въ которое неминуемо долженъ впасть сей протокъ?—Моисей сдѣлалъ нѣкогда, по повелѣнію Божію, перепись народа, изведеннаго имъ изъ Египта, и вотъ нашлось около шести сотъ тысячъ, однихъ способныхъ носить оружіе. По прошествіи тридесяти осьми лѣтъ ему велѣно было повторить перепись: что же оказалось?—что всѣ, вошедшіе въ составъ прежней переписи, уже умерли; остались одинъ Іисусъ Навинъ и Халевъ; самъ Моисей, производившій перепись, скончался въ томъ же году, не достигнувъ земли обѣтованной. Перенесемся, братіе,

и мы своею мыслію на четыредесять лѣтъ въ будущее: сколько, вы думаете, останется тогда въ живыхъ изъ всѣхъ насъ, теперь здѣсь присутствующихъ? останется ли хотя столько, чтобы могли совершить священнодѣйствіе о поминовеніи насъ, тогда уже покоящихся въ нѣдрахъ земли?...

Сіе убо глаголю, братіе!—Для чего глаголю?—*Да требующіи міра, яко не требующе* будутъ:—чтобы тѣ, кои благословены здѣсь дарами счастія, не забывали, что все это дано на время. съ условіемъ, съ отчетомъ; и, потому пользуясь благами міра, старались бы о снисканіи благъ высшихъ—вѣчныхъ. Для чего глаголю? *Да плачущіися, якоже не плачущіи будутъ;*—дабы тѣ, коимъ суждено идти здѣсь по жесткому и тернистому пути, не унывали подъ тяжестію искушеній, памятуя, что и печали здѣшнія, такъ же какъ и радости, не только на время. но и на пользу намъ, и, перенося ихъ въ терпѣніи, устремляли чаще взоры туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Для чего, наконецъ, глаголю? Дабы всѣ мы провождали жизнь такъ, какъ прилично странникамъ и пришельцамъ, взыскующимъ горняго града, *емуже художникъ и содѣтель Богъ* (Евр. 11, 10). Аминь.

Слово на Новый Годъ.

Одного мудреца древности спросили: что̀ бы, по его мнѣнію, было драгоцѣннѣе всего для человѣка? Время, отвѣтствовалъ онъ: ибо посредствомъ времени можно пріобрѣсть все; а самаго времени нельзя купить ни за что. Въ самомъ дѣлѣ, попытайся кто продлить для себя день хотя одною минутою: что бы ни дѣлалъ для сего, не прибавитъ къ уреченному числу ихъ ни одного мгновенія. Попробуй кто также возвратить для себя назадъ хотя одну минуту: никогда не возвратитъ ни единой. Время непродолжимо и невозвратимо! Посему оно драгоцѣннѣе всего для человѣка; ибо посредствомъ его можно пріобрѣсть все,—самое небо и блаженную вѣчность, а времени невозможно пріобрѣсть ни за что.

Возблагодаримъ же, братіе мои, Владыку временъ и лѣтъ, десница Коего отверзла нынѣ предъ нами врата новаго лѣта! Симъ даровано намъ то, что есть нужнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго для всѣхъ насъ, даровано время! И какъ

свойство даровъ Божіихъ есть всеобщность и безпристрастіе въ ихъ раздѣленіи: то всѣ мы равно пріяли новый даръ изъ рукъ Божіихъ, не болѣе первый изъ владыкъ земныхъ, не менѣе послѣдній изъ рабовъ земныхъ.

Разность будетъ зависѣть уже не отъ Господа дарствующаго, а отъ насъ пріимшихъ даръ; и будетъ состоять въ томъ, какъ употребитъ каждый изъ насъ принятое. Если самый первый изъ владыкъ земныхъ употребитъ время не какъ должно, то подъ конецъ времени окажется яко ничтоже пріявый и *еже мнится имѣя, возмется отъ него* (Мат. 25, 29). И напротивъ, если послѣдній изъ рабовъ употребитъ даръ Божій, то есть время, какъ должно, то въ конецъ временъ явится, яко имѣяй вся, и будетъ вознагражденъ сторицею за то, что терпѣлъ и отъ чего страдалъ въ продолженіе своей жизни.

Послѣ сего для всѣхъ, и великихъ и малыхъ, и сильныхъ и безсильныхъ, первой важности вопросъ: кто употребляетъ время, какъ должно? и кто злоупотребляетъ имъ?

Употребляетъ время какъ должно тотъ, кто употребляетъ его для приготовленія себя къ вѣчности, и что ни дѣлаетъ, всегда и во всемъ простираетъ взоръ свой далѣе временнаго и земнаго. Ибо не для сего ли самаго, то есть, для приготовленія себя къ вѣчности и дано всѣмъ намъ время? Не для того ли именно поставляется каждый изъ насъ на краткій срокъ на этой землѣ, дабы путемъ смерти прейти навсегда на небо?

Употребляетъ, какъ должно, время тотъ, кто въ продолженіе его старается дѣлать добро какъ можно болѣе, а зла какъ можно менѣе. Ибо въ дѣланіи добра состоитъ самое наше предназначеніе, а допущеніе зла вредитъ намъ навсегда, и во времени и въ вѣчности. Дѣланіе добра приближаетъ насъ къ цѣли бытія нашего и составляетъ неотъемлемое стяжаніе, прекрасный запасъ для неба, а допущеніе зла завсегда отъемлетъ у насъ часть совершенства, удаляетъ насъ отъ цѣли нашего бытія, ставитъ въ злополучное противорѣчіе съ Богомъ, со всѣми существами сотворенными, и съ самими собою.

Употребляетъ время, какъ должно, тотъ, кто употребляетъ его на изглаженіе въ себѣ и жизни своей всего нечистаго и грѣховнаго. Ибо на что лучше употреблять время

больному и прокаженному, каковы всѣ мы духомъ и совѣстію, какъ не первѣе всего на исцѣленіе себя отъ болѣзни? И можетъ ли быть болѣзнь хуже и опаснѣе грѣха и беззаконія? Посему время ни на что не можетъ быть употреблено лучше, какъ на уврачеваніе язвъ нашей души и совѣсти.

Послѣ сего само собою видно, кто злоупотребляетъ временемъ? Тотъ, во-первыхъ, у кого протекаетъ оно въ бездѣйствіи и праздности. Можно ли пренебрегать такъ симъ драгоцѣннымъ сокровищемъ? Можно ли губить въ бездѣйствіи время, когда отъ него зависитъ вѣчность? когда его вообще такъ не много? и когда изъ напрасно опущеннаго времени нельзя возвратить ни минуты?

Злоупотребляетъ временемъ тотъ, кто хотя не попускаетъ ему протекать праздно, но всѣ занятія свои ограничиваетъ однимъ видимымъ, земнымъ, чувственнымъ и скоропреходящимъ. Ибо, въ такомъ случаѣ, изъ всего того, что ни дѣлается, изъ всѣхъ занятій, трудовъ, скорбей и лишеній не выйдетъ, наконецъ, ничего;—и мы, протрудясь и проработавъ всю жизнь, подъ конецъ ея, когда все видимое и временное исчезнетъ для насъ, явимся яко ничтоже имуще.

Еще болѣе злоупотребляетъ временемъ тотъ, кто употребляетъ его на дѣла, противныя закону Божію, на обманъ, похоть плотскую, гордость житейскую, на преслѣдованія ближнихъ и тому подобное. Ибо, такъ дѣйствуя, человѣкъ сильно портитъ богоподобную природу свою, идетъ безумно противъ всемогущей воли Творца, непримѣтно приближается къ состоянію духовъ злобы, а симъ самымъ готовитъ для себя въ вѣчности участь самую злополучную.

Довольно и сихъ немногихъ указаній, дабы каждому изъ насъ, кто захочетъ, можно было безъ труда узнать, какъ поступалъ онъ доселѣ съ своимъ временемъ—употреблялъ его какъ должно, или злоупотреблялъ имъ неразумно? Намъ остается токмо сказать, что это предметъ чрезвычайной важности для каждаго. Теперь никто не требуетъ отъ насъ отчета въ нашемъ времени: оно каждый день, съ утра до вечера, предоставлено нашему произволу. Употребляй его и дѣйствуй, какъ хочешь; дѣлай или не дѣлай; извлекай изъ него пользу или злоупотребляй имъ: все это, по видимому, равно для Того, Кто даруетъ намъ время; но такъ не бу-

детъ завсегда! Наступитъ, наконецъ, для всѣхъ и каждаго послѣдній часъ времени, когда мы должны будемъ предстать на судъ Господа вѣковъ и временъ, и дать отчетъ во всѣхъ дняхъ и часахъ нашихъ, слѣдствіемъ коего будутъ уже не новые годы, а вѣчность блаженная для тѣхъ, кои употребляли время свое, какъ должно, и злополучная для тѣхъ, кои употребляли его всуе.

Будемъ ли въ безпечности ожидать сего часа грознаго? Но что можетъ быть безразсуднѣе подобной безпечности? Это значило бы обречь себя на явную погибель. А если такъ, то, по выходѣ изъ сего храма, обрѣтши уединенное мѣсто, размыслимъ прилежно о томъ, какъ проводили мы доселѣ свое время, и какъ намъ проводить его отселѣ. Такое размышленіе послужитъ для каждаго вмѣсто самаго назидательнаго поученія, и не на одинъ нынѣшній день, а на цѣлый наступающій годъ, на всю жизнь. Аминь.

Слово на второй день Новаго Года *).

Съ новымъ лѣтомъ благодати, благородныя воспитанницы! Съ новымъ лѣтомъ благодати и новымъ счастіемъ: ибо гдѣ благодать Божія, тамъ и счастіе. Въ самомъ дѣлѣ, не счастіе ли, что съ новымъ годомъ всѣ мы, великіе и малые, можемъ опять дѣлать много добраго? Не счастіе ли опять, что съ новымъ годомъ всѣ мы, и малые и великіе, можемъ вознаграждать и исправлять, если прежде сдѣлано было что-либо злаго и недобраго? Эта двойная возможность — продолжать дѣлать добро и продолжать изглаждать зло, есть уже великое счастіе: и его-то всѣмъ намъ равно приноситъ новое лѣто благодати Божіей!

«Но, великъ ли кругъ добра, которое мы можемъ дѣлать въ нашемъ возрастѣ и состояніи?» подумаетъ какая-либо изъ васъ.— Тѣмъ неизвинительнѣе, возлюбленныя, если невозумѣемъ наполнить и этого малаго круга дѣйствій добромъ чистымъ; а такое несчастіе, пожалуй, легко можетъ постигнуть насъ, если, подъ предлогомъ малости нашего круга дѣйствій, предадимся лѣности и небреженію, и что

*) Сказанное въ домовой церкви харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1844 года.

еще хуже, гордости и величанію. Но, думать, что кругъ дѣятельности вашей слишкомъ малъ и тѣсенъ, была бъ сущая несправедливость. Мало-ль всѣмъ вамъ можно дѣлать добраго? И, во-первыхъ, вы можете въ новомъ лѣтѣ быть усердными къ храму Божію, къ домашней молитвѣ и къ занятію закономъ Божіимъ: это добро великое и на всю жизнь вашу! Вы можете въ новомъ лѣтѣ быть внимательными къ наукамъ и искусствамъ, вамъ преподаваемымъ, развивать правильно способности души и сердца, обогащать свой умъ полезными знаніями: это также добро великое и на всю жизнь вашу! Вы можете въ новомъ лѣтѣ постоянно оказывать преданность и послушаніе своимъ начальникамъ и наставникамъ, выполнять во всей точности ихъ распоряженія и уроки, слѣдовать во всѣхъ дѣйствіяхъ правиламъ благоразумія, пріучать себя къ чистотѣ души и тѣла, къ порядку, скромности и простотѣ: это добро великое и на всю жизнь вашу! Можете, не бывши родными, жить всѣ какъ родныя, раздѣлять между собою благія мысли и чувствованія, научиться помогать другъ другу и исправлять другъ друга отъ недостатковъ: это также добро великое и на всю жизнь вашу. Наконецъ, хотя ваша жизнь здѣсь, сколько возможно, освобождена отъ нуждъ и защищена отъ непріятностей; но какъ жизнь человѣческая необходимо подлежитъ, по временамъ, нѣкоторымъ лишеніямъ и даже скорбямъ; посему вы можете заранѣе навыкать терпѣнію, великодушію, умѣнью быть выше пріятныхъ обстоятельствъ: это также добро не малое и на всю жизнь вашу, въ коей, послѣ святой вѣры и добродѣтели, ничего такъ не нужно для каждаго изъ насъ, какъ терпѣніе и смиреніе.

Видите, сколько добра можно дѣлать вамъ, благородныя воспитанницы, въ настоящемъ возрастѣ и состояніи вашемъ! Кто осмѣлится сказать, чтобы этотъ кругъ добра былъ малъ и тѣсенъ? Скорѣе надобно молить Господа, чтобы Онъ подалъ силы наполнить его однимъ чистымъ добромъ. Ибо, предоставленные самимъ себѣ, безъ помощи благодати Божіей, мы, какъ учитъ слово Божіе и опытъ, и одной добродѣтели не можемъ исполнить, какъ должно, — даже не можемъ помыслить о чемъ-либо истинно добромъ, какъ увѣряетъ Апостолъ, сами по себѣ, но вся способность на это бываетъ въ насъ отъ Бога.

Все сіе представится еще важнѣе, если мы на то, что можно вамъ въ новомъ году дѣлать добраго, будемъ смотрѣть по отношенію не къ одному настоящему, а и будущему вашему состоянію. Ибо ваше пребываніе здѣсь временное и пріуготовительное къ тому, чтобы со временемъ вступить въ кругъ жизни, который для многихъ изъ васъ будетъ и обширенъ и разнообразенъ: тамъ должны раскрыться вполнѣ ваши способности и дарованія; тамъ должны принести плоды ваши познанія, и ваши добрыя качества. Какого блага нельзя ожидать для вашихъ семействъ, даже для всего общества, если вы, вышедъ изъ-подъ благословенной сѣни дома сего, явитесь пріуготвленными на все доброе и святое, пріученныя и ко всякимъ видамъ добродѣтелей, умѣющими побѣждать зло, въ какомъ бы обольстительномъ призракѣ ни явилось оно предъ вами. Но чтобъ быть таковыми, чтобы имѣть эту драгоцѣнную способность, для сего надобно предварительно воспитать себя въ духѣ вѣры и благихъ нравовъ, надобно свыкнуться съ добромъ и утвердить въ себѣ навсегда нераскаянное отвращеніе отъ всякаго вида грѣха. Безъ сего, хотя бы вамъ, по вступленіи вашемъ отсюда въ кругъ жизни общественной, и пришло желаніе быть добрыми, мы встрѣтимъ не мало къ тому препятствій въ себѣ самихъ, отъ собственнаго нечистаго сердца: ибо къ добру надобно пріучить себя постояннымъ упражненіемъ, чтобы оно сдѣлалось уже неотъемлемою нашею собственностію.

Съ сей стороны новое лѣто, какъ сами можете видѣть, есть опять драгоцѣнный даръ Божій: ибо, съ продолженіемъ его, мы можемъ пріобрѣсти, столь необходимый для всѣхъ насъ, навыкъ въ добрѣ. Воспользуемся же сею благодатію; не злоупотребимъ даромъ небеснымъ, то есть, временемъ; поспѣшимъ украсить душу свою вѣрою и благими нравами, ибо только одни эти украшенія никогда не старѣютъ, всегда новы и всегда привлекаютъ на насъ не взоры токмо людей, а и благословеніе Самого Бога. Говоримъ все это для того, что можно въ новомъ лѣтѣ пойти и противнымъ путемъ, можно вознерадѣть о наукахъ и искусствахъ, можно оказывать духъ упрямства и неповиновенія начальству, можно предаться своенравію, разсѣянію, скрытности, лукавству, нечистымъ мыслямъ и предосудительнымъ поступкамъ. Увы, въ падшей природѣ нашей есть несчастная возможность,

и даже наклонность ко всему этому! Но, что будетъ съ тою изъ васъ, которая, забывъ страхъ Божій, забывъ цѣль воспитанія своего, пошла бы симъ путемъ злополучнымъ? Таковая потеряла бы спокойствіе своей совѣсти и сердца; причинила бы печаль своимъ родителямъ и благодѣтелямъ, горесть своимъ начальникамъ и наставникамъ; таковая возмутила бы свѣтлый и чистый кругъ вашъ; удалила бы отъ себя своего Ангела-хранителя; лишилась бы благодати и благословенія Божія; подпала бы добровольной ужасной зависимости духа злобы,—того общаго врага нашего, который, по свидѣтельству Апостола, ходитъ невидимо всюду, яко *левъ, искій кого поглотити* (I Петр. 5. 8).

Новый годъ, такимъ образомъ проведенный, былъ бы источникомъ не успѣха и счастія, а величайшихъ печалей и бѣдствій. Жить такимъ образомъ—значитъ не жить, а ежедневно умирать духомъ. Да сохранитъ васъ Господь отъ сей смерти духовной! А чтобы она не приближалась къ намъ, дадимъ предъ симъ престоломъ Бога живаго и всевидящаго, дадимъ отъ всего сердца обѣтъ дѣлать въ продолженіе наступившаго года одно доброе и убѣгать всякаго вида зла; а если бы, по несчастію, оно какъ-либо вторглось въ душу, нашу, тотчасъ изгонять его искреннимъ раскаяніемъ и обращеніемъ съ молитвою ко Господу. При такомъ расположеніи духа, мыслей и поступковъ нашихъ, что бы ни случилось съ нами, будьте увѣрены, все, при помощи Божіей, обратится намъ во благо. Аминь.

Бесѣда въ день Срѣтенія Господня.

Четыредесять дней протекло уже съ тѣхъ поръ, какъ мы торжествовали пришествіе на землю Сына Божія. Кто былъ не празднымъ зрителемъ празднествъ, совершаемыхъ Церковію, тотъ могъ въ это время научиться многому; кто слѣдовалъ за Спасителемъ своимъ бодрственною и чистою мыслію, тотъ знаетъ уже, куда ведетъ путь Христовъ,—на Голгоѳу, а потомъ на небо! — Нынѣ Іисусъ во храмѣ, не какъ Господь храма—ибо Онъ пришелъ послужить и дать душу Свою во избавленіе за всѣхъ,—а какъ жертва Богу Израилеву, какъ первенецъ матери, или паче всего рода человѣческаго. То

же глубокое смиреніе и въ храмѣ, какое видимо было въ Виѳлеемѣ, но и та же божественная слава. Какъ въ Виѳлеемѣ нашлись люди, кои достойнымъ образомъ привѣтствовали Божественное Отроча, такъ и здѣсь родъ человѣческій успѣлъ выслать на срѣтеніе Его двухъ Ангеловъ во плоти: Симеона и Анну, престарѣлыхъ лѣтами, но юныхъ духомъ,— образецъ жизни, проведенной въ служеніи Господу!

Но не укоснимъ, братіе, перенестись мыслію въ самый храмъ іерусалимскій, дабы видѣть, какъ все это происходило на самомъ дѣлѣ.

И егда исполнишася дніе очищенія ею, по закону Моисееву, вознесоста Его во Іерусалимъ, поставити Его предъ Господемъ, якоже есть писано въ законѣ Господни: яко всякъ младенецъ мужеска полу, разверзая ложесна, свято Господеви наречется (Лук. 2, 22. 23).

Итакъ, причина, почему четыредесятодневное Отроча принесено во храмъ, заключалась въ законѣ Моисеевомъ о первенцахъ. Посему настоящій праздникъ, равно какъ и праздникъ обрѣзанія, можно назвать праздникомъ исполненія закона.

Законъ повелѣвалъ ставить предъ Господомъ первенцевъ спустя 40 дней по рожденіи, въ память чудеснаго исшествія израильтянъ изъ Египта, коему, какъ извѣстно, предшествовало чудесное избіеніе первенцевъ египетскихъ (Исх. 13, 1—3). Чтобы увѣковѣчить въ народѣ еврейскомъ память сего благодѣянія, Господь повелѣлъ являться предъ лице Свое каждому первенцу израильскому.—Такая причина и цѣль закона о первенцахъ явно нисколько не касалась великаго Первенца Маріи. Какъ Сынъ Божій, Онъ былъ свободенъ отъ закона сыновъ человѣческихъ. И однако же исполнилъ его со всею точностію! Для чего? Дабы дать всѣмъ намъ примѣръ повиновенія существующимъ законамъ. Такъ поступалъ Онъ и во всю жизнь Свою, — исполнялъ предписанія закона не только нравственнаго, который былъ необходимъ и для Него, но и обрядоваго, хотя послѣдній, какъ пришедшій къ своему концу, долженствовалъ быть Имъ уничтоженъ. Господь и отмѣнилъ его потомъ—чрезъ Своихъ Апостоловъ, а Самъ — исполнялъ! — Примѣромъ для всѣхъ, кои призваны быть законодателями и вождями другихъ! Они должны нерѣдко исполнять болѣе, нежели сколько требуютъ

отъ другихъ, дабы другихъ заставить исполнять не менѣе того, сколько требуется.

При исполненіи закона о первенцахъ, надлежало приносить и жертвы. *И еже дати жертву по реченному въ законѣ Господни, два горличища, или два птенца голубина* (Лук. 2, 24). Жертва въ семъ случаѣ должна была состоять въ агнцѣ и горлицахъ. Только бѣдные, у коихъ не было агнцевъ, могли приносить однихъ горлицъ, или птенцовъ голубиныхъ. Евангелистъ, имѣя. вѣроятно, въ виду бѣдность Матери Іисусовой, умолчалъ объ агнцѣ.

Въ такомъ состояніи, братіе, былъ Господь и Спаситель нашъ, что Онъ не могъ, по причинѣ бѣдности. выполнить даже закона, какъ его выполняли другіе — богатые! — Не утѣшеніе ли это вамъ, кои находитесь въ подобныхъ обстоятельствахъ, желали бы жертвовать Богу, чѣмъ жертвуютъ другіе, но не можете сдѣлать сего? — Святое намѣреніе ваше, братіе, есть уже пріятная жертва Господу, Который благихъ нашихъ не требуетъ и взираетъ не на дары, а на сердце наше.

Доселѣ смиреніе Божественнаго Отрочати; теперь узримъ Его славу. Духъ Святый давно образовалъ громкихъ провозвѣстниковъ Его явленія, кои ждутъ токмо мановенія свыше, чтобы изыти во срѣтеніе *Утѣхи Израилевы.*

Грядите, людіе Божіи, и станите предъ Нимъ съ вашими добродѣтелями!

И се, бѣ человѣкъ во Іерусалимѣ, ему же имя Симеонъ.

Кто и что былъ Симеонъ по плоти, Евангелистъ не сказываетъ; за то образъ души его изображенъ имъ со всею подробностію. Въ Симеонѣ былъ весь соборъ добродѣтелей: *бѣ человѣкъ сей праведенъ*—вотъ любовь къ ближнимъ, *благочестивъ* — вотъ любовь къ Богу, *чая Утѣхи Израилевы*—вотъ вѣра въ обѣтованнаго Искупителя! Большихъ совершенствъ отъ члена Церкви ветхозавѣтной нельзя было и требовать. Но въ Симеонѣ было—болѣе!—*Духъ бѣ Святъ въ немъ!*

Такому-то человѣку—у Бога нѣтъ лицепріятія!—*обѣщано бѣ Духомъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня.* Для чего обѣщано?—Надлежало во-первыхъ, чтобы Господь храма, пришедъ въ храмъ, не остался безъ достойнаго срѣтенія. Увы, руки священниковъ іудейскихъ уже

не способны были благословить Благословеннаго! Съ другой стороны, для святаго старца это было величайшею наградою, предвкушеніемъ на землѣ радостей небесныхъ. Мы привыкли за ничто считать зрѣніе благодатныхъ таинъ Божіихъ, а ветхозавѣтные праведники съ радостію готовы были жертвовать жизнію, дабы видѣть то, что всегда видятъ наши недостойныя очи.

Можно судить, братіе, чѣмъ, послѣ такого обѣтованія, сдѣлалась для Симеона вся его жизнь!—Безъ сомнѣнія, съ каждымъ восходомъ солнца старецъ ожидалъ Востока свыше, съ каждымъ западомъ воспоминалъ о своемъ западѣ. Обѣтованіе, какъ бы съ намѣреніемъ, было неопредѣленно. Обѣщано видѣть; но какъ, когда и гдѣ?—сего не сказано, дабы вѣра и упованіе съ каждымъ днемъ находили для себя новую пищу.

И вотъ, въ одинъ день, Духъ говоритъ Симеону, чтобы онъ шелъ въ церковь: дѣло привычное, но непривычное воззваніе! Можно было уже предчувствовать, что въ храмѣ есть теперь нѣчто болѣе храма. Приходитъ, и видитъ—самое обыкновенное—Матерь съ Младенцемъ, но, Боже Израилевъ, кто сей Младенецъ!—Мессія, Христосъ Господень!—Глубокая простота и бѣдность окружаютъ Его, но для Симеона Онъ тѣмъ святѣе и драгоцѣннѣе. Воскрыленный восторгомъ, старецъ пріемлетъ Отроча въ свои объятія, взираетъ на Него и не смѣетъ взирать, благословляетъ и проситъ благословенія, молится о Немъ и Его молитъ о себѣ. Наконецъ отъ полноты сердца разверзаются уста, и языкъ вѣщаетъ *слово благо:*

Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, съ миромъ: яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое, еже еси уготовалъ предъ лицемъ всѣхъ людей: свѣтъ во откровеніе языковъ и славу людей Твоихъ Израиля.—То-есть, какъ бы такъ говорилъ св. старецъ: мнѣ нечего теперь дѣлать на землѣ, ибо я видѣлъ все, самое Спасеніе!

Отъ себя и Израиля обращаетъ потомъ Симеонъ взоръ на хранителей и служителей Утѣхи Израиля: привѣтствуетъ ихъ съ необыкновеннымъ жребіемъ и благословляетъ на великій подвигъ. *И благослови я Симеонъ.* Но вмѣстѣ съ тѣмъ духовному взору его предстаетъ будущее: онъ видитъ, какъ Свѣтомъ языковъ не просвѣщаются, а омра-

чаются очи Израиля: какъ синагога не узнаетъ великаго *дня посѣщенія* (Лук. 19, 44) своего; какъ краеугольный Камень, не смотря на Свою многоцѣнность, отвергается зиждущими (Матѳ. 21, 42); какъ о Него претыкаются и сокрушаются многіе,—какъ и въ новомъ Израилѣ, между самыми христіанами, являются *враги креста Христова* (Фил. 3. 18), имя Іисуса служитъ то знаменіемъ вражды и гоненій, то покровомъ лицемѣрія, то возглавіемъ духовной праздности,—видитъ, и въ сокрушеніи духа восклицаетъ: *се, лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили, и въ знаменіе пререкаемо, яко да откроются отъ многихъ сердецъ помышленія!—И Тебѣ же самой*, продолжаетъ старецъ, обратясь къ Матери Мессіи и не имѣя возможности удержать дѣйствій дара пророчественнаго,—*и Тебѣ самой душу пройдетъ оружіе:* до того, то есть, ты будешь подлежать напастямъ и скорбямъ!

Такое пророчество о Сынѣ и Его Матери не могло, братіе, радовать сердце Маріи. И его-то внушено произнести теперь святому старцу! Въ тотъ день, когда, повидимому, прилично было только радоваться, благословлять и славословить!—Такъ тщательно Промыслъ берегъ смиреніе Маріи!—Будучи предназначена къ безпримѣрному величію—быть Матерію Сына Божія, Она, подобно своему Сыну, не имѣла на землѣ, гдѣ успокоить главу, увѣнчанную тернами,—доколѣ не нашла успокоенія въ объятіяхъ Сына—на небѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте: во время плодоношенія быть предметомъ ужаснаго подозрѣнія для самаго хранителя своего дѣвства, во время рожденія—не имѣть мѣста въ обители и положить Младенца въ ясляхъ, въ храмѣ принять, вмѣстѣ съ благословеніемъ, оружіе въ сердце, потомъ бѣжать въ Египетъ, возвратясь оттуда жить въ бѣдности и нищетѣ въ Назаретѣ, потомъ быть свидѣтельницею клеветъ и гоненій на Сына, потомъ—стоять на Голгоѳѣ: не крестная ли это лѣствица, досягающая небесъ?—И удивительно ли, если, идя по ней вѣрно и непрестанно, Маріамъ прошла далѣе Херувимовъ и Серафимовъ?—У нихъ—океанъ свѣта и пламени Божественнаго, но нѣтъ—своего—креста!

Марія умѣла идти сею лѣствицею. Когда Архангелъ поднесъ Ей вѣтвь райскую и привѣтствовалъ Ее Матерію Сына Божія, Она сказала: *се раба Господня!*—Когда Симеонъ ука-

залъ на оружіе въ сердцѣ. Она приняла и его: и *слагаше глаголы сія* въ томъ же *сердцѣ!* Кто предалъ себя истинно Богу, тотъ не разбираетъ даровъ Божіихъ, изъ чего ни состоятъ они; ибо знаетъ, что Отецъ небесный не подаетъ вмѣсто хлѣба камней!

Торжественно-печальнымъ пророчествомъ Симеона удобно могло заключиться все священнодѣйствіе. Чего болѣе—старецъ разрѣшенъ отъ узъ жизни. Благословенный благословенъ. Свѣтъ языковъ возвѣщенъ, паденіе и возстаніе многихъ предсказано, указано оружіе самой Матери: чего болѣе?—Но Промыслу угодно было при семъ ввести въ дѣйствіе и показать всему міру еще одно лице, могущее служить примѣромъ для женъ, подобно какъ Симеонъ—примѣръ для мужей.—Это Анна пророчица, *дщи Фануилева, отъ колѣна Асирова.*

Смерть похитила у ней супруга на 7-омъ году брака. Но Анна умѣла найти новаго, вѣчнаго Жениха для своего сердца, посвятивъ себя навсегда Богу Израилеву. Съ тѣхъ поръ жизнь ея сдѣлалась непрерывнымъ служеніемъ Господу. *Не отхождаше,* говоритъ Евангелистъ, *отъ церкви, постомъ и молитвами служащи день и нощь.* И такою святою жизнію прожито было—слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ!—Не трудно заключить послѣ сего, какъ высоко стояла сія св. жена! — Съ такой высоты нельзя было не увидѣть Солнца правды,— и святая старица узрѣла Его. *И та приставши, исповѣдашеся Господеви, и глаголаше о Немъ всѣмъ чающимъ избавленія во Іерусалимѣ. Приставши,* то есть какъ бы случайно и не нарочно; а между тѣмъ это случайное и ненамѣренное событіе возвѣщено всему міру, и, безъ сомнѣнія, предопредѣлено Промысломъ со всею точностію. — Таковы въ жизни святыхъ Божіихъ человѣковъ самыя случайности! — Между тѣмъ, какъ Симеонъ пойдетъ свидѣтельствовать о Утѣхѣ Израиля чающимъ избавленія отъ Нея въ другомъ мірѣ, Анна останется на землѣ, и повѣствованіе ея о томъ, что происходило нынѣ въ храмѣ, будетъ для недостойнаго Іерусалима вмѣсто гласа ангельскаго.

И яко скончашася вся по закону Господню,—заключаетъ Евангелистъ описаніе свое,—*возвратишася въ Галилею, во градъ свой Назаретъ* (Лук. 2, 39). То есть, какъ бы такъ сказалъ Евангелистъ: все, что было теперь съ Іисусомъ во

храмѣ, было данію отъ Него закону Моисееву. Посему-то мы и назвали настоящій праздникъ праздникомъ исполненія закона.

Взглянемъ еще разъ на все въ совокупности. Юная Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, — о страну Ея старецъ Іосифъ, хранитель Ея дѣвства,—предъ ними еще два старца: Симеонъ и Анна,—и какой-либо священникъ іудейскій: вотъ весь соборъ храма іерусалимскаго, вся нынѣшняя свита Царя славы! Гдѣ же царь Израилевъ, который хотѣлъ поклониться Отрочати? — Онъ подписываетъ смертный приговоръ младенцамъ виѳлеемскимъ! Куда дѣвались первосвященники и книжники?—Они почиваютъ на законахъ и справляются въ книгахъ: *гдѣ Христосъ раждается* (Матѳ. 2, 4), и приходитъ ли *пророкъ отъ Галилеи* (Іоан. 7, 52)? Почему нѣтъ здѣсь по крайней мѣрѣ *чающихъ избавленія во Іерусалимѣ?* — Одному, можетъ быть, не сказалъ Духъ, чтобы идти теперь въ храмъ,—другому, можетъ быть, и было сказано, но онъ не пошелъ,—а иной, можетъ быть, и пошелъ, но возвратился вспять. Какъ бы то ни было, только Господь храма пришелъ нынѣ въ храмъ принесъ за Себя жертву; а Іерусалимъ узнаетъ о томъ уже послѣ—изъ устъ 84-лѣтней старицы! — И когда узнаетъ о семъ, то узнанный уже будетъ въ Египтѣ,—тамъ, откуда Онъ самый неблагодарный народъ вывелъ нѣкогда *рукою высокою!*—Такъ скоро, братіе, начинается паденіе многихъ, предсказанное Симеономъ! — Почему и отчего начинается? Отъ недостатка ли свѣта и откровеній? Но его будетъ достаточно къ просвѣщенію самыхъ язычниковъ. Отъ востокъ и западъ пріидутъ возлечь со Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ,—а Израиль не уразумѣетъ *времени посѣщенія своего* (Лук. 19, 44) и послѣ, какъ не уразумѣлъ теперь! — Не уразумѣетъ потому, что *не восхотѣ разумѣти,* потому что одебелѣ и умомъ и сердцемъ, смежилъ очи, чтобъ, *видя, не видѣть*, затворилъ слухъ, чтобы, *слыша, не слышать* (Іоан. 12, 40)!

Будемъ, братіе, и мы блюстись сего *духа нечувствія* и ожесточенія, который погубилъ древняго Израиля, но самъ не погибъ съ нимъ. Мы не можемъ уже, подобно іудеямъ, не узнать Спасителя своего; ибо каждый изъ насъ, съ самаго младенчества, посвящается Ему во храмѣ такъ же, какъ Онъ Самъ посвященъ нынѣ Господу; но можемъ, подобно

имъ, отвергать Его—нашимъ невѣріемъ, оскорблять—нашею нечистотою, распинать — нашими грѣхами. А это, братіе, стократъ хуже того, что было съ іудеями; ибо если отверженіе Неузнаннаго есть великій грѣхъ, то что сказать объ отверженіи Познаннаго!—Апостолъ видѣлъ нѣкогда въ духѣ участь тѣхъ, кои, познавъ Сына Божія, измѣняютъ Ему своею жизнію,—и въ ужасѣ воскликнулъ: *страшно есть впасти въ руцѣ Бога живаго* (Евр. 10, 31)! — Будемъ же, говорю, подобно Симеону и Аннѣ, не дремля стоять на стражѣ спасенія своего,—принимать Господа, доколѣ Онъ приходитъ къ намъ въ благодатныхъ посѣщеніяхъ Своихъ, — не устами льстивыми и велерѣчивыми, а душею чистою и сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ. Такимъ образомъ Онъ будетъ и для насъ *въ славу и спасеніе*. А безъ того—страшимся,— Онъ положенъ и доселѣ лежитъ, не на возстаніе только. но и на паденіе многихъ, многихъ! Аминь.

Слово въ день Срѣтенія Господня.

Изъ многихъ вопросовъ, кои можно предложить себѣ касательно жизни нашей на землѣ, едва ли, братіе, не самый важный вопросъ о томъ, какъ лучше умереть? Нѣкоторые даже изъ языческихъ мудрецовъ поставляли въ этомъ всю мудрость человѣческую и не иначе называли ее, какъ наукою смерти. Кто же научитъ насъ сей, великой и необходимой для всѣхъ, наукѣ? Всего лучше, удобнѣе и скорѣе могутъ научить тѣ, кои сами прошли уже дверями гроба, и прошли безмятежно, въ мирѣ, съ радостію. Одинъ изъ таковыхъ — подлинно счастливцевъ,—есть праведный Симеонъ, Послушайте, что говоритъ онъ къ Богу, оканчивая жизнь свою: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ!* Можно подумать, что св. старецъ былъ доселѣ въ изгнаніи, и теперь только возвращается подъ родной кровъ;—находился доселѣ въ узахъ, и теперь только исходитъ на свободу! Что сдружило его такъ тѣсно съ ужаснымъ для всѣхъ насъ образомъ смерти? Почему гробъ кажется ему пріятнымъ ложемъ? Отчего съ такою радостію спѣшитъ онъ туда, куда другіе не могутъ и заглянуть безъ страха?

Часть этой тайны сказываетъ самъ Симеонъ: *яко видѣста,*

взываетъ онъ ко Господу, *очи мои спасеніе Твое!* То есть, какъ бы такъ говорилъ праведникъ: мнѣ нечего уже дѣлать на землѣ. ибо я видѣлъ все — Спасителя и самое спасеніе: увидѣвъ Его, мнѣ нечего страшиться и за предѣлами земли: ибо съ Нимъ—всемогущимъ Спасителемъ моимъ—*аще и пойду посредѣ сѣни смертныѣй, не убоюся зла.*

Но тутъ, братіе. какъ я сказалъ, только часть тайны Симеоновой, а не вся тайна. Спасеніе, видѣнное Симеономъ, видѣли очами своими многіе изъ современниковъ Симеона; видѣли гораздо болѣе и долѣе Симеона; однако же мы не видимъ въ Евангеліи, чтобы кто другой, кромѣ Симеона, сказалъ: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ!* Было нѣчто въ Симеонѣ, что спасеніе, видѣнное имъ наравнѣ съ другими, усвояло ему несравненно предъ другими. Это важное нѣчто, умолчанное Симеономъ по смиренію, открываетъ Евангелистъ, когда изображаетъ лице Симеона. *Человѣкъ сей,* говоритъ онъ о Симеонѣ, *бѣ праведенъ и благочестивъ, чая Утѣхи Израилевы, и Духъ бѣ Святъ въ немъ, и бѣ ему обѣщано Духомъ Святымъ не видѣти смерти прежде, даже не видитъ Христа Господня* (Лук. 2, 25. 26), то есть въ Симеонѣ былъ цѣлый соборъ добродѣтелей: любовь къ ближнимъ питала въ немъ любовь къ Богу и страхъ Божій; страхъ и любовь укрѣпляли вѣру въ Искупителя; вѣра привлекла Духа Святаго; Духъ удостоилъ откровеній и далъ возможность увидѣть Спасителя; лицезрѣніе Спасителя изгнало страхъ смерти;—и Симеонъ отходитъ съ миромъ туда, куда другіе не могутъ и воззрѣть безъ трепета!

Такимъ образомъ, вотъ святая тайна Симеона! Вотъ какъ дошелъ онъ до драгоцѣнной возможности—умереть въ мирѣ! Кто хочетъ смерти Симеоновой, тотъ иди путемъ Симеоновымъ: будь праведенъ и благочестивъ, вѣруй въ Искупителя, старайся содѣлаться жилищемъ Духа Святаго, и удостоишься лицезрѣнія своего Спасителя!

И во-первыхъ, для мирной смерти потребна, братіе, правда и непорочность. И въ продолженіе жизни тяжело бываетъ, когда совѣсть живо представляетъ какую-либо обиду, нанесенную ближнему, но стократъ это должно быть при смерти, когда совѣсть сама дѣлается несравненно живѣе и чище. Угасающій взоръ, по необходимости, ищетъ тогда, на чемъ бы успокоиться: судите же, каково должно быть это успокоеніе.

когда ему представится цѣлый рядъ жертвъ собственной жестокости, или лукавства! И не это ли тѣ ужасные призраки, кои нерѣдко мучатъ умирающихъ явленіемъ своимъ? Мы привыкли изъяснять ихъ мученія страданіями тѣла; но тѣло ли всему виною? Ахъ, какъ иное, совершенно иное услышали бы мы отъ многихъ умирающихъ, если бы языку ихъ, связанному узами смерти, дано было разрѣшиться и проглаголать намъ ужасную истину! Страданія тѣла бывали и у людей праведныхъ: но душа ихъ отходила ко Господу въ мирѣ:—почему?—Не потому ли, что жила съ Господомъ въ мирѣ? — Не отъ того ли, что совѣсть у нихъ, будучи совершенно мирна, умиротворяла и тѣло, а душа, будучи свободна отъ тяжестей грѣховныхъ, по тому самому удобно возносилась надъ землею и парила къ небу?—Какова жизнь, такова и смерть!

Второе надежнѣйшее средство противъ ужасовъ смерти, по указанію св. Симеона, есть любовь къ Богу, или благочестіе. Не трудно угадать, какъ дѣйствуетъ это средство и въ чемъ его сила. Посмотрите на сына, любящаго отца и долго бывшаго въ разлукѣ съ нимъ! Онъ готовъ перенести все, чтобы возвратиться въ домъ отеческій; не взираетъ при семъ ни на ярость волнъ морскихъ, ни навысоту горъ, ни на другія опасности. Такъ и человѣкъ, любящій своего Господа, съ радостію спѣшитъ въ двери гроба, не смотря на тѣсноту и мрачность ихъ; ибо знаетъ, что это единственный путь къ возврату въ домъ отеческій. А безъ этой любви къ Отцу небесному, безъ этой дѣтской привязанности къ горнему отечеству, переходъ въ другой міръ, по необходимости, долженъ быть тяжелъ и непріятенъ. Какъ съ миромъ идти туда, куда не хотѣли бы идти вѣчно? Какъ явиться предъ того Бога, Который всю жизнь былъ или забываемъ, или оскорбляемъ? — Въ такомъ случаѣ умирающій грѣшникъ подобенъ тому рабу, который пойманъ въ бѣгствѣ, и насильно возвращается предъ своего владыку. Можно ли тутъ не трепетать и не мучиться душею?

Третье средство противъ ужасовъ смерти, по указанію праведнаго Симеона, есть живая вѣра въ Искупителя. — Худо, братіе, очень худо безъ вѣры въ продолженіе жизни: но стократъ хуже при смерти. Во время жизни многое, повидимому, можетъ замѣнять вѣру и, къ сожалѣнію, замѣняетъ

для многихъ; но при смерти, увы, ничто не замѣнитъ!— Минуты смерти, явно, суть самыя важныя и рѣшительныя: можно ли положиться тогда на самихъ себя, на свое мужество, на свою мудрость, даже на самую добродѣтель?— Тутъ мы исчезаемъ для міра и міръ для насъ; тутъ преставленіе свѣта для каждаго, страшный судъ для каждаго! Посему нужна и помощь высшая, всемогущая; нуженъ не ходатай, не Ангелъ, но Самъ Господь. Только Его имени слушаетъ небо и земля, только предъ Нимъ трепещетъ адъ и всѣ духи злобы;—посему только съ живою вѣрою въ Него мы можемъ пройти въ мирѣ ужасную бездну тлѣнія и непреткновенно изыти въ свободу чадъ Божіихъ.

Эту необходимость вѣры въ Искупителя при смерти прекрасно выражаетъ св. Церковь, влагая въ руки каждому умершему крестъ. Но, братіе, чтобы сей крестъ имѣлъ силу дѣйствовать за насъ при смерти, надобно, чтобы онъ прежде воздѣйствовалъ во время жизни и истребилъ грѣхи наши. Крестъ, влагаемый въ руки умершему, остается въ гробѣ и истлѣваетъ съ тѣломъ;—съ душею идетъ тотъ крестъ, который она сама для себя соорудила, въ продолженіе своея жизни. Желаете знать, какъ сооружается сей нетлѣнный крестъ?—Двоякимъ образомъ: во-первыхъ, великодушнымъ перенесеніемъ о имени Господа Іисуса тѣхъ бѣдствій и искушеній, коими Промыслъ посѣщаетъ каждаго изъ насъ для нашего очищенія; во-вторыхъ, упражненіемъ себя въ различныхъ произвольныхъ лишеніяхъ ради Его же пресвятаго имени. Такой крестъ не истлѣетъ въ землѣ; съ нимъ душа предстанетъ и на всемірный судъ; онъ будетъ служить украшеніемъ ея на всю вѣчность!

Четвертая причина, почему для праведнаго Симеона смерть была мирною, состояла въ томъ, что онъ былъ исполненъ Святаго Духа. Не трудно понять дѣйствіе и этой причины. Какъ ангелу смерти отягчить руку свою надъ тѣмъ, въ комъ зритъ Духа Божія?—И вѣяніе прохладнаго воздуха облегчаетъ страданія болящаго; и дыханіе устъ матери или друга услаждаетъ томленія лежащаго на одрѣ смерти: какого же облегченія не можетъ произвести благодатное вѣяніе Духа Божія?—И можетъ ли Онъ не осѣнять, въ минуты смерти, душу, которая была вѣрною Ему въ продолженіе своея жизни?—О, блаженны, стократъ блаженны *мертвіи*,

умирающіи такимъ образомъ *о Господѣ!* Самъ *Духъ глаголетъ,* что они *почіютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. 14, 13).

И такое блаженство, братіе, можно сказать, безъ всякаго съ нашей стороны усилія доставалось бы каждому изъ насъ, если бы мы сами не лишали себя онаго. Ибо, при всей важности даровъ Святаго Духа, благодать Его низводится въ душу каждаго изъ насъ при самомъ началѣ жизни нашей—въ таинствѣ крещенія. Въ то же время, въ таинствѣ мvропомазанія, мы видимо печатлѣемся печатію Св. Духа. И въ продолженіе жизни, во всѣхъ прочихъ таинствахъ, молитвами Церкви и пастырей ея, пріемлемъ благодать Духа. Такимъ образомъ, мы христіане всѣ отъ рожденія Духоносцы, и посему самому имѣемъ въ себѣ великое средство противъ страховъ смерти. Отчего же большею частію трепещемъ ея? Отъ того, что, безъ елея благихъ мыслей и дѣлъ, огнь Святаго Духа скоро угасаетъ въ насъ отъ дуновенія страстей, а печать избавленія меркнетъ и изглаждается въ душѣ отъ прираженія къ ней волнъ житейскаго моря;—отъ того, что мы приспособлены духомъ міра, который и въ продолженіе жизни нашей часто обращается въ вихрь и мятетъ насъ, какъ прахъ и стебліе, а при смерти тѣмъ паче не можетъ не разражаться бурнымъ дыханіемъ, сотрясающимъ весь бренный составъ нашъ. О горе, братіе, великое горе тому изъ насъ, кто до конца жизни позволитъ себѣ влаяться симъ тлетворнымъ духомъ! Адское дыханіе его охладитъ душу на одрѣ смерти, истлитъ сердце и возмятетъ всѣ исходища жизни!

Послѣднимъ напутіемъ для Симеона во время смерти было то, что онъ увидѣлъ очами своими Спасителя міра. *Нынѣ отпущаеши, Владыко, раба Твоего съ миромъ, яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое!*—Это напутіе таково, что я и не знаю, указывать ли его вамъ, какъ на всеобщее напутіе къ мирной кончинѣ: такъ оно далеко отъ нашихъ мыслей, отъ нашихъ нравовъ, отъ нашей жизни!—Но, братіе, такъ ли бы должно быть на самомъ дѣлѣ, если бы мы были христіанами не по имени?—Симеону обѣщано было Духомъ Святымъ не видѣти смерти, прежде даже не видитъ Христа Господня; а намъ развѣ не дано сего обѣщанія?—Послушайте, что говоритъ Самъ Тотъ, Кого нынѣ носитъ на рукахъ своихъ Симеонъ. *Любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ*

Моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ (Іоан. 14. 21). Что можетъ быть яснѣе, опредѣленнѣе и рѣшительнѣе сего обѣтованія?—Люби Господа, и увидишь Господа! Какимъ образомъ является Онъ любящимъ Его, этого ни я не могу сказать, ни тебѣ не нужно знать заранѣе: это тайна Являющагося, которую открываетъ Онъ Самъ при посѣщеніи Своемъ. Но то несомнѣнно, что узрѣвъ Его—ты забудешь вся красная міра, съ радостію поспѣшишь къ Нему, въ обитель Отца Его, хотя бы тебѣ досталось идти туда путемъ крестнымъ. О, Господь умѣетъ *влечь за Собою* (Пѣс. Пѣс. 1, 3)! Свидѣтели—всѣ святые Божіи человѣки, кои, узрѣвъ въ своей душѣ Господа, шли на смерть, какъ женихъ идетъ на бракъ.

Чтобы для однихъ — достойныхъ ознаменовать, а для другихъ—менѣе способныхъ замѣнить это невидимое явленіе Свое, Господь является у одра почти каждаго болящаго и видимо—въ Тѣлѣ и Крови Своей. Хотя бы симъ Богоявленіемъ мы умѣли пользоваться! Хотя бы здѣсь спѣшили принимать Господа и озариться свѣтомъ лица Его прежде, нежели померкнетъ свѣтъ въ очахъ, — отверзали для Него уста и сердце прежде, нежели онѣ заключатся навсегда болѣзнію!— А то что бываетъ? Смотрятъ на священника, несущаго чашу жизни какъ на ангела смерти, и потому стараются, какъ можно долѣе не видѣть его!—Пріемлютъ Тѣло и Кровь Господа, когда уже не могутъ принимать ничего и, такимъ образомъ, не срѣтаютъ, а, можно сказать, претыкаются о своего Спасителя!—О, Господи, не здѣсь ли Ты по сему самому лежишь наипаче на *паденіе многихъ во Израили и въ знаменіе пререкаемо* (Лук. 2, 35)? — Въ такое знаменіе, о коемъ никакъ нельзя съ увѣренностію сказать: во что служитъ оно пріемлющимъ его,—въ жизнь вѣчную, или въ судъ и осужденіе? — Подлинно, тутъ открываются *отъ многихъ сердецъ помышленія* (Лук. 2, 35); видно бываетъ, какова была жизнь, и чего надобно ожидать по смерти!...

Но я, вмѣсто освобожденія васъ отъ страха смерти, непримѣтно самъ навожу на себя и на васъ страхъ.—Что дѣлать, братіе, когда мы и наша жизнь таковы, что о какихъ утѣшительныхъ истинахъ ни заговоришь съ сего св. мѣста, непримѣтно и невольно дойдешь до того, что ужасаетъ! Но сей страхъ во спасеніе, между тѣмъ, какъ нашъ ложный міръ и наши суетныя радости губятъ насъ.

Заключимъ, чѣмъ начали. Кто хочетъ кончины Симеоновой, тотъ иди путемъ Симеона: будь праведенъ, благочестивъ, вѣруй въ Искупителя, не угашай,—а если погубилъ, стяжи Духа и старайся удостоиться лицезрѣнія Спасителя. Аминь.

Слово на день Срѣтенія Господня.

Что совершилось нынѣ надъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ во храмѣ іерусалимскомъ, подобное тому совершено было, братіе мои, нѣкогда и надъ каждымъ изъ насъ. И мы, подобно Ему, были принесены во храмъ, поставлены предъ Господомъ; воцерковлены и посвящены Ему на вѣчное служеніе. Все это сдѣлано надъ нами въ такомъ возрастѣ, когда у насъ, яко младенцевъ, не было еще понятія о самихъ себѣ, и потому мы не знали, что съ нами происходитъ. Но св. Церковь не могла ни сама заниматься, ни занимать насъ обрядами праздными; совершенное надъ нами имѣло важный смыслъ; вмѣстѣ съ принесеніемъ насъ во храмъ и воцерковленіемъ, мы пріяли многія права и обѣтованія; равно какъ вмѣстѣ съ тѣмъ возлегли на насъ важныя и священныя обязанности. Не исполняя послѣднихъ, мы лишимся первыхъ, и не только лишимся, но и будемъ судимы, яко напрасно являвшіеся предъ лице Божіе и вотще пріявшіе благодать Духа. Посему, съ пришествіемъ въ возрастъ, намъ должно, какъ можно чаще, возобновлять въ памяти нашей то, что совершено надъ нами Церковію въ младенчествѣ, вникать въ духъ и силу совершеннаго, дабы, сообразуясь съ нимъ въ своемъ поведеніи и нравахъ, дѣйствительно содѣлаться тѣмъ, чѣмъ быть обѣщали, и пріять то, что намъ за сіе предоставлено. Настоящій день, яко день принесенія во храмъ Господа нашего, по образу коего совершено было и принесеніе насъ во храмъ, есть потому самый приличный для подобныхъ воспоминаній и размышленій. Итакъ, пренесемся, братіе мои, мыслію къ нашему младенчеству и посмотримъ, что происходило съ нами въ четыредесятый день бытія нашего.

Что это за жена, которая съ младенцемъ у груди трепещущею стопою подходитъ къ прагу церковному, видимо

спѣшитъ для какого-то святаго дѣла въ церковь, но, подошедъ къ дверямъ церковнымъ, останавливается и, какъ бы воспященная какою силою невидимою, не смѣетъ идти далѣе? Что это за жена и кто этотъ младенецъ? Это твоя мать, возлюбленный слушатель! А ея младенецъ—ты самъ! Насталъ четыредесятый день по твоемъ рожденіи,—и вотъ, по закону св. Церкви, мать несетъ тебя во храмъ для воцерковленія. Зачѣмъ же медлитъ она у прага церковнаго и не входитъ во храмъ? — Кто остановилъ ее?—Этотъ же самый законъ Церкви, воспрещающій женѣ родившей, до четыредесяти дней по рожденіи, входить въ домъ Божій. Для чего это запрещеніе? Да разумѣемъ, что всѣ мы зачинаемся во грѣхахъ и рождаемся въ беззаконіяхъ, и чрезъ то самое становимся недостойными того, чтобъ явиться лицу Божію, яко непреступному для грѣшниковъ святостію Своею.

Но не будемъ смущаться: насъ не долго заставятъ стоять внѣ храма; потому что, благодаря любви Божественной, у всѣхъ насъ есть Заступникъ и Ходатай всемощный. Покрытые Его заслугами, очищенные Его благодатію, украшенные Его именемъ, мы, не смотря на прирожденную порчу и несовершенство наше, будемъ приняты въ домъ Божій, представлены самому лицу Цареву, пріобщены даже къ лику друзей и присныхъ Ему.

Въ самомъ дѣлѣ, является служитель алтаря, пріемлетъ на свои руки, подобно Симеону, младенца, то есть насъ съ тобою, возлюбленный слушатель, подъемлетъ его предъ вратами церкви горѣ, образуетъ изъ него на воздухѣ крестъ и восклицаетъ: *воцерковляется рабъ Божій, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!* Когда вслѣдъ за симъ двери храма, какъ бы уступивъ крестному знаменію, разверзаются, священнослужитель входитъ съ младенцемъ, вѣщая отъ лица его словами св. Давида: *вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему!*

Дошедъ до средины храма, онъ останавливается, паки подъемлетъ младенца горѣ и, образуя имъ крестъ, возглашаетъ: *воцерковляется рабъ Божій, во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* и затѣмъ присовокупляетъ: *посредѣ церкви воспою Тя!*

Приходитъ потомъ къ Царскимъ вратамъ алтаря, снова подъемлетъ отроча во образъ креста и въ третій разъ вѣ-

щаетъ: *воцерковляется рабъ Божій, во имя Отца и Сына и Святаго Духа.*

Такимъ образомъ, рожденное уже посвящено Богу, уже введено въ домъ Царевъ. Симъ могло бы окончиться священнодѣйствіе. Но христіанину, яко сонаслѣднику Христа. предоставлены большія права; ему, яко *царскому священію*, дано входить во *внутреннѣйшее завѣсы* (Евр. 6, 19);—и вотъ священнослужитель, по тому же уставу Церкви, несетъ младенца—сквозь южныя двери—въ самое святилище, обходитъ съ нимъ вокругъ престола и. исходя изъ алтаря противоположнымъ путемъ, то есть, дверьми сѣверными, полагаетъ его на землѣ предъ вратами Царскими, откуда мать уже сама должна воспріять его. какъ бы отъ лица Господня.

Что же можетъ быть знаменательнѣе и вмѣстѣ трогательнѣе сихъ священнодѣйствій! Это троекратное образованіе креста изъ младенца, это внесеніе его во святилище и обхожденіе съ нимъ вокругъ престола, это положеніе его на землѣ предъ вратами царскими и пріятіе его отсюда самою матерію: сколько здѣсь уроковъ и для приносимаго, и для приносящей, и для дѣтей, и для самыхъ родителей.

Крестъ!—Имъ видимо означается, что если мы имѣемъ теперь доступъ и въ земной храмъ, и въ небесный Эдемъ. то страданіями за насъ на крестѣ Сына Божія, коими отверстъ для всѣхъ насъ рай, заключенный для всѣхъ же преступленіемъ нашего прародителя и собственными грѣхами. А между тѣмъ симъ же крестомъ на всю жизнь дается знать рожденному, что онъ, яко христіанинъ, долженъ .быть крестоносецъ, что его доля на землѣ не служеніе міру, а борьба съ нимъ, не угожденіе чувствамъ, а распинаніе плоти съ ея страстями и похотями.

Внесеніе младенца во святилище, не матерію или отцемъ, а іереемъ, показываетъ, что силы природы достаточны только для дарованія ему одной жизни естественной, но не довлѣютъ для введенія его въ жизнь духовную и благодатную; а обхожденіемъ вокругъ престола—видимо указуется на высокое предназначеніе христіанина — откровеннымъ лицемъ созерцать славу Божію, быть причастникомъ еще на землѣ таинъ жизни вѣчной, уготовлять себя въ блаженное сожитіе съ Архангелами и Ангелами, окружающими престолъ Божій,—въ мѣсто селенія самой славы Божіей. Въ частности,

обхожденіемъ вокругъ престола, напоминающимъ собою чинъ посвященія и бракосочетанія, младенецъ какъ бы посвящается во іереи Богу, а душа его уневѣщается Духу Святому. Наконецъ, положеніе младенца на землю предъ дверями Царскими даетъ разумѣть, что, не смотря на множество правъ духовныхъ, ему теперь усвоенныхъ, онъ, яко христіанинъ, долженъ всю жизнь пребывать во смиреніи духа и сердца, вмѣнять себя, яко ничто же предъ Господемъ: взирать на себя, яко на жертву, которая единожды и навсегда посвящена Господу, да отнынѣ не ктому себѣ живетъ и не ктому себѣ умираетъ, но умершему и воскресшему для него Спасителю.

А мать, подъемлющая отъ Царскихъ вратъ плодъ чрева своего, должна памятовать, что отселѣ онъ ей паки поручается Самимъ Господомъ, да болѣзнуетъ о немъ прочее духомъ, какъ прежде болѣла тѣломъ, *дондеже вообразится въ немъ Христосъ.*

Какъ, наконецъ, выразительно самое названіе сего священнодѣйствія! — *Воцерковляется рабъ Божій!* То есть, вводится въ Церковь, вставляется, какъ часть, въ свое великое и святое цѣлое, и вмѣстѣ съ тѣмъ самъ дѣлается церковію, живымъ храмомъ Бога живаго. Мать принесла его какъ плодъ природы; пріемлетъ назадъ какъ даръ благодати.

Помни же, принесенный и взятый, чѣмъ ты принесенъ и каковымъ взятъ! Помни, гдѣ ты былъ, кому и для чего представленъ! Помни, какое знаменіе отверзло тебѣ врата дома Божія! Помни престолъ, вокругъ коего тебя носили и который тебѣ предназначенъ, и землю, на коей былъ положенъ и въ которую пойдешь! Помни, что ты опять и также чуждыми руками будешь принесенъ нѣкогда въ церковь со крестомъ въ рукахъ! О, если бы ты тогда могъ усвоить себѣ слова праведнаго Симеона: *нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ. Яко видѣстѣ очи мои спасеніе Твое!* Но они усвоятся тебѣ, и ты почіешь съ миромъ до дня всеобщаго воскресенія, если въ продолженіе своей жизни не будешь забывать своего воцерковленія. Аминь.

Слово въ день Срѣтенія Господня.

Сіе вамъ глаголемъ словомъ Господнимъ.. яко Самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловѣ и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе: потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ (1 Сол. 4, 15—17).

Слыша и, можно сказать, видя нынѣ въ Евангеліи, какъ праведные Симеонъ и Анна срѣтаютъ во храмѣ іерусалимскомъ обѣтованнаго Избавителя міра, какою при семъ исполняются они радостію и блаженствомъ, вѣроятно, не одинъ изъ насъ готовъ позавидовать ихъ рѣдкой и счастливой участи, и почелъ бы для себя за верхъ желаній и наградъ, если бы ему дано было, уже не говоримъ—стать на ихъ мѣстѣ (это слишкомъ высоко и свято!), а по крайней мѣрѣ находиться отрану ихъ въ храмѣ іерусалимскомъ, дабы вмѣстѣ съ ними насладиться лицезрѣніемъ дражайшаго Спасителя.

Да утѣшится же и да возрадуется всякъ, кому придетъ нынѣ на сердце подобное благочестивое желаніе: ибо оно будетъ исполнено! Втораго рожденія Спасителя по плоти уже не будетъ: не будетъ втораго крещенія отъ Іоанна, не будетъ ни втораго воскресенія, ни вознесенія на небо; а второе срѣтеніе Господа будетъ, и послѣдуетъ при томъ въ такомъ видѣ, что во срѣтеніе Его должны изыти уже не одинъ Симеонъ и Анна, а всѣ мы, кои носимъ на себѣ имя христіанъ.

Когда, гдѣ и какъ имѣетъ быть это новое всемірное срѣтеніе? На всѣ сіи вопросы дается отвѣтъ въ вышеприведенныхъ словахъ св. Павла: *сіе вамъ глаголю словомъ Господнимъ... яко Самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловѣ и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ первѣе: потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ.*

Видите теперь, гдѣ совершается это второе срѣтеніе? Не въ храмѣ іерусалимскомъ или другомъ какомъ-либо мѣстѣ, а превыше земли, на воздусѣ: *въ срѣтеніе Господне на воздусѣ.* Видите, когда послѣдуетъ оно? Въ концѣ міра,

когда паки явится Господь и Спаситель нашъ съ небесе, для произведенія послѣдняго суда надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ: *яко Самъ Господь снидетъ съ небесе.* Видите, чѣмъ будетъ сопровождаться второе срѣтеніе Господа? Не принесеніемъ двухъ горлицъ, или птенцовъ голубиныхъ, какъ нынѣ во храмѣ іерусалимскомъ, а гласами Архангеловъ и Ангеловъ, звукомъ трубъ и громовъ Божіихъ, какъ на Синаѣ: *во гласъ Ангеловъ и въ трубъ Божіи.* Видите, кому принадлежитъ честь срѣтить паки грядущаго Господа? Всѣмъ—живымъ и мертвымъ, кои тогда уже престанутъ быть мертвыми, ибо воскреснутъ: *купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ.* Видите, наконецъ, что имѣетъ послѣдовать за симъ всемірнымъ срѣтеніемъ? Уже не разлученіе со Срѣтеннымъ, какъ разлучились съ Нимъ, хотя не на долгое время, Симеонъ и Анна, а вѣчное сопребываніе во царствіи Его: *и тако всегда съ Господемъ будемъ.*

О, какъ радостенъ и величественъ долженъ быть этотъ день втораго и всемірнаго срѣтенія Господня, если судить о немъ даже по одному внѣшнему его виду!—Ибо вообразите: нынѣшней земли и нынѣшняго неба, всего настоящаго порядка лицъ и вещей уже не будетъ тогда... непроницаемая завѣса, отдѣляющая теперь міръ невидимый отъ видимаго, отнята навсегда и уничтожена... неизчислимые сонмы спавшихъ во утробѣ земной мертвецовъ востали и облеклись плотію... оставшіеся въ живыхъ, измѣненные во всемъ существѣ ихъ, яко во мгновеніи ока, совокупились вмѣстѣ съ ними и составили единое семейство Адамово... послѣ различныхъ знаменій, въ предшествіи Архангеловъ и Ангеловъ, является, наконецъ, съ небеси Господь во всей славѣ всемогущества... и весь родъ человѣческій, обновленный, преображенный, яко сонмъ безплотныхъ, подъемлется во срѣтеніе Его на воздухъ!.. Скажите, что можетъ быть величественнѣе и святѣе сего зрѣлища, даже по одному внѣшнему виду его?

Вообразимъ же, братіе мои, что уже наступилъ часъ сего преславнаго событія, что мы восхищены уже на воздухъ въ срѣтеніе Господа и ожидаемъ токмо, что речетъ о насъ явившійся Господь: какое чувство должно быть тогда въ сердцѣ нашемъ?—Чувство величайшей радости, если хотя мало будемъ достойны того, чтобы непостыдно

срѣтить грядущаго Искупителя и Судію. Ибо съ Нимъ грядетъ всецѣлое исполненіе всѣхъ нашихъ явныхъ надеждъ и тайныхъ упованій; грядетъ вѣчный покой душъ и некончаемое блаженство сердецъ.

Но, если мы, и восхищенные отъ земли и стоя на воздусѣ, узримъ себя окруженными мрачными и злыми дѣяніями, если совѣсть наша, не дожидаясь судіи, начнетъ вопіять противу насъ за наши прежніе грѣхи, а еще болѣе, за нашу нераскаянность въ нихъ, то, увы, сладчайшій часъ срѣтенія Господня будетъ для насъ не въ покой и радость, а въ стыдъ и сокрушеніе: мы явимся, яко преступники, кои, и будучи приведены въ чертогъ царскій, тѣмъ не менѣе смущаются и трепещутъ отъ самой близости лица царева. Ибо съ чѣмъ явиться грѣшнику предъ лице будущаго Судіи своего? Что рещи во оправданіе своихъ злыхъ дѣяній и своей нераскаянности? Сказать, что мы не знали путей истины и стезей правды? Но у насъ, кромѣ совѣсти, было въ рукахъ Евангеліе и Крестъ Христовъ. Сказать, что страсти наши и соблазны міра были сильны, а мы слабы и плотяны? Но при насъ были вседѣйствующія таинства Церкви и всемогущая благодать Духа Святаго. Сказать, что у насъ не было средствъ къ изглажденію грѣховъ нашихъ, къ возстановленію потеряннаго образа Божія? Но передъ нами всегда была исповѣдь съ Тѣломъ и Кровію Христовою, предъ коими не можетъ стоять никакой грѣхъ и никакое беззаконіе. Нѣтъ отвѣта, нѣтъ извиненія! Нѣтъ болѣе и надежды; ибо время долготерпѣнія и милосердія кончилось: наступило время суда и воздаянія!

Теперь убо, братіе мои, теперь, въ продолженіе земной жизни, надобно уготовлять себя къ тому, что послѣдуетъ съ нами по смерти. Каковы мы ляжемъ во гробъ, таковы предстанемъ и во срѣтеніе Господа на воздусѣ.

Да сопровождаетъ же сія мысль насъ на всѣхъ путяхъ нашей жизни! Будемъ памятовать, что и насъ всѣхъ, подобно Симеону и Аннѣ, ожидаетъ срѣтеніе Господа, что за симъ срѣтеніемъ послѣдуетъ или вѣчное соединеніе съ Нимъ и блаженство некончаемое: *и тако всегда съ Господемъ будемъ;* или вѣчное удаленіе отъ Господа и бѣдствіе непрестающее: *отыдите отъ мене—во огнь вѣчный!*—Будемъ, говорю, памятовать сіе и, празднуя въ честь перваго срѣ-

тенія Господня, разсмотримъ внимательно, что было бы съ нами, если бы срѣтеніе второе, о коемъ бесѣдовали мы, послѣдовало нынѣ или завтра. Аминь.

Слово на день Срѣтенія Господня.

При каждомъ великомъ событіи въ жизни Господа нашего, мы находимъ острану Его нѣкія лица, кои представляютъ собою какъ бы все человѣчество: — при рожденіи по плоти у яслей вертепныхъ являются мудрецы восточные и пастыри виѳлеемскіе; на Іорданѣ, во время крещенія, служитъ таинству Іоаннъ; на Ѳаворѣ присутствуютъ, яко свидѣтели славы, три верховныхъ Апостола; на Голгоѳѣ, у креста, предстоятъ Матерь и ученикъ-дѣвственникъ. Нынѣ, во храмѣ іерусалимскомъ, исходятъ во срѣтеніе Господу Симеонъ и Анна.

Кромѣ сего, ни одно изъ великихъ событій въ жизни Господа не происходитъ безмолвно, а всегда присоединяется какое-либо слово и какъ бы проповѣдь въ поясненіе того, что совершается. На Іорданѣ и на Ѳаворѣ возглашаетъ это слово Самъ Отецъ: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте!* Въ Виѳлеемѣ проповѣдуетъ хоръ Ангеловъ, явившихся съ неба: *слава въ Вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!* При входѣ въ Іерусалимъ учителями и наставниками для всѣхъ срѣтавшихъ Господа становятся отроки, пѣвшіе осанна Сыну Давидову; на Голгоѳѣ, кромѣ безгласныхъ свидѣтельствъ, данныхъ землею, небомъ и храмомъ, провозглашаетъ Божество Распятаго сотникъ римскій. Нынѣ во храмѣ іерусалимскомъ, великій долгъ проповѣдника Іисусова возложенъ на праведнаго Симеона. Хотя вы всѣ слышали проповѣдь его, въ нынѣшнемъ Евангеліи: но поелику нельзя найти большаго назиданія для настоящаго дня, какъ въ томъ, что возвѣщаетъ намъ сей святый старецъ, то обратимъ снова на слова его все наше вниманіе.

Проповѣдь Симеона видимо состоитъ изъ трехъ, особенныхъ частей: первую можно назвать благодарственною, въ коей содержатся собственныя чувства его по случаю всерадостнаго исполненія давнихъ чаяній его—узрѣть обѣтованнаго Мессію и пріять вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе отъ узъ плоти; послѣднюю часть должно назвать пророческою, ибо въ ней

предсказывается будущая судьба Матери Іисусовой, съ великими искушеніями и скорбями, Ее ожидавшими. Третія—средняя часть состоитъ изъ всемірнаго вразумленія касательно лица Самого Іисуса и предостереженія всѣхъ тѣхъ, кои должны обрѣтать въ Немъ свое спасеніе. Какъ ни отрадны благодарныя чувства Симеона, какъ ни поучительно предсказаніе, сдѣланное имъ о Матери Іисусовой; но поелику то и другое касается болѣе ихъ собственныхъ лицъ, то, по краткости времени, можетъ быть оставлено теперь безъ особеннаго разсмотрѣнія. Къ намъ болѣе и ближе идетъ средняя часть проповѣди Симеоновой, состоящая изъ вразумленія и предостереженія.

Итакъ, остановимъ вниманіе наше на сей части.

И благослови я Симеонъ и рече къ Маріи Матери Его: се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили и въ знаменіе пререкаемо.

Вотъ та часть проповѣди Симеоновой, которая, какъ мы сказали, касается всѣхъ насъ! Видите сами, что въ ней содержится важное вразумленіе и важное предостереженіе.

Когда явился на землѣ Спаситель міра, явился для спасенія всего міра, трудно было и подумать, что Онъ Самъ Сей Спаситель міра послужитъ не во спасеніе всѣхъ, что о Немъ Самаго, Который долженъ *возглавить* Собою *всяческая* (Еф. 1, 23), будутъ многіе претыкаться и падать еще глубже, нежели прежде. Но печальный опытъ имѣлъ показать противное. Итакъ, надлежало открыть грозную истину, указать опасность, предостеречь отъ ложной надежды: и все сіе сдѣлано чрезъ Симеона въ самомъ началѣ. *Се,* возглашаетъ онъ, *се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили!* Не мните,—какъ бы такъ говорилъ Симеонъ, что если явился обѣтованный Спаситель міра, то уже всѣ будутъ спасены, хотя бы и не хотѣли сего. Не мните, что если съ явленіемъ Его на землѣ открылись каждому всѣ средства выйти изъ злополучнаго состоянія грѣха и смерти, то уже не останется ни одного грѣшника. Нѣтъ, Спаситель міра будетъ во спасеніе не для всѣхъ: для нѣкоторыхъ явленіе Его послужитъ еще къ большему осужденію. *Се лежитъ Сей на паденіе многихъ во Израили,—въ знаменіе пререкаемо!* Не смотря на Божественное величіе Его лица, на святость Его жизни, на чистоту Его ученія, на благотворность Его дѣй-

ствій, на самыя чудеса и знаменія, коими Онъ будетъ окруженъ — на Него будутъ смотрѣть различно, о Немъ будутъ говорить, Его будутъ принимать не одинаково. Когда одни будутъ, исполненные восторга, восклицать: *къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши* (Іоан. 6, 68),—другіе будутъ въ ожесточеніи твердить: *бѣса имать и неистовъ есть, что Его послушаете?* (Іоан. 10, 20). И такъ будетъ не при началѣ токмо Его явленія и проповѣди, но и при концѣ; не при жизни Его токмо на землѣ, но и по вознесеніи на небо; не тогда токмо, какъ царствіе Его начнетъ распространяться между народами языческими, но и тогда, когда весь міръ исполнится имени и славы Его, въ нѣдрахъ самой Церкви; не въ продолженіе токмо извѣстнаго времени, а во всѣ вѣка до скончанія міра и втораго пришествія Его: *се лежитъ на востаніе и паденіе многимъ во Израили, въ знаменіе пререкаемо!*

Если изъ іудеевъ находились, какъ вѣроятно, нѣкоторые и во храмѣ въ то время, какъ грозныя слова сіи исходили изъ устъ Симеона, то они должны были придти при семъ не только въ недоумѣніе, но и въ ужасъ; ибо то, что говорилъ онъ о явившемся Мессіи, было въ совершенной противоположности съ ихъ мечтательными чаяніями о временахъ Мессіи. По ложному понятію нѣкоторыхъ выраженій пророческихъ, а болѣе по самолюбію и гордости народной, сыны плотскаго Израиля воображали, что спасеніе въ лицѣ обѣтованнаго Искупителя неотъемлемо принадлежало каждому изъ нихъ, что между отверженными отъ лица Его будутъ одни, невѣдущіе истиннаго Бога, язычники. И вотъ, отъ лица Сего Самаго Мессіи, возвѣщается теперь, что сія надежда суетна, что и во Израилѣ, между обрѣзанными по плоти, есть не малое число людей, коимъ явленіе Его не послужитъ нисколько во спасеніе. *Се лежитъ Сей на паденіе многимъ во Израили!* Такое вразумленіе долженствовало раскрыть глаза іудеямъ, заставить ихъ подумать о своемъ состояніи, и спросить самихъ себя: къ какому классу людей принадлежитъ каждый изъ нихъ — къ тѣмъ ли, для коихъ обѣтованный Искупитель лежитъ на востаніе, или къ тѣмъ, для коихъ Онъ послужитъ на паденіе?

Не знаемъ, многіе ли изъ іудеевъ воспользовались вразумленіемъ Симеоновымъ. Но то несомнѣнно, что и по окончаніи земнаго поприща Іисусова, на Голгоѳѣ, и на самомъ

Елеонѣ можно было со всею силою повторить то же, что сказано нынѣ во храмѣ: *се лежитъ Сей на паденіе многимъ во Израили!* И что говорить о тѣхъ временахъ? Грозныя слова сіи не потеряли нисколько силы надъ этимъ Израилемъ въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ, доселѣ истекшихъ. И доселѣ для большей части сыновъ Израиля обѣтованный Избавитель его видимо продолжаетъ лежать на паденіе.

Уже сіе достойно слезъ; но еще болѣе то, когда подумаешь, что дражайшій Спаситель нашъ доселѣ лежитъ на паденіе многихъ и во Израилѣ духовномъ, въ Церкви Христовой. Казалось бы, что съ окончаніемъ Его земной жизни, съ разсѣяніемъ мечтаній и предразсудковъ іудейскихъ о земномъ царствѣ Мессіи, съ распространеніемъ Церкви христіанской, съ утвержденіемъ владычества Христова по всему міру, все, что соблазняло іудеевъ въ лицѣ Спасителя, должно было исчезнуть невозвратно; что условія спасенія, принесеннаго Имъ роду человѣческому, пришедши въ извѣстность, изгонятъ всѣ недоумѣнія; что послѣдователи Іисусовы, понявъ, что для нихъ сдѣлано и что имъ самимъ остается дѣлать, начнутъ каждый содѣвать свое спасеніе, какъ учитъ Евангеліе и совѣсть: но, увы, не только духъ ложнаго упованія, но и духъ гордаго противленія, коимъ ослѣплены были древніе іудеи, всегда продолжалъ обуевать и многихъ изъ христіанъ. Если бы Симеонъ являлся въ каждомъ вѣкѣ и странѣ, въ каждомъ храмѣ и домѣ, то всегда и вездѣ, при взглядѣ на Того, Кого держалъ нѣкогда на рукахъ своихъ долженъ бы провѣщать то же, что сказано имъ нынѣ въ храмѣ іерусалимскомъ: *се лежитъ Сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили, въ знаменіе пререкаемо!*

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на сего обуяннаго ложною мудростію книжника, который, не довольствуясь тѣмъ, что самъ ставитъ ни во что вѣру въ Евангеліе, находитъ адское удовольствіе въ томъ, чтобы заставить и другихъ отвергать оное, употребляетъ для сего всѣ средства,— самую ложь и клевету. Не явно ли, что Спаситель міра лежитъ для него на паденіе? Онъ уже не составляетъ для него и знаменія пререканія; нѣтъ, ложный мудрецъ давно рѣшилъ въ умѣ своемъ, что совершенство христіанское—мечта, что спасенія не надобно искать нигдѣ, какъ токмо въ собственномъ умѣ и силѣ. Если бы свѣтъ Христовъ не былъ предъ очами сего

лжемудреца, если бы онъ родился въ языческомъ Римѣ или Греціи, то его противоборство вѣрѣ было бы сколько-нибудь понятно и извинительно. Но, теперь, слѣпотствуя среди полудня, идя противъ всеобщаго убѣжденія, попирая то, чѣмъ освященъ самъ отъ юности, дѣйствіе чего не разъ испытывалъ даже, вѣроятно, въ своей душѣ и сердцѣ, онъ подлежитъ страшному отвѣту за хулу на Духа Святаго...

Посмотрите на сего ложнаго христіанина, который по имени принадлежитъ Христу и Церкви, а на дѣлѣ и въ жизни не знаетъ другаго Бога, кромѣ мамоны неправды, ведетъ жизнь, коей устыдился бы честный іудей и язычникъ, который, ежедневно утопая въ новыхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, никогда и не думалъ о томъ, чтобы возвратиться назадъ и принести покаяніе. Не явно ли, что Спаситель міра лежитъ для него на паденіе? Ибо что ожидаетъ таковаго лжехристіанина по смерти за его беззаконную жизнь и нераскаянность? Ожидаютъ муки ада, тѣмъ сугубѣйшія, чѣмъ большими онъ, какъ христіанинъ, пользовался средствами къ своему вразумлѣнію, чѣмъ спасеніе было къ нему ближе и легче для него.

Посмотрите и на сего высокомѣрнаго лжеправедника, который подобно евангельскому фарисею, засмотрѣвшись на свою красивую внѣшность, на отсутствіе въ своей жизни грубыхъ пороковъ, на нѣкоторыя дѣла набожности, имъ постоянно совершаемыя, не знаетъ уже цѣны и мѣры своей мнимой добродѣтели, готовъ выставлять заслуги свои предъ самымъ судомъ Божіимъ. Тяжело, но нельзя не сказать, что и для сего мнимаго праведника Спаситель міра лежитъ еще не на востаніе. Ибо онъ, въ мечтаніи о своемъ вседовольствѣ, не старается нисколько усвоить себѣ заслугъ Христовыхъ, думаетъ обойтись самъ собою безъ Ходатая и Посредника на судѣ правды Божіей; такимъ образомъ унижаетъ и отрѣваетъ отъ себя единственное средство ко спасенію—Крестъ Христовъ. Сія гордость фарисейская была бы еще не такъ преступна, если бы во свѣтѣ благодати и истины евангельской не было видно, что вся честность и правда наша есть яко мракъ и нечистота предъ лицемъ Божіимъ.

Такимъ-то образомъ, братіе мои, сладчайшій Іисусъ доселѣ продолжаетъ лежать не на возстаніе токмо, а и на паденіе многихъ; не потому, чтобы на это была воля Его

и таково было свойство служенія Его — свойство служенія и воли Его быть Спасителемъ для всѣхъ, — а потому, что тѣ, коимъ возвѣщается и отъ коихъ пріемлется Онъ, взираютъ на Него не одинаково и пріемлютъ Его различно; ибо хотя сказано о Немъ, что Онъ *явровася въ мірѣ* (1 Тим. 3, 16), то есть, какъ бы нашелъ Себѣ вѣру во всѣхъ: но какъ различна эта вѣра! Одни видятъ въ Немъ не болѣе, какъ необыкновеннаго Учителя добродѣтели; другіе, не выше, какъ Пророка и Посланника Божія, подобнаго прежнимъ Пророкамъ; иные признаютъ въ Немъ Сына Божія, но отнюдь не единосущнаго и равнаго Отцу. Изъ тѣхъ даже, кои чтутъ въ немъ Христа, Божію силу и Божію премудрость, кои покланяются Кресту Его, яко единственному орудію всемірнаго спасенія, коль многіе претыкаются о Него, яко о камень паденія! Грѣшникъ нераскаянный претыкается о Него по излишней надеждѣ на Его заслуги и Крестъ; а гордый лжеправедникъ, — по излишней надеждѣ, на собственныя заслуги и добродѣтели.

Время спросить: чѣмъ убо есть Христосъ для насъ? Во что доселѣ лежалъ и лежитъ Онъ—на паденіе или на возстаніе наше? О, что если на паденіе! Тогда горе намъ! Тогда и нынѣшніе и всѣ прочіе праздники Христовы должны располагать насъ не къ радости, а къ плачу и слезамъ! Ибо, какъ радоваться тѣмъ, для коихъ самое спасеніе обращается и служитъ—страшно сказать—въ погибель вѣчную.

Хощешь ли убо, возлюбленный слушатель, узнать навѣрное—участвуешь ли ты въ спасеніи Христовомъ? Внемли.

Если ты вѣруешь твердо и несомнѣнно во Христа и Евангеліе Его такъ, какъ научили вѣровать Пророки и Апостолы, и какъ внушаетъ святая Церковь: то Спаситель міра лежитъ на твое возстаніе.

Если ты, содержа правую вѣру, стараешься быть проникнутъ и духомъ любви Христовой, приносить плоды вѣры въ дѣтяхъ своихъ, блюсти себя свободнымъ отъ страстей, чистымъ отъ скверны мірскихъ: то Спаситель міра лежитъ на твое возстаніе.

Если ты, яко человѣкъ,—вопреки своей воли и намѣреніямъ—претыкаясь о соблазны міра, не медлишь возставать отъ паденій чрезъ покаяніе и стараешься изглаждать, сколько

возможно. слѣды твоихъ грѣхопаденій, то Спаситель міра лежитъ на твое возстаніе.

Вотъ три главные признака того, что Іисусъ лежитъ на возстаніе наше! Если не достаетъ въ комъ-либо хотя единаго изъ нихъ, то таковые въ очевидной опасности—потерять свое спасеніе. Осмотримся же, братіе мои, всѣ и каждый, не угрожаетъ ли намъ сія опасность?—Осмотримся, пока есть на то время и удобность, пока отъ насъ самихъ зависитъ, измѣнивъ себя и свою жизнь, содѣлать, что Спаситель, лежавъ доселѣ на паденіе, содѣлается виною нашего возстанія. Аминь.

Слово въ навечеріе Богоявленія Господня

ПРЕДЪ ОСВЯЩЕНІЕМЪ ВОДЫ.

Сейчасъ, изъ устъ св. Церкви, вы услышите, братіе, гласъ Господень на водахъ, призывающій всѣхъ и каждаго къ принятію *духа премудрости, духа разума, духа страха Божія, явльшагося Христа*. Поелику гласъ сей гремитъ не для одного приличія, и, къ чему такъ торжественно всѣ призываются, то. безъ сомнѣнія, и подается неоскудно каждому, кто благорасположенъ къ принятію: то надлежало бы ожидать, что мы, исполняясь духа разума и страха Божія, не будемъ имѣть нужды въ указаніи, какъ вести себя при наступающемъ священнодѣйствіи, и какъ употреблять освященную воду. Но печальный гласъ опыта говоритъ другое: ни въ какой день въ году не происходитъ столько неприличнаго замѣшательства въ нашихъ храмахъ, какъ нынѣ. Посему, прежде нежели изыдемъ для освященія воды, мы почли за долгъ изыти предъ васъ для показанія ея важности и для защищенія ея отъ злоупотребленій.

Что же мы сдѣлаемъ для сего? Укажемъ, во-первыхъ, на происхожденіе предстоящаго священнодѣйствія. Кто учредилъ его? Люди ли какіе-либо обыкновенные? Нѣтъ, мы пріяли его отъ мужей великихъ и святыхъ, отъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ. Надъ сею водою богословствовалъ въ свое время св. Григорій Богословъ; о чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ сей воды простиралъ нѣкогда златое слово свое св. Златоустъ; освященіемъ сей воды занимался Василій Великій. А пер-

вый, высочайшій примѣръ къ тому, данъ Самимъ Господомъ, когда Онъ погруженіемъ Своего пречистаго тѣла во Іорданѣ освятилъ все естество водъ. Послѣ сего возмущать какимъ-либо безпорядкомъ столь важное, по самому происхожденію, священнодѣйствіе, значитъ не имѣть уваженія къ тому, предъ чѣмъ благоговѣли мужи самые великіе и святые, что въ продолженіе толикихъ вѣковъ служило къ освященію цѣлыхъ странъ и народовъ.

Если многіе изъ насъ не знаютъ сего, то по крайней мѣрѣ у каждаго есть очи и слухъ, дабы видѣть и слышать, что творится и произносится нынѣ надъ освящаемою водою; а этого одного уже достаточно, чтобы заставить обращаться съ нею со всякимъ уваженіемъ. Ибо какъ освящается вода?—Обыкновеннымъ ли какимъ-либо благословеніемъ?—Хотя и всякое благословеніе, когда оно преподается во имя Отца и Сына и Святаго Духа, важно для христіанина, но здѣсь большее благословеніе и большее священнодѣйствіе. Здѣсь не одинъ человѣкъ, а вся Церковь изливаетъ теплыя молитвы о томъ, чтобы существо воды освящено было *силою и наитіемъ Святаго Духа, очистительнымъ дѣйствіемъ* всея Пресвятыя *Троицы,* и чтобы ей сообщено было благословеніе Іордановo. Тутъ самымъ торжественнымъ образомъ призывается надъ освященною водою страшное и достопоклоняемое имя Того, предъ Кѣмъ трепещетъ вся тварь. Тутъ наконецъ совершается троекратное погруженіе въ освящаемую воду самаго Креста Христова, Креста, предъ коимъ благоговѣютъ всѣ силы небесныя, и отъ коего убѣгаютъ всѣ силы преисподнія. Скажите, что еще больше можно бы употребить для освященія—и, слѣдовательно, для внушенія уваженія къ тому, что освящается?

И для чего освящается вода? Для малыхъ ли какихъ-либо и обыкновенныхъ цѣлей? Нѣтъ, для самыхъ важныхъ. *Во еже,* какъ возглашаетъ діаконъ, *быти водѣ сей освященія дару, грѣховъ избавленію, во исцѣленіе души и тѣла, къ отгнанію всякаго навѣта видимыхъ и невидимыхъ враговъ,—приводящей насъ* въ самую *жизнь вѣчную.* Можно ли испрашивать большихъ даровъ? И можно ли послѣ того не благоговѣть къ орудію толикихъ даровъ?

Какъ, наконецъ, употребляетъ освященную нынѣ воду сама святая Церковь?—Употребляетъ съ крайнимъ уваже-

ніемъ къ ней,—въ случаяхъ весьма важныхъ; напр., вода, сія употребляется при освященіи св. мура для таинства муропомазанія,—при освященіи для церквей святыхъ антиминсовъ, на коихъ совершается безкровная жертва; сія же вода дается вмѣсто причастія тѣмъ, кои по суду Церкви признаны недостойными приступать къ Святымъ Тайнамъ. Такъ высоко цѣнитъ нынѣшнюю святую воду сама Церковь!

Какъ послѣ сего и намъ надлежало бы приступать нынѣ къ сей водѣ? Не съ вѣрою ли и благоговѣніемъ, какъ къ великой святынѣ? Не съ духомъ ли разума и страха Божія, къ принятію коихъ по тому самому, при самомъ началѣ священнодѣйствія, призываетъ всѣхъ и каждаго святая Церковь? Такъ дѣйствительно и приступаютъ къ святой водѣ тѣ, кои понимаютъ, гдѣ находятся и къ чему приступаютъ: они причащаются ей, какъ великой святынѣ, и приготовившись къ тому постомъ и молитвами, хранятъ ее въ самыхъ почетныхъ мѣстахъ своихъ домовъ, вблизи св. иконъ и Креста Христа; употребляютъ ее въ важныхъ случаяхъ, именно: во исцѣленіе души и тѣла, во освященіе себя и своей собственности. Но, что сказать о другихъ, каковыхъ большая часть? Какъ назвать то, что бываетъ нынѣ въ храмахъ по освященіи воды?—Можно подумать, что въ храмѣ вдругъ произошелъ пожаръ, или что онъ окруженъ внезапно со всѣхъ сторонъ какимъ-либо ужаснымъ непріятелемъ: такое поднимается волненіе между стоящими во храмѣ, такой шумъ, такое толканіе другъ друга! И такъ поступаютъ не одни малыя, неразумныя дѣти, а юноши, даже отцы и матери, даже старцы!...

Такъ ли воспоминаютъ крещеніе своего Господа? Такъ ли ищутъ освященія души и тѣлу? И для чего все это безчиніе? Чтобы скорѣе другихъ почерпнуть святой воды.—Какъ будто почерпаемая послѣ менѣе священна! Или, какъ будто для кого-либо не достанетъ ея!—Если бы и не получилъ нынѣ, почерпнешь завтра: освященіе нынѣ и завтра одно и тоже. Но недостатка и нынѣ никогда не было бы, еслибъ мы успѣли дѣлить по надлежащему то, за чѣмъ приходимъ: не являлись за священною водою съ тѣми же сосудами, съ коими исходятъ на рѣки за водою простою, и не проливали нерѣдко на помостъ храма болѣе того, нежели сколько уносимъ съ собою въ домы. Помыслите сами,

прилично ли такое неблагочиніе такому священному мѣсту, такому святому дню, такому святому предмету? Что подумаютъ о насъ іудеи, въ такомъ множествѣ находящіеся въ нашихъ странахъ, узнавъ (да трудно ли узнать?) о такомъ нашемъ поведеніи во храмахъ?

Да прекратится же безпорядокъ! Да войдетъ все въ надлежащіе предѣлы!—Мы освятимъ воду благодатію Св. Духа; а вы не разсвящайте ея духомъ неразумія и нестроенія. Священнослужители, для соблюденія благочинія, будутъ раздавать вамъ ее, какъ раздаютъ священный хлѣбъ: а вы приходите для принятія въ тишинѣ и порядкѣ, съ кротостію и благоговѣніемъ, довольствуясь малымъ, потому что сила святой воды зависитъ не отъ количества ея, а отъ вѣры, съ коею употребляется. Такимъ образомъ, у насъ и въ настоящій день, подобно какъ въ прочіе, *все*, по завѣщанію Апостола, будетъ происходить *благообразно и по чину*. Аминь.

Бесѣда въ день Крещенія Господня.

Крещеніе есть одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни нашего Спасителя и въ жизни нашей. Для Спасителя оно служило вмѣсто торжественнаго посвященія Его на великую должность всемірнаго Ходатая и Наставника, ибо крещеніемъ окончилась Его частная жизнь въ Назаретѣ, и началось общественное служеніе роду человѣческому. Для насъ—таинство крещенія служитъ дверію въ общество вѣрующихъ; чрезъ него мы пріемлемъ благодать Святаго Духа и становимся христіанами. А посему въ настоящія минуты, братіе, мы ничего не можемъ сдѣлать лучше, какъ возобновить въ памяти своей обстоятельства крещенія Господня, а потомъ коснуться размышленіемъ и нашего крещенія.

Со времени крещенія, какъ мы сказали, должно было начаться общественное служеніе Іисуса Христа роду человѣческому. Посему надлежало ожидать, что оно произойдетъ какъ можно ранѣе, дабы Онъ могъ учить долѣе и болѣе, и болѣе совершить дѣлъ. Между тѣмъ Спаситель принялъ крещеніе, когда Ему, по сказанію Евангелиста Луки, было лѣтъ *яко тридесять* (Лук. 3, 23): а до того времени Онъ постоянно оставался въ бѣдномъ Назаретѣ, въ домѣ Своего воспитателя

Іосифа, раздѣляя съ нимъ, по всей вѣроятности, труды древодѣлія. Столь долговременное пребываніе Сына Божія въ безвѣстности допущено Промысломъ, безъ сомнѣнія, по самымъ важнымъ причинамъ: надлежало, возбужденному слухомъ о рожденіи Мессіи, народу іудейскому дать какъ можно болѣе времени приготовить себя къ срѣтенію своего Спасителя. И Самому Начальнику спасенія надлежало прежде возрасти совершенно *премудростію и благодатію у Бога и людеи* (Лук. 2, 52), а потомъ уже явиться для поднятія на рамена Свои грѣховъ всего міра. Но для насъ въ этомъ дѣлѣ важнѣе всего урокъ смиренія и преданности. Сынъ Божій большую часть земной жизни проводитъ въ совершенной безвѣстности, въ трудахъ самыхъ обыкновенныхъ: кто послѣ сего имѣетъ право роптать на малость своего жребія? Почитать труды предосудительными? Жаловаться на безвѣстность? Спаситель всего міра до тридцати лѣтъ смиренно ожидаетъ мановенія свыше, начать Свое неизмѣримое поприще:—какъ постыждаются симъ тѣ нетерпѣливые люди, кои, чувствуя въ себѣ какія-либо способности, сѣтуютъ, если не имѣютъ возможности вдругъ обнаруживать всего добраго, въ нихъ заключающагося, и, по нетерпѣливости, предваряя пути Промысла, нерѣдко, вмѣсто добра, причиняютъ вредъ себѣ и ближнимъ! *Есть всѣмъ время и время всякой вещи*, и, конечно, всякому лицу, *подъ небесемъ* (Еккл. 3, 1): придетъ—вы явите себя тѣмъ, чѣмъ суждено вамъ быть; нѐ придетъ—такъ угодно Тому, Кто лучше насъ знаетъ, чему быть должно.

Но, вотъ, начинаетъ раздаваться—*гласъ вопіющаго въ пустыни* (Марк. 1, 3)! Іоаннъ исходитъ на Іорданъ, и въ слухъ всей Іудеи проповѣдуетъ, что времена Мессіи настали, царство Божіе приблизилось, Самъ Царь стоитъ посреди Своихъ подданныхъ, хотя еще незнаемый никѣмъ изъ нихъ (Іоан. 1, 26). Можно представить, что произвела проповѣдь сія въ народѣ іудейскомъ, со дня на день ожидавшемъ своего Мессіи! Все устремилось къ Іордану за крещеніемъ. Даже фарисеи и саддукеи начали исповѣдывать грѣхи свои; самъ синедріонъ отправилъ посольство въ пустыню Іоаннову съ вопросомъ: не онъ ли Мессія?—Какъ бы не поспѣшить туда и Тому, Кого всѣ ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ? Но, Іисуса нѣтъ! Всѣми ожидаемый Царь остается въ Наза-

ретѣ! Мессія продолжаетъ раздѣлять съ Іосифомъ труды древодѣлія! Почему такъ? Потому, что для Него нѣтъ еще возванія свыше. О, кто по сей одной чертѣ не узнаетъ втораго Адама, Который самоотверженіемъ хочетъ уврачевать, что погублено самонадѣянностію Адама перваго!—

Наконецъ, настало время взойти и Солнцу правды: Іисусъ идетъ къ Іордану.—Принять почесть отъ Своего Предтечи? Явиться съ торжествомъ народу?... Нѣтъ, просить крещенія, которое преподавалось въ очищеніе грѣховъ, коихъ въ Немъ не было, которое служило приготовленіемъ къ царству Божію, коего Онъ Самъ былъ Царь и Глава!—Что недальновидный народъ подумаетъ, яко бы и Онъ, подобно другимъ, имѣетъ надобность въ очищеніи отъ грѣховъ,—что во всякомъ случаѣ крещеніемъ дается преимущество крещающему предъ крещаемымъ, — до сего Сыну Человѣческому нѣтъ никакой нужды. Онъ видитъ, что крещеніе Іоанново есть учрежденіе весьма благодѣтельное для нравственности,—и хочетъ Своимъ примѣромъ усилить его дѣйствіе. Знаетъ, что при семъ случаѣ должна обнаружиться воля Божія касательно собственнаго Его предназначенія,—и спѣшитъ исполнить сію волю. Если бы Іорданъ теперь текъ не водами, а огнемъ, Іисусъ и тогда явился бы для крещенія. Такъ дѣйствуютъ тѣ. въ коихъ дѣйствуетъ Богъ: они не взираютъ на то, что выйдетъ изъ ихъ дѣйствія для нихъ самихъ. Для нихъ все равно, въ животѣ ли или смерти ихъ, — только бы совершилась воля Того, Коему они предали навсегда и животъ и смерть свою.

Но что съ Іоанномъ? Не смотря на близкое родство съ Сыномъ Маріи по плоти, и на ближайшее отношеніе къ Нему по духу и цѣли своего служенія, Іоаннъ не зналъ еще рѣшительно, что Іисусъ есть Мессія. Ибо Пославшій крестить Іоанна сказалъ ему, что Тотъ, на Котораго онъ увидитъ при крещеніи сходящимъ Духа Святаго, есть истинный Мессія, а Кто именно Сей Агнецъ Божій, этого ему не было открыто (Іоан. 1, 33). (Такъ неразлученъ священный мракъ вѣры съ самыми великими откровеніями! Такъ сильно испытано смиреніе и самаго большаго изъ Пророковъ!) Впрочемъ Іоаннъ зналъ великаго Сродника своего столько, что ставилъ Его гораздо выше себя по дарамъ благодати. Бесѣда, хотя не продолжительная, съ Іисусомъ, предъ

совершеніемъ крещенія надъ Нимъ, еще болѣе могла усилить въ прозорливой душѣ Іоанна мысль, что просящій крещенія есть Тотъ Самый, Который его самого и всѣхъ будетъ крестить Духомъ Святымъ. Послѣ сего могла ли подняться рука Крестителя? «*Азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?* (Матѳ. 3, 14) — воскликнулъ онъ, проникнутый чувствомъ собственнаго недостоинства и Божественнаго величія Іисусова.

Для Іисуса, Который Самъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, гласъ смиренія Іоаннова не могъ быть непріятенъ. Но теперь надлежало творить правду Божію, а не выказывать, или сокрывать свою праведность. «*Остави нынѣ*», сказалъ Онъ уже гласомъ Мессіи, «*тако бо подобаетъ намъ исполнити всяку правду*», то есть, всякое опредѣленіе правды Божіей.

Іоаннъ оставляетъ, Іисусъ нисходитъ въ Іорданъ, погружается въ водахъ.

Произнесено ли что-либо при семъ Крестителемъ?—Вѣроятнѣе, ничего. Гдѣ взять словъ для совершенія крещенія надъ Сыномъ Божіимъ? Тутъ было время не говорить, а благоговѣть и поучаться.

Но Іисусъ во время Своего крещенія бесѣдовалъ — съ Богомъ—молился (Лук. 3, 21). Дѣйствіе крайне поучительное! Въ Іорданѣ Онъ молится, на Ѳаворѣ молится (Лук. 9, 21), на Галгоѳѣ (23, 34) и Елеонѣ (Лук. 24, 50) молится. Все важное въ жизни Спасителя совершилось среди молитвы: молитва крестила Его; молитва предала Духъ Его Богу; молитва вознесла Его на небо. О чемъ Онъ молился во Іорданѣ? — это тайна. Довольно знать, что Онъ молился, безъ сомнѣнія, и о грѣшникахъ; слѣдовательно и о насъ съ тобою, слушатель.

Доселѣ все происходило естественно: смотрите, какія чудеса произойдутъ отъ молитвы!—*И абіе восходя отъ воды, видя разводящася небеса, и Духа, яко голубя, сходяща Нань и гласъ бысть съ небесе: Ты еси Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ.*

Это значитъ, что послѣ крещенія водою надъ Спасителемъ началось и совершилось новое, высшее крещеніе—Духомъ Святымъ, совершилось самымъ торжественнымъ образомъ. И во-первыхъ — *разверзлись небеса:* то-есть, сводъ

небесный надъ главою Іисуса представился роздвоеннымъ, наподобіе того, какъ это бываетъ во время сильнаго и продолжительнаго блеска молніи изъ облаковъ. Въ то же время изъ разверстыхъ небесъ явился Духъ Святый въ *тѣлесномъ видѣ* (Лук. 3, 22) наподобіе голубя. Исшествіе изъ глубины небесъ, тотчасъ по разверстіи ихъ, и прямое устремленіе на главу Іисуса внушали каждому видѣвшему, что это не простое пернатое, а Духъ Божій, принявшій тѣлесный образъ. Видъ голубя принятъ былъ, безъ сомнѣнія, потому, что голубь всегда почитался символомъ чистоты, кротости и незлобія, кои составляли главныя качества души Іисусовой.

Разверстіе небесъ и нисшествіе Духа сами по себѣ были уже разительнымъ свидѣтельствомъ о Божественномъ достоинствѣ Крещаемаго: ибо кому когда разверзлись небеса? на кого сходилъ такимъ образомъ Духъ? — Но, чтобы не осталось ни малѣйшаго мѣста сомнѣнію, чтобы еще полнѣе засвидѣтельствовать, какъ велико участіе неба въ томъ, что происходило теперь на землѣ — *гласъ бысть: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ* (Матѳ. 3, 17)!

Для кого сей гласъ? Для Іоанна, если только онъ могъ слышать, послѣ того, что видѣлъ, — для учениковъ Іоанновыхъ, изъ коихъ нѣкоторые могли находиться вблизи, — для всѣхъ іудеевъ, кои имѣли услышать потомъ о чудесахъ, случившихся при крещеніи Іисуса, — наконецъ для всѣхъ насъ, кои, послѣдуя сему гласу, признаемъ и исповѣдуемъ въ Сынѣ Маріи Единороднаго отъ Отца, нашего Спасителя, Господа и Судію.

Не могъ ли быть нуженъ сей гласъ въ какомъ-либо отношеніи и для самого Крещаемаго? — Развѣ для Его безпредѣльнаго смиренія, которое всегда готово было отказаться, если можно, отъ самой славы Своего великаго предназначенія (Фил. 2, 6. 17; Матѳ. 26, 39).

Гласъ съ неба и все прочее было непродолжительно. Послѣ сего Іисусъ, исполненный Духа, *безъ мѣры* (Іоан. 3, 34), уже не возвращался въ Назаретъ, а прямо пошелъ въ пустыню, прилегающую къ Іордану, гдѣ въ постѣ и молитвѣ, какъ извѣстно, провелъ сорокъ дней, препобѣждая искушенія духа тьмы и приготовляя Себя на великое дѣло спасенія рода человѣческаго. Іоаннъ оставался при своемъ Іорданѣ, продолжая возглашать гласъ покаянія и указуя всѣмъ чающимъ

спасенія на Мессію уже не на грядущаго, а на пришедшаго,—доколѣ сластолюбивый Иродъ, обличаемый праведникомъ, не принесъ его священной главы въ жертву безстудной Иродіадѣ.

Такъ, братіе, совершилось крещеніе Спасителя нашего! Остановимся въ духѣ надъ Іорданомъ и размыслимъ о видѣнномъ. Много вѣковъ протекло послѣ того, какъ совершились сіи чудеса. И, однако, они всегда важны потому, что на нихъ утверждается вѣра наша и спасеніе: безъ нихъ мы не были бы христіанами и не имѣли бы обѣтованія жизни вѣчной. Кромѣ сего, у всѣхъ насъ есть, такъ сказать, ближайшее сродство съ чудесами іорданскими. И насъ принималъ Іорданъ, и на насъ сходилъ Духъ, и мы наречены возлюбленными чадами Божіими: ибо что значитъ крещеніе каждаго изъ насъ, какъ не повтореніе надъ нами событій іорданскихъ—крещенія Іисусова?

Итакъ, спросимъ самихъ себя, сохраняется ли нами великій обѣтъ благой совѣсти и святой жизни, данный при крещеніи? Цѣлъ ли залогъ Духа, нами тогда полученный? Ходимъ ли достойно высокаго званія чадъ Божіихъ?—Какъ нужны и важны сіи вопросы, видно уже изъ того, что Самому Спасителю нашему, по крещеніи, дерзнулъ предстать искуситель. Быть не можетъ, чтобы онъ въ разныхъ видахъ не являлся и предъ каждаго изъ насъ. Чѣмъ же отвѣчаемъ мы на предложенія духа тьмы? Ахъ, если вмѣсто того, чтобы, при помощи благодати Божіей, отражать соблазны, мы падаемъ и поклоняемся богу вѣка сего, то гдѣ тогда благодать, гдѣ Духъ? И что мы сами тогда, кто бы мы ни были, какъ не предатели вѣры, ругатели святыни?

Вспомнимъ, что мы всѣ крещаемся *въ смерть Христову* (Римл. 6, 3), что наши души очищаются не волею, а кровію Іисуса Христа, въ ней сокрытою. Послѣ сего какой страшный отчетъ лежитъ на тѣхъ, кои не воспользуются средствомъ, столь много стоившимъ? Цари земные имѣютъ способы преслѣдовать несоблюдшихъ обѣта вѣрности: у Царя ли небеснаго не достанетъ средствъ воздать по дѣломъ тѣмъ, кои своею жизнію измѣняютъ званію чадъ Его.

Подобныя мысли могутъ теперь казаться не такъ важными; но придетъ для каждаго время, когда одно дѣло спасенія останется важнымъ, а все прочее, прежде обольщавшее, исчезнетъ какъ сонъ.

Теперь есть возможность вознаградить потерю благодати крещенія: есть другая купель—покаянія; можно снова креститься—слезами. Но горе тому, кто, погубивъ силу перваго крещенія, не воспользуется вторымъ! — Таковый подвергнется третьему — ужасному, нескончаемому крещенію— огнемъ вѣчнымъ!

Изволивый креститися во Іорданѣ нашего ради спасенія. Христосъ истинный Богъ нашъ, да сохранитъ благодатію Своею всѣхъ насъ отъ сего послѣдняго крещенія.—Аминь.

Слово въ день Богоявленія Господня.

Слышали ль, братіе, слово на нынѣшній день?—Слово не на землѣ сложенное, а съ небесъ гремящее? изъ устъ не Ангела или Архангела, а Самого Бога Отца?—Дважды токмо. во все пребываніе на землѣ Сына Божія, слышанъ былъ гласъ къ Нему Отца—при Іорданѣ и на Ѳаворѣ; и въ томъ и другомъ случаѣ—единъ и тотъ же. Какъ послѣ сего долженъ быть важенъ гласъ сей! — И для кого онъ, если не для насъ? Для Самого Сына? Но Онъ, будучи *Сыномъ любве* Отчей, и безъ того знаетъ совершенно, какъ Его любитъ Отецъ. Для Іоанна? И онъ же *возбраняше Ему, глаголя: азъ требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мнѣ?*—слѣдовательно, зналъ, Кого крестилъ. Для учениковъ Іисусовыхъ? Ихъ еще не было при Учителѣ. Для народа іудейскаго? — И его нисколько не видно при крещеніи Іисусовомъ. Послѣ сего, что значитъ гласъ съ неба, какъ не слово и проповѣдь ко всему міру!

Что же вѣщаетъ Отецъ? *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ!* О любезнаго и сладчайшаго гласа! Итакъ—чего ожидали праотцы, о чемъ предвозвѣщали пророки, что прообразовалъ законъ и обряды, чего чаяла и о чемъ воздыхала вся тварь: то самое исполнилось во всей силѣ—Богъ, Самъ Богъ и Господь явился намъ!—И какъ явися? Облеченный нашею плотію, принявъ на Себя наши грѣхи, принесши намъ всю Свою премудрость и правду, всю жизнь и всѣ благословенія. О радости и торжества истинно всемірнаго! Злополучные праотцы рода человѣческаго, востаньте изъ персти и поклонитесь Тому, Который, будучи

Сыномъ Божіимъ, благоволилъ содѣлаться и вашимъ сыномъ. дабы стереть главу змія, васъ прельстившаго! — Законодатель Синая. спѣши на Іорданъ узрѣть уже не слѣды славы Божіей, а самое лице Божіе, которое такъ пламенно желалъ ты видѣть, и не видѣлъ: *ибо* теперь *видѣвый Сына, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). Мудрецъ Израилевъ, перестань и ты вопрошать: *аще истинно вселится Богъ съ человѣки на земли* (3 Цар. 8, 27)? Онъ вселился истинно, пріобщился крови нашей такъ, что теперь ничто не разлучитъ плоти и въ ней нашего человѣчества отъ Его Божества.

Но что за сила Божественнаго гласа? Для чего свидѣтельствуетъ такъ о возлюбленномъ Сынѣ Отецъ?—Для того. дабы мы не могли не узнать. что намъ даровано Его безпредѣльною любовію,—дабы познали Сына, пріяли Его, какъ должно, и приняли отъ Него все, что Онъ принесъ намъ отъ Отца Его и нашего, Его по естеству, нашего по благодати.— Вы, какъ бы такъ вѣщаетъ намъ съ неба Отецъ,—удалившись отъ Меня, находитесь во тьмѣ и сѣни смертной; никакія усилія вашего разума не могутъ извести васъ изъ сей тьмы: вотъ вамъ Свѣтъ и Источникъ всякого свѣта, Наставникъ, въ Коемъ всѣ сокровища премудрости и разума: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный!*—Вы, увлекшись зміинымъ совѣтомъ, сдѣлались неоплатными должниками предъ Моимъ правосудіемъ, впали въ тяжкій плѣнъ грѣха и страстей, такъ что самая добрая воля ваша, при всѣхъ усиліяхъ, не въ состояніи расторгнуть сихъ узъ, исторгнуть корень прирожденной порчи: вотъ вамъ Рѣшитель всѣхъ долговъ и узъ, Цѣлитель душъ и сердецъ, Который возьметъ отъ васъ всѣ ваши неправды и подастъ вамъ всю Свою правду: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный!* Вкушеніе плода запрещеннаго внесло въ вашу природу сѣмена тли и разрушенія; вооруженная жаломъ грѣха смерть поражаетъ васъ на каждомъ шагу вашей жизни, и нѣтъ избавляющаго: вотъ вамъ Владыка жизни и смерти, Который, имѣя *животъ въ Самомъ Себѣ,* подобно Мнѣ, всѣхъ, *ихъ же хощетъ, живитъ: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный!* Надъ вами носится темная власть *имущаго державу смерти,* духа злобы поднебесной, который, погубивъ праотца, силится погубить и всѣхъ васъ, его потомковъ; для сраженія съ нимъ, для низложенія его потребны оружія не плотскія, коихъ нѣтъ у васъ: — вотъ вамъ Давидъ, Который можетъ

низложить сего гордаго Голіаѳа: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный!* Онъ со всею вѣрностію приведетъ въ дѣйство всѣ Мои благіе совѣты о васъ и вашемъ спасеніи; Онъ исправитъ все, что въ васъ и природѣ вашей есть нечистаго, богопротивнаго и смертоноснаго. Онъ откроетъ вамъ всѣ пути къ достиженію цѣли бытія вашего, къ возвращенію на путь правды и блаженства, къ соединенію со Мною. Итакъ, оставивъ всѣ недоумѣнія, всякую боязнь и всякую гордость, пріимите всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ вашимъ возлюбленнаго Сына Моего, къ вамъ ниспосланнаго: *Того послушайте!* Идите за Нимъ всюду, куда Онъ ни поведетъ васъ, дѣлайте все, что ни повелитъ вамъ; скажетъ: «любите враговъ», — любите; скажетъ: «возьмите крестъ», — берите; велитъ распять на немъ плоть,—распинайте! Онъ знаетъ, что повелѣваетъ, и на все, что повелѣно, подастъ вамъ силы. *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный: Того послушайте!*

Что можетъ, братіе, прибавить къ сему божественному гласу слово человѣческое?—Итакъ, вмѣсто всѣхъ наставленій отъ себя, и мы съ благоговѣніемъ повторимъ вамъ: *Того послушайте!* Въ послушаніи Спасителю нашему теперь все наше спасеніе. Но вѣрный признакъ истиннаго послушанія Ему состоитъ не въ другомъ чемъ, какъ въ жизни по Его святымъ заповѣдямъ. Симъ только однимъ мы можемъ возблагодарить любви Отца, ниспославшаго къ намъ Своего возлюбленнаго Сына, явившагося для спасенія нашего; симъ удостоимся благодати Св. Духа, Который для того нисходитъ теперь на Ходатая нашего, дабы чрезъ Него проліяться въ дарахъ Своихъ на всѣхъ насъ. Аминь.

Слово въ недѣлю по просвѣщеніи.

Настоящій день недѣльный содержитъ немалое поученіе для насъ въ самомъ названіи своемъ; ибо называется *недѣлею по просвѣщеніи*. Наименованіе весьма поучительное, происшедшее отъ того, что праздникъ Богоявленія, за коимъ слѣдуетъ настоящая недѣля, назывался въ древности днемъ просвѣщенія, или свѣтовъ; а назывался такъ потому, что въ навечеріи его просвѣщались вѣрою и крестились оглашенные, въ знаменіе чего возжигалось множество свѣтиль-

никовъ. Нося въ продолженіе семи дней послѣ крещенія бѣлую одежду, новокрещенные въ настоящій день недѣльный въ послѣдній разъ являлись въ сей одеждѣ въ церковь: и она въ послѣдній разъ имѣла утѣшеніе видѣть ихъ облеченными знаменіемъ чистоты и непорочности, сообщенной имъ чрезъ таинство и ожидаемой отъ нихъ въ ихъ нравахъ и жизни.

Нынѣ, братіе, день Богоявленія служитъ временемъ крещенія развѣ въ странахъ отдаленныхъ, гдѣ, при обращеніи дикихъ народовъ, нерѣдко повторяются не только обычаи, даже чудеса временъ Апостольскихъ. Мы же всѣ пріемлемъ крещеніе вскорѣ послѣ нашего рожденія и тогда же облекаемся въ бѣлую одежду. Не смотря на сіе, недѣля по просвѣщеніи не должна потерять своего значенія и для насъ. Ибо и въ древности, безъ сомнѣнія, не новокрещенные сообщали свѣтъ прошедшему празднику, а праздникъ просвѣщалъ своимъ свѣтомъ крещаемыхъ; но праздникъ всегда одинъ и тотъ же. — Напротивъ, если для новокрещенныхъ прошедшіе дни были днями просвѣщенія, то для насъ, яко давнокрещенныхъ и потому возрастшихъ въ вѣрѣ и любви, тѣмъ паче прошедшимъ празднествамъ надлежало быть свѣтоносными. Чѣмъ же они, братіе, въ самомъ дѣлѣ были для насъ?

Рождество Твое, Христе Боже нашъ, воспѣвала Церковь, *возсія мірови свѣтъ разума*. И подлинно, свѣтомъ звѣзды виѳлеемской озаренъ весь міръ; имъ прогнана ужасная тьма идолопоклонства, имя Бога истиннаго, недовѣдомое прежде мудрецамъ, явлено самымъ младенцамъ. Но, братіе, коснулся ли сей животворный свѣтъ и нашего ума? Не преломляется ли безплодно въ одномъ воображеніи и памяти?—Не меркнетъ ли онъ, какъ въ нечистомъ стеклѣ, въ нашемъ сердцѣ? — Мы видѣли волхвовъ, путеводимыхъ звѣздою, съ отдаленнаго востока грядущихъ въ бѣдный Виѳлеемъ для поклоненія Младенцу во ясляхъ: узнали ли мы въ семъ пути волхвовъ путь истиннаго вѣдѣнія, которое въ правильномъ шествіи своемъ всегда должно приводить въ Виѳлеемъ, къ поклоненію Спасителю міра? Научились ли, подобно волхвамъ, читать волю Божію въ явленіяхъ видимой природы, слышать гласъ неба и въ такъ называемыхъ естественныхъ событіяхъ? Научились ли идти, куда зоветъ сей гласъ? Обращать въ жертву Богу всѣ пріобрѣтенія мудрости и искусства, наше злато, ливанъ и смирну? И, сподобившись откро-

венія истины, не предавать ее Ироду — похотямъ и страстямъ? — Мы видѣли пастырей, по гласу Ангела, преходящихъ нощію до Виѳлеема: узнали ли въ нихъ путь нагой вѣры, которая, будучи далека отъ познаній, одною простотою сердца и чистотою жизни, и привлекаетъ, и пріемлетъ, и хранитъ откровенія небесныя? — Научились ли подобно симъ пастырямъ бдѣть на своей стражѣ, проходить правильно то знаніе, въ коемъ поставила насъ рука Промысла? Но, паче всего, мы зрѣли Божественнаго Младенца, лежаща повитымъ во ясляхъ: что же занято нами отъ Него?—Пала ли предъ Его яслями наша гордость и величаніе?—Усрамилась ли Его пеленъ наша роскошь?—Поняли ли мы, что для достиженія царствія небеснаго необходимы младенческая простота, смиреніе и нищета духовная, указанныя намъ Господомъ при самомъ появленіи Его въ міръ?

Въ комъ со днемъ рожденія Спасителя возродилось твердое желаніе быть самому отрожденнымъ благодатію, ходить во свѣтѣ вѣры, жить на землѣ, какъ прилично чадамъ Божіимъ, для того возсіялъ *свѣтъ разума;* а кто при семъ празднествѣ перемѣнилъ токмо одну пищу на другую (если и ту нужно было перемѣнять), тихія занятія поста на шумныя увеселенія праздника, тотъ остался въ прежней тьмѣ *и не вѣсть, камо идетъ, яко тьма ослѣпи очи ему* (1 Іоан. 2, 11)!

Послѣ Рождества Христова мы праздновали, братіе, день новаго лѣта и обрѣзанія Господня:—уразумѣли ли же внутреннюю связь сего поучительнаго стеченія празднествъ? Понято ли нами, что новое лѣто дается каждому изъ насъ для духовнаго обрѣзанія, для очищенія себя отъ всего грѣховнаго и тлѣннаго?—И что безъ сего обрѣзанія, безъ обузданія страстей и умерщвленія плоти, нѣтъ и не можетъ быть новаго лѣта; ибо ветхій грѣховный человѣкъ съ продолженіемъ времени только ветшаетъ и дряхлѣетъ? Уразумѣвъ это, обозрѣлъ ли каждый изъ насъ свою прошедшую жизнь, замѣтилъ ли, что слѣдуетъ во внутреннемъ вертоградѣ его къ отребленію и посѣченію? И рѣшился ли совершить его немедленно? — И древо каждый годъ имѣетъ нужду въ обрѣзаніи, и чѣмъ тщательнѣе обрѣзуется, тѣмъ бываетъ крѣпче и плодоноснѣе. Быть не можетъ, чтобы душа наша, столь плодотворная въ худыхъ помыслахъ, въ сухихъ пожеланіяхъ, не имѣла нужды въ обрѣзаніи. Итакъ, обра-

тилъ ли каждый изъ насъ на сіе хотя столько вниманія, сколько обращаемъ онаго ежегодно на растенія въ садахъ нашихъ? Приходило ли на мысль, что, можетъ быть, душа наша есть та несчастная смоковница (Лук. 13, 5—9), которая осуждена уже на посѣченіе и оставлена въ новомъ лѣтѣ единственно по милосердію небеснаго Вертоградаря?

Кто понялъ, для чего вступилъ въ новый годъ и что̀ ему должно дѣлать со временемъ и съ вертоградомъ души своей, что первое должно по-христіански употреблять, а послѣдній по-христіански отреблять.—для того день новаго года былъ *днемъ просвѣщенія*. А кто удовлетворился изъявленіемъ и принятіемъ однихъ бездушныхъ благожеланій, не думая о перемѣнѣ своего нрава и жизни, объ обновленіи ума и сердца,—для того нѣтъ ни новаго лѣта, ни новаго свѣта; тотъ въ прежней, ветхой тьмѣ, *и не вѣсть, камо идетъ, яко тьма ослѣпи очи ему!*

Наконецъ, братіе, мы по гласу Церкви исходили на Іорданъ. Тутъ еще болѣе таинъ и свѣта!—Чего нельзя увидѣть въ *разверстыхъ небесахъ* (Матѳ. 3. 16)? Чему нельзя научиться у Отца, свидѣтельствующаго о возлюбленномъ Сынѣ? У Духа, сходящаго на Сего Сына въ видѣ голубя? У Самаго Сына, пріемлющаго крещеніе отъ раба?—Здѣсь все богословіе и вся нравственность,—вся вѣра и все упованіе! Гласъ Отца долженъ былъ научить насъ, что нѣтъ, ни на землѣ, ни на небѣ, другаго Учителя для насъ, кромѣ Его возлюбленнаго Сына. Сошествіе Святаго Духа на Сына, для пріуготовленія Его ко вступленію въ великую должность Ходатая, долженствовало вразумить насъ, что безъ благодати Сего Духа не можетъ быть сдѣлано ничего, истинно благаго и богоугоднаго. Наконецъ, смиреніе Сына, наряду съ грѣшниками пріемлющаго крещеніе отъ раба, долженствовало убѣдить насъ, что нѣтъ другаго средства войти паки въ рай, потерянный гордостію и своеволіемъ, кромѣ смиренія и повиновенія. Такъ долженствовало быть! Но какъ было? Питіе святой воды погасило ли въ комъ-либо изъ насъ жажду чувственныхъ удовольствій?—Пошедъ на рѣку для освященія, возвратились ли мы очищенными хотя отъ одного какого-либо грѣха?

Совѣсть каждаго, братіе, должна отвѣчать на сіи вопросы. Она только можетъ и должна сказать каждому изъ

насъ. какая нынѣ для него недѣля: по просвѣщеніи, или послѣ сугубой тьмы? Говорю *сугубой:* ибо кто среди величайшаго свѣта не просвѣтился нисколько. тотъ по тому самому сдѣлался мрачнѣе: великій свѣтъ. если не просвѣщаетъ, то мрачитъ и ослѣпляетъ.

И вещественная тьма ужасна. братіе: тѣмъ ужаснѣе духовная! Теперь у насъ много свѣтовъ, замѣняющихъ, повидимому, свѣтъ Христовъ: есть свѣтъ ума и наукъ, свѣтъ опыта и благоразумія, свѣтъ солнца и луны; самыя насѣкомыя трудолюбіемъ своимъ доставляютъ намъ средства къ освѣщенію; самыя грубыя животныя тукомъ своимъ просвѣщаютъ нашу тьму. Но, что будетъ, когда всѣ сіи свѣты, и великіе и малые, и чувственные и духовные, вдругъ будутъ погашены рукою смерти? — Кто просвѣтитъ насъ, когда закроются навсегда очи наши, и мы пойдемъ мракомъ и сѣнію смертною? Что будетъ тогда съ тѣмъ. въ комъ нѣтъ свѣта Христова?

Востани же каждый спяй (Ефес. 5, 15), и воскресни благодатію Христовою отъ мертвыхъ; и тогда — и только тогда—освѣтитъ тя Христосъ. Аминь.

Бесѣда въ навечеріи Преображенія Господня.

Пріидите нынѣ, лучшимъ измѣньшеся измѣнѣніемъ, себе наутріе добрѣ уготовимъ, на гору предвзыти Божію святую, неизмѣнно Христову славу блистающу узрѣвши, ясно паче солнца и Троичнымъ озаряеми свѣтомъ, о семъ прославимъ Того схожденіе (На предпраздство Преображенія, стих на вечерни 3).

Итакъ, Церковь святая не хочетъ, братіе, чтобъ мы были только слушателями о преображеніи возлюбленнаго Жениха ея; желаетъ, напротивъ, всѣмъ намъ самимъ взойти на гору святую и быть самовидцами Божественнаго величія Спасителя нашего. И подлинно. если въ какомъ случаѣ нужно присоединить къ слуху видѣніе, то здѣсь. Преображеніе Господа есть одно изъ самыхъ восхитительныхъ для духа и сердца зрѣлищъ: свидѣтель тому Петръ, хотѣвшій навсегда остаться на Ѳаворѣ. Кромѣ того, происходящее на Ѳаворѣ съ Спасителемъ, при всемъ величіи своемъ, не чуждо всѣмъ намъ: ибо и каждаго христіанина, по слову

Апостола, ожидаетъ *преображеніе отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18). Поелику же преображеніе наше должно совершиться не по другому какому-либо образцу, какъ по образу преображенія Господня: то какъ не желать увидѣть въ лицѣ преобразующагося Господа образъ будущаго собственнаго преображенія? — Итакъ, *пріидите, уготовимъ себе взыти на гору Божію святую.*

«Но, какъ взойти на гору, находящуюся отъ насъ въ такомъ отдаленіи? — Какъ увидѣть то, чего теперь тамъ уже нѣтъ?—Ибо хотя бы мы прешли въ обѣтованную землю и взошли на Ѳаворъ, то не нашли бы тамъ теперь никакихъ слѣдовъ преображенія Господня». Такъ! Но по сему самому уже явно, братіе, что Церковь отнюдь не разумѣетъ чувственнаго видѣнія, когда приглашаетъ насъ зрѣть славу преображенія Господня. Духъ человѣка можетъ переноситься всюду и во всѣ времена,—быть съ тѣмъ, что давно минуло, видѣть многое, что сокрыто отъ очей тѣлесныхъ: и такое видѣніе можетъ быть для внутренняго человѣка нашего еще дѣйствительнѣе и благотворнѣе, нежели видѣніе очами тѣлесными. Къ подобному-то духовному восходу на Ѳаворъ, для созерцанія тамъ преображенія Господня, приглашаетъ насъ нынѣ святая Церковь!

Но такой восходъ и такое видѣніе, по самому существу своему, требуютъ духа чистаго и возвышеннаго, мысли легкой и парящей, сердца свободнаго отъ земныхъ узъ. Чей духъ подавленъ плотію, кто въ плѣну у страстей, омраченъ похотями, покрытъ прахомъ суетъ,—тотъ часто не видитъ и того, что находится предъ очами тѣлесными, не слышитъ, что говорятъ ему во уши, забываетъ все окружающее, даже самого себя. Такому ли человѣку возноситься духомъ на Ѳаворъ?—Такому ли видѣть Моисея и Илію? Слышать гласъ Отца, свидѣтельствующаго о Сынѣ?—Ѳаворъ мѣсто святое, святѣе купины Моисеевой и Синая; чтобы взойти на него, надобно *изсуть сапоги отъ ногъ* (Исх. 3, 5), оставить у подошвы его все, не говорю грѣховное, даже земное; тутъ мѣсто одной вѣрѣ Петра, одной любви Іоанна, одному упованію и терпѣнію Іакова.

Но *кто къ симъ доволенъ* (2 Кор. 2, 16)? — Гдѣ искать таковыхъ добродѣтелей? Церковь знаетъ сіе, вѣдаетъ нечистоту и тяжесть нашу, видитъ крайнюю неспособность мно-

гихъ пренестися чистою мыслію на Ѳаворъ и быть въ духѣ самовидцами Божественной славы преобразующагося Господа; посему и совѣтуетъ съ такимъ усердіемъ всѣмъ предуготовить *себе добрѣ наутріе* къ сему подвигу *и измѣнитися лучшимъ измѣненіемъ*.—Измѣненіе сіе должно состоять не въ перемѣнѣ одеждъ и украшеній, не въ омовеніяхъ и прикрасахъ, не въ одномъ отложеніи трудовъ и занятій,—ибо послѣ такого измѣненія духъ и сердце могутъ оставаться со всѣмъ прежнимъ безобразіемъ,—а въ премѣнѣ чувствъ, чтобы сердце, сколько можно болѣе, освободить отъ привязанности къ видимымъ, тлѣннымъ благамъ, и обратить къ ощущенію радости духовной и блаженства небеснаго, являющагося въ лицѣ Спасителя;—въ премѣнѣ мыслей, чтобы умъ, занимавшійся понятіемъ вещей дольнихъ, сужденіемъ о дѣлахъ житейскихъ, обратился къ созерцанію тайнъ вѣры и надежды, открывающихся на Ѳаворѣ;—въ премѣнѣ воли, чтобы она, оставивъ всѣ нечистыя и богопротивныя правила, коими руководствуется въ дѣйствіяхъ, обратилась къ волѣ Божіей, рѣшилась, послѣдуя гласу свыше: *Того послушайте* (Матѳ. 17, 5), слушаться во всемъ закона и Евангелія, а не своихъ предразсудковъ и похотей. Только такое измѣненіе есть поистинѣ лучшее; а всѣ прочія, дѣлаемыя для праздника, измѣненія, какъ бы они ни казались и ни были благовидными, суть худшія. Измѣнившійся таковымъ измѣненіемъ, и токмо онъ одинъ, способенъ взойти на Ѳаворъ и видѣть славу Преображенія.

«Но можно ли въ такое краткое время, какое остается до утрія, произвести въ себѣ столь великую перемѣну?»—Намъ самимъ, братіе, невозможно произвести сіе чудо, не только въ краткое время, но и въ цѣлую вѣчность. Это можетъ содѣлать одна благодать Святаго Духа. Но она всегда при насъ и въ насъ, коль скоро мы начинаемъ хотя думать о Богѣ. Тѣмъ паче она поможетъ намъ, когда мы рѣшимся обратиться всецѣло къ Богу. Съ нею, съ благодатію Божіею, въ самое краткое время можно *измѣнитися* самымъ *лучшимъ измѣненіемъ*, требуемымъ Церковію. Чтобы глубже укоренить въ себѣ сію необходимую для насъ (грѣшниковъ) увѣренность, послушаемъ святаго Златоуста, который также приглашалъ нѣкогда своихъ слушателей къ подобному измѣненію на лучшее.

«Пусть никто мнѣ не говоритъ», вѣщалъ онъ, «что немного времени до будущаго собранія. Ибо можно перемѣнить все житіе не токмо въ пять дней, но и въ одно мгновеніе. Что напр. хуже разбойника и человѣкоубійцы? Не крайнее ли это зло? Однако онъ не потребовалъ ни цѣлыхъ дней, ни даже половины дня, но въ одно мгновеніе и на верхъ добродѣтелей востекъ и въ рай вселился. Посему можно вдругъ перемѣниться и сдѣлаться златымъ вмѣсто бреннаго. Поелику добродѣтель и порокъ не отъ природы, то премѣненіе, будучи свободно отъ всякой необходимости, удобно. *Аще хощете,* и *послушаете Мене,* говоритъ Богъ, *благая земли снѣсте* (Исаіи 1, 19). Видишь, потребно одно хотѣніе: только хотѣніе не простое и какое имѣютъ многіе, а дѣятельное!»

«Знаю я», продолжалъ святый витія, «что вы желаете возлетѣть на небо; (о, если бы можно было сказать это самое и о всѣхъ насъ, теперь бесѣдующихъ!)—но должно желаніе сіе показать на дѣлѣ. Ибо купецъ, желая обогатиться, не останавливается на томъ, чтобы имѣть хотѣніе сіе только въ душѣ, но уготовляетъ корабль, собираетъ матросовъ, приглашаетъ кормчаго, и другими потребностями снабдѣваетъ судно, беретъ золото взаймы, переплываетъ море, отходитъ въ чужую землю, подвергается многимъ опасностямъ и всѣмъ другимъ невзгодамъ, какія извѣстны мореплавателямъ: такъ и намъ должно показать желаніе! Ибо плывемъ и мы—только не изъ земли въ землю, но отъ земли на небо. Итакъ, сдѣлаемъ мы нашу мысль способною къ успѣшному управленію плаваніемъ, которое бы возвело насъ горѣ; приготовимъ служителей покорныхъ ей и корабль твердый, который какъ не погружался бы отъ несчастій и печали житейской, такъ и не возносился бы высоко духомъ гордости, но былъ бы удобенъ и легокъ. Ежели такой будемъ имѣть корабль и такихъ—кормчаго и служителей, то будемъ плыть благополучно, и Сына Божія, истиннаго Кормчаго, привлечемъ къ себѣ, Который не попуститъ потонуть кораблю нашему, но ежели и безчисленные возвѣютъ вѣтры, запретитъ вѣтрамъ и морю, и вмѣсто бури произведетъ великую тишину».

«Приготовивши себя такимъ образомъ», заключаетъ святый Златоустъ, «придите въ слѣдующее собраніе, если же-

лательно вамъ услышать и сохранить въ душѣ вашей что-нибудь полезное» (Бес. 2 на Іоанна).

Тѣмъ же самымъ заключимъ теперь, братіе, и мы, приглашая васъ къ завтрашнему собесѣдованію. Между тѣмъ—*благословеніе Господне на васъ Того благодатію и человѣколюбіемъ* преобразившагося Господа! Аминь.

Бесѣда въ день Преображенія Господня.

Придите, взыдемъ на гору Господню, и въ домъ Бога нашего, и узримъ славу преображенія Его, славу яко Единороднаго отъ Отца· свѣтомъ пріимемъ свѣтъ, и возвышени бывше духомъ, Троицу Единосущную воспоимъ во вѣки! (На литіи стих. 4).

Послѣ того, какъ вчера отъ лица святыя Церкви приглашалъ я васъ, братіе, предочиститься и пріуготовить себя къ *Божественному восходу* на гору Божію святую, дабы тамъ быть самовидцами преображенія Господня,—послѣ сего нѣкоторые, вѣроятно, уже предварили насъ симъ святымъ дѣломъ и были мыслію и духомъ на горѣ святѣй; а нѣкоторые, можетъ быть, не только были тамъ, но и сами причастились славы преображенія Господня, которое, по увѣренію Апостола (2 Кор. 3. 18), есть событіе, долженствующее повториться надъ всѣми истинными послѣдователями Христовыми. Но тѣмъ не менѣе всѣ, и бывшіе и небывшіе, *пріидите, взыдемъ на гору Господню!* Бывшіе на ней не удивятся, что ихъ паки приглашаютъ туда, гдѣ верховный изъ Апостоловъ хотѣлъ остаться навсегда; а небывшіе тѣмъ паче должны поспѣшить въ то мѣсто, гдѣ воистину—*добро есть быти!*

Но кто будетъ нашимъ руководителемъ въ семъ, какъ называетъ его Церковь, *Божественномъ восходѣ?* — Будутъ руководителями три святые Евангелиста, Матѳей, Маркъ и Лука, кои хотя сами не созерцали славы Преображенія очами тѣлесными, но тѣмъ не менѣе удостоены отъ Духа Святаго не только созерцать славу сію очами духовными, но и возвѣстить о ней всему міру въ своихъ писаніяхъ. А чтобы намъ по слабости и неопытности своей не отстать и отъ сихъ великихъ руководителей, то будемъ чаще, среди сего духовнаго шествія и созерцанія, совѣтоваться съ тѣми, кои

многократно и весьма успѣшно совершали оное: я разумѣю святыхъ отцевъ, оставившихъ намъ множество прекрасныхъ размышленій о Преображеніи Господа нашего.

Въ надеждѣ на такихъ руководителей и наставниковъ. пренесемся, братіе, духомъ на гору Ѳаворскую.

Бысть же по словесѣхъ сихъ яко дній осмь (Лук. 9, 28),— такъ начинается повѣствованіе о Преображеніи. Не безъ важной причины Евангелисты, кои большею частію не означаютъ подробно времени событій, въ семъ случаѣ всѣ указываютъ на него. Между событіемъ, на которое они указываютъ. и Преображеніемъ Господа, должна быть тѣсная, внутренняя связь. Что же произошло за восемь дней?—

За восемь дней произошли двѣ важныя вещи: одна весьма пріятная. а другая весьма непріятная. Пріятно было, что Петръ на вопросъ Іисуса Христа Апостоламъ, *вы же кого Мя глаголете быти?* (Матѳ. 16, 15)—вопросъ, предложенный по случаю разногласія о Немъ народныхъ мнѣній,—отвѣчалъ со всею твердостію: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго!* Богочеловѣкъ въ награду за такое торжественное исповѣданіе Его Божественнаго достоинства, еще никому изъ учениковъ дотолѣ явно Имъ не открытаго,—пророчественно назвалъ Петра *камнемъ* Своея Церкви, обѣщалъ даровать ему ключи Своего царствія и съ сего времени началъ открытѣе вести Себя въ кругу учениковъ, какъ обѣтованный Мессія, но вмѣстѣ съ тѣмъ началъ и часто предсказывать о Своей крестной смерти. — Весьма непріятнымъ было то, что сей же самый Петръ, услышавъ въ первый разъ о крестѣ и думая, что такая ужасная участь вовсе несовмѣстна съ достоинствомъ Сына Божія, имъ исповѣданнаго, почелъ за долгъ любви прекать Ему въ семъ, говоря: *не имать быти Тебѣ сіе!* (Матѳ. 16, 22). Прекаліе и состраданіе сіе были такъ безвременны, такъ противны планамъ премудрости Божіей о спасеніи рода человѣческаго, но вмѣстѣ и такъ искусительны для слабой природы человѣческой, всегда отвращающейся страданій, что Спаситель, дабы однимъ разомъ исторгнуть съ корнемъ опасную мысль, принужденъ былъ сказать Петру: *иди за Мною, сатано: соблазнъ Ми еси* (—23)!

Вотъ что произошло за восемь дней до Преображенія! Ученикамъ въ первый разъ были совершенно ясно открыты и Божественное достоинство Учителя, и Его будущій крестъ:

первое принято единодушно, а послѣдній нашелъ сильное противорѣчіе.

Соображая съ симъ, что происходитъ теперь на Ѳаворѣ, не трудно, братіе, видѣть внутреннюю связь между тѣмъ и другимъ событіемъ. Петръ, вопреки мнѣнію народа, почитавшаго Іисуса за Илію, или за единаго отъ пророкъ, исповѣдалъ Его Сыномъ Божіимъ; и вотъ на Ѳаворѣ Самъ Отецъ подтверждаетъ то же самое, а Моисей и Илія являются предъ Нимъ, яко слуги. Но тотъ же Петръ, послѣдуя всеобщему ошибочному мнѣнію своихъ единоплеменниковъ, полагалъ, что крестъ совершенно несовмѣстенъ съ достоинствомъ Мессіи;—и вотъ Моисей и Илія среди самой славы Ѳаворской говорятъ не о чемъ другомъ, какъ о крестѣ;—да вѣдаютъ всѣ соблазнявшіеся крестомъ, что основаніе его не на землѣ, а на небѣ, что онъ не разлученъ съ славою Сына Божія и есть плодъ Его собственнаго произволенія и любви къ людямъ (Злат. Бесѣд. 56 на Матѳ.).

Такова связь Преображенія Господня съ предшествовавшими ему событіями, и таково его внутреннее значеніе и цѣль! Святая Церковь весьма ясно и сильно выражаетъ сіе самое, когда поетъ: *на горѣ преобразился еси, да егда Тя узрятъ распинаема, страданіе убо уразумѣютъ вольное.*

Послѣдуемъ теперь за сказаніемъ Евангелистовъ.

И по днехъ осьми поятъ Іисусъ Петра, Іакова, Іоанна, возведе ихъ на гору высоку едины.

Величайшее чудо требовало не одного свидѣтеля; посему ихъ поемлется трое; въ свидѣтеляхъ требовалось особенной способности къ духовному созерцанію; посему поемлются избраннѣйшіе: Петръ, первый изъ Апостоловъ по вѣрѣ (Матѳ. 16, 16—19), Іоаннъ, первый по любви (Іоан. 21, 10), Іаковъ, первый по терпѣнію и вѣнцу мученическому (Дѣян. 12, 2). Прочіе ученики, вѣроятно, еще не способны были (Іоан. 16, 12) перенести славу Преображенія своего Учителя и Господа. Я говорю: *перенести.* Ибо хотя на Ѳаворѣ было весьма добро быти, но, при гласѣ изъ облака, и избраннѣйшіе упадутъ ницъ и будутъ внѣ себя отъ страха. Для другихъ такое явленіе могло быть сопряжено съ крайнею опасностію; тѣмъ паче для предателя лучи пренебесной славы могли быть нестерпимы; а его нельзя было оставить одного, не подавъ повода къ подозрѣніямъ и жалобѣ на пренебреженіе.

Мѣстомъ Преображенія избрана *высокая гора*,—по древнѣйшему преданію (Кир. Іерус. Катих. 12) Ѳаворъ, прославленный еще побѣдою Варака (Суд. 4, 14—16). Великая высота невольно возвышаетъ духъ и отрѣшаетъ, болѣе или менѣе, отъ всего земнаго; а уединенное безмолвіе, не возмущаемое присутствіемъ тварей, располагаетъ къ собесѣдованію съ Творцемъ. Посему-то издревле большая часть Богоявленій — Аврааму, Моисею, Иліи — послѣдовали на горѣ. Ѳаворъ для того какъ бы и созданъ: ибо и нынѣ еще, по свидѣтельству путешественниковъ, есть лучшее мѣсто въ цѣлой Палестинѣ. Творческая десница Бога Отца нарочито предукрасила мѣсто будущаго Преображенія возлюбленнаго Сына.

Сонъ (Лук. 9, 32), въ коемъ находились Апостолы при началѣ Преображенія, даетъ разумѣть, что они возведены были на гору во время, располагающее ко сну, и что имъ не была открыта предварительно чрезвычайная цѣль восшествія. Иначе, можно ли было предаться сну? Учитель имѣлъ обыкновеніе удаляться въ горы для молитвы (Лук. 6, 12), и теперь *взыде*, замѣчаетъ Ев. Лука, *на гору помолитися* (Лук. 9, 28). Что произойдетъ среди сей и отъ сей молитвы—о семъ вѣдалъ, развѣ токмо Самъ—*Онъ*.

Какъ ни легко было совершать молитву на вершинѣ Ѳавора, въ безмолвіи всего окружающаго, вблизи Божественнаго Учителя, но ученики не могли раздѣлять ее съ Нимъ до конца и уступили надъ собою власть сну, который, какъ справедливо замѣчаютъ, съ наибольшею силою нападаетъ на человѣка во время молитвы, и тогда наипаче овладѣваетъ имъ, когда почему-либо наиболѣе нужно бдѣть.

Богочеловѣкъ продолжалъ молиться одинъ. Можете представить, или лучше сказать, невозможно и представить, какъ молился Отцу — Сынъ единородный, возлюбленный, въ минуты столь важныя! Евангелисты не сказываютъ намъ, что именно было предметомъ Его молитвы. Но это, отчасти, видно само собою. Какъ для насъ въ дѣлѣ спасенія нѣтъ ничего, такъ и для Богочеловѣка въ дѣлѣ служенія сему спасенію не было ничего важнѣе креста (Лук. 9, 22—24). Могъ ли по сему самому крестъ сей быть забытъ въ молитвѣ на Ѳаворѣ? Моисей и Илія, конечно, не столько сами на-

чали, сколько продолжали начатую въ молитвѣ бесѣду Богочеловѣка съ Отцомъ, но они—*глаголаста исходъ Его!*

Но что бы ни было предметомъ ѳаворской молитвы Іисусовой, только молитва сія была изъ самыхъ необыкновенныхъ даже между Его молитвами: ибо, *егда молящеся, бѣ видѣніе лица Его ино* (Лук. 9, 29); оно *просвѣтися яко солнце, и ризы Его быша бѣлы яко свѣтъ* (Матѳ. 17, 2), *блещащяся* (Марк. 9, 3). То есть,—сколько можно изъяснять подобныя явленія слабымъ словомъ человѣческимъ,—молитва до того возбудила и подвигла сокрытую въ человѣчествѣ Іисусовомъ полноту Божества, что она, преисполнивъ душу Богочеловѣка свѣтомъ своимъ, проникла сквозь тѣло и просіяла въ лицѣ,—не вмѣщаясь здѣсь. осіяла и преобразила самую одежду. Если вы, братіе, читывали жизнеописанія святыхъ, то, безъ сомнѣнія, припомните теперь, что, при всей божественности настоящаго чуда, нѣчто подобное происходило и въ жизни святыхъ. И они иногда, во время молитвы, отъ внутренняго восторга души, распаленной любовію къ Богу, казались окруженными свѣтомъ небеснымъ и принимали видъ прославленный (напр. Арсеній Вел. (Чет. Минеи мая 8), Ѳеодоръ Едесскій (9 іюля), Григорій Омирит. (19 дек.). Тѣмъ естественнѣе было это въ молитвѣ Богочеловѣка, въ Коемъ Божество какъ ни скрывалось подъ завѣсою человѣческой плоти, при всякомъ особенномъ случаѣ обнаруживало свое присутствіе, и *блистало,* по выраженію Церкви, какъ *молнія* (служ. на Преобр.).

Ѳаворская слава требовала неукоснительныхъ свидѣтелей; но избранные на земли свидѣтели—*бяху отягчени сномъ* (Лук. 9, 32)! Посему явились другіе, изъ другаго міра, привлеченные силою, можетъ быть, той же необыкновенной молитвы, среди коей и отъ коей послѣдовало самое преображеніе. *Явистася Моисей и Илія, съ Нимъ глаголюща* (Матѳ. 17, 3).

Моисей является, какъ ходатай и учредитель ветхаго завѣта, предъ Начальникомъ и Совершителемъ завѣта новаго; Илія—какъ главнѣйшій изъ пророковъ, по своей ревности и дѣйствіямъ, предъ Тѣмъ, въ Коемъ получали теперь исполненіе всѣ пророчества. Являются оба *во славѣ,* подобной славѣ Богочеловѣка, и отъ Него видимо заимствуемой,—показуя симъ на себѣ, что и всѣ послѣдователи Его про-

свѣтятся, чрезъ Него. нѣкогда яко солнце, въ царствіи Отца небеснаго (Матѳ. 13, 43). Къ таковому, раннему, въ сравненіи съ другими праведниками, просвѣтлѣнію славою небесною, въ Иліи положено было начало безпримѣрнымъ взятіемъ его на небо съ тѣломъ (4 Цар. 2, 11), а въ Моисеѣ—чудеснымъ отсвѣтомъ славы на лицѣ его отъ собесѣдованія съ Богомъ (Исх. 34, 29—35), вслѣдствіе коего и во время смерти, какъ замѣчаетъ святой историкъ, *не отемнѣсть очи его и не истлѣста уста его* (Втор. 34, 7). А между тѣмъ, предварить видѣніемъ во плоти Того. Кого всѣ праведники и пророки ветхозавѣтные желали видѣть и не видѣли,— было новою наградою и для законодателя синайскаго и для пустынножителя кармильскаго. На Ѳаворѣ исполнилось, наконецъ, желаніе ихъ, видѣть Бога лицемъ къ лицу (Исх. 33, 13; 3 Цар. 19, 13); ибо они узрѣли здѣсь Того, Который есть *Сіяніе славы и Образъ ѵпостаси Его* (Евр. 1, 3), и сподобились бесѣдовать съ Нимъ лицемъ къ лицу. И для Сына Человѣческаго первое свиданіе *во славѣ* съ величайшими изъ предшественниковъ и провозвѣстниковъ Своихъ служило, безъ сомнѣнія, нѣкіимъ утѣшеніемъ среди Его земнаго многострадальнаго поприща.

Но предметъ ѳаворскаго собесѣдованія былъ—не радостенъ! *Явистася во славѣ, глаголаста же исходъ Его, егоже хотяше скончати во Іерусалимѣ.* Почему и небожители глаголаста исходъ, то есть, бесѣдовали о послѣднихъ дняхъ и смерти Богочеловѣка, а не о другомъ чемъ-либо, радостномъ и пріятномъ,—побужденія къ сему мы уже коснулись нѣсколько нашимъ размышленіемъ. То есть, крестъ, какъ должно полагать, былъ уже, еще до явленія небожителей земнородныхъ, предметомъ молитвеннаго собесѣдованія Іисусова со Отцемъ, и они не сами начали, а только продолжали уже начатое Самимъ Крестоносцемъ слово крестное. Какъ продолжали? Благоговѣйнымъ углубленіемъ въ причины и цѣль страданій и смерти Сына Божія,—приведеніемъ на память древнихъ пророчествъ и событій, ее прообразовавшихъ,—подробнѣйшимъ изображеніемъ обстоятельствъ будущаго жертвоприношенія Голгоѳскаго. Такое собесѣдованіе съ Учителемъ о крестѣ двухъ величайшихъ лицъ ветхаго завѣта всего болѣе могло служить въ умѣ Апостоловъ къ удаленію соблазна отъ креста.

Не было ли какой-либо потребности въ семъ собесѣдованіи для Самого Богочеловѣка?—Если и была, то она довѣдома—Ему единому.

Когда два свидѣтеля міра горняго вновь довершали такимъ образомъ на землѣ древнее Богослуженіе свое, три свидѣтеля міра дольняго едва не проспали свою великую стражбу: *бяху отягчени сномъ!* Такова природа человѣческая! На Ѳаворѣ и въ Геѳсиманіи равна самой себѣ: дремлетъ, когда нужно бодрствовать, и напротивъ бдитъ иногда на зло, когда нужно почивать.

Наконецъ, избытокъ пренебеснаго свѣта проникъ и въ сомкнутыя сномъ очи. Предъ окончаніемъ бесѣды, когда Моисей и Илія уже готовились отойти паки на небо (Лук. 8, 33), ученики пробудились отъ сна, чтобы погрузиться въ восторгъ! Предъ ними — ихъ Учитель: но какой? и съ чѣмъ? — Все исполнено свѣта, величія, блаженства! Не было нужды спрашивать, кто бесѣдующіе съ Нимъ? Если бы прославленный видъ Моисея и Иліи и внутренній характеръ ихъ, отражавшійся въ самой внѣшности, не говорилъ о нихъ; то сердце давало знать, что это *они*—первѣйшіе изъ небожителей!—Смятенные, притрепетные ученики не знали послѣ сего отъ восторга, что сказать и что дѣлать (Марк. 9, 5). У одного Петра разверзлись, по обычаю, уста; но говорилъ ими не умъ, а сердце, по первому впечатлѣнію чувствъ. Замѣтивъ (Лук. 9, 33), что Моисей и Илія хотятъ отойти, и не желая такъ скоро разстаться съ ѳаворскимъ блаженствомъ, онъ невольно воскликнулъ: *Господи, добро есть намъ здѣ быти! Аще хощеши, сотворимъ три сѣни, Тебѣ едину, Моисееви едину, и едину Иліи* (Матѳ. 17, 4). То-есть,—какъ изъясняетъ сіи слова св. Златоустъ,—зачѣмъ оставлять такое прекрасное мѣсто, чтобы идти во Іерусалимъ, на крестъ?—Лучше устроить здѣсь жилище для всѣхъ, и въ уединеніи, сколько можно долѣе, наслаждаться блаженствомъ.

Не вѣдый, еже глаголаше—замѣчаетъ о семъ восклицаніи Петровомъ Ев. Лука.

Въ самомъ дѣлѣ, имъ предполагалось, что преображеніе и слова Учителя не суть явленія временныя, а продолжатся навсегда; — что Моисей и Илія съ прославленными тѣлами могутъ остаться жить на нашей бренной землѣ: предположенія несбыточныя! — Что за образъ жизни былъ бы на

Ѳаворѣ? Какъ совершилось бы спасеніе рода человѣческаго? Какъ пришли бы въ исполненіе пророчества? Какъ самъ Петръ получилъ бы тамъ *ключи царствія?* (Матѳ. 16, 19).— Но человѣкъ, водящійся чувствами—каковымъ на этотъ разъ былъ сынъ Іонинъ — не хочетъ знать ничего подобнаго, и часто изъявляетъ желанія, даетъ совѣты, вовсе несбыточные: *не вѣдый, еже глаголаше!*

При такомъ невѣдѣніи, которое брало верхъ надъ умомъ Петра не на одномъ Ѳаворѣ, одно всегда твердо зналъ и крѣпко содержалъ сынъ Іонинъ—свою любовь къ Учителю. «Не сіе бо взыскуй, замѣчаетъ Златоустъ, яко не зѣло бѣ изряденъ утѣшенія образъ, но како теплъ бѣ, како распаляшеся ко Христу (Бес. 56 на Матѳ.)». Въ самомъ дѣлѣ, почему особенно добро быти на Ѳаворѣ? Потому, что тамъ нѣтъ креста для Учителя.—И говоря о созданіи трехъ сѣней, Петръ забываетъ при семъ самого себя и сотрапезниковъ.

Какъ бы въ доказательство, что Петръ напрасно среди нерукотвореннаго зрѣлища заботится о рукотворенныхъ сѣняхъ, и къ дѣлу Божію хочетъ примѣшать человѣческія усилія,—*еще ему глаголющу, се облакъ свѣтелъ осѣни ихъ* (Матѳ. 17, 5), то есть Господа Іисуса съ Моисеемъ и Иліею, которые по тому самому отдѣлились теперь отъ учениковъ и представились заключенными въ облакѣ, какъ въ нѣкоемъ святилищѣ (Дам. въ сл. на Пр.).

Осѣненіе облакомъ еще болѣе долженствовало усилить въ ученикахъ мысль о непосредственномъ присутствіи теперь на Ѳаворѣ Самого Бога;—ибо «тако,—говоря словами Златоуста,—присно являшеся Богъ»: во облакѣ являлся Онъ и на Синаѣ (Исх. 20, 21), и въ скиніи (Исх. 40, 34), и при храмѣ (3 Цар. 8, 10). А мысль о непосредственномъ присутствіи Божіемъ исполнила сердце новымъ, сильнѣйшимъ трепетомъ. Особенно *же убояшася—сами—вшедше во облакъ* (Лук. 9, 34), то есть когда онъ осѣнилъ потомъ и учениковъ. *Убояшася:* ибо Самъ Богъ говорилъ нѣкогда Моисею и другимъ: *не бо узритъ человѣкъ лице Мое и живъ будетъ* (Исх. 33, 20); а здѣсь лице сіе такъ явно обнаруживалось въ просвѣтленномъ образѣ Богочеловѣка!—Вѣра долженствовала внушать теперь другое—успокоить учениковъ отъ ветхозавѣтнаго страха: но ѳаворскіе свидѣтели еще не совсѣмъ вошли въ духъ новаго завѣта, и какъ

сами готовы были за нѣсколько предъ тѣмъ низвести, по примѣру Иліи, огнь на непокоривыхъ (Лук. 9, 54), такъ и въ ѳаворскомъ Богоявленіи страшились увидѣть Бога Иліина.

Къ довершенію торжественнаго зрѣлища, но вмѣстѣ—и страха въ ученикахъ, *гласъ бысть изъ облака, глаголющъ: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте!*

Симъ окончательно возвѣщалось все достоинство и вся тайна Божественнаго лица Іисусова: большаго свидѣтельства нельзя было ни дать, ни принять на землѣ. Ибо самъ Моисей, законодатель ветхаго завѣта, успѣлъ заслужить токмо титло *вѣрнаго раба* (Евр. 3, 5) въ дому *Божіемъ*, а Сынъ Маріи называется теперь Сыномъ единороднымъ, возлюбленнымъ. Его повелѣвается слушать, а не книжниковъ, не князей іудейскихъ, кои влекли къ себѣ бѣдный народъ,—слушать во всемъ; ибо Онъ, какъ Самъ утверждалъ о Себѣ, всегда творитъ волю не Свою, а *пославшаго Его Отца* (Іоан. 6, 38), проповѣдуетъ и говоритъ *токмо то, что слышалъ* отъ Отца (—8, 26)—ибо *Онъ и Отецъ—одно!* (—10, 30). *Послушайте;* а посему не прекекайте Ему, и когда Самъ пойдетъ, и когда васъ будетъ звать на крестъ.

Какъ бы для того, чтобъ силы и значительность сего свидѣтельства нераздѣльнѣе и видимѣе могли сосредоточиться на лицѣ Свидѣтельствуемаго (Злат. бес. на Матѳ.),—*егда бысть гласъ, обрѣтеся Іисусъ одинъ*,—безъ Моисея и Иліи, кои сокрылись внезапно, давъ мѣсто славѣ Его—единаго.

Ничего не могло быть для учениковъ радостнѣе гласа, коимъ возлюбленный Учитель ихъ нарицался возлюбленнымъ Сыномъ Отца небеснаго. Но, токмо единъ Сынъ могъ слышать безтрепетно подобные гласы Отца. *Чадца* (Іоан. 13, 33),—какъ называлъ Спаситель учениковъ по ихъ дѣтскому чувству,—при слышаніи сего гласа—*пали ницы, и убоящася зѣло* (Матѳ. 17, 6). Верхъ славы Божественной Учителя казался имъ ихъ послѣднею минутою на землѣ!—

Востаните и не бойтеся, сказалъ Господь, приблизившись къ падшимъ. Но одного гласа было недовольно на возстаніе, хотя достаточно было на поверженіе. Посему *приступль Іисусъ, прикоснуся ихъ* (тамъ же—7),—безъ сомнѣнія, тѣмъ всевозставляющимъ прикосновеніемъ, отъ коего

слѣпые прозирали, мертвые возставали изъ гробовъ (Дан. 10, 8—10; Апок. 1, 17).

Ободренные гласомъ, уврачеванные прикосновеніемъ, ученики начали спокойно все видѣть; но Божественное видѣніе уже кончилось: *возведше очи свои, никого же видѣша, токмо Іисуса единаго* (Матѳ. 17, 8),—какъ бы въ видимое знаменіе того что времена Моисеева закона и Иліиной строгости уже прошли, уступивъ мѣсто *благодати и истинѣ* (Іоан. 1, 17).

Господь ничего не сказалъ ученикамъ въ объясненіе Своего преображенія. Видѣнное и слышанное говорило само за себя. Напротивъ, при сошествіи съ горы (послѣдовавшемъ непосредственно за преображеніемъ), Онъ запретилъ ученикамъ даже сказывать кому-либо о происшедшемъ, доколѣ Сынъ Человѣческій не воскреснетъ изъ мертвыхъ. *И сходящимъ имъ съ горы, заповѣда имъ Іисусъ, глаголя: никому же повѣдите видѣнія, дондеже Сынъ Человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ* (Матѳ. 17, 9). Запрещеніе, повидимому, противное гласу небесному: «*Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, Того послушайте,*» а въ самомъ дѣлѣ весьма нужное.—Слухъ о необыкновенномъ прославленіи Іисуса на Ѳаворѣ и о явленіи Моисея и Иліи предъ Нимъ, могъ привести въ волненіе всю Іудею и довести народъ іудейскій, и безъ того склонный къ возмущеніямъ, до отпаденія отъ римлянъ, а это было совершенно несообразно съ духомъ служенія Іисусова, Коего царство не было *отъ міра сего* (Іоан. 18, 36). И для прочихъ учениковъ Іисусовыхъ, еще не очищенныхъ крестомъ и духомъ, еще мечтавшихъ о вѣнцахъ и первенствахъ (Матѳ. 20, 20—24), извѣстіе о ѳаворскомъ событіи, происшедшемъ безъ нихъ, могло служить поводомъ къ жалобамъ, соперничеству и взаимнымъ подозрѣніямъ. По воскресеніи, когда земная жизнь Богочеловѣка кончилась, и то, что въ ней было самаго таинственнаго и непостижимаго уму, разрѣшилось крестомъ; когда Апостолы престали *разумѣть Учителя своего по плоти* (2 Кор. 5, 16), и разстались съ мечтательною мыслію о земномъ царствѣ Мессіи,—гласъ Отца, свидѣтельствующаго о Сынѣ, уже безпрепятственно могъ быть услышанъ всѣми;—и потому началъ гремѣть, чрезъ трубы Евангельскія, во всѣ концы вселенныя.

Такимъ образомъ, на землѣ немалое время знали о преславномъ событіи ѳаворскомъ только—три ученика! — Такъ мало дорожилъ земною славою Сынъ человѣческій!

Мы теперь, братіе, знаемъ о немъ всѣ, — отъ мала до велика. Знаемъ столько, что подобно тому, какъ Павелъ говорилъ нѣкогда Галатамъ, желая выразить ясность ихъ понятій о крестѣ Христовомъ: *среди васъ Онъ распятъ* (Гал. 3. 1), намъ можно сказать: *среди васъ Онъ преобразился!* Знаемъ даже и то, что преображеніе Господа есть образъ нашего преображенія, что и намъ всѣмъ *взирая откровеннымъ лицемъ* на *славу* Господа нашего, должно преобразоваться Духомъ *Божіимъ въ тойже образъ, отъ славы въ славу* (2 Кор. 3, 18). Что же производитъ въ насъ все это знаніе? Располагаетъ ли сколько-нибудь къ тому, чтобы достигать преображенія, намъ предназначеннаго? Слушаемъ ли Того, Кого гласъ изъ облака повелѣваетъ слушать? — Его ли единаго слушаемъ? Не избираемъ ли себѣ другихъ учителей? Не ищемъ ли другихъ спасителей?—Кто слушаетъ возлюбленнаго Сына, тотъ, какъ Онъ Самъ говоритъ, по Немъ всегда *ходитъ* (Іоан. 10, 4), на все зритъ въ Его свѣтѣ, желаетъ только угоднаго Ему, творитъ только Его волю, услаждается Его обѣтованіями и любовію: для того Іисусъ есть все *и путь, и истина, и животъ* (Іоан. 14, 6),—*и премудрость, и правда, и избавленіе* (1 Кор. 1, 30). — То ли Господь нашъ для насъ? И то ли мы для Него? Гласъ не напрасно гремитъ изъ облака: онъ *судитъ* намъ *въ послѣдній день* (Іоан. 12, 48), если мы не будемъ умѣть найти нашего спасенія въ Томъ, Кто есть Спаситель для всѣхъ и каждаго! И чувственный человѣкъ нашъ видитъ, что съ Іисусомъ добро быти. Гдѣ столько жизни, свѣта и блаженства, какъ у Него? И Онъ Самъ, Спаситель нашъ, хощетъ, чтобы намъ было добро: для сего Онъ оставилъ небо, жилъ на землѣ, страдалъ и умеръ, чтобы намъ добро было. На самое небо взошелъ Онъ для того, чтобы *уготовать обители* (Іоан. 14, 2), не для Себя, а для насъ, безкровныхъ странниковъ земли. Что же, говорю, производитъ въ насъ вѣра во все это? Готовимся ли къ обитанію на небѣ? Къ вѣчному преображенію съ Іисусомъ?—Не творимъ ли напротивъ, вѣчныхъ сѣней на земли? Не думаемъ ли быть неподвижными *во обиліи своемъ во вѣкъ* (Псал. 29, 7)?—Но, братіе, сколько бы мы ни воз-

двигали сѣней *здѣсь*, сколько бы мы ни прилагали сердецъ своихъ къ землѣ. - мы не избѣжимъ опредѣленія небеснаго: рано или поздно, насъ ожидаетъ *исходъ* (Лук. 9, 31). Благо намъ, если онъ будетъ въ Іерусалимъ небесный, хотя бы на пути надлежало креститься *огненнымъ крещеніемъ* (Матѳ. 3, 11). А что, если мы прейдемъ туда, откуда не исходятъ, *дондеже не воздадутъ послѣдняго кодранта* (Матѳ. 5, 26)? А прейдемъ, если не престанемъ быть христіанами по одному имени, не воспрянемъ отъ сна грѣховнаго. — Что мѣшаетъ намъ сдѣлать это? Не всѣ ли требуютъ того? Какъ? Моисей и Илія, законъ и пророки надъ главою нашею, а мы— спимъ! Господь преображается во славѣ Промысла предъ нами, то ущедряя насъ внезапною милостію, то поражая внезапными лишеніями, то вѣщая уму, то трогая сердце, а мы—спимъ! О, часъ, *часъ уже намъ отъ* сего гибельнаго *сна востати* (Рим. 13, 11)! — *Довлѣетъ намъ мимошедшее время житія, волю языческую творившимъ, и ходившимъ во всѣхъ нечистотахъ грѣховныхъ!* Пора, истинно пора *не къ тому человѣческимъ похотемъ, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (1 Пет. 4, 3. 2)! Аминь.

Слово на Преображеніе Господне,

по благословеніи плодовъ.

Настоящее празднество, братіе, какъ сами видите, имѣетъ, между прочимъ и ту особенность, что нынѣ приносятся въ храмъ и освящаются плоды вертоградовъ нашихъ. Обычай являться предъ лице Господне съ начатками плодовъ такъ древенъ, что мы находимъ первые слѣды его еще въ семействѣ перваго человѣка. Въ Церкви подзаконной, сообразно духу ветхаго завѣта, даже строгимъ закономъ предписано было всему народу израильскому посвящать Богу начатки всѣхъ плодовъ земныхъ, кои, принесенные ко храму, поступали потомъ въ удѣлъ священно-служителей его. Въ новомъ завѣтѣ нѣтъ подобной заповѣди: но чувство сыновней любви и благодарности предъ Богомъ-Благодѣтелемъ, столь свойственное чадамъ новаго закона благодати, само собою располагаетъ не прежде посягать на употребленіе плодовъ но-

ваго лѣта, какъ освятивъ ихъ принесеніемъ въ храмъ Господень и призваніемъ надъ ними всеосвящающаго имени Божія: посему-то обычай приносить въ храмъ новые плоды для освященія принадлежитъ къ древнѣйшимъ христіанскимъ обычаямъ. Въ православной Греціи, откуда вмѣстѣ съ вѣрою и богослуженіемъ перешли къ намъ и всѣ священныя обыкновенія, къ настоящему дню поспѣваетъ уже гроздіе виноградное: почему въ молитвѣ и испрашивается благословеніе преимущественно для гроздія, коимъ особенно изобилуютъ страны восточныя. Въ большей части нашего отечества нѣтъ сего плода по причинѣ сѣвернаго положенія страны нашей; но въ замѣнъ сего, Провидѣніе Божіе, раздѣляющее Свои дары всѣмъ неоскудно, благословило страну нашу многими другими плодами, кои, по тому самому, вмѣсто гроздія приносятся нынѣ въ храмъ для освященія. Зрѣлище пріятное и вмѣстѣ поучительное!

Да, братіе, и поучительное: принося въ даръ Господу плоды полей и вертоградовъ нашихъ, не забудемъ, что мы должны быть самыми плодоносными древами въ вертоградѣ Господнемъ, который есть Церковь Божія.

Святый Давидъ не напрасно благочестиваго человѣка уподобляетъ древу, насажденному *при исходищахъ водъ, еже и плодъ свой дастъ во время свое.* Не напрасно и Самъ Спаситель истинныхъ учениковъ Своихъ сравниваетъ съ гроздіями или вѣтвями виноградными, кои, заемля отъ Него, яко Божественной лозы, сокъ жизни, должны приносить плодъ многъ. Въ противномъ случаѣ, то есть, непринесенія надлежащихъ плодовъ, каждой душѣ грѣшной угрожается изверженіемъ изъ вертограда и поверженіемъ въ огнь, подобно какъ то дѣлаютъ и вертоградари съ безплодными древами. Такъ и должно быть непремѣнно: ибо если для вертоградаря земнаго крайне непріятно, когда его многолѣтніе труды надъ деревомъ не приносятъ ему плода подобающаго, то стократъ огорчительнѣе для Вертоградаря небеснаго, когда душа человѣческая, стоившая Ему толикаго попеченія, остается безплодною. Ибо, что дѣлаютъ земные вертоградари для своихъ вертоградовъ? Иждиваютъ на нихъ только свое имущество и тратятъ свои попеченія, а небесный Вертоградарь положилъ за вертоградъ самую Свою душу. Послѣ сего, какъ дорого для Него должно быть всякое

древо,—каждая душа вѣрующая! Какъ пріятенъ плодъ отъ вертограда! и какъ горько безплодіе деревъ худыхъ!

Какой же плодъ принесемъ мы нынѣ, братіе, Господу отъ вертограда душъ и сердецъ нашихъ?—Плодъ сей есть наше духовное преображеніе. Не думайте, чтобы я употреблялъ сіе выраженіе по одному приспособленію къ настоящему дню: нѣтъ, того требуетъ самое дѣло. Разгните книги святаго писанія, и вы увидите, что паденіе рода человѣческаго состояло не въ другомъ чемъ, какъ въ томъ, что онъ чрезъ грѣхъ лишился образа Божія, его во время невинности украшавшаго и бывшаго источникомъ всѣхъ прочихъ совершенствъ; увидите также, что спасеніе наше, совершаемое силою заслугъ Христовыхъ и благодатію Святаго Духа, состоитъ потому самому не въ другомъ чемъ, какъ въ возстановленіи въ насъ первобытнаго образа Божія, то-есть, говоря другими словами, въ нашемъ преображеніи изъ чадъ грѣха, проклятія и гнѣва, въ чада святыни, любви и благословенія. Такое преображеніе есть главный предметъ вѣры, нашей дѣятельности, нашей жизни; и оно-то потому самому должно быть первымъ и послѣднимъ отъ насъ плодомъ небесному Вертоградарю, стяжавшему насъ кровію Своею.

Взирая убо нынѣ съ благоговѣніемъ на лице Господа, сіяющее на Ѳаворѣ яко солнце, помыслимъ, братіе, что подобная слава предстоитъ и намъ: *ибо праведницы,* сказано, *просвѣтятся яко солнце* въ царствіи Отца небеснаго; и помысливъ о семъ, обратимъ вниманіе на свое сердце и свою жизнь, дабы видѣть, есть ли въ нихъ хотя начатки той чистоты и того совершенства, кои потребны для сего славнаго преображенія. Тѣ, кои обрѣтутъ въ себѣ нѣкій залогъ сего будущаго блаженства, да поспѣшатъ принести его въ даръ Господу и Спасителю своему, яко плодъ не столько собственныхъ усилій, сколько Его всемощной благодати. А тѣ, кои приникая къ лицу бытія своего, обрѣтутъ образъ души своей темнымъ и неблаголѣпнымъ, да не замедлятъ просвѣтиться свѣтомъ отъ лица преобразившагося Господа. Аминь.

Слово въ день Нерукотвореннаго Образа.

Христіанскіе праздники таковы, что каждый изъ нихъ содержитъ самъ по себѣ поученіе: но въ иныхъ празднествахъ

это поученіе сокрыто въ глубинѣ празднуемаго событія, а въ иныхъ оно лежитъ, такъ сказать, на его поверхности. Такъ настоящій праздникъ въ честь Нерукотвореннаго Образа поучаетъ многому и важному уже самымъ названіемъ своимъ. Извѣстно, почему онъ называется такимъ образомъ: потому что Господь Іисусъ благоволилъ отпечатлѣть чудесно на убрусѣ образъ Свой для Авгаря, едесскаго владѣльца, тогда какъ посланный отъ Авгаря для снятія сего образа, живописецъ никакъ не могъ сдѣлать того своимъ искусствомъ. Событіе само по себѣ частное, касающееся одного Авгаря и его художника; но истина, въ немъ выраженная, важна и поучительна для всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, одному ли Авгарю нужно имѣть у себя образъ Христовъ?—Это необходимость для всѣхъ и каждаго. Съ тѣхъ поръ, какъ мы лишились чрезъ грѣхъ, въ лицѣ нашихъ прародителей, образа Божія, первою и послѣднею обязанностію каждаго человѣка желающаго достигнуть цѣли бытія своего, есть возстановленіе въ себѣ сего потерянаго образа. Кто же возвратитъ намъ сей драгоцѣнный образъ? Кто въ состояніи отпечатлѣть его въ душѣ и во всемъ существѣ нашемъ? Никто, кромѣ Самаго Бога, Его единороднаго Сына и Духа Всесвятаго. Истинный образъ Божій, какъ поставляемый въ невинномъ человѣкѣ, такъ и возстановляемый въ человѣкѣ падшемъ, всегда былъ и есть нерукотворенъ. Сомнѣваться въ семъ можетъ токмо тотъ, кто никогда искренно не приступалъ къ великому дѣлу возстановленія въ себѣ образа Божія, и водится въ сужденіи о семъ не опытомъ, а однѣми своими мыслями и воображеніемъ. Въ семъ обманчивомъ зеркалѣ точно можетъ представляться возможнымъ для человѣка совершенно исправить себя и достигнуть богоподобія собственными силами: иначе—умствуетъ разумъ—что будетъ значить свобода человѣческая? Къ чему естественное стремленіе къ совершенству? Для чего законъ, требующій отъ человѣка чистоты и богоподобія?—Все это прекрасныя по виду мысли: но начни не умствовать, а дѣйствовать, стань образовать себя по образу Божію не въ мысляхъ только и на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ и въ жизни; тогда увидишь, что значитъ свобода наша: это теперь способность уже не вставать и идти, а дать поднять себя и вести; узнаешь, много ли можетъ произойти изъ твоего естественнаго стремленія къ совершенству,—можетъ про-

изойти: благое намѣреніе и повременная рѣшимость достигать совершенства, повременное же усердіе и вѣрность въ употребленіи средствъ, къ тому служащихъ, внѣшнее благоустроеніе своей жизни, и нѣкіе начатки исправленія внутренняго, а отнюдь не самое совершенство, не та чистота мыслей и сердца, не то благолѣпіе духовное, не та твердость въ добрѣ, кои необходимо требуются отъ существа, созданнаго по образу Божію и предназначеннаго для вѣчнаго блаженнаго общенія съ Существомъ всесовершеннымъ; поймешь тогда, къ чему служитъ и законъ, непрестанно напоминающій тебѣ о совершенствѣ, хотя ты и не можешь достигнуть его собственными силами: онъ служитъ къ тому, чтобы не находя средствъ, достигнуть сей цѣли въ самомъ себѣ, обратился всѣмъ существомъ своимъ къ Тому, Кто одинъ можетъ дать тебѣ на то способность и силы, то есть, къ Господу и Спасителю Твоему, Который, будучи единственнымъ и совершеннымъ образомъ ѵпостаси Отчей, для того и сошелъ на землю, чтобы отпечатлѣть Самимъ Собою сей образъ во всѣхъ тѣхъ, кои представляютъ Ему для сего души свои какъ чистый убрусъ.

Чтобы еще болѣе пояснить ту важную истину, что человѣкъ, потерявши чрезъ грѣхъ образъ Божій, не можетъ самъ собою возстановить его въ себѣ, то есть, совершенно очистить и исправить сердце и природу свою, для сего употребимъ простое сравненіе, взятое отъ настоящаго празднества. Что нужно бываетъ, дабы отпечатлѣть на чемъ-либо снова образъ, изгладившійся или поврежденный?—Нужно, во-первыхъ, размягчить то вещество, на которомъ хотятъ сдѣлать отпечатокъ; потомъ необходима вѣрная и прочная печать съ изображеніемъ; а наконецъ должно извѣстнымъ образомъ приложить сію печать на веществѣ приготовленномъ. Теперь смотрите, въ состояніи ли человѣкъ проникнуть волею своею до глубины природы своей, очистить всѣ силы и способности свои отъ всего посторонняго и нечистаго, размягчить ихъ и довести до той степени совершенства, чтобы они могли принять на себя и сохранить въ себѣ святѣйшія черты образа Божія? Явно, что для сего размягченія, сего расплавленія, грубой натуры нашей мало теплохладнаго дыханія устъ нашихъ, мало слабаго огня любви нашей къ Богу; для сего потребно всесильное дуновеніе Духа Божія, все-

проницающій огонь любви Іисусовой: они только могутъ проникнуть до раздѣленія души и духа нашего, изгнать изъ сердца все чуждое и богопротивное, умягчить твердое, открыть заглохшее, оживить обмершее, кратко, содѣлать душу и сердце способными вообразиться первою добротою, по образу Создавшаго.

Даже, если бы человѣкъ имѣлъ въ себѣ столько силы, чтобы приготовить существо свое для отпечатлѣнія въ немъ образа Божія, то это приготовленіе есть только приступъ къ дѣлу, а не самое дѣло. Для отпечатлѣнія въ себѣ образа Божія, необходима, какъ мы замѣтили, печать съ симъ образомъ. Но гдѣ сія печать? — Печати, равнообразной лицу Божію, нѣтъ нигдѣ, кромѣ Самого Сына Божія. Онъ, и Онъ единъ есть отпечатлѣнный образъ существа Отчаго. Кто же въ состояніи дѣйствовать ею, кромѣ ея самой? — Правда, что Сынъ Божій, по безпредѣльной любви Своей къ намъ, всегда готовъ дать Себя намъ, дабы мы посредствомъ Его отпечатлѣвали въ себѣ образъ Отца Его и нашего: но кто можетъ дѣйствовать Имъ безъ Него Самого!—Мы и къ Нему Самому не можемъ приблизиться, если не Отецъ, *пославый Его, привлечетъ* насъ, а приблизившись ничего другаго не можемъ сдѣлать болѣе, какъ предать Ему себя, какъ вещество, для возсозданія насъ по образу Его.

Имѣя въ виду все сіе, будемъ, братіе, употреблять съ своей стороны всѣ силы на то, чтобы сколько можно болѣе очищать себя отъ всего грѣховнаго и богопротивнаго, чтобы день ото дня преуспѣвать въ добродѣтели и приближаться въ духѣ къ Творцу и Господу нашему; но престанемъ и думать, чтобы мы собственными силами могли достигнуть цѣли бытія своего, чтобы своими усиліями успѣли возстановить въ себѣ образъ Божій: это дѣло всемогущей благодати Божіей. Истинный образъ Божій всегда нерукотворенъ. Аминь.

Слово въ день Нерукотвореннаго образа

и при началѣ академическаго ученія.

Въ заключеніе Евангелія отъ Іоанна читаемъ, что *суть и ина многа, яже сотвори Іисусъ, яже не суть писана въ книгахъ сихъ* (Евангеліяхъ); *аще бо*,—продолжаетъ Евангелистъ

въ изъясненіе краткости Евангелія,—*аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему міру вмѣстити пишемыхъ книгъ* (Іоан. 21, 25).

Одно изъ таковыхъ, не описанныхъ въ Евангеліи, чудесныхъ дѣйствій Іисуса Христа, служитъ, братіе, основаніемъ настоящаго празднества. До Авгаря, едесскаго владѣльца,—какъ говоритъ древнее преданіе,—страдавшаго неисцѣльною болѣзнію, дошелъ слухъ, что въ Іудеѣ явился необыкновенный мужъ, называемый Іисусомъ, Который однимъ словомъ исцѣляетъ всякія болѣзни. Движимый желаніемъ здравія, Авгарь немедленно отправляетъ одного изъ своихъ слугъ, по имени Ананію, свѣдущаго въ искусствѣ живописи, съ письмомъ къ великому Чудотворцу, въ коемъ содержалось приглашеніе пріидти въ Едессу для поданія исцѣленія ея владѣльцу и для раздѣленія съ нимъ въ награду за сіе всѣхъ выгодъ царственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано было повелѣніе Ананіи снять, невѣдомо отъ Чудотворца, изображеніе лица Его. Ананія успѣшно исполнилъ одну часть своего порученія,—вручилъ письмо своего владѣльца и получилъ самъ въ отвѣтъ письмо, въ коемъ было сказано, что Божественному Чудотворцу надлежитъ оставаться неисходно въ Іудеѣ, до дня вознесенія Своего на небо, но что послѣ сего событія къ Авгарю посланъ будетъ одинъ изъ Его Апостоловъ съ спасеніемъ не только тѣлеснымъ, но и душевнымъ, Но другую часть порученія—снять изображеніе лица Іисусова, Ананія никакъ не могъ исполнить: Божественный образъ оставался превыше всѣхъ усилій искусства, и художникъ никакъ не находилъ желаннаго сходства въ своемъ изображеніи съ великимъ подлинникомъ. Сердцевѣдецъ видѣлъ все сіе и не восхотѣлъ, чтобы трудъ Ананіи и усердіе его владыки остались безъ награды. Омывъ нарочно въ присутствіи его лице Свое водою, Онъ утеръ его убрусомъ,—и вдругъ на семъ убрусѣ со всею точностію отпечатлѣлся Его Божественный образъ, который составилъ драгоцѣннѣйшій даръ для едесскаго владѣльца. По вознесеніи Спасителя на небо, исполнено было обѣщаніе и касательно посланія Авгарю Апостола. Ѳаддей, одинъ изъ семидесяти, достигши Едессы, преподалъ ему исцѣленіе отъ недуга тѣлеснаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доставилъ ему и его подданнымъ спасеніе вѣчное, окрестивъ ихъ во имя Господа Іисуса. А нерукотворенный

образъ Спасителя, и по кончинѣ Авгаря, долго составлялъ необоримую стѣну для Едессы отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, доколѣ не пріобрѣтенъ, какъ драгоцѣнное сокровище, Романомъ, царемъ греческимъ, и не перенесенъ въ Константинополь въ шестнадесятый день мѣсяца августа,— по какому случаю и получило начало нынѣшнее празднество.

Изъ сего же празднества — въ честь Нерукотвореннаго Образа Христова, положено быть ежегодно началу нашего ученія; и сей же самый образъ избранъ въ знакъ отличія для тѣхъ, кои среди образованія своего показали особенные успѣхи въ наукахъ духовныхъ!—Сближеніе вещей можетъ быть не намѣренное у людей, но, конечно, не безъ намѣренія у Того, Который не только Самъ все творитъ съ цѣлію, но безъ цѣли не попускаетъ, въ подобныхъ случаяхъ, ничего творить и другимъ. Настоящее празднество весьма внятно даетъ намъ уразумѣть, *въ чемъ сущность и главная цѣль нашего образованія; отъ кого оно преимущественно зависитъ, и какимъ путемъ пріобрѣтается.*

Не безъ причины, братіе, всякое ученіе мы привыкли называть образованіемъ; а людей знакомыхъ съ просвѣщеніемъ—образованными. Что же значитъ это? Ужели человѣкъ есть существо безъ образа? Какое образованіе можетъ быть еще нужнымъ тому, кто именуется и есть образомъ Божіимъ?

Человѣкъ былъ нѣкогда нерукотвореннымъ образомъ Божіимъ, и доколѣ былъ имъ, *не требовалъ, да кто учитъ его* (1 Іоан. 2, 27); ибо самъ образъ Божій училъ его всему, наставляя его на всякую истину. Но сынъ персти не удовольствовался образомъ Божіимъ, вознебрегъ его наставленіемъ, открылъ слухъ чуждому совѣту, принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ образъ новый, ужасный—образъ змія-губителя. *Отверзлись очи его* (Быт. 3, 7), чтобы видѣть собственную наготу, но внутреннее око закрылось. Человѣкъ началъ рождать подобныхъ себѣ уже не по образу Божію (ибо не могъ сообщить другимъ того, чего самъ лишился), *а по виду своему* (—5, 3), по виду Адама перстнаго, мрачнаго, безобразнаго. Но и на семъ зло не остановилось: болѣе и болѣе помрачая въ себѣ останки образа Божія, обезображенный человѣкъ дошелъ до того что, вмѣсто уподобленія Творцу, сталъ *прилагаться скотомъ несмысленнымъ и уподобляться имъ* (Псал. 48, 13); а наконецъ и славу нетлѣннаго Бога, своего перво-

образа, началъ измѣнять *въ подобіе тлѣнна человѣка*, даже *птицъ и четвероногихъ и гадъ* (Рим. 1, 23). То есть, не только совершенно повредился списокъ, но и утраченъ былъ подлинникъ, по коему можно было бы, хотя не возстановить списокъ испорченный (ибо для сего требовалась рука перваго художника — Бога), по крайней мѣрѣ видѣть, каковъ онъ былъ въ началѣ.

Напрасно *невидимая Божія творенъми помышляема*, была *видима, и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20): *суетни человѣцы естественнѣ, не возмогоша отъ видимыхъ благъ уразумѣти сущаго, ни, дѣломъ внемлюще, познаша хитреца* (Прем. 13, 1). Напрасно и многіе мудрецы, подобно Ананіи, покушались, то съ видимой вселенной и красотъ ея, то съ внутренняго міра духа человѣческаго, снять изображеніе Божества и представить его для подражанія человѣку, который искалъ своего подлинника; но могъ ли быть возстановленъ подлинникъ по спискамъ поврежденнымъ?—Божественный образъ постоянно оставался превыше усилій мудрости человѣческой; всѣ рукотворные идеалы Божества неизбѣжно разрѣшались въ понятіе *невѣдомаго Бога* (Дѣян. 17, 23). Наконецъ, весь древній міръ пришелъ самъ собою къ горестному убѣжденію, что, дабы видѣть Бога — свой первообразъ, для сего надобно человѣку разстаться съ жизнію (Исх. 33, 20); и самые первые изъ мудрецовъ провозгласили, что Отца *природы найти трудно, и если бы кто нашелъ, то объ Немъ нельзя бесѣдовать ко всѣмъ* (Платонъ). То есть, человѣкъ такъ удалился отъ своего первообраза, что увидѣлъ уже въ себѣ невозможность приблизиться къ нему собственными силами,—осудилъ самъ себя на вѣчное безобразіе!

Но сего-то сознанія своея немощи и ожидало Провидѣніе, чтобы открыть во всей полнотѣ, давно начатое имъ, великое дѣло—возстановленія въ человѣкѣ образа Божія.—*Многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавый* для сего *во пророцѣхъ, напослѣдокъ* возглаголалъ намъ *въ Сынѣ, Иже сый сіяніе славы и образъ ѵпостаси Его* (Евр. 1, 1, 2, 3),—*Себе умалилъ* для насъ, *зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчествѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеся яко человѣкъ* (Фил. 2, 7). И чтобы мы узнали въ Немъ не только свой первообразъ, но и путь къ возстановленію его въ себѣ, состоявшій въ сми-

реніи и самоумерщвленіи,— *Онъ смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя* (тамъ же 2, 8); и, такимъ образомъ, Собою *сотворивъ очищеніе грѣховъ нашихъ, сѣлъ одесную престола величествія на высокихъ* (Евр. 1, 3).

Теперь, когда *Слово плотъ бысть и вселися въ ны*, и мы *видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины* (Іоан. 1, 14); когда *животъ*, нами потерянный и *бывшій у Отца, явися паки* намъ (1 Іоан. 1, 2); теперь,— когда вмѣстѣ съ явленіемъ намъ нашего Божественнаго первообраза, поданы и *вся силы, потребныя къ животу и благочестію* (2 Петр. 1, 3), или, что то же, къ сообразованію себя съ Нимъ,—теперь мы не можемъ уже говорить: *кто явитъ намъ благая* (Псал. 4, 7)? Кто взойдетъ на небо, чтобы *Христа*—первообразъ нашъ—*свести* (Римл. 10, 6) для подражанія намъ? Или кто дастъ силы снити во адъ (Псал. 138, 8), дабы Христа отъ мертвыхъ возвести (Римл. 10, 7), чтобы возстановить изъ глубины паденія образъ Божій въ насъ? *Глаголъ вѣры близъ* (Римл. 10, 8): слушай и поучайся! Христосъ на земли: возносися! Крылѣ даны: стремись къ вѣчному Солнцу! Теперь нашему уму нѣтъ причинъ истощаться въ безплодныхъ усиліяхъ — обнять непостижимое, изслѣдовать неизслѣдимое, разсуждать о Богѣ безъ Бога, творить для себя, такъ сказать, своего Творца; теперь всему человѣчеству и порознь каждому человѣку остается одно—взирать неуклонно на образъ Божій, предъ нами явившійся, и черта за чертою пренося его — чрезъ размышленіе и дѣянія въ свою душу, самому постепенно преобразоваться—сначала въ то же смиреніе, кротость, любовь, а потомъ и въ ту же славу, то же величіе.

Я говорю, что это долгъ всего человѣчества. Такъ, братіе, не должно думать, что мы одни, занимающіеся науками, учимся и пріемлемъ образованіе. Есть всеобщее училище для всего человѣчества: это міръ Божій и Церковь Божія! Есть уроки, понятные и слышимые на всѣхъ языкахъ: это опыты жизни и благодати. Есть всемірные и неумолкающіе наставники, которые вразумляютъ каждаго, грядущаго въ міръ: это Промыслъ Божій и Духъ Святый! Ахъ, что было бы съ человѣчествомъ, если бы оно предоставлено было только попеченіямъ однихъ земныхъ наставниковъ!—И обра-

зецъ для всѣхъ образуемыхъ одинъ: его нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, ибо человѣкъ здѣсь самъ выше всего; онъ на небѣ, въ Богѣ, въ Его единородномъ Сынѣ и Словѣ;— и поелику человѣкъ не могъ восходить за Нимъ на сію высоту, то Онъ нисшелъ на землю и, нисшедъ, *оставилъ намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его.* Послѣ сего искать другихъ какихъ-либо образцевъ для своего образованія— значитъ идти явно противъ безпредѣльной любви Божіей, и противъ собственнаго совершенства. — Человѣку суждено быть образованнымъ, носить образъ единаго Бога, который будетъ въ немъ токмо тогда, когда онъ облечется въ образъ Христовъ: ибо у Самого Бога нѣтъ другаго *образа ѵпостаси Его* (Евр. 1, 3), кромѣ единороднаго Сына Его.

Ежели же успѣхъ всякаго истиннаго человѣческаго образованія зависитъ отъ наибольшаго сходства образуемыхъ съ Образцемъ всякаго совершенства, съ воплощенною Премудростію, съ Тѣмъ, въ Комъ *обитаетъ тѣлесно вся полнота Божества* (Кол. 2, 9): то наше образованіе, кои предназначены быть наставниками вѣры и нравовъ, идти по слѣдамъ красныхъ ногъ апостольскихъ, продолжать великое дѣло воспитанія и образованія человѣчества, начатое самимъ Іисусомъ Христомъ,—наше образованіе, говорю, должно всецѣло состоять въ уподобленіи себя нашему великому первообразу. Какъ мы будемъ стараться о томъ, чтобы воображать Христа въ другихъ, если Онъ не будетъ воображенъ въ насъ? Какъ будемъ призывать къ покоренію помышленій гордаго разума человѣческаго уму Христову, не имѣя сами простоты евангельской? Въ состояніи ли будемъ преподавать другимъ жизнь во Христѣ, не живя сами Христомъ? Для насъ, посему, первымъ и послѣднимъ успѣхомъ. главнымъ предметомъ всѣхъ занятій и всѣхъ усилій, должно быть не другое что, какъ сообразованіе себя со Христомъ. Который долженъ быть для насъ все, *и путь, и истина, и животъ* (Іоан. 14, 6), *и премудрость, и правда, и освященіе, и избавленіе* (1 Кор. 1, 30). Кто успѣлъ въ семъ, тотъ достигъ цѣли образованія, имѣетъ все, что должно, способенъ къ прохожденію служенія въ дому Божіемъ, хотя бы и не обладалъ множествомъ земныхъ познаній. А кто не окажетъ успѣха въ семъ великомъ дѣлѣ, тотъ хотя бы исчерпалъ всѣ кладенцы мудрости земной, зналъ все, что на

землѣ, тотъ потерялъ время, погубилъ талантъ, есть *ничто* для царствія Божія! (1 Кор. 13. 2).

Но да не обольщаетъ себя никто праздною надеждою, яко бы успѣхъ сей зависитъ единственно отъ насъ самихъ. Мы можемъ и должны стараться о сообразованіи себя съ нашимъ Божественнымъ Образцемъ, Господомъ Іисусомъ; но не можемъ сами собою отпечатлѣть въ себѣ Его образа. Это дѣло Его всемогущества и любви. Истинный образъ Его какъ былъ въ человѣкѣ невинномъ, такъ бываетъ въ человѣкѣ оправданномъ — всегда нерукотвореннымъ. Цѣль нашихъ усилій, занятія, наукъ, должна состоять только въ томъ, чтобы представлять Ему наши души, какъ чистый убрусъ, способный принять Божественное изображеніе. А произвести сіе изображеніе можетъ одинъ Духъ Божій, Который претворяетъ грѣшника изъ врага Божія въ сына любве, по образу Единороднаго. Очищеніе духа, души и тѣла есть посему наша всегдашняя обязанность. Нужна и вода для омовенія; вмѣсто ея всего лучше могутъ служить слезы покаянія и любви.

Но хорошо ли я дѣлаю, упоминая о слезахъ, какъ необходимой вещи, при самомъ началѣ вашего новаго поприща?—Не охлажду ли симъ вашего рвенія къ наукамъ и не произведу ли унынія? Нѣтъ, возлюбленные, не бойтесь сихъ слезъ: онѣ пріятнѣе всѣхъ радостей мірскихъ. *Сіющіе* таковыми *слезами* (Псал. 125, 5) пожинаютъ вѣчною радостію. *Плачущіе* такимъ образомъ *блаженны* (Матѳ. 5, 4); ибо носятъ въ самихъ себѣ залогъ вѣчнаго утѣшенія. Если образъ царя земнаго составляетъ высокую награду, и тѣ, кои удостоиваются носить его, не помнятъ, за радость, прошедшихъ трудовъ, опасностей и жертвъ: то образъ Царя небеснаго, отпечатлѣнный въ душѣ, чего не вознаградитъ собою?— Какой изъ счастливцевъ міра не скучалъ своимъ состояніемъ и не желалъ перемѣнить его на лучшее? А былъ ли хотя одинъ изъ тѣхъ, въ коихъ сіялъ образъ Христовъ, который бы пожелалъ промѣнять свое состояніе на самый вѣнецъ царскій?

Итакъ, *терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ* (Евр. 12, 1)! Образъ Господа Іисуса да будетъ всегда предъ очами ума нашего, доколѣ не отпечатлѣется въ самомъ сердцѣ нашемъ. Будемъ очищать умъ нашъ, доколѣ онъ не сдѣлается *умомъ Христовымъ* (1 Кор. 2, 16); будемъ

усовершать волю, доколѣ она *не облечется* волею Христовою (Гал. 4, 6); будемъ болѣе и болѣе приближаться къ Спасителю нашему всею жизнію и всѣмъ существомъ своимъ, доколѣ не въ состояніи будемъ съ Павломъ сказать: *живемъ не кто́му мы, но живетъ въ насъ Христосъ* (Галат. 2. 20). Это — главная цѣль и вмѣстѣ награда трудовъ нашихъ и вашихъ. Къ сему стремиться увѣщаваемъ теперь, и не престанемъ увѣщавать васъ всегда,—*благовременнѣ и* даже, по выраженію Апостола, *безвременнѣ* (2 Тим. 4, 2).

Господи, призри съ небесе и просвѣти лице Твое на всѣхъ насъ рабовъ Твоихъ, и Самъ научи *насъ оправданіемъ Твоимъ!* Ибо, что можемъ сдѣлать мы всѣ, насаждающіе и напаяющіе, если не послешь благословенія и не возрастишь насажденнаго Ты и благодать Твоя! Аминь.

Слово на день Нерукотвореннаго Образа Христова *).

Яви ми Тебе Самаго, да разумно вижду Тя (Исх. 33, 13), говорилъ нѣкогда ко Господу Моисей. Всѣ предшествовавшія откровенія Божіи были для него неудовлетворительны; и онъ желалъ видѣть Бога лицемъ къ лицу, то есть, насладиться зрѣніемъ самаго существа Божія. Что же въ отвѣтъ?— *Не бо узритъ человѣкъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20). Я готовъ, какъ бы такъ отвѣтствовалъ Господь, удовлетворить желанію вѣрнаго раба Моего и явиться предъ нимъ якоже есмь; но человѣческая природа твоя не можетъ перенести сего Богоявленія: это будетъ стоить тебѣ жизни: *не бо узритъ человѣкъ лице Мое, и живъ будетъ.* Законодателю синайскому дано однако же потомъ въ утѣшеніе видѣть— не лице, *а задняя Божія* (Исх. 33, 23), то есть, какъ бы нѣкій образъ и тѣнь существа Божественнаго: *и видѣ, и возрадовася!*

Моисей въ семъ случаѣ изображалъ, братіе мои, въ себѣ все человѣчество, всѣхъ насъ. Видѣть лице Божіе, познать самое существо Божественное, до сего желанія, рано или поздно, нельзя не дойти тому, кто созданъ по образу Божію. Но, пребывая на землѣ, каждый изъ людей находится въ той же невозможности удовлетворить сему желанію, въ

*) Сказанное, при обозрѣніи епархіи, Лебединскаго уѣзда въ селѣ Тернахъ, 16 августа 1845 года.

какой находился Моисей. Бренность земной природы нашей такова, что полное явленіе предъ нею существа Божія истнило бы ее своимъ величіемъ. *Не бо узритъ человѣкъ лице Мое, и живъ будетъ.* Посему для самихъ избранныхъ, подобно Моисею, остается одно утѣшеніе,—сподобиться созерцать хотя задняя Божія, видѣть, то есть, существо Божественное не само въ себѣ, во всей полнотѣ его совершенствъ, а поколику можетъ отразиться оно въ природѣ видимой и въ самой душѣ человѣческой, которая есть, хотя и омраченный, образъ Божій.

Въ такомъ положеніи, или паче сказать, въ такомъ отчужденіи отъ лицезрѣнія Божія навсегда осталось бы все падшее человѣчество, если бы любовь Божія, взыскующая и не ищущихъ ея, тѣмъ паче не пренебрегающая вожделѣвающихъ лица ея, не нашла въ безднѣ премудрости своей средства явить себя не только предъ очами тѣхъ, кои, подобно Моисею, успѣли отрясти тину *очесе умнаго*, но и для самыхъ недостойныхъ.

И Слово плоть бысть, и вселися въ ны; и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины (Іоан. 1, 14). Послѣ сего нельзя уже сказать: *покажи намъ Отца* (Іоан. 14, 8), какъ говорилъ одинъ изъ Апостоловъ; ибо всегда будетъ на сей вопросъ тотъ же отвѣтъ, который сдѣланъ ему: *видѣвый Мене, видѣ Отца, и како ты глаголеши: покажи намъ Отца? Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ есть* (Іоан. 14, 9—10)? Дѣйствительно, въ Спасителѣ нашемъ, какъ поучаетъ Апостолъ Павелъ, обитаетъ вся полнота Божества *тѣлесно* (Кол. 2, 9). Въ лицѣ Его посему самыми даже простыми очами можно было видѣть Бога, какъ Онъ не видимъ нигдѣ.

Но Богочеловѣкъ имѣлъ оставаться на землѣ между человѣками непродолжительное время, а потомъ долженъ былъ вознестись на небо и тамъ пребыть до послѣдняго втораго пришествія Его на землю. Чтобы въ сей промежутокъ времени не оставались мы безъ утѣшенія видѣть образъ Его, се, Онъ нынѣ отпечатлѣваетъ Божественный ликъ Свой на убрусѣ и препосылаетъ его не столько въ Эдесъ къ Авгарю, сколько чрезъ него всему роду человѣческому, да видитъ каждый изъ насъ лице Того, Иже есть сіяніе славы и *образъ ѵпостаси Отчей* (Евр. 1, 3).

Вотъ до чего простерлось самооткровеніе для насъ существа Божія! Мы можемъ теперь вмѣстѣ съ Іоанномъ говорить: *еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ, и руки наши осязаша, о Словеси животнѣмъ и животъ явися, и видѣхомъ и свидѣтельствуемъ. Бѣ у Отца и явися намъ* (1 Іоан. 1, 1—2).

Столь великое снисхожденіе къ намъ не безъ великой цѣли для насъ. Если Господь являетъ намъ образъ Свой, то не для того, чтобы удовлетворить любопытству и дать намъ, такъ сказать, предметъ для развлеченія нашихъ чувствъ. — Нѣтъ, Онъ является намъ потому, что мы сами всѣ есмы образъ Его, хотя сей образъ въ насъ помраченъ и изглаженъ; является съ Своимъ нерукотвореннымъ ликомъ для того, дабы, имѣя предъ собою высочайшій подлинникъ, мы улучили чрезъ то возможность возстановить сей образъ въ насъ самихъ. Се цѣль всѣхъ Богоявленій небесныхъ! се цѣль и нынѣшняго чудесе! Со стороны Господа убо сдѣлано все, дабы мы не оставались болѣе безъ возстановленія въ насъ истиннаго образа Божія: остается намъ употребить всѣ усилія и средства къ тому же. Безъ сего образъ Спасителя нашего, находящійся теперь выну предъ очами нашими, вмѣсто пользы обратится намъ въ обличеніе и укоризну.

Познаемъ же, братіе, духъ и цѣль событія, нынѣ празднуемаго. Нерукотворенный образъ, какъ мы сказали, посланъ не къ одному Авгарю, а къ каждому изъ насъ; посланъ не для того, чтобъ мы только украшали его сребромъ и златомъ, а чтобы сами украсили имъ души и сердца наши; не съ тѣмъ, чтобы ему оставаться на хладномъ убрусѣ, а чтобы перейти на все существо наше и преобразить его по виду своему. Прежде мы говорили ко Господу: *яви намъ лице Твое, да разумно видимъ Тя.* Теперь Господь возглаголетъ къ намъ: явите Мнѣ лице ваше, да и Азъ разумно вижду васъ. Не при самомъ ли еще сотвореніи васъ почтены и возвеличены вы отъ Мене образомъ Моимъ? Не пользуетесь ли доселѣ многими преимуществами, съ нимъ соединенными, господствуя надъ всею землею и ея обитателями? Но когда Я взираю на васъ, то не нахожу въ васъ сего образа. Вмѣсто свѣта и истины вижу тьму и ложь; вмѣсто чистоты и правды обрѣтаю похоть и лукавство; вмѣсто любви и мира являются предо Мною ненависть, злоба и вражда; вмѣсто жизни и безсмертія

нахожу гробъ и тлѣніе. Я не создалъ васъ таковыми: это не Мой образъ! Это черты врага Моего и вашего! И кто виною сего бѣдствія и униженія вашего? Вы сами,—вы предались отцу лжи и захотѣли творить вмѣсто воли Моей его похоти; вы отвратили лице и сердце свое отъ Бога жива и потекли во слѣдъ истукановъ мертвыхъ; вы, творя непрестанно грѣхъ и уязвляемые смертоноснымъ жаломъ его, подпали смерти и тлѣнію. За все сіе Я могъ бы навсегда отказаться отъ васъ, яко недостойныхъ, и предоставить васъ въ жертву собственнымъ страстямъ вашимъ; сего требовала самая правда и святость существа Моего. Но Мнѣ жаль Моего образа: любовь Моя не могла снести вашей погибели. Чтобы дать вамъ возможность *вообразиться первою добротою,* се предъ вами Сынъ Мой, образъ ипостаси Моей, Тотъ Самый, къ Коему Я вѣщалъ: *сотворимъ человѣка по образу Нашему!* Взирая на Него, каждый можетъ узнать, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ быть долженъ! Послѣдуя Его примѣру и повелѣнію, каждый обрѣтетъ всѣ средства къ возстановленію въ себѣ прежняго богоподобія. Явите убо теперь Мнѣ лице ваше, *да разумно вижду васъ,* да вижду такими, какими вамъ быть должно: явите въ умѣ вашемъ истину, въ волѣ святость, въ сердцѣ чистоту, во всѣхъ дѣйствіяхъ правду и вѣрность.—Тогда токмо Я увижу въ васъ истинныхъ дѣтей Своихъ, созданія разумныя, а не подобныя безсловеснымъ, наслѣдниковъ Моего вѣчнаго царствія, а не клевретовъ врага Моего. Увижу и возрадуюсь; ибо для Меня нѣтъ большей радости на землѣ вашей, какъ видѣть васъ подобными Себѣ. Аминь.

Слово въ день празднества въ честь Иконы Всемилостиваго Спаса *).

И будетъ егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служеніе сіе? рцыте имъ: жертва пасха сія Господу, Иже покры домы сыновъ израилевыхъ во Египтѣ, егда поби египтяны, домы же наши избави (Исход. 12, 26).

Издалека привожу вамъ слова сіи, но привожу потому, что они весьма близко идутъ къ настоящему дню и мѣсту. Сказаны

*) Сказанное въ вологодской всеградской церкви, созданной въ память избавленія отъ язвы, бывшей въ 17 вѣкѣ.

они Моисеемъ, и содержатъ, какъ видите, заповѣдь касательно праздника пасхи. Учредивъ его въ память чуднаго избавленія первенцевъ израильскихъ въ Египтѣ отъ смертоноснаго Ангела, поразившаго первенцевъ египетскихъ, Моисей предвидѣлъ, что для новыхъ, грядущихъ поколѣній подробности давно прошедшаго благодѣянія Божія содѣлаются не такъ извѣстными, и самые обряды праздника не такъ вразумительными. Посему и предписываетъ въ приведенныхъ словахъ, чтобы во время праздника пасхи, совершавшагося по домамъ, каждый отецъ семейства дѣлался его истолкователемъ и, такъ сказать, проповѣдникомъ для своихъ домочадцевъ, дабы такимъ образомъ всѣ, отъ велика до мала, знали, за что именно, кому и для чего празднуютъ. *И будетъ егда возглаголютъ вамъ сынове ваши: что есть служеніе сіе? рцыте имъ: жертва пасхи сія Господу, Иже покры домы сыновъ израилевыхъ во Египтѣ, егда поби египтяны, домы же наши избави* (Исх. 12, 26).

Какъ ни велико разстояніе мѣстъ и временъ, но наше празднество настоящее видимо походитъ на древнее празднество израильское. Ибо и мы празднуемъ нынѣ въ память освобожденія нѣкогда града и страны нашей отъ смертоноснаго ангела, ихъ поражавшаго. Продолжительность времени, съ тѣхъ поръ протекшаго, легко можетъ привести въ забвеніе у новыхъ поколѣній не только подробности, самую сущность благодѣянія Божія, оказаннаго предкамъ нашимъ. Поелику же прилежная память о семъ крѣпко нужна для всѣхъ потомковъ: то и мы почли долгомъ повторить въ слухъ вашъ заповѣдь Моисееву, съ прошеніемъ исполнять ее, какъ можно прилежнѣе.

Итакъ, отцы и матери, если во время настоящаго праздника дѣти ваши вопросятъ васъ, что значитъ служеніе сіе?— пріимите трудъ сказать имъ, что это благодарственная жертва Господу за то, что Онъ покрылъ нѣкогда милосердіемъ Своимъ градъ и страну нашу отъ смертоносной язвы, въ нихъ свирѣпствовавшей. А если бы и не было со стороны дѣтей подобнаго вопроса, то начните сами бесѣду о семъ и спросите ихъ: знаютъ ли они, почему нынѣ весь городъ нашъ празднуетъ такъ свѣтло? — Какъ бы хорошо было, если бы даже вошло въ постоянное обыкновеніе семейное подобной бесѣдѣ посвящать трапезу настоящаго дня!

Такимъ образомъ трапеза сія приняла бы характеръ священной; благодѣянія Божіи не приходили бы въ забвеніе и. живя въ памяти новыхъ поколѣній, располагали бы ихъ къ принятію новыхъ благодѣяній Божіихъ; самыя празднества по случаю сихъ благодѣяній перестали бы походить на тѣ изъ надгробныхъ памятниковъ, кои, потерявъ бывшую на нихъ надпись. не могутъ указывать, надъ кѣмъ они воздвигнуты.

А чтобъ облегчить для всѣхъ васъ святое дѣло, мною вамъ предлагаемое. и чрезъ оживленіе памяти о благодѣяніи Божіемъ усилить во всѣхъ и каждомъ чувство благодарности и духовную радость настоящаго дня, мы соберемъ изъ лѣтописи сказанія о самомъ событіи и предложимъ вашему вниманію.

За два почти вѣка предъ симъ, въ царствованіе благочестивѣйшаго царя Алексѣя Михайловича, отечество наше посѣщено было однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ бичей, кои праведное небо въ гнѣвѣ своемъ посылаетъ иногда на землю для пробужденія отъ сна грѣховнаго цѣлыхъ странъ и народовъ.—Явилась язва.—Подобно всѣмъ подобнымъ бичамъ, она пришла съ востока, двигалась медленно; но тамъ, гдѣ прошла. долго некому было умирать. Градъ нашъ, защищаемый самою отдаленностію, былъ одною изъ послѣднихъ жертвъ; но язва показала надъ нимъ, что для нея все равно, — первая или послѣдняя жертва. Никакая крѣпость силъ и возраста не защищала; никакая предосторожность не помогала; никакое искусство не спасало. Къ смертности присовокупилась ужасная внезапность: шелъ ли кто, стоялъ ли, сидѣлъ ли — вдругъ падалъ и умиралъ въ мукахъ. Страхъ смерти разорвалъ наконецъ всѣ самыя крѣпкія и нѣжныя узы, подавилъ всѣ прочія чувства: дѣти убѣгали отъ отца, мать бросала зараженнаго младенца; домы и стогны наполнены были мертвецами непогребенными.

Въ такомъ ужасномъ положеніи протекло четыредесять дней. Вдругъ, какъ молнія изъ тучи, блеснула по граду свѣтлая мысль—воздвигнуть—для отраженія язвы—однимъ днемъ храмъ Богу Спасителю. Лѣтописи не сказываютъ. въ чьемъ умѣ или сердцѣ родилась сія мысль святая: но самое послѣдствіе показало, что она пришла свыше. Всѣ ялись за сію мысль. какъ утопающіе за вервь съ брега. Святой подвигъ немедленно соображенъ во всѣхъ подробно-

стяхъ; взвѣшены средства и препятствія; назначены трудящіеся и распорядители труда; настоящій день избранъ къ совершенію дѣла великаго.

И вотъ, съ наступленіемъ ночи открывается умилительное зрѣлище! Вмѣсто того, чтобъ предаться сну и покою, цѣлый городъ приходитъ въ движеніе; все, еще живущее, стремится къ одному мѣсту. Одни спѣшатъ трудиться, другіе быть по крайней мѣрѣ свидѣтелями труда; болѣе крѣпкіе несутъ на раменахъ своихъ то, что должно составить крѣпость зданія и лечь въ основаніе; слабѣйшіе и малолѣтные то, что необходимо для его украшенія: у каждаго, великаго и малаго, въ рукахъ знакъ усердія Богу Спасителю. И вотъ весь градъ, при озареніи свѣтильниковъ, собранъ на мѣстѣ, гдѣ теперь стоимъ мы. Все готово; ожидается только наступленіе минуты священной... Наконецъ, бьетъ полночь, и вмѣстѣ съ тѣмъ раздается первый звукъ зиждущихъ. Зданіе растетъ столь быстро, какъ бы само выходитъ готовое изъ земли; первые лучи восходящаго солнца уже освѣщаютъ собою храмъ Богу Спасителю; а предъ послѣдними лучами солнца заходящаго уже совершена въ немъ безкровная жертва за спасеніе живыхъ и упокоеніе умершихъ.

Такой подвигъ вѣры и любви не могъ остаться безъ дѣйствія и отвѣта съ неба. Ужасная язва съ самаго сего дня потеряла силу; и вскорѣ совершенно исчезла, оставивъ по себѣ одну память—гнѣва и милости Божіей!

Не давайте же, возлюбленные, ослабѣвать и исчезать сей святой памяти! Да не перестаютъ сыны сыновъ вашихъ знать, что десница Божія была нѣкогда видимо простерта надъ градомъ симъ, грозная и милующая, карающая и спасающая,—и да научатся ходить въ страхѣ Божіемъ, по стопамъ благочестивыхъ предковъ. Ахъ, если бы сохранялась живо память древней казни небесной, то она сохранила бы насъ отъ дальнѣйшаго растлѣнія нравовъ, и мы не были бы подвергнуты новому бичу небесному, который въ недавнія времена прошелъ по странѣ нашей съ древнимъ опустошеніемъ и ужасами. Ибо для чего посылаются язвы отъ Господа? ужели для того только, чтобы убивать и истреблять? Нѣтъ, онѣ посылаются для того, чтобы пробуждать, вразумлять и спасать страхомъ тѣхъ, кои невнимательны къ гласамъ кроткимъ. Почему посѣтила насъ и послѣдняя ужасная язва?

Безъ сомнѣнія потому, что мы забыли прежнія наказанія, возмнили, что можемъ жить и грѣшить ненаказанно. Воспользуемся же самымъ наказаніемъ нашимъ, и живою памятію о томъ, что было, предохранимъ себя отъ того, что въ случаѣ духовнаго нечувствія нашего опять быть можетъ.

А между тѣмъ, заботясь о сохраненіи временной жизни отъ всякаго рода язвъ тѣлесныхъ, не забудемъ, что есть ужасныя язвы духовныя, отъ коихъ гибнутъ тысячи душъ и сердецъ.—Язвамъ сего рода какъ будто суждено проходить съ противной стороны—отъ запада. Одна изъ нихъ особенно свирѣпствуетъ въ наши времена и похищаетъ у Церкви Божіей множество чадъ. Вы знаете, въ чемъ состоитъ она? Человѣкъ, ею пораженный, остается, повидимому, тотъ же; но теряетъ вѣру и совѣсть, перестаетъ быть чувствительнымъ къ слову Божію и таинствамъ, оставляетъ упованіе жизни вѣчной и ставитъ себя произвольно въ рядъ тварей гибнущихъ. О, блюдите, братіе, души и сердца ваши отъ сей ужасной язвы; храните, *всяцѣмъ хранѣніемъ* храните отъ ней дѣтей и домочадцевъ вашихъ; и когда будете притекать съ моленіемъ къ сей иконѣ Бога Спасителя, первѣе всего молитесь и просите, да покроетъ Онъ благодатію Своею домы ваши отъ сего душетлѣннаго недуга. Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій

НА ВСЕНОЩНОМЪ БДѢНІИ.

Итакъ, воскресеніе мертвеца четыредневнаго не осталось безъ дѣйствія—дщерь Сіонова пробудилась! И смотрите, съ какимъ торжествомъ срѣтается Тотъ, Кто доселѣ не имѣлъ, гдѣ главы подклонить! Срѣтается такъ, какъ никогда не срѣтали ни Давида, ни Соломона. Взирая на знаки усердія, Ему теперь оказуемые, вѣроятно, не одинъ добрый израильтянинъ благодарилъ въ душѣ своей Бога и думалъ, что колебаніе умовъ и совѣстей, произведенное во всей Іудеѣ ученіемъ и чудесами великаго Пророка Галилейскаго, кончилось наконецъ, что отнынѣ Онъ, признанный отъ всѣхъ за давно ожидаемаго Мессію и Спасителя, вступитъ во всѣ права Свои надъ народомъ іудейскимъ и начнетъ въ мирѣ и тишинѣ совершать дѣло спасенія дщери Сіоновой.

И однако же, братіе мои, все это срѣтеніе и вся эта торжественность и усердіе были только минутнымъ зрѣлищемъ. Пройдетъ нѣсколько дней.—и тотъ же народъ, который теперь, не помня себя отъ радости, восклицаетъ: *осанна Сыну Давидову,*—онъ же. не меньшею толпою, окружитъ преторію Пилата и будетъ преизлиха вопіять: *возьми, возьми, распни Его!*

Судя по сему. можно бы даже подумать, что знаки радости и усердія. въ такомъ обиліи нынѣ расточаемые при срѣтеніи грядущаго въ Іерусалимъ Господа, были слѣдствіемъ не истиннаго чувства, а плодомъ лицемѣрія и желанія усыпить свою жертву, дабы тѣмъ вѣрнѣе привести ее на мѣсто закланія. Между тѣмъ Іерусалимъ радуется нынѣ дѣйствительно отъ всей души; лицемѣріе кроется только въ сердцѣ нѣкоторыхъ, неисправимыхъ и безчувственныхъ, фарисеевъ.

Откуда же, имѣющая вскорѣ послѣдовать, необыкновенная превратность мыслей и чувствъ. умовъ и сердецъ?—Отъ пагубнаго легкомыслія,—отъ того, что дщерь Сіонова. какъ замѣтилъ Самъ Спаситель, не уразумѣла *времени посѣщенія* (Лук. 19, 44) своего, не приняла труда подумать, что требуется отъ нея, дабы святая радость, нынѣ ею овладѣвшая, осталась за нею навсегда. Какъ пришли въ восторгъ случайно, увлекшись видимостію; такъ случайно же придутъ въ ярость ожесточенія. положившись на то, что внушитъ злоба и клевета.

Много можно было бы сказать противъ сего преступнаго легкомыслія іудейскаго, но къ чему послужили бы для насъ въ семъ случаѣ подобныя обвиненія? Дщерь Сіонова уже суждена и осуждена Тѣмъ, Кто избралъ ее нѣкогда изъ всѣхъ дщерей человѣческихъ. Довольно посмотрѣть на каждаго изъ потомковъ древняго Израиля, чтобы съ ужасомъ признать на немъ печать гнѣва Божія.

Вмѣсто осужденія іерусалимлянъ, гораздо полезнѣе обратиться къ себѣ самимъ и посмотрѣть, не происходитъ ли и съ нами подобнаго?—Наше ежегодное, во время великаго поста, говѣніе, наше покаяніе и исповѣдь. наше причащеніе Святыхъ Таинъ. что все это, какъ не торжественное срѣтеніе Господа и Спасителя, грядущаго къ душѣ нашей подобно тому, какъ шелъ Онъ нынѣ въ Іерусалимъ погибающій? Кто изъ насъ не является при семъ якоже единъ отъ усерд-

ныхъ іерусалимлянъ? Какъ они вопіяли: «осанна Сыну Давидову!» такъ и каждый изъ насъ говоритъ: «вѣрую, Господи, и исповѣдую!» Каждый именуетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ; каждый клянется—не давать лобызанія якоже Іуда; каждый не ризы токмо свои, но и самого себя повергаетъ на землю предъ чашею Завѣта. Можно ли, казалось бы, усомниться въ искренности и твердости таковыхъ чувствъ и обѣщаній?—И Господь каждый разъ полагается на слова наши, вѣритъ нашимъ устамъ и сердцу,—и преподаетъ намъ Тѣло и Кровь Свою!

Но что выходитъ изъ всего этого? Долго ли остаемся мы вѣрны обѣтамъ нашимъ?—Проходитъ нѣсколько дней,—и мы тѣ же, что были прежде: опять прежніе грѣхи, прежнія страсти, то же нерадѣніе о своей душѣ и совѣсти, та же жестокость къ ближнимъ, та же безумная приверженность къ утѣхамъ чувственнымъ.

Судя по сему, и о насъ надлежало бы подумать, что мы каемся, исповѣдуемся, причащаемся не отъ расположенія сердечнаго, а лицемѣрно. Но въ насъ не бываетъ сего. Мы воистину хотѣли бы своего спасенія; и каждый разъ, приступая къ исповѣди и причащенію, надѣемся сдѣлаться лучшими. Что же мѣшаетъ тому? Помилованіе принято, благодать освященія преподана, на душѣ и совѣсти легче и свѣтлѣе: откуда же опять возникаетъ зло и нечистота? Кто паки повергаетъ насъ въ бездну грѣха и погибели?—Наше легкомысліе... Мы не принимаемъ труда упрочить святое дѣло покаянія; не беремъ мѣръ противъ прежнихъ наклонностей грѣховныхъ; удовлетворяясь нѣсколькими днями говѣнія, останавливаемся на одной наружности таинства;—и доброе, въ насъ начавшееся,—не поддержанное, не питаемое, подавляемое,—слабѣетъ, вянетъ, исчезаетъ.

И сколько разъ въ жизни повторяется надъ нами это злополучное приключеніе! Израильтяне разъ токмо, въ день входа Господа во Іерусалимъ, оказались предъ Нимъ такъ легкомысленными и клятвопреступными: мы дѣлаемъ то же самое каждый годъ; и многіе, вѣроятно, будутъ дѣлать то же до конца жизни своей... Увы, можетъ ли быть что-либо злополучнѣе?

Обратимъ же, братіе мои, обратимъ вниманіе на столь бѣдственное состояніе души нашей. Вотъ, и еще оканчи-

вается одинъ изъ великихъ постовъ. Да не будетъ и онъ, подобно прежнимъ, повтореніемъ нашихъ невѣрностей предъ Господомъ! Да содѣлается онъ постомъ истинно великимъ для насъ тѣмъ, что мы, въ продолженіе его, оставили навсегда путь грѣха и погибели и начали жизнь чистую и святую! Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій.

Днесь благодать Святаго Духа насъ собра, и вси вземше крестъ Твой, глаголемъ, благословенъ Грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ! (Такъ воспѣваетъ нынѣ святая Церковь.)

Но кто же изъ насъ бралъ крестъ? Мы всѣ брали ваіи, а креста никто не бралъ, кромѣ развѣ священнодѣйствующихъ. И однако же, братіе, Церковь не смотритъ на наши ваіи, а говоритъ о крестѣ; оставляетъ видимое и обращается къ невидимому!

Такъ и должно быть при настоящемъ празднествѣ: иначе насъ далеко превзойдутъ древніе іудеи. У нихъ, по видимости, было гораздо болѣе, нежели теперь у насъ: ибо ваіи у нихъ были отъ финиковъ и пальмъ, съ коими наши бѣдныя вѣтви никакъ не могутъ идти въ сравненіе; притомъ нѣкоторые изъ іудеевъ постилали на пути Христовомъ самыя ризы свои, чего у насъ никто никогда не дѣлалъ. Чѣмъ же послѣ сего намъ превзойти іудеевъ, если не будетъ у насъ невидимаго? У нихъ все было, недоставало одного креста; старѣйшины ихъ только еще дѣлали въ это время крестъ, но и сдѣлавъ его, возложили потомъ не на себя, а на Іисуса. Такимъ образомъ, крестъ весь остался на долю христіанъ. И вотъ почему Церковь съ такою радостію приглашаетъ всѣхъ къ принятію его: *вси вземше крестъ*,—забытый и отверженный іудеями!

Но, братіе, Церковь всегда по праву можетъ такъ возглашать о крестѣ, ибо она и основана на крестѣ, и возрастаетъ подъ крестомъ, и крестомъ побѣждаетъ и вѣнчается. Но, по праву ли возглашаемъ, такимъ образомъ, съ Церковію мы? Ахъ, если бы, дѣйствительно, всѣ мы взяли крестъ Христовъ, то міръ давно бы содѣлался раемъ, и съ лица земли исчезли бы бѣдствія, отъ коихъ такъ тяжко

страдаемъ всѣ мы! Правда, въ крещеніи всѣ мы принимаемъ крестъ Христовъ, но у многихъ это крестоношеніе продолжается не далѣе того, пока они придутъ въ возрастъ. и начнутъ понимать себя и дѣйствовать! — У нѣкоторыхъ едва ли не первое дѣйствіе, такъ называемаго, совершеннолѣтняго разума состоитъ въ томъ, что они навсегда слагаютъ съ себя крестъ, возложенный при крещеніи,—начинаютъ поступать и дѣйствовать, какъ бы на нихъ не было никогда никакого креста! — Всѣ мы являемся съ крестомъ въ рукахъ и во гробѣ; но вы сами знаете, братіе, каково это явленіе! — Многіе ли изъ лежащихъ во гробѣ со крестомъ берутъ крестъ сей сами?—Большей части онъ влагается въ руки уже во гробѣ, безъ ихъ согласія, можетъ быть даже противъ ихъ воли!... Есть люди, кои въ продолженіе жизни вызываются на особенное несеніе креста Христова. и въ знаменіе того, а равно и въ укрѣпленіе своихъ обѣтовъ, пріемлютъ его торжественно изъ рукъ Церкви. Но много ли и изъ сихъ Симоновъ Киринейскихъ, *задѣвшихъ понести крестъ* (Матѳ. 27, 32), доносятъ его до мѣста лобнаго, до своея кончины? Увы, нѣкоторые, не успѣвъ сойти съ Синая высокихъ обѣтовъ, уже повергаютъ взятый крестъ и разбиваютъ его, какъ Моисей скрижали, только не по святой ревности Моисеевой, а по гласу и требованію страстей и обаяній мірскихъ! Такимъ образомъ, не знаю, братіе, многіе ли изъ насъ могутъ по праву воспѣвать съ Церковію: *вземше крестъ глаголемъ?* — Глаголать и воспѣвать можемъ всѣ, а взять крестъ на самомъ дѣлѣ, тѣмъ паче, взять и держать всегда, взять и нести постоянно, — о, коль, не многіе, не многіе!

Что же дѣлать? Перемѣнить пѣснь Церкви? Поставить вмѣсто креста ваіи? Но, если бы мы вознебрегли крестомъ, то Церковь не разстанется съ нимъ. Безъ креста Церковь — не церковь, равно какъ и христіанинъ — не христіанинъ. Лучше, братіе, воздвигнемся и мы отъ разслабленія духовнаго и поревнуемъ идти. куда ведетъ. — взять то, что даетъ Церковь.

Въ самомъ дѣлѣ, если когда христіанину крестъ необходимъ, то въ настоящіе дни. Царедворецъ облекается во знаменія служенія своего, когда ему нужно предстать лицу цареву; воинъ осматриваетъ все оружіе свое, когда ему

предстоитъ смотръ воинскій отъ его полководца; ученикъ повторяетъ всѣ уроки и упражняетъ себя во всѣхъ опытахъ науки, когда готовится къ испытанію. Скоро. братіе. и мы должны будемъ предстать своему Царю: какъ предстанемъ, если не будетъ на насъ знаменія царскаго служенія—креста? Скоро и намъ—духовнымъ воинамъ, произведенъ будетъ духовный смотръ на Голгоѳѣ: какъ явиться предъ лице Вождя, безъ главнаго оружія — креста? Скоро откроется у подножія гроба Христова испытаніе и нашей вѣры и любви: можно ли ожидать успѣха, если въ рукахъ нашихъ не будетъ единственнаго орудія небесной мудрости—креста?—И пусть бы нашъ Царь принималъ насъ на Голгоѳѣ съ престола; а то Онъ будетъ принимать—съ креста! Пусть бы нашъ Военачальникъ возсѣдалъ на трофеяхъ; а то Онъ возсѣдаетъ — на крестѣ! Пусть бы нашъ Учитель преподавалъ Свою мудрость съ какой-либо великолѣпной каѳедры; а то Онъ преподаетъ ее — со креста! Какъ же послѣ сего къ такому Царю. такому Вождю. такому Наставнику явиться—безъ креста? Посему-то Церковь заранѣе нынѣ напоминаетъ всѣмъ намъ о крестѣ. совѣтуетъ взять его заблаговременно, дабы въ продолженіе наступающихъ дней научиться. хотя сколько-нибудь, имъ дѣйствовать. Ибо, по непривычкѣ — имѣть крестъ въ рукахъ и нести его. легко можетъ случиться, что у нѣкоторыхъ онъ. и взятый. выпадетъ изъ рукъ. какъ выпадаетъ оружіе у воина неопытнаго.

Итакъ. надобно взять крестъ. взять заранѣе и всѣмъ: то-есть, братіе, что сдѣлать? Во-первыхъ, отвергнуть мудрованія ума и плѣнить его въ послушаніе вѣры; пусть научится мудрствовать *не по стихіямъ міра, а по Христѣ* (Колос. 2, 8): это будетъ крестъ для ума, по паденіи естественно *взимающагося на разумъ Божій* (2 Кор. 10, 5). Должно отрѣшиться своея воли и заключить ее въ волѣ Божіей и въ законѣ Господни, — начать искать не своея славы, или богатства, или удовольствія, а славы Божіей. спасенія своего и ближняго: это будетъ крестъ для самолюбивой нашей воли. которая стремится содѣлать себя средоточіемъ всего. Должно пріучить сердце свое къ тому. чтобъ оно умѣло ощущать горечь мірскихъ радостей и сладость лишенія христіанскаго, умѣло радоваться въ стра-

даніи, почитать пріобрѣтеніемъ лишенія: это составитъ крестъ для грѣховнаго сердца, которое теперь не можетъ безъ содроганія и слышать о скорбяхъ и крестѣ. Должно, наконецъ, все существо свое наклонить. сколько возможно, подъ крестъ, и расположить всю земную жизнь свою такъ, чтобъ она служила къ совлеченію ветхаго человѣка, къ умерщвленію страстей, къ обузданію гордости и сластей житейскихъ.

Когда мы, братіе, сдѣлаемъ все это, или по крайней мѣрѣ начнемъ дѣлать, тогда не напрасно будемъ воспѣвать: *вси вземше крестъ*; а до того времени, какъ хотите, пѣснь сія— не наша, и служитъ намъ въ обличеніе! Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій.

И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ (Лук. 19, 41).

На три случая указывается намъ въ Евангеліи, когда плакалъ Господь нашъ: плакалъ Онъ вчера, при гробѣ друга Своего Лазаря; будетъ плакать въ саду геѳсиманскомъ, во время молитвы къ Отцу, да мимо идетъ чаша страданій; и плачетъ нынѣ при взглядѣ на Іерусалимъ погибающій. Слезы геѳсиманскіе такъ высоки и таинственны, что о нихъ дерзновенно было бы бесѣдовать ко всѣмъ,—и слезы виѳанскія не безъ таинства: ибо, для чего, повидимому, плакать у гроба того, кто въ эту же минуту имѣлъ быть вызванъ изъ гроба? Слезы нынѣшнія іерусалимскія — просты и ясны: Господь плачетъ о Іерусалимѣ, потому что Іерусалимъ не разумѣетъ времени своего посѣщенія, не плачетъ самъ о грѣхахъ своихъ.

Итакъ, это наши слезы, возлюбленный слушатель, ибо онѣ пролиты Господомъ, безъ сомнѣнія, не объ одномъ Іерусалимѣ, а и о насъ съ тобою, грѣшникахъ сущихъ! Это слезы о тебѣ, непослушный сынъ Церкви, который, свергнувъ святое иго вѣры, возложенное на тебя еще благочестивыми родителями, предался вольнодумству и глумленію надъ предметами священными! Это слезы о тебѣ, жестокій властелинъ, который, забывъ общую всѣмъ намъ природу и общее всѣмъ намъ упованіе жизни вѣчной, томишь подруч-

ныхъ своихъ. какъ бы они созданы были не для славы Божіей и не для ихъ вѣчнаго спасенія, а для тяжкой работы на удовлетвореніе твоимъ прихотямъ! Это слезы о тебѣ, безчувственный богачъ, который поработилъ душу свою бездушному металлу, погребъ сердце и всѣ святыя чувства его въ неправедныхъ счетахъ и разсчетахъ! Это слезы о тебѣ, недостойный пастырь Церкви, который вмѣсто того, чтобъ быть устами Божіими для народа, предстателемъ предъ Богомъ о людскихъ невѣжествіяхъ, стоишь между алтаремъ и собраніемъ вѣрныхъ, яко стѣна повапленна, на ней же написана не милость Божія, а твой собственный судъ и осужденіе! Господь плачетъ и доселѣ о каждомъ грѣшникѣ. Ибо какъ не плакать, когда онъ идетъ видимо въ бездну, изъ коей нѣтъ возврата, и, имѣя въ рукахъ своихъ жизнь вѣчную, безумно мѣняетъ ее на суету и тлѣніе? Какъ не плакать о грѣшникѣ, когда столько средствъ, употребленныхъ для примиренія его съ Богомъ, для возвращенія ему правъ на рай потерянный, къ стяжанію для него царствія небеснаго, остаются туне и безъ плода? *И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ.*

Не помогли слезы Господа Іерусалиму! Не уразумѣлъ онъ тайны благодатнаго входа въ него и слезъ, надъ нимъ проліянныхъ, и за то преданъ доселѣ на попраніе языкомъ! Не помогутъ слезы Господа и намъ съ тобою, возлюбленный слушатель, если мы, подобно іерусалимлянамъ, останемся безчувственны во грѣхахъ нашихъ. Для того, чтобы сими безцѣнными слезами омыты были грѣхи наши, надобно, чтобы къ нимъ примѣшались собственныя наши слезы о грѣхахъ нашихъ, чтобы печаль, исполнявшая сердце Господа, перешла въ нашу душу, и изгнала изъ ней всѣ нечистыя и зловредныя радости грѣховныя. Посему не удивляйтесь, если мы, вмѣсто веселія, пригласимъ васъ къ слезамъ. Пусть Пророкъ восклицаетъ: *радуйся, дщи Сіоня!* этотъ гласъ къ душамъ чистымъ; онѣ могутъ и должны, по Апостолу, радоваться не нынѣ только, а и всегда (Филип. 4, 4). А намъ должно болѣе плакать, нежели радоваться, ибо мы доселѣ во грѣхахъ и нераскаяніи: грѣшникамъ же нѣсть радоватися, глаголетъ Самъ Господь.—Сія святая печаль по Бозѣ не помѣшаетъ впрочемъ и радости истинной, которая у грѣшника, каковы мы, и можетъ произрасти токмо изъ слезъ. Въ самомъ дѣлѣ,

посмотрите, какъ будетъ радостенъ для насъ праздникъ Воскресенія Господня, если мы наступающую недѣлю проведемъ въ слезахъ покаянія! Онъ такъ будетъ свѣтелъ, какъ никогда не былъ доселѣ, — чего да сподобитъ насъ всѣхъ Господь Своею всемощною благодатію! Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій.

И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ (Лук. 19, 41)

О какомъ это градѣ въ такой радостный день плачетъ возлюбленный Спаситель нашъ? О Тирѣ, Сидонѣ, Египтѣ, Вавилонѣ? То есть, о какомъ-либо изъ градовъ, невѣдавшихъ Бога истиннаго, и потому гибнувшихъ въ безднѣ разврата и нечестія? — Нѣтъ, Воскреситель Лазаря плачетъ надъ тѣмъ градомъ, который изъ всѣхъ градовъ земныхъ избранъ Самимъ Богомъ въ особенное жилище Себѣ, къ коему посылано было столько Пророковъ, гдѣ возвышался единственный въ цѣломъ мірѣ храмъ Бога живаго, — плачетъ о томъ градѣ, среди коего имѣла теперь совершиться на Голгоѳѣ тайна всемірнаго искупленія, дабы потомъ изъ него же быть провозглашенною въ слухъ и спасеніе всего міра!... — И въ какой день льются надъ Іерусалимомъ сіи горькія слезы изъ очей Господа? — Въ тотъ день, когда едва не весь градъ исходитъ во срѣтеніе Ему; когда стелютъ по пути предъ Нимъ не только вѣтви, но и ризы своя; когда торжественно провозглашаютъ Его Сыномъ Давидовымъ, отъ души и сердца поютъ Ему осанна въ вышнихъ, и пріемлютъ Его такъ, какъ никогда не принимали ни единаго изъ владыкъ своихъ!

Что убо извлекаетъ изъ очей Господа въ такой день слезы о Іерусалимѣ? — Неразуміе и нераскаянность его жителей. Настоящій день былъ для нихъ днемъ особеннаго посѣщенія Божія, днемъ рѣшительнаго испытанія на жизнь или смерть; а они, въ ослѣпленіи ума и сердца, помраченнаго страстями, не видятъ всей важности сего посѣщенія; не смотря на внѣшніе знаки усердія къ Сыну Маріи, являются неспособными къ принятію отъ Него царствія небеснаго, которое Онъ, вмѣстѣ съ Собою, свелъ на землю; совершенно близки къ тому, чтобы рѣшительно отвергнуть Его и въ Немъ

свое спасеніе. *И яко приближися, видѣвъ градъ, плакася о немъ, и рече: аще бы разумѣлъ еси время посѣщенія твоего! Обаче сокрыся отъ очію твоею!* Вотъ что исторгаетъ у Господа слезы, и превращаетъ для Него день всеобщей радости въ день скорби и сѣтованія.

Чтобы еще болѣе уразумѣть силу сихъ слезъ Спасителя надъ Іерусалимомъ, припомнимъ, что Ему оставалось пробыть на землѣ токмо нѣсколько дней, и что, не смотря на трехлѣтнее странствіе Его по землѣ іудейской, на неоднократное посѣщеніе Іерусалима, на множество бесѣдъ, въ немъ произнесенныхъ, на множество чудесъ, тамъ совершенныхъ, Іерусалимъ еще доселѣ ни разу не обнаружилъ рѣшительно мнѣнія своего о Немъ. Настоящій входъ въ Іерусалимъ, сообразно пророчеству, долженствовалъ служить для сей цѣли: нынѣ должно было рѣшиться—будетъ ли новый Пророкъ и Учитель принятъ за то, чѣмъ Онъ былъ дѣйствительно, то есть, за обѣтованнаго Мессію и Сына Божія, или будетъ не узнанъ и отвергнутъ. Слѣдствія того и другаго были неисчислимы для Іерусалима и всего народа іудейскаго. Мессія, принятый съ вѣрою и любовію, имѣлъ облагодѣтельствовать сей народъ во времени и въ вѣчности; Мессія—отвергнутый, велъ за собою отверженіе для него во времени и въ вѣчности. Чтобы предохранить Іерусалимъ отъ сего несчастія, для сего въ настоящій день, яко послѣдняго и рѣшительнаго опыта, сдѣлано было все, что можно. Къ довершенію прежнихъ чудесъ, сотворено новое, величайшее чудо—вызванъ изъ гроба четвородневный мертвецъ. При самомъ входѣ въ Іерусалимъ, не забыто даже и то обстоятельство, что обѣтованному Мессіи, сообразно предреченію Пророка, надлежало явиться предъ Іерусалимомъ,—между прочимъ,—въ видѣ кроткаго Царя, сѣдящаго на жребяти осли.

И дщерь Сіоня, повидимому, возбудилась отъ своего нечувствія: толпы народа, одна другой многочисленнѣе, текутъ, на встрѣчу Воскресителя Лазарева; клики, одни другихъ громче, несутся со всѣхъ сторонъ въ честь Его. Но все это только слѣдствіе минутнаго, невольнаго восторга; подъ всѣми этими знаками скоропреходящаго усердія сокрывается привычная холодность душъ и сердецъ. Толпы разсѣются такъ же скоро, какъ образовались; клики за-

молкнутъ, — и Сынъ Давидовъ останется паки съ одними учениками Своими! — Мало сего: изъ сихъ же людей, кои оказываютъ теперь столько знаковъ усердія къ Іисусу, не одинъ явится чрезъ нѣсколько дней у преторіи Пилата съ дикимъ воплемъ: *распни, распни Его!*

Спаситель провидитъ все это; предъ Нимъ совершенно открыто какъ тайное невѣріе и жестокосердіе іудеевъ, такъ и его ужасныя послѣдствія для сего народа,—и любвеобильное сердце Его исполняется скорбію до того, что самая всеобщая радость вокругъ Его не можетъ остановить слезъ Его: *и видѣвъ градъ, плакася о немъ, и рече: аще бы разумѣлъ еси время посѣщенія твоего!* Если бы ты понялъ и разумѣлъ, что значитъ и какъ важенъ для тебя день настоящій,—что теперь, то есть, единожды и навсегда должна рѣшиться судьба твоя! *Обаче сокрыся отъ очію твоею*:—но ты смежилъ очи, чтобы не видѣть чудесъ и знаменій, для тебя въ такомъ числѣ совершенныхъ; закрылъ слухъ, чтобы не слышать истины, столько разъ тебѣ возвѣщенной;—и долженъ будешь посему пожать горькіе плоды твоего ослѣпленія и упорства: *яко пріидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ: и обыдутъ тя, и обымутъ тя отвсюду. И разбіютъ тя, и чада твоя въ тебѣ: и не оставятъ камень на камени въ тебѣ: понеже не разумѣлъ еси времени посѣщенія твоего* (Лук. 19, 43. 44).

Что было, братіе мои, въ нынѣшній день съ Іерусалимомъ, подобное тому бываетъ и со всякимъ изъ насъ. Каждая душа должна для спасенія своего принять внутрь себя Спасителя человѣковъ, должна усвоиться Ему вѣрою и любовію въ удѣлъ вѣчный. соединиться съ Нимъ въ духѣ и блаженствовать, или, отвергнувъ Его, подобно Іерусалиму, — остаться въ состояніи грѣха и отчужденіи отъ жизни вѣчной. Для того, чтобы душа грѣшная познала Спасителя своего, обратилась къ Нему съ вѣрою и предалась Ему всецѣло,—для сего Промыслъ Божій постоянно употребляетъ множество средствъ, равно дѣйствующихъ на всѣхъ и каждаго. Но кромѣ сего, бываютъ въ жизни человѣка, какъ теперь съ Іерусалимомъ, дни особенныхъ посѣщеній Божіихъ,—когда зовъ къ покаянію становится громче и прямо звучитъ въ уши грѣшника; когда благодать спасенія предстаетъ ему, такъ сказать, лицемъ къ лицу, и

какъ бы говоритъ: одно изъ двухъ, или покаяніе и милость, или нераскаяніе и погибель!—Въ это время посѣщенія свыше, душа грѣшная сама, подобно какъ нынѣ жители Іерусалима, чувствуетъ важность происходящаго съ нею, и съ радостію исходить во срѣтеніе грядущему Господу, то есть, начинаетъ изъявлять желаніе познать путь истины, воспламеняется чувствомъ добра, доходитъ даже, повидимому, до святаго восторга, къ коемъ готова бываетъ не только рѣзать вѣтви, но и постилать ризы своя, то есть, отказаться отъ того, что есть самаго близкаго и драгоцѣннаго. Благо той душѣ, которая, взыскавъ такимъ образомъ Господа, или паче будучи взыскана Имъ, не ограничиваетъ своего обращенія къ Нему однимъ внѣшнимъ и скоропреходящимъ выраженіемъ любви и усердія—чтобы совершить, напр., какое-либо дѣло внѣшней набожности, или помочь, въ чемъ-либо ближнему,—а предавшись Ему, яко вѣчному Царю и Господу, начинаетъ все прочее время жизни ходить по стопамъ Его, и исполнять святую волю Его!—Господь пріемлетъ таковую душу подъ Свой покровъ и въ особенное содружество съ Собою, содѣлывается для нея наставникомъ и пастыремъ, питателемъ и хранителемъ, врачемъ и утѣшителемъ, и не оставляетъ ея ни въ какомъ случаѣ, доколѣ, очистивъ, укрѣпивъ, освятивъ и усовершивъ, не введетъ ее въ свѣтлый чертогъ Свой. Но, горе душѣ, которая, подобно Іерусалиму, не уразумѣвъ дня посѣщенія своего, удовлетворяется одною внѣшностію обращенія ко Господу, ее взыскующему, и не показываетъ достойныхъ плодовъ обращенія! Слѣдствіемъ сего непостоянства и сей невѣрности бываетъ потомъ еще большій мракъ въ умѣ, тягчайшее ожесточеніе въ сердцѣ, глубочайшее ниспаденіе въ чувственность, совершенное забвеніе Бога и совѣсти, съ конечнымъ оскудѣніемъ благодати Божіей, безъ коей человѣкъ есть сынъ гнѣва и погибели.

Какіе эти дни посѣщенія? Когда и какъ они бываютъ?—Трудно дать на все сіе отвѣты, совершенно опредѣленные; ибо, во-первыхъ, каждый человѣкъ ведется отъ Промысла Божія по своему пути; съ другой стороны, у благодати Божіей все можетъ служить средствомъ къ возбужденію насъ отъ сна грѣховнаго. Довольно посему примѣтить, что душа въ это время посѣщенія сама чувствуетъ необыкновенность

своего положенія, видитъ себя между небомъ и адомъ, какъ бы на срединѣ; слышитъ гласъ, повелѣвающій оставить путь беззаконія; и готова бываетъ на все, чего требуетъ вѣра и совѣсть.

Если бы впрочемъ необходимо было въ руководство кому-либо сдѣлать нѣсколько указаній частныхъ: то мы, не обинуяся, можемъ сказать, что къ числу таковыхъ дней посѣщенія Божія грѣшнику принадлежитъ, во-первыхъ, день исповѣди и причащенія св. Таинъ. Въ исповѣди мы каждый разъ предстаемъ, еще до смерти нашей, на судъ Самого Бога и слышимъ изъ устъ служителя алтаря такой приговоръ, коимъ рѣшается наша судьба, и коего сила признается и утверждается на небѣ. Какой посему важный и священный часъ для насъ есть часъ нашей исповѣди!—А въ таинствѣ причащенія каждый разъ является предъ насъ, подъ видомъ хлѣба и вина, Само Ѵпостасное Слово, входитъ внутрь насъ и соединяется съ нами для нашего освященія. Можно ли имѣть большій знакъ благодати и близости къ намъ Спасителя, и, слѣдовательно, можно ли желать лучшей минуты для перемѣны своей жизни?

Къ днямъ особеннаго посѣщенія Божія должно отнести тяжкія болѣзни, когда грѣшникъ, нисшедшій до вратъ смерти, а для него тоже, что до вратъ адовыхъ, можно сказать, уже собственными очами видитъ пропасть адскую, которая ожидаетъ его за его грѣхи и нераскаянность. Возставъ съ одра таковой болѣзни, многіе совершенно измѣняютъ свою жизнь, обращаются къ Богу и Церкви, становятся истинными христіанами, а иные, увы, и обѣщавъ Господу свое исправленіе, возвращаются потомъ вспять и погрязаютъ еще въ большемъ плотоугодіи и нечестіи.

За дни особеннаго посѣщенія Божія должно почесть и другіе случаи, въ коихъ подвергаются очевидной опасности или наша жизнь, или честь, или имущество, подвергаются до того, что мы теряемъ надежду на спасеніе. Въ такомъ случаѣ самые чувственные и закоренѣлые грѣшники обращаются съ молитвою къ Богу, произносятъ обѣты покаянія;— и Промыслъ нерѣдко отклоняетъ опасность, при томъ такъ, что самъ спасенный чувствуетъ это, и признаетъ надъ собою перстъ Божій. Но увы, это чувство, это признаніе не всегда производятъ надъ грѣшникомъ то спасительное дѣй-

ствіе, котораго ожидать надлежало. такъ что, съ продолженіемъ времени, многіе забываютъ и опасность, и обѣты свои, и устремляются къ прежнимъ грѣхамъ и беззаконіямъ!

Днемъ особеннаго посѣщенія Божія бываетъ также кончина, особенно внезапная. людей, съ коими, тѣмъ или другимъ образомъ, тѣсно связано было самое бытіе наше. Тутъ, срѣтившись съ смертію, видя раскрытую могилу брата или друга, супруга или дочери, опять самый закоснѣлый грѣшникъ чувствуетъ въ себѣ пробужденіе совѣсти, сознаетъ, что всуе думаетъ онъ обрѣсти и утвердить счастіе свое на землѣ, что надобно готовиться къ міру другому. Все это оканчивается у нѣкоторыхъ твердою рѣшимостію на совершенную перемѣну своихъ нравовъ и поведенія.

На особенно радостныя событія въ жизни также должно указать, какъ на дни особенныхъ посѣщеній благодати. Когда сердце распространяется отъ радости, то взоръ невольно подъемлется горѣ—къ небу: исполненный самодовольства, человѣкъ чувствуетъ вокругъ себя какъ бы нѣкое вѣяніе духа благодати и щедротъ, а совѣсть, болѣе или менѣе внятно, но всегда напоминаетъ при семъ человѣку о необходимости быть добрымъ, дабы сохранить милость Божію.

Во всѣхъ сихъ и подобныхъ случаяхъ со всею справедливостію можно обратить къ грѣшнику слова Спасителя къ Іерусалиму: о если бы уразумѣлъ ты время посѣщенія твоего!

Ты, который, не смотря на множество грѣховъ и на всю нечистоту предшествовавшей жизни твоей, удостоился вчера причащенія Тѣла и Крови Господней, если бы уразумѣлъ ты силу сего таинства и великость снисхожденія Божія, тебѣ при семъ оказаннаго! Ты увидѣлъ бы тогда, что это самый лучшій случай измѣнить свою жизнь, прервать преступную связь, тебя гнетущую, примириться съ братомъ, на тебя враждующимъ, прекратить мотовство и роскошь безумную, престать кривить вѣсами истины и правды. Господь, преподавшій тебѣ Тѣло и Кровь Свою, явно хочетъ усвоить тебя Себѣ и быть съ тобою едино: у Него ли не достанетъ силъ на освобожденіе тебя изъ плѣна грѣховнаго, на уврачеваніе твоихъ язвъ душевныхъ? Итакъ, возстань, укрѣпись, поражай силою благодати зло, въ тебѣ живущее;—и ты престанешь быть рабомъ страстей и жертвою врага Божія!

Возставшій съ одра тяжкой болѣзни и начинающій жить

какъ бы снова, если бы ты уразумѣлъ время прошедшаго посѣщенія твоего! Ты увидѣлъ бы. что теперь именно подобаетъ начать жизнь снова не тѣломъ токмо, а и духомъ. что самая лютость прошедшей болѣзни уже освободила тебя отъ большей части узъ, коими ты былъ привязанъ къ міру, и коими врагъ влекъ тебя во адъ. Не оставляй же души и совѣсти въ недугѣ смертельномъ, когда выздоровѣло тѣло! Да будешь здравъ и цѣлъ весь, а не въ половину!

Плачущій надъ могилой супруги или сына, и среди скорби предающійся безплодному ропоту и отчаянію, о, если бы ты уразумѣлъ время посѣщенія твоего! Тогда не напрасно разверзались бы предъ тобою врата вѣчности, въ кои пошло лице, тобою любимое: ты узрѣлъ бы въ нихъ жизнь вѣчную, и для тебя тамъ уготованную, престалъ бы гоняться за суетою и тлѣніемъ, и жертвовать для нихъ всѣмъ. Вмѣсто того, чтобы влечь безплоднымъ сожалѣніемъ душъ отшедшихъ вспять, въ эту юдоль лишенія и слезъ,—ты самъ устремился бы духомъ во слѣдъ ихъ, и въ семъ сладкомъ стремленіи давно нашелъ бы успокоеніе своему растерзанному сердцу.

Радующійся о внезапно посѣтившемъ тебя счастіи и не помнящій себя отъ избытка веселія душевнаго, если бы и ты уразумѣлъ время посѣщенія твоего! Ты бы увидѣлъ, что радость земная сама для полноты своея требуетъ мира съ Богомъ и совѣстію, что съ умноженіемъ твоего благосостоянія умножилось для тебя число средствъ къ дѣланію добра безъ всякаго труда для тебя, и что ты ничего лучшаго не можешь сдѣлать въ эту минуту, какъ дать обѣтъ быть вѣрнымъ Господу, тебѣ благодѣющему.

И еще не мало можно бы сдѣлать подобныхъ воззваній, ибо въ десницѣ Промысла, какъ мы замѣтили, всѣ событія нашей жизни, и каждое изъ нихъ направляется къ нашему спасенію. Но изъ указанныхъ случаевъ, если не всѣ, то вѣрно не одинъ придется на долю каждаго изъ насъ. Да обратитъ же каждый вниманіе на себя и на то, что происходило съ нимъ въ его жизни; да приложитъ къ себѣ и слезы и слова Спасителя къ Іерусалиму; и да научится не пренебрегать днями посѣщенія Божія, памятуя, что въ противномъ случаѣ и каждаго изъ насъ ожидаетъ за нераскаянность то же самое, что послѣдовало съ Іерусалимомъ невѣр-

нымъ, то есть, онъ будетъ оставленъ благодатію Божіею и преданъ на жертву собственныхъ страстей.

Да сохранитъ насъ Господь отъ сего ужаснаго бѣдствія! Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій.

Во утрій же день народъ многъ, пришедый въ праздникъ, слышавше, яко Іисусъ грядетъ во Іерусалимъ, пріяша ваія отъ финикъ, и изыдоша во срѣтеніе Ему, и зваху глаголюще: осанна, благословенъ грядый во имя Господне, Царь Израилевъ (Іоан. 12, 12. 13).

Откуда такая перемѣна въ поступкахъ нашего Спасителя?.. Тотъ, Который запрещалъ духамъ нечистымъ, да не повѣдаютъ Его Сына Божія быти (Марк. 3, 12), нынѣ съ благоволеніемъ слышитъ отъ дѣтей еврейскихъ божественное осанна: Тотъ, Который уклонился отъ народа, *хотѣвшаго восхитити Его, да сотворитъ себѣ царя,* нынѣ свободно позволяетъ Себя именовать Царемъ Израилевымъ; Тотъ, Который торжественно призналъ, что царство Его нѣсть отъ міра сего (Іоан. 18, 36), нынѣ является окруженнымъ всѣмъ блескомъ земнаго царя. Что сіе значитъ? Или вѣчное предопредѣленіе, *яко подобаетъ пострадати Христу и внити въ славу Свою,* измѣнилось, и Онъ, подобно какъ на небесахъ въ ненарушимомъ мирѣ сѣдитъ на престолѣ Отца, и на земли, безъ сраженія со врагами, идетъ возсѣсть на престолѣ *Давидовѣ?* Но первосвященникъ іудейскій въ непонятномъ для него самого вдохновеніи изрекъ уже приговоръ. *яко уне есть, да единъ умретъ за люди* (Іоан. 11, 50), но сатана простеръ уже руку свою, дабы *вложитъ въ сердце Іуды, да предастъ* (Іоан. 13, 2), своего учителя; но Отецъ небесный растворилъ уже чашу гнѣва, которую Сынъ любве Его долженъ испить до дна; но древо креста уже возросло, гвоздіе изострено. копіе направлено, смерть вѣетъ надъ главою Его, и гробъ, изъ котораго Онъ вызвалъ друга Своего, кажется для того разверзъ нѣдра свои, дабы принять Самого Іисуса. И подъ тучею сихъ бѣдствіи, которая готова разразиться надъ главою Іисуса, Онъ совершаетъ царственное вшествіе во Іерусалимъ — въ мѣсто Своего осужденія, Своей смерти, своего гроба? Дражайшій Спасителю нашъ! мы не дерзаемъ

пререкать славѣ, которая подобаетъ Тебѣ во вѣки вѣковъ; мы желали бы, если возможно, умножить ее нашими хваленіями; но мы желали бы научиться отъ Тебя, для чего Ты, идя на крестъ, облекаешься сею славою, тѣмъ паче, что и намъ должно послѣдовать за Тобою на крестъ Твой, пріобщиться Твоей смерти. Не для того ли, дабы лучами сея славы озарить мракъ, окружающій крестъ Твой? Или паче, для того, что крестъ Твой, столь ужасный въ очахъ нашихъ, есть для Тебя престолъ, на который Ты идешь возсѣсть со славою Царя? Если же для Тебя крестъ Твой есть престолъ, то и для насъ, коимъ *Ты завѣщалъ царство* Свое, нѣтъ другаго престола, кромѣ креста. Но сколь мало разумѣемъ мы сію славную тайну Твоего и вмѣстѣ нашего креста! Да озаритъ она, хоть нынѣ при наступленіи страданій Твоихъ, умы и сердца наши! Бесѣда о крестѣ не чужда славы, коею Ты нынѣ облекаешься, тѣмъ паче, что и на Θаворѣ, представшіе Тебѣ Моисей и Илія глаголали исходъ Твой (Лук. 9, 31). Крестъ Христовъ, будучи водруженъ посреди всея земли и для спасенія всея земли, равно открытъ для зрѣнія всѣхъ; но не всѣ видятъ въ немъ одно. Взираетъ на него міръ, и видя лютыя болѣзни Висящаго на немъ, бѣжитъ, вопія: *не знаю человѣка сего* (Матѳ. 26, 74). Взираетъ законъ и, видя въ немъ исполненіе правосудія Божія, покивая головою, гласитъ: *проклятъ всякъ висяй на древѣ* (Гал. 3, 13). Взираетъ разумъ, и видя крайнее уничиженіе, окружающее крестъ, гордо вопрошаетъ: *еда отъ репія* сего *собираютъ смоквы* (Матѳ. 7, 16)? Наконецъ, взираетъ на крестъ вѣра, и видя на немъ *Божію силу и Божію премудрость* (1 Кор. 1, 24), течетъ сама на крестъ, вопія: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. 23, 42). Что сія за сила, столь крѣпкая, что привлекаетъ человѣка на крестъ?—Что сія за премудрость столь тайная, что заключена во гробѣ. Се сила креста, умерщвляющая все порожденное въ насъ грѣхомъ. Се премудрость слова крестнаго, указующая новую божественную жизнь въ семъ умерщвленіи! Если мы страшимся креста: то сіе отъ того, что мы не видимъ, что бы въ насъ распять должно; а если намъ и указываютъ въ насъ что-либо такое, говоря, *сіе да пропято будетъ*, мы гордо отвѣчаемъ: *егда мы слѣпы есьмы? ни единыя вины обрѣтаю въ человѣцѣ семъ*. Но если бы мы, оставивъ предубѣжденіе

къ самимъ себѣ, рѣшились искреннѣе разсмотрѣть самихъ себя, подвергнуть испытанію то, что мы находимъ въ себѣ добрымъ, судить внутренняго человѣка нашего, не говорю по Закону Божію, предъ свѣтомъ коего вся правда наша есть токмо мракъ, но хотя *по закону нашему*, то есть, по закону нашей совѣсти: мы увидѣли бы, что, не смотря на то, что стерлись въ немъ многія слова, еще не изгладилось сіе опредѣленіе: *долженъ есть умрети.* Сумнится о семъ плотскій человѣкъ? пріиди и виждь. Не долженъ ли ты признаться, что разумъ твой, сей незаконный владыка беззаконнаго царства, *яже на земли, едва разумѣваетъ, и яже въ рукахъ, обрѣтаетъ съ трудомъ, а яже на небеси ни познать, ни пріять* не можетъ (Прем. Сол. 9, 16)? *Убо долженъ онъ умрети.* Что воля твоя, сія рабыня рабовъ своихъ, *не еже хощетъ доброе, сіе творитъ, но еже ненавидитъ злое, сіе содѣваетъ* (Рим. 6, 15)? *Убо должна есть умрети.* Что внутрь тебя есть законъ, непрестанно *воюющій противу закона ума твоего и плѣняющій* тебя закономъ грѣховнымъ (Рим. 7, 23)? *Убо долженъ умрети.* Что внутри тебя живетъ *похоть злая,* которая, непрестанно *искушая и прельщая* тебя, непрестанно *зачинаетъ грѣхъ, а сей рождаетъ смерть* (Іак. 1, 5)?—*Должна есть умрети.* Наконецъ, убѣждаясь собственнымъ своимъ и всѣхъ окружающихъ тебя растлѣніемъ грѣховнымъ, которое, безъ сомнѣнія, не можетъ быть дѣломъ рукъ Божіихъ, не долженъ ли ты признаться и въ томъ, что ты, подобно какъ и всѣ, въ Адамѣ покушался на похищеніе Божественныя славы и въ знаменіе сего покушенія вкусилъ устами отца человѣковъ отъ плода запрещеннаго?—Если же такъ: то всѣ благіе помыслы, оставшіеся въ сердцѣ, возопіютъ: *по закону нашему долженъ есть умрети, яко себе Сына Божія сотвори, равенъ ся творя Богу* (Іоан. 19, 7). Сколько взоровъ на самого себя, столько признаній; сколько признаній, столько осужденій на смерть, столько крестовъ. Но что пользы отъ крестовъ сихъ? вопрошаетъ пригвождаемый ветхій человѣкъ. Умри, отвѣтствуетъ вѣра. Для тебя нѣтъ рая. Онъ есть наслѣдіе грядущаго по тебѣ, коему и ты *не достоинъ понести сапоги* (Матѳ. 3, 11).

Кто же сей грядущій... По имени—*се, новый человѣкъ,* нисходящій со креста, и *созданный* крестомъ *по Богу въ правдѣ*

и преподобіи истины (Ефес. 4, 24). Се, *потаенный сердца человѣкъ,* изведенный крестомъ *изъ темницы* (1 Петр. 3, 4) плоти, въ коей онъ былъ связанъ узами похотей прелестныхъ. *Се, Сынъ Божій* (Іоан. 1, 12), рожденный не отъ крови жены, но изъ крови Агнца, закланнаго на крестѣ. По свойствамъ—се воинъ Христовъ, носящій язвы Вождя своего на тѣлѣ своемъ и побѣждающій сими язвами весь міръ. Се ученикъ Христовъ, который не желаетъ казаться знающимъ что-либо, *точію Іисуса Христа и сего распята* (1 Кор. 2, 2). Се *новая тварь,* одушевленная *не живою* душою *Адама перстнаго,* но проникнутая *животворящимъ духомъ Адама небеснаго* (1 Кор. 15, 49). По назначенію—се *священникъ* (Апок. 1, 6), который, принесши по чину Іисусову самого себя въ жертву на крестѣ, идетъ все обратить въ жертву Господа. Се *пророкъ,* который, запечатлѣвъ кровію своею ученіе своего Господа, идетъ благовѣстить премудрость слова крестнаго. Се *царь,* который, побѣдивъ крестомъ Спасителя враговъ царства своего, идетъ принять небесное наслѣдіе. Се распявшійся Христу и воскресшій съ нимъ.

Воскреснуть со Христомъ!—Вотъ единственная надежда, которая одушевляла подвижниковъ вѣры среди самыхъ жесточайшихъ гоненій, и заставляли ихъ радоваться во страданіяхъ своихъ. Оставьте, вопіялъ одинъ изъ нихъ, оставьте меня быть пищею звѣрей жестокихъ, дабы они, сокрушая бренное тѣло мое во устахъ своихъ, содѣлали его сладкимъ хлѣбомъ на трапезу Господню. Я не хочу имѣть другаго гроба, кромѣ ихъ чрева. Если они противъ желанія своего сомкнутъ уста свои, я буду раздражать, дабы они растерзали меня. Если вы ощущаете, продолжалъ онъ, въ себѣ присутствіе Христово: то вамъ легко понять, чего я алчу: *желаю разрѣшиться и со Христомъ быти* *). Если бы и мы, слушатели, ощущали въ себѣ присутствіе Христово: то не только не удалялись бы отъ креста Христова, но, можетъ быть, сами стали бы искать его, умолять другихъ, да распнутъ насъ на немъ, почитать милостію возлагаемыя на насъ язвы, и врагомъ того, кто покусился бы снять насъ, прежде смерти нашей, со креста. Но мы, будучи далеки отъ Христа, не смѣемъ приблизиться ко кресту Его. Ибо безъ Христа

*) Св. Игнат. посланіе къ паствѣ.

мы не можемъ найти въ немъ ничего, кромѣ смерти. Счастливы были бы мы, если бы примѣчали славное дѣйствіе креста надъ другими. Но тайна воскресенія духовнаго—плодъ смерти крестной, хотя совершается со всею славою въ душѣ вѣрующихъ, но сія слава, подобно какъ слава присутствія Божія въ скиніи, здѣсь сокрыта подъ грубыми кожами—бренною плотію, и мы, не видя прозябенія ни собственнаго креста, ни креста другихъ, повергая его, яко безплодное древо, бѣжимъ подъ сѣнь древъ мірскихъ, надѣясь не только насытить плодами ихъ плоть свою, но и укрыться въ нихъ отъ лица взыскующаго насъ, Господа.

Остановись, текущая на собственную погибель душа! Взгляни еще разъ на крестъ, отъ коего ты убѣгаешь! Онъ уже не на землѣ, но на небесахъ; не на Голгоѳѣ, но на Сіонѣ; не въ соблазнъ іудеевъ, но въ исцѣленіе языковъ. *Сіи облеченные въ ризы бѣлы, и финицы въ рукахъ ихъ, иже окружаютъ престолъ Агнчій, кто суть и откуда пріидоша?—Сіи суть иже пріидоша отъ скорби великія, и убѣлиша ризы свои въ крови Агнчей* (Апок. 7, 13). Итакъ, тщетно ты убѣгаешь креста на землѣ, онъ срѣтитъ тебя на небесахъ: ты найдешь его во вратахъ Іерусалима небеснаго, подобно какъ онъ стоитъ предъ вратами Іерусалима земнаго. Какъ же ты войдешь во врата сіи? Но положимъ, что духъ злобный, покровитель твой, подобно какъ самъ нѣкогда проникнулъ въ Эдемъ, какими-либо подземными путями извелъ тебя на среду града Божія. Какъ явишься ты въ смрадныхъ рубищахъ грѣховныхъ среди сонма облеченныхъ въ убѣленныя кровію Агнца ризы? Или подобно онымъ мужамъ галаадскимъ речешь къ небесному Вождю: *яко ризы наши обветшаша отъ долгаго пути зѣло* (Іис. Нав. 9, 13)? Подлинно дологъ путь твой: путемъ міра чрезъ цѣлую вѣчность нельзя достигнуть вѣчнаго жилища. Но поелику предъ взоромъ небесныхъ духовъ не можетъ укрыться никакое коварство, то ты подобно Денницѣ сверженъ будешь въ пропасть адскую.

Но почто мы помышляемъ о вторженіи въ свѣтлый градъ Божій?—Не очищенные крестомъ, мы не нашли бы въ немъ для себя ничего, хотя бы милосердіе Божіе, какъ обыкновенно льститъ себѣ наше сердце, дозволило намъ войти въ въ него и обитать въ немъ. Дабы наслаждаться благами небесными, надобно чувствовать цѣну ихъ: дабы чувствовать,

потребны орудія чувствованія. Имѣемъ ли мы ихъ? Имѣемъ ли тѣ очеса сердца, кои одни могутъ взирать *на богатство славы достоянія Божія во святыхъ* (Ефес. 1, 20)? — Ахъ! многіе изъ насъ едва ли и знаютъ, что, кромѣ ока тѣлеснаго, есть око духовное. Имѣемъ ли тѣ уши, кои одни могли внимать премудрости Спасителя на земли, одни токмо могутъ слышать ее на небеси? Ахъ! мы едва можемъ вѣрить тѣмъ, кои говорятъ намъ о семъ слухѣ. Имѣемъ ли тотъ вкусъ, коимъ вѣрующіе вкушаютъ Господа, и безъ коего мы при самомъ источникѣ благъ останемся гладны? Ахъ! въ устахъ нашихъ едва ли что бывало, кромѣ мясъ египетскихъ. Если же духовныя чувства наши, коими блага небесныя могутъ быть ощущаемы, заключены, то хотя бы отверстъ былъ для насъ рай небесный, мы не нашли бы въ немъ никакого удовольствія, подобно какъ лишенный чувствъ тѣлесныхъ не получилъ бы никакого удовольствія отъ обитанія въ раю земномъ.

Не тѣмъ ли долженъ быть вожделѣннѣй для насъ крестъ Христовъ, который не только отверзаетъ очи видѣть, но и даруетъ блага, кои мы могли бы видѣть; не только пробуждаетъ уши слышать, но и содержитъ въ себѣ тайны, кои должны слышать; не только очищаетъ вкусъ, но и подаетъ вкушаемое—славу Господа Іисуса?—Дивна премудрость твоя, Господи, насъ врачующая! Всѣ болѣзни наши истекли отъ единаго древа: она всѣ врачевства противъ нихъ заключаетъ въ единомъ древѣ. И если бы слабый взоръ нашъ могъ проникнуть во внутренность сего древа Божественнаго, мы увидѣли бы въ немъ художественную храмину, въ коей Духъ Св., Сей великій Обновитель ветхаго человѣка, сядетъ *разваряя и очищая* все существо его *яко сребро и яко злато* (Мал. 3, 3), дабы преліять его паки въ чистый образъ Божества. Но если мы не можемъ видѣть тайны сея въ самихъ себѣ: да зримъ се въ подобострастныхъ намъ человѣкахъ. Да зримъ ее въ кроткихъ Авеляхъ, въ цѣломудренныхъ Іосифахъ, въ Іовахъ, Захаріяхъ, Іоаннахъ, паче же да зримъ ее въ разбойникѣ. Провидѣніе, кажется, особенно утвердило крестъ его при крестѣ Спасителя для того, дабы показать, сколь велика сила креста Христова, сколь кратокъ, удобенъ, безопасенъ путь отъ креста на небо.

Кажется бы, что путь сей, коего окончаніе толь славно,

долженъ содѣлаться царственнымъ путемъ для всѣхъ, а путь міра, коего послѣдняя зрятъ во дно адово, долженъ быть убѣгаемъ, яко опасное распутіе; что Голгоѳа, гдѣ распятъ Спаситель, должна превратиться въ державный градъ всего міра, а Іерусалимъ, въ коемъ Онъ осужденъ, содѣлается мѣстомъ преступниковъ; что смерть Христова должна обновиться на языкѣ и въ сердцѣ каждаго, а жизнь, чуждая Христа, изгладиться изъ памяти всѣхъ. Кажется... Но что видимъ мы? путь міра, самъ въ себѣ широкій, расширяется непрестанно; путь креста, и безъ того узкій, кажется, исчезаетъ предъ широтою его. Умолчимъ о врагахъ креста Христова, кои отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ: они съ плачемъ нѣкогда принуждены будутъ взирать на прободеннаго ими нынѣ Іисуса. Изъ тѣхъ, кои поклялись при крещеніи, подобно Петру, не оставлять Іисуса, хотя бы то стоило жизни, сколь часто отрицаются Его изъ одного страха какой-либо рабыни; изъ тѣхъ, кои сопровождаютъ Его по крестному пути и присутствуютъ при распятіи Его, и даже дѣлаютъ нѣкія приношенія вѣры, сколь многіе возвращаются вспять, не получивъ Божественнаго всыновленія! Изъ тѣхъ даже, кои несутъ крестъ Спасителя, сколь многіе слагаютъ его, подобно Симону Киринейскому, не получивъ никакого плода отъ своего несенія? Есть и такіе, кои распинаются вмѣстѣ со Христомъ, но поелику распинаются не за Христа, не воскресаютъ съ Нимъ. Кто же входитъ въ рай, когда столь мало всходитъ на крестъ?—Ахъ, дражайшій Спасителю нашъ, напрасно Ты поспѣшилъ взойти на небо, дабы уготовать мѣсто послѣдователямъ Твоимъ; они сами обрѣли для себя мѣсто на земли! Обитая на землѣ, Ты былъ другомъ мытарямъ и грѣшникамъ; едва ли сіи мытари и грѣшники не составляютъ большей части друзей Твоихъ на небеси.

Христіане—сыны царствія! Да пробудится въ сердцахъ нашихъ священная ревность ко званію нашему! Если мы попустили мытарямъ и грѣшникамъ предварить насъ въ царствіи, намъ завѣщанномъ, не допустимъ по крайней мѣрѣ, чтобы они остались единственными онаго наслѣдниками. Іисусъ Христосъ снова нынѣ начинаетъ путь отъ Виѳаніи до Голгоѳы: послѣдуемъ за Нимъ, воспріявши въ руки не ваіи — символъ іудейскаго лицемѣрія, но крестъ — знаменіе любви ко Христу.—Имѣемъ ли нужду въ крестѣ? Да взгля-

нетъ каждый на самого себя, и узритъ въ себѣ крестъ. Крестъ сей возложенъ на каждаго изъ насъ Самимъ Богомъ. Въ нашей волѣ состоитъ содѣлать его крестомъ Христовымъ или разбойничимъ, но не въ нашей волѣ сложить его съ себя. Онъ останется вѣчнымъ достояніемъ нашимъ и составитъ или вѣчное блаженство наше, вознося насъ съ собою на небо, или вѣчный позоръ, увлекая насъ за собою въ адъ. Аминь.

Слово въ недѣлю Ваій.

Для чего мы нынѣ беремъ въ руки вѣтви или, лучше сказать, пріемлемъ ихъ изъ рукъ Церкви? Очевидно, въ память того, что съ подобными вѣтвями въ настоящій день былъ срѣтаемъ Господь и Спаситель нашъ, при Его торжественномъ входѣ въ Іерусалимъ. Но символы и обряды Церкви таковы, что они, приводя собою на память прошедшее, всегда содержатъ въ себѣ поученіе и урокъ для настоящаго. Чему же поучаютъ насъ вѣтви нынѣшнія?...

Онѣ, можно сказать, чувственно изображаютъ для насъ высокія истины христіанства.

Безъ солнца вѣтвь гола и какъ бы мертва, хотя въ ней все есть, что явится лѣтомъ. Есть, но не можетъ обнаружиться во внѣ; ибо для этого потребна сила тепла. Такъ и съ душею нашею. Въ ней, такъ какъ она есть образъ Божій, есть способность ко всему доброму и святому. Но само по себѣ, въ естественномъ состояніи человѣка все это мертво и безжизненно. Потребенъ свѣтъ Христовъ, необходима теплота благодати Духа Божія. При ихъ токмо дѣйствіи, подъ ихъ токмо осѣненіемъ человѣкъ грѣшникъ оживаетъ отъ грѣховъ и страстей для новой жизни въ Богѣ.

Но и свѣтъ Христовъ и благодать Духа, хотя дѣйствуютъ на всѣхъ людей, но не во всѣхъ производятъ оживленіе духовное. Почему? Нынѣшнее явленіе сіе изъясняютъ намъ собою тѣ же вѣтви. Солнце весеннее подѣйствуетъ на всѣ древа земныя, на все, что ни растетъ на лицѣ земли; но не все одѣнется зеленью на древахъ, нѣкоторыя вѣтви останутся голы и мертвы. Почему? Потому что въ нихъ

потеряна способность къ принятію жизни отъ свѣта и теплоты весенней. Таковы именно нераскаянные грѣшники. Въ нихъ нѣтъ вѣры, нѣтъ покаянія, нѣтъ желанія спасенія: посему для нихъ не дѣйствительны ни свѣтъ Христовъ, ни теплота Духа Святаго. Но вѣтвь изсохшая уже не можетъ возвратить себѣ жизни, этого не въ состояніи сдѣлать самый искусный садовникъ, а грѣшникъ, какъ бы ни былъ ожесточенъ во грѣхѣ, доколѣ живетъ на землѣ, можетъ ожить. Ибо вѣтвь не имѣетъ свободы, а человѣкъ имѣетъ ее. Посему вѣтвь и нельзя винить за то, что она и среди весны останется голою и сухою. А человѣка всегда можно винить, ибо въ его власти всегда престать быть сухою вѣтвію и начать зеленѣть и цвѣсти. Но сухія вѣтви, хотя онѣ и невинны въ своей сухости, собираютъ однако же, чтобы не портили собою вида деревъ и садовъ, и онѣ служатъ пищею для огня. Судите же, останется ли навсегда въ виноградѣ Господнемъ грѣшникъ, если будетъ походить на вѣтвь сухую? Нѣтъ, и это хврастіе будетъ собрано и повергнуто въ огонь.

Вторая истина, изображенная нынѣшними вѣтвями, есть наше отношеніе къ Спасителю нашему.—Помните, съ чѣмъ сравниваетъ Онъ это отношеніе? Вѣтви съ деревомъ. Насъ, послѣдователей Его, именуетъ вѣтвями, а Себя корнемъ и стволомъ, именуетъ и присовокупляетъ, что какъ вѣтвь не можетъ быть плодоносною и даже имѣть жизни, если не будетъ на стволѣ: такъ и мы, если не пребудемъ въ Немъ, то есть не пребудемъ въ такомъ тѣсномъ, живомъ союзѣ, въ какомъ бываетъ вѣтвь съ деревомъ.

Ученіе—важное, отъ приведенія коего въ дѣйствіе зависитъ наша жизнь духовная. И его, повторю, приводятъ намъ на память наши вѣтви. Посмотрите на любую изъ нихъ: какъ скоро она отдѣлена отъ своего стебля,—уже начала терять жизнь,—и скоро потеряетъ ее совершенно: ибо жизнь вѣтви не на стеблѣ—смерть. Поставивъ въ воду, вы можете продлить жизнь въ вѣтви на нѣкоторое время, но не замѣните стебля; вода можетъ даже содѣйствовать къ тому, чтобъ вѣтвь дала небольшіе листья. Но все это не прочно и должно кончиться смертію *(Не окончено)*.

Слово на день Преполовенія.

Наста преполовеніе дней, отъ спасительнаго начинаемыхъ востанія, Пятдесятницею же божественною печатаемое, и свѣтится свѣтлостію обоюду имущее, и соединяющее обоя (На вечерни стих. 1).

Проходя святое поприще великаго поста, мы останавливались, братіе мои, на срединѣ его и совершали поклоненіе кресту Христову, потому что подъ сѣнію его устроено Церковію мѣсто духовнаго отдохновенія для тѣхъ, кои проходятъ сіе поприще, какъ должно,—въ духѣ вѣры и покаянія. Подобнымъ образомъ и теперь, проходя богосвѣтлый кругъ Пятидесятницы, мы останавливаемся нынѣ на срединѣ его и празднуемъ день Преполовенія для той же цѣли,—то есть, чтобы, утоливъ жажду духа водами благодати Христовой, собраться съ новыми силами для дальнѣйшаго шествія. Ибо празднества такъ же, какъ и постъ, составляютъ своего рода напряженную дѣятельность для духа и могутъ истощить силы его самымъ преизбыткомъ духовной радости.

А съ другой стороны, міръ никогда такъ не опасенъ, какъ во время празднествъ: того и смотри, что онъ вторгнется въ душу съ своею суетою, омрачитъ воображеніе, очернитъ сердце, засыпитъ прахомъ очи душевныя и изъ празднующаго по Бозѣ сдѣлаетъ раба плоти и крови. Посему, прошедши половину поприща празднственнаго, нужно осмотрѣться каждому, не произошло ли и съ нимъ чего-либо подобнаго, осмотрѣться и приготовиться къ будущему. Ибо намъ предстоятъ еще великія таинства: надобно быть на Елеонѣ и принять благословеніе отъ возносящагося Господа; надобно взойти въ горницу Сіонскую и причаститься благодати Духа. Все это требуетъ мысли трезвой, благой, ума неразсѣяннаго, сердца христіанскаго, совѣсти бдящей, то есть, такихъ совершенствъ, кои приходятъ не сами собою, а должны быть снискиваемы трудомъ и испрашиваемы свыше; — и о семъ-то именно напоминаетъ намъ собою настоящее празднество, такъ называемаго, Преполовенія.

Какъ богосвѣтелъ и поучителенъ кругъ Пятидесятницы, среди коего стоимъ мы нынѣ!—Съ одной стороны, воскресеніе Господа со всѣмъ его свѣтомъ, радостями и веселіемъ, съ другой—сошествіе съ неба Духа Утѣшителя со всѣми Его дарами, позади Ангелъ, сидящій на камени гроба въ

ризахъ блестящихъ и возглашающій: *нѣсть здѣ;* впреди огненные языки, почіющіе мирно на главахъ Апостоловъ; тамъ и здѣсь невѣріе и клевета у ногъ вѣры: ибо, какъ при гробѣ Господа злоба дерзнула внушать: *рцыте, яко ученицы Его, нощію пришедше, украдоша Его, намъ спящимъ* (Матѳ. 28, 14), такъ и въ Сіонской горницѣ неразуміе дерзнетъ провѣщать о Апостолахъ, *яко виномъ исполнени суть* (Дѣян. 2, 13). Но премудрость Божія никогда не посрамится отъ чадъ своихъ: Воскресшій *оправдася въ Дусѣ,* какъ выражается Апостолъ, а Духъ оправдася въ Немъ, и потому Тотъ и Другой *вѣровáся въ мірѣ* (Тим. 3, 16).

Но не на однихъ краяхъ круга, въ коемъ находимся, блещетъ свѣтъ: вся средина его такъ же, какъ небо звѣздами, испещрена разными празднествами. Такъ, обратимся ли къ прошедшему: видимъ—въ праздникъ Антипасхи Ѳому, уже не съ невѣріемъ, а съ вѣрою не только въ воскресеніе, но и въ самое Божество своего Учителя; видимъ праздникъ въ честь св. женъ мvроносицъ, достойно вѣнчаемыхъ и ублажаемыхъ за ихъ простую, но неизмѣнную любовь и усердіе ко Христу; видимъ чудесное исцѣленіе разслабленнаго, долго не имѣвшаго человѣка, который бы ввергнулъ его въ купель, и дождавшагося Богочеловѣка, Который и безъ купели повелѣлъ ему взять одръ и идти въ домъ свой. Отъ каждаго празднества и событія свой особый свѣтъ. Ѳома своимъ примѣромъ показуетъ намъ, какъ опасно предаваться сомнѣніямъ, и яко *блажени невидѣвшіе и вѣровавшіе* (Іоан. 20, 29). Св. жены съ праведнымъ Іосифомъ свидѣтельствуютъ, что у Господа нашего не забытъ никакой даръ, ни самый высокій и великій, ни самый малый и простой, коль скоро принесенъ съ вѣрою и любовію. Изъ урока, изреченнаго разслабленному: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14), познаемъ, что виною болѣзней нашихъ суть грѣхи наши и что, слѣдовательно, первѣйшее врачевство противъ нихъ всегда суть не столько капли, предписываемыя врачами, сколько тѣ, кои текутъ изъ очей отъ сердца сокрушенна и смиренна. Вотъ сколько свѣта созади насъ! Какъ отрадно вмѣстѣ съ Апостоломъ воскликнуть: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28)! Какъ сладко изъ устъ святыхъ женъ, падающихъ къ стопамъ Воскресшаго услышать: *Раввуни* (Іоан. 20, 16)!

Посмотримъ ли впередъ, къ другому послѣднему предѣлу Пятидесятницы, тутъ опять и чудеса и тайны, и свѣтъ и жизнь, и радость и поученіе. Какъ душеназидательна бесѣда Господа съ женою самарянскою, коея мы будемъ свидѣтелями въ будущую недѣлю!—Кто не выразумѣетъ изъ этой бесѣды, въ чемъ состоитъ истинное служеніе Богу, тотъ пеняй на самого себя. Чудесное исцѣленіе слѣпаго, воспоминанію коего посвящена слѣдующая затѣмъ недѣля, подобно исцѣленію разслабленнаго, являетъ во всей силѣ и Божество Спасителя нашего, и слѣпоту міра, погрязшаго во грѣхахъ и страстяхъ, который потому видя не видитъ и слыша не слышитъ. Касательно Вознесенія Господа каждый самъ знаетъ, какъ свѣтелъ и отраденъ для духа Елеонъ, какъ дорого для вѣры и любви благословеніе Возносящагося на небо. Нужнѣе указать на память седми вселенскихъ Соборовъ, совершаемую въ слѣдующій за Вознесеніемъ день недѣльный, нужнѣе потому, что эта память также весьма питательна для духа и сердца, а между тѣмъ о семъ праздничествѣ церковномъ почти никто не вѣдаетъ.

Столько ступеней еще до горницы Сіонской, до огненныхъ языковъ, до шума, яко носиму дыханію бурну! Великъ кругъ Пятидесятницы! Есть чѣмъ напитать сердце! Есть чѣмъ занять самый взоръ духовный! Мы стоимъ теперь въ срединѣ сего богосвѣтлаго круга!—Не должно ли посему и намъ быть богосвѣтлыми?—По крайней мѣрѣ, не слѣдуетъ быть темными, подобно міру и его служителямъ. Кто же свѣтелъ изъ насъ и кто теменъ?—Свѣтелъ тотъ, кто съ воскресеніемъ Господа или воскресъ для новой жизни чрезъ покаяніе, или воскресши прежде, взошелъ на новую степень жизни въ Богѣ и добродѣтели; свѣтелъ, кто, памятуя, что Спаситель и Господь его не остался на землѣ, а вознесся на небо, и самъ не прилѣпляется ни къ чему земному, не собираетъ сокровищъ, или паче собираетъ только не здѣсь, а тамъ, гдѣ, по выраженію Писанія, ни тля не тлитъ, ни татіе не подкапываютъ и не крадутъ; свѣтелъ тотъ, кто, послѣдуя наставленію, данному женѣ самарянской, поклоняется Богу духомъ и истиною; но вслѣдствіе служенія духомъ, не забываетъ однако же выражать свое усердіе къ вѣрѣ, подобно женамъ мvроносицамъ, и приношеніями отъ честныхъ трудовъ своихъ; свѣтелъ тотъ, кто ревнуетъ о

благодати Св. Духа и для принятія ея, подобно Апостоламъ, будетъ уготовлять себя постомъ и молитвою.

Для таковыхъ людей нынѣшній день есть воистину день Преполовенія: прошедшіе праздники были для нихъ не то, что версты для путника, показующія одно разстояніе времени. Нѣтъ, они находили въ каждомъ изъ нихъ пищу для своего духа, отраду и веселіе для своего сердца, услажденіе для самыхъ чувствъ, кои у людей плотскихъ не знаютъ другаго возбужденія, кромѣ вещественнаго, а у людей неплотскихъ умѣютъ участвовать въ восторгахъ духовныхъ. Таковые и нынѣ будутъ пить не простую воду, а вмѣстѣ съ ней и благодать Духа; ибо отверзутъ для нея не одни уста тѣлесныя, а и уста сердца, тѣ уста, о коихъ св. Пѣснопѣвецъ говоритъ: *отверзу уста моя, и наполнятся Духа!*

Для тѣхъ, напротивъ, кои и прошедшія недѣли такъ же, какъ и всю жизнь свою проводили, нисколько не думавъ о томъ, что совершается въ церкви, что происходитъ внутрь ихъ души,—для тѣхъ и нынѣшній праздникъ, подобно какъ и всѣ другіе, если и существуетъ, то только по одному имени. За то у врага душъ, который держитъ таковыхъ людей въ плѣну, есть свои празднества, свои соотвѣтствія. У насъ праздникъ Воскресенія, у него—смерти духовной; у насъ Вознесенія на небо, у него—сверженія съ неба и прилѣпленія къ землѣ; у насъ—благодатнаго воодушевленія Духомъ Святымъ, у него—тлетворнаго воодушевленія духомъ міра. Спаситель подъемлетъ и разслабленнаго и велитъ взять одръ; а сей врагъ Бога и человѣковъ повергаетъ на одръ и здравыхъ и отъемлетъ у нихъ крѣпость не только тѣла, но и духа. Спаситель отверзаетъ очи и слѣпорожденнымъ; а онъ слѣпитъ и избодаетъ очи и тѣмъ, кои были изведены изъ тьмы во свѣтъ, но не захотѣли оставаться сынами свѣта.

Блюдитесь, братіе мои, сихъ дѣйствій духа злобы; ибо горе тому, кто содѣлается рабомъ его! Аминь.

Слово на день Преполовенія.

И всегда мы выходимъ предъ васъ, братіе, не съ своими мыслями и умствованіями, а съ тѣмъ, что находимъ въ

словѣ Божіемъ и у св. отцевъ Церкви приличнаго дню и мѣсту. Нынѣ тѣмъ паче должно поступить такимъ образомъ: ибо на нынѣшній день есть готовая проповѣдь, произнесенная Самимъ Господомъ нашимъ. Простительно ли было бы намъ не обратить вниманія вашего на сію проповѣдь?

Вы слышали начало въ нынѣшнемъ Евангеліи, гдѣ сказано: *въ преполовеніе праздника взыде Іисусъ въ церковь и учаше* (Іоан. 7, 14). Ниже Евангелистъ сказываетъ, чему именно училъ Господь въ нынѣшній день. Выслушаемъ Его: *Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ. Вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (ст. 37, 38).

Чтобы лучше уразумѣть связь сей проповѣди съ временемъ, въ которое, и обстоятельствами, при коихъ произнесена она, должно припомнить, братіе, что въ праздникъ кущей между другими обрядами былъ и тотъ, чтобы брать торжественно воду изъ источника Силоамскаго и носить въ храмъ іерусалимскій. Одинъ изъ главныхъ священниковъ въ сопровожденіи хора левитовъ исходилъ для сего изъ храма, сходилъ подъ гору, на коей находился онъ, черпалъ золотымъ сосудомъ воду изъ Силоамскаго источника, приносилъ его на главѣ въ храмъ среди гласа трубъ и органовъ, и тамъ возливалъ на алтарь. Священная церемонія сія была одна изъ самыхъ величественныхъ и сопровождалась такимъ веселіемъ въ народѣ, что у евреевъ образовалось присловіе: *тотъ не знаетъ радости, кто не видалъ радости священной воды въ праздникъ кущей.* Вода же самая, носимая такимъ образомъ, означала собою частію прошедшее,—тѣ воды, кои евреи на разъ чудесно получали во время странствованія по пустынѣ, частію будущее—дары благодати, имѣвшіе излиться во время пришествія Мессіи на Его послѣдователей.

Теперь представьте, что во время несенія первосвященникомъ воды силоамской ко храму, когда толпы народа не помнили себя отъ веселія и радости, Іисусъ Христосъ остановился на одномъ изъ возвышенныхъ мѣстъ при храмѣ и величественнымъ гласомъ взываетъ: *аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ: вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы.* То есть, какъ бы говорилъ Онъ іудеямъ: вода, за коею исходите вы съ

такимъ торжествомъ, которую пьете съ такою радостію, хотя есть самая чистая, но она утоляетъ жажду только одного тѣла и только на время; но въ васъ есть жажда духа, которой не можетъ утолить никакая вода. Хотите ли утолить и сію жажду, утолить навсегда? Обратитесь ко Мнѣ, увѣруйте въ Меня, предайте себя всецѣло и навсегда Мнѣ. Я дамъ такую воду, которую испившій не будетъ имѣть жажды никогда. Напротивъ, сами сдѣлаетесь живоноснымъ источникомъ для другихъ, непрестающимъ, неизсякающимъ. *Аще кто жаждетъ, да пріидетъ ко Мнѣ и піетъ. Вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы.*

Можно судить, какое вниманіе должна была обратить на себя такая проповѣдь, сказанная въ такомъ мѣстѣ и въ такое время. Безъ сомнѣнія, большая часть шедшаго за первосвященникомъ народа остановилась предъ Іисусомъ Христомъ и начала слушать Его. Изъ слушавшихъ одни тотчасъ заговорили: *Сей есть воистину Пророкъ,* другіе: *Сей есть Христосъ* (ст. 40). Когда враги Господа, фарисеи и книжники, не терпя дѣйствій столь необыкновенной проповѣди, послали тотчасъ слугъ своихъ взять Проповѣдника и привести къ нимъ на судъ, то посланные сами обратились въ слушателей и, возвратившись къ пославшимъ ни съ чѣмъ, въ оправданіе свое говорили: *николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко Сей Человѣкъ (ст. 46).*

Но насъ должно занимать не столько дѣйствіе проповѣди Господа на іудеевъ, сколько ея отношеніе къ намъ и нашему спасенію. И мы исходимъ нынѣ на воду освящать ее и несемъ съ торжествомъ въ церковь, и для насъ священный обрядъ сей составляетъ источникъ радости и веселія духовнаго. И безъ сомнѣнія вода наша столь же выше и святѣе воды Силоамской, сколько благодать новаго завѣта выше буквы закона іудейскаго. Но можно ли о водѣ и нашей сказать, чтобы она утоляла всю жажду безсмертнаго духа? Это могли утверждать только незнающіе. Посему и при нашемъ нынѣшнемъ священнодѣйствіи и прилично и должно возглашать въ слухъ всѣхъ проповѣдь Господню, сказанную іудеямъ, по случаю воды Силоамской: *аще кто жаждетъ,* говорилъ Спаситель іудеямъ, а теперь говоритъ намъ. И кто же не жаждетъ? И въ тѣлѣ жажда возобновляется иногда на день по нѣскольку разъ, а въ душѣ она

всегда. Умъ жаждетъ познать, все хочетъ болѣе и болѣе и не можетъ удовлетвориться ничѣмъ. Сердце жаждетъ ощущеній, всегда новыхъ и новыхъ, и никогда не скажетъ—довольно! Желанія неутомимы въ поискѣ, и дайте имъ что угодно и сколько угодно, никогда не остановите ихъ и не наполните.

Разные способы употребляетъ человѣкъ для удовлетворенія жажды своего существа. Главные изъ нихъ слѣдующіе четыре:

Познанія и мудрость — ими думаемъ мы угасить жажду ума.

Душевныя и чувственныя удовольствія — ими надѣемся угасить жажду сердца.

Стяжанія различныя — ими покушаются угасить жажду вожделѣній и похоть очесъ.

Чести, достоинства и отличія—они служатъ къ угашенію жажды къ возвышенности и совершенству. *(Не окончено.)*

Слово въ день Вознесенія Господня.

Изведъ же ихъ (Апостоловъ) вонъ до Виѳании, и воздвигъ руцѣ Свои, и благослови ихъ: и бысть, егда благословляше ихъ, отступи отъ нихъ и возношашеся на небо. И тіи поклонишася Ему, и возвратишася во Іерусалимъ съ радостію великою (Лук. 24, 50—52).

Такъ окончилось земное поприще Спасителя нашего и Господа! Много страдалъ Онъ, много и прославленъ. Не было скорби, какъ Его скорбь, и нѣтъ славы, какъ Его слава. *Смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя: тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Филип. 2, 8—12).

Узримъ ли мы когда-нибудь эту славу Господа нашего? Не только, братіе, узримъ, но каждый, въ своей мѣрѣ, будетъ и наслаждаться сею славою, если токмо не сдѣлаетъ себя того недостойнымъ. Узримъ: ибо Господь въ послѣдней великой молитвѣ Своей Самъ молилъ о семъ Отца Своего: *да видятъ,* говорилъ Онъ, *славу, юже далъ еси Мнѣ* (Іоан. 17. 24).

И Ангелы, по вознесеніи Господа, явившіеся Апостоламъ, свидѣтельствовали, что Господь пріидетъ ко всѣмъ намъ въ послѣдній день такимъ же образомъ, какимъ Апостолы видѣли Его восходящимъ на небо (Дѣян. 1, 11). Будемъ даже участвовать въ славѣ вознесшагося Господа, если только не сдѣлаемъ себя того недостойными: ибо Онъ для того и вознесся на небо, дабы приготовить его къ принятію всѣхъ истинныхъ послѣдователей Своихъ. *Иду,* говорилъ Онъ Апостоламъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ намъ, *иду уготовати мѣсто вамъ, и аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ, да идѣже есмь Азъ, и вы будете* (Іоан. 14, 2—3). Что это милостивое опредѣленіе касательно насъ нисколько не перемѣнилось и по вознесеніи, свидѣтель тому св. Павелъ, который говоритъ, что въ послѣдній день пришествія Господа вѣрующіе *восхищены будутъ на облакахъ, въ срѣтеніе Его на воздухъ* (1 Сол. 4, 17). Значитъ, съ ними, даже по видимости, произойдетъ нѣчто подобное тому, что произошло нынѣ съ Самимъ Господомъ на горѣ Елеонской.

О, братіе, чувствуете ли вы всю важность этого обѣтованія? Все милосердіе и всю любовь къ намъ Господа нашего? Что Онъ и что мы? — И однако же Ему угодно, чтобы мы были тамъ же, гдѣ теперь Онъ, были съ Нимъ во всю вѣчность. Господь увѣнчанъ славою за то, что восшелъ на крестъ; наша вся заслуга состоитъ въ томъ, что мы вознесли Его на крестъ; и однако же Онъ, одинъ понесши крестъ, не хощетъ одинъ наслаждаться славою, хощетъ раздѣлить ее со всѣми нами. Можетъ ли быть любовь болѣе сей любви?—Предназначеніе выше сего предназначенія?

Но, братіе, въ пользу ли намъ это безпримѣрное благоутробіе Господа нашего?—Высокость предназначенія нашего возвышаетъ ли духъ нашъ надъ землею? Отвращаетъ ли сердце наше отъ всего низкаго и грѣшнаго? Отверстое для насъ небо дѣлаетъ ли насъ самихъ сколько-нибудь небесными?

Одинъ путь, братіе, коимъ можно достигнуть и намъ высоты святыя славы,—тотъ же самый, коимъ взошелъ въ славу Господь нашъ; то-есть, путь креста, путь очищенія, самоотверженія, путь внѣшнихъ и внутреннихъ страданій. Памятуемъ ли мы это? И, памятуя, идемъ ли на небо путемъ Христовымъ?

Счастливцы міра, отвѣчайте первые вы. Окруженные бла-

гами міра, твердо ли помните, что есть блага, коихъ *око не видѣ, ухо не слыша,* и кои *на сердце человѣка не взыдоша,* но кои *уготова Богъ* всѣмъ *любящимъ Его* (1 Кор. 2, 9)? Стремитесь ли къ симъ благамъ?—Память о нихъ спасаетъ ли васъ отъ пристрастія къ благамъ тлѣннымъ, ко всему временному? Готовы ли вы все обладаемое вами *вмѣнить,* подобно Апостолу Павлу, *во уметы* (Филип. 3, 8), чтобы пріобрѣсти или не потерять Христа? Съ радостію ли оставите вся красная міра, коль скоро наступитъ часъ идти въ обители Отца небеснаго? — Умѣете ли, среди наслажденій земнаго счастія, участвовать въ несеніи креста Господня?—Не говорите, что это невозможно, что нельзя совмѣстить съ подвигами самоотверженія величія, власти, богатства, славы и прочихъ благъ земныхъ. Примѣры людей, кои соединяли въ себѣ величіе земное съ небеснымъ, богатство временное съ вѣчнымъ, славу Божію съ человѣческою, ясно показываютъ возможность сего. Итакъ, осуществляете ли въ себѣ эту драгоцѣнную возможность? — Умѣете ли пользоваться благами міра по-христіански? Обращать ихъ въ средства къ стяжанію благъ вѣчныхъ? Дѣлать изъ нихъ предметъ самоотверженія, тѣмъ чистѣйшаго, чѣмъ оно произвольнѣе?

Если Θаворъ земнаго счастія возвышаетъ васъ, братіе, надъ всѣмъ земнымъ и приближаетъ къ небу, то—оставайтесь на немъ! Возносящійся Господь благословляетъ высоту вашу. Только блюдитесь, чтобы на семъ Θаворѣ не погрузиться въ сонъ, и когда Моисей и Илія будутъ говорить о крестѣ, на коемъ должно распинать ветхаго человѣка, вамъ не заговорить о созданіи для сего человѣка не одной, а трехъ скиній. Помните, что путь на небо не съ Θавора, а съ Елеона; а къ Елеону надобно идти чрезъ Геѳсиманію и Голгоѳу.

Вамъ, стенящіе подъ тяжестію бѣдствій и искушеній земныхъ, вамъ нельзя забыть своего креста. Но, можно забыть крестъ Господень! Чужды ли вы сего забвенія?—Можно даже, идя вмѣстѣ съ Спасителемъ на Голгоѳу, нести крестъ не Его, а разбойничій. Нѣтъ ли у васъ сего ужаснаго недостатка?—Если нѣтъ, если вы страждете невинно, или вину свою, подобно благоразумному разбойнику, изглаждаете силою вѣры и слезами покаянія, то вы, не смотря на свое мнимо-несчастное положеніе, блаженнѣе всѣхъ счастливцевъ

міра. Ибо вы со креста пойдете въ рай, а они изъ рая земныхъ сладостей прейдутъ во тьму кромѣшнюю. Но, братіе, чувствуете ли вы преимущество своего положенія въ отношеніи къ вѣчному предназначенію человѣческому? Убѣждены ли совершенно въ томъ, что, по причинѣ злосчастнаго жребія вашего, вы, даже безъ усилій, безъ трудовъ, болѣе другихъ подобны своему Спасителю, ближе къ кресту Его и, слѣдовательно, къ небу? Это драгоцѣнное чувство спасаетъ ли васъ отъ уныніе и ропота? Вознаграждаетъ ли для васъ пагубное самодовольство счастливцевъ міра? Укрѣпляетъ ли ваши ослабѣвающія мысли и руки?—Смотрите, братіе, какъ оканчивается поприще креста! Есть ли слава, подобная славѣ вознесшагося Господа?—Такъ окончится и вашъ путь, только слѣдуйте за Нимъ неуклонно. Пусть покиваютъ надъ вами главами и напаяютъ васъ оцтомъ: это все происходитъ и съ вами, какъ съ Нимъ, *да сбудется Писаніе* (Іоан. 19, 36),—да исполнится воля Отца небеснаго. Пусть полагаютъ васъ въ самый гробъ, приставляютъ стражей и кладутъ печати: вы пройдете безвредно среди самой сѣни смертной, только вѣрно слѣдуйте за Нимъ, только помните, что *аще и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще не законно мученъ будетъ* (2 Тим. 2, 5),—если не будетъ растворять своихъ страданій преданностію Промыслу, не будетъ освящать своихъ скорбей вѣрою въ Искупителя. Тягостно, братіе, служить отребіемъ міра, быть предметомъ гоненій, жить въ нищетѣ; но это путь Господень! — Оставите ли вы его потому, что онъ ведетъ далеко, дальше всѣхъ путей мірскихъ—на небо?—Помните, что Господь съ высоты непрестанно призираетъ на васъ и благословляетъ ваше терпѣніе. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, дней испытанія, и вы будете съ Нимъ, войдете въ Его славу, насладитесь тѣмъ, что выше всего міра. *Тецыте* же, дондеже *постигнете* (1 Кор. 9, 24), или паче, будете постигнуты вашимъ Господомъ.

Но для чего мы ограничиваемъ наше собесѣдованіе одними счастливыми и несчастными?—Путь Господень долженъ быть путемъ всѣхъ и каждаго. За всѣхъ насъ равно пострадалъ Господь нашъ; для всѣхъ равно отверсто и небо. Итакъ, вопрошу всѣхъ и каждаго: на многое ли въ нашей жизни можемъ указать мы и сказать, что это такъ сдѣлано или оставлено нами потому, что мы предназначены для

неба, что намъ должно быть нѣкогда съ нашимъ Господомъ? Можемъ ли указать въ нашихъ поступкахъ хотя на что-либо подобное? — Удержались ли мы хотя одинъ разъ отъ грѣха, сдѣлали ли хотя одну добродѣтель—при мысли, что Господь нашъ взираетъ на насъ съ небесъ?—Ахъ, братіе, какъ ни малъ вопросъ сей, но едва ли не найдется между нами людей, кои не могутъ и на него отвѣчать утвердительно. Что же значитъ наша вѣра въ вознесшагося Господа? Вѣримъ, или не вѣримъ Ему? — Если вѣримъ, гдѣ дѣла?— Если не вѣримъ, для чего носить и имя Его?—Кто истинно вѣритъ въ свое небесное предназначеніе, тотъ не можетъ быть земнымъ; у того увѣренность сія по необходимости бываетъ началомъ, одушевляющимъ весь образъ его мыслей и чувствъ, всю его жизнь и всѣ отношенія. Какъ предназначенный къ наслѣдованію престола, но удаленный отъ сего предназначенія на время обстоятельствами, никогда не забываетъ, что ему должно быть нѣкогда повелителемъ, вездѣ, гдѣ прилично, обнаруживаетъ высоту своего званія: такъ, истинный христіанинъ, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, при всѣхъ случаяхъ памятуетъ, что онъ наслѣдникъ неба, сонаслѣдникъ Христу, и дѣйствуетъ сообразно сему предназначенію. Посмотря на него пристально, всматриваясь въ его жизнь, всякій и невѣрующій замѣтитъ, что онъ смотритъ не столько на видимое, сколько на невидимое, живетъ не столько настоящимъ, временнымъ, сколько будущимъ, вѣчнымъ, что сердце его гдѣ то далеко, не въ этомъ мірѣ, что животъ его сокровенъ высоко, въ Богѣ. Такими точно и казались нѣкогда христіане язычникамъ.

Но много ли, братіе, такого въ насъ? Есть ли хотя что-либо неземное, небесное, Христово?—Если есть, то мы, подобно Апостоламъ, можемъ возвратиться въ домы свои отъ горы Елеонской съ радостію. Благословеніе возносящагося Господа въ такомъ случаѣ принадлежитъ и намъ, равно какъ и обѣтованіе Святаго Духа. При сошествіи Своемъ Онъ не мимоидетъ тѣхъ, кои принадлежатъ Христу.

Въ противномъ случаѣ, намъ принадлежитъ, и еще съ большею силою, упрекъ, сдѣланный Ангелами при вознесеніи Господа. Съ большею, говорю, силою; ибо имъ сказано было: *что стоите, зряще на небо* (Дѣян. 1, 11)? — за то только, что они, по своей любви и усердію, продолжали,

долѣе надлежащаго, взирать на небо, пріявшее Господа ихъ и Учителя. А намъ должно сказать другое, противное: сынове человѣчестіи, что стоите, зряще не на небо, а на землю? Для чего прилѣпляетесь всѣмъ сердцемъ къ землѣ, для чего стремитесь непрестанно за однимъ временнымъ и тлѣннымъ? Или думаете, что *земля во вѣкъ стоитъ* (Еккл. 1, 4), и потому можно основать на ней вѣчныя жилища?—Но будетъ время, когда *небо и земля*, вами любимыя, *мимоидутъ* (Матѳ. 24, 35). — Или мыслите, что Господь оставилъ навсегда землю и отдалъ ее на жертву страстей вашихъ? Но Онъ придетъ такъ же, какъ отшелъ, потребуетъ отчета у приставниковъ земли, взыщетъ данныхъ талантовъ, произведетъ судъ надъ всею землею. Что убо стоите, зряще на землю? Обратите очи къ небу, воззрите на Спасителя вашего, давно на васъ взирающаго. Вступите на путь къ небу, давно предъ вами лежащій, для легкости на немъ сбросьте всѣ тяжести грѣха, васъ подавляющія, пріимите въ руки ваши крестъ и теките къ своему Спасителю, пока Онъ благословляетъ васъ на путь сей, пока не затворилось отверстое небо, пока Ангелы, небесные и земные, приглашаютъ васъ въ обители Отца небеснаго.

Слышимъ, слышимъ, блаженные небожители, голосъ вашъ,—и хощемъ вступить на путь Господень; только подкрѣпите насъ и сопутствуйте намъ вашею помощію. Наипаче же Ты Самъ, милосердый Спасителю нашъ и Господи, Ты Самъ не остави насъ, сирыхъ духомъ и немощныхъ. Призри съ небесе на благое произволеніе и немощь нашу, виждь и благослови насъ на путь Твой, облеки на немъ силою свыше и утверди колеблющіяся стопы наши, доколѣ не прейдемъ въ гору святую Твою и не соединимся съ Тобою. Аминь.

Слово на день Вознесенія Господня.

Среди домашнихъ собесѣдованій о предметахъ вѣры, не разъ, братіе, случалось мнѣ слышать вопросъ: почему Господу и Спасителю нашему не благоугодно было по воскресеніи Своемъ изъ мертвыхъ остаться на землѣ, дабы видимо управлять Своею Церковію?—У нѣкоторыхъ вопросъ о семъ сопровождался видимымъ сожалѣніемъ о томъ,

что Господь не пребываетъ теперь на землѣ, подобно тому, какъ пребывалъ до Своего вознесенія на небо.—Если когда у мѣста сказать что-либо въ отвѣтъ на подобное недоумѣніе, то въ настоящій день, когда оно легко можетъ приходить на мысль и наводить собою печальную тѣнь на свѣтлость настоящаго праздника. И почему бы мы усомнились сдѣлать сіе, когда—причина и цѣль, по коимъ Господь нашъ не благоволилъ остаться навсегда по воскресеніи Своемъ на землѣ, такъ часто указуемы были Имъ Самимъ и Его Апостолами? Послѣ сего предметъ сей можетъ подлежать благоговѣйному размышленію всѣхъ и каждаго.

Что же мы скажемъ вамъ?

Соображая различныя мѣста Св. Писанія касательно вознесенія Господа на небо, первѣе всего, братіе, видимъ, что преславное событіе сіе нимало не зависѣло отъ какихъ-либо причинъ случайныхъ, такъ чтобы могло быть и не быть. Нѣтъ, вознесеніе Господа, подобно смерти и воскресенію Его, точнѣйшимъ образомъ входило въ планъ спасенія нашего; а по сему самому было предсказано и воспѣто, во всемъ величіи его, еще пророками. *Взыде,* говоритъ напр. св. Давидъ, *Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣмъ.* И онъ же, приглашая небесныя силы путесотворить восходящему на небо Господу, взываетъ: *возмите врата князи ваша, и внидетъ Царь славы* (Псал. 23, 7)! Посему-то Апостолъ Петръ, по сошествіи Святаго Духа, въ слухъ всѣхъ іудеевъ утверждалъ, что *небеси подобаетъ пріяти Христа Іисуса до лѣтъ устроенія всѣхъ* (Дѣян. 3, 21), то есть, до скончанія міра.

Точно—подобаетъ!—Ибо время уничиженія Господа навсегда окончилось Его крестомъ и гробомъ; по воскресеніи и принятіи Имъ всякой власти на землѣ и на небѣ (Матѳ. 28, 18), естественно наступило для Него время прославленія. Но грубая, растлѣнная грѣхами, тяготѣющая подъ проклятіемъ, земля наша, явно, есть мѣсто не покоя и прославленія, а искушеній и странствованія. Посему-то Спаситель въ самый первый день воскресенія Своего объявилъ Магдалинѣ, что Онъ уже восходитъ (Іоан. 20, 17) къ Отцу, хотя и оставался еще потомъ на землѣ въ продолженіе четыредесяти дней. Знакъ, что пречистое человѣчество Его, онебесенное крестомъ, тотчасъ по воскресеніи изъ мер-

твыхъ стремилось уже выспрь, въ міръ пренебесный, къ Отцу; и если Онъ оставался еще на землѣ, то по особенной любви къ ученикамъ и по нуждѣ продолжить съ ними бесѣды, яже о царствіи Божіемъ (Дѣян. 1, 3). А когда и сія потребность была удовлетворена, когда и сіи святыя узы престали имѣть силу, то прославляемое за крестный подвигъ человѣчество Спасителя, подобно благовонному ѳиміаму, само собою устремилось съ Елеона къ вѣчному Солнцу—туда, гдѣ все сообразно Его чистотѣ и славѣ и гдѣ Ему надлежитъ быть до того времени, какъ Его же дѣйствіемъ и силою все очистится и просвѣтится и долу, и самая земля, совлекшись грубости и проклятія, содѣлается способною быть мѣстомъ видимаго всегдашняго вселенія Божія съ человѣками (Апок. 21, 3). Подобаетъ убо, скажемъ и мы словами Апостола, *небеси пріяти (Христа Іисуса) до лѣтъ устроенія всѣхъ!*

Сего самаго требовало и новое, великое предназначеніе Сына Человѣческаго по Его воскресеніи. Какъ въ состояніи уничиженія Онъ долженствовалъ быть жертвою за всѣхъ, такъ въ состояніи прославленія Ему предлежало содѣлаться распорядителемъ и главою всяческихъ. Но гдѣ обыкновенно мѣсто главѣ? Не вверху ли всего тѣла?—По сему же самому закону (если законъ нуженъ и для Законодателя) поступлено и теперь: какъ Глава и Правитель всего міра, Богочеловѣкъ посажденъ *одесную Бога Отца, на небесныхъ, превыше всякаго начальства и власти, и силы и господства* (Еф. 1, 20. 21), дабы, по выраженію св. Павла, *возглавити Собою всяческая, яже на небесѣхъ, и яже на земли* (Еф. 1, 10).

Даже, если не брать при семъ въ разсчетъ другія существа, высшія насъ, а имѣть въ виду однихъ собратій нашихъ, людей, то и тогда окажется, что Спасителю нашему надлежало избрать мѣстомъ пребыванія по воскресеніи міръ не нашъ дольній, видимый и чувственный, а горній, невидимый и духовный; ибо гдѣ болѣе потомковъ Адама, въ нашемъ, или въ томъ мірѣ?—Безъ сомнѣнія, стократъ болѣе тамъ, нежели здѣсь. Тамъ всѣ праотцы, пророки, апостолы, мученики, великіе подвижники и безчисленное множество другихъ людей. Тамъ нынѣ по сему самому, то есть, среди большаго числа людей, среди лучшихъ членовъ человѣчества, надлежитъ быть и Тому, Кто Самъ есть наилучшій изъ всѣхъ.

Все сіе справедливо, подумаетъ кто-либо, но для насъ нисколько не утѣшительно: міръ ангельскій могъ бы и безъ присутствія Господа нашего удерживаться въ своемъ чину и порядкѣ; міръ душъ усопшихъ также менѣе имѣлъ нужды въ Его присутствіи, не подлежа, подобно намъ, искушеніямъ и борьбѣ непрестанной. Съ нами, съ нами бѣдными, бренными, подлежащими всѣмъ искушеніямъ и напастямъ, съ нами надлежало бы остаться нашему Спасителю, подобно тому какъ искуснѣйшіе врачи остаются съ тѣми изъ больныхъ, кои наиболѣе подлежатъ опасности и наименѣе подаютъ надежды.

А вы думаете, братіе, что мы были забыты Спасителемъ при Его вознесеніи на небо? — Что-жь, если мы скажемъ вамъ, что насъ-то именно, остающихся на землѣ, Онъ преблагій и имѣлъ при семъ въ виду, что для нашего именно блага Онъ и поспѣшилъ на небо?—

Уне есть вамъ, такъ говорилъ Самъ Господь ученикамъ *да Азъ иду: аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ: аще ли же иду, пошлю Его къ вамъ* (Іоан. 16, 7). Не явно ли послѣ сего, что Онъ пошелъ на небо для насъ и нашего блага?

Спросите: почему же лучше, чтобы теперь пребывалъ съ нами Духъ Святый, а не Спаситель нашъ? Или почему нельзя было Имъ быть съ нами обоимъ вмѣстѣ, что казалось бы еще лучше?—Для уразумѣнія сего, надобно, братіе, привести вамъ на память, что въ дѣлѣ спасенія нашего хотя участвуютъ всѣ лица Св. Троицы, но каждое особеннымъ образомъ, именно: Богу Отцу св. писаніе усвояетъ верховное распоряженіе симъ дѣломъ, посланіе на землю Бога Сына и Бога Духа Святаго: Богу Сыну принадлежитъ искупленіе насъ отъ грѣха и смерти Его вочеловѣченіемъ, страданіями и смертію за насъ: благодатію Духа Святаго преимущественно совершается очищеніе, просвѣщеніе и освященіе искупленнаго рода человѣческаго. Сообразно такому плану спасенія нашего, какъ Отецъ не могъ совершить того, что надлежало совершить Сыну, то-есть, родиться, страдать и умереть за насъ; такъ Сыну не подобало совершить лично того, что принадлежитъ благодати Духа Святаго, то-есть, очистить, возродить и освятить насъ для новой благодатной жизни. Кромѣ сего, каждая часть божественнаго плана о

спасеніи нашемъ имѣла быть приведена въ дѣйствіе въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Сынъ не прежде пришелъ во плоти для искупленія насъ отъ грѣха, какъ Отецъ устроилъ все для сего дѣла и приготовилъ къ принятію Его родъ человѣческій. Духъ Святый не прежде началъ великое дѣло освященія людей, какъ Сынъ искупилъ ихъ, примирилъ съ Богомъ, и пріуготовилъ для принятія даровъ Его. Посему же каждое Лице Пресвятыя Троицы, когда совершало Свое дѣло, то уступало мѣсто особеннымъ дѣйствіямъ другаго Лица: такъ Отецъ, когда окончилъ Свои распоряженія касательно рода человѣческаго, и узрѣлъ Сына готовымъ къ принятію владычества надъ всѣмъ, то немедленно по воскресеніи Его предалъ Ему власть. *Дадеся Ми*, говоритъ Сынъ, *всяка власть на небеси и на земли* (Матѳ. 28, 18). Такъ и Сынъ, по окончаніи Своего великаго дѣла на земли, то-есть, по искупленіи людей Своею смертію, по сошествіи во адъ и по воскресеніи, видимо и торжественно отошелъ на небо, дабы превознесеніемъ Своимъ открыть путь невидимому благодатному вседѣйствію Духа Утѣшителя. Сего требовалъ, какъ мы сказали, божественный распорядокъ нашего спасенія, ибо дальнѣйшее приложеніе заслугъ Искупителя къ роду человѣческому, благодатное очищеніе и освященіе искупленныхъ, подобало производить уже не Ему, а Пресвятому Духу.

Хотите ли идти благоговѣйною мыслію далѣе? — Я не усомнюсь повести васъ, ведомый самъ вѣрою въ слова Спасителя. — *Аще Азъ не иду*, говоритъ Онъ, *Утѣшитель не пріидетъ*. Значитъ, между восшествіемъ Его и снисшествіемъ Святаго Духа есть, кромѣ духовной, нѣкая связь пресущественная, по силѣ коей безъ перваго не могло быть и послѣдняго, на каковую мысль наводятъ и слова Евангелиста: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ* (Іоан. 7, 39). Что значитъ сіе?—То, что, по своей грубости и плотяности, мы сами не могли непосредственно пріять Святаго Духа: для сего требовался нѣкій посредствующій органъ, чрезъ который благодать Духа могла бы излиться на насъ. Богоносный и духообщительный органъ сей есть пречистое человѣчество Спасителя нашего, отъ исполненія коего мы имѣли пріять благодать возблагодать. Но для сего Ему Самому надлежало раскрыться во всей силѣ, и для сего, оставивъ землю, не могущую вмѣстить славы Божественной,

взойти превыше всѣхъ небесъ, возсѣсть одесную Отца. Тамъ, на престолѣ славы, человѣчество Искупителя нашего просвѣтлѣло всею славою Божества, и по тѣснѣйшему соединенію своему съ одной стороны съ Божествомъ, съ другой, съ нами, открыло собою Пресвятому Духу ближайшую удобность проліять благодать даровъ своихъ на все человѣчество, на всякую плоть. На сіе-то самое, должно думать, указывалъ Самъ Спаситель, когда, говоря ученикамъ о будущемъ пришествіи Святаго Духа, утверждалъ, что Онъ отъ Него пріиметъ. Ибо Утѣшитель всеблагій точно отъ Него премилосердаго пріялъ удобность низойти на человѣчество такъ, какъ нисшелъ въ день Пятидесятницы, то-есть, во всей полнотѣ благодатныхъ даровъ Своихъ.

Какъ ни скудно, братіе, созерцаніе сіе, но и изъ него видна сила словъ Спасителя: *уне да Азъ иду, аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ!* Пришествіе Святаго Духа для насъ было нужнѣе видимаго пребыванія съ нами Спасителя; ибо дѣло искупленія было совершено Имъ, а дѣло благодатнаго освященія надлежало совершить Святому Духу: между тѣмъ, безъ восшествія Его на небо, не могла бы изліяться благодать Духа. Тогда могли бы мы сѣтовать, если бы пребываніе въ Церкви Духа Святаго не замѣнило совершенно видимаго присутствія въ ней Спасителя: но кто можетъ сказать сіе?—Чего не содѣлалъ и не содѣлаетъ Духъ Святый для Церкви и для каждаго вѣрующаго?— Въ началѣ нужно было первѣе всего образовать Апостоловъ: и они, кои, столько времени ходя съ Спасителемъ и слыша бесѣды Его, не могли освободиться отъ неправыхъ понятій, по сошествіи Святаго Духа тотчасъ сдѣлались другими людьми, начали возвѣщать слово вѣры всѣмъ и каждому, и въ первый день одинъ Петръ обратилъ ко Христу цѣлыя тысячи. Надобно было для ускоренія роста въ новомъ вертоградѣ Христовомъ сообщить вѣрующимъ различныя дарованія необыкновенныя: и Духъ Святый началъ раздѣлять ихъ въ такомъ избыткѣ, что каждому изъ вѣрующихъ давалось явленіе духа на пользу. Требовалось образовать таинства для видимаго освященія вѣрующихъ: и при дѣйствіи Духа-Освятителя немедленно воспріяли начало седмь таинствъ, обнимающихъ и освящающихъ собою всѣ главныя перемѣны въ жизни человѣка. Для пастырей Церкви необходимо было

руководство при дальнѣйшемъ устроеніи ея благолѣпія и огражденіи ея законами: и на Вселенскихъ Соборахъ Духъ Святый просвѣтилъ ихъ умы для отраженія всѣхъ ересей, для утвержденія всѣхъ догматовъ, для законоположенія на всѣ случаи. А безчисленные сонмы мучениковъ.—кто одушевилъ ихъ твердостію, какъ не Духъ Святый? А многочисленные сонмы пустынножителей.—кто воспиталъ и совершилъ ихъ въ смиреніи и любви, какъ не благодать Духа? А множество свѣтилъ Церкви, учителей вселенскихъ.—откуда заимствовали озареніе, какъ не отъ Его свѣта?—И теперь, есть ли хотя одинъ человѣкъ, который бы могъ по праву сказать: для спасенія моего недостаетъ того или другаго?—

Конечно,—скажетъ кто-либо.—спасеніе и теперь легко для желающихъ; но при Самомъ Спасителѣ было бы еще легче, и одно слово Его могло бы остановить многихъ отъ грѣха. Такъ кажется, возлюбленный, но не такъ было бы на дѣлѣ. Много ли людей перестали грѣшить, когда Спаситель Самъ проповѣдывалъ на землѣ?—Но тогда, скажешь, Онъ былъ въ состояніи уничиженія, потому Его и не такъ слушали. А теперь, ты думаешь, что Спаситель оставался бы на землѣ во славѣ?—Но, можетъ ли земля наша вмѣстить эту славу? И если бы вмѣстила, то вмѣстѣ съ симъ не должно ли уже принять другой видъ и все прочее на землѣ? Тогда уже вовсе не мѣсто было бы нынѣшнему порядку вещей, и надлежало бы произойти тому, что будетъ сдѣлано по окончаніи міра. Но гдѣ бы въ такомъ случаѣ было мѣсто покаянію,—покаянію, безъ коего мы всѣ—ничто?..

Итакъ, вмѣсто сожалѣнія, мы должны благодарить Спасителя нашего за то, что Онъ вознесся на небо. Ибо, какъ сходилъ Онъ съ неба для нашего блага, такъ и восшелъ на небо для нашего спасенія, для того, чтобы ходатайствовать о насъ предъ Отцемъ, чтобы ниспослать намъ Духа Святаго, чтобы съ неба управлять всѣмъ, и все направлять во благо наше. А благодаря Спасителя за Его вознесеніе, мы должны готовиться и сами идти къ Нему. Но, вотъ наша странность и наше несчастіе: Его хотѣли бы свести на землю, а къ Нему не хотимъ идти на небо! Между тѣмъ гдѣ лучше? явно, у Него, нежели, у насъ. Отчего же мы съ такою неохотою идемъ къ нашему Спасителю, когда намъ достается идти, то-есть, въ часъ смерти?—Оттого, что не

чувствуемъ живой любви къ Нему: любящій бѣжитъ къ любимому. Оттого, что мы слишкомъ прилѣпились къ земному, и не можемъ разорвать узъ міра и плоти. Престанемъ быть слишкомъ чувственными и земляными, и мы сами тотчасъ почувствуемъ стремленіе къ небесному; а современемъ будемъ, можетъ быть, говорить съ Давидомъ: *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися! Когда пріиду и явлюся лицу Божію?* Аминь.

Слово въ день Вознесенія Господня.

Памятуете ли, братіе, къ чему приглашала насъ Церковь, когда мы праздновали сошествіе Господа на землю?—*Христосъ на земли,* взывала она, *возносится!* Если тогда было умѣстно и нужно такое приглашеніе, тѣмъ паче теперь, когда Христосъ восшелъ на небо. Когда Онъ сходилъ на землю, то повидимому, лучше было оставаться съ Нимъ на землѣ, можно было даже ради Его сойти съ неба, какъ и сходили многіе Ангелы: а теперь явно нѣтъ причинъ оставаться безъ Христа на землѣ, лучше идти къ Нему, быть на небѣ. *Христосъ на небеси, возносится!*

«И кто бы, скажете, не пожелалъ быть на небѣ, если бы не препятствовала тому грубая плоть наша?»—Но, братіе, не наша ли плоть была у Еноха? и однако же онъ *преложенъ на небо* (Быт. 5, 24), не видѣвъ смерти, то-есть, вознесся туда съ плотію. Не наша ли плоть была у Иліи? и, однако же, онъ восхищенъ на небо на колесницѣ огненной (4 Цар. 2, 11). Не наша ли плоть была у Павла? но онъ былъ на третьемъ небѣ, и слышалъ неизреченные глаголы. Не наша ли плоть была у Маріи Египетской?—но когда она молилась, то св. Зосима видѣлъ ее на лакоть отъ земли. Не наша ли плоть была у всѣхъ мучениковъ, и на что они не шли съ сею плотію? У всѣхъ подвижниковъ?—и какихъ чудесъ не показали они въ сей плоти?—Плоть подлинно влечетъ всѣхъ къ землѣ, ибо она земна; но привлекаетъ и удерживаетъ токмо тѣхъ, кои сами рады сему влеченію, у коихъ духъ столько оземленѣлъ, что потерялъ способность стремиться, сообразно своей природѣ на небо. У тѣхъ же, кои умѣютъ противостоять требованіямъ чувственности, сама плоть постепенно отвыкаетъ отъ земли, принимаетъ

горнее направленіе, становится духовною; и безъ преувеличенія можно сказать, что если бы сіи люди не разрѣшились скоро отъ узъ плоти рукою смерти, то они съ продолженіемъ времени возносили бы самую плоть свою на небо.

Но уступимъ плоти ея тяжесть, не будемъ оспаривать у персти перстнаго; предоставимъ эту честь тѣмъ, кои могутъ вмѣстить оную. Пусть плоть останется на землѣ: что препятствуетъ духу возноситься на небо? Не у него ли способность быть—въ мысляхъ—тамъ, гдѣ захочетъ? Что же препятствуетъ употреблять сію драгоцѣнную способность на то, чтобы, какъ можно чаще, бывать духомъ и сердцемъ на небѣ, у своего Спасителя, среди своихъ небесныхъ собратій? Трудно ли это дѣло? — И, однако же, какъ не многіе устремляютъ, даже позволяютъ устремляться мыслямъ и желаніямъ на небо! Гдѣ не бываю т мыслями, о чемъ не думаютъ? Но спросите самыхъ многомыслящихъ людей, часто ли они мыслями бываютъ на небѣ? — А безъ сего удивительно ли, что духъ, непрестанно занимаясь земнымъ житейскимъ, тлѣннымъ, наконецъ, самъ земленѣетъ, грубѣетъ и исполняется крушенія и суетности!

«Но, что пользы изъ того, что мы будемъ мыслями возлетать на небо, когда все прочее существо наше остается на землѣ?—Помогаетъ ли бѣдному, что онъ мыслями будетъ жить въ чертогахъ царскихъ?—Бѣдному это не помогаетъ, а намъ поможетъ — думать о небѣ. Ибо, чертоги царя не предоставлены бѣдному, а небо предназначено намъ: думая о небѣ, мы будемъ думать о своемъ; а думать о чемъ-либо часто—не составляетъ малости. У человѣка все зачинается съ мыслей. Начните чаще думать о какомъ угодно предметѣ: этотъ предметъ будетъ все ближе и ближе къ вамъ; потомъ онъ взойдетъ въ нашу душу, наполнитъ ее собою, вытѣснитъ всѣ прочіе предметы, обратится въ управляющее начало всѣхъ вашихъ дѣйствій.—Такъ бываетъ и тогда, когда человѣкъ часто возносится мыслію на небо; онъ исполняется чувствомъ презрѣнія къ міру, становится возвышеннымъ надъ всѣмъ грѣховнымъ, и легкимъ на добро,—небеснымъ.

«Но, скажете, будетъ еще время думать о небѣ, когда мы взойдемъ на небо, по смерти; теперь довольно заботъ земныхъ; зачѣмъ предварять порядокъ вещей?—Затѣмъ, что настоящій порядокъ вещей есть безпорядокъ,—затѣмъ, что

кто не предваритъ, тотъ вовсе опоздаетъ, затѣмъ, что безъ добровольнаго вознесенія въ духѣ при жизни, невольное вознесеніе по смерти не только не пользуетъ, но и обратится въ источникъ мученій.

Такъ, братіе, какъ ни ужасна сія истина, но не подлежитъ никакому сомнѣнію; ибо весьма ощутительно выражается уже теперь. Что происходитъ съ тѣми, кои восходятъ на слишкомъ высокія горы?—Видъ прекрасный: но дыханіе становится тяжелымъ, въ головѣ чувствуется боль, чувство тупѣетъ и, наконецъ, вовсе теряется. Такъ и съ тѣми, кои безъ собственнаго приготовленія, рукою смерти насильно преставляются на небо. Горняя стихія, въ коей блаженствуютъ духи чистые, нестерпима для нечистаго сердца, оно не можетъ дышать ею, и само собою упадаетъ съ высоты небесной—въ адъ!

Посему-то, такъ часто и такъ сильно, священные писатели внушаютъ намъ заранѣе отвыкать отъ земли, возноситься въ горняя умомъ и сердцемъ. Это нужно не для Творца нашего.—Онъ и безъ насъ всегда былъ и будетъ преблаженъ,—а для насъ, для того, чтобъ мы, перешедъ безъ приготовленія на небо, не нашли тамъ себѣ, вмѣсто блаженства, мученія. Ибо небо блаженно не для всѣхъ, а токмо для тѣхъ, кои сами сдѣлались небесными.

«Но какъ пріучить умъ устремляться на небо? Внѣшніе предметы и нужды непрестанно разсѣваютъ его и обращаютъ къ землѣ». Правда, что у человѣка много препонъ къ тому, чтобъ неуклонно взирать умомъ на небо, но не менѣе и побужденій—взирать туда. Надобно только однажды и навсегда утвердить въ душѣ своей мысль, что тамъ—на небѣ все наше—лучшее: послѣ сего взоры ума, и даже тѣла, невольно будутъ обращаться часто къ небу. Въ самомъ дѣлѣ, мы безъ труда помнимъ непрестанно о своемъ домѣ: а гдѣ нашъ вѣчный домъ? Тамъ.—Для насъ не составляетъ трудности вспоминать о родныхъ и близкихъ сердцу: а гдѣ ихъ болѣе, на землѣ, или на небѣ? Тамъ.—Начальники у насъ рѣдко не въ мысляхъ: а гдѣ нашъ Царь и Господь? Тамъ. Такимъ образомъ, говорю: нужно только пробудить мысль о томъ, что значитъ для насъ небо,—и думать о немъ для насъ сдѣлается необходимостію.

Но, любезный собратъ, скажу въ заключеніе: думай или

не думай о небѣ, а ты будешь на небѣ: люби сколько хочешь землю и прилѣпляйся къ ней, а ты оставишь ее навсегда. Твое мѣсто не здѣсь, а—или на небѣ, или- въ адѣ!— Итакъ, лучше все употребить, перенесть всѣ трудности, только явиться на небѣ способнымъ къ небу, нежели, увлекаясь соблазнами, или, побѣждаясь трудностями, быть потомъ низринуту съ неба. Аминь.

Слово на день Вознесенія Господня *).

Не безъ особенной причины, возлюбленныя о Господѣ сестры, добрая гора сія, а не другое мѣсто, избрано для жительства первыми основательницами обители вашей; не безъ особенной также цѣли воздвигнутъ на горѣ сей храмъ не другой какой-либо, а въ честь и память Вознесенія Господня. Очевидно, что у избиравшихъ сію гору на жительство иноческое, у созидавшихъ храмъ сей для ежедневныхъ молитвъ въ немъ, постоянно имѣлось въ виду празднуемое нынѣ Церковію событіе, то есть вознесеніе Господа съ Елеона на небо. Посему мы не поразногласимъ съ мыслями ихъ, если скажемъ, что имъ хотѣлось, дабы добрая гора ваша уподобллась Елеону, и чтобы живущія на ней, посредствомъ подвиговъ жизни иноческой, достигали восхода туда, гдѣ теперь Господь и Спаситель нашъ.

Но святая гора Елеонская была мѣстомъ не одного вознесенія Господня на небо. Нѣтъ, это вознесеніе съ нея, можно сказать, было наградою и вѣнцемъ за то, что совершаемо было на ней же Господомъ прежде, во время Его земной жизни. Посему, если хощемъ, подобно Ему, быть нѣкогда пріятыми съ здѣшняго Елеона на небо, то должны, доколѣ будемъ оставаться на земли, совершать на сей горѣ подобное тому, что совершалъ на Елеонѣ Онъ.

Что убо совершено Господомъ на Елеонѣ?

Здѣсь Спаситель показалъ примѣръ кротости и смиренія, когда, сообразно пророчеству, идя въ Іерусалимъ, возсѣлъ на жребяти осли. День, когда сдѣлано сіе, былъ самый торжественый. Ему надлежало явиться предъ лицемъ Іеруса-

*) Сказанное въ женскомъ Хорошевскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, 1842 г.

лима въ видѣ Сына Давидова, Царя обѣтованнаго Пророками. Между послѣдователями и почитателями Іисусовыми были, какъ извѣстно, и князи іудейскіе, кои могли окружить появленіе Его предъ Іерусалимомъ не только всѣми удобствами но и возможнымъ великолѣпіемъ. Но Сынъ Давидовъ и въ сей, таинственный для Него и для Іерусалима день, является безъ всякой роскоши и нѣги, возсѣдшимъ на самое простое и бѣдное животное. Для чего? Да мы научимся изъ примѣра Его пренебрегать пышностію мірскою, да познаемъ, что истинное отличіе наше должно быть не внѣ, а внутрь насъ.—въ душѣ и сердцѣ нашемъ, что чистота, смиреніе и кротость суть первыя и лучшія украшенія для послѣдователей Іисусовыхъ.

И всѣхъ,—тѣмъ паче насъ, возлюбленныя сестры о Господѣ, насъ, кои имѣли святую рѣшимость оставить навсегда вся красная міра и вселиться на горѣ сей для служенія единому Господу. Горе намъ, если возмнимъ отличаться отъ другихъ чѣмъ-либо изъ тѣхъ вещей, въ коихъ находятъ себѣ отличіе, честь и славу, чада вѣка сего! Сугубое горе, если попустимъ себѣ останавливать на насъ взоры чьи-либо, кромѣ небеснаго Жениха душъ и сердецъ.—возлюбленнаго Спасителя нашего! Если и живущимъ въ мірѣ женамъ христіанскимъ подобаетъ украшатися, по Апостолу, *не внѣшнимъ плетеніемъ власъ, не обложеніемъ злата и одѣяніемъ ризъ, но потаеннымъ сердца человѣкомъ, въ нетлѣніи кроткаго и молчаливаго духа* (1 Петр. 3, 3. 4), то намъ, яко торжественно отрекшимся міра, вовсе не довлѣетъ по тому самому и мыслить о противномъ. Кротость сердца, смиреніе духа, чистота тѣла, послушаніе, постъ и молитва: вотъ наше украшеніе! — Чья душа стяжала его, та имѣетъ все, что нужно, и есть превыше всего, хотя бъ была послѣднею изъ служительницъ сей обители.

На Елеонѣ, во-вторыхъ, была та единственная минута, въ которую Господь плакалъ о Іерусалимѣ. Извѣстно, что было причиною сихъ слезъ: это предвѣдѣніе того ужаснаго невѣрствія и ожесточенія во злѣ, кои въ жителяхъ Іерусалима имѣли оказаться во время страданій и смерти Господа, и за кои градъ невѣрный будетъ осужденъ на отверженіе и попраніе язычниками. *И видѣвъ*, сказано у Евангелиста, *градъ, плакася о немъ, глаголя: аще бы уразумѣлъ и ты въ день*

сей твой, еже къ миру твоему! — нынѣ же скрыся отъ очію твоею (Лук. 19, 41. 42).

И съ вашей горы, хотя въ отдаленіи, но виденъ градъ нашъ, возлюбленныя сестры о Господѣ! Тѣ изъ васъ, кои могутъ взирать на него очами, подобными тѣмъ, коими взиралъ съ Елеона на Іерусалимъ Господь нашъ, вѣроятно, не удержатся по временамъ отъ слезъ любви христіанской. Ибо, если Іерусалимъ, градъ избранный и возлюбленный, представлялъ въ себѣ причину къ печали о немъ и слезамъ, то нашимъ ли градамъ хвалиться чистотою нравовъ и богатствомъ добродѣтелей христіанскихъ? Благое посему и истинно-христіанское дѣло сдѣлаютъ таковыя, если, взирая по временамъ отсюда на градъ нашъ и представляя, какъ, по выраженію святаго Давида, прекаяніе обходитъ его днемъ и нощію, какъ на стогнахъ его господствуютъ лихва и лесть, какъ множество душъ погибаетъ въ немъ отъ соблазновъ, а нѣкоторые упадаютъ до такого безумія, что обращаютъ себя въ орудіе соблазна, — проліютъ при семъ о градѣ нашемъ слезы состраданія и вмѣстѣ съ ними теплую молитву ко Господу, да подастъ живущимъ въ немъ благодать вѣры и покаянія, да удалитъ отъ нихъ тлетворный духъ роскоши, сладострастія и лихоиманія. Но это—кто можетъ, а съ прочихъ изъ васъ довольно и того, если, воспоминая слезы и слова Спасителя на Елеонѣ о Іерусалимѣ, будутъ при семъ обращаться къ собственной своей душѣ и говорить: о если бы ты, бѣдная душа моя, восчувствовала, сколько разъ Господь призывалъ тебя къ покаянію, и сколько разъ ты убѣгала отъ Него и паки предавалась грѣху и страстямъ! Давно бы въ такомъ случаѣ оставила ты всѣ прочія занятія, и начала плакать день и нощь о грѣхахъ своихъ!

На Елеонѣ, третіе, происходила бесѣда Господа съ учениками о концѣ міра и второмъ пришествіи Его; та бесѣда въ которой указаны Имъ признаки сего пришествія, скорбь велія, имѣющая пріити тогда на всѣхъ живущихъ на землѣ, и предложены правила, какъ надобно вести себя тѣмъ, кои хотятъ срѣтить Жениха съ неугасшими свѣтильниками.

Безъ сомнѣнія, и вы, на вашей горѣ, собираетесь по временамъ для взаимныхъ бесѣдъ. Что служитъ предметомъ ихъ? Не воспрещаемъ бесѣдовать о всемъ полезномъ для души, и даже для тѣла. Научайте, вразумляйте, подкрѣ-

пляйте, утѣшайте другъ друга еловомъ вѣры, любви и упованія. Но весьма хорошо сдѣлаете, если, сидя на возвышеніи горы вашей и взирали на потоки водъ, текущія у подножія ея,—какъ, вѣроятно, и Апостолы взирали съ Елеона на струи потока Кедрскаго,—будете воспоминать послѣднюю бесѣду Елеонскую Спасителя съ учениками и, воспоминая ее, бесѣдовать между собою о послѣднихъ дняхъ міра. Представляйте, какъ тогда померкнетъ солнце, луна не дастъ свѣта, звѣзды спадутъ съ небесе и силы небесныя подвигнутся; какъ потомъ земля наша, и яже на ней дѣла, сгорятъ; какъ вмѣсто нынѣшнихъ явится небо новое и земля новая, въ нихъ же единая *правда живетъ* (2 Петр. 3, 13); какъ затѣмъ поставятся престолы, возсядетъ Судія и разгнутся книги, какъ соберутся на судъ всѣ племена и языки, какъ произнесется приговоръ, и одни—праведные—пойдутъ въ жизнь вѣчную, а другіе—грѣшные—къ муку нескончаемую. Отъ конца міра, который, можетъ быть, наступитъ еще не скоро, преходите мыслію къ послѣднимъ днямъ и концу собственной вашей жизни, который во всякомъ случаѣ не далекъ отъ каждаго изъ насъ, и представляйте, какъ померкнетъ свѣтъ въ собственныхъ очахъ вашихъ, какъ закроется вашъ слухъ, какъ оставятъ васъ всѣ чувства, какъ душа разлучится съ тѣломъ, и первая—пойдетъ къ Богу на судъ, а послѣднее—ляжетъ въ землю, до дня общаго воскресенія.—Такія бесѣды самымъ лучшимъ образомъ займутъ время ваше, и каждый разъ будутъ оставлять въ душѣ новое расположеніе къ подвигамъ благочестія, новое отвращеніе ко грѣху и удовольствіямъ чувственнымъ, содѣлаютъ васъ смиреннѣе въ духѣ и терпѣливѣе въ перенесеніи скорбей и искушеній. А суетныя бесѣды мірскія, хотя, повидимому, и съ пріятностію занимаютъ слухъ, но въ сердцѣ оставляютъ по себѣ пустоту и сухость, дѣлаютъ человѣка унылымъ и неспособнымъ на подвиги. Бѣгайте сихъ душевредныхъ бесѣдъ, особенно соединенныхъ съ праздным любопытствомъ и пересудами ближнихъ. Онѣ и въ мірѣ нетерпимы людьми, умѣющими понимать свое достоинство; а въ монастырѣ—это истинная язва для души и сердца.

На Елеонѣ далѣе, въ вертоградѣ Геѳсиманскомъ, принесена была послѣдняя молитва Господомъ, та дивная молитва, въ коей Онъ троекратно просилъ Отца, да мимо идетъ, если возможно, чаша страданій; молилъ съ такою силою, что, по

свидѣтельству Евангелиста, потъ Его бысть яко капля крови, каплющей на землю.—Геѳсиманская молитва сія выну должна служить въ примѣръ и отраду всѣмъ намъ. Явно, что минута, въ которую принесена она Отцу, была минута чрезвычайная въ самой жизни Спасителя, что въ эту пору Онъ, яко Начальникъ и Вождь нашего спасенія, подвергнутъ былъ и величайшему искушенію внѣшнему, и тягчайшему боренію внутреннему. Какъ же вышелъ побѣдителемъ изъ того и другого? молитвою. Какою? троекратною, стоившею каплей пота кроваваго. Вотъ гдѣ и въ чемъ должно искать отрады и намъ въ минуты скорбей и искушеній—въ молитвѣ! Люди немного могутъ тутъ сдѣлать для насъ, подобно какъ и Апостолы, не смотря на приглашеніе Учителя — бдѣть и молиться, скоро предались сну. Истинно дѣйствительная, всезамѣняющая помощь—отъ единаго Господа Итакъ, когда увидишь надъ собою какое бы ни было искушеніе,—обиду ли отъ кого, потерю ли какую, нападеніе ли отъ страсти, уныніе ли и тяжесть души и тѣла,—спѣши во внутреннюю клѣть твою и, затворивъ двери, повергнись предъ Отцемъ небеснымъ и моли, да мимо идетъ чаша искушенія, а еще болѣе о томъ, да мимо идетъ твоя нечистая воля и да заступитъ ея мѣсто воля Его всесвятая. Не унывай, если не послѣдуетъ вскорѣ услышанія твоей молитвы: и Сынъ Единородный не вдругъ былъ услышанъ, а обращался къ молитвѣ троекратно Не теряй духа, если искушеніе и послѣ того не скоро пройдетъ: Самъ Спаситель твой пошелъ изъ Геѳсиманіи не на вершину Елеона, а на Голгоѳу. Довольно, если, вслѣдствіе молитвы, воля твоя возсоединится съ волею Господнею; если ты предашь и, такъ сказать, повергнешь судьбу свою въ бездну Его премудрости и благости, кои стократъ лучше насъ знаютъ, когда и что съ нами сдѣлать: могутъ напр., вопреки нашихъ молитвъ, нарочно продлить для насъ искушеніе, какъ это сдѣлано было со святымъ Павломъ, да не превозносимся и научимся ожидать всего не отъ собственнаго ума и крѣпости, а отъ силы Божіей, совершающейся въ немощахъ нашихъ,—но никогда не оставятъ насъ искуситися паче, неже можемъ понести.

Скажемъ въ заключеніе, что не токмо для Божественнаго Сына, но и для пречистой Матери Его, Елеонъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстъ для посѣщенія. Туда, какъ гово-

рить преданіе, всего чаще уклонялась Она, по вознесеніи Сына и Господа, на молитву; тамъ получила отъ Архангела радостную вѣсть о своемъ успеніи; тамъ погребено пречистое тѣло Ея; оттуда же потому взято оно и на небо.

Нѣтъ сомнѣнія, что и ваше, сестры о Господѣ, успеніе послѣдуетъ на святой горѣ сей: съ сего Елеона должны вы будете предстать предъ Жениха небеснаго. Старайтесь же, чтобы и ваша кончина была подобна успенію Матери Божіей. И она будетъ таковою, если вы, оставаясь, доколѣ Господь повелитъ, на семъ Елеонѣ, проведете дни свои такъ, какъ проводила Она, то есть въ чистотѣ и смиреніи, въ терпѣніи и молитвѣ, въ дѣлахъ вѣры и любви христіанской. Для сего устремляйте чаще мысли ваши во слѣдъ вознесшагося на небо Господа, памятуя, что гдѣ теперь Онъ, тамъ вскорѣ должно быть и всѣмъ намъ. Видите ли, какъ Онъ всеблагій, возносясь, благословляетъ всѣхъ насъ?—Падемъ же поклонимся Ему, яко Спасителю и Господу, и, укрѣпленные Его благословеніемъ, изыдемъ на дѣло спасенія нашего до вечера нашей жизни. Аминь.

Слово на день Вознесенія Господня.

Памятуете ли, братіе и сестры о Господѣ, о чемъ въ прошедшемъ году мы бесѣдовали съ вами здѣсь въ настоящій день? Мы бесѣдовали о вознесеніи Господа и Спасителя нашего на небо. Нынѣ, мы намѣрены бесѣдовать съ вами также о вознесеніи: но уже не Господнемъ, а нашемъ собственномъ, и надѣемся, что сія бесѣда не только не будетъ противна духу настоящаго празднества, а будетъ служить естественнымъ заключеніемъ нашей бесѣды прошлогодней. Ибо для чего вознесся на небо Господь нашъ? Для Себя ли? Нѣтъ. Онъ вознесся для насъ, чтобы намъ открыть путь на небо. *Иду*, говорилъ Онъ ученикамъ *иду уготовити мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ* (Іоан. 14, 2. 3). Когда же приличнѣе намъ размыслить о семъ, уготованномъ для насъ, мѣстѣ, какъ не въ настоящій день?—Итакъ, отложивъ всякое житейское попеченіе, устремимъ, братіе, взоры туда, куда всѣмъ намъ идти

должно, устремимъ для того, чтобы во слѣдъ мысли направлять туда же и всю свою дѣятельность.

Я сказалъ, что каждому изъ насъ предлежитъ вознесеніе на небо. Когда? Не прежде какъ по смерти. До смерти Своей Самъ Господь оставался на землѣ, хотя земля и была недостойна Его, подчиняясь всей тяжести земнаго пребыванія. Тѣмъ паче намъ до смерти должно благодушно оставаться на землѣ, и благодушно переносить все, съ нами случающееся, всѣ искушенія и всѣ скорби, памятуя, что все это горькое и трудное, есть необходимое врачевство для очищенія нашей души и совѣсти. Съ намѣреніемъ замѣчаемъ сіе: ибо исторія святыхъ подвижниковъ свидѣтельствуетъ, что врагъ не разъ искушалъ простыя души обѣщаніемъ ихъ вознесенія на небо до смерти. Это—прелесть!—

Есть указанія, что и по смерти, души не вдругъ возносятся на небо. Къ симъ указаніямъ принадлежитъ уже четыредесятидневное пребываніе Господа до вознесенія на землѣ. Не могъ ли Онъ вознестись вскорѣ по воскресеніи? Но Онъ остается четыредесять дней. Если Онъ, Глава и Вождь, столько пребывалъ, то очень вѣроятно, что и послѣдователи Его, никто не предваряетъ Его въ семъ отношеніи взятіемъ на небо, да будетъ Онъ, по выраженію Апостола, во всемъ первенствуя. Къ той же мысли, что душа по смерти не вдругъ восходитъ на высоту небесъ, ведутъ и молитвы Церкви, продолжающіяся до сорока дней. Молитвы сіи очевидно образуютъ собою нѣкую лѣствицу: къ чему бы служила сія лѣствица, если бы душѣ не предстояло восхода, или если бы восходъ сей оканчивался ранѣе?

Съ чѣмъ возносится душа по смерти на небо? Съ тѣломъ, или безъ тѣла? Явно безъ тѣла. Господь вознесся съ пречистою плотію. Можно было ожидать, что и послѣдователи Его будутъ возноситься также. И это, конечно, было бы, если бы плоть наша могла достигнуть чистоты, потребной для неба. Ибо тѣ, кои достигли сей чистоты, вознеслись на небо съ плотію. Такъ о Пресвятой Дѣвѣ свидѣтельствуется, что послѣ трехъ дней, гробъ Ея оказался праздным; тоже повѣствуется о святомъ Іоаннѣ Богословѣ; подобное же сказуется о нѣкоторыхъ другихъ великихъ подвижникахъ. Но для другихъ это вознесеніе съ плотію

было бы не награда, а наказаніе. Ибо тѣло бренное, не будучи совершенно очищено, на небѣ составило бы тяжесть. Посему и Премудрость Божія устроила, чтобы когда душа идетъ на небо, тѣло обращалось въ землю, дабы въ нѣдрѣ ея очиститься, перетвориться и сдѣлаться годнымъ для пребыванія съ душею на небѣ. (*Неокончено*).

Слово на день Вознесенія Господня.

Памятуете ли, братіе, о чемъ въ настоящій день бесѣдовали мы съ вами въ прошедшемъ году? Мы бесѣдовали о вознесеніи Господа и Спасителя нашего на небо. Нынѣ мы намѣрены побесѣдовать съ вами также о вознесеніи на небо, но уже не Господа, а нашемъ собственномъ. Ибо каждому изъ насъ, какъ учитъ св. вѣра, также предстоитъ вознесеніе на небо. И Господь Самъ, по ученію той же вѣры, не для чего другаго вознесся на небо, какъ для того, чтобы указать и отверзть туда же путь для всѣхъ насъ. *Аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ* (Іоан. 12. 32), говорилъ Господь предъ Своимъ страданіемъ. *Иду уготовати мѣсто вамъ*, такъ вѣщалъ въ навечеріи Своей смерти, *и аще уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ* (Іоан. 14, 23). И въ послѣдней молитвѣ Своей къ Отцу Онъ говорилъ: *Отче ихъ же далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною* (Іоан. 17. 24).

Послѣ сего не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и намъ, по примѣру Господа, предлежитъ вознесеніе на небо.

Когда оно должно совершиться? Тогда же, какъ совершилось вознесеніе Господа—по смерти. До смерти и Онъ Самъ, не смотря на чистоту и совершенства Свои, оставался на землѣ, подвергаясь всѣмъ невыгодамъ и тяжести земнаго пребыванія; тѣмъ паче намъ надобно благодушно переносить ихъ, намъ—для коихъ они служатъ въ очищеніе.

Господь вознесся чрезъ сорокъ дней по воскресеніи. Очень вѣроятно, что и душа христіанская достигаетъ предопредѣленной высоты не прежде сего времени, ибо не напрасно богомудрыми отцами, для коихъ открыты были тайны міра духовнаго, не напрасно, говорю, установлено до

40 дней особенно творить молитвы и приношенія за усопшихъ. Если сіи моленія образуютъ лѣствицу, то безъ сомнѣнія, потому, что душѣ предлежитъ восшествіе на высоту.

Съ чѣмъ идетъ душа на небо? Господь вознесся съ пречистою плотію. Наша нечистая плоть недостойна неба: посему и остается долу, разрѣшается на свои составныя части, дабы чрезъ сіе разрѣшеніе очиститься и претвориться въ первое благолѣпіе. Впрочемъ и здѣсь, все зависитъ отъ чистоты. О Пресвятой Дѣвѣ мы знаемъ, что послѣ трехъ дней, когда Апостолы открыли гробъ, не обрѣли уже пречистаго тѣла: то же самое преданіе усвояетъ Іоанну Богослову: тоже самое сказуетъ и о нѣкоторыхъ другихъ святыхъ. Такимъ образомъ, недерзновенно, а благочестно можно утверждать, что есть святыя души, кои, подобно Господу, еще до воскресенія мертвыхъ, уже идутъ на небо, такъ сказать, не нагими, а облеченные тѣлесами или начаткомъ прославленныхъ тѣлесъ.

Своею ли силою душа возносится на небо, или чуждою?—

Въ душѣ чистой есть природное стремленіе горѣ, подобно какъ благоуханіе естественно стремится вверхъ: посему душа чистая, разрѣшившись отъ узъ тѣла, естественно паритъ на небо. Но путь на небо—дѣло великое. Если гдѣ, то на семъ пути нужны руководители и помощники. Посему то о душѣ Лазаря сказуется, что она несена была на лоно Авраамово Ангелы. Тоже должно думать, бываетъ и съ другими душами. (*Неокончено*).

Слово въ день Пятидесятницы.

НА ВСЕНОЩНОМЪ БДѢНІИ.

Апостолъ Павелъ, проходя нѣкогда съ благовѣстіемъ Малую Азію, нашелъ въ Ефесѣ людей, кои называли себя учениками Іисусовыми, а благодати Духа Святаго не имѣли. На вопросъ къ нимъ: *аще Духъ Святъ пріяли есте*, сіи полухристіане отвѣтствовали: *ниже аще Духъ Святый есть, слышахомъ* (Дѣян. 19, 1. 2). При дальнѣйшемъ собесѣдованіи оказалось, что они крещены были крещеніемъ только Іоанновымъ, которое, какъ извѣстно, совершалось въ покаяніе, во имя Спасителя еще только грядущаго, и потому Духа Святаго, подобно нынѣшнему крещенію, не имѣло и не сообщало.

Мы, братіе, по благости Божіей, всѣ крещены Христовымъ крещеніемъ, которое безъ Духа Святаго и быть не можетъ; почему всѣ мы участвовали въ Его дарахъ благодатныхъ, при самомъ вступленіи нашемъ въ сей міръ. Притомъ каждый изъ насъ не только часто слышалъ о Святомъ Духѣ, но и самъ многократно взывалъ къ Нему съ Церковію: пріиди и вселися въ ны! Но что, если бы какой-нибудь мужъ апостольскій сталъ теперь среди насъ и гласомъ Павловымъ, во имя всемогущаго Бога, вопросилъ: «вы, кои празднуете въ честь Святаго Духа, кои ежедневно съ Церковію дерзаете возглашать: видѣхомъ свѣтъ истины, пріяхомъ Духа небеснаго!—*аще Духъ Свять пріяли есте?*» Что сказали бы мы на подобный вопросъ?—Увы, оскудѣніе Духа сдѣлалось столь общимъ между христіанами, что престало почитаться недостаткомъ. Повѣствованія о чрезвычайныхъ дарахъ благодати кажутся нынѣ сказаніемъ о чемъ-то происходившемъ въ другомъ, не нашемъ мірѣ; многіе изъ самыхъ нехудыхъ христіанъ удивились бы не менѣе онаго учителя Израилева, когда бы имъ рѣшительно сказано было. что, дабы видѣть царствіе Божіе, необходимо каждому родиться отъ Духа (Іоан. 3, 3).

Естественно ли. братіе, въ христіанахъ такое состояніе бездушія? И можетъ ли продолжаться безъ крайняго вреда для насъ? Если неестественно и опасно, то какъ намъ выйти изъ него и что дѣлать, дабы стяжать и, стяжавъ, сохранить благодать Святаго Духа? — Почему можно быть увѣреннымъ, что мы точно въ состояніи благодати и имѣемъ въ себѣ Духа Божія?—Вопросы сіи такъ важны, что во всякое время могутъ и должны занимать умъ христіанина; тѣмъ паче нужно обратить на нихъ вниманіе въ настоящіе дни, когда мы торжествуемъ въ честь Духа Утѣшителя, и молимъ Его, да пріидетъ и вселится въ насъ. Но первѣе всего обратимся сами съ молитвою къ сему Всесвятому Духу, да Онъ Самъ подастъ мнѣ проглаголать, а вамъ принять слово истины и спасенія,—ибо что значатъ всѣ слова проповѣдующаго и все вниманіе слушающихъ, если не присоединится Его всепоучающее помазаніе?

Что истиннаго христіанства не можетъ быть безъ Духа Божія, что дѣйствительный послѣдователь Христовъ есть одинъ тотъ, въ комъ живетъ и дѣйствуетъ благодать Духа,—

сія важная истина сказана и повторена въ безчисленныхъ мѣстахъ Священнаго Писанія. Еще чрезъ пророковъ говорилъ Богъ, что въ послѣдніе дни, то-есть, по пришествіи Христовомъ, Онъ дастъ людямъ законъ новый, написанный не на скрижаляхъ, а на сердцахъ, и что посему, какъ необходимое средство для цѣли, будетъ излита благодать Духа Святаго на всякую плоть (Іоил. 2, 28). Послѣдній великій пророкъ ветхаго завѣта Іоаннъ Креститель въ томъ и полагалъ разность своего крещенія отъ Христова, что послѣднимъ будетъ сообщаться Духъ Святый, какъ необходимый даръ новаго, высшаго завѣта (Лук. 3, 16). Самъ Спаситель всегда говорилъ о благодати Духа Святаго съ особенною силою, какъ о дарѣ, необходимомъ для Своихъ послѣдователей. Такъ Никодиму, приходившему къ Нему за наставленіемъ: что должно дѣлать, дабы войти въ благодатное царство?—Онъ сказалъ прямо, что для сего нужно родиться свыше—отъ Духа (Іоан. 3, 3), и что въ комъ не произошло сего духовнаго рожденія, тотъ, кто бы онъ ни былъ и что бы ни дѣлалъ, не можетъ видѣть царствія Божія,—тѣмъ паче войти въ него. Впослѣдствіи, говоря съ іудеями во время великаго праздника и приглашая ихъ пить воду живу, текущую въ животъ вѣчный, Спаситель опять разумѣлъ подъ сею водою не другое что, какъ Духа Святаго. *Сіе же рече,* замѣчаетъ Іоаннъ, *о Дусѣ, Егоже хотяху пріимати вѣрующіи* (Іоан. 7, 39). Бесѣдуя съ учениками о необходимости для послѣдователей Его вкушенія тѣла и крови Его, Онъ въ то же время засвидѣтельствовалъ съ силою, что и сіе пренебесное вкушеніе не можетъ быть дѣйствительно, если не будетъ совершаться въ Духѣ. *Духъ есть, иже оживляетъ, плоть не пользуетъ ничтоже* (Іоан. 6, 63). Посему, разлучаясь съ скорбящими учениками предъ смертію Своею, Спаситель не нашелъ ничего лучшаго сказать въ утѣшеніе ихъ, какъ то, что къ нимъ, вмѣсто Него, пріидетъ Духъ Святый: *уне есть вамъ, да Азъ иду; аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ; аще ли же иду, послю Его къ вамъ* (Іоан. 16, 7). И по воскресеніи, явившись ученикамъ, Онъ не принесъ имъ съ неба никакого другаго дара, кромѣ Духа Святаго: *дуну и глагола имъ: пріимите Духъ Свят* (Іоан. 20, 22)! И возносясь на небо, Онъ заповѣдалъ имъ паче всего ждать пришествія обѣтованнаго Утѣшителя,

и не прежде исходить на дѣло всемірной проповѣди, какъ облекшись Его силою (Дѣян. 1, 4). Такъ много Самъ Спаситель говорилъ о Духѣ, и такъ много поставлялъ въ Его присутствіи!

Такъ говорили и писали о необходимости Святаго Духа всѣ Апостолы, когда содѣлались органами Духа, и опытомъ дознали Его необходимость. Особенно примѣчателенъ въ семъ отношеніи св. Павелъ. Во всѣхъ посланіяхъ своихъ онъ ни о чемъ такъ часто и такъ сильно не говоритъ, какъ о Духѣ и Его дѣйствіяхъ: ничего такъ не желаетъ ученикамъ своимъ, какъ благодати Духа; ни о чемъ такъ не радуется, какъ о присутствіи въ нихъ и плодахъ Духа; ни отъ чего такъ не предостерегаетъ, какъ отъ потери Духа. Не имѣть Духа Святаго, у него то же, что не быть христіаниномъ. *Аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Его* (Рим. 8, 9), тотъ, по св. Павлу, и не христіанинъ. Посему-то, какъ мы видѣли въ началѣ бесѣды нашей, по пришествіи въ Ефесъ, первымъ дѣломъ Апостола было узнать, имѣютъ ли тамошніе христіане Духа, и поелику они не имѣли, то преподать имъ Его.

Вообще, новый завѣтъ весь исполненъ Духомъ. Отъ Духа производится въ немъ начало жизни во Христѣ и новое рожденіе въ жизнь вѣчную; отъ Духа повелѣвается ожидать всякаго преспѣянія и совершенства духовнаго; Духу усвояются всѣ дары, необходимые для христіанина въ борьбѣ съ искушеніями; Святый Духъ представляется и Учителемъ на всякую истину, и Утѣшителемъ, утѣшающимъ во всякой скорби, и Свидѣтелемъ блаженнаго соединенія христіанина съ Богомъ и Спасителемъ, и Споручникомъ вѣчныхъ обѣтованій и благъ жизни грядущей. Посему и истинный христіанинъ называется человѣкомъ духовнымъ, а нехристіане и христіане ложные—людьми плотяными, Духа не имущими. Такимъ образомъ, вся сущность дѣятельнаго христіанства, по Св. Писанію, состоитъ въ рожденіи отъ Духа, въ исполненіи себя Духомъ, въ хожденіи по Духу, въ возгрѣваніи въ себѣ и другихъ Духа.

Кто вникнетъ въ свойство нашей святой вѣры, тотъ и самъ собою убѣдится, что точно должно быть такъ, а не иначе,—что безъ Духа Святаго невозможно быть христіаниномъ. Ибо въ чемъ состоитъ сущность истиннаго дѣятельнаго хри-

стіанства, которое одно и стоитъ сего наименованія, ибо одно доставляетъ право на жизнь вѣчную во Христѣ? — Сущность сего христіанства не состоитъ ни въ огромныхъ и глубокихъ познаніяхъ. ни въ силѣ и стремительности благихъ, но преходящихъ и остающихся безъ благотворнаго послѣдствія, чувствъ, ни въ поверхностномъ исправленіи своего поведенія, коего настоятельно требуетъ самый міръ, ни въ отсѣченіи нѣкоторыхъ только вѣтвей злаго корня нашего самолюбія,—но въ совершенномъ искорененіи грѣха и похоти, въ обновленіи всѣхъ силъ духа и сердца, въ претвореніи самаго внутренняго начала дѣятельности и жизни. Кто же можетъ совершить все сіе, проникнуть до послѣдняго основанія нашего бытія, заключить тамъ источникъ тлѣнія и смерти и открыть исходища жизни, если не Духъ Божій, силою Коего мы живемъ, движемся и есьмы? Христіанинъ обязанъ распять плоть свою съ ея страстями и похотями: кто же вознесетъ его плоть на крестъ, если не будетъ Духа Божьяго? Духъ человѣческій самъ плотянъ, и потому не можетъ поднять рукъ на свою питательницу и сообщницу; притомъ для него самого нуженъ крестъ и смерть: кто же распнетъ его самого плоти и міру? — Христіанинъ обязанъ быть во Христѣ, постоянно держаться на Немъ вѣрою, какъ вѣтвь на лозѣ, и только въ семъ состояніи единства со Христомъ можетъ быть живымъ древомъ, достойнымъ вертограда небеснаго: какой же земной вертоградъ можетъ привить насъ къ сей Божественной лозѣ, безъ Духа Божія?—Христіанинъ обязанъ вести брань не съ одною плотію и кровію, но и съ духомъ злобы поднебесной, съ силами ада: — достанетъ ли въ сей борьбѣ собственныхъ силъ нашихъ? Убоится ли гордый Денница нашей мудрости, нашего мужества, нашего терпѣнія и постоянства, если все сіе не будетъ облечено силою Духа Божія? Кратко: христіанинъ долженъ быть новою тварію, созданною во Христѣ на дѣла благая; возможно ли, чтобы тварь сотворила сама себя? Духомъ Божіимъ мы созданы, Имъ же, и только Имъ однимъ и возсозидаемся. Гдѣ нѣтъ Духа, тамъ нѣтъ и жизни духовной, точно такъ же, какъ гдѣ нѣтъ совершенно воздуха, тамъ нѣтъ жизни тѣлесной. Посему тѣ въ величайшемъ заблужденіи, кои желаютъ быть добродѣтельными и не стараются о стяжаніи благодати Святаго Духа: они сѣютъ

на камнѣ, пишутъ на водѣ, хотятъ летать безъ крылъ, — дышать безъ воздуха.

И умъ естественный можетъ испускать изъ себя лучи свѣта и производить вокругъ себя радужное сіяніе мыслей; но этотъ свѣтъ не имѣетъ теплоты, необходимой для произращенія благихъ дѣлъ, и не въ состояніи произвести того дня боговѣдѣнія и благочестія, среди коего ходяй не поткнется никогда же (Іоан. 11, 9). Можно и изъ естественнаго сердца выжимать по временамъ капли благихъ чувствованій; но всѣ сіи капли, какъ бы ни казались онѣ обильны и свѣжи, въ самомъ сліяніи своемъ никогда не произведутъ живой воды, могущей утолить жажду души, и большею частію испаряются праздно въ воздухѣ, не умягчая строптиваго нрава, не оживляя засохшей совѣсти. Можно наконецъ все поведеніе свое испестрить похвальными поступками, всѣ слова свои растворить свѣтскою добротою, повапить весь образъ земнаго бытія своего и за сіе прослыть человѣкомъ благородныхъ правилъ, образцемъ того, какъ надобно жить; но невозможно, совершенно невозможно, безъ благодати Святаго Духа сдѣлать того, безъ чего все прочее мало и ничтожно, то-есть перемѣнить свое, злое по естеству, сердце, обновить свой падшій духъ, отвергнуться своей нечистой воли, умереть навсегда самолюбію: это выше человѣка, это дѣло одной всемощной благодати Духа Святаго!

Говоря такимъ образомъ, а иначе говорить нельзя, не противорѣча грубо истинѣ, не произносимъ ли мы, братіе, тяжкаго приговора самимъ себѣ? Для васъ открыто ваше собственное положеніе, знакомы мысли и чувства собратій нашихъ, извѣстно, каковы обыкновенныя дѣла и занятія всѣхъ и каждаго: скажите, много ли людей, о коихъ можно было бы сказать, что въ нихъ обитаетъ Духъ Святый? Знаетъ ли каждый хотя единаго?—Среди непрестанныхъ бесѣдъ о предметахъ всякаго рода случалось ли хотя разъ слышать какое-либо слово о Святомъ Духѣ? и за кого бы почтенъ былъ тотъ изъ васъ, кто въ какомъ-либо собраніи вашемъ осмѣлился бы начать рѣчь о Духѣ, *Егоже хотяху пріимати вѣрующіи* (Іоан. 7, 39)?

Что же значитъ послѣ сего наше христіанство? Куда всѣ идемъ мы, и куда думаемъ придти, идя такимъ образомъ? — Можетъ ли нашъ бѣдный духъ навсегда замѣнить

для насъ Духа Божія?—И если бы намъ, безъ Духа Божія, можно было оставаться хотя съ собственнымъ нашимъ духомъ! Но, это — невозможно! — Въ комъ нѣтъ Духа Божія, въ томъ непремѣнно живетъ и дѣйствуетъ духъ злобы. До времени, это пребываніе его въ человѣкѣ, не возрожденномъ благодатію, не такъ примѣтно и не сопровождается видимо пагубою (хотя и тутъ, по временамъ, смотря на поступки такихъ людей, каждый невольно говоритъ: «въ семъ человѣкѣ злой духъ»). Но при смерти, когда спадутъ всѣ завѣсы, когда человѣкъ станетъ одинъ посреди неба и ада, тогда во всей силѣ обнаружится ужасное вліяніе духа злобы надъ душами, неимущими въ себѣ Духа Божія.

Если убо, братіе, кроткій зовъ благодати не силенъ пробудить и привлещи насъ къ Духу Святому, то да содѣлаетъ сіе страхъ подпасть безъ Него тлетворному вліянію духа злобы! Ибо, какъ мы сказали, одно изъ двухъ для человѣка неизбѣжно: надобно быть или храмомъ Духа Святаго, или гнѣздилищемъ врага Божія.—Аминь.

Слово въ день Пятидесятницы

НА ЛИТУРГІИ.

Послѣ вчерашняго собесѣдованія нашего о совершенной необходимости для всякаго христіанина въ дарахъ Святаго Духа, явно, не послѣднею мыслію должно быть для каждаго изъ насъ, какъ стяжать благодать Святаго Духа? — Гдѣ и какія средства къ тому? и нѣтъ ли въ семъ дѣлѣ такихъ препятствій, коихъ невозможно преодолѣть?

Представляя себѣ всю важность сихъ вопросовъ и входя въ положеніе души, предлагающей ихъ отъ полноты святаго желанія быть храмомъ Духа Божія, какъ радостно, братіе, для насъ отвѣчать вамъ въ семъ случаѣ съ полною увѣренностію, что стяжаніе благодатныхъ даровъ Святаго Духа для каждаго изъ насъ весьма удобно, что для сего находится множество самыхъ дѣйствительныхъ средствъ и что надобно удивляться, какъ многіе изъ христіанъ живутъ и умираютъ безъ благодати Святаго Духа.

Точно надобно удивляться!—Ибо чего не содѣлала и не дѣлаетъ премудрость Божія для того, дабы каждый изъ насъ,

не говорю, могъ стяжать, а не могъ, такъ сказать, убѣжать отъ Духа благодати и щедротъ? — Безъ всякаго преувеличенія скажемъ, что премудрость Божія сотворила для сего цѣлый новый міръ!—Да, братіе, цѣлый міръ! Ибо, что другое Церковь Христова, какъ не новый міръ благодатный среди древняго міра—естественнаго?—Вамъ извѣстно, что стоило созданіе сего новаго міра (для сего надлежало Самому Сыну Божію умереть на крестѣ)! Изъ чего же состоитъ весь новый благодатный міръ, какъ не изъ средствъ къ облагодатствованію насъ благодатію Святаго Духа? Углубитесь со вниманіемъ въ составъ Церкви, разберите ея великія и малыя части, вникните въ ея учрежденія и дѣйствія,—и вы увидите, что въ Церкви, какъ все произошло отъ Духа Божія, такъ все и ведетъ къ сему Духу: къ сему направлены всѣ таинства и обряды Церкви, къ сему устремлены вся ея власть и права, всѣ ея награды и наказанія.

И какъ рано начинается надъ нами дѣйствіе средствъ, служащихъ къ освященію насъ благодатію Святаго Духа! Еще мы не имѣемъ сознанія своего бытія, едва только умѣемъ дышать воздухомъ и плакать, какъ Церковь беретъ насъ изъ рукъ нашихъ родителей и въ купели крещенія отрождаетъ водою и Духомъ. Для ока чувственнаго не замѣтно благодатное дѣйствіе сей тайны, но оно велико! — Это, по выраженію Апостола, *баня пакибытія и обновленія Святаго Духа!*—И печать царя земнаго крѣпка и важна: тѣмъ паче нерушима печать Святаго Духа, коею мы печатлѣемся, по исходѣ изъ святой купели, въ таинствѣ мvропомазанія. Мы не видимъ послѣ сея печати, но видитъ Богъ, и познаетъ сущія Своя; зрятъ Ангелы, и благоговѣютъ, радуяся; не не видятъ и ненавидятъ демоны и трепещутъ. Все благое и святое по обновленіи чрезъ крещеніе насъ Духомъ Святымъ становится намъ уже природнымъ, потому легчайшимъ и ближайшимъ. И если бы мы, пришедъ въ возрастъ, не теряли благодати крещенія своими грѣхопаденіями и противленіемъ Духу благодати, мы возрастали бы въ дому Божіемъ—въ Церкви Христовой, благодатію и всѣми дарами ея, подобно тому, какъ возрасталъ Самъ Господь и Спаситель нашъ.

Съ возрастаніемъ нашимъ лѣтами, можно сказать, возрастаютъ для насъ и средства благодати. Какъ рожден-

нымъ отъ Духа, намъ необходимъ духовный свѣтъ, духовное питаніе, духовныя врачевства; и все сіе въ избыткѣ каждому предлагается святою Церковію.

Тутъ всегда незаходимо свѣтитъ свѣтъ слова Божія. Происшедшія отъ Духа слова Святаго Писанія сами суть духъ и животъ. Кто, читая или слыша ихъ съ простымъ сердцемъ, не чувствовалъ себя какъ бы пренесеннымъ въ другой міръ?—Не ощущалъ надъ собою вѣянія Духа благодати? не начиналъ самъ дышать небеснымъ воздухомъ? Такъ и должно быть! Если, читая часто самаго обыкновеннаго писателя, мы напитываемся его духомъ. то тѣмъ паче не можемъ не пріити въ содружество съ Духомъ Божіимъ, упражняясь прилежно въ богодухновенномъ Его словѣ.

Есть въ Церкви для всѣхъ насъ въ избыткѣ пища духовная. Не говоря о самомъ словѣ Божіемъ, которое не только просвѣщаетъ, но и питаетъ душу, не упоминая о пѣснопѣніяхъ и поученіяхъ, кои также служатъ къ духовному питанію алчущихъ,—въ Церкви есть такая манна для духа, какой нѣтъ на самомъ небѣ: это брашно Тѣла и Крови Христовой! Тѣло и Кровь Христовы могутъ ли быть безъ Духа Христова? Посему причащающійся ихъ достойно,—а сіе достоинство состоитъ главнымъ образомъ въ вѣрѣ, смиреніи и покаяніи, слѣдовательно доступно всякому,—не только причащается съ Тѣломъ Христовымъ Святаго Духа, но и самъ, по выраженію Апостола, бываетъ единъ духъ съ Господемъ.

Есть въ Церкви и множество врачевствъ духовныхъ для исцѣленія язвъ, наносимыхъ духовному человѣку нашему міромъ и плотію. Отъ какого паденія не сильны возставить насъ покаяніе и исповѣдь? *Вся,* сказалъ Самъ Спаситель, *вся, елика разрѣшите на земли, разрѣшена будетъ на небеси.* Послѣ сего отъ насъ зависитъ, потерявъ благодать Духа, немедленно прибѣгать къ таинству покаянія, для возвращенія потеряннаго; ибо Духъ благодати есть духъ милосердія и щедротъ. Если Онъ—Самъ преслѣдуетъ грѣшника на всѣхъ, самыхъ стропотныхъ, стезяхъ его жизни, то сокроется ли—преслѣдуемый?

И всѣ прочія таинства Церкви суть видимые, постоянные проводники Святаго Духа. Какъ къ нѣкоторымъ вещамъ, посредствомъ особеннаго дѣйствія науки приведен-

нымъ въ необыкновенное состояніе, стоитъ только прикоснуться, дабы извлечь искру огня и посредствомъ ея самому придти въ подобно-возвышенное состояніе, такъ и въ таинствахъ. Здѣсь благодать Святаго Духа дѣлается, можно сказать, видимою и осязаемою, такъ что одно прикосновеніе съ вѣрою уже служитъ къ освященію души и тѣла.

Что наконецъ суть самые храмы наши, какъ не домы Духа?—Какъ часто входящій въ мироварницу и долго пребывающій въ ней, невольно и непримѣтно, дѣлается благоуханнымъ въ самыхъ одеждахъ своихъ; такъ часто и съ надлежащимъ расположеніемъ посѣщающій храмы Божіи непримѣтно одухотворяется и начинаетъ дышать небомъ.

Наконецъ, въ каждомъ изъ насъ самихъ есть постоянное, вѣрное и дѣйствительное средство къ привлеченію Духа Божія. Это молитва, или устремленіе ума, сердца, мыслей и желаній къ Богу. Молитвѣ обѣщано все Самимъ Господомъ; тѣмъ паче ею всегда можно пріобрѣтать необходимое, то есть благодать Святаго Духа, безъ коей нѣтъ и быть не можетъ въ насъ ничего истинно-благаго.

При столь многихъ и разнообразныхъ средствахъ къ пріобрѣтенію благодати Святаго Духа, не справедливо ли, братіе, сказано нами, что христіанинъ, неимѣющій въ себѣ сей благодати, есть нѣчто странное и неестественное? Пусть не вездѣ храмы Божіи, не вездѣ слово Божіе, не вездѣ таинства (хотя и это все легко можетъ быть вездѣ), но гдѣ нѣтъ молитвы? Сей златой ключъ всегда и у всѣхъ въ рукахъ.—Посему-то Апостолъ, приглашая къ принятію Святаго Духа, не говоритъ: «ищите Его, заслуживайте, усиливайтесь достигнуть»; а говоритъ просто и прямо: *исполнитеся Духомъ!* какъ бы мы всѣ стояли среди моря благодати, и надлежало бы только нѣсколько преклониться, дабы погрузиться въ ней всецѣло. И точно, тѣ, у коихъ отверсто было око духовное, видѣли себя такъ окруженными, можно сказать, стѣсненными со всѣхъ сторонъ источниками благодати, что въ изумленіи вопіяли: *камо пойду отъ Духа Твоего?* А одинъ изъ таковыхъ людей облагодатствованныхъ, какъ бы уже совершенно погружаясь въ преизбыткѣ благодати Божіей, восклицаетъ ко Господу: удержи волны благодати Твоея.

«А я,—подумаетъ при семъ съ прискорбіемъ иная добрая душа,—а я употребила столько времени и столько средствъ,

дабы удостоиться благодати Святаго Духа, и доселѣ не вижу слѣдовъ ея въ себѣ!» Сожалѣемъ о лишеніи твоемъ, возлюбленная, ожидающая Духа Божія, душа! Но если ты воистинну возжелала быть храмомъ Его, то непремѣнно будешь имъ!— А, можетъ быть, ты уже и есть тѣмъ, чѣмъ желаешь быть, хотя и сама не знаешь того, какъ сіе нерѣдко бываетъ. Присутствіе Духа Божія,—такъ обыкновенно думаютъ,— должно ознаменовываться какими-либо необыкновенными чувственными знаменіями: мысль совершенно несправедливая! Подобныя знаменія могутъ быть, могутъ и не быть. Одно неразлучное съ присутствіемъ благодати знаменіе, какъ увидимъ пространнѣе въ завтрашнемъ собесѣдованіи нашемъ, есть наше духовное возрожденіе, или перемѣна существа нашего, особенно злой воли нашей на лучшее. Посему, вмѣсто сѣтованія о безуспѣшномъ употребленіи средствъ благодати, да разсмотритъ сѣтующій о семъ лучше свое сердце и свою жизнь; легко можетъ быть, что онъ самъ— по слѣдамъ худыхъ мыслей, исторгнутыхъ до основанія, язвъ совѣсти, исцѣленныхъ совершенно, многихъ благихъ начинаній, кои представлялись невозможными, но потомъ окончены съ успѣхомъ,—можетъ быть, говорю, по симъ и подобнымъ признакамъ въ насъ силы высшей и божественной, онъ самъ скоро будетъ имѣть утѣшеніе обрѣсти въ себѣ слѣды Духа Божія. Но и въ томъ случаѣ, возлюбленный собратъ, когда, разсмотрѣвъ съ тщаніемъ себя, ты въ самомъ дѣлѣ не обрѣтешь въ себѣ никакихъ признаковъ благодатнаго осѣненія свыше, не спѣши обвинять въ недѣйствительности средства, употребленныя тобою для пріобрѣтенія благодати. Средства сіи могутъ быть весьма дѣйствительны; усердіе твое въ употребленіи ихъ можетъ быть весьма велико, сама благодать можетъ нисходить на тебя при каждомъ употребленіи сихъ средствъ: и однако же ты, не смотря на все сіе, можешь оставаться безъ благодати, и оставаться такимъ по твоей собственной винѣ. Трудно понять, какъ это можетъ быть? Припомните, ибо я говорю людямъ, не незнакомымъ съ науками, припомните, что бываетъ съ человѣкомъ, въ тѣлѣ коего, для уврачеванія его, хотятъ посредствомъ искусства возбудить теплоту стихійную. Сколько ни возбуждайте въ немъ сей теплоты посредствомъ огневозбудительной машины, она не возбудится, и тѣло больнаго останется

безъ всякой перемѣны, доколѣ не будетъ разобщено съ землею. Одно прикосновеніе къ землѣ уничтожаетъ всю силу и все дѣйствіе огненнаго возбужденія. Такъ въ порядкѣ природы; такъ и въ высшемъ порядкѣ благодати. Желающему пріобщиться благодати Святаго Духа, непремѣнно надобно быть разобщену съ землею; надобно отдѣлиться отъ всего земнаго душею и сердцемъ, начать мудрствовать горняя, искать вышнихъ, смотрѣть не на видимыя блага, кои суть тлѣнны, а на невидимыя, кои суть вѣчны. Испытай, кто бы ты ни былъ, поставить себя въ такое состояніе; и тогда скажи, что напрасно употреблялъ къ освященію своему какія-либо средства благодати. А безъ сего нечего удивляться, что сіи средства остались безъ дѣйствія: они всегда дѣйствуютъ и производятъ свое—сообщаютъ, что должно; только сообщаемое не остается въ васъ, а возвращается къ своему началу.

Какъ ожидали Святаго Духа Апостолы?—*Сіи вси,* говоритъ книга Дѣяній, *бяху терпяще, единодушно, въ молитвѣ и моленіи.* Они ли не были приготовлены къ принятію благодати? Приготовлены продолжительнымъ пребываніемъ съ Учителемъ, приготовлены самымъ пріятіемъ Духа Святаго изъ устъ Его, по воскресеніи. И однако же они молятся, назидаютъ другъ друга и приготовляютъ себя къ нисшествію на нихъ обѣтованнаго Утѣшителя. Поступай такъ и ты, желающій удостоиться Его благодатнаго осѣненія; и можетъ быть, и для тебя, какъ для Апостоловъ, не пройдетъ болѣе десяти дней, какъ ты начнешь, подобно имъ, новымъ языкомъ вѣщать величіе Божіе, на тебѣ явленное. Аминь.

Бесѣда въ день Сошествія Святаго Духа.

Празднуя сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ, празднуя въ храмѣ, посвященномъ имени сего Всесвятаго Духа, мы не найдемъ, братіе, другаго предмета для размышленія, болѣе близкаго къ настоящему празднеству, болѣе назидательнаго и утѣшительнаго для насъ празднующихъ, какъ самое сошествіе Святаго Духа. Размышленіе о семъ преславномъ событіи можетъ доставить здравую и сладкую пищу и нашему уму, ибо въ немъ заключены многія важныя и высокія истины, и нашему сердцу, ибо событіе сіе есть

доказательство величайшей любви Божіей къ роду человѣческому; самая память и воображеніе освятятся воспоминаніемъ образа сошествія Святаго Духа, ибо въ немъ духовное сокрыто подъ видомъ чувственнаго и сокрыто весьма удивительнымъ образомъ. А потому, оставивъ всѣ прочіе предметы, обратимся, братіе, къ повѣствованію Евангелиста Луки, который одинъ изъ всѣхъ священныхъ писателей начерталъ для насъ повѣсть о сошествіи Святаго Духа. Но чтобы съ большею пользою выслушать это повѣствованіе, чтобы тѣмъ удобнѣе войти въ самый духъ повѣствуемаго событія, коснемся предварительно нѣкоторыхъ истинъ, служащихъ къ его объясненію.

1. Когда мы говоримъ, что Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ, то первѣе всего, братіе, должно помнить, что сошествіе Его не должно представлять подобнымъ *сошествію* или *пришествію* человѣческому. Духъ Святый, какъ Богъ, есть вездѣсущъ; Ему неоткуда нисходить и некуда приходить; Онъ и безъ того вездѣ есть и все наполняетъ. Сходить, приходить — могутъ только существа ограниченныя, а не Богъ. Всѣ эти выраженія, какъ замѣчаетъ святый Златоустъ, употребляются о Богѣ по нуждѣ, — ибо на языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ къ выраженію Божескихъ дѣйствій, какъ они суть сами въ себѣ; — и всѣ эти выраженія означаютъ не что другое, какъ новое явленіе силы Божіей, особенное откровеніе Его присутствія. Гдѣ сила Божія открывается, гдѣ Онъ ощутительно являетъ Свое присутствіе,—туда, по нашему слабому понятію и еще слабѣйшему выраженію, Богъ какъ бы приходитъ.

Итакъ, сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ, собственно говоря, есть не сошествіе къ нимъ Бога-Духа, а явленіе силы Его въ нихъ, открытіе въ нихъ Его особеннаго присутствія.

Равнымъ образомъ, братіе, когда мы говоримъ, что Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ и началъ въ нихъ дѣйствовать, то не должно думать, чтобы Онъ не дѣйствовалъ прежде въ родѣ человѣческомъ. Духъ Святый, какъ премудро воспѣваетъ Церковь, *бѣ присно, есть и будетъ.* Онъ былъ въ ветхозавѣтныхъ патріархахъ—Адамѣ, Ноѣ, Авраамѣ и другихъ; былъ въ пророкахъ; былъ во всякой душѣ чистой; всякій праведникъ имѣлъ Его; безъ Него никогда не совершилось ни одного истинно добраго дѣла.

Не смотря однако же на такое, всегдашнее пребываніе Духа Божія въ святыхъ Божіихъ человѣкахъ, не должно думать, чтобы по тому самому сошествіе Его на Апостоловъ не было что-либо особенно важное. Нѣтъ, оно чрезвычайно важно, чрезвычайно благодѣтельно для всего рода человѣческаго—по слѣдующимъ причинамъ.

Въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ о спасеніи, погубленнаго грѣхомъ, рода человѣческаго, положено, братіе, чтобы Сынъ Божій, явившись въ опредѣленное время на землѣ, искупилъ Своею смертію людей отъ вѣчной погибели и, по совершеніи сего величайшаго дѣла, вознесся на небо, дабы тамъ наслаждаться славою Божественною.—Почему Промыслъ не благоволилъ, чтобы Сынъ Божій оставался до самаго скончанія временъ на землѣ, дабы видимо управлять Своею Церковію, коея Онъ есть глава и Господь,—о томъ мы за совершенно вѣрное не можемъ сказать ничего: ибо самъ Апостолъ говоритъ только, что *небо должно было принять* Спасителя *до времени совершенія всего* (Дѣян. 3. 21), а почему такъ, не говоритъ ничего. Для насъ въ этомъ отношеніи довольно помнить слова Спасителя къ ученикамъ, скорбѣвшимъ объ Его отшествіи: *лучше, дабы Я отшелъ отъ васъ,*—и, помня ихъ, вѣрить, что дѣйствительно лучше, дабы Спаситель нашъ былъ на небѣ, а на землѣ съ нами былъ Духъ Святый.

Итакъ, поелику пребываніе Спасителя на землѣ долженствовало быть кратко, то въ томъ же предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ положено, братіе, чтобы, по отшествіи Спасителя на небо, пришелъ Духъ Святый, дабы, такъ сказать, занявъ Его мѣсто, совершить то, что Имъ начато, содѣлать Апостоловъ способными къ проповѣданію Евангелія всему міру, расположить сердца людей къ принятію ихъ проповѣди, научить ихъ живой вѣрѣ въ заслуги Искупителя, сообщить имъ новыя духовныя силы къ исполненію новаго закона благодати, кратко: усвоить роду человѣческому тѣ божественные дары, кои пріобрѣтены для него страданіями Сына Божія. Посему сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ есть какъ бы торжественное вступленіе Его въ высокую должность Освятителя грѣшнаго рода человѣческаго, есть торжественное освященіе новой, всемірной, вѣчной Церкви, такое освященіе, послѣ коего Освятитель уже началъ въ ней дѣйствовать видимо и постоянно.

А изъ сего само собою открывается, братіе, какъ важно и благодѣтельно для всего рода человѣческаго сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ. Если бы Онъ не сошелъ на нихъ, то дѣло Спасителя рода человѣческаго оставалось бы несовершеннымъ; Апостолы пребыли бы неспособными проповѣдать Его всему міру; міръ не зналъ бы о своемъ Спасителѣ; не было бы въ мірѣ христіанской вѣры, и праотцы наши и мы, братіе, всѣ оставались бы во тьмѣ идолопоклонства.

2. Какъ всѣ важнѣйшія событія въ царствѣ благодати были предварительно предсказаны пророками, дабы люди, зная, чего надѣяться, тѣмъ тверже надѣялись: такъ и сошествіе Святаго Духа было предсказано неоднократно.

Такъ еще за 600 лѣтъ, Богъ, утѣшая, по случаю глада, народъ израильскій чрезъ пророка Іоиля, говорилъ, что Онъ не только подастъ имъ хлѣбъ насущный, но въ послѣдніе дни, то-есть во дни пришествія Мессіи, изліетъ Духа Своего на всякую плоть (Іоил. 2, 28—32). Подобно сему говорилъ Богъ и чрезъ пророка Іезекіиля (Іезек. 36, 26).

Но современники сихъ пророковъ, алкая хлѣба тѣлеснаго, мало заботились о пищѣ духовной, и утѣшительное предсказаніе не тронуло сердецъ, преданныхъ страстямъ.

Іоаннъ Предтеча, по долгу званія своего, приготовляя іудеевъ къ срѣтенію Мессіи, приготовлялъ ихъ и къ принятію Духа Святаго. Неоднократно объявлялъ онъ, что послѣ его крещенія водою, вскорѣ откроется крещеніе Духомъ Святымъ, и что послѣднее крещеніе несказанно важнѣе перваго (Матѳ. 3, 11). Но и это возглашеніе не произвело въ сердцахъ, изсохшихъ отъ страстей, жажды Духа Святаго. Никто и не спросилъ, что это за крещеніе, гдѣ и какъ обрѣсти Его?

Самъ Спаситель по временамъ указывалъ на будущее пришествіе Святаго Духа. Такъ Онъ Никодиму, приходившему къ Нему ночью для наученія, прямо сказалъ, что для полученія царства Божія непремѣнно должно возродиться отъ Святаго Духа (Іоан. 3, 3). Но сей учитель израилевъ такъ мало зналъ о Святомъ Духѣ, что, какъ извѣстно, подумалъ, яко бы ему говорятъ о новомъ рожденіи изъ утробы матерней.

Потомъ Спаситель въ послѣдній день праздника кущей (въ который между прочими обрядами возливалась на алтарь вода изъ Силоамскаго источника) всенародно въ храмѣ про-

повѣдывалъ, чтобы всякій, кто жаждетъ, шелъ къ Нему, потому что вѣрующій въ Него содѣлается самъ источникомъ воды живой (Іоан. 7, 37—39). Это, какъ замѣчаетъ Евангелистъ Іоаннъ, говорилъ Онъ о Святомъ Духѣ. Но едва ли кто истинно понялъ Его; ибо между слушателями произошелъ споръ о Его лицѣ,—и больше ничего.

Самые Апостолы. питая надежду земнаго царства Мессіи, мало думали (если только думали) о Святомъ Духѣ. И Спаситель, видя ихъ неспособность, не говорилъ имъ о Немъ, или говорилъ весьма мало.

Но когда наступило время разлучиться Ему съ учениками, Онъ въ послѣдней бесѣдѣ—въ навечеріе Своея смерти, для утѣшенія ихъ не только открылъ, что они вскорѣ получатъ Святаго Духа, но и раскрылъ благотворныя свойства будущаго ихъ Утѣшителя. А отъ того, говорилъ Онъ, что Мнѣ должно оставить васъ, сердце ваше исполнилось печалію; но Я истинно говорю вамъ, что лучше, дабы Я отошелъ отъ васъ: ибо если Я не пойду, то Утѣшитель не придетъ,—Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ. Правда, Я еще имѣю много сказать вамъ, но вы не можете вмѣщать теперь. Когда же Онъ пріидетъ, то наставитъ васъ на всякую истину: Онъ научитъ васъ всему, откроетъ вамъ самое будущее, напомнитъ все, о чемъ Я говорилъ съ вами. Онъ уже не оставитъ васъ, а пребудетъ съ вами въ вѣкъ».

Ничего не можетъ быть яснѣе сего предсказанія, и ученики, повидимому, успокоились. Но ужасная смерть Іисуса Христа, коей они при всѣхъ предсказаніяхъ никакъ не могли согласить съ своею надеждою Его земнаго царства, совершенно затмила въ умѣ ихъ обѣщаніе Спасителя: никто не думалъ о Утѣшителѣ; всѣ только плакали и сокрушались!

Воскресеніе Іисуса Христа разсѣяло облако печали, но не оживило желанія пришествія Святаго Духа. Ученики снова начали мечтать о земномъ царствѣ: *Господи*, вопрошали они Его, *аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево* (Дѣян. 1. 6); а, аще въ лѣто сіе пріидетъ Духъ Святый, о томъ никто и не думалъ спрашивать.

Спаситель, видя крайнюю невнимательность учениковъ, снова обратилъ ихъ мысли и желаніе на Святаго Духа, а чтобы они тѣмъ усерднѣе ожидали Его, предсказалъ, что

Онъ придетъ спустя немного дней (Дѣян. 1, 5); наконецъ. предъ самымъ вознесеніемъ на небо, запретилъ имъ и отлучаться изъ Іерусалима до Его пришествія,—привязалъ ихъ, такъ сказать, какъ малыхъ дѣтей, къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ сойти на нихъ Духъ Святый.

Не больно ли, слушатели, для сердца, слышать о такой невнимательности, о такой холодности къ Святому Духу?—Пророки провозглашаютъ Его, Предтеча ведетъ Ему во срѣтеніе, Самъ Спаситель изображаетъ приходъ Его, какъ величайшее благодѣяніе,—и никто не внимаетъ, никто не исходитъ во срѣтеніе, всѣ удаляются, всѣ убѣгаютъ прочь. О Божественный Утѣшителю! Что же влекло Тебя на землю, къ людямъ? Къ людямъ, кои не искали Тебя, не думали о Тебѣ?—И болѣе ли ищутъ Тебя нынѣ. болѣе ли думаютъ о Тебѣ нынѣ, когда Ты уже пришелъ? Болѣе ли ищемъ Тебя мы, кои ежедневно твердимъ: пріиди и вселися въ ны!—Первые ученики Евангелія по крайней мѣрѣ впослѣдствіи вознаградили свое невниманіе къ Святому Духу усердіемъ пламеннымъ.

3. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, благословеніе, коимъ Господь осѣнилъ учениковъ Своихъ, возносясь на небо, какъ будто сообщило совершенно новое направленіе ихъ уму и сердцу. Утѣшитель, Котораго прежде такъ мало ожидали, содѣлался единственнымъ предметомъ ихъ мыслей и желаній. Никто и не думалъ оставлять Іерусалимъ; даже по домамъ не расходились, а пребывали всѣ вмѣстѣ. Всѣхъ было 120 человѣкъ (въ томъ числѣ и Пресвятая Дѣва); но душа была одна, сердце одно. Къ крѣпкому единодушію присоединилась крѣпчайшая молитва. Не смотря на обѣщаніе Спасителя послать вскорѣ Святаго Духа. непрестанно молились о Его сошествіи: молились, потому что не почитали себя достойными столь великаго дара; молились, ибо познали. что безъ молитвы не бываетъ ничего важнаго; молились, поелику самое стремленіе души къ Святому Духу было уже чистѣйшею молитвою.

Въ такомъ святомъ расположеніи протекло 9 дней. Можете представить, братіе, какъ долги были дни сіи для сердецъ, палимыхъ жаждою благодати Святаго Духа!—А, можетъ быть, они были и весьма кратки. Кто истинно молится, тотъ не скучаетъ долготою времени, тотъ даже

не знаетъ, много ли времени. У насъ только вопросъ о молитвѣ почти всегда неразлученъ съ вопросомъ: долго ли?...

Когда Апостолы, такимъ образомъ, посредствомъ единодушія и молитвы, непримѣтно для нихъ самихъ, приближались и возвышались къ Святому Духу, наступилъ пятидесятый день послѣ іудейской пасхи, день весьма торжественный, для празднованія коего многіе изъ набожныхъ іудеевъ стекались въ Іерусалимъ со всего свѣта. Предметомъ празднества было воспоминаніе синайскаго законодательства: ибо въ пятидесятый день по исходѣ израильтянъ изъ Египта данъ былъ имъ законъ на горѣ Синайской, данъ, какъ извѣстно, среди громовъ, молній и бурь. Сверхъ сего, въ этотъ же самый день, по закону приносились въ жертву Богу начатки отъ жатвы, которая въ Палестинѣ оканчивается во время нашей весны.

Всѣ іудеи по закону и усердію спѣшили во храмъ: но Апостолы не почли нужнымъ идти во храмъ, оставленный навсегда Самимъ Господомъ храма,—пребывали въ своемъ домашнемъ храмѣ. Но священный день не могъ не возбудить въ ихъ сердцѣ еще святѣйшихъ чувствованій. Воспоминаніе сошествія Божія на гору Синайскую невольно возбуждало надежду, не сойдетъ ли въ сей же самый день и обѣщанный Утѣшитель. А таковая надежда еще болѣе распаляла сердца молитвою. 120 чистѣйшихъ гласовъ неслись къ небу! 120 чистѣйшихъ сердецъ отверзлись для Утѣшителя! Огнь божественный уже начиналъ возгорался въ ихъ внутренности; Духъ Святый уже подвигся въ основаніи ихъ существа; не могъ долѣе сокрывать невидимаго Своего присутствія,—и сила благодати, чрезъ молитву, проторглась сквозь силы видимой природы.

Вдругъ услышали шумъ, какой бываетъ во время бури, отъ сильнаго порыва вѣтра. Шумъ происходилъ съ неба—съ верхнихъ частей воздуха, но вскорѣ проникъ и наполнилъ чистѣйшимъ вѣяніемъ всю храмину, въ коей находились ученики. Въ то же мгновеніе, среди храмины, въ воздухѣ, появилось множество языковъ, огненнаго цвѣта; носясь надъ главами учениковъ, они опустились на нихъ, и опочили. «Если бы», говоритъ святый Кириллъ Іерусалимскій «кто увидѣлъ Апостоловъ въ это мгновеніе, то могъ бы подумать, что на ихъ главахъ огненные вѣнцы» (Катих. 17).

Бурное дыханіе было ближайшимъ предвѣстіемъ, а явленіе огнецвѣтныхъ языковъ—видимымъ знаменіемъ пришествія Святаго Духа. Будучи Духъ чистѣйшій, безтѣлесный, Онъ избралъ чувственное знаменіе сіе, дабы тѣмъ ощутительнѣе явить Свое присутствіе. «Ибо», разсуждаетъ святый Григорій Богословъ, «какъ Сынъ Божій явился на землѣ видимо, то и Духу Святому надлежало явиться видимо» (Бесѣд. 44). Такъ и прежде, когда Онъ сходилъ на Іисуса Христа въ Іорданѣ, то избралъ знаменіемъ Своего явленія видъ голубицы.

Нѣтъ сомнѣнія, братіе, что Духъ Святый не напрасно избралъ теперь эти, а не другія знаменія: у Премудраго ничего не бываетъ безъ цѣли. Какая же была цѣль?—Огонь, по изъясненію отцевъ Церкви, выражалъ то дѣйствіе, которое Духъ Святый имѣлъ произвесть и въ Апостолахъ—содѣлавъ ихъ пламенными ревнителями вѣры, и въ цѣломъ мірѣ—попаливъ терніе нечестія. Языки выражали даръ слова, сообщенный провозвѣстникамъ Евангелія. Огнь и буря показали, что законодательство новаго завѣта ничѣмъ не хуже ветхаго, которое дано было среди огня и бури; а кротость огня, почивавшаго на Апостолахъ, въ сравненіи съ лютостію огня синайскаго—послѣдній умерщвлялъ,—являла, что новый завѣтъ исполненъ милости и благодати, не достававшихъ ветхому.

Бурное дыханіе и видѣніе огненныхъ языковъ продолжались недолго,—можетъ быть—нѣсколько мгновеній: но Духъ Святый навсегда наполнилъ Собою души и сердца Апостоловъ. О, кто изобразитъ, какое дыханіе, какой огнь былъ въ этихъ сердцахъ? Какъ они очищались, претворялись, обожались! Это было, братіе, истинно новое, лучшее твореніе! Въ это мгновеніе сдѣлано болѣе, нежели во все пребываніе учениковъ съ Іисусомъ Христомъ,—болѣе дано, болѣе принято. Можно сказать, что весь міръ, Самъ Іисусъ Христосъ дѣйствіемъ Духа Святаго какъ бы преобразился теперь въ умѣ Апостоловъ; ибо отселѣ они уже *не разумѣли никого по плоти* между тѣмъ, какъ прежде Самого *Іисуса Христа разумѣли по плоти* (2 Кор. 5, 16). Можетъ быть, если бы вопросить самихъ Апостоловъ о семъ состояніи, то они сказали бы не болѣе того, что сказалъ святый Павелъ о своемъ пребываніи въ раю: *аще въ тѣлѣ,*

не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть (2 Кор. 12, 2).

За первымъ чудомъ послѣдовало другое, большее. Умѣя доселѣ говорить только на одномъ природномъ языкѣ — еврейскомъ и притомъ на самомъ простомъ нарѣчіи его—галилейскомъ, Апостолы и прочіе вѣрующіе вдругъ начали говорить теперь на всѣхъ, тогда извѣстныхъ языкахъ. Еще некому было слушать ихъ: но они всѣ говорили и не могли не говорить:—Духъ Святый двигалъ сердце, сердце двигало уста, а слова лились сами собою, какъ вода льется изъ источника. Такъ, и у святаго Давида, когда на него сходилъ Духъ Святый, сердце само собою *отрыгало слово благо, языкъ* дѣлался *тростію книжника скорописца* (Псал. 44).—Каждый говорилъ то, что Духъ Святый давалъ ему провѣщавать; Податель былъ одинъ, а дары различны: море благодати, такъ сказать, разлилось на источники, смотря по качеству сердецъ, быстрые, медленные,—шумные, тихіе,—болѣе, менѣе глубокіе,—но во всѣхъ сердцахъ живые, свѣтлые!

Апостолы вѣщали—*величія Божія* (Дѣян. 2, 11), то-есть, безприкладныя совершенства Божіи, чудныя дѣла Промысла, кои открылись теперь для нихъ во всей полнотѣ и свѣтѣ. Кто бы не желалъ знать, что именно и какъ они вѣщали? Видѣть, такъ сказать, первые опыты огненнаго вѣщанія ихъ? — Но Промыслъ сокрылъ отъ насъ сіе. Это было вѣщаніе для нихъ самихъ, ихъ благодарственная молитва. Для насъ они начали вѣщать послѣ,—и вѣщаніе ихъ пронеслось по всей вселенной.

Мы, братіе, должны здѣсь примѣтить только, что значитъ молитва. Молитва предшествовала сошествію Святаго Духа, въ молитвѣ сошелъ Онъ, молитву и привелъ съ Собою. Какъ же послѣ сего свята и сильна молитва! Какъ она должна быть любезна для того, кто хочетъ стяжать и сохранить (а стяжать и сохранить долженъ каждый) Святаго Духа! — «Молись, говоритъ одинъ великій подвижникъ, молись, подобно Апостоламъ, и для тебя не пройдетъ болѣе 10 дней, какъ ты получишь Святаго Духа».

4. Мы видѣли, братіе, дѣйствіе Духа Божія, слышали гласы людей духовныхъ: посмотримъ теперь на дѣйствія міра, вслушаемся въ голосъ людей плотскихъ.

Шумъ бурнаго дыханія, вѣроятно, слышанъ былъ не

одними вѣрующими: слышны были, конечно, на нѣкоторое разстояніе и гласы 120 человѣкъ, кои гремѣли во славу Божію. Потому многіе изъ иностранныхъ іудеевъ, пришедшихъ на праздникъ, немедленно стеклись къ храминѣ апостольской.

Всѣ изумлялись! во-первыхъ, тому, что слышали Апостоловъ, славословящихъ Бога на языкахъ иноземныхъ, между тѣмъ какъ молитвы обыкновенно совершались на священномъ языкѣ еврейскомъ; во-вторыхъ,—тому, что никогда не слыхали о столь высокихъ истинахъ, о столь святыхъ чувствахъ; но всего болѣе изумлялись оттого, что каждый — римлянинъ, грекъ, африканецъ, индіянинъ — слышалъ свой природный языкъ, тогда какъ каждому было извѣстно, что говорившіе были всѣ галилеяне, люди совсѣмъ не знакомые съ иностранными языками. Отъ удивленія переходили къ ужасу: ибо всѣ видѣли необыкновенное, слышали чудесное, а никто не могъ изъяснить того, что видѣлъ и слышалъ. *Ужасахуся же вси, и недоумѣвахуся глаголюще: что убо хощетъ сіе быти.*

Но скоро нашлись люди, кои вздумали (какъ и нынѣ нерѣдко бываетъ) изъяснить другимъ то, чего сами совершенно не понимали. «Что тутъ, говорили, удивительнаго? Это дѣйствіе вина; вино заставило ихъ забыть приличіе,— и вотъ они вольнодумствуютъ, молятся на простонародныхъ языкахъ, тщеславятся ихъ знаніемъ. *Инїи же ругающеся глаголаху, яко виномъ исполнени суть.*

При всей нелѣпости этой клеветы, въ ней, братіе, есть нѣчто, стоющее благочестиваго вниманія. И Апостолъ Павелъ противополагаетъ вино Святому Духу, когда говоритъ: *не упивайтеся виномъ, но паче исполняйтеся Духомъ* (Ефес. 5, 18). Не напрасно сіе противоположеніе. И святый Давидъ говоритъ, что праведники *упиваются отъ тука дома Божія* (Псал. 35, 9). Не напрасно и это выраженіе. А невѣста — вѣрующая душа, описываемая Соломономъ, говоритъ, что она *введена* была даже *въ домъ вина,* и призываетъ другихъ *пить* оное *и упиваться* (Пѣсн. Пѣсн. 2, 4. 5, 1). Тутъ еще болѣе тайны. Что же все это значитъ?—Вѣроятно то, что кто исполненъ Святымъ Духомъ, кому Онъ *по достоянію дхнетъ,* тотъ бываетъ самъ внѣ себя, и въ дѣйствіяхъ его, и въ самомъ видѣ открывается нѣчто странное, выходящее изъ обыкновеннаго порядка, подходящее къ тому, что усма-

тривается въ человѣкѣ въ состояніи шумнаго веселія.— Такъ святый Давидъ, исполненный Духа Божія, съ царскимъ вѣнцемъ на главѣ, подобно младенцу, сказалъ всенародно предъ ковчегомъ завѣта (2 Цар. 6, 16).

Но плотскіе люди не знаютъ другаго восторга, кромѣ чувственнаго; упоеніе Святымъ Духомъ, святое глумленіе отъ преизбытка благодати, чуждо для нихъ; они судятъ по своему опыту, и—богохульствуютъ!—*Ругающеся глаголаху, яко виномъ исполнени суть.*

Такъ, братіе, и всегда міръ заблуждаетъ, когда берется судить о дѣйствіяхъ святыхъ Божіихъ человѣковъ, когда подводитъ ихъ подъ свои правила, подъ свой, такъ называемый порядокъ, а въ самомъ дѣлѣ, безпорядокъ вещей. Прочтите жизнеописанія святыхъ, и вы увидите, что многіе изъ нихъ почитались людьми странными, лишенными если не ума, то благоразумія. Уже смерть открывала общее заблужденіе, и показывала всѣмъ что ихъ—*не бѣ достоинъ весь міръ!* (Евр. 11, 38).

Такимъ образомъ при самомъ сошествіи Святаго Духа, снова подтвердились слова Спасителя, что *міръ не знаетъ Его* (Іоан. 14, 17). (Онъ и никогда не узнаетъ Его). Но вмѣстѣ съ симъ оправдалось и то, что Духъ Святый, *пришедъ, обличитъ міръ о грѣхѣ* (Іоан. 16, 8).

Слыша хулу іудеевъ, Петръ съ прочими Апостолами сталъ предъ ними, и произнесъ обличительное слово. Кратко и просто было это обличеніе, но поелику устами Петра вѣщалъ Духъ Святый, то слова его проникли сердца слышавшихъ и побѣдили ихъ упорство. Выслушавъ его, повѣствуетъ святый Лука, они *умилились сердцемъ и сказали: братія, что же намъ дѣлать* (Дѣян. 2, 37)?

Покайтеся, отвѣчалъ святый Петръ, *и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа, и вы* не только будете прощены, но и сами *получите даръ Святаго Духа; ибо обѣтованіе Святаго Духа дано не намъ* однимъ, а *и вамъ, и чадамъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ* (Дѣян. 2, 38—39).

Послѣ сего іудеи немедленно покаялись, увѣровали, окрестились,—и новая Церковь изъ 120 выросла до 3000 человѣкъ. Такъ окончилось событіе, нами празднуемое,—полнымъ торжествомъ Святаго Духа надъ невѣровавшими!

Если бы, братіе, и изъ среды насъ, празднующихъ теперь сошествіе сего Пресвятаго Духа, какая-либо душа, умилившись слышаніемъ о Немъ и желая стяжать Его, вопросила: что же мнѣ дѣлать? то и для ней тотъ же отвѣтъ: «покайся, вѣруй, и ты получишь даръ Святаго Духа». Одно препятствіе — грѣхъ удаляетъ отъ нашего сердца Всесвятаго; а посему одно средство стяжать Его— покаяніе, растворенное живою вѣрою въ Искупителя. Кто рѣшится очистить сердце свое истиннымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ, тотъ не долженъ имѣть никакого сомнѣнія, что Духъ Святый посѣтитъ и его бѣдное сердце. И что за сомнѣніе? Обѣтованіе дано не однимъ Апостоламъ, дано и намъ, дано всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь. Послѣ сего, всякій—великій и малый, богатый и убогій, ученый и неученый—всякій проси смѣло: никому не будетъ отказано!

О Душе всеблагій! чѣмъ мы грѣшные заслужили столь великую любовь Твою?—Слава, безконечная слава Тебѣ, Освятителю душъ и сердецъ нашихъ! Благодарность, вѣчная благодарность Сыну Божію, нашему Искупителю, Который умолилъ Отца послать Тебя къ намъ! Славословіе, непрестанное славословіе Богу Отцу, Который, не пощадивъ для насъ Своего Сына, даровалъ намъ и Духа Своего Пресвятаго! О Троице святая и всеблагая, насъ недостойныхъ толико возлюбившая, слава, слава, слава Тебѣ! Аминь.

Слово въ день Сошествія Святаго Духа.

И явишася имъ (Апостоламъ) раздѣлени языцы яко огненни· сѣде же на единомъ коемждо ихъ (Дѣян. 2, 3).

Итакъ, вотъ то божественное крещеніе *Духомъ и огнемъ* (Лук. 3, 16), коимъ такъ видимо и торжественно должны были креститься первые проповѣдники и ученики Евангелія! Вотъ тотъ священный *огнь* (Лук. 12, 49), который Спаситель пришелъ низвесть на землю, и въ отношеніи къ коему Онъ столь сильно желалъ, чтобы онъ возгорѣлся! Такъ, онъ возгорится! Изъ уединенной горницы Сіонской онъ проникнетъ въ шумныя синагоги первосвященниковъ іудейскихъ,

въ пышные чертоги кесарей римскихъ, въ гордые портики философовъ, въ забытыя хижины земледѣльцевъ; озаритъ безобразіе идоловъ, истнитъ храмы ложныхъ боговъ, обниметъ собою все человѣчество и, по выраженію Пророка, будетъ *разварять и очищать его, яко сребро и яко злато*, доколѣ всѣхъ нечистыхъ потомковъ Адама *не преліетъ* (Мал. 3, 3) въ чистый образъ Божій.

Но по тому самому, братіе, божественный огнь, который почилъ нынѣ на Апостолахъ, долженъ пламенѣть въ нашихъ сердцахъ. Мы не можемъ, подобно онымъ ученикамъ Іоанновымъ, сказать: *ниже, аще Духъ Святый есть, слышахомъ* (Дѣян. 19, 2). Нѣтъ, мы всѣ не только слышали о Немъ, но и пріяли Его, и когда пріяли? почти вмѣстѣ съ жизнію. Правда, храмина, въ коей Церковь устами служителя призывала при крещеніи на насъ Духа Святаго, не исполнялась бурнаго дыханія; надъ нами не видно было огненныхъ языкъ; мы не были, подобно Апостоламъ, предметомъ удивленія для окружающихъ насъ, но слово Божіе увѣряетъ—и можно ли желать большаго увѣренія?—оно увѣряетъ, что мы тогда *омылись, освятилисъ и оправдалисъ Духомъ Бога нашего* (1 Кор. 6, 11); что съ сего блаженнаго времени Духъ Божій живетъ въ насъ, какъ залогъ нашего оправданія, какъ руководитель къ вѣчному блаженству.

Но, братіе, Пресвятый Духъ Сей, хотя есть Духъ силы и славы, можетъ быть нами оскорбляемъ, даже можетъ быть совершенно угашенъ въ насъ. Итакъ, сохраняемъ ли мы драгоцѣнный залогъ Духа Святаго, *въ насъ живущаго* (2 Тим. 1, 6)? Не угасили ли божественнаго свѣта Его преступнымъ небреженіемъ о Немъ? Изгоняемый нечистою совѣстію, не уступилъ ли Онъ въ нашемъ сердцѣ мѣста тлетворному духу міра?—Вопросы эти всегда должны быть важны для христіанина, но наипаче они должны занять насъ въ сіи дни, посвященные прославленію Духа Божія, ибо съ разрѣшеніемъ ихъ каждый изъ насъ можетъ и долженъ узнать, не только достойно ли онъ празднуетъ сошествіе Утѣшителя, но и достойно ли носитъ имя христіанина, потому что кто *Духа Христова не имать, сей*, по слову Апостола, *нѣсть Его* (Рим. 8, 9), тотъ не христіанинъ!

Дабы пріуготовить совѣсть нашу къ отвѣту на сіи важные вопросы, замѣтимъ, братіе, при свѣтѣ слова Божія, нѣкото-

рые слѣды Духа Святаго въ сердцѣ вѣрующаго, и приложимъ эти замѣчанія къ самимъ себѣ.

Слово Божіе открываетъ намъ, что въ возстановленіи падшаго естества человѣческаго дѣйствуютъ всѣ три Лица Пресвятыя Троицы; но оно же научаетъ, что великое дѣло сіе нѣкоторымъ образомъ какъ бы раздѣлено между Ними. Богу Отцу усвояетъ оно верховное распоряженіе дѣломъ нашего спасенія,—посланіе на землю Сына и Духа Святаго; Богу Сыну—искупленіе человѣка отъ наказанія за грѣхи; Богу же Духу Святому—освященіе грѣшнаго рода человѣческаго. Частныя дѣйствія и дары сего великаго Освятителя безчисленны. Слово Божіе показываетъ намъ только главнѣйшіе изъ нихъ, какъ бы нарочно предоставляя каждому испытывать прочіе собственнымъ опытомъ. А именно, Духъ Святый, какъ Духъ истины, просвѣщаетъ умъ вѣрующаго: *наставитъ вы на всякую истину* (Іоан. 16, 13); какъ Духъ святости, очищаетъ сердце отъ скверны грѣховъ: *имате креститися Духомъ Святымъ* (Дѣян. 1, 5); какъ Духъ *силы,* одушевляетъ къ препобѣжденію всѣхъ препятствій и трудностей: *облечетеся силою свыше* (Лук. 24, 49); какъ Духъ благодати и щедротъ, исполняетъ небеснымъ утѣшеніемъ душу: *Утѣшитель—Иже отъ Отца исходитъ* (Іоан. 15, 29).

1. Итакъ, *первый плодъ присутствія въ человѣкѣ Духа Божія есть истинное просвѣщеніе.*—Какъ слабы и медленны были умомъ Апостолы, доколѣ не пріяли Святаго Духа! Высокое ученіе Спасителя большею частію не вмѣщалось въ ихъ понятіи; величественныя обѣтованія Его не приносили имъ утѣшенія; чистота Его нравственности казалась непостижимою; самыя простыя притчи нерѣдко приводили ихъ въ недоумѣніе. Но едва только сошелъ на нихъ Духъ истины, исчезли всѣ предразсудки, исполнявшіе ихъ умъ; въ Его свѣтѣ они узрѣли все въ настоящемъ видѣ, увидѣли, что надлежало совершить ихъ Учителю, и что остается содѣлать имъ. Великая тайна искупленія раскрылась предъ ними во всей полнотѣ и величіи; они не требовали болѣе, да кто учитъ ихъ,—сами содѣлались учителями всего рода человѣческаго.

Такъ бываетъ и со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа (Іоан. 3, 8)! Онъ не имѣетъ той непогрѣшимости ума, чтобы слова и писанія его могли служить непреложнымъ правиломъ вѣры

и дѣятельности для другихъ,—*ибо не всѣ Апостолы* (1 Кор. 12, 29); въ немъ нѣтъ дара проникать во всѣ тайны Промысла, замѣчать взаимное отношеніе великихъ путей Божіихъ, обнимать созерцаніемъ будущую судьбу христіанства,—*ибо не всѣ Пророки;* онъ можетъ быть не способенъ преподавать наставленіе другимъ,—*ибо не всѣ учители;* даже можетъ быть не въ состояніи изъяснить того, что Духъ Святый совершаетъ въ его сердцѣ,—*ибо не всѣ истолкователи* (1 Кор. 12, 30): но онъ бываетъ и не можетъ не быть просвѣщенъ истинно. Никто тверже его не знаетъ безприкладныхъ совершенствъ естества божественнаго, Его присносущной силы, поддерживающей весь составъ міра, равно какъ и бытіе каждой твари,—Его превосходящей благости, которая не хочетъ погибели самаго презрѣннаго творенія и ожидаетъ обращенія самаго ожесточеннаго грѣшника,—Его неизслѣдимой премудрости, которая изъ величайшаго зла умѣетъ извлекать величайшее благо, въ самомъ тлѣніи насаждать жизнь. Никто вѣрнѣе его не видитъ бѣдности естества человѣческаго,—какъ грѣхъ путемъ рожденія приходитъ отъ Адама на всѣхъ потомковъ его. какъ въ сердцѣ человѣка по естеству *не живетъ доброе* (Рим. 7, 18), какъ *похоть, зачемши, раждаетъ* въ человѣкѣ *грѣхъ*, а *грѣхъ* производитъ *смерть* (Іак. 1, 15). Никто полнѣе его не разумѣетъ всей важности благодѣянія, оказаннаго роду человѣческому въ ниспосланіи ему Ходатая; никто болѣе его не убѣжденъ въ благотворности евангельскаго ученія, въ святости христіанскихъ таинствъ, въ суетѣ благъ земныхъ, въ будущемъ блаженствѣ праведныхъ и будущей погибели нераскаянныхъ грѣшниковъ.—И можетъ ли быть иначе?—Духъ Святый знаетъ все, самыя *глубины Божія* (1 Кор. 2, 10): оставитъ ли Онъ во мракѣ того, кто удостоивается быть Его храмомъ?—Нѣтъ, Онъ никогда не попуститъ ему прельщать себя праздным упованіемъ на милосердіе Творца и заслуги Ходатая, но обнаружитъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва; никакъ не позволитъ ему имѣть ложныхъ понятій о служеніи Богу, ограничивать благочестія дѣлами внѣшней набожности, или заключать его въ одномъ безплодномъ созерцаніи ума; никакъ не потерпитъ, чтобы онъ заблуждался въ познаніи своихъ обязанностей, и называлъ доброе лукавымъ, а лукавое добрымъ, тьму свѣтомъ, и свѣтъ тьмою. Какъ Духъ

истины, Онъ наставитъ его на всякую, потребную для него, истину, и освободитъ отъ всякой, вредной для спасенія его, тьмы.

II. *Духъ Святый очищаетъ сердце отъ скверны грѣха.* Свѣтъ естественныхъ познаній бываетъ весьма блистателенъ, такъ что большею частію ослѣпляетъ человѣка—гордостію, но онъ никогда почти не согрѣваетъ и не исправляетъ сердца. Видятъ истину, но или *премѣняютъ ее во лжу* (Рим. 1, 25), или сокрываютъ въ неправдѣ: познаютъ преимущество жизни благочестивой, но довольствуются однимъ хладнымъ удивленіемъ подвижникамъ благочестія; проклинаютъ гибельныя слѣдствія жизни порочной, и между тѣмъ не престаютъ быть рабами страстей, плѣнниками грѣха. Не таковъ свѣтъ, сходящій отъ Отца свѣтовъ! Не такова премудрость, коей научаются въ училищѣ Духа Святаго! Гдѣ обитаетъ Сей пречистый Духъ, тамъ грѣхъ долженъ исчезнуть. Какъ бы ни было грубо и нечувствительно сердце, содѣлавшееся Его жилищемъ, Духъ Святый умягчитъ его до того, что оно все готово будетъ излиться въ слезахъ, излетѣть въ воздыханіяхъ; какъ бы ни было оно гордо и надменно, Духъ Святый смиритъ его и заставитъ повергнуться въ прахъ предъ Вседержителемъ; какъ бы ни были крѣпки и многочисленны узы, привязывающія его къ землѣ, когда Духъ вземлетъ его въ горняя, то оно, подобно орлу, воспаритъ надъ бездною суеты мірской. Что были Апостолы до сошествія на нихъ Духа Божія? Люди, расположенные къ добру, но плотскіе, коихъ умъ и сердце исполнены были мечтами о земномъ царствѣ Мессіи. Каждый изъ нихъ желалъ господствовать надъ другими, искалъ земной славы. Но огненное крещеніе Духа Божія совершенно переродило ихъ. Въ сердцѣ и на языкѣ ихъ не осталось ничего нечистаго. Они не упоминаютъ болѣе о земныхъ престолахъ и вѣнцахъ; проповѣдуютъ одну вѣру и покаяніе.

Такъ бываетъ и со всякимъ, рожденнымъ отъ Духа (Іоан. 3, 8)! Духъ Святый сообщаетъ новое, духовное направленіе всѣмъ силамъ и способностямъ человѣка. Сколько грѣхъ казался для него прежде прелестенъ, столько дѣлается отвратителенъ. Онъ ощущаетъ въ себѣ нѣкую святую необходимость удаляться его и любить добродѣтель. Прежде самыя духовныя занятія помрачаемы были нечистотою плот-

скихъ побужденій; теперь самыя обыкновенныя дѣла престаютъ быть плотскими, ибо Духъ Святый научаетъ совершать ихъ во славу Божію. — И ходящіе по духу иногда падаютъ, обремененные плотію, но слезы покаянія вскорѣ дѣлаютъ еще свѣтлѣе то мѣсто, которое очернено грѣхомъ; и они иногда опускаютъ случаи къ совершенію добра; но опущеніе сіе, при содѣйствіи благодати, само обращается въ обильнѣйшій источникъ благихъ мыслей и чувствованій.

III. *Духъ Святый сообщаетъ духовную крѣпость и силы.* Добродѣтель сама по себѣ предполагаетъ побѣду духа надъ чувственностію. Но какъ трудна побѣда сія въ человѣкѣ поврежденномъ, въ коемъ плоть по природѣ господствуетъ надъ духомъ, въ сердцѣ коего по естеству не живетъ доброе, а зло, и живетъ и дѣйствуетъ непрестанно и сильно! Здѣсь,— по выраженію одного святаго отца, — младенецъ долженъ сражаться съ исполиномъ, агнецъ долженъ побѣдить тигра, капля—угасить цѣлую пещь. Кто же подкрѣпитъ человѣка въ столь неравной борьбѣ съ грѣхомъ? Кто поможетъ ему вознестись надъ самимъ собою? Никто, кромѣ Духа Освятителя!—Но, съ Симъ Помощникомъ все возможно; подъ Его всемощнымъ, всесозидающимъ осѣненіемъ не изнеможетъ никакая благая мысль, не возвратится тощимъ въ сердце никакое святое желаніе.—Человѣкъ плотской бываетъ слабъ оттого, что онъ разсѣянъ по всему міру; оттого, что ограничиваетъ всѣ свои надежды и попеченія одною настоящею, непостоянною жизнію; оттого, что покушается содѣлать себя обладателемъ того, что никогда не должно принадлежать ему; оттого, наконецъ, что дѣйствуетъ не тѣмъ, что въ немъ есть мощнаго, но тѣмъ, что обнаруживаетъ его безсиліе и измѣняетъ ему. Духъ Святый уничтожаетъ всѣ сіи источники духовнаго безсилія,—сосредоточивая всю дѣятельность человѣка въ одномъ началѣ любви къ Богу и ближнему, обращая его къ снисканію того, что ему именно и предназначено, для чего онъ и сотворенъ,—заставляя его дѣйствовать высшими силами безсмертнаго духа его,—устремляя взоръ его въ вѣчность, недоступную никакому земному могуществу.

Какихъ опытовъ мужества и твердости не оказали Апостолы, когда, по обѣтованію Спасителя, облеклись силою свыше! Что можетъ равняться той неустрашимости, съ коею они возвѣщали Божество распятаго Іисуса вслухъ тѣхъ самыхъ

первосвященниковъ, кои вознесли Его на крестъ? Ихъ ничто уже не могло отлучить отъ возлюбленнаго ихъ Учителя, *ни смерть, ни животъ, ни настоящая, ни грядущая* (Рим. 8, 38). Между тѣмъ, что прежде не отлучало? Самый ревностный изъ нихъ отвергся Его три раза изъ опасенія рабыни.

IV. *Духъ Святый исполняетъ утѣшеніемъ душу.* Люди, преданные міру, обыкновенно смотрятъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ на тѣхъ, кои, внявъ гласу благодати, удаляются забавъ и разсѣянія, и почитаютъ ихъ людьми жалкими, кои сами для себя изобрѣтаютъ мученія. «Несчастные,—восклицаетъ при семъ одинъ учитель Церкви, — несчастные, они видятъ крестъ, но не видятъ помазанія! Такъ, многи скорби праведнымъ, гораздо болѣе, нежели сколько видятъ, и даже воображаютъ міролюбцы! Между тѣмъ всѣ мірскія удовольствія никакъ не могутъ сравниться съ тою радостію и миромъ, коими Духъ Святый исполняетъ сердце вѣрующаго. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, какая мысль отраднѣе той, что мы избавились мученій совѣсти, свергли съ себя тяжкое иго страстей, познали правоту путей Господнихъ и сладость добродѣтели, вышли изъ рода строптиваго и грѣшнаго? Но сія отрадная мысль есть всегдашній удѣлъ людей, ходящихъ по Духу. — Какое чувствованіе утѣшительнѣе того, что мы чада Божіи и наслѣдники Христу. что Отецъ небесный со всѣми Ангелами Своими веселится о нашемъ обращеніи къ Нему, что Онъ невидимо благословляетъ всѣ благія начинанія наши, уготовляетъ вѣнцы за всѣ подвиги наши, что въ насъ обитаетъ Самъ Духъ Святый?—Но сіе чувствованіе не можетъ не быть въ сердцѣ, освященномъ благодатію. Что же сказать о тѣхъ неизглаголанныхъ утѣшеніяхъ Духа Святаго, коихъ никтоже вѣсть, точію пріемляй?—«Удостоившіеся быть чадами Божіими и отъ Духа Святаго родившіеся,—говоритъ одинъ изъ великихъ подвижниковъ (Макарій Великій), — различными образами отъ Духа Святаго управляются. Иногда, какъ бы находясь на царской вечери радуются и веселятся радостію неизреченною; въ другое время они подобно невѣстѣ веселящейся о своемъ женихѣ; иногда они, бывъ въ тѣлѣ, бываютъ яко Ангели, безтѣлесни; иногда толикимъ радованіемъ и любовію воспламеняются, что если бы возможно было, они желали бы пріять всякаго въ свою утробу, не разсуждая, благъ ли онъ или золъ: иногда

являются яко мужъ, облеченный во всеоружіе царское и исшедый на брань; иногда въ великомъ безмолвіи и тишинѣ духа успокоются, погружаясь въ духовной сладости. Сіи дѣйствія,—продолжаетъ тотъ же святый отецъ бываютъ въ тѣхъ людяхъ въ самой высшей степени, кои уже близки къ совершенству: впрочемъ всякъ можетъ испытать, чѣмъ онъ питается, гдѣ живетъ и у кого пребываетъ, кто даетъ сердцу его пищу, Духъ Божій, или духъ міра?»

Если такъ, братіе, то испытаемъ и мы самихъ себя, дабы узнать, кому принадлежимъ мы. И во-первыхъ, посмотримъ, что дѣлается съ нашимъ умомъ? Померкли ли въ немъ блуждающіе огни плотскаго мудрованія, для коего премудрость слова крестнаго кажется буйствомъ, которое ослѣпляетъ человѣка гордостію до того, что онъ почитаетъ себя въ правѣ предписывать законы для самой премудрости Божіей.—Научился ли бѣдный умъ нашъ находить высочайшую премудрость въ томъ, чтобы всѣ свои естественныя познанія *почитать потерею для познанія Господа Іисуса, которое все превосходитъ* (Филип. 3, 8)? Вышли ли мы изъ естественнаго невѣдѣнія о самихъ себѣ, нашихъ обязанностяхъ, нашемъ предназначеніи и средствахъ къ достиженію онаго, о врагахъ, съ коими намъ должно сражаться, и о вѣнцахъ, на кои должно взирать,—изъ того невѣдѣнія, въ коемъ духъ міра нарочно держитъ своихъ плѣнниковъ, дабы они не увѣровали *и не освободились отъ сѣтей его* (2 Тим. 2, 26)? Живо ли представляемъ суету благъ мірскихъ, нечистоту и гнусность законопреступныхъ удовольствій, несчастное состояніе людей, порабощенныхъ плотію? Ясно ли видимъ всю глубину нашего поврежденія, всю безотвѣтность нашу предъ Богомъ, всю немощь естества нашего, проданнаго подъ грѣхъ?

Преобразовано ли Духомъ Святымъ наше сердце? Что служитъ основаніемъ нашей дѣятельности—любовь къ Богу, изливаемая въ сердца наши Духомъ Святымъ, или любовь къ міру, вытекающая изъ *студенца бездны* (Апок. 9, 2)? Гдѣ образецъ, съ коимъ мы стараемся сообразовать жизнь свою,—въ Евангеліи, или на распутіяхъ міра; въ сонмѣ праведныхъ, на *небесахъ написанныхъ* (Евр. 12, 23), или въ толпѣ подобныхъ намъ грѣшниковъ?—Куда охотнѣе текутъ ноги наши—въ домы плача, или въ домы веселія; туда ли, гдѣ собираются во имя Іисуса Христа, или туда, гдѣ цар-

ствуетъ міръ съ его похотями? Какъ исполняемъ обязанности наши, такъ ли, *какъ прилично рабамъ Христовымъ, въ простотѣ сердца и яко предъ Богомъ,* или *предъ очима точію работающе, яко человѣкоугодницы* (Ефес. 6, 6)? Престали-ль воздыхать отъ нашего жестокосердія и гордости тѣ, коихъ обязанность или случай поставили въ зависимость отъ насъ?—Обильно ли текутъ слезы, когда мы обращаемъ взоры на грѣховную жизнь нашу? — Стараемся ли благими мѣрами возвратить на путь спасенія тѣхъ, кои совращены съ него нашею соблазнительною жизнію?

Облечены ли мы силою свыше?—Можемъ ли безъ ропота снести, если бы Господу угодно было испытать нашу вѣру напастями вѣка сего, нищетою, болѣзнями и другими бѣдствіями? Вознесены ли мы надъ тѣмъ низкимъ страхомъ, который плотскаго человѣка заставляетъ принимать всѣ — самые гнусные — виды, дабы пріобрѣсть или не потерять какой-либо выгоды или удовольствія? Рѣшимся ли остаться на сторонѣ справедливости и тогда, когда бы всѣ уклонились на путь неправды? Готовы ли защищать познанную истину съ тѣмъ мужествомъ, которое отличало первыхъ проповѣдниковъ Евангелія; и въ состояніи ли, подобно имъ, для славы имени Божія и для спасенія братій, отвергнуть, если то нужно, всѣ земныя надежды, всѣ выгоды, самую жизнь? Можемъ ли мы сказать о себѣ, что насъ ничто не можетъ отлучить отъ любви Божіей, и въ состояніи ли доказать это самымъ дѣломъ?

Да благословятъ, братіе, Господа тѣ изъ насъ, кои проникая въ самихъ себя, обрѣтутъ въ себѣ сіи слѣды Духа Божія. Таковые не требуютъ, чтобы кто училъ ихъ, ибо уже *само помазаніе Духа* Святаго *учитъ ихъ о всемъ* (1 Іоан. 2, 27). Къ таковымъ долженъ быть обращенъ только слѣдующій совѣтъ Апостола: *Духа не угашайте!* (1 Сол. 5, 19). Послѣдуйте за Нимъ ревностно всюду, куда Онъ ни поведетъ васъ; не входите о томъ въ совѣтъ съ плотію и кровію, не говорите, что то благое дѣло весьма трудно, тотъ грѣхъ весьма малъ. *Духа не угашайте:* не исчисляйте добрыхъ дѣлъ вашихъ, не услаждайтесь много тѣми совершенствами, кои благодать помогла вамъ пріобрѣсти; помните твердо, что мы рабы непотребные, которые сдѣлали только то, что намъ было повелѣно. *Духа не угашайте:* не изыскивайте

пустыхъ оправданій, когда Онъ укоряетъ васъ въ совѣсти за содѣяніе какого-либо грѣха, повергайтесь скорѣе во прахъ предъ милосердымъ Творцемъ, отъ Его единаго ожидая помилованія; не страшитесь, чтобы скорбь о грѣхѣ повергла васъ въ опасное уныніе: Утѣшитель умѣетъ врачевать язвы, имъ открываемыя. *Не угашайте Духа:* убѣгайте всякаго случая ко грѣху; удаляйтесь отъ содружества съ порочными людьми, отвращайте взоры отъ всѣхъ зрѣлищъ, гдѣ похоть очесъ и гордость житейская могутъ поколебать самую крѣпкую совѣсть. *Не угашайте Духа:* доколѣ Онъ горитъ въ васъ, *вся ваша суть* (1 Кор. 3, 21—23), вы могущественнѣе и выше всего; но когда угаснетъ, то весь міръ не замѣнитъ вамъ сей потери.

Но горе, братіе, душамъ, не имѣющимъ благодатнаго сообщенія съ Духомъ Божіимъ!—Духъ міра, коимъ дышутъ онѣ, есть духъ врага Божія—діавола; *онъ въ живъ уловилъ ихъ въ свою волю* (2 Тим. 2, 26)! Впрочемъ, отъ нихъ самихъ зависитъ освободиться отъ ужасныхъ сѣтей діавола, обратиться ко Господу и пріять Святаго Духа: ибо Апостолъ взываетъ ко всѣмъ: *исполняйтеся Духомъ!* Употребляйте остатокъ естественнаго свѣта и произвола на очищеніе совѣсти своей, мертвыхъ дѣлъ, побуждайте себя къ творенію добра, совершайте его, сколько можете. *Исполняйтеся Духомъ:* пользуйтесь чтеніемъ и слушаніемъ слова Божія, съ искреннимъ желаніемъ сообразовать съ нимъ свое поведеніе, размышляйте прилежнѣе о высокихъ истинахъ и утѣшительныхъ обѣтованіяхъ, въ немъ заключающихся; прилагайте къ своему сердцу трогательные примѣры покаянія грѣшниковъ, въ немъ описанные. *Исполняйтеся Духомъ:* обращайте чаще и съ дѣтской простотою взоры къ небу, раскрывайте предъ Отцемъ милосердія и щедротъ язвы вашей совѣсти, умоляйте Его, да исцѣлитъ оныя: если и земные отцы не даютъ чадамъ своимъ вмѣсто хлѣба камня, то Отецъ небесный, безъ сомнѣнія, подастъ Духа Святаго просящимъ у Него. *Исполняйтеся Духомъ:* съ Нимъ пріобрѣтете вы такое блаженство, какое на сердце вамъ никогда не приходило, съ Нимъ насладитеся тѣмъ, чего міръ никогда не давалъ и дать не можетъ.

Сими и подобными размышленіями должны мы, братіе, почтить настоящій день великаго обновленія рода человѣ-

ческаго, который еще ветхій Израиль чтилъ гласомъ трубъ и органовъ. Бѣдность души, преобладаемой плотію, необходимость всѣмъ и каждому исполняться Духомъ, средства, ведущія къ благодатному сообщенію съ Нимъ: вотъ предметы, долженствующіе занимать умъ и сердце каждаго изъ насъ въ продолженіе сихъ великихъ и святыхъ дней, посвященныхъ прославленію Духа Божія!

Причастіе Сего всеблагаго Духа да будетъ со всѣми вами. Аминь.

Слово въ день Сошествія Святаго Духа.

Яко сія глаголахъ вамъ, скорби исполнихъ сердца ваша. Но Азъ истину вамъ глаголю; уне есть вамъ, да Азъ иду. аще бо не иду Азъ, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ; аще ли же иду, послю Его къ вамъ. И пришедъ, Онъ обличитъ міръ (Іоан. 16, 6—8).
(Слова Спасителя изъ послѣдней утѣшительной бесѣды Его къ ученикамъ Своимъ.)

Вотъ что производятъ неправды человѣческія! Духъ Святый есть Духъ любви и мира, Духъ благодати и щедротъ; Онъ, и по существу и по дѣйствіямъ Своимъ, есть Утѣшитель единственный, неизмѣняемый, божественный: но поелику міръ, погрязши во злѣ, не знаетъ Его, и если бы зналъ, не можетъ принятъ Его; поелику духъ міра, коимъ дышутъ люди, преданные плоти, совершенно противоположенъ всесвятому Духу Божію, то Утѣшитель содѣлывается обличителемъ. Тотъ, Коего Сынъ Божій испросилъ у Отца, заслужилъ Своею смертію, какъ величайшаго Благодѣтеля для рода человѣческаго, какъ верховнаго Подателя всѣхъ благъ,—Тотъ Самый приходитъ обнажить грѣхъ и произнести судъ! *И пришедъ, Онъ обличитъ міръ.*

О. какъ дѣйственно должно быть сіе обличеніе!—Это уже не слабый голосъ проповѣдниковъ истины, который часто исчезаетъ въ воздухѣ, не досягая слуха, не только сердца слушающихъ. Это обличеніе Всемогущаго и Всевѣдущаго! Онъ обличилъ грѣхъ Адама,—и смерть доселѣ собираетъ страшные оброки сего грѣха со всего рода человѣческаго; обличилъ современниковъ Ноя,—и память ихъ съ шумомъ погибла въ водахъ потопныхъ; обличилъ грады Содомскіе, преогорчившіе Господа,—и не обрѣлось мѣста

ихъ на лицѣ земли; обличилъ богоотступную синагогу,—и въ Іерусалимѣ не остался камень на камени! Здѣсь-то каждый обличаемый долженъ возопить съ Давидомъ къ Богу: «Камо пойду отъ Духа Твоего Обличителя, и отъ лица Его камо бѣгу? Взойду ли на небо?—Онъ тамъ. Сойду ли во адъ?—Онъ тамъ. Понесусь ли на крыльяхъ зари до послѣднихъ предѣловъ вселенныя?—И тамъ найдетъ меня рука Его, удержитъ десница Его».

Между тѣмъ, число людей, имѣющихъ подвергнуться обличенію Святаго Духа, столь велико, братіе, что я не знаю, можетъ ли кто исключать себя изъ онаго. Утѣшитель, по словамъ Спасителя, долженъ обличить міръ: кто же не въ мірѣ? Кто дерзнетъ сказать о себѣ, что онъ совершенно чистъ отъ всего земнаго и грѣховнаго?—Значитъ, обличеніе Святаго Духа касается всѣхъ и каждаго; значитъ, мы всѣ находимся въ числѣ обличенныхъ:—и горе тому изъ насъ, кто, бывъ недостоинъ утѣшенія Святаго Духа, не воспользуется по крайней мѣрѣ Его обличеніемъ!—Божественный Обличитель для того и обличаетъ грѣшниковъ во грѣхѣ, чтобы даровать имъ правду Божію; для того и открываетъ язвы совѣсти, чтобы уврачевать оныя. Итакъ поспѣшимъ уразумѣть тайну спасительнаго обличенія, дабы, чрезъ послушаніе Обличителю, обратить оную въ тайну нашего спасенія.

Предвозвѣстивъ пришествіе Духа Обличителя, Спаситель въ утѣшеніе учениковъ Своихъ открылъ и то, въ чемъ должно состоять сіе обличеніе.

«*И пришедъ Онъ,* такъ продолжалъ Спаситель вѣщать къ ученикамъ, *обличитъ міръ о грѣсѣ, и о правдѣ, и о судѣ. О грѣсѣ убо, яко не вѣруютъ въ Мя; о правдѣ же, яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене; о судѣ же, яко князь міра сего осужденъ есть* (Іоан. 16, 8—11)».

Въ сихъ словахъ указаны не только сущность, но и чертежъ великаго обличенія. Міръ обличается о грѣхѣ—имъ сокрываемомъ или непознаваемомъ; о правдѣ—имъ отвергаемой и гонимой; о судѣ—имъ превращаемомъ или забытомъ. Обличается о своемъ грѣхѣ, дабы привести его къ познанію и пріятію правды Божіей; обличается о собственной правдѣ, дабы избавить его отъ суда; обличается

наконецъ о судѣ, да вѣдаетъ, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ повиненъ Богу, что ему ничего не остается кромѣ покаянія.

Кому не извѣстно, братіе, всеобщее развращеніе нравовъ, господствовавшее между іудеями и язычниками въ то время, когда явился Сынъ Божій для очищенія грѣховъ міра? И однако же міръ никогда не былъ такъ надмененъ своею правдою, какъ въ это время. Вотще Іоаннъ Креститель проповѣдывалъ и словомъ и жизнію покаяніе; вотще Самъ Спаситель взывалъ: покайтеся! Міръ не признавалъ своихъ грѣховъ: развращенные фарисеи продолжали почитать свое лицемѣріе истинною набожностію; буйные саддукеи продолжали въ своемъ вольномысліи находить мудрость. По суду міра, всѣ клевреты его были святы; напротивъ, Іисусъ Христосъ, обличавшій міръ, вмѣняемъ былъ со беззаконными. Наконецъ, вмѣсто покаянія, міръ началъ преслѣдовать своего Обличителя,—и, въ довершеніе своихъ преступленій, вознесъ Его на крестъ!

Послѣ сего, казалось, ничто уже не могло привести міръ къ покаянію. Но, се грядетъ Духъ Обличитель,—и все пріемлетъ новый видъ. Едва Петръ, по сошествіи огненныхъ языкъ, произнесъ нѣсколько словъ въ обличеніе, и три тысячи душъ признаютъ себя грѣшными, требуютъ крещенія (Дѣян. 2, 41)! Черезъ нѣсколько дней то же самое чудо повторяется еще надъ пятію тысячами душъ (Дѣян. 4, 4). Чудесно обличенные во грѣхѣ дѣлаются въ свою чреду чрезвычайными обличителями другихъ; тамъ и здѣсь образуются сонмы проповѣдниковъ покаянія:—и, въ нѣсколько лѣтъ, совершается то, чего нельзя было ожидать отъ цѣлыхъ столѣтій.

Какое умилительное зрѣлище началъ представлять весь тогдашній міръ! Вотъ слово покаянія приходитъ въ Римъ, является при дворѣ кесарей, возвѣщается въ слухъ боговъ земныхъ. Какихъ ожидать тутъ плодовъ покаянія? Но для всемогущаго Обличителя нѣтъ преградъ: нѣсколько исполненныхъ духа и силы бесѣдъ о покаяніи,—и среди чертоговъ Домиціана и Нерона,—тамъ, гдѣ былъ самый престолъ сатаны, невидимо образуется общество людей, кои подъ багряницею и златомъ сокрываютъ крестъ и нищету евангель-

скую! Вотъ слово смиренія и вѣры достигаетъ Греціи.—туда, гдѣ было столько же идоловъ, сколько философовъ. и столько философовъ, сколько страстей; мудрецы міра въ первый разъ слышатъ, что они грѣшны, не вѣрятъ, сомнѣваются; но сила слова крестнаго, оставляя безъ вниманія ихъ умъ, поражаетъ сердце,—и. вмѣсто алтаря невѣдомому Богу, вскорѣ воздвигается алтарь вѣдомому Искупителю! Наконецъ, слово Евангелія не вмѣщается уже въ предѣлахъ Рима, достигаетъ туда, куда не могло проникнуть оружіе побѣдителей свѣта,—воинственный парѳянинъ, дикій скиѳъ слышатъ обличеніе, слышатъ и каются; многіе изъ нихъ еще не знаютъ, что̀ такое законъ, и однако же, обличаемые вѣрою, признаютъ себя беззаконными. *Духъ умиленія,* провидѣнный пророкомъ, изливается на всю землю: и милліоны человѣкъ начинаютъ плакать о томъ, что̀ случилось въ Іудеѣ. Народы, что съ вами? вы не были въ Іудеѣ, вы не распинали Христа, вы приняли Его отверженнаго: для чего же вамъ скорбѣть о смерти Его? развѣ это вашъ грѣхъ?—«Нашъ, отвѣчаютъ цѣлые племена и языки. *Онъ грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ; наказаніе міра нашего на Немъ, язвою Его мы вси исцѣлѣхомъ* (Исаіи 53, 4. 5)».

Такъ совершилось обличеніе Святаго Духа надъ міромъ языческимъ! О, если бы оно и окончилось вмѣстѣ съ древнимъ язычествомъ! Если бы христіане своими грѣхами не понудили Святаго Духа начать новое обличеніе!—Міръ христіанскій продолжаетъ въ себѣ грѣхи міра языческаго, и Духъ Божій продолжаетъ надъ нимъ обличеніе, уготованное язычникамъ.

И во-первыхъ, Божественный Обличитель отъ времени до времени воздвигаетъ особенныхъ ревнителей благочестія, кои, какъ бы движимые нѣкою тайною силою, проповѣдуютъ современникамъ своимъ покаяніе. Каждый вѣкъ имѣетъ ихъ, каждая страна видитъ и слышитъ ихъ. Житіе сихъ людей бываетъ зерцаломъ, въ коемъ еще яснѣе, нежели въ словахъ ихъ, представляются несовершенства міролюбцевъ. И не оттого ли міръ всегда преслѣдовалъ людей, истинно благочестивыхъ, что жизнь ихъ. по выраженію святаго писателя, составляетъ для него—*мученіе.*

Для грѣшниковъ, не видящихъ или не слушающихъ одушевленныхъ обличителей, Духъ Святый поставилъ не-

одушевленнаго обличителя, который однако же можетъ сообщать жизнь мертвымъ грѣхами. Это—слово Божіе. Дайте его кому угодно,—магометанину, язычнику, іудею,—онъ можетъ не повѣрить его Божественности; но прочитавъ скажетъ, что не исполнилъ всего, въ немъ написаннаго, признаетъ себя грѣшнымъ. Какой фарисей могъ устоять когда-либо предъ обличеніемъ евангельскимъ? Какой саддукей не трепеталъ угрозъ, въ немъ содержащихся?—И слабый пастырь Церкви, не право правящій слово истины, не радящій о своемъ стадѣ; и корыстолюбивый судія, вмѣсто правды взирающій на лица судимыхъ; и звѣронравный властелинъ, живущій притѣсненіемъ и слезами подчиненныхъ; и лукавый рабъ, не радящій о пользѣ и чести своего владыки; кратко, всякій грѣшникъ ясно видитъ въ словѣ Божіемъ свой грѣхъ. И все это производитъ одна, такъ сказать, буква Евангелія, предназначенная обличать грубыхъ грѣшниковъ. Духъ евангельскаго ученія еще обличительнѣе: самые праведники, проникая въ него, всегда находили въ себѣ новые недостатки, такъ что съ возрастаніемъ человѣка въ добродѣтели, какъ бы возрастаетъ въ требованіяхъ своихъ самое Евангеліе.

Наконецъ и тѣ, кои не могутъ читать или слышать слова Божія, не лишены обличителя. Вмѣсто его служатъ таинства Церкви. О вы, кои безразсудно отвергаете или унижаете сіи органы благодати Божіей,—научитесь лучше видѣть въ нихъ премудрость Божію и благо человѣчества! Скажите, какъ внушить цѣлымъ народамъ ту великую истину, что человѣкъ грѣшенъ по естеству, и потому непрестанно имѣетъ нужду въ покаяніи?—Въ христіанствѣ важная истина сія и многія другія внушаются, такъ сказать, сами собою—посредствомъ таинствъ. При входѣ каждаго человѣка въ міръ, Церковь объявляетъ въ крещеніи,—что онъ грѣшенъ; при исходѣ изъ міра повторяетъ въ елеосвященіи,—что онъ грѣшенъ. Въ продолженіе жизни, нѣсколько разъ призываетъ каждаго къ судилищу покаянія и говоритъ: ты грѣшенъ!—Чудное зрѣлище!—Царь и послѣдній рабъ, мудрецъ и простолюдинъ повергаются при подножіи Распятаго, и въ слухъ подобнаго человѣка исповѣдуютъ грѣхи свои! Кто заставилъ милліоны людей быть столь откровенными и препобѣдить естественную скрытность? — Только одинъ

Духъ Божій могъ такъ обличить міръ о грѣхѣ, что признаніе грѣха обратилось во всенародную обязанность.

Что сказать о внутреннихъ обличеніяхъ Святаго Духа въ совѣсти грѣшниковъ?—Кто изъ насъ не слышалъ когда-либо сего обличенія? Кто не давалъ самъ себѣ обѣта исправить свою жизнь? Кто не сожалѣлъ многократно, что не исполнилъ сего обѣта? По крайней мѣрѣ Обличитель исполнилъ Свое дѣло. Онъ принялъ на Себя долгъ обличить наши грѣхи, и обличилъ ихъ: никто изъ насъ не можетъ сказать, что онъ безгрѣшенъ. Сего довольно уже для славы Обличителя и нашего спасенія. Было время, когда цѣлый міръ грѣшилъ, а не зналъ, что онъ грѣшникъ! *Грѣхъ же не вмѣняшеся, не сущу закону* (Римл. 5, 13).

Вторый предметъ обличенія Святаго Духа есть невѣріе міра правдѣ. *И о правдѣ, яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене.*

Обличаемый во грѣхѣ, міръ всегда находилъ гибельную отраду въ томъ, чтобы отвергать или сокрывать правду Божію (Римл. 1, 18). Такъ поступилъ онъ и съ Правдою Ипостасною, когда она явилась на землѣ въ лицѣ Сына Божія. Ни чистота ученія, ни святость Божественнаго Учителя, ни чудеса, Имъ совершаемыя,—ничто не могло убѣдить рода строптиваго и грѣшнаго въ томъ, что ему возвѣщаются глаголы живота вѣчнаго. Когда же Провозвѣстникъ истины. по высочайшимъ, но для міра невѣдомымъ причинамъ, благоволилъ взыти на крестъ и потомъ сокрыться навсегда отъ взора человѣческаго: то злобный міръ почелъ это рѣшительнымъ доказательствомъ, что Его дѣло не отъ Бога, что религія, Имъ возвѣщенная, есть изобрѣтеніе человѣческое. Самое воскресеніе Спасителя не образумило упорныхъ враговъ истины и подало поводъ, какъ извѣстно, къ послѣднему отчаянному покушенію — затмить правду Божію клеветою (Матѳ. 28, 13).

Кто могъ ожидать, что изъ сихъ же самыхъ людей, кои съ такимъ упорствомъ гнали истину, вскорѣ многіе содѣлаются ея защитниками, и съ радостію проліютъ за нее кровь свою? Но гдѣ дѣйствуетъ Богъ, тамъ нѣтъ ничего невозможнаго. Приходитъ Обличитель,—и Савлы начинаютъ проповѣдывать Евангеліе.

Міръ сомнѣвался въ правдѣ лица Іисусова: Духъ Святый

показалъ несправедливость сего сомнѣнія самымъ Своимъ нисшествіемъ. Всякій долженъ былъ признать, что если бы Спаситель не былъ тѣмъ, чѣмъ Онъ назвалъ Себя, то Богъ не послалъ бы въ Его имя Утѣшителя, а Утѣшитель не сталъ бы дѣйствовать къ Его славѣ. Міръ не вѣрилъ истинѣ ученія Іисусова: Духъ Святый внушилъ Апостоламъ изъяснить сіе ученіе такъ, что самый недовѣрчивый разумъ, когда началъ судить безпристрастно, не могъ не признать въ немъ величайшей премудрости. Міръ почиталъ излишними и чрезмѣру строгими правила нравственности евангельской: Духъ Святый показалъ на опытѣ, что правда вѣры не только безконечно выше законной праведности, но и несравненно пріятнѣе и легче для тѣхъ, кои имѣютъ оную. Міръ отвергалъ обѣтованія Іисуса Христа: Духъ Святый показалъ непреложность ихъ исполненіемъ всѣхъ древнихъ пророчествъ о духовномъ царствѣ Мессіи и преподаваніемъ вѣрующимъ въ Іисуса Христа необыкновенныхъ даровъ духовныхъ. Наконецъ, сила чудесъ и различныя откровенія, сообщаемыя Духомъ Святымъ проповѣдникамъ Евангелія, содѣлали то, что самые упорные враги истины не находили болѣе предлоговъ къ невѣрію. Тщетно обличаемый міръ напрягалъ въ лицѣ языческихъ философовъ послѣднія усилія свои противъ вѣры христіанской; напрасно Цельсы, Порфиріи, Іероклы истощались въ возраженіяхъ—то низводя христіанство до своего язычества, то возводя язычество къ христіанству: не прошло трехъ столѣтій,—и сочиненія ихъ забыты, уничтожены, а Евангеліе Іисуса Христа содѣлалось учебною книгою цѣлаго рода человѣческаго. Обличитель началъ и совершилъ Свое дѣло!

Совершилъ, братіе, но не окончилъ!—Увы, какъ бы по нѣкоей гибельной необходимости, надлежало, чтобъ и въ христіанствѣ повторилось все то, что обезображивало міръ языческій; чтобы изъ среды христіанъ явились люди, кои съ языческимъ безстыдствомъ отверзаютъ уста, изощряютъ перо свое противъ правды Божіей и Евангелія! И какой вѣкъ не видѣлъ сихъ жалкихъ людей? Какая страна не страдала отъ нихъ? Давно ли цѣлыя царства потрясаемы были разрушительнымъ вихремъ невѣрія, и алтарямъ угрожало то же превращеніе, что и престоламъ? Слово Божіе, въ предостереженіе вѣрующихъ, даже рѣшительно гово-

ритъ, что и съ продолженіемъ бытія міра, не уменьшится, а увеличится невѣріе; что, предъ самымъ концемъ его, противникъ Бога, *вѣдый, яко время мало имать* (Апок. 12, 12), воздвигнетъ новыхъ лжепророковъ и лжехристовъ и покусится уничтожить самое имя христіанъ.

При сей горестной увѣренности, не отрадно ли, братіе, вѣдать, что міръ, всегда враждующій противъ правды Божіей, явленной въ христіанствѣ, какъ всегда находилъ, такъ и всегда будетъ находить Обличителя своего нечестія въ Самомъ Духѣ истины; что святая вѣра, съ коею неразрывно соединено вѣчное блаженство наше, предоставлена не защитѣ слабыхъ людей, а храненію Его—Всемогущаго? Нѣтъ! Всевѣдущій провидѣлъ нашу невѣрность и слабость въ храненіи истинъ Откровенія, провидѣлъ, что мы, подобно древнимъ израильтянамъ, предали бы врагамъ нашимъ ковчегъ Новаго Завѣта; и потому ввѣрилъ его уже не сынамъ Левіинымъ, а Своему Всесвятому Духу. Хотите ли видѣть, какъ сей великій Обличитель совершаетъ Свое дѣло и защищаетъ правду вѣры и Евангелія, ввѣренную Его храненію?—Вникните въ исторію Церкви,—и она покажетъ вамъ сіе, покажетъ, какъ во всѣ времена являлись люди для защиты истины, какъ торжество невѣрія всегда обращалось къ его посрамленію, какъ самыя отчянныя усилія противу Церкви Христовой разрѣшались въ ничто. Послѣ сего пусть новые враги истины истощаются въ клеветахъ на вѣру: этимъ докажется только, что они, *издревле предуставлены на осужденіе* (Іуд. 4) и погибель: маловѣрные будутъ соблазнены, но залогъ вѣры останется неприкосновеннымъ. Пусть настаютъ и тѣ несчастныя времена, когда самые служители слова, колеблемые страхомъ или выгодою, измѣняютъ истинѣ; для вѣры не страшна и сія измѣна: Духъ Святый найдетъ ей защитниковъ; Онъ сотворитъ ихъ, если то будетъ нужно. Явятся новые Апостолы и, воодушевленные Духомъ истины, съ радостію изыдутъ на брань противу царства тьмы. Непрестанно измѣняющимся мнѣніямъ міра они противопоставятъ постоянную неизмѣнность вѣры евангельской; многообразныя заблужденія его заставятъ сокрушиться о единство исповѣданія Апостольскаго; нечестивыя правила его посрамятся святостію нравственности христіанской. Такимъ образомъ, когда роды и виды

нечестія будутъ. подобно тѣнямъ, приходить и преходить, возрастать и умаляться, по направленію свѣта вѣры, единая. святая, соборная, Апостольская Церковь будетъ стоять неподвижно на краеугольномъ камени, *имущи печать сію: позна Господь сущія Своя!* (2 Тим. 2, 19).

Третій и послѣдній предметъ обличеній Святаго Духа есть судъ міра. *И о судѣ, яко князь міра осужденъ есть.*

Памятуете ли, братіе, какой судъ произнесъ міръ, когда Сынъ Божій явился въ немъ, дабы разрушить дѣла діавола? Того, Который жилъ и умеръ для истины и славы Божіей, онъ назвалъ сообщникомъ князя тьмы: *о веельзевулѣ изгонитъ бѣсы* (Матѳ. 12, 24); а себя и свою область грѣха представилъ въ видѣ царства Божія, угрожаемаго опасностію со стороны Іисуса Христа. То-есть, свѣтъ названъ былъ тьмою, а тьма—свѣтомъ, адъ—небомъ, а небо—адомъ! Можетъ ли быть большее превращеніе истины и суда,—неправда, тягчайшая сей неправды? О, Душе истины, поспѣши обличить сей беззаконный судъ міра; дай ему почувствовать нелицепріятность Твоего суда; яви предъ лицемъ вселенныя что *все, еже въ мірѣ, похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская, нѣсть отъ Отца* (1 Іоан. 2, 16). но отъ князя міра—діавола!

Но какъ совершить это обличеніе? Для сего надлежало бы дать міролюбцамъ на опытѣ познать тяжесть суда, ихъ ожидающаго, заставить ихъ теперь еще извѣдать, что не одинъ конецъ *благому и злому, жрущему и не жрущему* (Еккл. 9. 2). Но Духъ Святый, подобно Сыну Божію, низведшему Его заслугами Своими, приходитъ не погублять и наказывать, а исправить и спасти міръ.—Что же? беззаконный судъ міра останется безъ обличенія? Нѣтъ, человѣколюбивый Обличитель находитъ средство совершить Свое дѣло; Онъ обличаетъ міролюбцевъ, но не въ собственномъ лицѣ ихъ, — дабы дать обличаемымъ время къ покаянію, — а въ начальникѣ ихъ и главѣ, коему они подражаютъ и служатъ, — въ діаволѣ: *и о судѣ, яко князь міра сего осужденъ есть.*

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, развращеннымъ фарисеямъ, видѣвшимъ первыя дѣянія Іисуса Христа, еще можно было говорить, что они совершаются не о Духѣ Божіемъ, а о веельзевулѣ. Но можно ли было поддерживать сію клевету

послѣ того, какъ христіанство начало распространяться и всюду низвергать идоловъ и ложныхъ боговъ? Тогда всѣ по необходимости увидѣли, что Сынъ Божій дѣйствительно пришелъ для того, чтобы разрушить дѣла діавола. Какихъ потерь, какого посрамленія не претерпѣлъ сей врагъ Бога и людей? Изгнанный благодатію Святаго Духа изъ сердецъ, онъ торжественно изгнанъ потомъ изъ идоловъ, кои, съ распространеніемъ христіанства, всѣ умолкли,—изъ храмовъ и капищъ, кои или разрушены, или превращены въ храмы Бога истиннаго. Наконецъ, какъ бы въ болѣе видимое и частное доказательство невидимой всеобщей побѣды Іисуса Христа надъ діаволомъ. — Духъ Святый сообщалъ каждому изъ первенствующихъ христіанъ власть изгонять бѣсовъ однимъ словомъ. Даже одно имя Іисуса, произнесенное кѣмъ бы то ни было, изгоняло иногда діавола. Такъ сей, могущественный прежде, врагъ сдѣлался тогда слабъ и ничтоженъ! Онъ. по выраженію одного отца Церкви, былъ тогда похожъ на мертвую змѣю безъ жала, которую отдаютъ для забавы дѣтямъ.

Такое всенародное посрамленіе діавола для защитниковъ христіанства служило всенароднымъ доказательствомъ божественности вѣры христіанской. «Ваши Пиѳіи, — говорили они въ слухъ сената и народа римскаго, — умолкли, вашъ Аполлонъ онѣмѣлъ. Отчего? — Оттого, что они говорили не сами, что въ нихъ жилъ діаволъ. Онъ изгнанъ Іисусомъ Христомъ, и вотъ вы лишились своихъ боговъ; да вѣдаете, что нѣтъ другаго Бога, кромѣ Того, Коему поклоняются христіане». Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни злобенъ и ожесточенъ былъ противъ христіанства древній міръ, но, съ продолженіемъ времени, выразумѣлъ совершенно, что разрушеніе идоловъ и всего идольскаго есть лучшая похвала христіанству. Вскорѣ самые грубые язычники начали презирать тѣхъ истукановъ, кои не могли защитить себя противъ невидимой силы Креста.

Но, видя посрамленіе діавола, міръ долженъ былъ уразумѣть въ семъ посрамленіи нѣчто большее и важнѣйшее. Въ осужденіи князя міра заключается осужденіе самаго міра, въ ужасной судьбѣ владыки тьмы изображена однажды и навсегда будущая участь всей области тьмы. *И о судѣ, яко князь міра осужденъ есть.*

Такъ, люди, преданные міру и плоти, — къ какому бы времени и странѣ вы ни принадлежали,—знайте, что Духъ

Святый. по человѣколюбію Своему, благоволитъ обличать васъ снова о грѣхѣ и правдѣ: но не ожидайте новаго обличенія о судѣ: Онъ единожды и навсегда показалъ вамъ вашу будущую участь въ главѣ вашей—князѣ міра.

Вы, кои не знаете, или не хотите знать, что будетъ съ грѣшниками за гробомъ, кои сомнѣваетесь въ правдѣ Божіей и бытіи мукъ, воззрите на главу свою — князя міра, и научитесь отъ него истинѣ. Чему вы не вѣрите, то самое онъ уже терпитъ, симъ самымъ показуя вамъ, что и вы будете терпѣть то же, если не обратитесь отъ невѣрія.

Вы, устные христіане, кои думаете, что для спасенія достаточно вѣровать, какъ отцы вѣровали, и не творить правды отеческой, не исполнять закона любви,—слышите обличеніе: *князь міра осужденъ!* И онъ вѣруетъ, что Богъ есть, лучше васъ знаетъ истины, коимъ противится, хитрѣе васъ умѣетъ преображаться въ Ангела свѣтла; но, поелику не имѣетъ любви, осужденъ!

Вы, мнимые человѣколюбцы, кои вопіете, что милосердіе Творца безпредѣльно, что Онъ не можетъ предать огню вѣчному ни одного грѣшника, слышите обличеніе: *князь міра осужденъ!* Благодать Божія, равная ко всѣмъ, не пощадила гордаго; высокое достоинство его въ ряду тварей—онъ былъ Архангелъ — не воспрепятствовало подвергнуть его казни вѣчной.

Вы, кои не можете понять, какимъ образомъ существо разумное будетъ вѣчно терзаться муками и никогда не раскается, не прибѣгнетъ къ милосердію наказующаго,— воззрите на князя міра, и изъ его упорства и ожесточенія познайте, что для нравственныхъ существъ есть нѣкая страшная крайность грѣха, за которую, прешедъ, не возвращаются.

Подобно ему и каждый грѣшникъ можетъ и долженъ видѣть свой судъ и наказаніе въ князѣ міра. Въ главѣ осуждается все тѣло; въ лицѣ владыки проклята вся область тьмы. И не оттого ли, между прочимъ, братіе, міръ съ такою заботливостію всегда возставалъ противъ ученія о бытіи діавола? Несчастный, онъ чувствуетъ, что судьба духа злобы тѣсно соединена съ его собственною судьбою,—и вотъ источникъ его невѣрія! Заступаясь за діавола, онъ защищаетъ самъ себя. *И о судѣ, яко князь міра осужденъ есть.*

Такъ совершилось и совершается обличеніе Святаго Духа надъ міромъ!—Міръ обличается во грѣхѣ, имъ непризнаваемомъ, въ правдѣ, имъ отвергаемой, въ судѣ, имъ превращаемомъ. Обличеніе сіе, начавшись въ Эдемѣ. окончится на Сіонѣ. Оно объемлетъ собою всѣ вѣка и всѣ народы. Виды его столь же безчисленны, сколь безчисленны пути премудрости и всемогущества Божія. Вся исторія Церкви, даже вся исторія рода человѣческаго есть исторія сего обличенія. И кто рѣшится съ сей стороны и въ семъ духѣ взирать на всѣ событія, тотъ непрестанно будетъ находить новыя причины благоговѣть предъ дѣйствіями Духа Обличителя. Который не оставляетъ ни одного средства къ обращенію грѣшнаго рода человѣческаго изъ тьмы въ свѣтъ, изъ области сатаны къ Богу.

Время спросить теперь: что же дѣлаетъ міръ изъ обличенія Святаго Духа? Что дѣлаютъ люди? Что сдѣлали изъ онаго мы съ тобою, слушатель? Какъ пользуемся мы симъ обличеніемъ? Всегда ли внимаемъ ему, всегда ли слышимъ его? Помнимъ ли, по крайней мѣрѣ, что у насъ есть Обличитель? *Нынѣ*, взывалъ Спаситель, предвозвѣщая пришествіе Обличителя, *нынѣ судъ міру* (Іоан. 12, 31). Не тѣмъ ли паче, братіе, должно сказать, что *нынѣ*, по пришествіи Обличителя, что нынѣ судъ міру нашему? Чего недостаетъ къ суду? Судія, Богъ всемогущій, здѣсь; Искупитель, проливший за насъ кровь Свою, здѣсь; свидѣтель, совѣсть наша, здѣсь. И такъ *нынѣ*, теперь, судъ міру нашему,—не тому, который внѣ насъ, но который въ насъ,—въ нашей душѣ, міру нашихъ мыслей, желаній, страстей. Что мы речемъ съ тобою, слушатель, на судѣ семъ? Что сдѣлали мы изъ любви Бога Отца, изъ благодати Іисуса Христа, изъ причастія Святаго Духа?—Скажемъ ли, что мы признаемъ себя грѣшными: но гдѣ плоды покаянія?—Скажемъ ли, что вѣруемъ во Евангеліе: но гдѣ плоды вѣры? Скажемъ ли, что отрицаемся князя тьмы и всего служенія его: но для чего же остаемся въ области тьмы, для чего творимъ дѣла тьмы?—Что болѣе должно быть уважено на судѣ: слова, или дѣла наши; мнимая вѣра, или дѣятельное невѣріе? Древній міръ былъ обиченъ и судимъ за то, что враждовалъ противъ вѣры христіанской; спрашивается, рѣшена ли и въ нашемъ сердцѣ побѣда христіанства надъ міромъ? Пали ли въ немъ идолы?

умолкъ ли шумъ страстей? Произошла ли въ немъ та спасительная перемѣна мыслей и чувствъ, то новое рожденіе, безъ котораго не возможно *видѣть царствія Божія* (Іоан. 3, 3), безъ коего имя христіанина есть праздное титло?— Ахъ, если мы, обнося имя Христово въ устахъ, помрачаемъ его своею жизнію; если, отрекаясь врага Его на словахъ, подражаемъ ему въ дѣлахъ нашихъ: то *нынѣ* не токмо судъ, но и осужденіе міру нашему. Лучше бы намъ ничего не знать о Искупителѣ, нежели, познавъ, не исполнять того, что Имъ заповѣдано; лучше бы намъ быть внѣ царства благодати и творить дѣла правды естественной, нежели, пріявъ благодать Святаго Духа, вести жизнь мытарей и язычниковъ. Обличитель *оправдится въ словесѣхъ Своихъ:* Онъ все содѣлалъ для нашего вразумленія; и посему *побѣдитъ, внегда судити насъ* (Псал. 50, 6). Но чего будетъ стоить тогда Его побѣда намъ?—Нынѣ Онъ побѣждаетъ насъ для насъ; тогда побѣдитъ насъ для Себя; нынѣ Его побѣда есть вѣчное наше спасеніе; тогда она составитъ наше вѣчное осужденіе. Итакъ, *нынѣ*, пока есть время, *не ожесточимъ сердецъ нашихъ* (Евр. 3, 15); приложимъ слухъ нашего сердца къ обличенію Святаго Духа и потщимся предать себя Его водительству. *Потщимся* (Евр. 4, 11): ибо, при всемъ долготерпѣніи Своемъ, Обличитель не оставляетъ ненаказаннымъ упорства и нерадѣнія; долго обличаетъ съ кротостію, но когда обличаемые злоупотребляютъ Его милостію, то кротость премѣняется въ строгость. Когда же грѣшники и послѣ сего продолжаютъ упорствовать во грѣхахъ, то обличеніе Святаго Духа, по выраженію пророка, превращается въ нѣкое враждованіе противу нихъ. Прежде они уклонялись отъ Обличителя, послѣ Онъ уклоняется отъ нихъ; прежде они противились Ему, послѣ Онъ Самъ, повидимому, ставитъ имъ преграды, не благословляетъ самыхъ похвальныхъ начинаній, да научатся не злоупотреблять дарами Его. Наконецъ, когда и сіе послѣднее средство останется безъ плода, то Духъ Святый—оставляетъ грѣшника самому себѣ. Знаете ли же, братіе, что значитъ быть оставлену Святымъ Духомъ?...—Не дай Богъ, чтобы кто-либо изъ насъ позналъ это на самомъ дѣлѣ!—Итакъ, доколѣ есть время, предадимъ себя водительству Святаго Духа и воспользуемся Его спасительнымъ обличеніемъ.

Обличителю, Душе истины, мы столь же мало способны сами по себѣ воспользоваться обличеніемъ Твоимъ, сколь мало достойны утѣшенія Твоего! Ты убо Самъ, о Всеблагій, пріиди и вселися въ насъ, и обличи насъ, и, обличивъ, очисти отъ всякія скверны, и тако спаси души наши! Аминь.

Слово въ день Сошествія Святаго Духа.

Духъ Святый бѣ присно, есть и будетъ
(Стихира на день Пятидесятницы)

Какъ ни радостенъ, братіе, настоящій день, какъ ни свѣтло торжество, совершаемое нынѣ Церковію; но, если сравнить нынѣшнее наше празднованіе съ оною Пятидесятницею Апостольскою, то въ сердцѣ раждается какое-то печальное чувство. Тамъ Утѣшитель обнаруживаетъ Свое присутствіе видимо и торжественно: буря и огнь служатъ Его вѣстниками,— и въ малой горницѣ Сіонской повторяются чудеса Синая; здѣсь наши слабыя молитвы къ Нему, Всемогущему, должны проникать сквозь сей кровъ, который всегда остается сомкнутъ надъ главами нашими, и мы, не имѣя свыше ни единаго чувственнаго знаменія, принуждены увѣрять себя, что Онъ, Всеблагій, слышитъ насъ и присутствуетъ между нами.— Тогда проповѣдники Евангелія, бывъ облечены силою свыше, вдругъ содѣлались способными уразумѣть и возвѣстить въ слухъ всего міра премудрость, сокровенную въ Богѣ; и краткое, безъискусственное, но исполненное силы и духа, вѣщаніе ихъ обращало ко Христу цѣлые племена и народы, заставляя ихъ отвергать ложныхъ боговъ, оставлять предразсудки, побѣждать навыки и страсти; нынѣ, служители слова должны труднымъ и долгимъ ученіемъ снискивать свѣдѣнія для сообщенія другимъ надлежащихъ понятій о вѣрѣ; и, не смотря на всѣ пособія искусства, на всѣ усилія ревности,— самыя продолжительныя и краснорѣчивыя бесѣды ихъ часто не могутъ содѣлать истинными христіанами даже тѣхъ, кои родились и воспитаны въ нѣдрахъ христіанства.

Еще бы не такъ печальною казалась противоположность сія, если бы чрезвычайное обиліе дарованій духовныхъ въ древнія времена было удѣломъ однихъ Апостоловъ, ихъ сотрудниковъ и первыхъ преемниковъ. Предназначенные къ

необыкновенному. всемірному, многотрудному служенію. они имѣли нужду и въ дарахъ необыкновенныхъ, въ помощи чрезвычайной. Но въ Церкви Апостольской всѣ,—отъ перваго до послѣдняго.—исполнены были чудесныхъ дарованій. *Каждому,*—такъ Апостолъ Павелъ описываетъ Церковь Коринѳскую — *каждому дается открытое дѣйствіе Духа на пользу: одному слово премудрости* — способность выражать словомъ высокіе предметы мудрости христіанской; *другому слово знанія* — даръ дѣятельнаго разумѣнія истинъ вѣры и ихъ употребленія въ жизни;—*иному вѣра*—твердая увѣренность въ подлинности невидимыхъ будущихъ благъ и, происходящее оттуда, терпѣніе и мужество;—*иному даръ исцѣленій*—болѣзней тѣлесныхъ и душевныхъ;—*иному дѣйствія силъ* — произведеніе такихъ явленій, кои превышаютъ всѣ силы человѣческія; — *иному пророчество*, — предсказаніе будущаго, изъясненіе истинъ вѣры, чрезъ сравненіе настоящаго съ прошедшимъ и будущимъ; — *иному различеніе духовъ*—истинныхъ отъ ложныхъ и ихъ откровеній;—*иному разные языки* — способность говорить на разныхъ языкахъ. не учась имъ предварительно;—*иному истолкованіе языковъ*—даръ изъясненія на извѣстномъ языкѣ, что сказано кѣмъ-либо на неизвѣстномъ (1 Кор. 12. 7—11). Посему то когда коринѳскіе христіане сходились въ церковь на молитву, то, по свидѣтельству того же Апостола, у каждаго изъ нихъ былъ или новый *псаломъ*, внушенный Святымъ Духомъ, или новое *поученіе*, или новый *языкъ*, или новое *откровеніе*, или *истолкованіе* прежнихъ откровеній.—Подобное тому было и во всѣхъ прочихъ Церквахъ христіанскихъ.—Въ Ефесѣ, при первомъ прибытіи туда Павла, нашлось было нѣсколько учениковъ, именовавшихся христіанами и не имѣвшихъ дарованій духовныхъ; но тотчасъ и открылось, что они крещены однимъ Іоанновымъ крещеніемъ, а не Христовымъ, и тотчасъ восполненъ сей недостатокъ чрезъ возложеніе на нихъ рукъ святымъ Павломъ;—послѣ чего они, подобно прочимъ христіанамъ, стали говорить языками и пророчествовать (Дѣян. 19, 1—7). Такъ вѣрно, братіе, исполнялось тогда оное утѣшительное слово обѣтованія: *и будетъ въ послѣднія дни, излію отъ Духа Моего на всяку плоть.*

А нынѣ?—Не дерзаемъ мыслить, чтобы и нынѣ обѣтованіе сіе не оказывало надъ кѣмъ-либо изъ христіанъ своего

прежняго дѣйствія. — Кто можетъ знать, что совершается въ цѣлой Церкви Христовой, которая разсѣяна по всему міру, собирается отъ всѣхъ языкъ, колѣнъ и племенъ. и въ избраннѣйшихъ членахъ своихъ. въ ихъ дѣйствіи и дарованіяхъ извѣстна единому Сердцевѣдцу? — Но, съ другой стороны, всегдашній и всеобщій опытъ побуждаетъ признать за истину, что если нынѣ и существуютъ еще гдѣ-либо чудесные дары, то въ скудной мѣрѣ, безъ той видимости, всеобщности и полноты, съ коими они являлись въ Церкви первенствующей.

Что же значитъ это? — Почему первые христіане были такъ богаты чудесными дарованіями Святаго Духа, а мы не имѣемъ оныхъ? Не есть ли это знакъ, что Духъ Святый гораздо менѣе благоволитъ нынѣ къ Церкви Христовой? Даже не оставилъ ли Онъ ее за грѣхи и нечестіе христіанъ?

Вопросы сіи такъ близки къ настоящему празднеству и такъ важны сами по себѣ. что ихъ нельзя оставить безъ разрѣшенія. — Но кто въ состояніи разрѣшить ихъ. какъ должно?—Чтобы увѣрить другихъ въ дѣйствительности присутствія Святаго Духа въ Церкви, надобно прежде самому живо ощутить Его присутствіе въ своемъ сердцѣ; а таковое ощущеніе скорѣе можетъ выразиться молчаніемъ, нежели разглагольствованіемъ. Чтобъ изъяснить вполнѣ, почему Духъ Святый. продолжая управлять Церковію Христовою и обитать въ ней, не сообщаетъ однакожъ членамъ ея чудесныхъ даровъ Своихъ, для сего надлежитъ имѣть одинъ изъ тѣхъ огнѣнныхъ языковъ, кои почили нынѣ на Апостолахъ. Такимъ образомъ, при всей важности вышепредложенныхъ вопросовъ, мы, по слабости разумѣнія духовныхъ вещей, должны были бы оставить ихъ безъ разрѣшенія, если бы не имѣли въ семъ случаѣ опытнаго, можно сказать, Самимъ Духомъ Святымъ воздвигнутаго, руководителя—святаго Златоуста, который въ свое время,—ибо въ его время уже не было чудесныхъ знаменій,—разрѣшалъ тѣ же самые вопросы въ назиданіе своихъ слушателей. Послѣдуемъ его руководству.

По мнѣнію святаго Златоуста, не должно скорбѣть и сѣтовать о томъ, что видимыхъ и чувственныхъ чудесныхъ знаменій Святаго Духа нѣтъ болѣе въ Церкви; даже можно радоваться тому, что они прекратились и почитать это за честь для Церкви. *Не должно скорбѣть*: потому что чудес-

ныя дарованія. бывшія въ древнія времена. не доставляли людямъ спасенія, а добрая жизнь спасала и можетъ всегда спасать и безъ нихъ. *Можно радоваться:* потому что существованіе видимыхъ чувственныхъ знаменій было, между прочимъ, слѣдствіемъ слабости и дѣтства духовнаго многихъ первообращенныхъ христіанъ; а прекращеніе ихъ есть признакъ крѣпости и совершеннолѣтія духовнаго Церкви Христовой и подаетъ случай къ большимъ заслугамъ по вѣрѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. братіе, если съ чего должно быть начато сужденіе о важности или неважности обладанія чувственными чудесными знаменіями, то именно съ того. много ли они содѣйствовали ко спасенію?—Это единственное вѣрное правило. Итакъ. зависѣло ли сколько-нибудь дѣло спасенія отъ чувственныхъ чудесныхъ знаменій. отъ пророчествъ. отъ видѣній, отъ исцѣленій, отъ знанія языковъ?—Нисколько.

И во-первыхъ. какъ замѣчаетъ святый Златоустъ, были великіе святые. кои не творили ничего чудеснаго, по крайней мѣрѣ сдѣлались великими праведниками прежде. нежели стали быть чудотворцами. «Кое знаменіе», вопрошаетъ онъ. «Іоаннъ сотвори. грады толики къ себѣ привлекъ? Яко бо ничто же чудодѣйствова, слыши Евангелиста глаголюща: Іоаннъ знаменія не сотвори ни единаго. Откуду же и Илія чуденъ бысть? Не отъ дерзновенія ли къ царю? Не отъ ревности ли по Богѣ? Не отъ нестяжанія ли? Не отъ милоти ли своей? Не отъ пещеры ли и горъ? Знаменія бо по сихъ всѣхъ сотвори. Іова же кое знаменіе творяща ужасеся діаволъ? Знаменіе ни едино же, но житіе сіяющее и терпѣніе адаманта твердѣйшее. Кое знаменіе и Давидъ сотвори еще юнъ сый. яко рещи Богу о немъ: *обрѣтохъ Давида, сына Іессеева, мужа по сердцу Моему?* Авраамъ же. Исаакъ. Іаковъ, котораго мертваго воздвигоша, котораго прокаженнаго очистиша?—Всѣхъ сихъ не знаменія содѣлаша дивныхъ, но имѣній пренебреженіе, славы презрѣніе. отъ житейскихъ вещей свобожденіе. Аще бо не сіе имѣли, и рабы страстей были, то аще бы и тьмочисленныхъ мертвыхъ воздвигли, не токмо ничтоже бы пользовали. но и прелестницы быти возмнилися бы».

«Доколѣ убо», заключаетъ златословесный учитель, «притвореніе творимъ нашей лѣности чудесами? Се ликъ святыхъ не чудесами просіявшій» (Бесѣд. на Матѳ. 46)!

Съ другой стороны, находимъ, что многіе, обладая даромъ, чудесъ, не только не умѣли извлечь изъ того для себя никакой душевной пользы, но и совершенно погибли. Ужасный примѣръ сего—Іуда! Никто не сомнѣвается, что онъ, подобно прочимъ Апостоламъ, производилъ чудеса: исцѣлялъ прокаженныхъ, изгонялъ бѣсовъ, воскрешалъ, можетъ быть, и мертвыхъ; и однако же, потерялъ не только Апостольство, самую душу! Чудеса не спасли его, ибо онъ попустилъ овладѣть собою демону корыстолюбія, содѣлался татемъ и предалъ своего Учителя. А что не одинъ Іуда погибъ, и, можетъ быть, погибнетъ съ чудесами, явно изъ того, что на страшномъ судѣ, по свидѣтельству Самого Спасителя, многіе будутъ говорить Судіи: *Господи, Господи, не въ Твое ли имя пророчествовахомъ, и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ?*—Сколько чудесъ!—Какія знаменія!—И однако же, что скажетъ имъ Господь? *Николиже знахъ васъ, отыдите отъ Мене дѣлающіи беззаконіе* (Матѳ. 7, 22). Слова вовсе неожиданныя! Приговоръ страшный, но совершенно справедливый! «Они убо», разсуждаетъ при семъ Златоустъ, «удивятся, яко тако чудодѣйствовавше, мучими суть: ты же не дивися. Всяка бо благодать есть Давшаго: тѣмже и мучитися должны; понеже къ тако почетшему ихъ, яко и не достойнымъ благодать дати, неблагодарни пребыша и нечувственни» (Бесѣд. на Матѳ. 24).

Итакъ, если были великіе Святые, не обладавшіе даромъ чудесъ, и если нѣкоторые изъ обладавшихъ симъ даромъ погибли, если онъ подавался иногда нечестивымъ и невѣрнымъ, то не явно ли, братіе, что спасеніе наше нисколько не зависитъ отъ обладанія чудесными дарованіями? А если такъ, то нѣтъ основательной причины печалиться, не видя болѣе между христіанами чудотворцевъ.—Одно только чудо, о несовершеніи коего надъ нами мы всегда должны скорбѣть: это исправленіе нашего, злаго по природѣ, сердца, обновленіе нашей жизни, духовное возрожденіе; но для произведенія сего чуда, необходимаго для каждаго изъ насъ, сдѣлано со стороны Промысла все, что нужно, такъ что совершенно отъ насъ зависитъ испытать его надъ собою. «Главизну благъ»,—разсуждаетъ святый Златоустъ,—то-есть, тѣ дары Святаго Духа, безъ коихъ

невозможно наше спасеніе,—«мы имамы крещенія дары: вси пріяхомъ оставленіе грѣховъ, освященіе, Духа причастіе, сыноположеніе, наслѣдіе живота вѣчнаго. Что хощеши множае? Знаменій? Но упразднишася». Не ищи того, чего нѣтъ, пользуйся тѣмъ, что есть. «Вѣру имаши, надежду, любовь, и та непреходящая. Сихъ убо взыскуй: сія знаменій больша суть» (Бесѣд. на Дѣян. 40). Въ самомъ дѣлѣ больше. Всѣ чудесныя дарованія не могутъ замѣнить одной добродѣтели; напротивъ, одна какая-либо добродѣтель сильна вознаградить собою всѣ знаменія. *Аще языки человѣческими глаголю и Ангельскими*, пишетъ о себѣ Апостолъ Павелъ, *аще имамъ пророчество и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти: любве же не имамъ, ничтоже есмь* (1 Кор. 13, 1. 2). Вотъ что значитъ одна — любовь! — Ея же спросятъ у насъ и на страшномъ всемірномъ судѣ, гдѣ произведенъ будетъ окончательный разсчетъ въ дарованіяхъ Божіихъ, намъ данныхъ. и въ томъ, что мы сдѣлали изъ нихъ, — любви, говорю, спросятъ у каждаго изъ насъ тогда, а не чудесъ, не знаменій. *Пріидите благословенніи Отца Моего,*—скажетъ праведный Судія всемогущій,—*наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе* (Матѳ. 25, 34). За что уготованное? За то ли, что мертвыхъ воскрешали, бѣсовъ изгоняли, пророчествовали, чудодѣйствовали?—Нѣтъ, но за то, что, видя своего Спасителя бѣдствовавшимъ въ лицѣ меньшихъ братій своихъ, послужили Ему: гладнаго напитали, нагаго одѣли, больнаго посѣтили, страннаго ввели въ домъ. Ни слова о чудесахъ, а все о дѣлахъ, о жизни, о любви. «Не знаменій убо и ты ищи», заключаетъ святый Златоустъ, «но души здравія. Аще отъ безчеловѣчія къ милостынѣ приложишися, суху руку простерлъ еси, аще, позорище оставль, въ церковь пріидеши, храмлющему ногу исправилъ еси; аще отвратиши очеса свои отъ доброты чуждыя, слѣпаго очи отверзъ еси; аще вмѣсто сатанинскихъ пѣсней изучиши псалмы духовные, — нѣмъ сый, проглаголалъ еси. Сія чудеса величайшая! сія знаменія предивна» (Бесѣд. на Матѳ. 32)!

«Но древнія знаменія», скажетъ кто-либо, «весьма полезны были для обращенія невѣрныхъ, а посему все остается причина скорбѣть о прекращеніи ихъ, если не за себя, то за другихъ». Ревность ко благу ближнихъ похвальная!—Скорбь достойная христіанина! Но знаешь ли что? — Если бы сія

скорбь и оная ревность, не оставались въ однихъ нашихъ словахъ, а всегда выражали себя въ дѣйствіяхъ, то и безъ чудесъ, давно, можетъ быть, не осталось бы ни одного язычника. — «Еллиновъ», по увѣренію святаго Златоуста, «не тако приводятъ къ вѣрѣ знаменія, якоже житіе наше». «Знаменія бо творящихъ», продолжаетъ онъ, «многажды они прелестниками нарицаху, житія же чистаго укорити не могутъ. Мы убо виновницы—а не недостатокъ чудесъ—въ томъ, что пребываютъ они въ заблужденіи. Ибо хотя они древніе догматы свои пренебрегать начинаютъ, и нашимъ чудятся, но житія ради нашего воспящаемы бываютъ. Словесы бо любомудрствовати удобно есть (мнози бо и у нихъ сія сотвориша), ищутъ же отъ дѣлъ показанія истины. И праведно. Когда бо увидитъ лихоимствующаго, похищающаго, и со единоплеменники, яко со звѣрьми обращающагося, того самаго, ему же и враговъ любити повелѣно есть, ложь быти возмнитъ глаголемая. Покажи мнѣ, речетъ, вѣру отъ дѣлъ твоихъ; но сего у насъ нѣтъ; а паче видя насъ лютѣе звѣрей терзающихъ ближнія, язвою насъ нарицаетъ вселенныя. Сіе Еллины удерживаетъ и не попущаетъ присоединитися; того ради и мы за сихъ наказаніе пріиземъ» (Бесѣд. на Іоан. 72). О семъ-то, слѣдовательно, — о упадкѣ нравовъ между христіанами, соблазняющемъ невѣрныхъ, и намъ должно скорбѣть; а не о томъ, что у насъ нѣтъ знаменій для ихъ обращенія. Будемъ дѣлать для спасенія ихъ то, что зависитъ отъ насъ: а Богъ непремѣнно содѣлаетъ то, что зависитъ отъ Него и, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ, хотя мы и не знаемъ, чрезъ кого и какимъ образомъ.

«Пусть будетъ такъ», скажутъ еще, «намъ не должно скорбѣть о прекращеніи чудесныхъ знаменій; но и радоваться сему было бы безразсудно. Можно ли сравнить наши бѣдныя времена съ онымъ блаженнымъ временемъ, когда Церковь Христова, украшенная даромъ чудесъ, видимо показывала всему міру, что она есть избранная невѣста небеснаго Жениха?»

Не только можно сравнить, но, именно, въ отношеніи къ знаменіямъ, должно съ нѣкоторой стороны отдать даже преимущество нашимъ временамъ предъ древними. Разберемъ безпристрастно причины великихъ чувственныхъ знаменій въ Церкви Апостольской,—и истина откроется сама собою.

Спросимъ, во-первыхъ, почему при началѣ христіанства произведено столько чудесъ?—Совершенство ли людей, тогда жившихъ, низвело ихъ съ неба? — Нѣтъ, не совершенство, а нужда. Тогда надлежало совершиться одному изъ великихъ переворотовъ нравственныхъ, быть введенной между людьми новой вѣрѣ. «А вездѣ», замѣчаетъ святый Златоустъ, «аще что странное и дивное совершитися хощетъ, или новаго образа жизни введеніе бываетъ, знаменія творити обыче Богъ, залоги силы Своея подая имущимъ пріяти законы Его. Тако егда человѣка сотворити хотяше, міръ весь созда прежде, и потомъ законъ, въ раи бывшій, даде ёму. И егда Ною законъ дати имѣяше, велія паки чудеса показа, ими же возобнови всю тварь... и при Авраамѣ тако же много знаменія являше; сирѣчь, побѣду во брани, язву на Фараонѣ, свободу отъ бѣдъ. И іудеомъ законъ дати имѣя, дивная оная и великая чудеса показа прежде, и потомъ законъ даде. Тако и здѣ (во время Іисуса Христа и Апостоловъ) высокое нѣкое хотя въ родъ человѣческій ввести жительство (вѣру христіанскую) и яже никогда же слышаху законоположити, показаніемъ чудесъ та утверждаетъ. Егда бо проповѣдуемое (Апостолами) царствіе не являшеся, отъ являемыхъ знаменій не явлено бывшее творитъ явственно (Бесѣд. на Матѳ. 14)». «Все сіе тѣмъ нужнѣе было», разсуждаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что «человѣцы тогда поживши, яко мало что идоловъ оставльшіи, поникновени суще смысломъ, сердцы же нечувственны и оледенѣлы, земная паче мудрствующе и вожделѣвающе, — ниже мыслію касахуся дарованій нечувственныхъ, невѣдуще отнюдь, что есть безтѣлесная, единою точію вѣрою мыслимая, благодать. Сего ради знаменія бываху, да не пребудутъ въ невѣріи, чудесамъ небываемымъ» (Бесѣд. 1, на Пятьдесят.). «Вообще», заключаетъ святый Златоустъ, «во время Апостоловъ начало и основаніе вѣры полагашеся. Якоже убо добрый земли дѣлатель о древѣ, имъ насажденномъ, юности ради, многое попеченіе творитъ, отвсюду ограждая, каменіемъ и шипомъ утверждая, да не исторгнетъ вѣтръ, ниже обидитъ и потопчетъ скотъ, ниже ино кое зло приключится: егда же возрастетъ и крѣпость пріиметъ, отъемлетъ подставы, древу саму сильну сущу невредитися. Сицѣ о вѣрѣ сбывшееся видимъ. Егда бо мало что возрасла, и вельми

слаба, и вновь всаждаема въ сердцы бяше; изо всѣхъ странъ опасно укрѣпляшеся и ограждашеся: пустившей же корени и силу пріимшей и весьма высоко вѣтви протязающей, отъя Христосъ, подставы и обороны. Симъ убо образомъ изначала даяхуся дары и недостойнымъ сущимъ; вѣрѣ бо потреба бѣ помощи: нынѣ же и достойные не пріемлютъ, чрезъ крѣпость вѣры, нуждѣ въ защитѣ упразднившейся» (Бесѣд. 2 на заглав. Дѣян. Апост.).

Итакъ, вотъ истинныя причины того обилія чудесныхъ знаменій, коему мы удивляемся въ Церкви первенствующей: нужда приготовить людей къ принятію новой религіи и новаго образа жизни; нужда — оградить и укрѣпить вновь насажденный вертоградъ вѣры; нужда увѣрить чувственныхъ людей въ томъ, что имъ дѣйствительно поданы сверхъестественныя блага. Такимъ образомъ, все нужда и нѣкоторая скудость были причиною чудесъ и знаменій, а не богатство, не совершенство какое-либо, не заслуги.

Что же? — Ужели намъ послѣ сего жалѣть о томъ, что теперь для Церкви Христовой нѣтъ болѣе таковыхъ нуждъ, а потому нѣтъ и знаменій?—Это значило бы все равно, какъ если бы совершеннолѣтній, достигшій полноты умственныхъ и нравственныхъ силъ, началъ жалѣть о томъ, что лишенъ нѣкоторыхъ пріятностей и украшеній дѣтскаго возраста; все равно, какъ если-бы кто изъ гражданъ началъ роптать на судьбу свою за то, что ему досталось жить въ то время, какъ отечество его пришло въ силу и славу, а не при самомъ его началѣ и основаніи. Напротивъ, зрѣло размысливъ, мы должны благодарить Бога, что Онъ не благоволилъ содѣлать насъ свидѣтелями великихъ перемѣнъ въ судьбѣ Церкви, въ продолженіе коихъ бываютъ нужны чудеса и знаменія, потому что люди, живущіе во время сихъ переворотовъ, хотя слышатъ и видятъ много такого, чего не бываетъ во всѣхъ прочихъ вѣкахъ; но по какому-то несчастному жребію, рѣдко и мало пользуются преимуществами своего времени. Въ самомъ дѣлѣ, много ли изъ современниковъ Ноя и Авраама обратилось на путь правды? Никого не знаемъ. Многіе ли изъ евреевъ, видѣвшихъ чудеса Моисея, остались вѣрны Богу и вошли въ землю обѣтованную?—Только два человѣка: Іисусъ Навинъ и Халевъ. Самъ Моисей, произведшій столько чудесъ, умеръ внѣ

оной. Многіе-ли и изъ современниковъ Іисуса Христа воспользовались преимуществомъ слышать ученіе и видѣть чудеса Его? Весьма не многіе. Кто же знаетъ, слушатель, что бы и съ нами было, еслибъ мы жили въ оныя времена, чудесъ, кажущіяся намъ столько завидными? Кто поручится, что мы остались бы въ маломъ числѣ Іисусовыхъ друзей, состоявшихъ на Голгоѳѣ, предъ крестомъ Его и не были увлечены потокомъ всеобщаго соблазна на сторону Его враговъ и распинателей?—Если и нынѣ, совершенно зная, кто Іисусъ, вѣруя, что Онъ есть нашъ Искупитель, Богъ и Судія, слѣдовательно, зная болѣе, нежели сколько было извѣстно тогда многимъ изъ самыхъ учениковъ Его; если, говорю, и нынѣ, не смотря на все сіе, мы измѣняемъ нашему Господу, снова распинаемъ Его грѣхами нашими, то не должно ли со всею вѣроятностію заключить изъ сего, что, бывъ современниками нашему Спасителю, мы принадлежали бы къ числу упорнѣйшихъ враговъ Его, можетъ быть тѣхъ самыхъ людей, кои предали, осудили, распяли Его? — Значитъ, намъ должно благодарить Бога, что мы живемъ не во времена чудесъ, кои бываютъ временемъ тягчайшихъ искушеній,—что мы не видимъ знаменій, кои, по всей вѣроятности, не обратили бы насъ къ вѣрѣ, а только содѣлали бы виновнѣе и безотвѣтнѣе.

«Но я желалъ бы, скажешь, находиться не въ числѣ зрителей чудесъ, людей не обращенныхъ и злыхъ, а въ числѣ вѣрныхъ, кои обладали чудесными дарованіями». — А это, думаешь, не было сопряжено съ опасностью?—Мы видѣли, что изъ совершившихъ чудеса многіе не будутъ признаны Спасителемъ за Своихъ и пойдутъ въ муку. Теперь скажемъ въ дополненіе, то для нѣкоторыхъ—если не для всѣхъ сихъ несчастныхъ — камнемъ претыканія на пути ко спасенію вѣроятно послужили (разумѣется, не сами по себѣ, а по ихъ винѣ) именно чудеса и дары необыкновенные, ихъ украшавшіе. Доказательство сей печальной истины представляетъ таже самая Церковь Апостольская, коей мы хотимъ завидовать. Коринѳяне, какъ мы видѣли, отличались многими дарованіями. Что же вышло изъ того?—«Вящшая (изъ дарованій чудесныхъ) имущіи», говоря словами Златоуста, «взимахуся на иже худѣйшія стяжавшихъ; сіи же паки болѣзноваху, и большая имущимъ завидяху (Бесѣд. на 1 Кор. 29)». Зависть же, какъ обыкновенно бываетъ, повела за собою всѣ

душевные недуги, несогласія, споры и безпорядки, такъ что, если бы Павелъ, какъ опытный и усердный врачъ, не поспѣшилъ на помощь недугующей Церкви, и не преподалъ ей врачества смиренія и любви, то, вѣроятно, не одному коринѳскому чудотворцу довелось бы слышать ужасное оное: *николиже знахъ васъ!*—Тоже могло быть и съ нами, если бы у насъ существовалъ даръ чудесъ. «Аще бо», разсуждаетъ святый Златоустъ, «не бываемымъ знаменіямъ, иная имущіи превосходства, якоже слово премудрости, или благоговѣнія показаніе, тщеславимся, возносимся, другъ отъ друга раздѣляемся: аще бы знаменія были еще ктому, гдѣ бы не послѣдовало расторженія (Бесѣд. на Матѳ. 32)?»—Значитъ, смотря на дѣло и съ сей стороны, намъ должно благодарить Бога, что мы избавлены отъ искушеній имѣть столь опасные дары, что намъ не суждено носить въ нѣдрахъ своихъ огня, священнаго, но ревниваго и страшнаго, коего пламень могъ бы обратиться на насъ самихъ.

Но за то ли одно мы должны благодарить Бога, что избавлены отъ искушеній—злоупотреблять чудесами? Нѣтъ ли у насъ еще многихъ, важнѣйшихъ преимуществъ, коихъ вовсе не было въ первыя времена христіанства?

Первое преимущество наше — жить во времена мира, видѣть торжество вѣры христіанской и ея побѣду надъ врагами. Намъ по слуху только извѣстно огненное крещеніе, коимъ надлежало креститися ученикамъ Іисусовымъ; но первенствующая Церковь испытала на себѣ всю лютость сего крещенія. Славныя обѣтованія были впереди,—незримы, а предъ очами была нищета и смерть за имя Христово. «Каждому вѣрующему», говоритъ Златоустъ, «абіе подобаше стати аки на позорищѣ, прогнану бы отъ отечества, послѣдняя пострадати лютая, отъ всѣхъ ненавидиму быти, общимъ супостатомъ зватися и своихъ и чуждыхъ». Вотъ въ какомъ положеніи были тогда и вѣра и вѣрующіе! — Ни одна изъ главъ, на коихъ почили нынѣ огненные языки, не спаслась отъ меча гонителей. Между тѣмъ не первымъ христіанамъ, а намъ предоставлено, говоря словами же Златоуста, «видѣть торжество Церкви, вселенныя всея обращеніе, варваровъ любомудріе, свирѣпыхъ нравовъ премѣненіе, благоговѣйнства распространеніе, пророчествъ событіе (Бесѣд. на 1 Кор. 6)». Намъ предоставлено наслаждаться тѣмъ ми-

ромъ, который купленъ потоками крови мучениковъ, потомъ и слезами подвижниковъ, воздыханіями цѣлой Церкви вселенской. Мы не трудились, и однако же наслаждаемся всѣми плодами трудовъ, Богу *лучшее что о насъ предзрѣвшу* (Евр. 11, 40).

Подлинно лучшее!—Въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ сколько новыхъ свѣтилъ возжено Духомъ Святымъ на тверди церковной, могущихъ служить руководствомъ для безбѣднаго плаванія къ вѣчному отечеству! Сколько подано новыхъ примѣровъ самоотверженія, любви и всѣхъ прочихъ высокихъ добродѣтелей! Сколько оставлено духовныхъ опытовъ успѣшной брани со врагами видимыми и невидимыми! — Прежде бывшій тѣсный путь къ царствію небесному, можно сказать, распространился для насъ отъ множества прошедшихъ по немъ; терны, его покрывающіе, кажется, притупились о стопы безчисленныхъ подвижниковъ Божіихъ; фіалъ искушеній и скорбей, кажется, уже весь испитъ ими, и намъ остается только прикасаться къ нему устами для нашего освященія.

Наконецъ, намъ предоставлено высокое преимущество—*вѣры безъ чудесъ*. Вѣровать обѣтованіямъ Божіимъ, не видя, ожидать ихъ исполненія, не требуя доказательствъ, — составляетъ великое достоинство духа человѣческаго, и вмѣстѣ такое блаженство, коего недоставало самымъ Апостоламъ. *Блажени,* сказалъ Самъ Спаситель Апостолу Ѳомѣ, *не видѣвшіи и вѣровавшіи* (Іоан. 20, 29). Хочешь ли знать, въ чемъ состоитъ сіе блаженство?—«Въ томъ, отвѣчаетъ святый Златоустъ, «что вѣрующій безъ знаменій вѣруетъ Богу безъ залоговъ, вѣруетъ единому Его слову, и, такимъ образомъ, являетъ послушаніе самое чистое: — въ томъ что знаменій ради сами должники бываемъ Богу, житія же благаго и дѣяній ради—должника имѣемъ Бога» (Бесѣд. на Матѳ. 24). «Въ самомъ дѣлѣ», разсуждаетъ тотъ же учитель въ другомъ мѣстѣ, «егда Христосъ пріидетъ и вси Ангели съ Нимъ, и покажется Богъ, и вся покорена Ему: не увѣрится ли и еллинъ? — Явно, яко поклонится, и Бога речетъ. Еда убо. рцы ми, вмѣнится еллину въ вѣру поклоненіе оно и познаніе? Никако же. — Чесо ради? явно, яко нѣсть сіе вѣра: нужда бо сіе сотвори, и величіе видимыхъ имъ, и нѣсть вещь отъ произволенія. Елико бо аще явленнѣе знаменіе покажется, толико вѣры мзда умаляется». «Тако», заключаетъ святый

Златоустъ, «аще быша и нынѣ были знаменія, тожде было бы», то-есть, наша вѣра потеряла бы большую часть своей цѣны.

Но разсуждая такимъ образомъ, не унизимъ ли мы дара чудесъ и знаменій?—Не умалимъ ли достоинства первенствующей Церкви, обладавшей симъ даромъ?

Нимало. Даръ чудесъ самъ по себѣ всегда равно важенъ, потому что происходитъ непосредственно отъ Бога и подается для великихъ цѣлей. Но по отношенію къ людямъ, сей даръ особенно важенъ только въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтается особенными ихъ трудами, есть награда за ихъ вѣру, терпѣніе и любовь, или, лучше сказать, когда есть какъ бы естественное (хотя не всегда открывающееся) слѣдствіе возстановленія въ нихъ образа Божія и соединенія съ Богомъ—дѣйствіе той, по выраженію Спасителя, *вѣры Божіей* (Мар. 11, 23), которой все подчинено, *и вся возможна* (Мар. 9, 23). Въ семъ случаѣ даръ чудесъ чрезвычайно важенъ, ибо составляетъ одно съ святостію: хотя и въ семъ случаѣ важенъ по тому, что имъ предполагается въ человѣкѣ, а не что отъ него происходитъ. Бываютъ же случаи, когда человѣкъ самъ по себѣ не созрѣвшій духомъ для дара чудесъ, даже не начинавшій зрѣть, вдругъ получаетъ его свыше для какихъ-нибудь особенныхъ цѣлей. Тогда внѣшнія чудеса, производимыя такимъ человѣкомъ, не бывше слѣдствіемъ внутренняго чуда—возстановленія въ душѣ его образа Божія, не придаютъ ему нравственнаго совершенства, а напротивъ могутъ, какъ мы видѣли, отъ неосторожности его, обратиться даже во вредъ. Такимъ точно образомъ подавался даръ чудесъ большей части христіанъ и въ Церкви Апостольской,—подавался по причинѣ особенныхъ обстоятельствъ и нуждъ, безъ особенной заслуги со стороны пріемлющихъ, тотчасъ по крещеніи. Только въ немногихъ чистыхъ, возвышенныхъ, обоженныхъ душахъ, (какова Павлова, Петрова и прочихъ св. мужей), чудеса были, можно сказать, столько же плодомъ ихъ сбственной вѣры и совершенствъ духовныхъ, сколько даромъ Божіимъ. Но таковыя немногія души и во всѣ прочія времена, какъ свидѣтельствуетъ священная исторія, стояли выше законовъ видимой природы,—когда хотѣли, и нужно было,—производили чудеса. Только сіи души менѣе всего наклонны бываютъ искать дара чудесъ и показывать его другимъ.

Не унижаемъ мы и первенствующей Церкви нашимъ мнѣніемъ о чудесахъ и знаменіяхъ. Внутренняя лѣпота ея и богоподобность зависѣли не отъ знаменій, а отъ великихъ добродѣтелей, коими украшались нѣкоторые изъ ея членовъ. Знаменія же, какъ прежде сказано, будучи слѣдствіемъ нужды, предполагая людей чувственныхъ, вообще, напоминая собою дѣтство духовное,—не только не увеличивали собою внутренняго совершенства первенствующей Церкви, но можно сказать, служили для пополненія ея недостатковъ, для прикрытія слабой ея стороны. Это былъ нѣкоторый, временный остатокъ Ветхаго Завѣта, который, будучи данъ людямъ чувственнымъ и грубымъ, по тому самому почти весь состоялъ изъ знаменій.

«Поэтому,—скажетъ кто-либо,—Церковь Христова съ продолженіемъ времени достигла большей силы и стала выше». А что же, возлюбленный? Развѣ виноградъ, насажденный Отцемъ небеснымъ, напрасно пилъ воду жизни, напрасно былъ отребляемъ и блюдомъ въ продолженіе осьмнадцати вѣковъ? Развѣ таинственное тѣло Христово въ это время не возрастало, оставалось въ младенчествѣ, не приходило въ мѣру возраста Христова?—Мы непрестанно твердимъ, что родъ человѣческій развивается въ своихъ силахъ, разумъ зрѣетъ, науки и искусства усовершаются, общества человѣческія растутъ и укрѣпляются, все идетъ постепенно къ лучшему: ужели одно общество Іисуса Христа не оказываетъ дальнѣйшихъ успѣховъ? Одна Церковь остается позади всѣхъ учрежденій?—Гдѣ же обѣтованіе? Гдѣ Промыслъ?—Нѣтъ, сего не можетъ быть; не возможно, чтобы дѣло Божіе оставалось безъ преспѣянія, когда такъ спѣютъ дѣла человѣческія... Если мы слабы и несовершенны, то и должны сознавать свою слабость, а не распространять оную, въ извиненіе себя, на всю Церковь. Найдутся чистыя души, кои оправдаютъ собою Промыслъ, докажутъ своею жизнію, что Церковь Христова болѣе и болѣе приближается къ той лѣпотѣ, въ коей она, яко невѣста, должна явиться на бракъ небеснаго Жениха. Но сіи-то души и составляютъ собственно Церковь Божію, то малое стадо, коему завѣщано царство; ихъ-то и разумѣлъ св. Златоустъ, когда утверждалъ, что чудесныя знаменія прекратились потому, что люди сдѣлались духовнѣе; ихъ-то надобно разумѣть и намъ, допуская, что

нынѣ еще менѣе, нежели во время Златоуста, нужды въ чувственныхъ знаменіяхъ. По крайней мѣрѣ, всего непозволительнѣе судить о состояніи цѣлой Церкви по нашимъ слабостямъ и недостаткамъ. Мы съ нашими слабостями, недостатками, пороками образуемъ только тѣнь, которая, впрочемъ, чѣмъ бываетъ темнѣе и длиннѣе, тѣмъ высшее предполагаетъ зданіе.

Можно бы, братіе, и еще сказать многое въ поясненіе важной истины, нами разсматриваемой; но время уже положить конецъ слову, и собрать во едино, что говорено было порознь и съ различныхъ сторонъ о предметѣ. Что же выходитъ изъ всего нами сказаннаго? — То самое, что мы слышали изъ устъ Златоуста въ началѣ нашего разсужденія: то есть, что намъ не только не должно скорбѣть о прекращеніи чудесныхъ знаменій, но и можно радоваться сему событію, какъ доказательству, что Церковь нынѣ избавилась отъ многихъ прежнихъ бѣдъ и нуждъ, — какъ признаку, что общество истинно-вѣрующихъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все человѣчество, достигло большаго совершенства, наконецъ, какъ условію многихъ нашихъ преимуществъ и основанію новыхъ заслугъ духовныхъ.

Возблагодаримъ убо, братіе, Отца небеснаго, что Онъ, раздѣляя дары благодати Своея роду человѣческому, и соразмѣряя ихъ съ различными состояніями, возрастами и нуждами онаго, не забылъ при семъ раздѣлѣ и насъ, коимъ суждено жить въ позднѣйшія времена, и, не благоволивъ намъ дать того, что для насъ не нужно и составило бы тягость, въ избыткѣ даровалъ все необходимое для спасенія, и, кромѣ сего, много такихъ благъ, коихъ не было во всѣхъ вѣкахъ предшествующихъ. Благодарность же наша должна главнымъ образомъ состоять въ томъ, чтобы пользоваться духовными преимуществами, намъ данными, и правотою жизни, чистотою желаній, высотою мыслей доказывать, что мы принадлежимъ къ Церкви совершеннѣйшей, живемъ во времена лучшія. Кто будетъ поступать такимъ образомъ, тотъ на самомъ опытѣ узнаетъ, что дары благодатные могутъ съ продолженіемъ времени видоизмѣняться, а *Духъ Святый — бѣ присно, и есть и будетъ*. Аминь.

Слово на день Святыя Троицы.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Сими великими и святыми словами пастыри Церкви начинаютъ обыкновенно всѣ свои собесѣдованія съ нами, братіе мои. Но въ другіе дни сіи святыя слова служатъ только святымъ заглавіемъ словъ и бесѣдъ церковныхъ, а въ нынѣшній день онѣ могутъ составить самый предметъ для поученія. Ибо нынѣ празднуемъ мы въ честь и славу Пресвятыя, Единосущныя, Живоначальныя и Нераздѣльныя Троицы: о чемъ же приличнѣе потому и бесѣдовать нынѣ, какъ не о тѣхъ Лицахъ, въ честь Коихъ совершается празднество?

Трудно, правда, смотрѣть на солнце; еще труднѣе взирать на пресвятую и премірную Троицу: тамъ теряется зрѣніе; здѣсь слѣпнетъ умъ! Такъ ослѣпли: Арій, Македоній. Савеллій, Несторій! Такъ слѣпнутъ и нынѣ тѣ, кои собственными очами дерзаютъ прямо взирать на пресвѣтлый ликъ Существа творческаго. Но мы поступимъ не такимъ образомъ, а, подражая примѣру богомудрыхъ и вселенскихъ учителей, вооружимъ свое слабое зрѣніе трубою, которая, приближая духовное солнце, въ то же время умѣряетъ для насъ блескъ лучей его. Труба сія есть слово Божіе, изглаголанное Пророками и Апостолами. Средство сіе для нашей цѣли самое благонадежное, ибо въ словѣ Божіемъ говоритъ о Себѣ, или Самъ Отецъ, или Самъ Сынъ, или Самъ Духъ Святый. Имъ ли не знать Себя вѣрно, или не умѣть сказать о Себѣ, какъ должно?

Что же открываетъ намъ о Богѣ слово Божіе? Открываетъ, что Богъ есть единъ во всей силѣ сего слова, что однакоже сей единый, по существу Своему, Богъ состоитъ изъ трехъ Лицъ. Ибо Тотъ же Самый, Который на Синаѣ явился единымъ и вѣщалъ чрезъ Моисея: *слыши, Израиле, Господь Богъ твой, Господь Единъ есть*—(Втор.—6, 4). Тотъ же Самый на Іорданѣ открылся въ трехъ видахъ, и потомъ чрезъ Евангелиста Своего провозгласилъ: *тріе суть свидѣтельствующіи на небеси: Отецъ, Слово и Святый Духъ, и сіи три едино суть* (1 Іоан. 5, 7). И Самъ Сынъ Божій, Который *исповѣдалъ Того,* Его же *никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18), посылая Апостоловъ для обращенія всего міра

изъ тьмы къ свѣту, повелѣлъ имъ крестить всѣ народы во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Послѣ сего для насъ отнюдь не какое-либо неразнственное дѣло—исповѣдывать Бога единаго, или тріединаго: нѣтъ, признавать, почитать и проповѣдывать пресвятую Троицу—это наша непреложная обязанность, потому что это основаніе нашея вѣры, предметъ нашей любви и залогъ нашего упованія. Се есть животъ вѣчный! Ибо кто искупитъ насъ кровію своею, если не Богъ—Сынъ? Кто освятитъ насъ благодатію своею, если не Богъ—Духъ Святый?

Посему, въ единомъ Богѣ мы исповѣдуемъ трехъ—Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго. Богъ Отецъ именуется такъ потому, что Онъ будучи источнымъ началомъ всего Божества, предвѣчно родилъ Сына и предвѣчно же произвелъ изъ Себя Пресвятаго Духа. Богъ Сынъ именуется такъ потому, что Онъ рожденъ отъ вѣчности Отцемъ изъ собственнаго Его существа, а во времени Онъ же, яко человѣкъ, благоволилъ родиться отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи. Богъ Духъ Святый именуется такъ потому, что Онъ предвѣчно издхновенъ Отцемъ и Самъ одушевляетъ все сущее, особенно духи и души разумныя. Чѣмъ отличаются между Собою Лица Божества, явствуетъ уже изъ самаго названія ихъ. Богъ Отецъ, по ученію Св. Писанія, служитъ началомъ Сына и Духа, Самъ сый безначаленъ и безвиновенъ; Богъ Сынъ раждается, но не раждаетъ и не производитъ Духа; Богъ Духъ Святый исходитъ отъ Отца, но не раждается, и Самъ паки не раждаетъ и не производитъ. Отчество, сыновство и происхожденіе,—се три отличительныя свойства Лицъ Божественныхъ! Отличаясь такимъ образомъ другъ отъ друга, сіи три Лица составляютъ единаго и тогожде Бога: Отецъ есть Богъ, Сынъ есть Богъ и Духъ Святый есть Богъ: но не три Бога, а едино Божество, едино по силѣ, едино по волѣ, едино по могуществу, едино по славѣ и державѣ.

Такъ, послѣдуя слову Божію, учитъ о Богѣ святая Церковь, учитъ, не предполагая, чтобы симъ сказано было о Богѣ все возможное, и чтобы сказанное вполнѣ и совершенно выражало образъ бытія Божественнаго.

Нѣтъ, Церковь, не смотря на ея достоинство, яко невѣсты Христовой, далека отъ сего самодерзновенія. Она именуетъ ученіе о Святой Троицѣ таинствомъ, то есть, такимъ

предметомъ вѣры, который превышаетъ нашъ умъ; а что превышаетъ умъ, то не можетъ быть изглаголано: изглаголанное уже не таинство.

Что есть самаго общепонятнаго въ разсматриваемомъ нами таинствѣ вѣры, такъ это благодѣянія, коими каждое Лице Пресвятыя Троицы ознаменовало Себя въ отношеніи къ человѣкамъ. Съ сей стороны нѣтъ ничего неяснаго, никакого недоумѣнія. Богъ Отецъ есть величайшій Благодѣтель нашъ: поелику Онъ воззвалъ насъ изъ небытія, почтилъ образомъ Своимъ, не оставилъ и падшихъ, а послалъ Единороднаго Сына Своего искупить и Пресвятаго Духа освятить насъ. Богъ Сынъ есть величайшій Благодѣтель нашъ, поелику, во время злополучнаго преступленія нами заповѣди эдемской, Онъ принялъ на Себя всю отвѣтственность за нашъ грѣхъ и всю тяжесть нашего паденія, и для возстановленія насъ въ первобытное совершенство, облекся потомъ естествомъ нашимъ, жилъ посредѣ насъ, умеръ за насъ и воскресъ для насъ. Богъ Духъ Святый есть величайшій Благодѣтель нашъ: поелику, не смотря на безприкладную святость Свою, Онъ не возгнушался насъ грѣшныхъ и нечистыхъ, осѣняетъ благодатію Своею Церковь и все, что въ ней, отрождаетъ, укрѣпляетъ и врачуетъ насъ, мертвыхъ грѣхами, въ таинствахъ, просвѣщаетъ насъ чрезъ вдохновенныхъ Имъ Пророковъ и Апостоловъ, благоволитъ даже обитать таинственно въ каждой душѣ вѣрующей, для пріуготовленія ея въ вѣчное жилище всей Пресвятой Троицѣ. Кратко сказать, все ученіе слова Божія о дѣйствіяхъ Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго состоитъ изъ повѣствованія о Ихъ благодѣяніяхъ, въ разныхъ видахъ, грѣшному роду человѣческому.

И противъ сего-то, самаго возвышеннаго, утѣшительнаго и всепросвѣщающаго ученія близорукій разумъ человѣческій не разъ возставалъ съ своими жалкими недоумѣніями и возраженіями! А онъ же, кичливый и дерзновенный, хотѣлъ бы, чтобы предъ нимъ была открыта вся полнота Божества!... Вотъ, приподнятъ токмо край завѣсы — указаніемъ въ единствѣ Трiипостасія; и бѣдный разумъ не можетъ снести сіянія! Что же было бы, если бы Тріединое явилось ему во всей полнотѣ таинственныхъ всесовершенствъ Своихъ? Но если для разума тяжело поднимать очи горѣ и зрѣть

свѣтъ несозданный въ самомъ его исходищѣ, но пусть бѣдный и слабый осмотрится хотя кругомъ себя. Ибо не напрасно замѣчено и сказано еще однимъ мудрымъ язычникомъ, что во всемъ мірѣ сіяетъ и свѣтитъ троица. Въ самомъ дѣлѣ, обратимъ ли вниманіе на самыя большія, или на самыя малыя силы природы, въ каждой изъ нихъ увидимъ тройственность: самые оттѣнки ихъ тройственны. Такъ, всѣ вещи заключены первѣе всего во времени и пространствѣ; но время тройственно: прошедшее, настоящее и будущее. Пространство также тройственно: длина, широта и высота, или, что то же, глубина. Чѣмъ, далѣе, держится весь міръ? Силою средобѣжною, средостремительною и вращательною. Изъ чего состоитъ каждый день? Изъ утра, полдня и вечера. Изъ чего слагается каждая ночь? Изъ сумрака, полночи и разсвѣта. Что видимъ въ каждой вещи? Фигуру, цвѣтъ и тяжесть. Всѣмъ этимъ и многимъ другимъ вся видимая природа выражаетъ тройственность той силы, которая извлекла ее изъ ничтожества; но кромѣ сего, каждое изъ трехъ Лицъ Божества, можно сказать, положило на всѣхъ вещахъ нѣкій отпечатокъ Своего личнаго бытія. Ибо существенное отличіе Божественныхъ Лицъ, какъ мы сказали, есть отчество, сыновство и духоисхожденіе. Теперь смотрите, какое изъ окружающихъ насъ существъ не имѣетъ способности рождать и рождаться? Какое, не смотря на свою грубость, не имѣетъ даже своего духа? Вездѣ рожденіе, вездѣ и духъ, яко слѣды и знаменія Трiипостаснаго.

Но если Божественная Троица сіяетъ во всемъ мірѣ, то въ человѣкѣ, созданномъ по образу Божію, Она отражается съ большею полнотою. Тутъ вездѣ и во всемъ тройственность, начиная съ видимаго состава нашей природы. Наше тѣло съ способностію рождать, наша душа съ способностію чувствовать и страдать, нашъ духъ съ способностію вдыхать высшее, Божественное и одушевлять низшее, чувственное,—что это, какъ не земная, ограниченная, но подобно небесной, единосущная и нераздѣльная троица, въ коей *трiе едино суть?* Возьмемъ ли тѣло человѣка: здѣсь видимая трехчастность состава—костей, плоти и соковъ. Возьмемъ ли душу: тоже трехчастность—чувства, понятія и желанія. Возьмемъ ли духъ, опять три: умъ, воля и свобода. Каждая изъ способностей также тройственна въ дѣй-

ствіи: умъ пріемлетъ отъ предмета впечатлѣніе, судитъ и заключаетъ; свобода видитъ, избираетъ и опредѣляетъ, воля побуждается къ вожделѣнію, стремится, достигаетъ.

Среди такой тройственности во всемъ сотворенномъ, чувственномъ и духовномъ, идти противъ тройственности въ несозданномъ, не значитъ ли смежить глаза и не видѣть свѣта среди полудня? Такова участь тѣхъ, кои, отвергнувъ руководство слова Божія, предаются водительству своего бѣднаго разума! Преходя отъ заблужденія къ заблужденію, они доходятъ нерѣдко до того, что начинаютъ сомнѣваться въ собственномъ бытіи.

Пожалѣвъ о такомъ неразуміи и пожелавъ молитвенно заблуждающимъ просвѣщенія свыше, обратимся, братіе мои, къ предмету нашего собесѣдованія, вознесемся мыслію надъ всѣмъ сотвореннымъ, приблизимся къ престолу Трiипостаснаго, яко получившіе на то дерзновеніе заслугами Божественнаго Искупителя нашего, падемъ въ благоговѣніи предъ величіемъ неисповѣдимыхъ совершенствъ и во свидѣтельство нашей любви и благодарности за безчисленныя благодѣянія къ намъ Пресвятыя Троицы, принесемъ Ей въ даръ все существо наше. Богу Отцу принесемъ наше тѣло, да будетъ оно орудіемъ къ исполненію пресвятой воли Его; Богу Сыну принесемъ нашу душу, да воодушевляется она силою креста Его; Богу Духу Святому принесемъ нашъ духъ, да пламенѣя отъ росоноснаго дыханія Его, паритъ онъ горѣ надъ всѣмъ дольнымъ. Благо тому, кто еще въ сей жизни началъ, какъ воспѣваетъ въ наученіе наша Святая Церковь, свѣтлѣться *Тройческимъ единствомъ священнотайнѣ! Аминь.*

Слово на день Святыя Троицы *).

Гдѣ взять слезъ для оплаканія того, что случилось вчера, во время вечерняго богослуженія? Какъ изобразить стыдъ и матернее сокрушеніе святыя Церкви, радость и торжество врага Божія, явное пренебреженіе славы Божіей, явное поклоненіе плоти и крови?—Кто бы могъ ожидать сего отъ града просвѣщеннаго? Отъ той части жителей его, которая

*) И по случаю бывшаго наканунѣ, во время всенощнаго бдѣнія, собранія въ театрѣ, для слушанія иностранныхъ искусниковъ въ пѣніи:

слыветъ образованнѣйшею? Итакъ, вотъ къ чему приводитъ насъ наше мнимое образованіе! Къ тому, что мы совершенно забыли, во имя Чье крестили насъ, Чьею кровію омыты грѣхи наши, Чья печать освященія лежитъ на бѣдной душѣ нашей?... Ибо, если бы хотя немного подумали о семъ, то, скажите, было ли бы то, что было? Въ другихъ случаяхъ сильно дѣйствуетъ законъ приличія; здѣсь и приличіе не подѣйствовало. Напрасно святая Церковь праздничнымъ звономъ звала къ себѣ всѣхъ и каждаго на молитву вечернюю: мы слышали это и пренебрегли, какъ до насъ не касающееся. Напрасно сонмы вѣрующихъ чадъ Церкви текли мирно и дружно, по гласу матери, подъ священный кровъ ея: мы видѣли это и потекли противъ общаго потока; устремились, подобно малымъ дѣтямъ, не въ храмъ Божій, а къ мѣсту суетныхъ увеселеній. Такимъ образомъ, вмѣсто одного храма вышло вчера два: одинъ—Бога истиннаго, другой—врага Божія. Какой былъ полнѣе, на чьей сторонѣ осталась побѣда? не знаемъ; но уже споръ о ней служитъ къ великому безчестію нашему. Ибо, осмѣлился ли бы міръ такъ нагло и въ такое время поднимать свое знамя, если бы не видѣлъ надежды на успѣхъ и не зналъ заранѣе нашего легкомыслія? Осмѣлился ли бы, говорю, міръ звать насъ къ себѣ въ такое время, если бы не былъ увѣренъ, что мы, какъ невольники, принадлежимъ ему всецѣло въ каждый день и часъ дня? Ибо, еще повторю, въ какое время? — Единственное въ цѣломъ году, освященное всѣмъ, что для человѣка можетъ быть святаго, которымъ сама Церковь дорожитъ особенно, почему и отличаетъ его, какъ самый великій праздникъ. И въ сіе-то время уйти отъ церкви на зрѣлище, предаться удовольствіямъ чувствъ, рукоплескать и выходить изъ себя, когда сама Церковь въ слезахъ и на колѣнахъ! Подлинно, это злой духъ особенно позавидовалъ за что-либо граду нашему и изобрѣлъ средство нанести такой стыдъ и такое безчестіе вѣрѣ нашей. Только его адское умѣнье изъ самой обыкновенной и непредосудительной вещи возмогло сдѣлать для множества душъ вѣрныхъ такой случай къ паденію. Ибо мы осуждаемъ не пѣніе, которое слушали, не искусство, коимъ восхищались, осуждаемъ то, что для пѣнія, которое какъ бы искусно ни было, все же не болѣе, какъ наслажденіе чувствъ, пренебреженъ такой великій праздникъ

и забытъ храмъ Божій; осуждаемъ соблазнъ, поданный всенародно; осуждаемъ легкомысліе и холодность къ вѣрѣ, выходящія изъ предѣловъ самаго приличія. Ибо, если бы водились даже однимъ приличіемъ, то и тогда не было бы того, что было. Какъ, подумалъ бы каждый въ такомъ случаѣ, всѣ другіе пойдутъ въ церковь, а я, несчастный, въ то же время повлекусь въ театръ! Что же, я извергъ какой, или невѣрный? Что подумаютъ обо мнѣ тѣ, съ коими я буду встрѣчаться? Что скажутъ о насъ эти же самые иноземцы, коихъ иду слушать, когда возвратятся въ свое отечество? Здѣсь они забавляютъ насъ, а тамъ—на родинѣ своей, въ бесѣдахъ съ ближними и друзьями, станутъ забавляться нами. Были мы, скажутъ, въ странѣ, славящейся православіемъ и усердіемъ къ вѣрѣ; видѣли образъ жизни и нравы жителей ея,—и не знали, что подумать о нихъ—такъ видѣнное нами не похоже на то, что мы прежде слышали! Что есть худаго въ насъ и отъ чего мы стараемся освободиться, то все тамъ у нихъ и почитается за совершенство. Нельзя лучше и чувствительнѣе похвалить ихъ, какъ сказавъ, что они, въ чемъ бы то ни было, походятъ на насъ: до того мало и низко думаютъ о своемъ! Есть нѣкоторыя и похвальныя качества, вѣроятно, остатки почтенной старины: но холодность къ вѣрѣ и церкви неимовѣрная! Въ высшемъ классѣ особенно, нерѣдко трудно узнать, какой они вѣры, и имѣютъ ли какую-либо вѣру.—Ибо, судите сами, вотъ что случилось въ одномъ изъ значительнѣйшихъ городовъ: наступалъ праздникъ—одинъ изъ первыхъ въ году, во имя Святыя Троицы: Церковь ихъ употребила съ своей стороны все, чтобы собрать и привлечь ихъ на вечернее богослуженіе, которое, говорятъ, отличается особенною торжественностію. Мы съ своей стороны не употребили никакихъ особенныхъ средствъ; разбросали только, по обыкновенію, нѣсколько объявленій, что въ сей же вечеръ мы будемъ показывать свое искусство въ игрѣ и пѣніи. Въ нашихъ странахъ мы въ такомъ случаѣ остались бы безъ слушателей и принуждены были бы пѣть однѣмъ стѣнамъ! ибо всѣ бы пошли въ церковь: у нихъ напротивъ! Не знаемъ, много ли было людей въ церкви: но нашъ домъ, не смотря на обширность его, былъ полонъ до того, что намъ стало даже совѣстно при мысли, что мы отняли столько народа у храма Божія, который, хотя и не

нашъ, но, какъ храмъ христіанскій, достоинъ всякаго уваженія. Но намъ самимъ не пришло бы и въ мысль отважиться назначать такое время для показанія своего искусства и вступать въ споръ съ ихъ Церковію, если бы нѣкоторые изъ нихъ же не указали намъ на это время, какъ на самое удобное и лучшее; если бы не взялись даже помогать намъ и участвовать съ нами въ пѣніи. Поелику сіи люди слывутъ между ними за людей благородныхъ, то мы увлеклись ихъ мнѣніемъ. Но, судите по сему случаю, по самымъ этимъ людямъ, какова должна быть набожность въ семъ городѣ!» — Такъ будутъ говорить о насъ сыны иноземные, возвратясь въ свое отечество, и скажутъ правду: ибо мы, кажется, за особенное удовольствіе и честь повторяемъ—не обнаруживать предъ ними своей вѣры; боимся какъ будто, да не подумаютъ о насъ, что мы христіане...

Но что такого сдѣлала для насъ святая вѣра наша, что мы поступаемъ съ нею такимъ образомъ и боимся показать ее? Чѣмъ оскорбила насъ святая Церковь, что мы убѣгаемъ отъ ней въ такіе дни? Увы, забыли мы страшное слово Спасителя: *иже постыдится Мене въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ Человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со Ангелы святыми* (Марк. 8, 38).

Хотя бы съ іудеевъ взяли мы примѣръ, какъ праздновать намъ праздники. Ибо, посмотрите на какого угодно еврея въ день его праздничный. Онъ еще съ вечера оставилъ всѣ дѣла, не разбирая—важны ли они, или малы. Не быть въ день праздника въ синагогѣ и не слышать богослуженія, для него было бы жестокимъ наказаніемъ. Разсыпьте въ это время предъ нимъ кучи золота,—онъ не прикоснется къ нимъ; ибо это запрещено закономъ. Давайте ему что угодно за то, чтобы онъ во время молитвъ пошелъ на какое-либо зрѣлище: онъ съ презрѣніемъ отвратитъ отъ васъ лице свое. Такъ празднуетъ еврей, лишенный отечества, храма, благословенія небеснаго! А мы? Мы, когда нужно молиться, бѣжимъ въ театръ; когда надобно плакать о грѣхахъ, рукоплещемъ безъ памяти, и отъ утомленія ночнаго не можемъ поднять по утру головы и присутствовать при литургіи! Этимъ ли будемъ мы отличаться отъ невѣрующихъ? Это ли преимущество новаго завѣта? Для сего ли сошелъ Духъ

Святый? Сія ли отъ насъ благодарность Искупителю нашему за крестъ и кровь Его?

«Но, что же мы сдѣлали,—подумаетъ кто-либо изъ виновныхъ.—чтобы представлять проступокъ нашъ такъ важнымъ и великимъ?» Сіе-то самое и заставляетъ насъ еще болѣе вооружаться противъ сдѣланнаго. то есть, что мы не только поступили крайне худо, но и не видимъ худости нашего поступка, подобно страждущимъ помѣшательствомъ, кои въ семъ положеніи воображаютъ, что они совершенно здоровы. Что мы сдѣлали? Пренебрегли церковь, обезчестили праздникъ. посрамили вѣру. унизили великое имя Святыя Троицы. И ради чего? изъ какой необходимости, или нужды? Чтобы услышать необыкновеннаго пѣвца? Можетъ ли быть извиненіе ничтожнѣе? Что. если бы царь земной. даже меньшій какой-нибудь властелинъ, пригласилъ тебя на день своихъ имянинъ въ свой домъ; а ты, въ это самое время, не пошелъ къ нему, а отправился бы слушать сего пѣвца: какъ бы посмотрѣли на твой поступокъ? Не осудилъ ли бы ты послѣ самъ себя за свое преступное легкомысліе? Но подобнаго безразсудства не бываетъ между людьми: такъ поступаемъ мы только—съ Богомъ! И поступая такъ, еще думаемъ, что это вещь не важная! Нѣтъ. она такъ важна, что въ древней Церкви христіанской. когда вѣра и любовь были въ силѣ. за такой поступокъ исключили бы насъ изъ числа вѣрующихъ. или заставили бы многіе годы у прага церковнаго оплакивать свое легкомысліе. Нынѣ святая Церковь не поступаетъ съ нами такимъ образомъ, предоставляя виновныхъ суду собственной совѣсти. Но употребимъ ли мы во зло это благоснисхожденіе матернее? Нѣтъ. если мы дѣйствительно благородны не именемъ токмо. а чувствами и духомъ, какъ выставляемъ себя: то, сдѣлавъ ошибку, сами же станемъ противъ самихъ себя; нарядимъ немедленно внутренній судъ совѣсти; будемъ сами на себя и доносчиками и обвинителями; потребуемъ не милости и прощенія, а наказанія и удовлетворенія.—Не бойтесь, наказанія Церкви не похожи на казни мірскія: они не столько наказаніе, сколько врачевство для души. Хотите ли, мы вмѣстѣ съ вами сейчасъ, на основаніи устава святой Церкви, опредѣлимъ эпитимію вашу?

Изъ виновныхъ, если не всѣ, то большая часть обла-

дають въ избыткѣ дарами счастія земнаго, кои, изнѣживъ чувственность, сдѣлали ее и такъ алчною къ наслажденіямъ плотскимъ; а въ городѣ нашемъ есть не малое число бѣдныхъ, кои каждый кусокъ хлѣба едва не омывають своими слезами. Итакъ, пусть каждый изъ виновныхъ изберетъ себѣ, какое угодно, дѣло благотворенія, и отдѣлитъ извѣстную часть своихъ обыкновенныхъ расходовъ, на искупленіе своего проступка милостынею. Средство самое легкое и вмѣстѣ самое дѣйствительное. Ибо ни о какой добродѣтели не сказано такъ прямо въ Писаніи, какъ о милостынѣ, что ею искупляются грѣхи. Итакъ, поспѣшимъ въ домы страждущихъ отъ бѣдности, сиротства и болѣзни и. оказывая помощь собратіямъ нашимъ, скажемъ: не думайте. что мы пришли только для того, чтобы оказать вамъ милость, нѣтъ, мы пришли и принять ее отъ васъ. Намъ Богъ далъ счастіе, а вамъ горе;—мы имѣемъ возможность послужить вамъ, а вы можете оказать великую услугу намъ: заключимъ же союзъ взаимнаго благотворенія! Увы, мы имѣли несчастіе увлечься вчера суетою мірскою, забыть попеченіе о душѣ своей, и, что всего хуже, содѣлаться причиною соблазна для братій нашихъ во Христѣ. Вознесите о насъ моленіе ко Господу, да отпустится намъ грѣхъ нашего преступнаго легкомыслія, а мы не пожалѣемъ тлѣнныхъ благъ, дабы усладить горесть вашего земнаго жребія».

Когда, братіе мои, мы поступимъ такимъ образомъ, то соблазнъ, нами вчера произведенный, будетъ уничтоженъ, честь Церкви спасена, діаволъ поруганъ, Ангеламъ Божіимъ возвращена радость, Святой Троицѣ воздано достодолжное поклоненіе. Такимъ образомъ, при помощи благодати Божіей, самое паденіе наше послужитъ не во вредъ намъ и другимъ, а къ общему нашему благу и спасенію. Аминь.

Слово въ день Пятидесятницы.

Пятдесятницу празднуемъ, и Духа пришествіе, и предложеніе обѣщанія, и надежди исполненіе, и таинство елико, яко велико же и честно (Стих. на Господи воззвахъ).

Когда святая Церковь хотѣла остановить вниманіе наше на величіи праздника Пасхи, то для сего показывала намъ

это величіе, такъ сказать, въ сосредоточенномъ видѣ, именуя его праздниковъ праздникомъ и торжествомъ торжествъ. Желая указать величіе настоящаго празднества, святая Церковь поступаетъ противнымъ образомъ, взимаетъ праздникъ и разлагаетъ его, такъ сказать, на части, и, указуя важность каждой, симъ самымъ даетъ разумѣть о великомъ достоинствѣ цѣлаго. *Пятдесятницу празднуемъ и Духа пришествіе, и предложеніе обѣщанія, и надежди исполненіе, и тайнство елико, яко велико же и честно.*

Въ самомъ дѣлѣ, когда присматриваешься ближе къ самому внѣшнему образу нынѣшняго праздника, то находишь въ немъ не одно какое-либо торжество, а цѣлое собраніе празднествъ. Что не празднуетъ нынѣ?

Празднуетъ ветхій завѣтъ: ибо нынѣ день пятидесятый, тотъ великій день, въ который данъ Израилю законъ на горѣ Синайской. Празднуетъ нынѣ завѣтъ новый: ибо въ нынѣшній день сошествіемъ Святаго Духа утверждена и освящена Церковь новозавѣтная; нынѣ же послѣдовало первое обращеніе къ ней язычниковъ. Празднуетъ нынѣ вѣра, ибо нынѣ совершается поклоненіе Святой, Единосущной и Нераздѣльной Троицѣ, предмету вѣры самому возвышенному. Празднуетъ нынѣ надежда, уповая, что огненными языками будетъ призвано на землѣ въ соединеніе все, и преносясь къ послѣднимъ временамъ, къ будущему, въ воскресеніи, возстановленію всего падшаго. Празднуетъ міръ невидимый отшедшихъ братій нашихъ, пріемля нынѣ отъ Церкви св. даръ молитвъ о ихъ успокоеніи. Празднуетъ самая видимая природа, допускаемая въ нынѣшній день являться вмѣстѣ съ человѣками предъ Престоломъ благодати. Подлинно соборъ праздниковъ! Полнота радости и веселія! Кажется, мы уже нынѣ превыше времени и пространства. Всѣ преграды отняты: живые и мертвые подаютъ другъ другу руку; духовное нисходитъ до чувствъ, плотское приближается къ духу. Богъ тріединый начинаетъ быть всяческая во всѣхъ. О вожделѣнная полнота! о состояніе блаженное! Для чего ты являешься одними слабыми очерками? Когда явишься ты всецѣлою и вседѣйствительною? Когда всѣ твари скинутъ съ себя оковы тлѣнія, освободятся отъ вражды и составятъ единое блаженное семейство вокругъ общаго Отца! — Но и ожидать уже сладко и отрадно: отрадно видѣть залоги и

предъизображенія сего будущаго блаженнаго состоянія. Настоящее празднество служитъ однимъ изъ сихъ разительныхъ предъизображеній: внидемъ въ составъ его и, по примѣру Церкви, покажемъ значеніе каждой части.

Пятдесятницу празднуемъ: вотъ первый предметъ торжества и радости. Что такое у евреевъ была Пятдесятница? Праздникъ въ честь и память законодательства синайскаго. Онъ совершался въ 50-й день по Пасхѣ, потому что въ сей день, по исходѣ изъ Египта, данъ былъ законъ на горѣ Синайской. Поелику къ сему времени въ Палестинѣ оканчивается жатва, то у евреевъ въ сей день, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ, приносились въ даръ Богу снопы отъ новожатаго хлѣба. Такимъ образомъ уже въ праздникѣ еврейскомъ срѣтилось духовное — законъ съ чувственнымъ — плодами отъ полей. Поелику законъ синайскій неизмѣненъ, и пришествіемъ Сына Божія неотмѣненъ. то праздникъ закона синайскаго есть торжество и христіанина не менѣе іудея: *Пятдесятницу празднуемъ!*

И Духа пришествіе. Вотъ второй предметъ радости. Если гласы трубные и куреніе дыма Синайскаго стоятъ благодарнаго воспоминанія, тѣмъ паче огненные языки и сошествіе Святаго Духа Утѣшителя; ибо что было бы, если бы Духъ Святый не сошелъ нынѣ на Апостоловъ?—Они остались бы неспособными изыти на всемірную проповѣдь; а міръ, не наставленный ими, остался бы съ своими идолами и нечестіемъ. Мы, подобно предкамъ нашимъ, пребыли бы во тьмѣ язычества. Но сошелъ Утѣшитель, и Своимъ сошествіемъ просвѣтилъ и возродилъ Апостоловъ, утвердилъ Церковь, принесъ съ Собою законъ новый, дохнулъ бурею и огнемъ и обновилъ лице земли. Какъ не праздновать такое событіе? *Пятдесятницу празднуемъ и Духа пришествіе.*

Но Духъ Святый кромѣ другихъ благъ, сопряженныхъ съ Его нисшествіемъ, доставилъ и то великое благо, что вмѣстѣ съ симъ обнаружилось все лице Пресвятыя Троицы. Въ ветхомъ завѣтѣ до самаго конца его видимъ былъ особенно одинъ Отецъ, въ новомъ до вознесенія Господа на насъ дѣйствуетъ преимущественно Сынъ; со времени сошествія Святаго Духа настаетъ эпоха благодати Духа. Вмѣстѣ съ симъ оканчивается рядъ откровеній о Божествѣ. *(Не окончено.)*

Слово въ понедѣльникъ Пятидесятницы *).

И дамъ чудеса на небеси горѣ и знаменія на земли низу, кровь и огнь и куреніе дыма. Солнце преложится во тьму и луна въ кровь, прежде даже не прити дню Господню великому и просвѣщенному. И будетъ всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется (Дѣян. 2, 19—21).

Это одно изъ пророчествъ о нынѣшнемъ празднествѣ, приводимое потому въ нынѣшней проповѣди своей къ народу іудейскому святымъ Апостоломъ Петромъ. Читая съ благоговѣніемъ сіе пророчество, я всякій разъ невольно вопрошалъ самъ себя: что бы это за чудеса на небеси и знаменія на земли, что бы это было за огнь и кровь и куреніе дыма, за помраченіе солнца и преложеніе луны въ кровь, предвозвѣщаемые пророкомъ? Правда, въ горницѣ Сіонской, гдѣ были собраны Апостолы въ день Пятидесятницы, *бысть шумъ, яко носиму дыханію бурну;* но это дыханіе никому не вредило, а только привлекало собою общее вниманіе на Апостоловъ. Правда, что при семъ явились и языцы *раздѣлени, яко огненни*, но эти языцы никого не опаляли собою, а въ мирѣ и тишинѣ почили на главахъ Апостоловъ.

Гдѣ же огнь и кровь и куреніе дыма? Гдѣ помраченіе солнца? Гдѣ преложеніе луны въ кровь?

Такимъ образомъ можно подумать, что пророчество не исполнилось; но возможно ли, чтобы не оправдалось на дѣлѣ то, что предвозвѣщено Духомъ Святымъ? Нѣтъ, провѣщанное пророкомъ не могло не исполниться, и исполнилось, только не въ одинъ, такъ сказать, день, а въ продолженіе цѣлаго пространства времени; ибо это пророчество, хотя собственно идетъ къ преславному сошествію Святаго Духа на Апостоловъ, яко началу новаго завѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнимаетъ собою не одно это событіе и начало, а и дальнѣйшую судьбу и утвержденіе всего новаго завѣта.

И дамъ завѣтъ новъ. Какъ рѣшительно все это выполнилось, спустя нѣсколько лѣтъ, при разрушеніи Іерусалима и паденіи Іудеи! Сколько тутъ крови, огня и дыму. Сколько разъ за этою мглою и огнемъ не видно было на горизонтѣ Іерусалима ни солнца, ни луны! И всѣ эти грозныя событія служили ни къ чему другому, какъ и къ упраздненію ветхаго,

*) Произнесено въ греческой одесской церкви 16 мая 1855 г.

и къ утвержденію въ силѣ новаго завѣта и. слѣдовательно, были какъ бы сопровожденіемъ его явленія.

Подобное можно сказать и о нѣкоторыхъ послѣдующихъ временахъ, напр., Діоклитіановомъ. когда скончалась послѣдняя борьба христіанства съ іудействомъ и язычествомъ. Не пламенѣли ли тогда всѣ жители имперіи (что почти то же, что весь свѣтъ) лютымъ гоненіемъ на послѣдователей Христовыхъ? Не всюду ли текли потоки крови мучениковъ и исповѣдниковъ? Не давало ли небо особенныхъ знаменій? и не происходили ли на землѣ страшныя событія? И все это къ чему послужило, какъ не къ окончательному утвержденію новозавѣтной религіи и къ уничтоженію іудейства и язычества?

Нашему времени досталось въ удѣлъ видѣть новое торжество христіанства въ ослабленіи предъ нимъ магометанства и слѣдовательно какъ бы новое изліяніе Духа истины и благодати свыше на землю. И смотрите, се паки знаменія на небеси и чудеса на землѣ, паки вездѣ кровь и огнь и куреніе дыма, солнце — державы христіанскія прелагается во тьму, а луна магометанства обливается кровію!

Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ ожидать, чтобы на небѣ явились цѣлыя воинства со всеоружіемъ? Подобнаго не слыхано было со временъ разоренія Іерусалима и повѣствованія о томъ Іосифа Флавія. И вотъ сіе самое, къ изумленію, видитъ на своемъ небѣ просвѣщенная Германія; видитъ и невольно признаетъ въ видѣнномъ предвѣстіе браней кровавыхъ! Прочтите за симъ и то. что произошло въ концѣ прошедшаго лѣта съ видомъ луны въ нашихъ странахъ поволжскихъ: она подвергалась какъ будто какой-то страшной казни, какъ будто скончавалась въ терзаніяхъ и мукахъ: такія превращенія вида ея были ужасно печальны!

Но меня, признаюсь, среди настоящихъ обстоятельствъ, поражаетъ особенно одно знаменіе на землѣ—это страшное землетрясеніе, отъ коего пострадала и продолжаетъ страдать злополучная Брусса. Надобно же было открыться во всей силѣ и ярости подземному огню и продолжаться такъ долго въ то самое время, когда идетъ кровавый споръ магометанства съ христіанствомъ? Надобно же было открыться вулкану въ томъ градѣ и въ томъ мѣстѣ, кои могутъ назваться колыбелью силы и крѣпости мусульманской! На-

добно всему этому совершаться не вдали гдѣ-либо, а такъ сказать, подъ глазами Константинополя!... Сколько, думаю, изъ самыхъ магометанъ, смотрятъ въ ужасѣ на это зрѣлище, признаютъ въ немъ перстъ Божій и мнятъ видѣть въ семъ надъ собою гнѣвъ небесный! О, если бы при семъ пришло на мысль и другое, что это не случай какой-либо, а послѣдній гласъ къ нимъ съ неба Сына Маріи, да возвратятся отъ прелести Магометовой.

А братія наши по вѣрѣ? И они также должны быть поражены этимъ грознымъ и всесокрушающимъ явленіемъ; но оно для нихъ не въ ужасъ, а въ утѣшеніе; надъ ними сбываются теперь слова пророчества: *егда узрите сія бывающа,* тогда *восклонитеся и воздвигните главы ваша, зане приближается избавленіе ваше* (Лук. 21, 28. 31).

Да, злополучные и потому еще болѣе возлюбленные братія, онъ приближается къ вамъ! И никто не въ силахъ остановить его, или замедлить. Гдѣ дѣйствуютъ люди, тамъ еще можно сомнѣваться въ успѣхѣ; а когда является сила Божія, тамъ уже нѣтъ мѣста сомнѣніямъ: ибо Той — *рече и быша, повелѣ и создашася!*

Но ужели, вопроситъ кто-либо, въ самомъ дѣлѣ скоро долженъ послѣдовать конецъ магометанства? Послѣдовать тогда, какъ за несокрушимость его возсталъ и рѣшился жертвовать собою едва не весь западъ христіанскій? Да, братіе мои, это должно послѣдовать; ибо такъ угодно Господу, и, можно сказать, это уже послѣдовало: ибо магометанство теперь уже ни что иное, какъ трупъ, коему остается быть погребеннымъ; сіе-то погребеніе, а не жизнь, коей уже нѣту, можетъ замедлиться на нѣкоторое время. Что же въ такомъ случаѣ должно сказать объ усиліяхъ въ пользу Турціи державъ западныхъ? То, что говорятъ, и справедливо, объ искусныхъ, но самонадѣянныхъ врачахъ, кои, въ припадкѣ гордости, берутъ на свои руки безнадежныхъ больныхъ и обѣщаютъ имъ выздоровленіе, когда больной вскорѣ умираетъ отъ лѣкарствъ, — что они убили его! — Одряхлѣвшій скелетъ могъ бы прожить еще нѣсколько времени подъ благодѣтельною сѣнію Россіи, но онъ не могъ перенести тѣхъ напряженій силъ, тѣхъ неестественныхъ ему и во время его крѣпости движеній, кои заставили дѣлать его ослабленными членами.

Будучи поставлены, братіе мои, свидѣтелями временъ столь замѣчательныхъ и событій столь важныхъ, будемъ ли походить на малыхъ дѣтей, кои, не разбирая, что происходитъ предъ ними, только дивятся тому и простираютъ свои взоры и руки? Нѣтъ, отъ насъ требуется и намъ предлежитъ большее!

Предъ нами падаетъ, нѣкогда могущественное и бывшее столько времени грозою и бичемъ для христіанства, царство измаильское. Какъ не возрадоваться при семъ за участь собратій нашихъ, надъ коими тяготитъ этотъ бичъ, и не возблагоговѣть предъ путями Промысла, который, въ наказаніе восточнаго христіанства, послалъ это порабощеніе, но когда пришло время, самъ же предъ лицемъ всего свѣта, расторгъ узы и извелъ на свободу вѣрный ему народъ!

Нашему отечеству предоставлено свыше положить начало исполненію судебъ высшихъ надъ Востокомъ; будучи чувствительны къ сей великой и святой чести, будемъ мужественны въ перенесеніи тяготы такого служенія, памятуя что подобный подвигъ ведетъ за собою и мздовоздаяніе немалое, будетъ сопровождаться благословеніемъ для Россіи на вѣки и роды.

Невѣріе и гордость народовъ западныхъ не усомнились, ставъ за мусульманство, пойти вопреки путей Промысла и, такимъ образомъ, какъ бы соединить въ семъ случаѣ неразумно судьбу свою съ судьбою сыновъ Агари. Пожалѣемъ отъ души о семъ ниспаденіи христіанства и научимся не ввѣряться земной мудрости и стихійному просвѣщенію, кои могутъ цѣлые народы ослѣпить до того, что они готовы забыть евангеліе и крестъ и класть души свои за алкоранъ Магометовъ.

Наконецъ, видя, какъ въ судьбѣ царствъ и народовъ все совершается не по разсчетамъ самолюбія человѣческаго, а подъ перстомъ Всевышняго, и что съ христіанствомъ соединено величіе даже земное, а съ магометанствомъ уничтоженіе и слабость, будемъ твердо вѣровать въ Промыслъ Божій и любить крестъ Христовъ, единый вѣрный источникъ не только спасенія вѣчнаго, но и благоденствія земнаго. Аминь.

Слово въ день Пятидесятницы.

Не правда ли, братіе, что настоящій праздникъ есть одинъ изъ самыхъ радостныхъ? Почему такъ? Потому, что это, можно сказать, не праздникъ, а цѣлый соборъ праздниковъ. Точно соборъ! Куда не переносится нынѣ мысль? И въ прошедшее, и въ будущее, и въ міръ горній, и въ міръ дольній, объемлетъ все. Переносится въ прошедшее и въ прошедшемъ къ тому, что есть самаго важнѣйшаго. Ибо что воспоминаемъ мы? Воспоминаемъ священную Пятидесятницу, тотъ день, въ который данъ Израилю законъ на горѣ Синайской, и который по этому самому составляетъ главнѣйшее празднество ветхаго завѣта. Воспоминаемъ сошествіе Святаго Духа, событіе, которымъ закончилась земная жизнь Спасителя нашего, и которое послужило основаніемъ новаго завѣта и Церкви христіанской. Отъ прошедшаго переносимся мыслію въ будущее, самое отдаленное; ибо приносимъ молитвы за всѣхъ умершихъ братій нашихъ, молимся о непостыдномъ предстояніи на страшномъ судѣ. Возносимся мыслію въ міръ горній, и тамъ поклоняемся тріипостасному Божеству, благодарно исповѣдуя милости, изліянныя на насъ, падшихъ, въ тайнѣ искупленія. Наконецъ, нисходимъ мыслію долу, въ міръ чувственный, и, украшая вѣтвями храмы, вводимъ въ соучастіе видимую природу. Такимъ образомъ, настоящее празднество можно назвать всемірнымъ. Послѣ сего, какъ ему не быть радостнымъ?! Если когда, то нынѣ душа воспоминаетъ райское состояніе, когда видимое и невидимое было за одно; если когда, то нынѣ можемъ предчувствовать будущее райское состояніе, когда духъ и плоть паки придутъ въ прежнее состояніе, и міръ Божій обновится вмѣстѣ съ человѣкомъ. Такое дѣйствіе празднества отчасти ощущаютъ самые плотскіе люди: какъ же сильно должно оно быть надъ тѣми людьми, кои живутъ духомъ! Но откуда такое сочетаніе различныхъ стихій въ настоящемъ празднествѣ? Полезно знать источникъ радости, дабы умножить и упрочить самую радость. Почему мы нынѣ воспоминаемъ Пятидесятницу ветхозавѣтную? Потому, что въ сей день сошелъ на Апостоловъ Духъ Святый.—Почему сошелъ въ день пятидесятый? Можетъ быть, потому, чтобы показать, что новый законъ Духа, принесенный Утѣшителемъ,—изъ того

же источника, изъ коего истекъ и законъ древній, данный въ Пятидесятницу. Почему мы, по случаю сошествія Святаго Духа, совершаемъ празднество въ честь всей Пресвятой Троицы? Потому, что съ явленіемъ Святаго Духа, третьяго и послѣдняго Лица, обнаружилась во всей очевидности вся Пресвятая Троица. И когда приличнѣе воздать всему тріипостасному Божеству благодареніе за искупленіе насъ, падшихъ, какъ не по скончаніи всего домостроительства Божественнаго, которое кончилось сошествіемъ Утѣшителя? Почему мы нынѣ творимъ память усопшихъ и возносимся мыслію къ концу міра, нашему, и будущему, воскресенію, и суду? Потому что, дойдя до конца прошедшаго, естественно устремляемся въ будущее.

Почему, наконецъ, видимая природа въ растительномъ ея царствѣ входитъ нынѣ въ составъ священнодѣйствія?— Потому, съ одной стороны, что около настоящаго времени природа видимая всегда достигаетъ своего обновленія, а съ другой потому, что сіе обновленіе приписывается зиждительному дыханію Духа Божія. «Пошлеши Духа Твоего, и созиждутся», говоритъ святый Давидъ. Вотъ откуда полнота праздника! Вотъ откуда преизбытокъ радости!—Радости и назиданія! *(Не окончено.)*

Слово въ день Пятидесятницы.

Когда мы праздновали Пасху, то святая Церковь для выраженія предъ нами величія сего праздника называла его праздникомъ праздниковъ и торжествомъ торжествъ, то есть, какъ бы главою и средоточіемъ всѣхъ прочихъ праздниковъ. О нынѣшнемъ празднествѣ, для выраженія величія его святая Церковь провѣщаетъ другое и именуетъ его праздникомъ рѣшительнымъ и окончательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, это не праздникъ, а, можно сказать, полнота и вѣнецъ всѣхъ праздниковъ. Что не празднуетъ нынѣ? Празднуетъ завѣтъ ветхій: ибо въ нынѣшній пятидесятый, по исходѣ изъ Египта, день израильтяне приняли свыше у Синая законъ отъ Бога. Празднуетъ завѣтъ новый: ибо нынѣ день сошествія на Апостоловъ Духа Святаго, вмѣстѣ съ чѣмъ положено основаніе и начало Церкви благодатной, всему христіанству.

Празднуетъ міръ невидимый; ибо въ нынѣшній, особенно. день св. Церковь возсылаетъ молитвы о душахъ отшедшихъ братій, простираетъ свое матернее дерзновеніе до того, что ходатайствуетъ о милости ко иже во адѣ содержимымъ; празднуетъ міръ видимый и чувственный: ибо, въ нынѣшній. особенно. день Церковь отверзаетъ свои храмы для всей природы, соединяетъ—можно сказать—свои храмы съ храмомъ природы, припоминая симъ первобытное состояніе человѣка въ Эдемѣ и предъизобразуя будущее состояніе на Сіонѣ. когда не будетъ храмовъ чувственныхъ, а все будетъ храмомъ.

Празднуетъ нынѣ вѣра, поклоняясь величайшему изъ таинствъ своихъ—Святѣй, Живоначальнѣй и Присносущнѣй Троицѣ; празднуетъ нынѣ надежда, ибо святая Церковь отъ настоящаго восходитъ нынѣ къ будущему, провидитъ скончаніе царства благодати, наступленіе царства славы. и молитъ о благоутробіи на судѣ будущемъ; празднуетъ нынѣ любовь, объемля молитвеннымъ расположеніемъ своимъ видимое и невидимое. небо, землю и преисподнюю.

Подлинно, это не праздникъ, а цѣлый соборъ праздниковъ, полнота рѣшительная и окончательная! Кажется, мы всѣ уже превыше временнаго и тлѣннаго; мы у самаго престола тріипостаснаго Божества; живые и мертвые подаютъ другъ другу руку; духовное нисходитъ до чувствъ и осязанія; плотское и вещественное возносится и приближается къ духу; тріипостасный Богъ начинаетъ быть *всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28).

О, вожделѣнная полнота! О, состояніе покоя и утвержденія! Для чего являешься ты намъ въ однихъ преходящихъ отблескахъ и очеркахъ? Когда явишься ты всецѣло и вседѣйствительно? Когда всѣ твари Божіи скинутъ съ себя оковы тлѣнія, забудутъ вражду и дѣленіе, и соберутся въ мирѣ. и составятъ единое блаженное семейство единаго всеблаженнаго Отца?

Но и ожидать сего уже сладко и отрадно! Отрадно видѣть предъизображеніе сего будущаго состоянія!

И вотъ почему настоящее празднество есть одно изъ самыхъ радостныхъ. Всякій разъ, какъ будто въ это время разверзается предъ нами другой—лучшій міръ, какъ будто все является въ другомъ, высшемъ видѣ; какъ будто вѣетъ

какая-то новая жизнь вездѣ. и въ храмахъ и въ домахъ нашихъ.

Это чувствуютъ между нами невольно нынѣ самые чувственные люди. Что же сказать о духовномъ? Онъ долженъ быть весь въ духѣ... *(Не окончено.)*

Слово въ понедѣльникъ Св. Духа.

Въ наше время слово—«духъ»—сдѣлалось самымъ употребительнымъ и прилагается ко всему. Не говорю о природѣ разумной, гдѣ все обращаютъ въ духъ; духъ, говорятъ, сочиненія, книги, духъ словъ и дѣйствій, духъ такого-то человѣка, такого-то общества, учрежденія и проч. Въ самой чувственной природѣ вездѣ, повидимому, находятъ духа: «духъ растительный», «духъ нервный» и проч.

Объ одномъ только Духѣ Божіемъ—глубокое молчаніе. Можно бы подумать, что это по благоговѣнію, а между тѣмъ по невѣжеству и забвенію.

Что же пріобрѣтемъ мы со всѣми прочими духами, безъ Духа Божія?

Былъ ли бы духъ во всей вселенной, если бы не было въ ней Духа Божія?—*Духъ Господень исполни вселенную* (Псал. 32, 6), оттого она жива и непрестанно движется; оттого цвѣтетъ и благоухаетъ, плодоноситъ и содержитъ себя и съ собою все живущее: *отвращшу же Тебѣ лице, возмятутся* (всяческая); *отимеши духъ ихъ, и исчезнутъ и въ персть свою возвратятся. Посли Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли* (Пс. 103, 29—30).

То же и съ человѣкомъ! Гдѣ онъ возьметъ духъ, если онъ не придетъ свыше? Самъ онъ имѣетъ духъ, но это—не его, а духъ, такъ сказать, заемный. — Божій; — возьмите сей духъ, и что останется?

Единъ Духъ Божій есть источникъ истиннаго воодушевленія. *(Не окончено).*

Слово въ день Пятидесятницы.

Святый Апостолъ Павелъ въ одномъ изъ посланій своихъ, разсуждая о средствахъ человѣка къ познанію Бога, замѣ-

тилъ, что одно изъ ближайшихъ къ сей цѣли средствъ, есть самая внѣшняя природа; невидимыя свойства Божіи, *твореньми помышляема, видима суть,* и даже самая *присносущная сила Его и божество* (Рим. 1. 20). Истина сія оправдывается непрестанно опытами, ибо не только *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. 18, 2), но и *день дни отрыгаетъ глаголъ;* но *и нощь нощи* возвѣщаетъ разумъ (ст. 3); — но никогда въ цѣломъ году не является присносущная сила Божія въ природѣ, какъ во время настоящаго праздника. Можно сказать, что въ это время Божество какъ бы видимо и осязательно преобразуется предъ нашими очами въ природѣ, такъ что мы видимъ Его какъ бы святую внутренность. Въ самомъ дѣлѣ, что празднуемъ мы нынѣ, и чему поклоняемся? Празднуемъ сошествіе Святаго Духа, поклоняемся Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй. Посмотрите же на всю природу. Что въ ней теперь, какъ не Пресвятая Троица? *(Не окончено.)*

Слово на первое число Августа.

Великому князю россійскому, Андрею Боголюбскому, надлежало нѣкогда изыти на брань противу болгаръ. Какъ князь, не именемъ токмо, но и дѣломъ благовѣрный, онъ имѣлъ обычай исходить на брань не съ однимъ оружіемъ плотскимъ, но и съ духовнымъ, огражденный вѣрою, вооруженный молитвою и упованіемъ. Въ знакъ сего предъ воинствомъ его всегда носима была икона Спасителя и честный крестъ; и оно не прежде устремлялось на врага, какъ изливши теплыя молитвы предъ сею иконою и облобызавъ сей крестъ. Такое живое упованіе и молитва не умедлили принести и плодъ немертвый. Враги отечества, сколько ни усиливались, не могли устоять предъ лицемъ воинства православнаго; гордость и сила ихъ сокрушены до того, что едва не всѣ грады ихъ достались въ удѣлъ побѣдителю. Что знаменитая побѣда сія была плодомъ не одного мужества сражавшихся, а паче дѣйствіемъ помощи свыше, — непреложнымъ для всѣхъ доказательствомъ того послужилъ необыкновенный свѣтъ, который, во время самой упорной сѣчи, исходилъ изъ иконы Спасителя и честнаго креста и видимъ былъ всѣми.

Еще не успѣли пройти дни радости и торжества, какъ получена вѣсть о подобномъ же радостномъ событіи изъ Греціи. Одинаковая живая вѣра произвела одинаковое и дѣйствіе: и тамъ враги христіанства, сарацины, были поражены и разсѣяны благовѣрнымъ царемъ греческимъ Мануиломъ; и тамъ, во время сраженія, видимы были несомнѣнные знаки особенной помощи свыше.

Такая совокупность чудесныхъ знаменій, побѣдъ и радости всего православнаго христіанства не могла не выразиться какимъ-либо особеннымъ знакомъ благодарности Богу-благодѣтелю и не оставить по себѣ всегдашняго слѣда для потомства. И дѣйствительно, православные властители Россіи и Греціи, по взаимномъ сношеніи между собою, и по благословенію всего освященнаго собора, не умедлили установить въ память радостно чудеснаго событія новое свѣтлое празднество, нынѣ нами благочестно совершаемое. Положено на всѣ вѣка не только праздновать въ честь непобѣдимой силы креста Христова и совершать поклоненіе, ему подобающее, но въ память побѣдоноснаго хожденія его въ полкахъ христіанскихъ, износить его нынѣ изъ храма, обносить по стогнамъ и путямъ, и творить въ кладезяхъ и рѣкахъ освященіе воды, дабы симъ самымъ предъ лицемъ неба и земли свидѣтельствовать нашу вѣру и нашу признательность къ животворящему кресту и простерть побѣдоносную и всеосвященную силу его на все, насъ окружающее.

Таково происхожденіе нынѣшняго празднества! — Оно есть вмѣстѣ торжество Церкви и отечества, торжество самое утѣшительное и поучительное!—Въ самомъ дѣлѣ, не утѣшительно ли видѣть, какъ надъ православнымъ отечествомъ нашимъ во всѣ вѣка была простерта благодѣющая десница особеннаго Промысла Божія? Не отрадно ли думать, что величіе Россіи, коему удивляются всѣ друзья ея, и коего трепещутъ всѣ враги ея, что это величіе и могущество суть плодъ не случайнаго стеченія обстоятельствъ, не дѣйствіе нечистой политики и человѣческихъ разсчетовъ, ни даже слѣдствіе одного народнаго мужества и крѣпости, а плодъ живой вѣры въ Бога благочестивыхъ предковъ нашихъ, ихъ благихъ нравовъ и проистекающаго отсюда благословенія свыше? У древняго израильтянина не было молитвеннаго обращенія къ Богу трогательнѣе того, когда онъ говорилъ:

Боже отцевъ моихъ, Боже Авраама, Исаака, Іакова; подобно сему и православный россіянинъ, въ духѣ вѣры и упованія, можетъ со дерзновеніемъ говорить ко Господу: Боже отцевъ моихъ, Боже просвѣтившій чудесною вѣрою Владиміра, увѣнчавшій побѣдою Боголюбскаго, благословивый оружіе Донскаго, воздвигшій на освобожденіе отечества Минина и Пожарскаго, превознесшій паче всѣхъ царей земныхъ Александра Благословеннаго! — Что можетъ быть воодушевленнѣе сей святой и сладкой молитвы!...

Но, братіе, молясь такою молитвою и дерзая предъ Богомъ, о имени благочестивыхъ предковъ нашихъ, мы должны подражать, сколько можно болѣе и постояннѣе, ихъ усердію къ вѣрѣ, ихъ чистотѣ нравовъ и простотѣ жизни, ихъ безграничному самоотверженію тамъ, гдѣ шло дѣло объ опасности Церкви и Отечества. Благочестивые предки наши крестомъ Христовымъ побѣждали народы и царствія: нынѣ, благодаря Провидѣнію Божію, возвеличившему православное отечество наше, одно имя Россіи низлагаетъ или удерживаетъ самыхъ сильныхъ враговъ. Между тѣмъ у насъ, какъ и у предковъ нашихъ, есть весьма опасные враги, противъ коихъ, какъ можно чаще, надобно призывать на помощь непобѣдимую силу креста Христова. Это наши злыя наклонности и страсти. Кого не сильны сразить онѣ?—И кто, сраженный ими, можетъ оставаться и быть истиннымъ сыномъ Церкви и отечества? — Между тѣмъ отъ сихъ враговъ не защита ни умъ и познанія, ни доброта сердца и мягкость характера, ни самый навыкъ въ добродѣтели; одна всемогущая сила благодати, одинъ крестъ Христовъ только могутъ содѣлать насъ побѣдителями страстей. Будемъ же подобно предкамъ нашимъ употреблять сіе, самимъ Богомъ данное оружіе, на пораженіе невидимыхъ враговъ нашихъ, въ твердой увѣренности, что пораженіе ихъ, необходимое для нашего частнаго благосостоянія, весьма важно и для благоденствія цѣлаго отечества: ибо, если величіе его есть плодъ благословенія Божія, то грѣхи наши, ослабляя сіе благословеніе, по тому самому вредятъ не только намъ, но и цѣлому отечеству.

При семъ случаѣ сама собою представляется вниманію великая разность между нами и благочестивыми предками нашими. У нихъ крестъ Христовъ былъ всѣмъ для всѣхъ.

Начинали-ль какое дѣло,—крестились. Оканчивали-ль его,—паки крестились. Крестомъ ограждались, отходя ко сну; крестомъ осѣнялись, возстая отъ сна. Съ крестомъ садились за трапезу; съ крестомъ возставали отъ нея. Знаменіе святаго креста выражало внезапную радость; оно же свидѣтельствовало и о внезапной печали и опасности. Такъ было у предковъ нашихъ! У насъ, къ сожалѣнію, крестное знаменіе начинаетъ дѣлаться рѣдкостію, и когда является, то большею частію въ такомъ видѣ, что его трудно узнать. Недугующія расколомъ чада Церкви ревнуютъ, конечно, не по разуму, прививая спасеніе къ кресту осмиконечному; но нехорошо, весьма нехорошо и то, что у нѣкоторыхъ христіанъ крестъ сдѣлался, можно сказать, вовсе безконеченъ, такъ что не знаешь, какое дать названіе той несчастной линіи, которую они чертятъ на себѣ вмѣсто знаменія крестнаго.

Да не будетъ сего между нами, возлюбленные! Господь и Спаситель нашъ простеръ на крестѣ Божественныя руцѣ Свои, далъ пригвоздить ихъ, и въ такомъ видѣ, среди ужасныхъ мученій, предалъ за насъ духъ Свой Отцу: мы ли будемъ тяготиться тѣмъ, чтобы сіе положеніе Его на крестѣ правильно изображать на себѣ? Аминь.

Слово въ навечеріе Воздвиженія Честнаго Креста Господня.

Настоящее вечернее богослуженіе отличается отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что среди его совершается воздвиженіе креста Господня,—въ память того преславнаго воздвиженія, которое совершено было нѣкогда въ Іерусалимѣ, по обрѣтеніи сего креста Равноапостольною царицею Еленою. Многочисленность собранія настоящаго показываетъ, что зрѣлище воздвигаемаго креста дорого для христіанъ. Но, братіе, не для зрѣлища Спаситель и Господь нашъ сошелъ съ неба; не для зрѣлища восходилъ Онъ на крестъ; не для зрѣлища воздвигается и нынѣ крестъ Христовъ. Гдѣ сей крестъ, тамъ должны быть не очи токмо, но и сердце христіанина. Воздвиженіемъ креста Господня изображается все, *что было и есть въ жизни нашего Господа, и все, что должно быть, и чего, можетъ быть, нѣтъ въ жизни нашей.* Вникнемъ въ это подробнѣе.

Воздвиженіемъ креста изображается, во-первыхъ, вся жизнь нашего Господа. Ибо изъ чего слагается жизнь сія?—Изъ неисповѣдимаго уничиженія и столь же неисповѣдимой славы, кои, не смотря на свою противоположность, соединяясь между собою и пресѣкая другъ друга, уже симъ самымъ образуютъ крестъ. *Иже во образѣ Божіи сый*, такъ изображаетъ Апостолъ жизнь нашего Господа,—*не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчестѣмъ бывъ, и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ, смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя.* Вотъ лѣствица нисхожденія Сына Божія! Кто можетъ исчесть всѣ ея ступени?—*Тѣмже*, продолжаетъ Апостолъ, и *Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца* (Фил. 2, 6—11).—Вотъ лѣствица восхожденія Сына Человѣческаго! Кто можетъ указать послѣдній предѣлъ ея?

Итакъ, христіанинъ, видя крестъ, низводимый долу, представь себѣ, сколько можешь, различные роды и виды уничиженій своего Господа,—какъ Онъ оставляетъ престолъ славы, нисходитъ на землю и вселяется во утробу Дѣвы,—какъ, по рожденіи, полагается въ ясляхъ, терпитъ обрѣзаніе и бѣжитъ отъ Ирода во Египетъ,—какъ проводитъ тридцать лѣтъ въ безвѣстности Назарета, въ повиновеніи бреннымъ родителямъ, въ трудахъ древодѣлія,—какъ потомъ пріемлетъ крещеніе отъ раба, искушается отъ сатаны и проповѣдуетъ царствіе Божіе среди всякаго рода лишеній, клеветъ и опасностей,—какъ предается ученикамъ, осуждается какъ возмутитель и возносится на крестъ,—какъ въ самомъ гробѣ стрежется, яко *обольститель*, и въ то же время нисходитъ въ адъ для проповѣди въ міръ духовъ,—какъ, наконецъ, среди самой славы Своей, уже по вознесеніи на небо, Онъ продолжаетъ быть, особенно въ лицѣ истинныхъ послѣдователей и членовъ Своихъ, предметомъ преканія, вражды и гоненій,—представь, говорю, христіанинъ, все это при видѣ низводимаго долу креста Господня, и помысли, для чего Господь твой претерпѣлъ и продолжаетъ терпѣть столько уничиженій?—Онъ могъ наслаждаться сла-

вою, которую *имѣлъ у Отца прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), а тебя предоставить твоимъ бѣдствіямъ, но не предоставилъ, а благоволилъ оставить славу Свою, и претерпѣть всѣ роды уничиженій, чтобы покрыть твою срамоту, возвратить тебѣ славу, тобою потерянную, очистить кровію Своею твои грѣхи, и содѣлать тебя паки наслѣдникомъ неба.

Будь же признателенъ къ безпримѣрному снисхожденію, умѣй цѣнить крестное величіе Господа твоего, изучись употреблять его въ свою пользу чрезъ подражаніе Ему, начни нести ту часть креста, которая достается на твою долю для очищенія тебя отъ скверны плоти и духа. Крестъ для того такъ и низводится долу, дабы ты, лежащій на землѣ во грѣхахъ, могъ яться за него вѣрою и вознестись съ нимъ на высоту: не опускай же сего драгоцѣннаго случая!

При воздвиженіи креста горѣ, должно представить себѣ другое,—вообразить постепенное прославленіе Сына человѣческаго, начавшееся еще среди глубокаго уничиженія: какъ Архангелъ возвѣщаетъ зачатіе и Ангелы воспѣваютъ рожденіе Предвѣчнаго Младенца (Лук. 2, 13); какъ двѣнадцатилѣтнее Отроча постыждаетъ во Іерусалимѣ мудрость всѣхъ книжниковъ (Лук. 2, 47); какъ гласъ съ неба именуетъ Его Сыномъ возлюбленнымъ при Іорданѣ (Матѳ. 3, 17) и на Ѳаворѣ (Матѳ. 17, 5); какъ слѣпые, по слову Его, прозираютъ, глухіе слышатъ, духи нечистые убѣгаютъ, мертвые воскресаютъ; какъ дѣти воспѣваютъ осанна, какъ на самой Голгоѳѣ солнце меркнетъ, земля сотрясается,—какъ сонмы праведныхъ идутъ въ рай за Побѣдителемъ ада и смерти; какъ Онъ воскресаетъ изъ гроба, проповѣдуется отъ Ангеловъ Апостоламъ, а чрезъ нихъ всему міру;—какъ Ему дается *всякая власть на небѣ и на землѣ* (Матѳ. 28, 18);—какъ Онъ возносится съ Елеона на небо, посаждается *одесную Бога Отца* (Марк. 16. 19), начинаетъ управлять всѣмъ міромъ, ко благу Церкви Своей; какъ побѣждаетъ, одного послѣ другаго, всѣхъ враговъ Своихъ, доколѣ *и послѣдній врагъ не упразднится, смерть* (1 Кор. 15, 26): все это и подобное сему должно представить при видѣ воздвигаемаго креста, ибо Сынъ человѣческій взошелъ на толикую высоту славы не другимъ чѣмъ, какъ крестомъ.

Но для кого сія слава?—Для тебя же, христіанинъ, и для твоего спасенія. У Сына Божія и безъ того бездна

славы, но ты безславенъ;—а Онъ хочетъ Собою почтить и прославить тебя. Посему-то и царство, Имъ пріобрѣтенное, все завѣщано тебѣ (Лук. 22, 29). Не будь же равнодушенъ къ славѣ своего Спасителя, для тебя пріобрѣтенной, помни высоту, къ коей призванъ, не скорби много среди униженія земнаго, не заглядывайся на высоты мірскія: тебя ждетъ небо, для тебя уготованъ престолъ славы, ты будешь выше всего; только не унизь и не потеряй грѣхами своими новаго небеснаго достоинства, тебѣ завѣщаннаго.

Такимъ образомъ воздвиженіе креста Господня приводитъ намъ, братіе, на память всю жизнь нашего Господа. Но вмѣстѣ съ симъ,—поелику въ христіанинѣ должно *мудрствоваться* тоже, что и во Христѣ *Іисусѣ* (Филип. 2, 5) и поелику Христосъ, пострадавъ по насъ, *намъ оставилъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его* (1 Петр. 2, 21);—вмѣстѣ съ симъ воздвиженіемъ креста, какъ мы сказали, изображается и то, что должно быть (и чего, можетъ быть, нѣтъ) въ жизни нашей.

Такъ, братіе, и намъ предлежитъ слава, подобная той, въ которую взошелъ Господь и Спаситель нашъ; но предлежитъ и тотъ же самый путь къ сей славѣ, коимъ прошелъ Онъ,—путь креста и самоотверженія, путь смиренія и терпѣнія до смерти. Другаго пути на небо нѣтъ, и быть не можетъ.

Итакъ, видя преклоняющимся до земли крестъ, вопроси, христіанинъ, самого себя, способенъ ли ты преклоняться такимъ образомъ во смиреніи и терпѣніи для славы Божіей и блага ближнихъ, готовъ ли разстаться съ честію мірскою, чтобы не потерять славы Божіей, отвергаешься ли гордости житейской, чувствуешь ли, что ты земля и пепелъ, грѣшникъ, недостойный помилованія,—признаешь ли необходимымъ умерщвлять свое самолюбіе и умерщвляешь ли сколько-нибудь на самомъ дѣлѣ, перенесъ ли ты хотя одну обиду, простилъ ли отъ сердца хотя одного врага, плакалъ ли хотя разъ о своихъ грѣхахъ, знаешь ли хотя изъ малаго опыта, что такое крестъ и что смиреніе христіанское?—

Кто при семъ обрѣтетъ въ себѣ и своей жизни безцѣнные слѣды уничиженій и смиренія своего Господа, тотъ да повергнется къ подножію креста, и да благодаритъ Господа за великій даръ благодати Его. Ибо истинное самоотверженіе приходитъ свыше, наша природа умѣетъ только ки-

чить и превозноситься, но, приходя свыше, оно, рано или поздно, и возноситъ человѣка туда, откуда приходитъ—на небо, въ обители Отца небеснаго.

Подобнымъ образомъ, при воздвиженіи креста должно помышлять о необходимости восходить отъ добродѣтели къ добродѣтели, отъ вѣры къ вѣрѣ, отъ любви къ любви. Высока лѣствица христіанскаго совершенства! Безконечны ступени подвиговъ духовныхъ! Какъ бы ты, христіанинъ, высоко ни стоялъ, ты всегда стоишь еще не на своемъ мѣстѣ. Одно вѣрное правило—*забывая задняя, всегда простираться въ предняя* (Филип. 3, 13). Кто думаетъ, что уже достигъ самаго верха, тотъ симъ самымъ показываетъ, что онъ еще стоитъ долу. Самые великіе подвижники всегда почитали себя *не у достигшими*. Итакъ, видя возносимымъ горѣ крестъ, осмотрись, христіанинъ, въ совѣсти своей, что можетъ быть сдѣлано для очищенія и возвышенія самыхъ добродѣтелей твоихъ, если имѣешь ихъ.

Прежде же и паче всего молимъ васъ, братіе, да не будетъ священнодѣйствіе сіе предметомъ одного зрѣлища! Да отразится знаменіе креста Христова не на поверхности токмо тѣла вашего, но и въ глубинѣ сердецъ вашихъ? Крестъ спасаетъ, но не покланяемый токмо, а и носимый,—не на одной выи тѣлесной, но на выи души. Покланяйся ему не въ одномъ храмѣ, гдѣ онъ такъ украшенъ, но вездѣ, гдѣ ни срѣтится,—въ обидѣ ли отъ ближняго, въ потерѣ ли имущества, въ болѣзни ли, въ другой ли какой печали: поклонись ему и облобызай его и въ семъ случаѣ. Симъ, и токмо симъ докажешь, что ты покланяешься не злату и сребру во образѣ креста, а истинному кресту Господню, который на Голгоѳѣ былъ покрытъ не каменіемъ драгимъ, а кровію и слезами. Аминь.

Слово на день Воздвиженія Креста Господня *).

Отвѣщавше вси людіе, рѣша: кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ (Матѳ. 27, 25).

Исполнилось, богоотступный народъ, желаніе твое! Князи и вожди погублены, *стѣны града твоего опровержены, алтари*

*) Произнесено въ Кіевѣ, когда преосвященный Иннокентій былъ студентомъ кіев. академіи.

твоя раскопаны, пророки твоя видятъ суетная, жрецы твоя воздыхаютъ, младенцы твоя просятъ хлѣба, вси дружащіяся съ тобою отвергошася тебе. Самъ Вышній покрылся облакомъ, да не дойдетъ къ Нему молитва твоя (Плачъ Іерем. 1. 2. 3. 4, гл.).

Христіане! мы, будучи *дивіями вѣтвями,* удостоились благодатію Божіею заступить мѣсто *естественныхъ вѣтвей*— іудеевъ и прицѣпиться къ доброй маслинѣ—Іисусу Христу, отъ коея они отломились (Рим. 11, 17—21). Какое чувство производитъ въ насъ сія *изящна десницы Вышняго?* Речемъ ли мы въ постыдномъ самохваленіи: *отломишася вѣтви, да мы прицѣпимся?* Но помышляли ли мы о томъ, чрезъ что они отломились отъ древа животнаго и чрезъ что мы прицѣпились къ сему древу? *Невѣріемъ отломишася, мы же вѣрою стоимъ.* Вѣра же нѣсть *отъ насъ, но Божій даръ* (Рим. 11, 20). Тотъ же милосердый Богъ, Который даровалъ намъ залогъ вѣры, можетъ и имъ возвратить оный; Тотъ же правосудный Богъ, Который послалъ имъ духа нечувствія, *да видяще не видятъ и слышаще не слышатъ* (тамъ же ст. 8), можетъ послать намъ *дѣйство льсти, во еже вѣровати намъ неправдѣ* (2 Солун. 2, 11). Итакъ, не высокомудрствовать должны мы, взирая на отверженныхъ іудеевъ, но исполняться страхомъ, да не како Богъ, *Иже естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, не пощадитъ и насъ* (Рим. 11, 21). Примѣръ сего народа долженъ возбудить насъ отъ безпечности грѣховной. Раскроемъ сію мысль.

Правовѣріе наше есть, кажется, первый камень, который мы изъ камня спасенія превращаемъ въ камень претыканія, основывая на немъ безпечность нашу въ дѣлѣ спасенія. Уповая на то, что мы званы на вечерю Господню,—дерзновенно отходимъ *овъ на село свое, овъ на купли своя,* не помышляя о томъ, что мѣста наши на вечери давно, можетъ быть, заняты пришедшими отъ востокъ и западъ, которыхъ мы почитали недостойными крупицъ, падающихъ отъ трапезы Господней. Будучи посажены благодатію, такъ сказать, у ногъ Спасителя, мы вмѣсто того, чтобы *слагать глаголы Его въ сердцѣ своемъ,* засыпаемъ, обнадеженные близостію Его, между тѣмъ какъ Онъ, произнесши сожалительный упрекъ, *спите прочее и почивайте,* давно, можетъ быть, отшелъ отъ насъ. Держа въ рукахъ своихъ нить правыя вѣры, мы вмѣсто

того, чтобы восходить по ней къ престолу благодати, нисходимъ въ бездну ада, тѣмъ безстрашнѣе, что мнимъ имѣть въ рукахъ своихъ нить спасенія. Такъ, *таинство вѣры,* будучи изгоняемо изъ сердца нашею нечистою совѣстію, уступаетъ мѣсто *тайнѣ беззаконія.*

Но *аще Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како не пощадитъ и насъ* (Рим. 11, 21). Іудеи были единственный народъ, *коему ввѣрены были словеса Божія* (тамъ же 3, 2). Когда язычники, *ходя въ суетѣ ума своего, премѣняли славу нетлѣннаго Бога въ подобіе тлѣнна человѣка, и птицъ, и четвероногихъ* (Рим. 1, 23), іудеи обличали ихъ, говоря: *бози, иже небеси и земли не сотвориша, да погибнутъ отъ земли, яко нѣсть духа въ нихъ* (Іер. 10, 14). Когда язычники, видя внутрь и внѣ себя бореніе двухъ противныхъ началъ, блага и зла, воздавали поклоненіе обоимъ, почитая ихъ совѣчными, іудеи вѣщали: *Господь Богъ нашъ, Господь единъ есть: нѣсть Богъ развѣ Его* (Втор. 6, 4. 4, 39). Когда язычники, видя страждущую добродѣтель, вопіяли: *случай единъ благому и злому, жрущему и не жрущему* (Еккл. 9, 2), іудеи отвѣщали: *очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ. Вѣсть Господь праведныя отъ смерти избавляти, нечестивыхъ же на судъ мучимыхъ блюсти.* Чего не доставало еще къ правовѣрію іудеевъ? Между тѣмъ, когда они вмѣсто плодовъ вѣры произрастили терніе невѣрія, Вышній отвратилъ лице Свое отъ нихъ; они разсѣяны, положены въ притчу и поношеніе всѣхъ народовъ.

Христіанинъ! хотя бы Церковь, коея ты именуешься членомъ, была *столпомъ и утвержденіемъ истины* (1 Тим. 3, 15), хотя бы всѣ знающіе тебя почитали тебя, *яко пророка* (Быт. 23, 6), и мудрость твоя была *яко мудрость Ангела Божія,* но если ты, *приникая въ законъ совершенъ свободы, не пребываешь въ немъ* (Іак. 1, 25), то тщетно *льстишь сердце свое* спасеніемъ—ты будешь отверженъ. *Не высокомудрствуй* о правовѣріи твоемъ, *но бойся* (Рим. 11, 20).

По правовѣрію внѣшность богослуженія бываетъ любимѣйшею опорою нашей грѣховной безпечности. Внѣшность богослуженія есть лѣствица, по которой мы должны восходить отъ глубины чувственныхъ помысловъ на высоту духовнаго разумѣнія, а мы, напротивъ того, болѣе и болѣе нисходимъ по ней отъ сего разумѣнія въ глубину плотскаго

мудрованія. Внѣшность богослуженія есть листвіе древа животнаго, которое должно сокрывать плоды духа отъ нечистаго взора плотскихъ человѣковъ, а мы сокрываемъ въ немъ, подобно прародителямъ, наготу духа нашего отъ Господа, насъ взыскующаго. Внѣшность богослуженія есть одежда Христова, къ которой одно прикосновеніе съ вѣрою могло бы врачевать недуги душевные, а мы, подобно распинателямъ Христовымъ, часто мещемъ о ней жребій—святотатственнымъ присвоеніемъ достоинства ея собственному употребленію, даже раздираемъ оную безразсудными преніями о ея дѣйствительности. Такъ буква внѣшности убиваетъ чадъ новаго Израиля, подобно какъ она убивала чадъ древняго. Но *аще Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како не пощадитъ и насъ* (Рим. 11, 21). Какой народъ болѣе іудеевъ имѣлъ пышности во внѣшнемъ богослуженіи? Ихъ храмъ по обширности своей походилъ болѣе на градъ, нежели на мѣсто богослуженія. Начатки отъ плодовъ, первенцы отъ животныхъ превышали нужды цѣлаго колѣна Левіина, волы и овцы тысячами были закалаемы во дворѣ скиніи, семидалъ выну курился на алтарѣ кадильномъ; выну горѣлъ елей на свѣщникѣ, выну лежали хлѣбы предложенія на трапезѣ. Пышность обрядовъ жертвенныхъ возвышалась блескомъ празднествъ. Строгій покой повторялся чрезъ каждые шесть дней: каждый мѣсяцъ раздавался гласъ священныхъ трубъ; каждый годъ строились кущи, и закалался агнецъ пасхальный; каждое седмилѣтіе поля оставляемы были не засѣянными, виноградъ не собранными; каждое пятидесятилѣтіе возвращалось право свободы рабамъ, право владѣнія потерявшимъ имущества. Вошедши въ землю іудейскую, можно было подумать, что сей народъ не имѣетъ другаго занятія, кромѣ отправленія обрядовъ. Между тѣмъ когда облако обрядовъ, вмѣсто того, чтобы служить по намѣреніямъ законодателя Синайскаго, огражденіемъ отъ необрѣзанныхъ, содѣлалось преградою къ тому, дабы узрѣть восходящее *Солнце правды* (Малах. 4, 2), то іудеи не токмо не получили исцѣленія *возсіявшаго во крилѣхъ Его*, но и осуждены на пребываніе во тьмѣ и сѣни смертной, изъ коея изведены язычники.

Христіанинъ! Хотя бы ты всѣ дни твои превратилъ въ празднества и торжества священныя, хотя бы число жертвъ,

приносимыхъ тобою къ алтарю. превышало число грѣховъ твоихъ; но если ты *вмѣстѣ съ руками не воздвигаешь сердца твоего къ Вышнему* (Плачъ Іерем. 3), если внутреннее святилище духа твоего исполнено мерзости запустѣнія,—ты будешь отверженъ. *Не высокомудрствуй* о внѣшности богослуженія твоего, *но бойся* (Рим. 11, 20).

На что не опирается грѣшникъ, храмлющій обѣма колѣнома! Долготерпѣніе Божіе, которое бы должно придать крыла для возвращенія къ Отцу небесному, сіе долготерпѣніе часто бываетъ предлогомъ къ тому, дабы долѣе блуждать въ отдаленіи отъ Него. Зная, что двери покаянія отверсты, мы далѣе и далѣе отходимъ отъ нихъ, не помышляя о томъ. что можетъ пріити время, когда онѣ затворятся и когда толкущимъ въ нихъ скажетъ Домовладыка: *не вѣмъ васъ*. Видя Отца небеснаго, весь день простирающаго руки Свои къ намъ, мы бѣжимъ отъ объятій Его, не помышляя о томъ, что сіи руки нѣкогда примутъ мечъ для погубленія непокорныхъ. Ахъ! можетъ быть, мы были бы менѣе расточительны въ дарахъ благодати, если бы долготерпѣніе Божіе не отверзало намъ всѣхъ сокровищницъ ея.

Но блюдемся, слушатели, *да не како Богъ, Иже естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, и не пощадитъ и насъ* (Рим. 11, 21). Какой народъ болѣе іудеевъ видѣлъ на себѣ знаковъ долготерпѣнія Божія? Моисей принимаетъ на горѣ законъ, а они поклоняются тельцу подъ горою: и между тѣмъ опредѣленіе о погубленіи ихъ отмѣнено. Богъ посылаетъ имъ хлѣбъ ангельскій, а они алчутъ мясъ египетскихъ: и между тѣмъ огнь, ниспосланный правосудіемъ разгнѣваннаго Бога, вскорѣ угашенъ Его милосердіемъ. Богъ высокою мышцею поражаетъ предъ ними враговъ ихъ, а они вступаютъ съ ними въ постыдныя связи: и между тѣмъ язва, поражавшая ихъ, отозвана назадъ; съ продолженіемъ времени, милосердіе Божіе, если можно такъ сказать, утомилось, милуя жестоковыйный народъ,—и правосудіе предаетъ его на поруганіе языкамъ. Но едва токмо онъ отведенъ въ Вавилонъ, милосердіе Божіе, какъ бы раскаявшись, паки обращаетъ къ нему лице Свое, утѣшаетъ его, и, наконецъ, изводитъ въ землю отцевъ. Іерусалимъ возгражденъ, храмъ возстановленъ,—и дщи Сіоня паки обратилась къ похотникамъ своимъ.

Казалось, что Вышній забылъ нелицепріятность судебъ Божіихъ, пренося во множествѣ долготерпѣнія народъ, который, упившись кровію рабовъ и пророковъ Его, пріуготовлялся омыть руки свои кровію Сына Его, Котораго Онъ *святилъ и послалъ въ міръ*. Нѣтъ! не забылъ, но ожидалъ, *да сосуды гнѣва совершатся въ погибель* (Рим. 9, 22); и когда настало *время погубляти* (Еккл. 3. 6), Вышній *напряже лукъ и изби вся красная дщери Сіони, сотрясе святыню Свою, и утверди десницу Свою, дондеже скончается* (Плачъ Іерем. 2. 3 гл.).

Христіанинъ! не употребляй во зло долготерпѣнія Божественнаго, иначе ты собираешь *себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія* (Рим. 2, 5), который *не пріидетъ съ усмотрѣніемъ*, но тогда, какъ ты мнишь имѣть *миръ и утвержденіе*. Мысль о долготерпѣніи Божіемъ часто бываетъ пищей нашей безпечности; впрочемъ, надобно признать, что сія пища рѣдко насыщаетъ ее. Взоръ, устремленный на милосердіе, часто противъ воли останавливается на правосудіи Божественномъ, и мы, трепеща, ищемъ ближайшей подпоры нашимъ разслабленнымъ колѣнамъ и, къ сожалѣнію, всегда почти находимъ во множествѣ подобныхъ намъ грѣшниковъ. Мы живемъ такъ, какъ живутъ другіе: вотъ отвѣтъ, который мы обыкновенно дѣлаемъ своей совѣсти, когда она побуждаетъ насъ испытать, *аще есмы въ вѣрѣ* (2 Кор. 13, 5). Если всѣ подобно намъ живущіе будутъ отвержены, то *кто можетъ спасенъ быти* (Матѳ. 19, 25)—вотъ оправданіе, которое мы противопоставляемъ ея упрекамъ: какъ будто имена грѣшниковъ должны быть вписаны въ книгу живота единственно потому, что мало число избранныхъ, кои могли бы оную наполнить; какъ будто Всемогущій не можетъ отъ камени воздвигнуть чадъ Аврааму, когда сіи чада превратятся въ камень своимъ ожесточеніемъ.—Изочтите, слушатели, если можете, безчисленное множество іудеевъ, участвовавшихъ въ грѣхѣ богоубійства; къ сему числу присовокупите число чадъ ихъ; соедините послѣднее съ числомъ ихъ потомковъ. Какое ужасное множество!—Между тѣмъ весь Израиль разсѣянъ, вся Іудея повержена въ запустѣніи.

Христіанинъ! сойди съ широкаго пути міра, иначе широта его и множество идущихъ по немъ не спасетъ тебя отъ гнѣва небеснаго.

Не могши укрыться отъ гнѣва небеснаго въ толпѣ подобныхъ намъ грѣшниковъ, мы часто прибѣгаемъ подъ сѣнь обѣтованій Божественныхъ, но къ сожалѣнію, не съ духомъ покаянія, какъ бы надлежало, а съ духомъ ожесточенія, который желалъ бы поставить милосердіе Божественное въ противорѣчіе съ его правосудіемъ, дабы, если возможно, первымъ уничтожить послѣднее. Если мы будемъ отвержены,— такъ нерѣдко лжемудрствуемъ мы, — то слова писанія: *не раскаянна дарованія и обѣтованія и званіе Божіе* (Рим. 11, 29): *вся привлеку къ Себѣ, будутъ едино стадо и единъ пастырь*, не будутъ *ей и аминь* (2 Кор. 1, 20). Но знаемъ ли, слушатели, разсуждая такимъ образомъ, кто таковъ народъ, надъ которымъ толико вѣковъ совершается судъ Божій? Это тотъ народъ, коего патріарху речено было нѣкогда: *и поставлю завѣтъ Мой между Мною и между тобою и между сѣменемъ твоимъ по тебѣ въ роды ихъ въ завѣтъ вѣченъ* (Быт. 17, 1). Знаете ли, кто сіи люди, кои находятся во всеобщемъ презрѣніи? Это потомки царя, коему нѣкогда было обѣщано: *аще оставятъ сынове твои законъ твой и въ судьбахъ Моихъ не пойдутъ, посѣщу жезломъ беззаконія и ранами неправды ихъ; милости же Моей не разорю отъ нихъ.* Знаете ли, какой храмъ превращенъ въ развалины? Это тотъ храмъ, о которомъ Самъ Богъ сказалъ Соломону: *освятихъ храмъ сей, егоже создалъ еси еже положити имя Мое тамо во вѣки: и будутъ очи Мои ту и сердце Мое по вся дни* (3 Цар. 9, 3). Знаете ли, что за градъ, который теперь лишенъ всего благолѣпія, преданъ въ руки языковъ? Это Іерусалимъ, о которомъ Богъ изрекъ устами пророка: *милость Моя къ тебѣ не оскудѣетъ, ниже завѣтъ мира твоего престанется* (Исаіи 54, 10). Послѣ сего, кто осмѣлится прилагать къ себѣ слова Писанія: *твердое зданіе Божіе стоитъ имущее печать сію: позна Богъ сущія Своя* (2 Тим. 2, 19): *нераскаянна обѣтованія и званіе Божіе* (Рим. 11, 29)? Христіане! Церковь не теряетъ надежды видѣть нѣкогда разсѣянныхъ чадъ обрѣзанія, собранныхъ подъ крылѣ своя. *Ослѣпленіе бо Израилеви отчасти бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ, и такъ весь Израиль спасется* (Рим. 11, 25. 26). Блюдемся, да время ихъ обращенія не будетъ временемъ нашего отверженія. *Часъ уже намъ отъ сна востати* (Рим. 13, 11)! Аминь.

Слово въ день Воздвиженія Креста Господня.

Св. Церковь торжественно вспоминаетъ нынѣ, братіе, обрѣтеніе честнаго креста Господня. Радостное событіе сіе послѣдовало, какъ извѣстно, спустя три вѣка по воскресеніи Господа, и совершено святою Еленою, матерію равноапостольнаго царя Константина. Когда благочестивая царица сія посѣщала мѣста, освященныя жизнію и страданіями Богочеловѣка, то Духъ Святый возбудилъ въ ея сердцѣ желаніе— обрѣсти крестъ Господень, который до того времени, по смутнымъ обстоятельствамъ Церкви, удручаемой гоненіями, оставался въ неизвѣстности. Трудно было и для порфироносной искательницы совершить это обрѣтеніе, ибо іудеи и язычники, не терпя поклоненія Распятому, старались изглаждать всѣ слѣды Его жизни. Крестъ Господень, вмѣстѣ съ крестами распятыхъ съ Нимъ на Голгоѳѣ, зарытъ былъ въ землѣ, и на томъ самомъ мѣстѣ воздвигнутъ потомъ римлянами храмъ одному божеству языческому. Но усердіе равноапостольной царицы препобѣдило всѣ трудности. Мѣсто креста найдено, по указанію одного іудея, и капище, на немъ стоявшее, разрушено. Когда потомъ начали раскапывать землю, то сначала ощущено было неизреченное благоуханіе; потомъ открылось три креста, изъ коихъ на одномъ была надпись, та самая, которую Пилатъ положилъ на крестѣ Господа. Не смотря на это указаніе, просвѣщенное благочестіе царицы искало еще вѣрнѣйшаго признака. Святый Макарій, тогдашній патріархъ іерусалимскій, употребилъ для сего такое средство, какое могла внушить только самая живая вѣра въ Распятаго. По его повелѣнію, принесенъ былъ одинъ больной, находившійся при смерти. Святитель прикоснулся къ нему сначала однимъ, потомъ другимъ крестомъ, но безъ всякаго дѣйствія; когда же прикоснулся третьимъ, на коемъ была надпись, то больной всталъ и сдѣлался совершенно здоровымъ. Чудо сіе вразумило всѣхъ, что это подлинный крестъ Того, Который есть Воскресеніе и Жизнь. Найденный такимъ образомъ крестъ перенесенъ былъ съ торжествомъ во храмъ іерусалимскій, гдѣ святый патріархъ воздвигъ его предъ народомъ съ амвона, дабы всѣ, и великіе и малые, могли насладиться зрѣніемъ Животворящаго Древа. Церковь же святая, обрадованная стяжаніемъ боже-

ственнаго сокровища, положила, чтобы память обрѣтенія креста Господня ежегодно была совершаема въ настоящій день. Таково происхожденіе нынѣшняго празднества (Руфин. Церк. Ист. Кн. 1, гл. 7).

Великій и важный урокъ, братіе, заключается для насъ въ семъ событіи. И каждый христіанинъ, если только онъ не напрасно носитъ сіе званіе, имѣетъ свой крестъ, на коемъ онъ долженъ распинать грѣховную плоть свою съ ея страстями и похотями. Крестъ сей долженъ состоять въ благодушномъ перенесеніи недостатковъ нашей падшей природы и бѣдствій естественныхъ,—въ борьбѣ съ общею всѣмъ намъ наклонностію къ злу и съ соблазнами міра,—въ исправленіи, при содѣйствіи благодати, нашего злаго сердца и въ обновленіи силъ души и духа. А посему, празднуя обрѣтеніе и воздвиженіе креста Господня, каждый долженъ со всѣмъ тщаніемъ разсмотрѣть, сохраняется ли въ цѣлости его собственный крестъ? Не погребенъ ли въ землѣ, въ суетныхъ попеченіяхъ о земномъ и тлѣнномъ? Не стоитъ ли въ душѣ и сердцѣ, вмѣсто креста Господня, крестъ разбойничій, или капище какой-либо безстудной страсти?

Мы сказали, что присутствіе истиннаго креста Господня обнаружилось тремя признаками: благоуханіемъ, изображеніемъ имени Господа Іисуса и оживленіемъ болящаго. По симъ же самымъ признакамъ и каждый можетъ отличить въ самомъ себѣ истинный крестъ отъ ложнаго: крестъ истинный долженъ благоухать невинностію или покаяніемъ, долженъ имѣть на себѣ начертаніе сладчайшаго имени Іисусова, и, наконецъ, долженъ быть животворящимъ.

Въ мірѣ, братіе, весьма много бѣдъ и скорбей, потому что еще болѣе грѣховъ и страстей, но страданія, происходящія отъ нашихъ грѣховъ, не составляютъ сами по себѣ креста христіанскаго. Честолюбивый мучится ненасытимымъ желаніемъ отличій и преимуществъ; завистливый снѣдается скорбію о благѣ ближняго; сластолюбца терзаетъ невозможность удовлетворять своимъ нечистымъ вожделѣніямъ; всѣ сіи и имъ подобные люди страдаютъ, и нерѣдко болѣе тѣхъ, кои страдаютъ, правды ради: между тѣмъ, кто не признаетъ ихъ страданій произвольными мученіями грѣха, заслуживающими не уваженіе, а укоризну? Кто не скажетъ, что они несутъ крестъ разбойничій?

Послѣ сего, казалось. бы совершенно невозможнымъ и ошибаться въ распознаніи такихъ крестовъ и принимать ихъ за истинные. но на самомъ дѣлѣ бываетъ совершенно противное. Когда мы смотримъ на бѣдствія другихъ людей. то. дѣйствительно. по какому-то злополучному дару проницательности скоро узнаемъ, что они воспріемлютъ по дѣламъ своимъ; даже нерѣдко находимъ ихъ достойными сего и тогда. когда въ нихъ не обрѣтается никакой вины. но такъ ли поступаемъ. когда обращаемъ взоръ на собственныя бѣдствія? О, въ такомъ случаѣ обыкновенно не почитается и нужнымъ входить въ разсмотрѣніе своихъ поступковъ; предполагаютъ за-вѣрное, что всякое озлобленіе, намъ причиненное, никакъ не можетъ имѣть причины въ насъ самихъ; смотрятъ на себя, какъ на Ангеловъ, утвержденныхъ въ добрѣ, для коихъ невозможно паденіе, и потому, при первомъ появленіи бѣдствія вопіютъ: какое искушеніе! какой крестъ! Дѣйствительно, могъ бы сказать намъ въ семъ случаѣ кто-либо.—какое искушеніе. когда вы сами искушаете себя и другихъ своими преступными замыслами, дерзкими мечтами, противоборствомъ истинѣ и долгу? Какой крестъ, когда ты самъ соорудилъ его себѣ своимъ забвеніемъ о Богѣ, нарушеніемъ правъ человѣчества, гордостію и лукавствомъ? *Поверзи жезлъ твой на землю,* сказано было нѣкогда Богомъ Моисею, *и верже и на землю, и бысть змій: и отбѣже Моисей отъ него* (Исх. 4, 3). Повергните и вы,—можно сказать многимъ изъ хвалящихся мнимыми, или дѣйствительными, только заслуженными, страданіями.—повергните кресты свои на землю, отвергнитесь пристрастія, съ коимъ вы смотрите на нихъ, судите здраво и право о своемъ предшествующемъ поведеніи: не увидите ли и вы, подобно Моисею, ужаснаго превращенія? Не откроется ли, что почитаемое вами доселѣ искушеніемъ есть не крестъ, а змій—грѣхъ вами содѣланный. и что вы воспріемлете—по дѣламъ вашимъ?

Истинный крестъ благоуханенъ. Онъ, какъ мы сказали, состоитъ собственно въ благодушномъ перенесеніи страданій, нами не заслуженныхъ. Есть бѣдствія естественныя, отъ коихъ никакая невинность укрыться, никакая мудрость защититься не можетъ. Таковы болѣзни, потеря друзей и сродниковъ, разрушительное свирѣпство стихій и проч. Кто не изнемогаетъ вѣрою подъ ударами несчастія, тотъ несетъ

истинный крестъ: свидѣтель Іовъ, который, лишась всего, въ прахѣ и пеплѣ, благословлялъ имя Господне (Іов. 1, 21). Есть бѣдствія, проистекающія отъ злыхъ, подобныхъ намъ, человѣковъ: собственность наша можетъ быть похищена, тайными или явными, врагами; честь наша можетъ быть помрачена клеветою, и мы лишены всего; при семъ случаѣ недостаетъ иногда и средствъ—доказать свою невинность и обличить лукавство. Кто съ упованіемъ на Судію небеснаго терпитъ неправду земную, тотъ несетъ истинный крестъ: свидѣтель Іосифъ, который за невинность лишенъ былъ всего, но пребылъ вѣрнымъ Богу отцевъ (Быт. 39, 9. 10). Въ собственномъ нашемъ сердцѣ происходитъ непрестанная борьба добра со зломъ, совѣсти съ вожделѣніями: надобно непрестанно бдѣть надъ собою, умѣрять себя, лишать, обуздывать, наказывать, чтобъ не пасть подъ наклонностію ко злу, не сдѣлаться игралищемъ страстей, не опустѣть добрыми дѣлами, не сдѣлаться мертвыми для Бога. Кто проходитъ мужественно сей путь внутренняго самоисправленія и съ бодростію стоитъ на стражѣ сердца, тотъ несетъ истинный крестъ: свидѣтель Павелъ, сражавшійся съ пакостникомъ плоти, ангеломъ сатанинымъ (2 Кор. 12, 7), и всѣ подвижники благочестія.

Кресты сіи, не завися въ происхожденіи своемъ отъ воли человѣческой, возлагаются Самимъ Богомъ. Но для ревности къ подвигамъ открыто поприще и произвольнаго крестоношенія. Твое состояніе обѣщаетъ тебѣ въ жизни радости и удовольствія; между тѣмъ, ты можешь составить счастіе для многихъ, если пожертвуешь симъ состояніемъ: принеси эту жертву, это будетъ истинный крестъ; его носилъ Моисей, не захотѣвшій называться сыномъ дочери царевой, а лучше согласившійся страдать съ людьми Божіими (Евр. 11, 24). Ты не можешь безъ сокрушенія сердца видѣть, какъ оскудѣваетъ вѣра между христіанами, умаляется любовь, усиливается нечестіе; питай въ себѣ сіе спасительное сокрушеніе, это будетъ истинный крестъ: его носилъ Илія за то, что не могъ сносить нечестія въ Израилѣ (3 Цар. 19, 14). Какой-либо могущественный человѣкъ, предавшись страстямъ, ненаказанно попираетъ права истины и человѣчества; многіе терпятъ, всѣ тайно осуждаютъ, и нѣтъ обличающаго; если на тебѣ лежитъ долгъ обличить неправду,

обличи; опасность, коей чрезъ это подвергнешься, составитъ истинный крестъ: его понесъ на себѣ Іоаннъ Креститель, обличавшій Ирода и Иродіаду. Кратко сказать, всякій подвигъ благочестія, всякій трудъ любве есть истинный крестъ: ибо издаетъ благоуханіе невинности.

«Такъ, скажетъ кто-либо:—но что дѣлать съ тѣми безчисленными крестами, кои возлагаютъ на насъ страсти и грѣхи наши? Есть ли какое-либо средство отнять и у нихъ зловоніе грѣха?» Есть, братіе, есть. Разбойникъ со креста, безъ сомнѣнія разбойничаго, пошелъ въ рай. Краткія слова: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ* (Лук. 23, 42), все перемѣнили. То же самое можетъ быть и со всякимъ страждущимъ грѣшникомъ. Вѣра, покаяніе и молитва совершенно вознаграждаютъ недостатокъ правды;—ибо благость Божія не только прощаетъ, даже обращаетъ въ нѣкоторую заслугу намъ страданія, нами заслуженныя, коль скоро мы освящаемъ ихъ вѣрою въ заслуги нашего Искупителя.

Уже изъ сего одного видно, братіе, какъ нуженъ второй признакъ для отличенія истиннаго креста, и какъ необходимо, чтобы на немъ было начертано всеосвящающее имя Господа Іисуса; ибо большая часть крестоносцевъ, будучи грѣшниками, могутъ содѣлаться истинными крестоносцами токмо чрезъ покаяніе и вѣру въ Искупителя. Но кромѣ сего есть и другія причины, по коимъ ничей и никакой крестъ не можетъ имѣть цѣны безъ освященія заслугами Сына Божія.

И во-первыхъ, когда мы говоримъ о невинности и праведности человѣческой, то разумѣемъ эти добродѣтели не въ строгомъ смыслѣ. Собственно говоря, между людьми нѣтъ ни одного праведника, нѣтъ ни одного страждущаго совершенно невинно. Въ самомъ дѣлѣ, пусть мы не заслужили извѣстныхъ страданій нашими извѣстными грѣхами, но развѣ не было за нами грѣховъ, кои остались ненаказанными? И развѣ они престали быть грѣхами, потому только что остались безъ печальныхъ для насъ послѣдствій? Развѣ Промыслъ, допустивъ на время нашимъ преступленіямъ оставаться ненаказанными, дабы преклонить насъ къ покаянію милосердіемъ, не имѣлъ права воскресить для насъ наказаніе, когда мы, любуясь своею добродѣтелію, забыли, что

мы грѣшники? Но пусть мы не заслужили,—предположимъ невозможное: *кто бо чистъ будетъ отъ скверны? Никтоже, аще и единъ день житіе его на земли* (Іов. 14, 4. 5). — пусть мы не заслужили своего несчастія никакими собственными грѣхами: развѣ грѣховное естество наше не составляетъ само по себѣ предмета гнѣва небеснаго? Ахъ! мы непрестанно содержимъ въ памяти права наши, когда нужно участвовать въ наслѣдіи высокаго имени и какого-либо имущества отъ предковъ, а того не памятуемъ, что и грѣхи отцевъ могутъ быть отданы на чадъ, что кромѣ того у насъ есть общее наслѣдство отъ общаго отца человѣковъ—грѣхъ прирожденный, та наслѣдственная порча нашего естества, которая одна способна отнять цѣну у всѣхъ нашихъ добродѣтелей и страданій. Какъ же мы дерзнемъ предстать къ небесному Мздовоздателю съ самыми, такъ называемыми, невинными страданіями нашими, если они не будутъ освящены вѣрою въ заслуги Божественнаго Искупителя? Только соединеніе нашего креста въ духѣ вѣры съ крестомъ Христовымъ можетъ содѣлать нашъ крестъ достойнымъ взора небеснаго Судіи; токмо подъ кровомъ заслугъ Христовыхъ мы можемъ говорить съ Апостоломъ: *страждy, но не стыждуся* (2 Тим. 1, 12)! Ибо дѣйствительно тогда намъ нечего стыдиться; въ насъ пятенъ грѣха не остается мрачныхъ; все убѣляется *кровію Агнца* (Апок. 7, 14). Посему вѣра въ заслуги Искупителя должна быть непремѣннымъ отличіемъ всякаго истиннаго креста и крестоносца.

Самое крестоношеніе истинное безъ благодати Іисуса Христа вовсе невозможно. Земная мудрость много мудрствуетъ о терпѣніи среди напастей, о мужествѣ среди опасностей; но ученики ея еще не показали опытовъ истиннаго крестоношенія. Что видимъ въ нихъ въ минуты тяжкихъ искушеній? Или гордое нечувствіе, или малодушный ропотъ, равно недостойные человѣка. Человѣческая крѣпость нерѣдко вызывалась на сраженіе съ напастями, но рѣдко, рѣдко не падала при самомъ началѣ, тѣмъ паче въ продолженіе ударовъ несчастія. Такъ и должно быть: когда человѣкъ опирается токмо на самого себя, то онъ слабѣе трости, вѣтромъ колеблемой. Только страждущіе о имени Іисуса и въ духѣ живой вѣры въ Него умѣютъ страдать безъ ропота и даже радоваться среди страданій: ибо,—кромѣ увѣрен-

ности, что *легкое печали тяготу вѣчныя славы содѣлываетъ* (2 Кор. 4, 17),—они чувствуютъ, что *вся* могутъ *о укрѣпляющемъ ихъ Господѣ Іисусѣ* (Филип. 4, 13), что Провидѣніе. попустивъ имъ страдать. не попуститъ искуситься паче, нежели могутъ перенести, но *со искушеніемъ сотворитъ и избытіе* (1 Кор. 10, 13). Посему-то истинные страдальцы всегда были пламеннѣйшими любителями креста Христова, и ни на шагъ не удалялись въ духѣ съ Голгоѳы, ибо твердо знали, что, выпустивъ изъ вида крестъ Іисусовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ потеряютъ собственный крестъ, или падутъ подъ нимъ.

Но для чего. убѣждая къ соединенію нашихъ крестовъ съ крестомъ Іисуса, я говорю все о нуждѣ сего соединенія для насъ? Развѣ нѣтъ у тебя. христіанинъ, кромѣ нужды, другихъ узъ, соединяющихъ тебя съ твоимъ Спасителемъ? Чего не сдѣлалъ и не дѣлаетъ Онъ для пріобрѣтенія любви твоей?—Кому же приличнѣе могутъ быть посвящены твои слезы и вздохи. какъ не Тому, Кто пролилъ за тебя кровь Свою? Кто болѣе имѣетъ права на твой крестъ, какъ не Тотъ, Кто Самъ претерпѣлъ за тебя крестъ и Кто вѣрнѣе оцѣнилъ твое терпѣніе, твое бореніе съ грѣховною природою, твое отреченіе отъ того, что̀ для сердца часто драгоцѣннѣе всего, какъ не Онъ, Который отрекся для насъ всего, оставилъ престолъ Отца. явился въ образѣ раба и умеръ смертію преступника?

Представляя все сіе. братіе, истинно нельзя не пожалѣть отъ всего сердца о томъ пагубномъ невниманіи къ истинной пользѣ отъ нашихъ страданій. по коему мы небрежемъ освящать ихъ вѣрою въ заслуги нашего Ходатая! Когда подвергаемся бѣдствіямъ за наши неправды, то еще изрѣдка воспоминаемъ о Немъ и призываемъ Его на помощь; но когда терпимъ, не сдѣлавъ ничего худаго, то обыкновенно почитаемъ совершенно ненужнымъ прибѣгать къ Нему. Въ семъ случаѣ у насъ бываетъ одно и въ сердцѣ и на языкѣ—наша невинность. Какъ будто крестъ Христовъ долженъ принимать насъ подъ сѣнь свою только тогда, когда мы приходимъ къ нему отягченные всѣми неправдами! Какъ будто Іисусъ Христосъ назначенъ быть *служителемъ* нашего *грѣха* (Гал. 2. 17), а не совершителемъ нашея правды! За то—что̀ и бываетъ слѣдствіемъ сея неблагодарности! То, что наши страданія не приносятъ намъ плодовъ

духовныхъ, что мы вскорѣ изнемогаемъ подъ тяжестію ихъ. и нерѣдко, начавъ страдать за правду, оканчиваемъ страданіемъ неправды. Мы по лукавству сердца нашего удѣляемъ въ жертву нашему Спасителю худшую часть нашего креста, очерненную нашими грѣхами, и оставляемъ для себя лучшую, на коей изображается наша невинность: и Его правда отъемлетъ отъ нашего креста то, что въ немъ есть лучшаго—его животворность, и оставляетъ то, что въ немъ есть худшаго—мертвость. насъ отягощающую.

Между тѣмъ, истинный крестъ, братіе. по самому существу своему, всегда животворящъ, и это, какъ мы сказали, должно служить третьимъ признакомъ, отличающимъ его отъ креста неистиннаго. Пусть бы кто провелъ весьма долгое время въ служеніи міру, въ удовлетвореніи своихъ страстей, въ разсѣяніи и забвеніи Бога, въ нерадѣніи о душѣ и вѣчности: если Промыслъ найдетъ его достойнымъ, чтобы послать на него искушеніе, и если онъ перенесетъ его въ духѣ покаянія и вѣры, то съ нимъ произойдетъ необыкновенная перемѣна: онъ почувствуетъ въ себѣ такое отвращеніе отъ прежней грѣховной жизни, какого въ немъ дотолѣ никто не примѣчалъ; въ душѣ его откроется такая сила къ совершенію добродѣтелей, о существованіи коей въ себѣ онъ самъ никогда не воображалъ. И это весьма естественно. Ибо отъ чего въ насъ умаляется и, наконецъ, совершенно оскудѣваетъ жизнь по духу? Отъ чего мы изнемогаемъ въ твореніи добра до того, что для насъ, наконецъ, обращается какъ бы въ законъ содѣвать одно зло? Отъ того, что перестаемъ бдѣть надъ своими помыслами, управлять своими желаніями. оставляемъ, такъ сказать, безъ надзора вертоградъ души нашей. Отъ того, что, развлекаясь нуждами и забавами, не находимъ времени посмотрѣть на себя въ зерцалѣ слова Божія,—тѣмъ паче исправить усматриваемые въ себѣ недостатки. Отъ того, что, кружась въ вихрѣ суеты мірской, забываемъ, что мы не свои, но принадлежимъ Тому, Который купилъ насъ кровію Своею, что насъ ожидаетъ вѣчность. что намъ предлежитъ судъ. Вотъ главныя причины нашего духовнаго нечувствія и смерти! — Но бѣдствія, нами претерпѣваемыя, если только мы умѣемъ пользоваться ими, по необходимости прекращаютъ дѣйствіе всѣхъ сихъ гибельныхъ при-

чинъ. Они заставляютъ насъ углубиться въ самихъ себя и видѣть нищету нашего духа и сердца; обращаютъ насъ къ вѣрѣ и ея вѣчнымъ обѣтованіямъ; содѣлываютъ для насъ пріятнымъ упражненіе въ словѣ Божіемъ и въ молитвѣ; приводятъ на память нашу то, что сдѣлалъ для насъ Спаситель нашъ, и что должно дѣлать для Него намъ; обнажаютъ предъ нами суету благъ мірскихъ и заблужденіе тѣхъ, кои ограничиваютъ ими всѣ свои желанія. Все это по необходимости отрѣшаетъ наше сердце отъ земли и устремляетъ его къ небу, отвращаетъ насъ отъ временнаго и располагаетъ къ вѣчному. А посему, если кто, подвергаясь скорбямъ, чувствуетъ, что его вѣра не дѣлается чрезъ то живѣе, упованіе возвышеннѣе, любовь къ Спасителю и добродѣтели пламеннѣе, отвращеніе отъ грѣха рѣшительнѣе; то это несомнѣнный знакъ, что крестъ, отъ коего онъ страдаетъ, не есть еще истинный крестъ, потому что неживотворящъ. Все сіе бываетъ большею частію отъ того, что при нашествіи напастей и искушеній, предаются одной своей чувствительности, не обращаясь къ мысли о Богѣ, ограничиваютъ свой взоръ жизнію настоящею и не принимаютъ труда подумать о высокой и благотворной цѣли человѣческихъ страданій для жизни грядущей. Удаленіе сихъ причинъ возвращаетъ кресту его животворность, и онъ начинаетъ производить спасительное дѣйствіе на оживленіе и укрѣпленіе силъ духа. А вмѣстѣ съ тѣмъ и несеніе креста становится дѣломъ не такъ ужаснымъ, какъ оно бываетъ, когда несущій преданъ чувственности. Духовная сладость креста заставляетъ забыть вещественную его горечь, подобно тому. какъ забываютъ горечь врачевства, когда видятъ, что оно спасаетъ отъ смерти.

Изъ разсмотрѣнія свойствъ истиннаго креста уже само собою открывается, братіе, въ чемъ должно состоять его духовное воздвиженіе. Чѣмъ совершеннѣе правда, за которую мы подвергаемся страданіямъ, или чѣмъ искреннѣе покаяніе, съ коимъ переносимъ страданія заслуженныя; чѣмъ тѣснѣе соединяемъ наши страданія съ вѣрою въ заслуги Іисуса Христа, и чѣмъ болѣе, посредствомъ молитвы, привлекаемъ на себя благодать Его; чѣмъ, наконецъ, охотнѣе обращаемъ посылаемыя на насъ Промысломъ искушенія въ средства къ тому, чтобы очистить себя отъ всякія скверны

плоти и духа: тѣмъ вообще выше бываетъ нашъ крестъ. тѣмъ болѣе приближаемся мы къ великому Образцу всѣхъ истинныхъ страдальцевъ—Господу Іисусу. Если кто изъ насъ стяжалъ такое свойство, что можетъ по смиренію переносить равнодушно обиды. наносимыя ему людьми, имъ нимало неодолженными: то пусть научится переносить съ такимъ же равнодушіемъ огорченія отъ тѣхъ, коихъ онъ почитаетъ въ числѣ друзей, имъ облагодѣтельствованныхъ;—и его крестъ воздвигнется. Если кто изъ насъ отрекался донынѣ только грубыхъ удовольствій, пристрастій ощутительныхъ: то пусть отречется самыхъ тонкихъ прихотей, пусть откажется отъ самолюбія, по которому ищутъ чудеснаго и необыкновеннаго даже въ дѣлахъ благочестія и хотятъ превосходствовать надъ другими въ самыхъ строгостяхъ и смиреніи;—и его крестъ воздвигнется. Если кто-либо не уклоняется креста потому, что воображаетъ блаженство рая. которое должно послѣдовать за перенесеніемъ его: то пусть пріучитъ себя обходиться безъ сего, хотя позволительнаго, но еще не совершенно чистаго побужденія;—и его крестъ воздвигнется. Уже высокъ крестъ того, кто умѣетъ безъ ропота переносить бѣдствія, посылаемыя на него Провидѣніемъ, хотя позволяетъ себѣ молить Отца небеснаго о томъ, чтобы они прекратились; еще выше крестъ того, кто. будучи проникнутъ убѣжденіемъ въ достоинствѣ и пользѣ напастей вѣка сего, подобно Давиду, молитъ Господа, чтобы Онъ искусилъ его вѣру и терпѣніе сими напастями (Псал. 135, 23); еще выше крестъ того, кто, по своему преспѣянію въ самоотверженіи, нося крестъ, и не примѣчаетъ того, что онъ носитъ крестъ, а видитъ въ немъ только одну волю Божію, благую и совершенную. Вообще сказать, степени духовнаго воздвиженія креста столь же безчисленны, сколь безчисленны степени въ отвращеніи отъ зла и въ приверженности къ добру.—столь же многоразличны, сколь многоразличны выраженія нашей вѣры и любви ко Господу.

О. когда бы мы могли быть увѣрены, что каждый изъ насъ знаетъ о сихъ степеняхъ не по одной памяти и слуху! Когда бы Спаситель нашъ, принимая нынѣ со креста наши поклоненія, обрѣлъ въ сердцѣ каждаго изъ насъ хотя слабое изображеніе Его собственнаго креста! Тогда мы смѣло могли бы взирать нынѣ на воздвигаемый крестъ Его,—ибо видѣли

бы въ немъ знаменіе нашей побѣды надъ міромъ,—залогъ нашего будущаго блаженства. А теперь онъ воздвигается для нѣкоторыхъ изъ насъ, можетъ быть, только какъ знаменіе будущаго суда и отверженія. По крайней мѣрѣ, братіе, да не останемся навсегда праздными зрителями чуждаго воздвиженія и потщимся внити въ участіе страданій нашего Господа; будемъ очищать себя, хотя мало-по-малу, отъ скверны плоти и духа. Великій Крестоносецъ, положившій за всѣхъ насъ душу Свою, да поможетъ намъ въ семъ святомъ подвигѣ крестномъ, и да совершитъ его въ насъ силою Святаго Духа Своего!—Аминь.

Слово въ день Воздвиженія Креста Господня *).

Что мы слышали, братіе? — Кто исповѣдуется и вмѣстѣ проповѣдуетъ въ слухъ всѣхъ такимъ дивнымъ образомъ?...— Исповѣдуются и проповѣдуютъ три могущественнѣйшіе монарха, изъ коихъ одинъ, нашъ Александръ Благословенный, теперь уже предъ престоломъ Царя славы. Что составляетъ предметъ ихъ царственной исповѣди и проповѣди? То, что ходъ прежнихъ отношеній въ Европѣ между державами не имѣлъ основаніемъ тѣхъ началъ, на коихъ премудрость Божія утвердила покой и благоденствіе народовъ; что слѣдствіемъ сего уклоненія царственной мудрости отъ правилъ Евангелія было не другое что, какъ ужасныя бѣдствія народовъ и царей; что наконецъ они, наученные тяжкимъ опытомъ, дали предъ лицемъ неба и земли обѣтъ, во всѣхъ сношеніяхъ между собою и съ подвластными себѣ поступать впредь по заповѣдямъ Бога Спасителя, признавая Его единаго верховнымъ Самодержцемъ народовъ и царей и приглашая всѣхъ и каждаго обратиться всѣмъ сердцемъ къ закону любви, Имъ преподанному.—И когда совершена сія безпримѣрная исповѣдь монарховъ, провозглашена въ первый разъ сія дивная проповѣдь? — Въ настоящій день, когда святая Церковь воспоминаетъ одно изъ величайшихъ торжествъ креста Христова,—его всемірное воздвиженіе!—

*) Произнесенное въ Кіево-братскомъ училищномъ монастырѣ 1834 года, по прочтеніи акта священнаго союза и высочайшаго манифеста, къ нему относящагося.

Скажите сами, братіе, было-ль когда что-либо подобное?— Не величайшее ли это торжество вѣры надъ невѣріемъ и соблазнами вѣка? Самоотверженія христіанскаго надъ гордостію житейскою? — Не новое ли это воздвиженіе креста Господня? — Увы, братіе, міръ имѣлъ нужду въ семъ воздвиженіи! Крестъ Христовъ, составлявшій въ продолженіе толикихъ вѣковъ украшеніе лучшей части рода человѣческаго, въ недавнія времена былъ потерянъ цѣлыми народами. Ибо, какъ назвать, если не потерею креста Господня. ужасное отступленіе отъ вѣры, которое открылось — было въ западномъ христіанствѣ? Но Промыслъ Божій не допустилъ утвердиться владычеству тьмы;—и крестъ Господень паки обрѣтенъ погубившими его и. посредствомъ священнаго союза царей, воздвигнутъ предъ лицемъ неба и земли. Остановимъ, братіе. вниманіе наше на семъ чудѣ Промысла. совершившемся въ наши дни; и къ утѣшенію вѣры. приведемъ себѣ на память, какъ нечестіе хотѣло погребсти въ землѣ крестъ Христовъ — упразднить вѣру въ распятаго Спасителя, и какъ всѣ усилія и мнимые успѣхи его обратились къ большему укрѣпленію и славѣ христіанства.

Казалось бы, что между христіанскими народами вовсе не можетъ быть мѣста для духа, враждебнаго христіанству. Въ продолженіе 18-ти вѣковъ можно ли было не узнать и не ощутить всѣхъ благодѣтельныхъ свойствъ вѣры во Іисуса Христа?—Правда, вѣра сія имѣетъ цѣлію не землю. а небо; проповѣдуетъ царство Божіе, а не человѣческое; обѣщаетъ блаженство болѣе вѣчное, нежели временное: но и въ земномъ отношеніи не распространило ли христіанство величайшихъ благословеній на всѣхъ послѣдователей своихъ?— Не доказало ли на опытѣ, что *благочестіе на все полезно есть; обѣтованіе имѣющее живота* не *грядущаго* токмо, но *и настоящаго* (1 Тим. 4, 8)? Кто укротилъ варваровъ, разрушившихъ древній міръ гражданскій, и воздвигъ отъ сего камене чада Аврааму?—Христіанство. Гдѣ и какъ спаслись драгоцѣннѣйшіе остатки древняго міра. его наукъ, искусствъ и открытій? — Подъ сѣнію христіанства. Изъ какого корня произрасла большая часть того, что теперь есть лучшаго между народами христіанскими въ законахъ. обычаяхъ, нравахъ, взаимныхъ отношеніяхъ гражданскихъ и семейныхъ?— Изъ христіанства. Почему малѣйшая часть свѣта, нами на-

селяемая, господствуетъ надъ всѣмъ міромъ? — Паче всѣхъ прочихъ причинъ потому, что надъ нею господствовалъ доселѣ свѣтъ Евангельскаго ученія. Это истины, оправданныя опытомъ вѣковъ и народовъ, признанныя единодушно мудрѣйшими изъ людей, не отвергаемыя совершенно самыми врагами христіанства. Послѣ сего, говорю, можно ли было ожидать, чтобы между народами христіанскими произошло когда-либо явное отпаденіе отъ Христа?

Но отъ падшаго и помраченнаго грѣхомъ естества человѣческаго чего не можетъ произойти злаго и ужаснаго? — Не удивительно, если проникнутое ядомъ грѣха, потерявъ даже чувство здравія, оно обнаруживаетъ иногда сильное отвращеніе отъ небеснаго врачевства, заключающагося въ вѣрѣ христіанской; не удивительно, если тьма бѣжитъ отъ свѣта, да не обличатся дѣла ея, яко лукава суть. Притомъ, если не воздремлетъ, ниже уснетъ Храняй Израиля—Церковь Свою, то и князь тьмы непрестанно бдитъ, *обходя и мѣстя всю вселенную* (Апок. 12, 9). *и ища кого поглотить* (1 Петр. 5, 8). Посему-то во всѣ времена были въ нѣдрахъ христіанства и, вѣроятно, всегда будутъ враги креста Христова, люди погибельные, о коихъ должно сказать, что *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ* (1 Іоан. 2, 19).

Но сіе какъ бы прирожденное зло, сія внутренняя болѣзнь, эта домашняя измѣна и вражда, это гоненіе на вѣру Христову отъ самихъ христіанъ, никогда не усиливались до такой степени, не возносили такъ гордо главы, не являлись съ такимъ безстыдствомъ предъ лицемъ Бога и людей, какъ въ концѣ прошедшаго (XVIII) вѣка, который по всей справедливости должно назвать вѣкомъ соблазновъ. Истребить алтари и ихъ служителей, уничтожить, если возможно, самое имя христіанина, вотъ безумная цѣль, надъ достиженіемъ которой начали трудиться тысячи умовъ и рукъ, употребляя къ тому всѣ средства—силу и хитрость, истину и ложь, умъ и безуміе. И правосудный Богъ въ гнѣвѣ Своемъ допустилъ исполниться богоотступнымъ замысламъ!—Послѣ многихъ частныхъ отпаденій отъ вѣры, наконецъ цѣлый многочисленный народъ, славный успѣхами въ искусствахъ и легкомысліемъ, цѣлый народъ,—по крайней мѣрѣ въ лицѣ *безсердыхъ* представителей своихъ,—оставилъ знаменіе креста, отрекся Искупителя и Его спасенія, отказался наконецъ отъ *всякаго Бога*

и глаголемаго чтилища (2 Сол. 2, 4) и началъ поклоняться безстудному идолу, назвавъ его—разумомъ человѣческимъ!.. Чего не совершено потомъ у подножія сего идола, на развалинахъ алтарей и престола? — Священнѣйшіе предметы всюду влачатся по стогнамъ и обращаются на употребленіе самое безчестное! тысячи служителей вѣры ведутся, яко агнцы, на закланіе! самъ царь, благодѣтель народа, погибаетъ казнію преступника! послѣднія минуты умирающихъ жертвъ отравляются хулою и соблазнами.... Но я не могу, братіе, продолжать изображеніе временъ богоотступныхъ; стѣны храма сего содрогнулись бы при слышаніи о всѣхъ неистовствахъ и жестокостяхъ, кои были совершены во имя лжеименнаго разума. Довольно сказать, что имя Христово было поругано христіанами, какъ оно никогда не было поругаемо невѣрными; крестъ Христовъ глубже погребенъ въ землѣ, нежели какъ могла его погребсти нѣкогда злоба іудеевъ и ненависть язычниковъ. Прочіе народы запада хотя и не участвовали въ семъ богоотступничествѣ, но уже видимо наклонялись къ той же бездиѣ зла, въ коей терялась вѣра и гибло благоденствіе несчастныхъ галловъ. Истиннымъ почитателямъ Распятаго оставалась, повидимому, одна отрадная мысль, что такое отпаденіе отъ вѣры, умноженіе беззаконія, изсякновеніе любви, возстаніе царствъ на царства, сына на отца, что всѣ сіи ужасныя явленія самою чрезвычайностію и множествомъ своимъ служатъ предвѣстіемъ наступающей кончины міра, пришествія Судіи, окончательной побѣды добра надъ зломъ.

Но, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Промысла, уготовлялось вѣрнымъ другое утѣшеніе, а вѣрѣ иное торжество. Надлежало вскорѣ послѣдовать преобразованію міра, но еще не вещественнаго, а гражданскаго. Грѣховная земля сія имѣла еще разъ увидѣть на себѣ воздвиженіе креста Господня, совершенное уже не слабою, хотя порфирородною женою, а сонмомъ царей, предъ лицемъ цѣлаго свѣта. Не вдругъ совершилось сіе чудо; но тѣмъ для слабаго ока человѣческаго примѣтнѣе былъ, такъ сказать, весь образъ и вся подробность шествія Промысла Божія въ судьбѣ царствъ и народовъ. Послѣдуемъ, братіе, за симъ шествіемъ.

Первымъ дѣйствіемъ истребленія у галловъ христіанства и вмѣстѣ первою казнію за сіе было то, что невѣріе, истре-

бивъ все священное, устремилось само противъ себя; враги Бога и Христа содѣлались непримиримыми врагами другъ друга; вмѣстѣ съ вѣрою и церковію, исчезъ, вопреки всѣмъ усиліямъ поддержать его, и порядокъ общественный, и взаимное довѣріе гражданъ, и миръ семействъ, и обузданіе юности, и утѣшеніе старости, и спокойствіе ложа смертнаго. Корысть и гордость сдѣлались единственными пружинами жизни общественной и частной, а ужасъ и страхъ—самовластными распорядителями всего; но сей образъ правленія духовъ отверженныхъ, столь постоянный въ адѣ, между людьми никакъ не могъ имѣть прочнаго существованія. Тщетно мудрость стихійная истощала всѣ средства къ поддержанію уже не благоденствія, а, по крайней мѣрѣ, бытія общественнаго; тщетно дерзость покушалась на всѣ отчаянныя мѣры: ничто не могло замѣнить расторгнутаго союза съ небомъ. Наконецъ, принужденные необходимостію, тѣ же люди, кои, разрушая алтари, вопіяли: «истощайте, истощайте до основанія», начали на стогнахъ и торжищахъ проповѣдывать, что есть Существо высочайшее. есть другая жизнь, законъ и правда, есть вѣчная награда и вѣчная казнь. Обратиться прямо къ отверженному христіанству казалось еще крайностію постыдною: и лжеименная мудрость взялась было сама составить новую вѣру, которая доставляла бы спасеніе безъ Спасителя, въ коей стояло бы имя Іисуса, и не было бы Божества и креста Его. Но безъ сего, утвержденнаго въ глубинѣ природы божеской и человѣческой, якоря не могла, среди волненій умовъ и сердецъ, страстей и заблужденій, устоять никакая вѣра; и храмъ, такъ называемой, любви къ Богу и ближнему *), не будучи освященъ присутствіемъ Господа храма, воплощенной любви къ Богу и ближнимъ. въ продолженіе трехъ лѣтъ самъ собою остался совершенно пустъ. Дознанная такимъ образомъ кровавыми опытами, необходимость христіанства и для земнаго благоденствія обществъ гражданскихъ была причиною, что наконецъ и тотъ, коему достался весь плодъ взаимныхъ заблужденій и брани царей съ народами, и который въ упоеніи счастія ничего не хотѣлъ знать на землѣ выше себя, что, говорю.

*) Разумѣется секта теофилантроповъ, появившаяся было во Франціи, во время революціи.

и сей исполинъ брани — извѣстный каждому изъ насъ безъ наименованія—за первое дѣло своего царственнаго искусства почиталъ возстановленіе вѣры и богослуженія, и, не довольствуясь всѣми вѣнцами, кои возлагала на главу его побѣда, искалъ вѣнца у подножія алтарей. Уже великое въ сіи несчастныя времена торжество для вѣры было видѣть въ числѣ почитателей своихъ того, предъ кѣмъ все преклонялось на землѣ. — Но почтеніе сіе было данію необходимости, а не свободнаго произволенія,—слѣдствіемъ разсчета, а не любви. Вѣра почиталась какъ средство, а не какъ цѣль; казалась болѣе покровительствуемою, нежели покровительствующею; ей принадлежали храмы царственные, но далеки были сердца многихъ царей. Между тѣмъ, всецѣлое поруганіе вѣры требовало полнаго вознагражденія, торжества не смѣшаннаго съ рабствомъ; крестъ имѣлъ быть не поднятъ токмо отъ земли, а воздвигнутъ превыше всѣхъ и всего,—руками чистыми помазанниковъ Божіихъ, а не своенравнымъ снисхожденіемъ надменнаго сына счастія.

Но кто и какъ произведетъ это воздвиженіе? Совершитъ это чудо?... Мысль утомляется, братіе, пробѣгая всѣ концы той великой цѣпи событій, коею народы и цари привлечены были со всѣхъ странъ въ одно мѣсто для совершенія сего, истинно-всемірнаго воздвиженія. Для сего необходимъ былъ гласъ и зовъ, подобный тому, коимъ всѣ сыны Адама воззваны будутъ нѣкогда предъ престолъ всемірнаго Судіи. Въ самомъ дѣлѣ, не Архангелъ ли съ трубою невидимо пролетѣлъ всѣ страны запада?... Двадесять народовъ внезапно встаютъ съ своихъ мѣстъ и идутъ на сѣверъ, повидимому для цѣлей земныхъ, для удовлетворенія самолюбію одного человѣка, а въ самой вещи по одному великому, недовѣдому ни для кого, дѣлу Божію. Начинается брань подобная тѣмъ, въ коихъ Іегова воинствъ предходилъ нѣкогда Самъ въ тысящахъ народа возлюбленнаго. Съ одной стороны сила и гордость, съ другой кротость и христіанское смиреніе; съ одной невѣріе, съ другой вѣра и упованіе; съ одной мудрость земная, съ другой небесное Провидѣніе. Кто побѣдитъ: Агнецъ, или драконъ? Всѣ ожидаютъ паденія перваго, а низлагается послѣдній;—низлагается,— и міръ начинаетъ принимать новый видъ. Послѣ каждаго пораженія всемірнаго врага совершается политическое вос-

крещеніе какого-либо народа. Первый гласъ благодарности за неожиданное спасеніе отъ рабства самъ собою устремляется къ небу; первый взоръ свободы невольно останавливается на знаменіи креста, подъ коимъ ратуетъ освободитель народовъ, народъ православный; «симъ побѣдиши» становится призывнымъ кликомъ всѣхъ освобожденныхъ; воинства земныхъ царей обращаются въ единое, великое воинство Царя небеснаго; вожди и побѣдители содѣлываются проповѣдниками величія Божія; знаменія небесной помощи возбуждаютъ вѣру, а вѣра привлекаетъ новыя знаменія; земля явно вступаетъ въ союзъ съ небомъ, и скинія Божія вселяется среди обновленнаго бѣдствіями человѣчества!

Что же будетъ плодомъ сего безпримѣрнаго въ бытописаніяхъ человѣчества стеченія великихъ событій? Чѣмъ ознаменуетъ себя священное воодушевленіе вѣры, объявшее народы и царей? Что послѣдуетъ по конечномъ низложеніи врага, по освобожденіи всѣхъ народовъ, по возстановленіи всѣхъ престоловъ? Чѣмъ увѣнчается храмъ всемірной славы?—Всемірнымъ воздвиженіемъ креста Господня.

Достигнувъ столицы вольномыслія, три побѣдоносные монарха,—истинные представители трехъ главныхъ исповѣданій христіанскихъ, забывъ всѣ виды славолюбія, въ невидимомъ присутствіи Тріединаго Бога и въ видимомъ собраніи всѣхъ народовъ, совершаютъ благодарственныя молитвы на томъ мѣстѣ, гдѣ пала глава царя-мученика и гдѣ совершалось студное празднество въ честь идола нечестія. Не довольствуясь симъ, христолюбивые монархи, во имя Сего же Тріединаго Бога и Единороднаго Сына Его, предъ лицемъ свѣта заключаютъ между собою священный союзъ, коего цѣлію не нападеніе на кого-либо, даже не защищеніе царствъ, а смиренное исповѣданіе недостатковъ прежняго въ Европѣ образа мыслей и поступковъ во взаимномъ сношеніи народовъ и царей,—признаніе надъ собою небеснаго самодержавія Господа Іисуса,—обѣтъ управлять народами и всѣми поступками своими по духу и правиламъ Евангелія,—приглашеніе всѣхъ царей къ таковому же союзу со Христомъ и между собою, а подданныхъ и своихъ и чуждыхъ ко взаимной любви братской и къ христіанскому совершенству въ жизни.

Скажите сами, братіе, былъ ли когда союзъ царей, подобный сему? Не полное ли это торжество вѣры надъ невѣріемъ? Не истинное ли воздвиженіе креста Господня?— Кто, кромѣ всемогущаго Господа силъ, могъ совершить сіе чудо? Величайшее поруганіе вѣры обратить къ величайшей ея славѣ? Преподать такой великій урокъ царямъ и произвести въ нихъ глубокое сознаніе необходимости — образъ взаимныхъ отношеній царственныхъ подчинить святымъ и благотворнымъ законамъ Бога Спасителя? Заставить мудрость человѣческую произнести осужденіе самой себѣ и преклониться къ подножію креста? Единъ Богъ могъ произвести и произвелъ сіе чудо!

И большая часть изъ насъ, братіе, была свидѣтелями онаго; и среди нашего отечества началось освобожденіе народовъ и воодушевленіе вѣрою царей; и благословенный монархъ нашъ былъ первымъ орудіемъ Промысла въ воздвиженіи креста Господня!—Не должно ли намъ радоваться, видя, какъ Господь не оставляетъ Церкви Своей, и не даетъ одолѣть ее вратамъ адовымъ? Не должно ли радоваться, видя, какъ повелители народовъ, наученные тяжкими опытами, подклоняютъ охотно вѣнчанную главу свою подъ легкое и благое иго Евангелія, и призываютъ къ тому же народы, имъ подвластные? Не должно ли радоваться, видя христіанъ различныхъ исповѣданій, возсоединяемыхъ тройственнымъ союзомъ вѣры, любви и надежды, и симъ возсоединеніемъ предъобразующихъ то великое блаженное единство, когда будетъ едино стадо и единъ Пастырь? Не должно ли наконецъ радоваться, представляя себѣ особенную милость Божію къ нашему отечеству въ назначеніи ему особенной славы послужить паче всѣхъ народовъ великому возстановленію престоловъ и алтарей?

Но, радуясь о новомъ торжествѣ креста Господня, не забудемъ и нашихъ обязанностей, отсюда проистекающихъ. Когда Промыслъ Божій усугубляетъ свою бдительность въ охраненіи Церкви отъ новыхъ, величайшихъ опасностей: то и каждый изъ насъ долженъ усугубить свою ревность въ охраненіи внутренняго храма вѣры своея отъ нечистотъ и соблазновъ вѣка лукаваго и развращеннаго. Когда повелители народовъ не обинуясь исповѣдуютъ недостатки прежняго въ Европѣ образа дѣйствованія и даютъ обѣтъ

во всемъ неуклонно слѣдовать правиламъ Евангелія: то тѣмъ паче подданные должны, какъ можно чаще, вникать въ свое поведеніе, исправлять свои недостатки, каяться во грѣхахъ и оживлять въ себѣ и другихъ святую рѣшимость—быть христіанами не по одному имени. Наконецъ, кто будетъ столько нечувственъ, чтобы не отозваться сердцемъ и дѣлами на царственное призываніе почитать всѣхъ людей своими братіями и оказывать имъ знаки любви и уваженія?

Такъ, братіе, великій урокъ Промысла, разительное воззваніе монарховъ, не должны остаться безъ дѣйствія, а должны возбудить въ каждомъ изъ насъ новую ревность о своемъ спасеніи. Вамъ извѣстно, что и каждый христіанинъ имѣетъ, по слову Апостола, свой крестъ, на коемъ долженъ распинать плоть свою съ ея страстями и похотями (Гал. 5. 24). Посему, празднуя всемірное воздвиженіе креста Господня, должно каждому обозрѣть, не поникъ ли долу, не погребенъ ли въ землѣ—въ попеченіяхъ о земномъ и плотскомъ—его собственный крестъ. Ибо, что пользы, если крестъ Спасителя міра будетъ поднятъ до небесъ, а нашъ крестъ, подобно тяжести, будетъ висѣть на выи нашей и влечь насъ во адъ?—Итакъ, если бы кого постигло сіе несчастіе (а какъ мало такихъ, коихъ бы оно вовсе не касалось), таковый немедля долженъ воспріять свой крестъ и вознести его надъ всѣми помыслами, долженъ рѣшиться на сраженіе со страстями и злыми навыками, на жизнь, достойную христіанина. Сіе обрѣтеніе и воздвиженіе нашего креста будетъ для распятаго Господа нашего пріятнѣе обрѣтенія и воздвиженія Его собственнаго креста: ибо не для Себя, а для насъ взошелъ Онъ на крестъ сей. Аминь.

СЛОВА

НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

Слово въ недѣлю святыхъ Женъ Мvроносицъ.

За что, братіе мои, святыя жены мvроносицы и праведный Іосифъ съ Никодимомъ удостоились столь великой чести, что память ихъ празднственно совершается нынѣ Церковію, непосредственно послѣ торжества въ честь воскресенія Господня?— Не принимали-ль они, въ продолженіе земной жизни Господа или по вознесеніи Его на небо, какого-либо особеннаго участія въ великомъ дѣлѣ служенія Его спасенію рода человѣческаго? — Но ни въ писаніи, ни въ преданіи мы не находимъ о семъ ничего: объ одной только Маріи Магдалинѣ свидѣтельствуетъ преданіе, что она содѣлалась впослѣдствіи проповѣдницею Евангелія, подобно ученикамъ Господа, за что и получила названіе равноапостольной. — Или, можетъ быть, святыя лица, ублажаемыя нынѣ Церковію, отличались какимъ-либо особеннымъ разумѣніемъ тайнъ царствія Божія, или особеннымъ обиліемъ дарованій духовныхъ?— Нисколько не видно изъ евангельской исторіи и сего; святому Никодиму, напротивъ, сказано было прямо: *ты еси учитель Израилевъ, и сихъ ли не вѣси* (Іоан. 3, 10), и слова сіи доселѣ остаются въ Евангеліи, къ нашему назиданію.— Наконецъ, можетъ быть, празднуемыя нынѣ святыя лица отличались хотя постояннымъ пребываніемъ съ Господомъ, то-есть, что слушали всѣ Его бесѣды, присутствовали при всѣхъ Его чудесахъ, участвовали во всѣхъ нуждахъ и лишеніяхъ, раздѣляли всѣ труды и опасности Его служенія? И сего нельзя сказать по Евангелію, ибо мы видимъ только

разъ, какъ Никодимъ приходитъ слушать ученіе Спасителя. и то нощію, — *страха ради іудейска* (Іоан. 19, 38). О святыхъ женахъ мѵроносицахъ сказано болѣе, что онѣ—*идоша по Іисусѣ отъ Галилеи* (Матѳ. 27, 55), *служаще Ему отъ имѣній своихъ* (Лук. 8, 3); но сіе хожденіе отнюдь не было постояннымъ; служеніе женъ Господу отъ имѣній своихъ также не всегда совершалось. Иначе не было бы нужды спрашивать однажды Господу учениковъ: *чѣмъ купимъ хлѣбы* (Іоан. 6, 5); тѣмъ паче не было бы нужды, при другомъ случаѣ, прибѣгать къ чудесной ловитвѣ рыбы, дабы изъ устъ ея взять статиръ для уплаты подати на храмъ (Матѳ. 17, 27).

Что же, повторяю, могло обратить вниманіе Церкви на святыхъ женъ мѵроносицъ и на праведнаго Іосифа съ Никодимомъ до того, что память ихъ почтена особеннымъ празднествомъ, непосредственно послѣ празднества воскресенія Господа?—Ихъ любовь и усердіе къ Господу Іисусу, обнаруживавшіяся самымъ простымъ образомъ. Въ Іосифѣ это—великодушное дерзновеніе, съ коимъ онъ просилъ тѣла Іисуса на погребеніе у Пилата, и уступилъ Погребаемому свой собственный гробъ; въ Никодимѣ это — дружеское усердіе, съ коимъ онъ принесъ такое множество драгоцѣнныхъ ароматовъ и убрусовъ на погребеніе Учителя; въ святыхъ женахъ мѵроносицахъ это — ихъ мужественное присутствіе у креста Іисусова на Голгоѳѣ, ихъ участіе съ Іосифомъ и Никодимомъ въ Его погребеніи, и, наконецъ, ихъ утреннее путешествіе ко гробу Жизнодавца съ ароматами и мѵромъ для помазанія пречистаго тѣла Его. Вотъ подвиги святыхъ лицъ, ублажаемыхъ нынѣ Церковію! Безъ сомнѣнія, они не остановились на нихъ, пошли далѣе въ вѣрѣ и смиреніи, взошли выше — въ любви и самоотверженіи и, можетъ быть, достигли высоты и чистоты ангельской. Но святая Церковь, оставляя всѣ прочія совершенства ихъ, указуетъ въ лицѣ ихъ не на другія качества и добродѣтели, а на тѣ самыя, кои указаны нами выше. И нельзя сказать, чтобы Церковь простерла благодарность свою къ нимъ за предѣлы, когда за таковыя, очень простыя, повидимому, добродѣтели, такъ торжественно воспоминаетъ ихъ память нынѣ: нѣтъ, она послѣдовала въ семъ случаѣ примѣру Самого Господа, ибо, кому Онъ по воскресеніи Своемъ явился первѣе? Не Апостоламъ, а святымъ женамъ, кои шли къ Нему съ мѵромъ. И еще прежде

смерти Своей, на вечери, въ дому Симона прокаженнаго, когда Марія, сестра Лазарева, возливала на ноги Его мѵро, и когда Іуда коварно жалѣлъ о семъ мѵрѣ, Онъ сказалъ въ одобреніе ея, что она *дѣло добро содѣла*, и что *идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется, и еже сотвори сія въ память ея* (Матѳ. 26, 10. 13). Святая Церковь приводитъ нынѣ въ исполненіе сіе пророчество и вмѣстѣ повелѣніе, творя посредствомъ настоящаго празднества всему міру извѣстнымъ усердіе святыхъ женъ мѵроносицъ и благочестивыхъ погребателей тѣла Іисусова.

Для чего творитъ она это всему міру извѣстнымъ? Во-первыхъ, въ благодарность имъ за то, что они послужили Господу въ то время, какъ Онъ былъ отъ всѣхъ оставленъ, отъ самыхъ учениковъ Своихъ; а во-вторыхъ, для того, чтобы примѣромъ благообразнаго Іосифа и святыхъ женъ возбудить и въ насъ подобное же усердіе къ лицу Господа и Спасителя нашего. Ибо, хотя Господь нашъ, по воскресеніи Своемъ, вознесся, какъ извѣстно, на небо, возсѣлъ одесную Бога Отца, и посему не имѣетъ никакой нужды въ помощи отъ насъ, въ нашихъ дарахъ и приношеніяхъ; но, съ другой стороны, Сей же Самый Господь нашъ благоволилъ паки обрѣтаться между нами чувственно, въ нашихъ храмахъ, въ таинствѣ Тѣла и Крови Своея, и, обрѣтаясь такимъ образомъ, благоволитъ подлежать паки лишеніямъ и нуждамъ, подобно тому, какъ Онъ подлежалъ имъ нѣкогда въ вертепѣ виѳлеемскомъ и въ вертоградѣ Іосифовомъ. Для него нужны бываютъ при семъ *и горница постланная* (Марк. 14, 15) для вечери, и плащаница для покрытія пречистаго Тѣла, и гробъ для погребенія. Все сіе могли бы устроить для Него въ нашихъ храмахъ Херувимы и Серафимы, вину присутствующіе при священнодѣйствіяхъ, но Онъ не благоволитъ принимать отъ нихъ сего служенія; предоставляетъ честь сію намъ, коихъ Онъ искупилъ Своею Кровію, и во спасеніе коихъ снова приносится въ безкровную жертву. Объ исполненіи сей-то священной обязанности святая Церковь напоминаетъ всѣмъ и каждому, нынѣшнимъ празднествомъ. Ублажая праведнаго Іосифа съ Никодимомъ, она какъ бы такъ говоритъ всѣмъ мужамъ: «смотрите, подражайте ихъ усердію; не щадите для Господа временныхъ стяжаній вашихъ, не опускайте драгоцѣнныхъ случаевъ ока-

зать помощь и услугу Тому, Кто за чашу студеной воды, поданной во имя Его, обѣщалъ мзду въ царствіи. Прославляя святыхъ женъ мироносицъ, святая Церковь какъ бы такъ говоритъ всѣмъ женамъ христіанскимъ: «смотрите, не забывайте ихъ благаго примѣра, употребляйте и вы избытки своихъ стяжаній не столько на украшеніе самихъ себя, сколько на служеніе Богу и Церкви, на дѣла благочестія и любви христіанской».

Что урокъ сей слышится и пріемлется многими, что мудрое намѣреніе святой Церкви въ нынѣшнемъ празднествѣ продолжаетъ достигаться и нынѣ, какъ во времена древнія,— свидѣтели сего многіе изъ нашихъ храмовъ, кои и существованіемъ и благолѣпіемъ своимъ обязаны не другому чему, какъ усердію и щедродательности душъ христолюбивыхъ. Нельзя видѣть безъ особеннаго умиленія, какъ многіе изъ людей самыхъ бѣдныхъ жертвуютъ, подобно Евангельской вдовицѣ, едва не послѣднею лептою на потребу храмовъ Божіихъ. Миръ и благословеніе вамъ, души добрыя и простыя, отъ лица вокресшаго Господа! Вы—среди мрака ночнаго освѣщаете ликъ вашего Спасителя и святыхъ угодниковъ Его, на иконныхъ изображеніяхъ: Онъ—Преблагій ознаменуетъ свѣтъ лица Своего на васъ, когда вы будете идти мракомъ сѣни смертной. Вы приносите благовонный ѳиміамъ для воскуренія предъ святымъ алтаремъ Его: Онъ удалитъ отъ васъ дѣйствіе тли смертной, окружающей насъ во гробѣ. Вы прикрываете Его наготу въ храмахъ: Онъ покроетъ васъ ризой заслугъ Своихъ въ то время, когда вы будете стоять на судѣ всемірномъ. Только не останавливайтесь, добрыя души, на дарахъ, вами приносимыхъ, и не говорите съ фарисеемъ: *десятину даю всего, елико притяжу* (Лук. 18, 12), а старайтесь и сами себя, то есть, и сердца ваши уготовлять *въ жертву живу и благоугодну Господеви!*

Служа, такимъ образомъ, къ обрадованію тѣхъ изъ насъ, кои, подобно Іосифу и святымъ женамъ, умѣютъ служить Господу отъ имѣній своихъ, настоящее празднество въ то же время должно образумлять тѣхъ, кои, имѣя всю возможность оказывать Господу Своему подобныя услуги, небрегутъ о семъ подъ разными предлогами. Какіе это предлоги?— Самый главный изъ нихъ, сколько случалось слышать, тотъ, что Господь требуетъ нашего сердца, а не даровъ, что

истинная жертва Богу—духъ сокрушенъ и сердце смиренно и уничиженно. Такъ! этого, первѣе всего, требуетъ отъ насъ Господь нашъ, ибо не за вещественными дарами, а за сердцемъ нашимъ сошелъ Онъ съ неба и взошелъ на крестъ; но развѣ внѣшнія дѣла любви и усердіе къ святой церкви препятствуютъ имѣть такой духъ и такое сердце? Отъ сего-то духа и сердца и проистекаютъ таковыя дѣла. такъ что недостатокъ ихъ рѣдко. очень рѣдко не свидѣтельствуетъ о томъ, что сего благаго духа и сего драгоцѣннаго сердца нѣтъ у насъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же это за духъ сокрушенъ, который, воздвигая для жительства своего чертоги царскіе, спокойно допускаетъ до паденія стоящій о страну ихъ храмъ Божій? Что это за сердце смиренное, которое, при всей нечистотѣ своей, почитаетъ себя столь драгоцѣннымъ, что вмѣсто всѣхъ другихъ даровъ, дерзаетъ одного себя гордо класть на престолъ Божій?— Если есть въ такомъ человѣкѣ какое-либо внутреннее сокрушеніе, то едва ли не то, которое состоитъ изъ развалинъ внутренняго храма Божія, изъ самыхъ бѣдныхъ остатковъ совѣсти и чувства христіанскаго. Если есть въ семъ случаѣ и какое-либо смиреніе внутреннее, то развѣ подобное тому, которое обнаружилъ въ евангельской притчѣ рабъ лукавый, когда вмѣсто лихвы отъ таланта, ему ввѣреннаго, представлялъ боязнь свою не погубить его, употребляя въ дѣло. Нѣтъ, тѣ, кои дѣйствительно имѣли духъ сокрушенъ и сердце смиренно, тѣ поступали иначе: они, подобно Давиду, стыдились и вмѣняли себѣ въ грѣхъ, что имъ, по обстоятельствамъ, доводилось жить въ домахъ кедровыхъ, когда ковчегъ завѣта оставался подъ шатромъ, и брали всѣ возможныя мѣры, прекратить сіе неприличіе. Справедливо, что *истинніи поклонницы поклоняются Отцу* небесному *духомъ и истиною* (Іоан. 4, 23). и что такое поклоненіе можетъ совершаться на всякомъ мѣстѣ, а не въ однихъ храмахъ: но, памятуя сіе, мы не должны забывать и того, что Самъ Спаситель, Который заповѣдалъ намъ сіе поклоненіе духомъ, никогда не пренебрегалъ храмомъ іерусалимскимъ, и, во время пребыванія своего въ Іерусалимѣ, нигдѣ такъ часто не бывалъ, какъ въ семъ храмѣ. Видѣлъ Онъ всѣ богатыя украшенія сего храма, и ни разу не произнесъ осужденія на украшавшихъ; напротивъ, похвалилъ усердіе вдовицы, принесшей въ даръ храму двѣ лепты. Послѣ сего можно ли

позволить себѣ холодность къ состоянію храмовъ Божіихъ! Святыя таинства вѣры, очевидно, не могли избрать себѣ въ обиталище нашихъ жилищъ; для нихъ необходимо святилище: но для святилища въ свою чреду необходима чистота. удобность. благолѣпіе священное. Вы же сами, кои хотѣли бы ограничиться поклоненіемъ Богу духомъ и истиною, и подъ симъ предлогомъ уволить себя отъ усердія въ пользу храмовъ Божіихъ. вы же сами останетесь ли покойны въ духѣ,—если подъ вами начнетъ шататься отъ ветхости помостъ храма. или если надъ главами вашими не будетъ прочнаго покрова, защищающаго васъ отъ перемѣнъ воздушныхъ? Напротивъ, вы первые требуете отъ храмовъ не только удобства. но и всего благолѣпія священнаго. Перестаньте же быть въ разногласіи сами съ собою: воодушевитесь духомъ благочестія, не на однихъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ. и вы не будете болѣе безчувственными свидѣтелями ветхости и наготы храмовъ Божіихъ, дѣйствительно проникнитесь тою истиною. коея требуетъ Спаситель отъ покланяющихся Отцу Его, и сія истина откроетъ вамъ очи и покажетъ. какъ далеки вы отъ исполненія своего долга. Ибо то ли истина. когда въ вашихъ домахъ все блистаетъ свѣтомъ искусственнымъ. и ночь претворяется въ день; а въ храмахъ Господнихъ не будетъ свѣта передъ иконою Спасителя и Матери Его? То ли истина, когда вы предстоите святилищу въ богатыхъ одеждахъ, для коихъ матеріалы собраны со всѣхъ краевъ свѣта; а Спаситель вашъ долженъ исходить предъ васъ въ пречистыхъ тайнахъ Своихъ едваедва покровеннымъ одеждою, и притомъ ветхою и малоцѣнною? То ли истина, когда вы принимаете отъ Него въ храмѣ самое пречистое Тѣло и Кровь Его; а свое усердіе къ Нему ограничиваете тѣми малыми лептами, кои подаете обыкновенно самому послѣднему изъ нищихъ?

Преслѣдуемые такимъ образомъ истиною за свою холодность и неусердіе къ храмамъ, нѣкоторые думаютъ укрыться подъ кровомъ человѣколюбія. Чѣмъ жертвовать на мертвые храмы. лучше, говорятъ они, употребить избытокъ имуществъ своихъ на вспоможеніе живымъ храмамъ. то есть меньшей братіи Христовой,—бѣднымъ. Далъ бы Господь, чтобы тѣ, кои говорятъ или думаютъ такимъ образомъ. и поступали точно такъ, какъ говорятъ;—Премилосердный Спаситель

нашъ и нынѣ отказался бы отъ всего въ пользу тѣхъ, за коихъ Онъ пролилъ кровь Свою; остался бы нагимъ и алчнымъ. только бы они всѣ были одѣты и насыщены. Но есть не мало причинъ думать, что подобное человѣколюбіе остается на однихъ устахъ и составляетъ только предлогъ. Впрочемъ допустимъ его во всей силѣ и спросимъ сихъ благотворителей человѣчества, зачѣмъ они хотятъ быть благотворителями только однихъ членовъ тѣла, и оставляютъ безъ помощи—главу? Ибо Спаситель, какъ мы замѣтили уже, и теперь подлежитъ лишеніямъ и нуждамъ, находясь пречистыми тайнами Своими въ нашихъ храмахъ. Въ продолженіе земной жизни Своей Онъ былъ во плоти всегда въ одномъ только мѣстѣ, а нынѣ присутствуетъ въ каждомъ храмѣ: вездѣ посему нуженъ для Него кровъ, вездѣ потребна одежда. Присутствуя на землѣ лично. Онъ окруженъ былъ чудесами, кои возвышали лице Его, и, не смотря на окружавшую Его бѣдность, дѣлали Его предметомъ уваженія для всѣхъ. Теперь—во храмахъ. окрестъ Его нѣтъ видимыхъ чудесъ; посему необходимо и внѣшнее благолѣпіе для выраженія внутренняго величія таинствъ. И мы, послѣдователи и члены тѣла Его, откажемъ Ему въ сей необходимой услугѣ?—Откажемъ подъ тѣмъ предлогомъ, что вся милость и усердіе наше къ Нему истощены на Его меньшую братію? Есть ли въ семъ случаѣ хотя капля искренности? А если мы дѣйствительно искренни въ семъ случаѣ, то, да будетъ позволено сказать, уже слишкомъ неразумны. воображая напрасно, что услуги Церкви не есть услуга человѣчеству. Ибо развѣ ближній нашъ состоитъ изъ одного тѣла, а и не души вмѣстѣ? Развѣ онъ имѣетъ нужду въ одной одеждѣ, хлѣбѣ и кровѣ и не нуждается въ храмѣ, въ богослуженіи и таинствахъ? Какъ же, оказывая ему милость по плоти, не оказывать ему же тѣмъ паче милости по духу, доставивъ ему возможность быть какъ можно чаще въ храмѣ, поучаться тамъ словомъ Божіимъ, услаждаться зрѣніемъ священнодѣйствій? Здѣсь во храмахъ, воздвигнутыхъ или украшенныхъ нашимъ усердіемъ, бѣднякъ найдетъ то, чего мы не можемъ доставить ему со всѣми нашими пособіями, то есть, пищу своему сердцу, освященіе благодатію Святаго Духа. Даже самая вещественная помощь на нужды тѣлесныя нигдѣ такъ удобно не пріобрѣтается бѣдностію, какъ при храмахъ, ибо нигдѣ такъ

не разверзается ни сердце, ни рука на подаяніе милостыни бѣднымъ, какъ въ храмахъ—послѣ богослуженія. Аминь.

Слово въ недѣлю четвертую по Пасхѣ.

Въ тѣхъ (притворахъ) слежаше множество болящихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, сухихъ, чающихъ движенія воды (Іоан. 5, 3)

Не удивительно, что при купѣли Силоамской находилось весьма много больныхъ: въ ней дѣйствовала сила Божія. но дѣйствіе оной было весьма ограниченно. Сходили на купѣль не многіе Ангелы. а одинъ: *Ангелъ Господень.* И одинъ Ангелъ сходилъ не каждый день. а только одинъ разъ въ году: *на всяко лѣто.* И разъ въ году сходилъ не на всѣ протоки Силоамскаго источника, а на одинъ главный: *сходжаше въ купѣль.* Притомъ не каждый, сходившій въ купѣль по возмущеніи воды, получалъ исцѣленіе. а одинъ тотъ, кто сходилъ въ нее первый: *и первый, иже влазяше по возмущеніи воды, здравъ бываше.*

Но можно ли. братіе, не удивляться, когда находимъ множество больныхъ при купѣли христіанской, при купѣли благодати. коея купѣль Силоамская была только слабымъ изображеніемъ? Здѣсь не одинъ Ангелъ, но весь сонмъ чистѣйшихъ духовъ, Самъ Сынъ Божій и Духъ Святый нисходятъ на землю для поданія врачества страждущимъ: здѣсь не одна купѣль источаетъ исцѣленіе, а, можно сказать. столько купѣлей. сколько болѣзней и сколько больныхъ: здѣсь не одинъ разъ въ году открывается источникъ жизни, а единожды истекши изъ ребра прободеннаго Искупителя. течетъ чрезъ всѣ времена и вѣки; здѣсь не одинъ тотъ получаетъ здравіе, кто приходитъ къ источнику исцѣленія первый. а всѣ отъ перваго до послѣдняго, кто бы и когда бы не пришелъ. Между тѣмъ, если о числѣ исцѣленныхъ судить по обилію ижди ваемыхъ врачествъ, то купѣль христіанская исцѣляетъ больныхъ менѣе, нежели купѣль Силоамская.

Отчего это? Почему рѣки благодати, изливаемыя на насъ, не источаютъ намъ здравія душевнаго, между тѣмъ какъ и одной капли ея достаточно для того, чтобы въ насъ самихъ открылся источникъ воды, текущей въ животъ вѣчный? — Можемъ ли мы, подобно разслабленному. сказать: *человѣка*

не имамъ, да егда возмутится вода, ввержетъ мя въ купель? Но при купѣли благодати множество духовныхъ врачей и помощниковъ; притомъ Самъ Богъ, устроивши ее, повергаетъ въ нее недужныхъ. Тѣмъ паче, осмѣлимся ли, подобно тому же разслабленному, сказать, что мы приходили къ ней, но не получили исцѣленія? Но такъ говорить—значило бы обманывать себя самихъ, значило бы представлять лживымъ Самого Бога, Который сказалъ, *что если мы исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи благъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды* (1 Іоан. 1. 9). Напротивъ, безъ всякаго сомнѣнія, должно сказать, что многимъ изъ васъ уже говорено небеснымъ Врачемъ, и, можетъ быть, говорено не разъ: встань, возьми постелю твою и ходи.—а они—продолжаютъ безпечно лежать во грѣхахъ!—Итакъ, что же виною того, что всемогущая сила благодати не можетъ исцѣлить нашихъ душевныхъ недуговъ? Виною сему, братіе, мы сами, виною сему наше нехотѣніе.

«Но возможно ли, чтобы кто-нибудь изъ насъ дѣйствительно не хотѣлъ своего спасенія и самъ себя обрекалъ въ добычу ада? — По благодати Божіей, мы не дошли еще до такого ожесточенія». Дѣйствительно, братіе, мы не дошли еще до сего гибельнаго состоянія, мы желаемъ спастися, и если бы каждому изъ насъ, такъ же какъ разслабленному, предложенъ былъ небеснымъ Врачемъ вопросъ: «хочешь ли быть здоровымъ?» то, безъ сомнѣнія, каждый бы отвѣчалъ: «ей, Господи! хочу». Но каждый ли бы отвѣчалъ правду? Какъ много нашлось бы такихъ, кои, не думая обмануть Всевѣдущаго, были бы обмануты въ семъ случаѣ сами собою! Ахъ, мы нигдѣ столько не обманываемъ самихъ себя, какъ въ дѣлѣ собственнаго спасенія, хотя обманъ нигдѣ такъ не пагубенъ, какъ въ семъ дѣлѣ! Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ дѣлаетъ все то, что служитъ къ спасенію. Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ удаляется всего того, что препятствуетъ дѣлу спасенія. Два признака сіи столько же вѣрны, сколько просты: воспользуемся ими для нашего вразумленія.

1. *Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ исполняетъ все то, что служитъ къ спасенію.*

Примѣръ разслабленнаго служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этой истины. Болѣе полжизни простертый

на одрѣ болѣзни, которая похитила у него все, кромѣ желанія здравія, оставленный всѣми людьми и всѣми членами своего тѣла,—онъ собираетъ послѣдніе остатки силъ, дабы принести ихъ въ жертву желанію жизни, воздвигается отъ тридесяти-осмилѣтняго одра и влечетъ себя къ цѣлебной купѣли. Уже онъ достигаетъ послѣдняго предѣла своего краткаго и вмѣстѣ долгаго пути; уже примѣчаетъ признаки наступающаго возмущенія воды, уже готовъ повергнуть себя въ купѣль—и вдругъ видитъ, что исцѣленіе предвосхищено другимъ! — Какое искушеніе для того, кому пройти пять притворовъ силоамскихъ стоило болѣе, нежели для другаго обходить всѣ грады іудейскіе! Но разслабленный тѣломъ не изнемогаетъ въ духѣ: каждый годъ подвергается тому же искушенію, и каждый годъ приходитъ къ купѣли. Не очевидно ли, братіе, что онъ искренно желалъ своего выздоровленія, ибо дѣлалъ для сего все, что могъ.

Такъ ли поступаемъ мы? Дѣлаемъ ли для своего спасенія все, что можемъ дѣлать? Мы не можемъ собственными силами творить дѣлъ истинно богоугодныхъ, тѣмъ паче не можемъ сами собою исторгнуть корень грѣха, въ насъ живущаго, но мы можемъ воздыхать о свободѣ чадъ Божіихъ, умолять Отца небеснаго о томъ, чтобы изведена была изъ темницы грѣха душа наша; можемъ, посредствомъ вѣрности остаткамъ естественнаго свѣта, содѣлать себя способными къ принятію благодати Божіей. Тѣмъ паче, по принятіи ея, можемъ и должны трудиться вмѣстѣ съ нею надъ усовершенствованіемъ себя въ добродѣтели, *возгрѣвать даръ Божій, живущій въ насъ* (2 Тим. 1, 6), теплою молитвою, чтеніемъ слова Божія, обращеніемъ съ людьми, успѣвшими въ духовной жизни, можемъ и должны, *забывая задняя, простираться въ предняя* (Филип. 12, 13), *искать большихъ* и лучшихъ *даровъ* (1 Кор. 12, 31), *быть готовыми на всякое дѣло благое* (2 Тим. 3, 17), *всегда болѣе усовершаться въ дѣлѣ Господнемъ* (1 Кор. 15, 58), изыскивать способы къ совершенію всего того, *что истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что составляетъ добродѣтель и похвалу* (Филип. 4, 8). Приводимъ ли мы въ исполненіе эту драгоцѣнную возможность? Питаемъ ли въ себѣ искреннее желаніе сдѣлаться лучшими, нежели каковы мы всѣ по природѣ? Стараемся ли быть неукоризненными предъ

судомъ совѣсти и соблюдаемъ ли чистоту ея? Мужественно ли исходимъ на брань противу пороковъ и не уступаемъ ли имъ побѣды надъ собою безъ всякаго сраженія съ ними? Умоляемъ ли Бога о помощи и вѣрно ли употребляемъ средства, дарованныя намъ для нашего спасенія? Ревностно ли занимаемся чтеніемъ слова Божія и стараемся ли исправлять недостатки, которые замѣчаемъ въ самихъ себѣ, когда смотримся въ сіе зерцало истины? Часто ли входимъ во внутреннюю клѣть нашу для исповѣданія предъ Отцемъ небеснымъ согрѣшеній нашихъ и всегда ли затворяемъ за собою двери? Исполняемся ли радостію, когда намъ говорятъ: *въ домъ Господень пойдемъ* (Псал. 121, 1), и входимъ ли въ него съ сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ? Подражаемъ ли святымъ Божіимъ человѣкамъ и находимъ ли удовольствіе въ обращеніи съ ними? Радуемся ли, нашедъ случай оказать помощь страждущему человѣчеству, и печалимся ли, когда ничѣмъ не можемъ утѣшить бѣдствующаго брата, кромѣ желанія ему помощи свыше?

Съ кѣмъ, братіе, происходитъ все сіе, того жизнь никакъ не можетъ походить на жизнь міролюбцевъ; тотъ на все земное смотритъ по отношенію къ небесному, во всемъ видимомъ ищетъ невидимаго, вѣчнаго; тотъ готовъ отказаться отъ всего и все почесть уметомъ, чтобы пріобрѣсть или не потерять Христа; у того мысль о вѣчности есть первою и послѣднею мыслію, усовершенствованіе себя въ добродѣтели первымъ и послѣднимъ желаніемъ; для того самыя пріятныя минуты въ жизни, когда онъ свободно можетъ предаться размышленію или бесѣдѣ о блаженствѣ небесныхъ собратій своихъ; для того самыя горестныя минуты въ жизни, когда онъ не чувствуетъ внутренняго влеченія къ небу; тотъ не смущается никакими превратностями жизни, кромѣ тѣхъ, въ коихъ подвергается опасности спасеніе или его, или его собратій; тотъ судитъ о счастіи и несчастіи ближнихъ своихъ, о ихъ достоинствѣ и недостоинствѣ, не по успѣхамъ ихъ въ дѣлахъ мірскихъ, но по преспѣянію въ дѣлахъ любви и самоотверженія; того самыя удовольствія отзываются тоскою о небесномъ отечествѣ; того самыя сновидѣнія представляютъ святыя изображенія надеждъ сердечныхъ; кратко, того жизнь есть видимое приготовленіе къ жизни лучшей, къ будущему пребыванію съ Богомъ.

Такова ли, братіе, наша жизнь? Если такова, то мы искренно желаемъ спастися, смѣло можемъ стучать въ двери Божественнаго милосердія и можемъ быть увѣрены, что намъ не будетъ сказано: *не знаю васъ* (Матѳ. 25, 12). Но если не такова, то, судите сами, можно ли желать искренно своего спасенія и не дѣлать того, что служитъ ко спасенію? Между тѣмъ, братіе, какъ много изъ насъ найдется такихъ, которымъ собственная ихъ совѣсть должна въ семъ случаѣ сказать: *не такова, не такова!*

2. *Кто искренно желаетъ своего спасенія, тотъ удаляется всего, что препятствуетъ дѣлу спасенія.*

Посмотрите,—говорилъ нѣкогда Апостолъ Павелъ Коринѳянамъ,—посмотрите на позорище (1 Кор. 9, 25).—Въ чемъ не отказываютъ себѣ, отъ чего не воздерживаются подвизающіеся на немъ, дабы содѣлать себя способнѣе къ достиженію вѣнца побѣднаго? Между тѣмъ какой это вѣнецъ, для достиженія котораго отказываются отъ всего? Вѣнецъ тлѣнный, который нерѣдко увядаетъ прежде, нежели украситъ главу побѣдителя. Если же они, продолжалъ Апостолъ, воздерживаются отъ всего для полученія вѣнца тлѣннаго, то можно ли не воздерживаться намъ, которые подвизаемся для полученія нетлѣннаго?

Исполняется ли, братіе, въ насъ это апостольское ученіе? Удаляемся ли мы отъ всего того, что можетъ препятствовать нашему спасенію? Мы знаемъ, что все, находящееся въ мірѣ, есть *похоть плоти, похоть очей и гордость житейская*, что *кто любитъ міръ, въ томъ нѣтъ любви Отчей* (1 Іоан. 2, 15. 16), что *любовь къ міру есть вражда на Бога* (Іак. 4, 4),—послѣдуемъ ли совѣту Апостола: *не любите міра, ни того что въ мірѣ* (1 Іоан. 2, 15), не дѣлать и не говорить ничего по мірскому? Мы знаемъ, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царства Божія, что законъ плоти во всемъ противоположенъ закону духа, что угожденіе плоти влечетъ въ плѣнъ грѣха,—*распинаемъ ли плоть свою со страстями и похотями* (Гал. 5, 24), *умерщвляемъ ли земные уды ея* (Колос. 3, 5), находимъ ли удовольствіе *въ немощахъ въ обидахъ, въ гоненіяхъ, въ нуждахъ, въ притѣсненіяхъ* (2 Кор. 12, 10), которыя, преогорчевая плоть, воскрыляютъ духъ нашъ?—Мы знаемъ, что, обращаясь съ человѣкомъ развращеннымъ, можно и самому сдѣлаться развращеннымъ.—что

развратныя бесѣды портятъ самые благіе нравы: отвращаемся ли *всякаго брата*, безчинно поступающаго, удаляемся ли *собранія людей лукавыхъ и развратныхъ*, бѣгаемъ ли *пути нечестивыхъ и сѣдалища губителей* (Псал. 1, 1)?—Мы знаемъ, что разсѣяніе, служа препятствіемъ успѣху въ дѣлахъ мірскихъ, тѣмъ паче вредитъ преспѣянію въ дѣлѣ благочестія,—что у кого очи блуждаютъ по концамъ міра, у того не можетъ быть цѣлымъ ни умъ, ни сердце: уклоняемся ли отъ шума мірскаго, устраняемся ли тѣхъ случаевъ, въ которыхъ можемъ подвергнуться опасности потерять изъ виду нашъ долгъ, нашу совѣсть и наше спасеніе,—убѣгаемъ ли, подобно Давиду въ пустыню сердца, дабы тамъ чаять спасенія отъ Господа (Псал. 54, 8. 9)?—Мы знаемъ, что страсти суть самые опасные враги добродѣтели, что человѣкъ, ими обладаемый, подобенъ волнѣ морской, вѣтромъ поднимаемой и разбиваемой: преграждаемъ ли имъ входъ въ наше сердце, изгоняемъ ли изъ него въ случаѣ насильственнаго вторженія ихъ?

Кто дѣлаетъ все это, братіе, у того солнце *не заходитъ во гнѣвѣ* (Ефес. 4, 26), тотъ самому умѣренному веселію готовъ сказать: *что ты дѣлаешь?* (Еккл. 2, 2); тотъ не только не сѣтуетъ на законы воздержанія и лишенія, предписываемые Церковію, но паче распространяетъ ихъ вліяніе на всѣ потребности тѣла своего и собственнымъ примѣромъ старается уполномочить ихъ важность и защитить отъ нареканія въ строгости; тотъ, при всемъ снисхожденіи къ плоти, никогда не престаетъ смотрѣть на нее, какъ на лѣнивый прахъ, коимъ обременяется духъ дѣятельный, и почитая въ ней будущаго сонаслѣдника вѣчной славы, бодрственно преслѣдуетъ настоящаго измѣнника въ брани; тотъ не прежде вступаетъ съ кѣмъ-нибудь въ союзъ пріязни и дружества, какъ совершенно увѣрившись, что онъ можетъ раздѣлять съ нимъ не однѣ земныя, но паче небесныя надежды, и тотчасъ расторгаетъ оный, какъ скоро примѣчаетъ, что находящійся съ нимъ въ союзѣ начинаетъ любить болѣе славу человѣческую, нежели Божію; для того весь міръ, со всѣми его прелестями, представляетъ унылую страну изгнанія; для того всѣ блага земныя подозрительны, ибо онъ знаетъ, что самыя невинныя изъ нихъ погубили многихъ на вѣки: кратко, того вся жизнь есть постепенно возра-

стающее удаленіе отъ суеты мірской, постепенно увеличивающееся торжество надъ чувственностію.

Такова ли, братіе, наша жизнь? Если такова, то мы искренно желаемъ своего спасенія, и безъ сомнѣнія, вскорѣ услышимъ вожделѣнный гласъ: *встань, возьми постелю твою и ходи!* Если же не такова, то, сколько бы ни говорили мы о нашемъ желаніи спастися, въ насъ нѣтъ сего желанія: ибо, судите сами, можно ли желать спасенія и не удаляться того, что препятствуетъ дѣлу спасенія? Между тѣмъ, братіе, сколь многимъ изъ насъ должна сказать и въ семъ случаѣ собственная совѣсть: *не такова, не такова!*

Какова же? Дѣлаемъ ли, по крайней мѣрѣ для неба то, что дѣлаемъ для земли? Дѣлаемъ ли для пріобрѣтенія спасенія то, что дѣлаемъ для сохраненія здоровья, для исцѣленія себя отъ болѣзней, для пріобрѣтенія почестей и богатствъ, для поддержанія благоволенія къ намъ высшихъ насъ, для доставленія себѣ минутныхъ выгодъ, краткихъ удовольствій? Постыдное сравненіе! Но между тѣмъ, едва ли не постыднѣе для многихъ изъ насъ слѣдствіе онаго, едва ли нѣкоторымъ изъ насъ не скажетъ и въ семъ случаѣ собственная совѣсть: *не дѣлаемъ, не дѣлаемъ и сего!* Дѣлаемъ ли же хотя что-нибудь для своего спасенія? Безъ сомнѣнія, братіе, каждый изъ насъ дѣлаетъ для сего что-нибудь: но какъ много найдется такихъ у коихъ это *что-нибудь*, по строгомъ и безпристрастномъ изслѣдованіи, должно обратиться— *въ ничто!* Что же мы дѣлаемъ?—Что бы ни дѣлали, но если не дѣлаемъ для Бога, то дѣлаемъ для врага Его, для нашей погибели, для ада!

Между тѣмъ, чего желаемъ мы и чего ищемъ? Неба, вѣчности, Бога!... Ахъ, братіе, можемъ ли мы, при нашей духовной недѣятельности, не ощущая стыда, даже именовать величественные предметы нашихъ желаній?—Мы любимъ издѣваться надъ тѣми, кои для достиженія какого-нибудь важнаго въ дѣлахъ мірскихъ предпріятія употребляютъ малыя и недѣйствительныя средства, и называютъ ихъ мечтателями, людьми безразсудными: чѣмъ же должно назвать насъ, которые надѣемся получить отъ небеснаго Судіи въ награду цѣлое небо за такой трудъ, коего земные судіи не почли бы достойнымъ награжденія малымъ пространствомъ земли?... Древніе защитники христіанства упре-

кали мудрецовъ языческихъ, что они, много требуя отъ человѣка, слишкомъ мало обѣщаютъ ему: не могутъ ли нынѣшніе язычники сдѣлать упрека многимъ изъ христіанъ, что они, обѣщая себѣ все, ничего не требуютъ отъ себя? Удивительно ли послѣ сего, если въ наши времена нѣкоторые усомнились въ самомъ существованіи наградъ небесныхъ? Ахъ! постыдная хладность къ небу самыхъ христіанъ, для коихъ и существуетъ небо, всякаго можетъ заставить спросить: существуетъ ли небо? — Удивительно ли, что нѣкоторые усомнились въ дѣйствіи самой благодати на сердце человѣка?—Принимая вотще сію божественную силу, сокрывая безъ всякаго плода и какъ бы уничтожая ее въ себѣ совершеннымъ небреженіемъ о ней, мы по необходимости пролагаемъ путь къ сомнѣнію о ея дѣйствительности и самомъ бытіи. Такимъ образомъ, наша слабость и недѣятельность въ дѣлѣ спасенія причиною того, что въ очахъ людей погибельныхъ самое Божество кажется недѣятельнымъ! Такимъ образомъ, сокровище благодати, ниспосылаемое намъ для искупленія вѣчнаго богатства, по причинѣ нашего злоупотребленія, не только не обогащаетъ насъ, но служитъ поводомъ къ упреку въ бѣдности противъ Того, Кто ниспосылаетъ оное.

Что, думаете вы, братіе, можетъ быть слѣдствіемъ сего злоупотребленія даровъ благодатныхъ?—Правосудный не будетъ наказывать насъ, какъ древнихъ израильтянъ, отвращеніемъ лица Своего отъ насъ; Онъ не будетъ закрываться облакомъ, чтобы не дошла къ Нему молитва наша; Онъ не будетъ отнимать у насъ пророковъ и вождей, не пошлетъ на насъ и глада слова Своего, оставитъ намъ самое Тѣло и Кровь Сына Своего; но отниметъ отъ насъ благодать Свою! Тогда самые пророки и вожди наши будутъ провѣщать намъ *суетная* (Плач. Іер. 2, 14); тогда мы будемъ молиться, и молитва наша, не очищая грѣховъ нашихъ, сама будетъ *обращаться въ грѣхъ* (Псал. 108, 7); будемъ читать или слышать слово Божіе, и вмѣсто *вони жизни* станемъ обонять въ немъ *воню смерти* (2 Кор. 2, 16); будемъ вкушать Плоть и пить Кровь Христову, и сія пища спасенія будетъ служить для насъ только въ судъ и осужденіе; тогда — ужасно и помыслить!—самые лучи небеснаго милосердія будутъ споспѣшествовать только къ тому,

чтобы мы, какъ плоды гнѣва, скорѣе созрѣли для вѣчной погибели!

Знаю, братіе, что теперь не важно для многихъ изъ насъ слышать подобныя угрозы съ сего священнаго мѣста, между тѣмъ, если мы захотимъ, онѣ могутъ спасти насъ. Важно, весьма важно будетъ вспомнить о нихъ предъ престоломъ, окруженнымъ тьмами Ангеловъ, но тогда онѣ не спасутъ никого изъ насъ. Итакъ, доколѣ купѣль благодати не престала возмущаться заслугами нашего Ходатая, соберемъ послѣдніе остатки силъ душевныхъ, дабы приблизиться къ ней, и повергнуть въ нее бремя грѣховъ, насъ подавляющее. Аминь.

Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ *).

Нынѣ праздникъ во имя всѣхъ святыхъ, а мы собрались праздновать его среди жилища всѣхъ—мертвыхъ! По празднику ли мѣсто?—Думаю, что весьма по празднику, ибо мертвые ближе насъ къ святымъ уже потому, что, разрѣшившись отъ узъ плоти, находятся съ ними въ одномъ и томъ же мірѣ — невидимомъ; еще ближе насъ къ святымъ мертвые тѣмъ, что, подобно святымъ, не грѣшатъ уже болѣе, по крайней мѣрѣ, не грѣшатъ подобно намъ грѣшнымъ. Смотря на дѣло съ сей стороны, я даже не знаю, братіе, что болѣе должно называть кладбищемъ, то ли мѣсто, гдѣ почиваютъ усопшіе, или то, гдѣ находимся мы живые. Ибо здѣсь, среди такого множества почивающихъ плотію, безъ сомнѣнія, есть не малое число живыхъ духомъ; а среди насъ, живущихъ по плоти, единъ Богъ вѣдаетъ, есть ли люди не мертвые духомъ.

Итакъ, мѣсто празднованія нашего весьма по празднику; и тѣ поступили весьма хорошо, кои храмъ здѣшній, предназначенный особенно молитвамъ за умершихъ, посвятили памяти всѣхъ святыхъ, ибо симъ самымъ души, почивающихъ здѣ усопшихъ отданы подъ могущественное покровительство всѣхъ святыхъ, такъ что каждая душа можетъ имѣть между ними особеннаго, себѣ свойственнаго, ходатая.—

*) Произнесенное въ кіевской, что на Щекавицѣ, кладбищенской церкви, во имя всѣхъ святыхъ.

Благоразумно поступили, братіе, и вы. что для празднованія въ честь всѣхъ святыхъ собрались въ такомъ множествѣ сюда, на мѣсто всѣхъ усопшихъ: ибо и святые и мертвые внушаютъ намъ живымъ одну и ту же важную истину: «смертные, живите для Бога и добродѣтели; безъ этого все, что вы ни дѣлаете, что ни пріобрѣтаете, чѣмъ ни отличаетесь, все—суета и ничтожество!»

Это говорятъ намъ, во-первыхъ, всѣ святые. Какъ говорятъ?—Самымъ образомъ жизни и званія своего. Въ самомъ дѣлѣ, братіе, въ мірѣ было много людей славныхъ и могущественныхъ, кои потрясали цѣлыя царства и народы; много было людей богатыхъ, кои не знали числа своимъ сокровищамъ; много было мудрыхъ и ученыхъ, кои знали все отъ кедра до иссопа, отъ солнца до песчинки: и однако же мы не празднуемъ во имя ни одного изъ сихъ людей. А въ честь кого празднуемъ? въ честь тѣхъ, коихъ міръ большею частію или не зналъ, или, зная, почиталъ буіими, или даже гналъ и довелъ до смерти, изъ коихъ, по описанію Апостола, одни *каменіемъ побіени*, или *претрени быша*, другіе *убійствомъ меча умроша*, почти всѣ были *лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся, и въ горахъ, и въ вертепахъ и пропастехъ земныхъ* (Евр. 11, 37). Такихъ людей, а не знатныхъ, не великихъ, по мнѣнію міра, празднуемъ мы память. Что значитъ это? То, что и могущество, и богатство, и слава, и мудрость земная не составляютъ вѣчнаго достоинства человѣка, что все это значительно только до гроба, а тамъ потребно другое, совершенно другое. Что именно? То самое, за что блажаются святые. Это, какъ вы слышали при чтеніи нынѣшняго Апостола,—это смиреніе, терпѣніе, чистота духа и тѣла, любовь къ Богу и ближнимъ, добродѣтель, богоподобіе. Кто успѣетъ обогатить и отличить себя сими драгоцѣнными качествами, тотъ, хотя бы ничто былъ для міра, хотя бы ничего не имѣлъ, хотя бы всю жизнь провелъ въ презрѣніи, рабствѣ и нищетѣ, будетъ великъ у Бога, получитъ то, съ чѣмъ не сравнится никакая слава земная, никакое блаженство временное. Вотъ чему поучаютъ насъ всѣ святые! Это же самое внушаютъ намъ и всѣ мертвые. Какъ внушаютъ? Самымъ настоящимъ состояніемъ своимъ. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте! между погребенными здѣсь не малое число такихъ, кои отличались поче-

стями, занимали важныя мѣста, имѣли вліяніе на многихъ: подите теперь и спросите, кого угодно изъ нихъ—что помогла имъ ихъ важность при смерти, защищала ли отъ болѣзней тѣла, отъ ужасовъ и томленій духа?—Если бы не какой-либо крестъ или камень надъ ихъ могилою, то ее нельзя было бы отличить отъ могилы самаго послѣдняго нищаго. Такъ смерть смиряетъ гордыню и величіе наше; убо чести и отличія — безъ вѣры и добродѣтели — суета! Между почивающими здѣсь также не малое число людей. кои обладали великими стяжаніями, составляли зависть многихъ; подите спросите любаго изъ нихъ: что взялъ онъ съ собою изъ своихъ сокровищъ? Увы! наги всѣ пришли мы изъ утробы матерней, едва не наги отходимъ и въ утробу земли. Смерть отъемлетъ все: убо стяжанія и богатство— безъ страха Божія и дѣлъ милосердія—суета. И что, если бы какимъ-либо чудомъ дано было всѣмъ, здѣсь почивающимъ. возстать изъ гробовъ и возвратиться къ прежнимъ занятіямъ? Многіе ли возвратились бы къ нимъ? Думаете ли, что честолюбецъ снова началъ бы гоняться за честями? что сребролюбецъ опять сталъ бы погребать вмѣстѣ съ златомъ сердце свое въ сундуки? что плотоугодникъ паки пошелъ бы валяться въ блатѣ чувственныхъ удовольствій? Нѣтъ, наученные опытомъ, они всѣ, думаю, и не посмотрѣли бы на то, что прежде такъ занимало ихъ; каждый поспѣшилъ бы въ уединенное мѣсто, дабы тамъ плакать о своихъ грѣхахъ и пріуготовить себя къ вѣчности.

Чего нельзя уже сдѣлать, братіе, умершимъ, то весьма возможно и удобно для насъ. Пользуясь еще всѣми средствами благодати, мы можемъ, легко можемъ очиститься отъ всѣхъ скверн грѣховныхъ и такимъ образомъ приготовить себя къ переходу въ другой міръ такъ, чтобы вступить въ него не какъ узникамъ, переводимымъ изъ одного мѣста въ другое невольно, а какъ дѣтямъ, съ радостію возвращающимся изъ дальней страны въ домъ отеческій. Воспользуемся же, братіе, сею драгоцѣнною возможностію устроить дѣло своего вѣчнаго спасенія. воспользуемся и возвратимся въ домы свои съ искреннею и твердою рѣшимостію жить остальное время живота нашего не для похотей плоти, не для удовольствій міра, а для Бога и добродѣтели. Это будетъ истинно великій праздникъ. не

для насъ только, а и для всѣхъ святыхъ, и для всѣхъ мертвыхъ; ибо и святые и мертвые ничего такъ не желаютъ намъ живымъ, какъ вѣчнаго нашего спасенія. Аминь.

Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ,

СКАЗАННОЕ ВЪ КІЕВСКОЙ, ЧТО НА ЩЕКАВИЦѢ, КЛАДБИЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

Въ прошедшемъ году, когда мы совершали здѣсь въ настоящій день богослуженіе и приносили молитвы и моленія о почившихъ здѣсь усопшихъ братіяхъ и сестрахъ нашихъ, никто изъ нихъ не пришелъ къ намъ для свиданія. Какъ пришли мы къ мѣсту покоища ихъ, такъ и отошли отъ него: безъ привѣта, безъ отвѣта, одни, скорбя, молча. Вотъ и нынѣ принесена уже нами великая жертва за грѣхи живыхъ и мертвыхъ, уже къ концу наше молитвословіе, а изъ почившихъ здѣсь братій нашихъ никто не являлся на гласъ и молитву нашу; ихъ какъ будто никого нѣтъ дома: они какъ бы всѣ уклонились куда-либо отъ своего праздника. Что бы значило это? То ли, что мертвые не слышатъ молитвъ и воздыханій нашихъ? Или въ ихъ сердцѣ уже нѣтъ болѣе прежней любви къ намъ? Или они заняты другимъ чѣмъ-либо важнѣйшимъ, такъ что имъ не до насъ?—Нѣтъ, среди могильной тишины, не оглушаемый шумомъ житейскихъ заботъ, слухъ мертвыхъ долженъ быть гораздо тонѣе, нежели у насъ живыхъ, особенно на молитву;—въ ихъ сердцѣ болѣе любви, чѣмъ у насъ; ибо они и живутъ теперь однимъ умомъ и сердцемъ; не можетъ быть у нихъ и занятія важнѣе молитвы; молитва для нихъ теперь то же, что для насъ воздухъ и пища. Что же мѣшаетъ усопшимъ братіямъ нашимъ явиться къ намъ и провести среди насъ ихъ и нашъ праздникъ?—Изъ насъ, вѣроятно, многіе желали бы сего, особенно тѣ, кои еще не осушили слезъ послѣ потери присныхъ и любезныхъ сердцу своему; думаю, что изъ усопшихъ не малое число такихъ, кои, чтобы доставить утѣшеніе оставшимся, весьма бы захотѣли опять придти въ нашъ міръ. И однако же никто, никто не приходитъ! Мы не ходимъ къ нимъ потому, что

не можемъ; безъ сомнѣнія, и они не приходятъ потому же, что не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ духу безплотному, каковы всѣ умершіе, подойти подъ чувства наши? Грубость нашихъ земныхъ чувствъ такова, что мы не можемъ видѣть многихъ существъ, постоянно живущихъ среди насъ въ водѣ и воздухѣ, и съ изумленіемъ смотримъ, когда увеличительное стекло открываетъ намъ этотъ новый и разнообразный міръ среди насъ. Но для зрѣнія духовъ и душъ нѣтъ увеличительнаго стекла! Тутъ мѣсто не видѣнію, а вѣрѣ.

«Но если бы угодно было Господу, скажете вы, то премудрость Его нашла бы и дала бы умершимъ средство и способъ дѣлаться для насъ видимыми и приходить въ сообщеніе съ нами».

Безъ сомнѣнія, такъ; но по тому самому, что сего способа не дано, явно, что это не угодно Богу, а поелику не угодно Богу, то должно полагать, что это было бы вредно для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, и немного думая, видишь, что пользы изъ сообщенія живыхъ съ умершими—было бы мало, а вредъ могъ бы выходить великій. Какая польза? Утѣшеніе въ разлукѣ, успокоеніе сѣтующихъ, нѣсколько менѣе слезъ на могилу, нѣсколько тише вздоховъ?—Скажите сами, стоитъ ли изъ сего поднимать завѣсу вѣчности и нарушать безмолвіе гробовъ?—И кто еще знаетъ?—Утѣшило ли бы насъ это свиданіе съ умершимъ? Не облились ли бы мы еще горчайшими слезами, узнавъ о его состояніи?—Не отравило ли бы это всей жизни нашей?—Но, положимъ, что свиданія съ умершими всегда доставляли бы нѣкоторое утѣшеніе: думаете ли однако же, чтобы они были безвредны? Я опасаюсь въ семъ случаѣ за многое, опасаюсь за живыхъ и за умершихъ. Всего вѣроятнѣе, во-первыхъ, что сообщеніе наше съ міромъ духовъ не остановилось бы на должныхъ предѣлахъ; многіе простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь гаданіямъ, суевѣрію, волшебствамъ, а потомъ и самымъ ужаснымъ порокамъ нравственнымъ. Такому злу именно подверглись нѣкоторые изъ древнихъ народовъ, у коихъ найдены были богопротивныя средства сообщаться съ міромъ духовъ, почему Моисей подъ опасеніемъ смерти запретилъ израильтянамъ искать сего сообщенія. Во-вторыхъ, на что обратилось бы сношеніе

живыхъ съ мертвыми?—Думаете ли, что предметомъ его была бы вѣра святая, любовь христіанская, усовершеніе себя въ терпѣніи, въ смиреніи, въ кротости? Увы, и безъ сообщенія съ міромъ духовъ, можно быть заранѣе увѣреннымъ, что все это сообщеніе обращалось бы, большею частію, около предметовъ не душеполезныхъ: и у однихъ оно истощилось бы въ суетномъ любопытствѣ о тайнахъ міра духовнаго, знаніе коихъ нисколько не назидаетъ душу; у другихъ излилось бы въ жалобахъ на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорченія, земныя неудачи; иные потребовали бы отъ умершихъ совѣта, какъ вести свои дѣла, выполнить то или другое предпріятіе. А какъ исправить свое сердце, какъ освободиться отъ страстей, какъ пріуготовиться къ вѣчной жизни на небѣ—объ этомъ, вѣроятно, спросили бы немногіе, да и для чего спросили бы? Тоже, можетъ быть, болѣе изъ любопытства, съ тѣмъ, чтобы завтра забыть то, о чемъ спрашивали нынѣ. Такимъ образомъ, нравственной пользы отъ сообщенія съ міромъ духовъ мы пріобрѣли бы мало; а между тѣмъ возможность сообщенія съ другимъ міромъ непрестанно возмущала бы порядокъ нашего міра, нарушала бы правильное теченіе нашихъ дѣлъ и занятій, нашихъ мыслей и желаній. Задумали бы, напримѣръ, какое-либо предпріятіе,—ждали бы, пока можно получить о немъ мнѣніе изъ другаго міра.—И кто знаетъ, какое мнѣніе? Мертвые не всевѣдущи, не рѣдко могъ быть поданъ совѣтъ не благой, а мы увлеклись бы имъ. Наконецъ, поелику здѣшняя жизнь наполнена разнаго рода неудовольствіями, то, видя часто разверзающимися предъ собою двери вѣчности, многіе по нетерпѣнію стремглавъ начали бы бросаться въ другую жизнь; между тѣмъ, какъ теперь не только вѣра и совѣсть, самый мракъ гроба, своею непроницаемостію, останавливаетъ самыхъ наглыхъ и недовольныхъ своею участію.

И о мертвыхъ нельзя сказать, чтобы возможность сообщаться съ нашимъ міромъ не была сопряжена для нихъ съ опасностію. Трудно и представить, что̀ бы они пріобрѣли отъ сего?—Знать, что̀ и какъ бываетъ у насъ въ здѣшнемъ мірѣ,—они знаютъ и безъ того. Видѣть ничтожность и суету земныхъ дѣлъ и помышленій,—это имъ виднѣе, нежели намъ. Зачѣмъ же бы они приходили къ намъ?—До-

канчивать свои неоконченныя дѣла? Это не ихъ дѣло: иначе, что̀ значила бы смерть? Между тѣмъ, не получая для себя пользы отъ нисхожденія въ нашъ міръ, усопшіе могли бы получить вредъ изъ того,

Каждый возвратъ на землю, болѣе или менѣе, а всегда земленилъ бы ихъ снова. Съ возвратомъ къ прежнимъ лицамъ и вещамъ, у многихъ оживали бы нечистыя, земныя привязанности; между тѣмъ, какъ теперь огнь плотскихъ страстей, какъ бы онѣ ни были сильны, не имѣя у мертвыхъ питанія отъ земли, обращенный на самого себя,— тускнетъ и угасаетъ.

Такимъ образомъ, благо и наше и усопшихъ братій нашихъ требовало, чтобы завѣса, простертая между нашимъ и ихъ міромъ, никогда не подымалась, чтобы мертвые и живые были вовсе разобщены на время. И велико ли это время?—десять, двадцать, много тридцать лѣтъ. Не уѣзжаютъ ли нѣкоторые еще вживѣ на столько времени отъ родныхъ и своихъ друзей?—Въ семъ отношеніи мы всѣ живые похожи на людей, стоящихъ у великой и широкой рѣки въ ожиданіи переправы: ладія, не могши вмѣстить вдругъ всѣхъ, непрестанно возвращается и беретъ по-нѣскольку. Но возвращаются ли тѣ, кои переправились чрезъ рѣку, за оставшимися? Никогда: они, обыкновенно, ожидаютъ ихъ къ себѣ на противоположномъ берегу. Тамъ, конечно, ожидаютъ теперь и насъ сродники и знаемые наши обонъполъ бытія. Мы молились о успокоеніи ихъ послѣ плаванія, а они, вѣроятно, приносили моленія о насъ, чтобы наше плаваніе къ нимъ было благоотишно и безбѣдно. Даже, можетъ быть, молились о томъ, чтобы путь жизни нашей не былъ продолжителенъ. Ибо намъ только этотъ міръ кажется такъ пріятнымъ, а настоящая жизнь наша такъ дорогою, что жалко съ ними разстаться; а для усопшихъ можетъ быть совсѣмъ напротивъ. Познавъ опытомъ образъ жизни высшей и лучшей, они могутъ смотрѣть на насъ, какъ мы смотримъ на заключенныхъ въ темницѣ. Кто не пожелаетъ узникамъ скорѣйшаго освобожденія?

Имѣя въ виду все это и тому подобное, престанемъ скучать отъ невозможности чувственнаго свиданія съ усопшими братіями нашими. Съ духами должно быть и свиданіе духовное, а къ такому свиданію открыты для насъ всѣ

пути. Это молитва за усопшихъ и дѣла любви и благочестія, совершаемыя для блага ихъ. Такое свиданіе стократъ лучше чувственнаго: итакъ, пользуйся имъ, молись и благотвори за усопшаго! А молясь за усопшаго брата, готовься и самъ къ своему успенію. Ибо, долга ли и наша жизнь?—Какъ ни продолжай ее въ мысляхъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ надобно и тебѣ оставить этотъ міръ и все, что въ немъ, оставить навсегда, и идти въ другой міръ, идти не на день, не на годъ, а оставаться тамъ до конца міра. Какъ не подумать о семъ? какъ не готовиться къ сему? какъ не взять заблаговременно всѣхъ мѣръ, чтобы этотъ важный и рѣшительный переходъ изъ одного міра въ другой былъ для тебя какъ можно безболѣзненнѣе и благополучнѣе? Но развѣ, спросишь, въ моей власти сдѣлать самую смерть тихою и безболѣзненною? Въ твоей, совершенно въ твоей. Будетъ ли обольщать тебя пустою надеждою святая Церковь? Но она каждый день заставляетъ тебя—просить у Господа кончины мирной, непостыдной и безболѣзненной. Значитъ, такая кончина возможна для всякаго, истинно просящаго: о невозможномъ не было бы и прошенія. Но мы вовсе не думаемъ о семъ, поистинѣ, драгоцѣнномъ правѣ прошенія, не думаемъ и о самой смерти; бояться смерти,—боимся, какъ нельзя болѣе; плакать и рыдать у гроба,—плачемъ болѣе язычниковъ и невѣрующихъ; а готовиться къ смерти, это—какъ не наше дѣло. Живемъ, какъ бы намъ никогда не умирать; оттого, какъ и умираемъ? какъ бы намъ никогда не воскресать. Страхъ, стоны, вопли, ропотъ, отчаяніе—вотъ наша смерть! О вѣрѣ, о безсмертіи, объ обителяхъ въ дому Отца небеснаго, о соединеніи со святыми и съ Господомъ,—нѣтъ и воспоминаній. Такъ ли бы надлежало умирать христіанамъ? для этого ли пострадалъ и воскресъ для насъ Господь нашъ? для сего ли дано намъ столько откровеній, столько обѣтованій, столько таинствъ?

Станемъ же противу сего зла, возлюбленные, и опомнимся отъ нашего нечувствія. Не напрасно собрались мы нынѣ на мѣсто вѣчнаго покоя, которое, вѣроятно, приметъ въ нѣдра свои, если не всѣхъ, то большую часть изъ васъ: пусть же каждый возьметъ съ собою отсюда въ-напутіе память смертную; это будетъ одинъ изъ лучшихъ плодовъ

нынѣшняго праздника. А чтобы сія память не ослабѣвала, старайтесь оживлять ее частымъ посѣщеніемъ сего мѣста для молитвы и благочестиваго размышленія на гробахъ братій нашихъ.

Не смотря на то, что здѣсь всѣ мертвы и безмолвны, я увѣренъ, что вы всегда будете возвращаться отсюда живѣе духомъ. Не оставляйте и, ходя по торжищамъ и стогнамъ града, возводить сюда почаще взоры ваши. Ибо не напрасно гора сія видима со всѣхъ концовъ града: это непрестанное напоминаніе взирающимъ о ихъ концѣ. Помните, что домъ вамъ здѣсь, а тамъ одно кратковременное помѣщеніе. Аминь.

Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

Окончивъ празднества въ честь воскресшаго Господа нашего и всеблагаго Утѣшителя, Имъ ниспосланнаго, нынѣ, въ заключеніе торжествъ, мы совершаемъ память всѣхъ святыхъ. Заключеніе торжествамъ Господнимъ самое приличное. Ибо цѣль, для которой Спаситель нашъ оставилъ землю и взошелъ на небо, для которой Духъ Святый оставилъ небо и сошелъ на землю, — сія высокая цѣль состоитъ не въ другомъ чемъ, какъ въ освященіи грѣшнаго рода человѣческаго, въ возведеніи всѣхъ насъ на небо. Но лики святыхъ Божіихъ составляютъ сонмъ непререкаемыхъ свидѣтелей, что сія блаженная цѣль достигнута, что вознесшійся отъ насъ Спаситель точно уготовалъ мѣсто для всѣхъ Своихъ послѣдователей, что снисшедшій къ намъ Утѣшитель дѣйствительно содѣлываетъ способными самыхъ плотскихъ людей обитать въ обителяхъ Отца небеснаго. Ибо что были всѣ святые Божіи, нынѣ нами ублажаемые, какъ не подобострастные намъ человѣки? — Почему слава ихъ есть слава Сына Искупителя и Духа Освятителя; безъ заслугъ Сына ни предъ однимъ изъ нихъ не отверзлось бы небо, а безъ благодати Духа ни одинъ изъ нихъ не возмогъ бы войти и въ отверстое небо. Посему, какъ сказалъ я, настоящее празднество въ честь всѣхъ святыхъ составляетъ самое естественное и приличное заключеніе празднествъ Господнихъ:

ибо само есть непосредственный плодъ событій, въ нихъ воспоминаемыхъ.

Но, братіе, въ празднествахъ святыя Церкви, и безъ нашего указанія, каждый легко можетъ усматривать дивную послѣдовательность и порядокъ богомудрый. Нужнѣе спросить: есть ли таковая послѣдовательность, такой святой порядокъ въ нашихъ празднованіяхъ? — Мы прошли теперь весь кругъ торжествъ, достигли конца празднествъ — по времени: достигли ли конца и намѣренія оныхъ и на самомъ дѣлѣ? Приблизились ли къ тому, что составляетъ главный конецъ всѣхъ празднествъ и учрежденій Церкви, всѣхъ таинствъ и всего служенія ея, всей нашей благодатной и естественной жизни — къ нашему освященію во Христѣ? — Совершая уже нынѣ память всѣхъ святыхъ, можемъ ли сказать о себѣ, что мы сами сдѣлались свободнѣе отъ всего грѣховнаго, чище отъ всего земнаго и тлѣннаго, сроднѣе въ духѣ со всѣмъ духовнымъ и небеснымъ? — Это естественный и необходимый плодъ, который Церковь предполагала видѣть въ насъ нынѣ, послѣ столькихъ святыхъ торжествъ! Она чаяла, что страданія Господа поколеблютъ самое упорное во грѣхѣ сердце, что съ воскресеніемъ Его воскреснетъ въ нашемъ духѣ все, что̀ еще не успѣло быть совершенно подавлено грѣхомъ, что съ вознесеніемъ Его на небо поднимутся мысль и желанія къ небу самыхъ равнодушныхъ, что съ сошествіемъ на землю Утѣшителя обратятся самые слабые и отважутся вступить на путь вѣры и любви. Исполнились ли сколько-нибудь сіи чаянія? — Велика ли въ насъ жатва послѣ столь долгаго сѣянія? Что видитъ теперь въ насъ Господь нашъ, приникая съ высоты святыя славы Своея? Усматриваетъ ли хотя малое соотвѣтствіе тѣмъ великимъ подвигамъ, кои Онъ подъялъ за насъ, находясь на землѣ? Что нашелъ въ насъ Духъ Святый, снисшедшій къ намъ отъ Отца? Можетъ ли Онъ засвидѣтельствовать предъ Отцемъ, что земныя чада Его еще помнятъ о своемъ происхожденіи и не хотятъ оставаться навсегда въ землѣ чуждой? — Много ли радостнаго находятъ нынѣ въ насъ, не смотря на торжество наше въ честь ихъ, и святая братія наша на небѣ? — Когда мы празднуемъ въ честь ихъ, и они безъ сомнѣнія не остаются праздными. Мы припоминаемъ ихъ дѣянія и подвиги, а они разсматриваютъ наши нравы, образъ жизни и дѣйствія; видя ихъ труды и

побѣды надъ врагами спасенія, мы не можемъ не утѣшаться духомъ; видя наши паденія и измѣны истинѣ, они не могутъ не сокрушаться о насъ. Что же, если они во многихъ изъ насъ ничего не увидятъ, кромѣ паденій и измѣнъ? Что послѣ сего будетъ значить наше празднованіе въ честь всѣхъ святыхъ для самыхъ святыхъ, если не день сѣтованія о всѣхъ насъ грѣшникахъ?

Таковы наши празднества! — Кругъ церковныхъ празднествъ свѣтелъ и благолѣпенъ; кругъ нашихъ празднествъ бываетъ и теменъ и безобразенъ. Въ кругѣ церковномъ самыя сѣтованія оканчиваются духовнымъ торжествомъ; въ нашемъ кругѣ самыя торжества приводятъ нерѣдко къ духовному сѣтованію. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли веселиться о насъ вознесшійся Господь нашъ, когда видитъ, что крестныя страданія Его остаются для многихъ изъ насъ безъ всякаго плода, что многіе изъ послѣдователей Его живутъ такъ, какъ бы Онъ и не приходилъ для спасенія ихъ на землю? — Можетъ ли утѣшиться нами Духъ Утѣшитель, когда видитъ, какъ многіе вовсе не памятуютъ о Его присутствіи среди насъ, дышатъ непрестанно духомъ міра, идутъ вопреки Его благодатныхъ внушеній? — Могутъ ли принимать съ радостію наши величанія и небесная братія наша, когда находятъ, что земная братія ихъ безумно расточаютъ общее всѣмъ человѣкамъ драгоцѣнное наслѣдіе благодати, нисколько не соотвѣтствуютъ своему небесному благородству, идутъ на всякое зло, вопреки волѣ Отца небеснаго?

Послѣ сего одно средство содѣлать нынѣшнее празднество благопріятнымъ для нашего Спасителя, для Духа Утѣшителя и для всѣхъ святыхъ—усвоить себѣ сѣтованіе ихъ о грѣхахъ нашихъ. Покаяніе все вдругъ перемѣняетъ. Когда мы начнемъ сѣтовать по Бозѣ, тогда небожители возрадуются, подобно какъ они сѣтуютъ, когда мы предаемся радостямъ мірскимъ и грѣховнымъ.

Но сѣтованію о грѣхахъ прилично ли быть заключеніемъ торжествъ Церкви? Для праведныхъ, конечно, было бы это не прилично; а для грѣшниковъ всего приличнѣе. Больные лѣчатся и въ праздники; а какая болѣзнь опаснѣе грѣха?— Впрочемъ, чѣмъ начался кругъ священныхъ дней нынѣ заключаемыхъ? Не воспоминаніемъ ли паденія Адамова, а въ лицѣ Адама и всѣхъ насъ, потомковъ его? — Посему чѣмъ

лучше и заключить его, какъ не возстаніемъ, чрезъ покаяніе. отъ паденій собственныхъ? — Такимъ образомъ конецъ возвратится къ началу и возвратитъ насъ къ тому блаженному и безначальному началу, въ коемъ блаженствуютъ нынѣ души всѣхъ святыхъ братій нашихъ. Аминь.

Слово въ недѣлю 13-ю по Пятидесятницѣ *).

Слышали ль вы громъ? видѣли ль вы молнію?—Эта молнія сверкнула здѣсь; этотъ громъ прогремѣлъ въ семъ храмѣ. Ибо не здѣсь ли, не съ сего ли священнаго мѣста возглашено было нынѣ молніеносное слово Апостола: *аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!* (1 Кор. 16, 22). Что же значатъ всѣ громы и молніи противъ единаго проклятія Божія? Молнія и громъ поражаютъ въ одно извѣстное время и одно какое-либо мѣсто на землѣ; а проклятіе Божіе, разъ изреченное въ раю, доселѣ всю землю заставляетъ покрываться терніемъ и волчцами. Громъ и молнія могутъ убить тѣло, отнять жизнь временную; а проклятіе Божіе можетъ и душу и тѣло воврещи на вѣки въ геенну огненную. Итакъ надобно прилежнѣе осмотрѣться, не стоимъ ли мы подъ симъ ужаснымъ громомъ? Не привлекаемъ ли чѣмъ-либо на главу свою этой неугасимой молніи? Даже не пораженъ ли ею уже кто-либо? Ибо и это можетъ быть, что иной уже пораженъ ею и не чувствуетъ своего пораженія. подобно тому, какъ пораженный громомъ и молніею чувственною не знаетъ своего положенія. и, если можетъ быть возвращенъ къ жизни, то помощію благотворительной руки чуждой.

Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!

Итакъ довольно одной нелюбви къ Господу Іисусу, чтобы обрушиться на насъ гнѣву небесному. А мы обыкновенно думаемъ, что проклятіе небесное поражаетъ токмо самыхъ послѣднихъ преступниковъ, что для сего надобно быть Каиномъ, Іудою или Аріемъ богохульникомъ. На чемъ основы-

*) Сказанное въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ.

ваясь, думаемъ мы такимъ образомъ? На томъ, что Богъ милосердъ, и прочіе люди не такъ худы и злы. Но гдѣ же, въ комъ же болѣе и открылось все милосердіе Божіе, какъ не въ лицѣ Единороднаго Сына Его, за насъ на крестѣ умершаго? Если я не люблю сего самаго милосердія, то есть, Божественнаго лица Искупителя моего; то что другое остается мнѣ, какъ не судъ, гнѣвъ и казнь? «Мы еще не такъ худы, чтобы быть предметомъ гнѣва небеснаго». Но гдѣ же, въ комъ же вся наша правда и оправданіе, какъ не въ томъ же лицѣ нашего Божественнаго Ходатая? Если я не люблю сію правду въ Его лицѣ, то что̀ остается мнѣ, какъ не моя собственная неправда и, слѣдовательно, гнѣвъ небесный? Если бы лице Спасителя нашего само по себѣ было не такъ любвеобильно, то, можетъ быть, еще было бы сколько-нибудь извинительно—не любить Его; но теперь оно именно таково, что, смотря на него, должно сказать: «Спаситель нашъ *весь любы есть!*» Какъ же не любить сей любви? И что остается не любящему ея, какъ не гнѣвъ и судъ? Посему, если бы Апостолъ и не говорилъ намъ страшнаго слова на тѣхъ, кои не любятъ Господа Іисуса, то собственное наше сердце, Его любящее, должно бы произнести его. Въ такомъ случаѣ одно можетъ быть извиненіе—невѣдѣніе; а кто знаетъ Господа Іисуса, вѣдаетъ, что Онъ сдѣлалъ и претерпѣлъ за насъ, и не любитъ Его,—тотъ не имать вины о грѣсѣ, тотъ явный врагъ всего святаго и потому неминуемо подлежитъ отверженію. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ!*

Кто же любитъ и кто не любитъ Господа Іисуса? Вопросъ крайне важный; ибо съ любовію соединено все благословеніе и, слѣдовательно, жизнь вѣчная; а съ нелюбовію — явное проклятіе и, слѣдовательно, смерть вѣчная.

Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не старается узнать Господа Іисуса, то, что̀ Онъ сдѣлалъ и намѣренъ сдѣлать для насъ, и чего желаетъ и требуетъ отъ насъ. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не старается исполнять заповѣди Его, подражать примѣру Его, уподобляться Ему въ своихъ мысляхъ, нравахъ и поступкахъ. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ думать о Немъ, какъ можно чаще, представлять Его жизнь, какъ можно живѣе, поставлять себя въ Его невидимое присутствіе, давать Ему от-

четъ въ своемъ поведеніи. Не любитъ Господа Іисуса тотъ, кто не любитъ слова Его, оставленнаго намъ въ Евангеліи. не любитъ Церкви, Имъ учрежденной, не любитъ таинствъ. Имъ преподанныхъ. Не любитъ Господа Іисуса,—кто холоденъ къ Его славѣ, не старается распространять познанія о Немъ, не защищаетъ имени Его, не стоитъ за святость Его Евангелія. Не любитъ Господа Іисуса,—кто не хочетъ лишиться за Него благъ временныхъ, претерпѣть поношенія и гоненія отъ міра. Не любитъ Господа Іисуса,—кто не ожидаетъ Его славнаго пришествія, не водится обѣтованіями, Имъ данными, не приноситъ имъ въ жертву суетныхъ надеждъ мірскихъ.

Сами видите, братіе, что я беру черты любви самыя обыкновенныя и, такъ сказать, неизбѣжныя, такія свойства и признаки, безъ коихъ и земная любовь была бы недостойна своего имени. Но когда совокупить и сіи немногія черты въ единъ образъ и приложить его къ намъ, то много ли найдется любящихъ Господа Іисуса? Значитъ, мы едва не всѣ стоимъ подъ страшнымъ словомъ Апостола Христова! Стоимъ и не думаемъ о своей опасности! Думаемъ напротивъ, что мы совершенно безопасны. и почему? Потому что носимъ имя (одно имя) христіанъ, принадлежимъ (также по одному имени) къ Церкви Христовой, исполняемъ (машинально) нѣкоторые обряды ея, то есть, потому именно надѣемся и почитаемъ себя безопасными, почему-бъ надобно было страшиться и трепетать!..

Да пробудится же вниманіе тѣхъ, кои способны еще возбудиться отъ сна и безпечности духовной!—Не напрасно слово Апостола поразило среди настоящаго служенія мысль мою и повелительно заставило меня отверсть уста на повтореніе его въ слухъ вамъ: ибо я не хотѣлъ нынѣ бесѣдовать съ вами. Можетъ быть, между нами есть именно такія души, для коихъ нужно было такое пробужденіе. И для кого же оно не нужно? Кто похвалится имѣть такую любовь къ Господу Іисусу, какую должно имѣть. какую Онъ заслужилъ отъ насъ? Итакъ. всѣ со страхомъ пріимемъ слово Апостола и, возвратившись въ домы, размыслимъ: не падаетъ ли оно всею тяжестію своею и на насъ?—Аминь.

Слово въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ *).

Наставниче, обнощь всю труждшеся ничесоже яхомъ (Лук. 5, 5).

Какъ жалко, братіе, слышать сію жалобу изъ устъ бѣдныхъ всенощныхъ тружениковъ! Но для чего она столько вѣковъ повторяется въ Евангеліи? Для того ли, чтобы возбудить въ насъ состраданіе къ Апостоламъ? Но что нужды въ рыбахъ тѣмъ, кои уловили потомъ своими мрежами всю вселенную? Что нужды въ сожалѣніи нашемъ тѣмъ, кои всѣ давно увѣнчаны славою небесною и стократъ, можетъ быть, скорбятъ и сѣтуютъ о насъ, что мы такъ равнодушны къ достиженію сей славы, и намъ предназначенной? Если Евангеліе доселѣ повѣствуетъ о безуспѣшной ловитвѣ рыбъ, то потому, что въ лицѣ рыбарей Апостоловъ, въ семъ случаѣ, изображены всѣ мы—съ нашими дѣлами и занятіями. Посему я не нахожу предмета болѣе назидательнаго для собесѣдованія съ вами, какъ приложить сію апостольскую ловитву рыбъ къ нашей жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, что̀ всѣ мы въ жизни сей, какъ не разнообразные труженики надъ счастіемъ, какъ не ловцы на морѣ житейскихъ попеченій? У каждаго есть свои мрежи, своя ловитва, свои успѣхи и свои неудачи, свои виды и свои цѣли. Итакъ позвольте при настоящемъ случаѣ вопросить васъ, какова сія ловитва? Что пріобрѣтено доселѣ каждымъ изъ васъ? Достигнута ли цѣль? Удовлетворено ли желаніе? Довольны ли вы?

Ахъ, какъ намъ быть довольными, воскликнутъ многіе внутренно, когда и мы, подобно Апостоламъ, *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!* Чѣмъ не жертвовали мы для достиженія, такъ называемаго, счастія жизни; какихъ средствъ не употребляли, гдѣ и въ чемъ не искали его?—И все напрасно; время ушло, силы истощились, волосы наши убѣлены, руки и умъ ослабѣли; далеко уже за полночь жизни, скоро, можетъ быть, разсвѣтъ,—а мрежи наши пусты; мы едва покрываемъ наготу свою, едва имѣемъ хлѣбъ насущный. *Наставниче, обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!*

Сострадаемъ вамъ, бѣдные и неудачные труженики; но

*) Сказанное при посѣщеніи паствы, въ кадниковскомъ соборѣ.

не можемъ похвалить васъ, если вы предаетесь ропоту на Провидѣніе. Бѣдность тягостна; но кто знаетъ—къ чему бы привели васъ богатство и роскошь? Всего вѣроятнѣе, что и съ вами случилось бы то же самое, что̀ большею частію бываетъ съ счастливцами міра; вы забыли бы Бога и совѣсть, предались бы забавамъ и страстямъ нечистымъ, очернили бы душу и жизнь дѣлами неподобными. Что-жъ удивительнаго, если благость Божія, провидя все сіе за васъ, поставила тайно препятствія на пути вашемъ и не дала достигнуть цѣли? спасла васъ такимъ образомъ отъ вашей же душевной погибели? Вмѣсто ропота на невыгоды своего состоянія, лучше воспользуйтесь его преимуществами, кои весьма велики и немаловажны. Какія это преимущества? То, что вы не опутаны, подобно счастливцамъ міра, со главы до ногъ узами пристрастій мірскихъ,—и потому стократъ свободнѣе ихъ въ избраніи новыхъ предметовъ любви и дѣятельности вашей; то, что ваше сердце и вкусъ духовный не испорчены ядовитою сладостію чувственныхъ грѣховныхъ удовольствій,—и потому вы скорѣе можете полюбить блага духовныя, благодушнѣе перенести труды и подвиги жизни христіанской. Міръ не благопріятствуетъ вамъ, бѣжитъ отъ васъ: что же? Бросьте и вы любовь къ нему, и обратите вашу душу и сердце всецѣло къ Богу. Міръ дорого продаетъ свои блага и милости, а Евангеліе предлагаетъ всѣ сокровища свои туне: берите сколько угодно и обогащайте ими душу свою. Когда совѣсть ваша будетъ чиста, сердце умирено благодатію Божіею, насыщено предвкушеніемъ блаженства вѣчнаго: то всѣ блага міра, кои теперь такъ вамъ кажутся прелестны, потеряютъ для васъ цѣну, вы полюбите самую нищету свою; ибо она дѣлаетъ васъ свободными отъ міра и приближаетъ къ Богу.

Другіе изъ васъ, братіе, могутъ, безъ сомнѣнія, на вышепредложенный вопросъ сказать совершенно противное, могутъ указать на обильную, повидимому, ловитву, на титулы и знаки отличія, ими пріобрѣтенные, на кучи металла, лежащія въ сундукахъ ихъ, на домы, ими воздвигнутые, на вертограды, ими насажденные, на множество друзей пріобрѣтенныхъ, на множество враговъ низложенныхъ, на множество предпріятій совершенныхъ.

Привѣтствуемъ васъ, братіе, съ сими успѣхами! Но по-

звольте еще вопросить васъ: для чего вы старались пріобрѣтать то, что пріобрѣтено вами? Для чего достигали почестей и отличій, собирали сокровища, трудились и работали, сражались и побѣждали? Ужели для того только, чтобъ сказать: «я сдѣлалъ то или другое»? Безъ сомнѣнія, вы имѣли цѣль дальнѣйшую, ту — чтобы доставить душѣ вашей покой и довольство, чтобы насытить свое сердце?— Итакъ достигли ли, при всѣхъ вашихъ средствахъ, сей послѣдней цѣли? — Есть ли внутрь васъ постоянный миръ и постоянная радость? Престало-ль сердце ваше алкать и жаждать? Умеръ ли червь недовольства и скуки, грызущій обыкновенно сердце человѣческое?

Ахъ, если, такъ называемые, счастливцы міра захотятъ быть внимательны къ состоянію души своей и сказать то, что происходитъ внутрь ихъ, что они чувствуютъ и терпятъ; то и имъ едва ли не придется повторить жалобу Апостоловъ: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!* Насъ называютъ счастливыми, и мы сами себя принуждаемъ вѣрить тому; но, увы, это счастіе только вокругъ насъ; въ насъ самихъ нѣтъ его. При всей нашей высотѣ надъ собратіями нашими и при всѣхъ почестяхъ и отличіяхъ, когда заглянешь внутрь себя, то видишь себя въ какой-то мрачной безднѣ, съ ужасомъ отвращаешь взоръ отъ того рабства міру, въ коемъ находишься, отъ тѣхъ безчисленныхъ принужденій и низостей, къ коимъ прибѣгать надобно было для достиженія внѣшняго величія и даже до нынѣ прибѣгать надобно для поддержанія его. Мы пріобрѣли богатство, и оно дано намъ въ средство къ удовлетворенію нуждъ тѣлесныхъ; но за то принесло съ собою множество горькихъ заботъ душевныхъ. Дни наши также мрачны, ночи тяжелы, сонъ безпокоенъ и нерѣдко бѣжитъ отъ насъ: огорченій, печалей, недуговъ— тьма! — Въ чувственныхъ удовольствіяхъ нѣтъ недостатка; но они давно перестали услаждать насъ: чувства полны, а сердце пусто, душа ноетъ, совѣсть преслѣдуетъ, и мы нерѣдко принуждены завидовать мирной долѣ послѣдняго бѣдняка. Будущее каждый часъ болѣе страшитъ, нежели радуетъ. Не разсыплется ли собранное нами? Не возвѣетъ ли противный вѣтръ, не опрокинетъ ли храмины счастія? Ахъ, міръ такъ лукавъ и измѣнчивъ, обстоятельства такъ шатки и сомнительны, связи такъ непрочны, что никто не можетъ

поручиться за одинъ слѣдующій день. И что будетъ тогда съ нами и нашими семействами, привыкшими къ нѣгѣ и роскоши? — А когда подумаемъ еще о послѣднемъ часѣ жизни,—а онъ видимо приближается,—то трепетъ объемлетъ сердце; когда вспомнишь о томъ, что взять съ собою въ вѣчность, съ чѣмъ явиться на судъ, — то съ горестію видишь, что для неба еще ничего не приготовлено, что все пріобрѣтенное принадлежитъ землѣ и тлѣнію, и должно оставить насъ,—и если бы только оставило! А что, если пойдетъ за нами, и будетъ тамъ свидѣтельствовать противу насъ — о тѣхъ неправдахъ, коихъ стоило пріобрѣтеніе, о тѣхъ соблазнахъ, коими сопровождалось употребленіе, о тѣхъ грѣхахъ, коимъ оно служило поводомъ и орудіемъ? Такія мысли не даютъ покоя, преслѣдуютъ тайно день и нощь, томятъ душу, изъѣдаютъ сердце, заставляютъ и насъ сказать: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!* Всю жизнь провели, по видимому, въ счастіи, а истиннаго счастія не достигли, не достигли!...

Что сказать вамъ, братіе, на ваши жалобы? Какой совѣтъ преподать? Поощрять ли къ новымъ трудамъ и усиліямъ на поприщѣ земнаго счастія? Обѣщать ли вамъ то въ будущемъ, чего вы не нашли въ прошедшемъ и не находите въ настоящемъ? Но это значило бы обманывать и себя и васъ. Нѣтъ, братіе мои, какъ ни прискорбно, можетъ быть, для нѣкоторыхъ изъ васъ будетъ услышать истину, но мы должны возвѣстить ее въ слухъ всѣхъ. Доколѣ останетесь вы на пути міра, въ рабствѣ плоти и чувствамъ, дотолѣ никогда не достигнете истиннаго счастія. Міръ не можетъ дать, чего самъ не имѣетъ. Свидѣтель Соломонъ. Чего недоставало у него? Чего не могъ онъ сдѣлать, какъ царь и мудрецъ? и все дѣлалъ, и все испыталъ: что же нашелъ? Нашелъ, что въ нашемъ мірѣ все суета и крушеніе духа, все, кромѣ страха Божія и добродѣтели. То же будетъ и съ вами, если вы останетесь на томъ же пути, при тѣхъ же средствахъ къ счастію: испытавъ все, вы не найдете его ни въ чемъ, и на самомъ концѣ жизни принуждены будете сказать: *обнощь всю труждшеся, ничесоже яхомъ!*—Но какъ горька и вмѣстѣ безплодна будетъ тогда сія жалоба!

Что же, спросите, должно дѣлать? Перемѣнить путь, цѣль и средства, посвятить себя Богу и вѣчности, начать тру-

диться для души и неба, устремиться къ подвигамъ вѣры и добродѣтели. Это не значитъ того, чтобы оставить свое званіе, или остановить теченіе вашихъ дѣлъ житейскихъ. Нѣтъ, пусть они текутъ своимъ порядкомъ: каждый въ *немъ же званіи призванъ бысть, въ томъ да пребываетъ.* Но вы трудились доселѣ для земли и времени, во всемъ искали токмо своихъ выгодъ и своего удовольствія, во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ водились самолюбіемъ; Богъ и вѣчность, совѣсть и душа были предметами второстепенными, можетъ быть, послѣдними. Да станетъ теперь все на свое мѣсто! Божественное, духовное, вѣчное да возметъ верхъ и господство надъ земнымъ и чувственнымъ; вмѣсто самолюбія да содѣлается источникомъ дѣйствій любовь къ Богу и ближнему; блага земныя да употребятся на дѣла благія, несчастія и скорби да преносятся въ смиреніи и преданности волѣ Божіей, приготовленіе къ смерти да займетъ главное мѣсто между всѣми попеченіями! Когда произойдетъ сія благотворная перемѣна съ вами, то мы, именемъ Господа, обѣщаемъ покой душамъ. Счастію земному не повредитъ это: напротивъ, оно очистится, освятится и получитъ истинную цѣну для васъ. Самое несчастіе, если бы Господу угодно было послать его на васъ, потеряетъ горечь, ибо вы увидите въ немъ врачевство для исцѣленія отъ грѣховной проказы душъ вашихъ.

Вотъ нашъ совѣтъ, братіе, совѣтъ всѣмъ и каждому! Другаго не можемъ дать, ибо другаго нѣтъ въ Евангеліи. Аминь.

Слово въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ *).

И не бывъ сердцевидцами, можемъ сказать утвердительно, что среди настоящаго богослуженія многіе изъ васъ переносились мыслію на полуостровъ Таврическій и думали: что тамъ? Стоитъ ли еще наша единственная твердыня—Севастополь? Не упали-ль духомъ его мужественные защитники?

*) Произнесенное въ Одесскомъ Срѣтенскомъ городскомъ соборѣ 3 октября 1854 года.

Не угрожаетъ ли имъ какое-либо злоключеніе?—Если подобныя мысли происходили не отъ одного любопытства, а изъ любви къ отечеству, и сопровождались сердечною молитвою о благословеніи нашего оружія свыше, то мы не почтемъ ихъ безвременными и неумѣстными, даже здѣсь и теперь. Ибо сама святая Церковь, которая въ другое время возглашаетъ среди богослуженія: *да молчитъ всякая плоть человѣка, и ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ!*—теперь она же каждую литургію преклоняетъ колѣна и молится со всѣми чадами своими о побѣдѣ надъ врагами. Посему-то и мы, когда предстали нынѣ сему престолу благодати на служеніе во храмѣ семъ, то однимъ изъ первыхъ помысловъ нашихъ была мысль о судьбѣ тѣхъ, кои подвизаются теперь на полуостровѣ противъ враговъ нашего отечества, и мы отъ всей души молили Господа, да будетъ Онъ милостивъ къ нимъ, и да пошлетъ Ангела Своего, споборающа имъ во всемъ и женуща предъ ними враговъ. Если грѣхи наши возбудили собою праведный гнѣвъ Его, то да проліется чаша наказанія на насъ, сколько возможемъ понести, но да не будутъ они препоною къ успѣхамъ оружія нашего и да не приведутъ за собою торжества надъ нами враговъ нашихъ.

По сему-то, можетъ быть, самому расположенію духа, среди настоящаго богослуженія, пришло мнѣ на память одно весьма примѣчательное сказаніе, въ коемъ содержится какъ бы нѣкое пророчество о судьбѣ Крыма, могущее въ настоящихъ—смутныхъ—обстоятельствахъ нашихъ, послужить и къ ободренію и къ назиданію нашему.

Хотите ли выслушать это сказаніе?

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, слѣдовательно болѣе, нежели за двѣсти лѣтъ предъ симъ, когда ханство Крымское было еще весьма сильно и грозно, а тогдашняя Россія, послѣ самозванцевъ и смутъ внутреннихъ, находилась въ слабомъ и истощенномъ состояніи,—отправлено было изъ Москвы въ Крымъ посольство для заключенія договора, между прочимъ, объ уступкѣ Россіи—чего бы вы думали? небольшаго пространства земли на правомъ берегу Днѣпра, тамъ, гдѣ нынѣ нашъ Александрійскій уѣздъ. Пребываніе пословъ нашихъ въ Крыму было крайне трудно и стѣснительно: отъ разныхъ нуждъ, а болѣе отъ надменности и

обидъ со стороны татаръ, многіе изъ посольства впали въ болѣзнь и лишились жизни; другіе, ища утѣшенія для себя въ святой вѣрѣ, начали посѣщать древнія святыя мѣста, коими Крымъ былъ тогда еще богаче, чѣмъ нынѣ. Въ числѣ прочихъ священныхъ древностей христіанскихъ, посѣщена ими была и древняя церковь, находящаяся въ скалѣ Инкерманской, вблизи нынѣшняго Севастополя, примѣчательная особенно тѣмъ, что на семъ мѣстѣ, въ началѣ еще втораго вѣка христіанскаго, подвизался и пріялъ вѣнецъ мученическій, сосланный туда на заточеніе, святый Климентъ, папа римскій. Здѣсь, въ одномъ изъ малыхъ придѣловъ церковныхъ, нашли они почивающими святыя мощи угодника Божія, кои поразили вниманіе ихъ необыкновенною своею цѣлостію и цвѣтомъ жизненнымъ. Обитавшіе еще тогда при сей церкви, православные греки разсказали имъ о чудесахъ отъ сихъ мощей надъ татарами, но имени святаго угодника не могли сказать имъ, потому что по новости своего поселенія—сами не знали его. Извѣстно было только, что святыя мощи почиваютъ тамъ съ незапамятныхъ временъ.

Состояніе церкви и положеніе святыхъ мощей показалось соотечественникамъ нашимъ, привыкшимъ къ благолѣпію святынь московскихъ — крайне скуднымъ и жалостнымъ, ибо татары, хотя боялись святаго угодника за его чудеса надъ ними, но не благопріятствовали мѣсту его покоища и не допускали въ немъ никакого благоукрашенія; а, кромѣ того, проживавшіе тамъ греки сами находились въ нищетѣ и угнетеніи: даже видно было, что не долго дадутъ имъ и жить тамъ. Какъ добрые христіане и усердные сыны Церкви, соотечественники наши возревновали о чести святыхъ мощей и рѣшились выпросить ихъ у грековъ, дабы перевести съ собою—тайно—въ Москву. Тяжело было бѣднымъ, но усерднымъ къ вѣрѣ, грекамъ разлучиться съ своимъ святымъ угодникомъ; но, подумавъ зрѣло о своемъ положеніи, тягостномъ въ настоящемъ и безвѣстномъ въ будущемъ, они рѣшились, для славы Божіей и для большаго прославленія святыхъ мощей, передать ихъ благочестивымъ москвитянамъ. Для сего немедленно уготована была послѣдними рака для вложенія мощей на путь, благоприличный покровъ на нихъ и все прочее; оставалось только взять ихъ непримѣтно для татаръ; но подъ тотъ самый день, когда

надлежало совершиться сему дѣлу, угодникъ Божій явился нощію во снѣ одному изъ пословъ нашихъ и сказалъ такъ: «Други мои, вы желаете взять отсюда мощи мои въ Москву; а мое намѣреніе совершенно другое: я хочу здѣсь—въ Крыму утвердить Россію; посему оставьте меня здѣсь. Память моя перваго сентября». — Послѣ такого видѣнія, естественно, оставлена была всякая мысль о перенесеніи святыхъ мощей изъ Крыма въ Россію. Вмѣсто сего, изветшавшая рака замѣнена новою, покрыта благоукрашеннымъ покровомъ, и церковь снабжена всѣмъ нужнымъ. Какъ бы въ возмездіе за таковое усердіе, угодникъ Божій вскорѣ послѣ того явилъ благодатную силу свою у Господа, чудесно преподавъ изцѣленіе отъ тяжкаго недуга одному изъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, кои особенно усердствовали къ святымъ мощамъ его.

Таково древнее сказаніе о Крымѣ! — Прибавимъ, что историческая достовѣрность сего сказанія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, ибо оно найдено въ московскомъ хранилищѣ древнихъ хартій государственныхъ, еще до начала нынѣшней войны, когда не было ни у кого и мысли о настоящей судьбѣ Крыма,—составлено,—какъ видно изъ самаго свитка, еще за два вѣка предъ симъ, когда слишкомъ отважно было бы думать о томъ, чтобы утвердить въ Крыму Россію, почти каждый годъ трепетавшую въ самой Москвѣ отъ нашествія татаръ. И надобно-же было сему столь примѣчательному сказанію оставаться въ неизвѣстности болѣе двухъ вѣковъ и явиться изъ-подъ спуда именно предъ тѣмъ временемъ, когда вниманіе всѣхъ и каждаго невольно должно было обратиться на судьбу Крыма!... Не особенное ли это дѣйствіе Промысла Божія—въ назиданіе и утѣшеніе наше?

Что же мы видимъ изъ сего сказанія? Видимъ, что о судьбѣ полуострова Таврическаго думано и суждено еще за нѣсколько вѣковъ; думано не на землѣ токмо, а и на небѣ, не человѣками, самими небожителями.—Что же придумано и разсуждено?—Утвердить, какъ говорилъ въ видѣніи святый угодникъ Божій, утвердить въ Крыму Россію. И она утвердилась тамъ: ханство Крымское со всѣми его ужасами давно прешло, уступивъ мѣсто кроткой и благотворной державѣ всероссійской. Теперь враги наши, въ припадкѣ злобы и

гордости, возмечтали отторгнуть сію страну отъ состава Россіи: сбыточное ли это дѣло? Нѣтъ, это было бы противно планамъ и опредѣленію самаго Промысла Божія. Ибо, угодникъ Божій не прилагалъ бы, какъ онъ самъ говоритъ, попеченія объ утвержденіи въ Крыму Россіи, если бы не былъ увѣренъ, что это согласно съ волею Божіею, что сего именно хощетъ Самъ Господь. А когда такъ, то будемъ, возлюбленные, покойны за судьбу нашего полуострова; что бы ни дѣлали тамъ враги наши, какими бы даже на нѣкоторое время ни пользовались успѣхами,—все это не измѣнитъ опредѣленій небесныхъ. Ибо *яже Богъ святый совѣща, кто разоритъ, и руку Его высокую кто отвратитъ?* (Исаіи 14, 27).

Одинъ есть на землѣ врагъ, который можетъ испортить все дѣло и котораго намъ посему должно опасаться паче всего: это—грѣхи наши! Ибо они, а особенно нераскаянность въ нихъ, могутъ измѣнить самое благое опредѣленіе Божіе о насъ, какъ то показываетъ примѣръ народа еврейскаго. Это былъ народъ избранный отъ всѣхъ языкъ и племенъ, коему принадлежали всѣ откровенія, чудеса и обѣтованія Божіи: но когда, вознерадѣвъ о своемъ великомъ и святомъ предназначеніи, онъ началъ предаваться различнымъ страстямъ и порокамъ, не вразумляясь самыми наказаніями за то свыше, то Господь, въ праведномъ гнѣвѣ Своемъ, отвергъ народъ сей отъ лица Своего и лишилъ всего; разсѣялъ его потомъ по лицу всея земли и положилъ въ притчу между всѣми народами.—Блюдемся, возлюбленные, подобной страшной участи!—И для сего да хранимъ себя отъ всякихъ дѣлъ тьмы и неправды; а впавши въ вольная и невольная согрѣшенія, да не медлимъ омывать ихъ слезами истиннаго покаянія. Тогда никто и ничто не воспрепятствуетъ исполненію всеблагаго совѣта Божія о насъ и отечествѣ нашемъ;—и враги самымъ нападеніемъ на насъ скрѣпятъ навсегда то, что представлялося не такъ твердымъ и способнымъ къ отторженію,—еже буди благодатію Господнею и молитвами святаго угодника, о коемъ мы теперь бесѣдовали съ вами, и о коемъ, можетъ быть, дастъ Господь побесѣдуемъ и еще—современемъ! Аминь.

Слово въ недѣлю 23-ю по Пятидесятницѣ.

Если какое Евангеліе, то нынѣшнее можетъ дать поводъ ко многимъ прекаѳіямъ для умовъ поверхностныхъ. Какъ? вопроситъ человѣкъ, не привыкшій думать глубоко, чтобы заживо можно было сдѣлаться жилищемъ злыхъ духовъ? Возможно ли это? Гдѣ же послѣ сего будетъ личность человѣка? его достоинство? самая природа существа разумнаго? И неукоризненно ли Провидѣнію творческому, чтобы оно допустило такое ужасное вторженіе злыхъ духовъ въ нашъ міръ? чтобы отдало въ жертву ихъ лютости такое твореніе какъ человѣкъ? Къ чему можетъ служить это въ планѣ міроправленія? Какая цѣль въ отношеніи къ человѣку? въ отношеніи самому духу злому? Нравственное бытіе человѣка, въ такомъ случаѣ, прекращается; онъ теряетъ время, нужное для своего усовершенствованія, терпитъ муки: возможно ли, чтобы все это было въ мірѣ, находящемся подъ управленіемъ Премудраго и Всеблагаго?

Нѣкоторые люди почитаются и почитаютъ сами себя за одержимыхъ злыми духами, но это мнѣніе въ нихъ самихъ есть слѣдствіе ихъ умственнаго помѣшательства, въ другихъ— слѣдствіе не размышленія о вещи, какъ она есть сама въ себѣ, а общепринятаго мнѣнія. Если въ Евангеліи представляются подобные случаи, то не въ видѣ дѣйствительной истины, а по мнѣнію тогдашнихъ временъ, какъ символы истинъ нравственныхъ.

Прежде, нежели сдѣлаемъ отвѣтъ на сіи возраженія, остановимся мыслію на самомъ дѣлѣ. Чудное противорѣчіе съ умомъ человѣческимъ! Онъ недоволенъ познаніемъ всего видимаго, силится проникнуть въ тайну бытія сверхчувственнаго, хотя не можетъ, но когда Откровеніе приподнимаетъ часть завѣсы и показуетъ нѣчто изъ міра невидимаго: тотъ же человѣкъ становится противъ, смежаетъ очи, чтобы не видѣть, отвращается, прекословитъ, упорствуетъ, хулитъ. И почему все это? Потому только, что открываемое намъ изъ другаго міра не подходитъ подъ нашу мѣрку, подъ наши обыкновенныя понятія и законы дѣйствій. Но въ другомъ, невидимомъ мірѣ, непремѣнно должно быть не такъ, какъ у насъ? Развѣ не можетъ быть такихъ вещей, коихъ здѣсь

нѣтъ? Мы должны смотрѣть на одно, не противорѣчитъ ли открываемое тому, что въ нашемъ умѣ, иначе совѣсти, есть непреложнаго, ибо основанія истины и правды должны быть одни и тѣ же для всего міра, для всѣхъ разумныхъ существъ. Требовать болѣе — есть непростительная гордость и безразсудство. Отъ сихъ замѣчаній обратимся, братіе, къ предмету, насъ занимающему. *(Не окончено).*

Оглавленіе I тома.

СЪ НАМИ БОГЪ! БЕСѢДЫ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

стр.

Слово при началѣ поста предъ Рождествомъ Христовымъ . . . 5
Бесѣда въ недѣлю святыхъ праотецъ 10
Бесѣда въ недѣлю святыхъ отецъ 23
Бесѣда въ навечеріи Рождества Христова на литургіи 36
Бесѣда на всенощномъ бдѣніи подъ Рождество Христово . . . 45
Слово въ навечеріе Рождества Христова, произнесено въ Академической церкви 54
Слово на день Рождества Христова 67
Слово въ день Рождества Христова 78
Слово на день Рождества Христова 82
Бесѣда въ день Рождества Христова на литургіи 87
Слово на день Рождества Христова 95
Бесѣда въ день Рождества Христова на вечерни 99
Бесѣда на второй день праздника Рождества Христова на утрени 108
Слово на второй день праздника Рождества Христова на литургіи 119
Бесѣда на третій день праздника Рождества Христова 125
Бесѣда на день Обрѣзанія Господня 134
Бесѣда въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ 141

СЛОВА И БЕСѢДЫ НА ПРАЗДНИКИ ГОСПОДНИ.

Слово на день Рождества Христова и воспоминанія избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ 145
Слово въ день Рождества Христова 156
Слово на Рождество Христово, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 25 декабря 1855 года 169
Слово на второй день Рождества Христова, произнесенное въ одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, 26 декабря 1855 г. 172
Слово на Рождество Христово 177
Слово въ день Рождества Христова 179
Слово въ навечеріе Новаго Года 180
Слово въ навечеріе Новаго Года, на всенощномъ бдѣніи 182

Стр.
Слово на Новый Годъ 185
Бесѣда на Новый Годъ 195
Слово на Новый Годъ 211
Слово на Новый Годъ 215
Слово на Новый Годъ 218
Слово на второй день Новаго Года, сказанное въ домовой церкви харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ, 1844 года . 221
Бесѣда въ день Срѣтенія Господня 224
Слово въ день Срѣтенія Господня 231
Слово на день Срѣтенія Господня 237
Слово въ день Срѣтенія Господня 241
Слово на день Срѣтенія Господня 244
Слово въ навечеріе Богоявленія Господня предъ освященіемъ воды 250
Бесѣда въ день Крещенія Господня 253
Слово въ день Богоявленія Господня 259
Слово въ недѣлю по просвѣщеніи 261
Бесѣда въ навечеріи Преображенія Господня 265
Бесѣда въ день Преображенія Господня 269
Слово на Преображеніе Господне, по благословеніи плодовъ . . 280
Слово въ день Нерукотвореннаго Образа 282
Слово въ день Нерукотвореннаго Образа и при началѣ Академическаго ученія 285
Слово на день Нерукотвореннаго Образа Христова, сказанное при обозрѣніи епархіи, Лебединскаго уѣзда въ селѣ Тернахъ, 16 августа 1845 года 292
Слово въ день празднества въ честь Иконы Всемилостиваго Спаса, сказанное въ вологодской всеградской церкви, созданной въ память избавленія отъ язвы, бывшей въ 17 вѣкѣ 295
Слово въ недѣлю Ваій на всенощномъ бдѣніи 299
Слово въ недѣлю Ваій 302
Слово въ недѣлю Ваій 305
Слово въ недѣлю Ваій 307
Слово въ недѣлю Ваій 314
Слово въ недѣлю Ваій 321
Слово на день Преполовенія 323
Слово на день Преполовенія 326
Слово въ день Вознесенія Господня 329
Слово на день Вознесенія Господня 334
Слово въ день Вознесенія Господня 341
Слово на день Вознесенія Господня, сказанное въ женскомъ Хорошевскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, 1842 г. 344
Слово на день Вознесенія Господня 349
Слово на день Вознесенія Господня 351
Слово въ день Пятидесятницы на всенощномъ бдѣніи 352
Слово въ день Пятидесятницы на литургіи 358
Бесѣда въ день Сошествія Святаго Духа 363
Слово въ день Сошествія Святаго Духа 374
Слово въ день Сошествія Святаго Духа 384

Стр.
Слово въ день Сошествія Святаго Духа 397
Слово на день Святыя Троицы 412
Слово на день Святыя Троицы и по случаю бывшаго наканунѣ, во время всенощнаго бдѣнія, собранія въ театрѣ, для слушанія иностранныхъ искусниковъ въ пѣніи. 416
Слово въ день Пятидесятницы 421
Слово въ понедѣльникъ Пятидесятницы, произнесено въ греческой одесской церкви 16 мая 1855 г. 424
Слово въ день Пятидесятницы 428
Слово въ день Пятидесятницы 429
Слово въ понедѣльникъ Св. Духа 431
Слово въ день Пятидесятницы . . . . . —
Слово на первое число Августа 432
Слово въ навечеріе Воздвиженія Честнаго Креста Господня. . . 435
Слово на день Воздвиженія Креста Господня, произнесено въ Кіевѣ, когда преосвященный Иннокентій былъ студентомъ кіевской академіи 439
Слово въ день Воздвиженія Креста Господня 446
Слово въ день Воздвиженія Креста Господня, произнесенное въ Кіево-братскомъ училищномъ монастырѣ, 1834 года, по прочтеніи акта священнаго союза и высочайшаго манифеста, къ нему относящагося 456

СЛОВА НА ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.

Слово въ недѣлю святыхъ Женъ Мироносицъ 465
Слово въ недѣлю четвертую по Пасхѣ 472
Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, произнесенное въ кіевской, что на Щекавицѣ, кладбищенской церкви, во имя Всѣхъ Святыхъ 480
Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, сказанное въ кіевской, что на Щекавицѣ, кладбищенской церкви во имя Всѣхъ Святыхъ . 483
Слово въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ 488
Слово въ недѣлю 13-ю по Пятидесятницѣ, сказанное въ вологодскомъ Успенскомъ соборѣ 491
Слово въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ, сказанное при посѣщеніи паствы, въ кадниковскомъ соборѣ 494
Слово въ недѣлю 18-ю по Пятидесятницѣ, произнесенное въ одесскомъ Срѣтенскомъ городскомъ соборѣ 3 октября 1854 г. . 498
Слово въ недѣлю 23-ю по Пятидесятницѣ 503

Библейскій альбомъ.

Полное собраніе 230 картинъ

къ БИБЛІИ

знаменитаго художника Густава ДОРЭ.

Съ указаніемъ въ какомъ мѣстѣ Библіи описывается событіе изображенное на рисункѣ. Спб, 1906 г. Цѣна 3 руб., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 4 руб 50 коп., на веленевой бумагѣ 5 руб., въ роскошномъ переплетѣ 6 руб. 50 коп На почтовую пересылку прилагать 1 руб, въ Восточную Сибирь 2 руб. (Размѣръ альбома: высота 8 вершковъ, ширина 6 вершковъ)

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ:

Ветхій Завѣтъ.

1) И сказалъ Богъ, да будетъ свѣтъ 2) И создалъ Господь Богъ изъ ребра, взятаго у человѣка (Адама), жену (Еву) 3) Изгнаніе Адама и Евы изъ Рая 4) Жертвоприношеніе Каина и Авеля. 5) Убійство Каиномъ Авеля 6) Всемірный потопъ 7) Всемірный потопъ 8) Праведный Ной выпускаетъ изъ ковчега голубя на землю 9) Праведный Ной проклинаетъ сына своего Хама 10) Вавилонская башня 11) Авраамъ переселяется въ землю Ханаанскую 12) Явленіе Господа у дубравы Мамре. 13) Истребленіе Содома и выходъ изъ него Лота 14) Авраамъ отпускаетъ Агарь съ Измаиломъ. 15) Агарь и Измаилъ въ пустынѣ. 16) Авраамъ и Исаакъ идущіе для всесожженія 17) Авраамъ хоронитъ жену свою Сарру 18) Елиезеръ и Ревекка 19) Исаакъ встрѣчаетъ Ревекку 20) Исаакъ благословляетъ Іакова 21) Видѣніе во снѣ Іаковомъ лѣстницы 22) Іаковъ пасетъ стада Лавана 23) Іаковъ возвращается на родину 24) Іаковъ борется съ Богомъ 25) Примиреніе братьевъ Іакова съ Исавомъ 26) Іосифъ продается братьями Измаильтянамъ. 27) Іосифъ объясняетъ фараону значеніе сновъ. 28) Іосифъ открывается братьямъ своимъ 29) Іаковъ переселяется въ Египетъ. 30) Моисей въ корзинкѣ изъ тростника у берега 31) Дочь фараона спасаетъ младенца Моисея. 32) Моисей съ Аарономъ предъ фараономъ 33) Моровая язва на скотѣ фараона 34) Тьма по всей землѣ Египетской 35) Въ полночь Господь поразилъ всѣхъ первенцевъ въ землѣ Египетской 36) Фараонъ проситъ Моисея выйти изъ Египта 37) Гибель войска фараона на Чермномъ морѣ 38) Откровеніе съ горы Синай Заповѣдей Божіихъ. 39) Пророкъ Моисей сходитъ съ горы Синай 40) Наказаніе Корея, Даѳана и Авирона 41) Моисей изводитъ воду изъ скалы 42) Моисей сдѣлалъ мѣднаго змѣя 43) Ангелъ Господень удерживаетъ Валаама. 44) Израильтяне переходятъ черезъ Іорданъ 45) Ангелъ является Іисусу Навину 46) Разрушеніе города Іерихона. 47) Іисусъ Навинъ и блудница Раавъ 48) Аханъ побитый Израильтянами камнями. 49) Іисусъ Навинъ сжигаетъ городъ Гай. 50) Пораженіе войска Аморрейскаго градомъ 51) Іисусъ Навинъ сказалъ стой, солнце 52) Іаиль убиваетъ Сисару 53) Девора и Варакъ воспѣваютъ Богу 54) Гедеонъ выбираетъ войска для похода 55) Гедеонъ поражаетъ станъ Мадіамскій 56) Авимелехъ убиваетъ братьевъ своихъ 57) Смерть Авимелеха 58) Дочь Іефѳая выходитъ на встрѣчу отца. 59) Дочь Іефѳая съ подругами. 60) Самсонъ растерзываетъ льва 61) Самсонъ убиваетъ тысячу Филистимлянъ 62) Самсонъ относитъ ворота Газы на гору. 63) Самсонъ и Далида 64) Смерть Самсона и Филистимлянъ. 65) Поруганная жена Левита. 66) Левитъ увозитъ на ослѣ жену 67) Сыновья Веніамина похищаютъ дѣвицъ 68) Ноеминь и ея невѣстки 69) Воозъ и Руѳь. 70) Жители увидѣли ковчегъ Господень 71) Самуилъ лишаетъ жизни Агага 72) Саулъ бросаетъ копье въ Давида. 73) Мелхола спускаетъ Давида изъ окна. 74) Давидъ показываетъ Саулу край его одежды 75) Саулъ у волшебницы въ Аэндорѣ 76) Смерть Саула. 77) Жители Іависа Галаадскаго снимаютъ тѣла 78) Пораженіе Авенира войсками Давида. 79) Давидъ воюетъ противъ Раввы Аммонитской 80) Смерть Авессалома 81) Плачъ Давида о смерти Авессалома. 82) Рицпа охраняетъ тѣла своихъ дѣтей 83) Авесса спасаетъ Давида отъ руки Іевія. 84) Судъ царя Соломона. 85) Постройка храма Соломономъ 86) Соломонъ встрѣчаетъ царицу Савскую 87) Соломонъ 88) Іудейскій пророкъ 89) Пр. Илія воскрешаетъ сына вд Сарептской 90) Пророкъ Илія умерщвляетъ пр. Ваала. 91) Ангелъ приноситъ пищу и питье Иліи. 92) Ахавъ поражаетъ сто тысячъ Сирійянъ 93) Смерть Ахава 94) Пророкъ Илія истребляетъ молніею 95) Пророкъ Илія на огненной колесницѣ. 96) Голодъ въ Самаріи. 97) Іуй приказываетъ выбросить Іезавель 98) Посланные Іуемъ нашли черепъ Іезавели. 99) Гоголію умерщвляютъ мечемъ 100) Переселенцы въ городахъ Самаріи за непочитаніе Господа умерщвляются львами. 101) Ангелъ Господень въ одну ночь поразилъ въ станѣ Ассирійскомъ 185 000 воиновъ Сеннахирима 102) По приказанію Навуходоносора заколаютъ сыновей Седекіи предъ глазами его. 103) Іосафатъ поль-

зуется побѣдою. 104) Киръ, царь Персидскій. 105) Возстановленіе храма Іерусалимскаго 106) Артаксерксъ, освобождаетъ Израильтянъ 107) Пророкъ Ездра на молитвѣ 108) Неемія у стѣнъ Іерусалима 109) Священникъ Ездра читаетъ народу законъ 110) Ангелъ и Товія 111) Ангелъ Рафаилъ восходитъ на небо 112) Іудиѳь и Олоферн 113) Іудиѳь показываетъ голову Олоферна 114) Царица Астинь 115) Есеирь и Артаксерксъ 116) Торжество Мардохея 117) Есеирь раскрываетъ злодѣяніе Амана 118) Іовъ узнаетъ о своихъ несчастіяхъ 119) Іовъ—пораженный проказою 120) Св пророкъ Исаія 121) Видѣніе св прор Исаіи 122) Господь поражаетъ мечемъ левіаѳана 123) Св прор Іеремія диктуетъ Варуху 124) Плачъ о Іерусалимѣ по его падении 125) Пророкъ Варухъ 126) Пророкъ Іезекіиль произноситъ пророчества 127) Видѣніе пророка Іезекіиля 128) Пророкъ Даніилъ 129) Три отрока въ раскаленной печи 130) Пиръ царя Валтасара 131) Пророкъ Даніилъ во рвѣ львиномъ 132) Видѣніе пр Даніила 133) Сусанна въ купальнѣ 134) Оправданіе Сусанны. 135) Прор. Даніилъ изобличаетъ жрецовъ 136) Пророкъ Амосъ. 137) Пророкъ Іона—изверженный китомъ 138) Пр Іона проповѣдуетъ о разрушеніи Ниневіи 139) Пророкъ Михей говоритъ Израильтянамъ 140) Видѣніе пророка Захаріи 141) Священникъ Маттаѳія 142) Маттаѳія призываетъ къ оружію Іудеевъ. 143) Іуда Маккавей преслѣдуетъ Тимоѳея 144) Смерть Елеазара, сына Саварана. 145) Іуда Маккавей предъ войскомъ Никанора. 146) Іонаѳанъ сжигаетъ капище Дагона 147) Наказаніе Илиодора въ храмѣ 148) Видѣніе жителями Іерусалима войска на небѣ. 149) Мученическая кончина старца Елеазара 150) Мать Маккавеевъ 151) Паденіе Антіоха съ колесницы 152) Ангелъ Маккавеевъ

Новый Завѣтъ.

153) Благовѣщеніе Пресвятой Богородицѣ 154) Рождество Господа нашего Іисуса Христа. 155) Восточные волхвы. 156) Бѣгство Іосифа съ Пресвятой Богородицей и младенцемъ Іисусомъ Христомъ въ Египетъ 157) Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ. 158) Отрокъ Іисусъ Христосъ. 159) Проповѣдь св Іоанна Крестителя 160) Крещеніе Господне 161) Искушеніе Господа отъ діавола 162) Бракъ въ Канѣ Галилейской 163) Іисусъ Христосъ и Самарянка 164) Іисусъ Христосъ въ синагогѣ Назаретской 165) Проповѣдь Іисуса Христа 166) Чудесный ловъ рыбы въ озерѣ Геннисарет. 167) Іисусъ Христосъ проповѣдуетъ народу. 168) Іисусъ Христосъ исцѣляетъ больныхъ 169) Нагорная бесѣда Господа 170) Укрощеніе бури Спасителемъ 171) Кающаяся Марія Магдалина предъ черепомъ. 172) Воскрешеніе дочери Іаира. 173) Іисусъ Христосъ исцѣляетъ бѣсноватаго 174) Іисусъ Христосъ оправдываетъ учениковъ 175) Господь идетъ по водамъ 176) Чудесное насыщеніе пяти тысячъ человѣкъ 177) Преображеніе Господне 178) Исцѣленіе Господомъ бѣсноватаго отрока. 179) Добрый самарянинъ 180) Прибытіе добраго самарянина въ гостиницу. 181) Іисусъ Христосъ въ домѣ у Мареы и Маріи. 182) Возвращеніе блуднаго сына. 183) Встрѣча блуднаго сына отцемъ. 184) Лазарь и богачъ 185) Іисусъ Христосъ и помилованная грѣшница 186) Фарисей и мытарь 187) Благословеніе дѣтей Господомъ. 188) Воскрешеніе Лазаря 189) Торжествен. входъ Господа въ Іерусалимъ 190) Господь изгоняетъ торжниковъ изъ храма. 191) «Отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу» 192) Лепта вдовицы 193) Тайная вечеря. 194) Моленіе Господа въ саду Геѳсиманскомъ 195) Явленіе Ангела Господу Іисусу Христу. 196) Іуда лобзаніемъ предаетъ Господа. 197) Отреченіе Апостола Петра отъ Іисуса Христа 198) Истязаніе Іисуса Христа 199) Возложеніе на Іисуса Христа терноваго вѣнца 200) Надругательство надъ Іисусомъ Христомъ 201) Пилатъ выводитъ къ народу Іисуса Христа 202) Несеніе креста Іисусомъ Христомъ. 203) Принесеніе креста на Голгоѳу 204) Пригвожденіе ко кресту 205) Поднятіе креста 206) Іисусъ Христосъ на крестѣ 207) Тьма, бывшая по распятіи Господа 208) Снятіе со креста тѣла Господа 209) Взяли тѣло Іисуса и обвили его пеленами 210) Положеніе тѣла Господа Іисуса Христа 211) Жены мироносицы и Ангелъ 212) Іисусъ Христосъ и Еммаусскіе ученики. 213) Вознесеніе Господа на небо 214) Сошествіе Св Духа на Апостоловъ 215) Апостолъ Петръ проповѣдуетъ Евангеліе 216) Исцѣленіе хромого Ап Петромъ 217) Избіеніе камнями первомученика Стефана 218) Голосъ съ неба Савлу (Ап Павлу) 219) Апостолъ Петръ въ домѣ Корнилія сотника. 220) Апостолъ Петръ выводится изъ темницы 221) Апостолъ Павелъ въ синагогѣ 222) Апостолъ Павелъ въ Ефесѣ. 223) Возмущеніе Іудеевъ противъ Ап. Павла 224) Чудесное спасеніе Ап. Павла 225) Св Евангелистъ Іоаннъ Богословъ 226) Смерть,—видѣніе св Іоанна Богослова 227) «Жена, облеченная въ солнце» 228) Паденіе Вавилона 229) Судъ Божій. 230) Видѣніе новаго Іерусалима

Эта роскошная книга содержитъ въ себѣ 230 превосходно исполненныхъ иллюстрацій знаменитаго художника Густава Дорэ. Картины расположены по ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ событіямъ, начиная отъ сотворенія міра и оканчивая судомъ Божіимъ и видѣніемъ Новаго Іерусалима, съ указаніемъ, въ какомъ мѣстѣ Библіи описывается событіе, изображенное на рисункѣ.

Воспроизведены картины рукою великаго художника въ нихъ сохраненъ духъ библейскихъ временъ, онѣ отличаются художественной простотой и прекрасной композиціей

То, что особенно дорого въ художественной иллюстраціи, строгость и красота рисунка—выгодно выдѣляетъ данное изданіе изъ числа ему подобныхъ

Уже по первому изданію можно судить о достоинствахъ описываемой книги изящно и богато изданная на слоновой бумагѣ, она производитъ отрадное впечатлѣніе. («Вѣд Спб Град», № 81, 15 апр 1906 г)

«Краткое предисловіе къ изданію гласитъ буквально слѣдующее «Цѣль настоящаго изданія та, чтобы дать возможность благочестивымъ людямъ за недорогую цѣну имѣть у себя полный альбомъ картинъ къ Библіи, или всю Библію въ лицахъ въ исполненіи знаменитаго художника Густава Дорэ, лучшаго иллюстратора библейскихъ сюжетовъ». Къ этимъ словамъ можно еще прибавить, что изданіе имѣетъ и педагогическое значеніе, какъ наглядное пособіе при прохожденіи курса Священной Исторіи. Такое значеніе слѣдуетъ усвоять иллюстраціямъ Густава Дорэ въ виду того, что художникъ не увлекался вымыслами своей фантазіи, но умѣлъ строго сообразоваться съ библейскимъ разсказомъ. Прекрасно выполненное изданіе извѣстнаго книгопродавца И Л Тузова цѣну имѣетъ недорогую (3 р) и заслуживаетъ полнаго вниманія А В. П» («Странникъ», іюль, 1906 г.).

Акаѳісты (соч. Иннокентія, арх. Херс.): 1) Пресв. и Животворящей Троицѣ.—2) Божественнымъ Страстемъ Христовымъ.—3) Живоносному Гробу и Воскресенію Господню.—4) Покрову Пресвятыя Богородицы.—5) Святому Архангелу Михаилу.—6) Къ причащенію Святыхъ Таинъ. Съ изображеніями. Спб. 1908 г., ц. 50 коп.

Акаѳістъ святому *Ангелу*, неусыпаемому хранителю человѣческія жизни. Съ изображ. св. Ангела. Гражд. печ. Роскош. изд., отпеч. на велен. бум. двумя краск,, крупн. печ. Спб., ц. 30 к., въ изящн. кол. пер. 75 к.

Акаѳістъ св. пророку Божію *Иліи*. Церк. печ., въ 32-ю д. л. Съ Изображеніемъ. Ц. 30 к. Въ кол. пер. 75 к.

То же, гражд. печ. Цѣна 30 к. (оба изд. отпеч. на велен. бумагѣ). Въ перепл. по 75 к.

Акаѳістъ ко Пресв. Госпожѣ Владычицѣ Дѣвѣ Богородицѣ, преславнаго ради явленія чудотв. иконы Ея, имен. *Тихвинскія*. Церк. печ. Спб., ц. 20 к.

То же, гражд. печ. Ц. 20 к.

Акаѳістъ св. мученицъ. *Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви* и матери ихъ *Софіи*. Съ изобр. напечат. двумя краск. на велен. бум. Спб., 1894 г. Церк. печ., ц. 30 к., въ пер. 75 к.

То же, гражд. печ., ц. 30 к., въ пер. 75 к.

Акаѳістъ Пр. Богородицѣ явлен. ради чуд. Ея ик. *Казанскія*. Съ изображен. Церк. печати. Спб., ц. 20 к.

То же, гражд. печати, ц. 20 к.

Акаѳістъ Пресв. Владыч. нашей Богород. *Всѣхъ Скорбящихъ Радости*. Церк. печ. Спб., ц. 20 к.

То же, гражд. печ., ц. 20 к.

Акаѳістъ св. чуд. *Іоанну Воину*, его же пам. праздн. іулія въ 30 день. Гражд. печ., въ 32 д. л. Спб., ц. 20 к.

То же, Церк. печ. въ 4 д. л., съ кинов. и изображ. Цѣна 50 к.

Акаѳістъ *Воскресенію Христову*. Съ изобр. Воскр. Хр. Церк. печ., въ 32 д. л. Спб. Ц. 20 к.

То же, гражд. печ. Цѣна 20 к.

Акаѳістъ св. муч., *Параскевѣ*. Съ изображен. Церк. печ. въ 32 д. л. Издан. 5-е. Спб. Ц. 30 к.

То же, гражд. печати. Ц. 30 к.

Акаѳістъ св. великомуч. *Екатеринѣ*. Съ изображ. Церк. печ., въ 32 д. л. Спб. Ц. 30 к.

То же, гражд. печати. Ц. 30 к.

Акаѳістъ св. *Иннокентію*, Иркутск. чудотв. Съ изображ. Церк. печ. Изданіе 3-е. Спб. Ц. 20 к.

То же, гражд. печати. Ц. 20 к.

Очерки домашней и общественной жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, Богослуженіе, праздники, обряды, талмудъ и кагалъ. Составилъ *А. Алексѣевъ*. Спб. 1896 г. Цѣна 1 р., въ коленкоровомъ изящномъ переплетѣ 2 р.

Систематическій сборникъ дѣйствующихъ постановленій по счетоводству и отчетности мѣстъ и властей вѣдомства Св. Сун. Сост. Помощникъ Управляющаго Контролемъ при Св. Сунодѣ. *Алексѣевъ*. Спб., 1880 г., ц. 1 р. 50 к. *Реком. въ кач. справ. книги для правл. дух. семин. и учил. (Церк. Вѣстн. 1881 г., № 30).*

Очеркъ Христіанской апологетики (Основного Богословія) Проф. прот. *М. П. Альбова*. Изд. 2-е. Спб. 1908 г., ц. 1 р. 50 к.

Псалтирь въ новомъ славянск. переводѣ *Амвросія*, архіеп. Московскаго. М., 1878 г. Ц. 50 к.

Проповѣди архим. *Анастасія* (нынѣ епископ. Олон.). Спб. 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ правилъ о средствахъ содержанія духовенства и о раздѣлѣ ихъ между членами причтовъ. Составилъ Секретарь Новгородской духовной Консисторіи. *Д. Андреевъ*. Спб. 1906 г. Ц. 50 к.

Правила производства слѣдствій. I) О проступкахъ и преступленіяхъ, подсудныхъ духовному суду и II) Объ удостовѣреніи метрическихъ актовъ. Состав. Секретарь Рязанской Духов. Консисторіи *Д. Андреевъ*. Рязань. 1897 г., ц. 50 к.

Путевыя записки русскаго пастыря о священномъ востокѣ. Паломника, священника Александра *Анисимова*. Въ 2-хъ ч. Иллюстрированное изд., съ 40 рис. Г. А. Гарпера. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ коленкор. переплетѣ 2 р. 50 к.

Ученымъ Ком. Мин. Народн. Просв. опредѣлено: допустить выше-означенную книгу въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (15 Дек. 1902 г. № 35173).

„Русская литература очень богата всевозможными описаніями Святой Земли. Почти каждый изъ образованныхъ путешественниковъ въ Палестину, какъ изъ лицъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, писали о вынесенныхъ ими впечатлѣніяхъ и многія изъ этихъ сочиненій пользуются очень большой и вполнѣ заслуженной извѣстностью. Тѣмъ не менѣе разсматриваемая

нами книга является не только не лишней и полезной въ ряду нѣкоторыхъ изъ этихъ популярныхъ сочиненій, но имѣетъ предъ ними даже большія преимущества Во-первыхъ, авторъ посѣтилъ Святую Землю сравнительно недавно и, при томъ, дважды—какъ простой паломникъ и какъ пастырь, во-вторыхъ, въ послѣднее время онъ былъ тамъ на службѣ при нашей русской духовной миссіи и, слѣдовательно, его книга не есть собраніе бѣглыхъ замѣтокъ и различныхъ мимолетныхъ впечатлѣній, а является плодомъ обдуманнымъ, хорошо изученнымъ и провѣреннымъ на мѣстѣ И дѣйствительно, въ простомъ, безхитростномъ разсказѣ почтенный авторъ шагъ за шагомъ (первая часть написана въ формѣ дневника) излагаетъ, что онъ видѣлъ, слышалъ и перечувствовалъ во время своего путешествія въ Палестину Читая его описанія, невольно увлекаешься и начинаешь радоваться вмѣстѣ съ авторомъ, печалиться его неудачамъ и переживать съ нимъ каждый день его путешествія Хорошій литературный языкъ, чуждый витіеватости, помогаетъ автору рисовать величественныя картины, которыми такъ богатъ Священный Востокъ Въ первой части авторъ описалъ свое первое путешествіе, когда ему удалось посѣтить только Іерусалимъ и ближайшія къ нему мѣста, вторая часть заключаетъ въ себѣ его второе путешествіе, совершенное шесть лѣтъ спустя, причемъ онъ посѣтилъ остальныя святыя мѣста Палестины Первое изданіе этого путешествія вышло въ разное время двумя отдѣльными книгами и во второмъ изданіи впервые соединено вмѣстѣ, что даетъ болѣе цѣльное впечатлѣніе Необходимо сказать объ иллюстрирующихъ текстъ рисункахъ, которые, помимо своей вѣрности (сняты съ натуры), выполнены очень отчетливо и прекрасно, что пока еще не часто можно встрѣтить въ русскихъ книгахъ По своему объему (29 печат лист) и изяществу, книга издана очень дешево" (Вѣд Спб Град , № 96-и, 1899 г)

Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравственной отвѣтственности. Іеромон. *Антонія* (нынѣ архіепископа Волынск) Изд 2-е. Спб., 1888 г. Ц 1 р.

Оглавленіе. Цѣлесообразность философскихъ работъ —Методъ изслѣдованія —Свобода, какъ данное сознанія самосознанія —Значеніе самосознанія въ душевной дѣятельности —Критика Канта.—Значеніе воли въ ходѣ душевной жизни.—Свободная воля —Свобода и мораль —Перенесеніе свободы на предметы природы.—Свобода и теизмъ —Монизмъ и свобода —Заключеніе

Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ апостольскихъ чтеній. Священника В Г *Антонова* Изд 2-е. Спб 1896 г Ц 50 к.

Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій, съ присовокупленіемъ историч происхожд важнѣйш. праздн. Правосл. Русск. Церкви. Свящ В. Г. *Антонова* Для народн школъ. Изд. 3-е Спб., 1894 года. Ц. 50 к.

Объ истинномъ христіанствѣ. Съ присовокупленіемъ Райскаго вертограда, исполненнаго христіанскихъ добродѣтелей, или собранія поучительныхъ и утѣшительныхъ молитвъ Соч *Іоанна Арндта* Два тома въ 5-ти частяхъ *Одобрено Учен. Комит. Мин Нар Просв для ученич библіотекъ средн учебн заведеній и начальныхъ школъ* Спб 1875 г , напеч. въ 8 д. л , 1240 стр., Ц 4 р., въ изящн. пер 6 р

Лѣтопись Церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Рождества Христова до 1898 г *Епископа Арсенія* Изданіе 3-е, исправленное и дополненное Спб., 1900 г Ц 3 р., въ изящн. коленк. перепл 4 р. *Учебн. Комит. Мин Нар. Просв. рекоменд. для фундамент библіотекъ средн. учебн завед. Внесено въ списокъ книгъ для библіотекъ церк.-приход школъ* («Церк Вѣд », № 2, 1896 г)

„Богатство историческаго матеріала, собраннаго въ книгѣ, поразительно Легко можно себѣ представить, какого громаднаго труда стоило автору собрать и сгруппировать весь этотъ цѣнный матеріалъ, разбросанный по множеству историческихъ сочиненій и рукописныхъ источниковъ, находившихся у него подъ руками Книга читается съ живымъ интересомъ, и намъ думается, что „Лѣтопись церковныхъ событій" должна быть въ библіотекѣ каждаго русскаго, интересующагося историческими судьбами православной Церкви"(Изъ отзыва „Церк Общ Вѣст " № 132, 1879 г)

Руководство къ чтенію священныхъ книгъ на урокахъ Закона Божія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сост. Законоучитель Главнаго нѣмецкаго Училища Св. Петра Свящ *І. Арсеньевъ.* Спб 1898 г. Ц. 20 к.

Поученія къ простому народу. Іоанна *Архангельскаго,* священника Саратовской Срѣтенской церкви Изданіе 7-е, 320 стр. Спб. 1898 г Ц. 1 р 50 к , въ красив. перепл. 2 р. 25 к. *Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар Просв. одобрено для ученическихъ библ средн. и низшихъ учебн. зав.*

„Всѣ поученія о І Архангельскаго написаны языкомъ простымъ и понятнымъ всякому православному христіанину Ясность, простота и краткость изложенія, искренность чувства—составляютъ главное достоинство каждаго его поученія и, въ сравненіи съ другими подобными, имѣютъ ту особенность, что почти всѣ посвящены обличенію существующихъ въ простомъ народѣ суевѣрій и предразсудковъ Доказательствомъ общедоступности простой рѣчи І Архангельскаго и всеобщей его извѣстности служитъ тотъ значительный фактъ, что поученія его выдержали въ короткое время семь изданій Поэтому-то мы въ особенности рекомендуемъ эти поученія сельскимъ священникамъ".

Катихизическія поученія о семи грѣхахъ смертныхъ. Священ. *І. Архангельскаго.* Изд. 2-е. (Извлечено изъ книги «Поученія къ прост. народу»). Спб. 1898 г., ц. 25 к.

Краткое руководство къ чтенію Новаго завѣта, т. е. Святаго Евангелія и Апостола, съ прилож. вида рѣки Іордана, двухъ картъ и плана. Н. А. Спб., 1882 г., ц. 5 к.

Сочиненія и переводы протопресвитера *В. Б. Бажанова:*

1) **Воинъ-христіанинъ.** Изданіе 5-е. Спб. 1889 г., ц. 5 к.

2) **Воскресный день.** Изданіе 6-е. Спб. 1889 г., ц. 5 к.

3) **Нравоучительныя повѣсти для дѣтей.** Оглавленіе: Размышленіе разумнаго и добраго Кости.—Назидательная прогулка.—Вина и раскаяніе.—Какъ много значитъ воспитаніе, и какъ вредно пренебрегать имъ. — Примѣръ благодарности.—Примѣръ сыновней любви.—Чувствительность дикаго.—Божіе посѣщеніе.—Картина. — Благочестивая бесѣда старца со внуками. Изд. 16-е. Съ 10-ю рисунк. Спб. 1905 г., цѣна 25 к. *Опредѣленіемъ Училищн. Совѣта при Свят Сунодѣ, утвержд. Г. Сунодальнымъ Оберъ-Прокурор., постановлено, допустить въ библ. церков школъ двухклас. и одноклас.* («Церковныя Вѣд.» № 39, 1901 г.).

4) **Объ обязанностяхъ христіанина.** I. Объ обязанностяхъ къ Богу. II. Объ обязанностяхъ христіанина къ самому себѣ. III. Объ обязанностяхъ христіанина въ отношеніи къ ближнимъ. IV. Объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи домашнемъ. V. Объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи гражданскомъ. VI. Объ обязанностяхъ христіанина въ состояніи церковномъ. Изданіе 8-е. Спб. 1905 г., ц. 30 к. *Опредѣленіемъ Училищ Совѣта при Свят. Сунодѣ, утвержд. Г. Сунодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, постановлено, допустить въ библіотеки церковн. школъ второклас. и учительскихъ* («Церковныя Вѣдом.» № 39, 1901 г.).

5) **О вѣрѣ и жизни христіанской.** Изд. 8-е. Спб. 1904 г., ц. 10 к.

6) **О религіи.** I. О религіи естественной. II. О недостаточности ея. III. Объ откровеніи. IV. О христіанск. религ. Изд. 3-е. Спб. 1905 г., ц. 30 к.

7) **Пища для ума и сердца,** или собраніе христіанскихъ размышленій. 2 ч. Спб. 1889 г., ц. 1 р.

8) **Примѣры благочестія** изъ житій святыхъ. Сокращенное оглавленіе: Молитва и трудъ.—Святое мѣсто.—Небесная стража. — Сила крестнаго знаменія. — Полководецъ-отшельникъ.—Чудотворная сила св. иконъ.—Родительское наставленіе и судъ Божій. — Пути провидѣнія.—Грѣхъ непослушанія.—Мученическая кончина св. Апостола Андрея.—Повиновеніе власти.—Не осуждай—и не осужденъ будешь.—Во всякомъ званіи можно спастись.—Наказаніе за ложную клятву и проч. Изд. 10-е. Съ 10-ю рисунк. Спб. 1906 г., ц. 25 к.

Всѣ изданія И. Л Тузова отличаются двумя существенными качествами. строгой и основательной разработкой темы сочиненія и приличной, почти роскошной внѣшностью.

Эти же качества заключаетъ въ себѣ и выше названная книжка. Кромѣ того, она очень богата весьма назидательными примѣрами изъ жизни свѣтильниковъ Церкви православной. Изложеніе простое, общедоступное, интересное. Книжка очень удобна для чтенія еще и тѣмъ, что состоитъ изъ множества небольшихъ отдѣльныхъ статеекъ-разсказовъ, многіе изъ которыхъ снабжены художественными рисунками. Вообще, книжка очень полезная. Рекомендуемъ ее особенно для народнаго чтенія и для школьниковъ. Цѣна—недорогая. Петръ Поляковъ („Русское Чтен.“ № 44, 1902 г.)

9) **Притчи, избранныя** изъ Круммахера. Съ рисунк. въ текстѣ. Изд. 11-е. Спб., 1904 г., ц. 25 к.

10) **Сокровище духовное** отъ міра собираемое. Изъ твор. св. Тихона, еп. Воронежск. Изд. 5-е съ рис. въ текстѣ. Спб. 1904 г., ц. 20 к.

Книги подъ №№ 3, 4, 5, 6, 8, 9 и 10 включены въ Каталогъ книгъ, одобренныхъ для употребл. въ низшихъ училищахъ Вѣд. Мин. Народн. Просв., въ отд. III, для ученическ библ. и для народнаго чтенія (стр. 117, 1901 г.) и въ безплатн. народныя читальни. (Дополн. къ Каталогу стр. 1-я 1903 г.).

Библейская исторія, сокращенно-извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта протоіереемъ *Іоанномъ Базаровымъ.* Съ 110 картинами въ текстѣ. Роскошное изданіе, напечатанное двумя красками, крупнымъ шрифтомъ, на лучшей веленевой бумагѣ, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми украшеніями. Спб. Ц. 3 р.

Вѣчное блаженство святыхъ.

Сочиненіе *Ричарда Бакстра*. Переводъ съ французскаго Андрея Свѣтлакова (законоучит. Нижегор. губ. гимназіи). Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Оглавленіе. Обращеніе къ читателю—Сущность блаженства святыхъ.—Высокія приготовительныя условія къ блаженству святыхъ.—Судъ и прославленіе святыхъ.—Преимущества блаженства святыхъ.—Характеръ назначенныхъ къ этому блаженству—Несчастіе лишающихся блаженства святыхъ—Страданія и бѣдствія тѣхъ, которые, кромѣ блаженства святыхъ, теряютъ временныя удовольствія и подвергаются мукамъ ада.—Необходимо съ усердіемъ стремиться къ блаженству святыхъ.—Какимъ образомъ убѣдиться въ своихъ правахъ на блаженство святыхъ.—Обязанность народа Божія пробуждать въ другихъ стремленіе къ блаженству святыхъ—Не должно успокаивать себя ожиданіями на землѣ найти блаженство святыхъ.—Великое значеніе жизни не есной во время нашего бытія на землѣ.—Наставленіе, какъ проводить на землѣ жизнь небесную.—О небесномъ созерцаніи или размышленіе о предметахъ божественныхъ—Чувственные предметы помогаютъ небесному созерцанію и предохраняютъ отъ увлеченій нашего собственнаго сердца.—Заключеніе.

Памяти Діонисія, Епископа Якутскаго и Вилюйскаго, а затѣмъ Уфимскаго и Мензелинскаго. *И. Барсукова*. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Правила святой жизни. Изложены *Аввою Бернардомъ* въ его бесѣдахъ съ своею сестрою монахинею. Перев. съ французскаго провѣренный по подлинному тексту латинскому. Спб. 1894 г., ц. 50 к., въ коленк. перепл. 1 р.

Общедоступность изложенія, задушевный и благочестивый тонъ, проходящій чрезъ всю книгу, побуждаютъ насъ обратить на нее особенное вниманіе тѣхъ лицъ, которыя, среди житейской суеты, обыденныхъ заботъ и трудовъ, не забываютъ помышлять о своемъ спасеніи и охотно удѣляютъ часть своего времени на чтеніе душеспасительныхъ книгъ, жизнеописаній святыхъ угодниковъ, благочестивыхъ размышленій, бесѣдъ и проч. Такихъ читателей удовлетворитъ книга Бернарда („Церк. Вѣстн." № 12, 1883 г.).

Бесѣды Евгенія Берсье. 5 томовъ. Съ портрет. автора. Перев. прот. *А. П. Мальцева*. Спб. 1890—1902 гг. Ц. 4 р. 40 к. въ одномъ кол. пер. за всѣ 5 томовъ 5 р. *Мин. Нар. Просв. одобрены для пріобр. въ ученич. библ. сред. учебн. завед.* 21 Іюля 1894 г. № 14375. *Учебн. Ком. при Св. Сунодѣ одобрены для фундамент. библ. среднихъ духовно-учебныхъ заведеній* (Цер. Вѣд. № 29, 1898 г.).

Предисловіе. Всюду встрѣчаемыя весьма благосклонно, бесѣды Берсье производятъ и своимъ богатымъ содержаніемъ и мастерскимъ изложеніемъ одно изъ самыхъ глубокихъ впечатлѣній на читателя, удивительнымъ образомъ проникая въ его сердце и невольно овладѣвая всѣмъ его настроеніемъ. Касаясь въ своихъ бесѣдахъ вопросовъ болѣе нравственныхъ, чѣмъ догматическихъ, Берсье хотя и принадлежитъ къ представителямъ реформатской церкви, повсюду остается на нейтральной почвѣ Евангельскаго ученія, общаго всѣмъ христіанскимъ церквамъ востока и запада. Обширный умъ Берсье, глубоко вникающій въ волнующіе современное человѣчество вопросы знанія и вѣры, не упускаетъ ничего, чтобы защитить христіанство отъ нападеній его тайныхъ и явныхъ враговъ. Можно сказать, что всѣ бесѣды Берсье представляютъ собою одну блестящую и высоко научную апологію идеаловъ истинно христіанской жизни.

Избранныя Бесѣды Пастора *Берсье*. Переводъ *А. Забѣлина*. Спб., 1899 г., ц. 80 к., въ коленк. переп. 1 р. 50 к.

Отъ переводчика—Видѣніе Или.—Вопросъ о власти.—Государство и Церковь.—Обѣтованная Земля.—Соль земли.—Богатство и бѣдность—Минуты испытанія.—Отношенія христіанства къ политикѣ—Милосердіе Божіе.—Раскаяніе.

„Бесѣды Берсье съ немалою пользою могутъ быть прочитаны образованными русскими людьми, питающими серьезный интересъ къ религіи, знакомыми съ религіозными сомнѣніями или даже пережившими ихъ. Еще большую пользу онѣ могутъ принести тѣмъ, которые, подпавъ вліянію религіознаго сомнѣнія и отрицанія, чувствуютъ ненормальность своего положенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ собственными силами не въ состояніи преодолѣть подавляющихъ религіозныхъ сомнѣній. Что касается нашихъ пастырей-проповѣдниковъ, то они въ бесѣдахъ Берсье найдутъ не только истинное удовольствіе для себя, но и почерпнутъ обильный матеріалъ для собственныхъ проповѣдей. Нельзя не выразить благодарности г. Забѣлину за сдѣланный имъ переводъ, которому мы сердечно желаемъ возможно широкаго распространенія въ обществѣ Съ внѣшней стороны изданіе довольно чистое" (Бог. Библ. Лист. Прил. къ „Рук. для Сел. Паст.", Вып. 5-й, 1899 г.).

Бесѣды священника съ наставниками молоканскими, въ опроверженіе мнѣній по главнымъ пунктамъ вѣроученія молоканъ и штундистовъ. Протоіерея *Павла Боброва*. Спб. 1896 г., ц. 30 к.

На перес. книгъ магаз. покорнѣйше проситъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

ТРЕБОВАНІЯ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЮ.

